

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

ГЕНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

НА 1838 ГОДЪ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія выходитъ ежемѣсячно, состоя изъ шести Отдѣленій:

I. *Дѣйствія Правительства.*

Всѣ вновь выходящія по Министерству Указы и Постановленія; важнѣйшія временныя мѣры и распоряженія; извѣстія объ опредѣленіи, перемѣщеніи, увольненіи и награжденіи разныхъ лицъ. Сіе Отдѣленіе подраздѣляется на 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія. Въ первой половинѣ года помѣстится обозрѣніе дѣйствій Правительства за истекшій годъ.

II. *Словесность, Науки и Художества.*

Оригинальныя и переводныя статьи по части Религіи, Философіи, Правовѣдѣнія, Нравоученія, Педагогики, Исторіи, Литтературы, отечественнаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; взгляды на Исторію разныхъ Наукъ и на нынѣшнее состояніе оныхъ.

III. *Извѣстія о Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ въ Россіи.*

Извѣстія о трудахъ Академій, Университетовъ и Ученыхъ Обществъ, ихъ засѣданіяхъ, публичныхъ Актахъ и лекціяхъ, о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній и о частныхъ пожертвованіяхъ въ ихъ пользу.

IV. *Извѣстія объ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.*

Извѣстія о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній въ разныхъ странахъ и о мѣрахъ, употребляе-

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1838.

Československo
SLOVANSKÁ
KNIHOVNA
Ministerstva
Zahraničních Věcí
Praha.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
1838.

№ I. Генварь.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ.)

63. (2 Декабря) *О принятіи въ руководство по Министерству Народнаго Просвѣщенія изданныхъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Правилъ объ отчетности въ казенныхъ постройкахъ и заготовленіяхъ, производимыхъ хозяйственнымъ образомъ.*

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 2 Декабря, повелѣно принять въ руководство по Министерству Народнаго Просвѣщенія Высочайше утвержденныя въ 10 день Сентября 1831 года по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ Правила объ отчетности по казеннымъ постройкамъ и заготовленіямъ, произво-

димымъ хозяйственнымъ образомъ, которыя изложены Свода Законовъ, тома XII, Уставовъ Государственнаго Благоустройства, книги 2-й въ Уставахъ Строительныхъ.

64. (7 Декабря) *О раздѣленіи изъ положенныхъ при Гимназіяхъ Дерптскаго Учебнаго Округа десяти стипендій для бѣдныхъ учениковъ, четырехъ на двѣ равныя части.*

По внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Комитетъ Гг. Министровъ запискѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно Положенію Комитета, въ 7 день Декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ назначенныхъ по Высочайше утвержденному 4 Іюня 1820 года Уставу Учебныхъ Заведеній Дерптскаго Учебнаго Округа, при каждой Гимназіи сего Округа, десяти стипендій по триста рублей въ годъ для бѣдныхъ учениковъ тѣхъ Гимназій, четыре раздѣлить на двѣ половины, т. е. по сту пятидесяти рублей въ годъ, а остальныя при каждой Гимназіи шесть стипендій, назначать на прежнемъ основаніи, въ полномъ количествѣ.

65. (14 Декабря) *О назначеніи платы съ Своекоштныхъ Воспитанниковъ Пансіона при Гимназіи Ришельевскаго Лицея по девятисотъ рублей въ годъ съ каждаго.*

По разсмотрѣніи представленія Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа и смѣты расходовъ на содержаніе 50 питомцевъ въ Пансіонѣ при Гимназіи Ришельевскаго Лицея, Г. Министръ Народнаго

Просвѣщенія ходатайствовалъ чрезъ Комитетъ Гг. Министровъ о повелѣніи, дабы съ Своекоштныхъ Воспитанниковъ Пансіона, учреждаемаго при Гимназіи Ришельевскаго Лицея, была на первый разъ назначена плата по девятисотъ рублей за каждаго, и дабы сверхъ сего предоставлено было усмотрѣнію и разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія всякое дальнѣйшее, по возможности, уменьшеніе сей платы.

По Положенію о семъ Комитета, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 14 день Декабря сказанное представленіе Высочайше утвердить соизволилъ.

66. (14 Декабря) *О раздѣленіи 3-хъ низшихъ классовъ Полтавской Гимназіи, каждаго на два отдѣленія, съ опредѣленіемъ для обученія въ оныхъ пяти добавочныхъ Учителей.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: состоящіе нынѣ три низшіе класса Полтавской Гимназіи раздѣлить на параллельные имъ классы и для обученія въ оныхъ опредѣлить пять Учителей, которымъ производить жалованья изъ Государственнаго Казначейства по тысячѣ двѣсти рублей въ годъ каждому и присвоить преимущества, предоставленныя Уставомъ Учебныхъ Заведеній 8 Декабря 1828 года Младшимъ Учителямъ Гимназій.

67. (14 Декабря) *О прибавкѣ къ жалованью Учителямъ Рисованія въ Уѣздныхъ Училищахъ.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 14 день сего Декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ: Учителямъ Рисованія, Черченія и Чистописанія въ Уѣздныхъ Училищахъ, образованныхъ по Штатамъ 8 Декабря 1828 года, кромѣ Кавказской Области и Земли Черноморскаго Войска, производить, сверхъ положеннаго по симъ Штатамъ оклада, еще до трехъсотъ рублей въ годъ прибавочнаго жалованья, изъ экономическихъ суммъ тѣхъ Училищъ, по усмотрѣнію Начальствъ ихъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

68. (14 Декабря) *Объ учрежденіи при Чембарскомъ Уѣздномъ Училищѣ Благороднаго Пансіона.*

Одобривъ доставленные Г. Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сѵнода проекты Положенія и смѣты расходовъ для Пансіона, учреждаемаго по постановленію Пензенскаго Дворянства, на счетъ онаго, при Уѣздномъ Училищѣ въ городѣ Чембарѣ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ сіи проекты къ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который увѣдомилъ его, что Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе его представленія изволилъ

14 Декабря изъявить Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе означеннаго постановленія Пензенскаго Дворянства, съ тѣмъ, чтобы предполагаемый симъ постановленіемъ сборъ денегъ съ помѣщиковъ былъ производимъ тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ дополненіемъ къ 512 ст. Продолж. 4 т. Свода Зак. Уст. о Земскихъ повинностяхъ, для сбора денегъ жертвуемыхъ Дворянствомъ на учрежденіе и содержаніе Пансіоновъ при Гимназіяхъ: при чемъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества Повелѣніе: «благодарить чрезъ М: В: Дѣлъ.»

69. (23 Декабря) *О цензурѣ Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлисѣ.*

По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на основаніи заключенія Главнаго Управленія Цензуры о разсматриваніи Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлисѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разсматриваніе книгъ, издаваемыхъ въ Тифлисѣ на тамошнихъ нарѣчіяхъ, подчинить вѣдомству Главноуправляющаго Грузіею, Кавказскою и Закавказскими Областями.

70. (23 Декабря) *О дозволеніи Ординарному Профессору Ульману издавать въ Дерптѣ повременное сочиненіе.*

Въ 23 день Декабря послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества Повелѣніе о дозволеніи Ординарному Профессору Ульману из-

давать въ Дерптѣ повременное сочиненіе подъ заглавіемъ: Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.

71. (24 Декабря) *О дополнительной по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія вѣдомости къ росписанію должностей по классамъ и къ разрядамъ по пенсіямъ и по мундирамъ.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 24 день Декабря Высочайше утвердить соизволилъ дополнительное росписаніе должностей по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ отнесеніемъ ихъ къ соотвѣтственнымъ классамъ должностей и разрядамъ пенсіонныхъ окладовъ и мундировъ.

Государь Императоръ разсматривать изволилъ, въ С. Петербургѣ, 24 Декабря 1837 года.

Статсъ-Секретарь Бахтинъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

по вѣдомству

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВѢДОМОСТЬ

КЪ РОСПИСАНІЮ ДОЛЖНОСТЕЙ ПО КЛАССАМЪ И КЪ РАЗРЯДАМЪ ПО ПЕНСІЯМЪ И ПО МУНДИРАМЪ.

I. *По росписанію должностей по классамъ.*	Классы.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управленія фундушами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студентовъ въ Университетахъ	VI.
Директоры Гимназій и Училищъ. . . .	VI.
Инспекторы Гимназій, при которыхъ учреждены Благородные Пансіоны. . . .	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Университета	VIII.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	IX.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народнаго Просвѣщенія.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	XII.

	Классы.
Смотрители за домами, магазинами и матеріалами и пріемщики объявленій при Московской Университетской Типографіи.	XIV.
Педели при Университетахъ и Лицеяхъ (за урядъ).	XIV.
Чины Временныхъ Штатовъ.	
а) *По постройкѣ Главной Обсерваторіи.*	
Главный Архитекторъ	VI.
Каменныхъ дѣлъ мастеръ.	IX.
Коммиссаръ.	IX.
Чертежники.	XIV.
Секретарь.	IX.
Главный Бухгалтеръ.	IX.
Помощникъ Бухгалтера	XIV.
Кассиръ.	IX.
б) *Строительнаго при Казанскомъ Университетѣ Комитета.*	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь. . . .	IX.
Коммиссіонеръ.	XII.
в) *Строительнаго Комитета при Ришельевскомъ Лицеѣ.*	
Архитекторъ-Строитель.	VI.
Помощникъ Архитектора - Строителя, онъ же и Коммиссаръ.	IX.
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ. . .	X.
II. *По разрядамъ мундировъ.*	Разряды
Почетные Попечители Гимназій. . .	V.
Правитель Канцеляріи Департамента Народнаго Просвѣщенія.	VI.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VI.

	Разряды
Инспекторы Казенныхъ Училищъ. . . .	VI.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управленія фундушами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студентовъ въ Университетахъ.	VI.
Директоры Гимназій и Училищъ . . .	VI.
Инспекторы Гимназій, при которыхъ учреждены Благородные Пансіоны. . .	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ.	VII.
Наблюдатель при Университетской Обсерваторіи въ Дерптѣ.	VII.
Члены Археографической Коммиссіи. . .	VII.
Библіотекарь Департамента Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Смотритель за Щукинымъ дворомъ. . .	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Университета.	VIII.
Старшій Помощникъ Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Правители Канцелярій при Попечителяхъ Учебныхъ Округовъ.	VIII.
Библіотекари Университетскіе.	VIII.
Правитель дѣлъ Археографической Коммиссіи.	VIII.
Смотритель Конвикта для бѣдныхъ Дворянъ при 1-й Кіевской Гимназіи. . .	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Докторовъ.	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Штабъ-Лекарей или Медикохирурговъ.	IX.
— — — званіе Лекарей.	X.
Издатель вѣдомостей при Московскомъ Университетѣ.	IX.
Книгохранитель Департамента Народнаго Просвѣщенія.	IX.
Помощники Инспекторовъ Студентовъ.	IX.
Столоначальники въ Канцеляріяхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	IX.

	Разряды
Секретарь Правленія Ришельевскаго Лицея.	IX.
Секретари Совѣтовъ Университетскихъ.	IX.
Старшій Учитель Русскаго языка и Словесности въ Ревельскомъ Дворянскомъ Домскомъ Училищѣ.	IX.
Учитель Геодезіи и черченія въ Училищѣ Землемѣровъ при 1-й Кіевской Гимназіи.	IX
Секретарь Библіотеки Университета Св. Владиміра.	IX.
Чиновники Археографической Коммиссіи.	IX.
Художники Археографической Коммиссіи.	IX.
Помощники Прозекторовъ.	IX.
Помощники издателя вѣдомостей при Московскомъ Университетѣ	X.
Архитекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ.	X.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	X.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народнаго Просвѣщенія.	X.
Помощники Столоначальниковъ въ Канцеляріяхъ Учебныхъ Округовъ	X.
Учители рисованія въ Университетахъ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.	X.
Помощники Начальниковъ Университетскихъ Типографій.	X.
Учители музыки и пѣнія при начальной Учительской Семинаріи въ Дерптѣ. .	X.
Бухгалтеръ Университетской Типографіи въ Москвѣ.	X.
Факторы Университетскихъ Типографій.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	X.
Учители музыки и пѣнія при Гимназіяхъ Дерптскаго Учебнаго Округа. . . .	X.

Чины Временныхъ Штатовъ.	Разряды
а) *По постройкѣ Главной Обсерваторіи:*	
Главный Архитекторъ.	VII.
Каменныхъ дѣлъ мастеръ.	IX.
Коммиссаръ.	IX.
Чертежники.	X.
Секретарь.	IX.
Главный Бухгалтеръ.	IX.
Кассиръ.	IX.
б) *Строительнаго при Казанскомъ Университетѣ Коммитета.*	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь. . . .	IX.
Коммиссіонеръ.	X.
в) *Коммитета для возведенія зданій Ришельевскаго Лицея.*	
Архитекторъ-Строитель.	VII.
Помощникъ Архитектора-Строителя, онъ же и Коммиссаръ.	X.
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ. . . .	IX.

III. *По разрядамъ пенсій.*

Правитель Канцеляріи Департамента Народнаго Просвѣщенія.	III разр. 2 ст. 1500 р.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	III — 2 — 1500 —
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управленія фундушами и имѣніями. . . .	III — 2 — 1500 —
Члены Археографической Коммиссіи.	V — 1000 —
Старшій Помощникъ Редак-	

	Разряды.
тора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	V — 1000 р.
Библіотекари Университетскіе.	V — 1000 —
Смотритель за Щукинымъ дворомъ.	VI — 750 —
Правители Канцелярій при Попечителяхъ Учебныхъ Округовъ.	VI — 750 —
Правитель дѣлъ Археографической Коммиссіи. . . .	VI — 750 —
Секретарь Библіотеки Университета Св. Владиміра.	VI — 750 —
Начальники Университетскихъ Типографій (кромѣ Московской).	VI — 750 —
Чиновники Археографической Коммиссіи.	VII — 600 —
Столоначальники въ Канцеляріяхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	VIII — 450 —
Секретарь Правленія Ришельевскаго Лицея.	VIII — 450 —
Архитекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ. .	VIII — 450 —
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи. . . .	VIII — 450 —
Секретари Совѣтовъ Университетскихъ.	VIII — 450 —
Художники Археографической Коммиссіи.	VIII — 450 —
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. .	VIII — 450 —
Помощники Столоначальниковъ въ Канцеляріяхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	IX — 300 —
Помощники Начальниковъ Университетскихъ Типографій (кромѣ Московской). . .	IX — 300 —

	Разряды
Факторы Университетскихъ Типографій (кромѣ Московской)	IX — 300 р.
Чины Временныхъ Штатовъ.	
а) *По постройкѣ Главной Обсерваторіи.*	
Главный Архитекторъ. . .	III разр. 2 ст. 1500 р.
Коммиссаръ.	VII — 600 —
Каменныхъ дѣлъ мастеръ. .	VIII — 450 —
Секретарь.	VIII — 450 —
Главный Бухгалтеръ. . . .	VIII — 450 —
Кассиръ.	VIII — 450 —
Чертежники.	IX — 300 —
Помощникъ Бухгалтера. . .	IX — 300 —
б) *Строительнаго при Казанскомъ Университетѣ Комитета.*	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретарь.	VIII — 450 —
Коммиссіонеръ.	IX — 300 —
в) *Комитета для возведенія зданій Ришельевскаго Лицея:*	
Архитекторъ-Строитель. .	III разр. 2 ст. 1500 р.
Помощникъ Архитектора-Строителя, онъ же и Коммиссаръ.	VIII — 450 —
Секретарь, онъ же и Бухгалтеръ.	VIII — 450 —

Подлинное подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія *Сергій Уваровъ.*

72. (30 Декабря) *Объ учрежденіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ каѳедры Россійской Исторіи съ опредѣленіемъ на оную Экстраординарнаго Профессора.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учредить каѳедру Россійской Исторіи, съ опредѣленіемъ на оную Экстраординарнаго Профессора, коему производить жалованья по двѣ тысячи восьмисотъ рублей и квартирныхъ по восьмисотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ Института.

73. (30 Декабря) *Объ опредѣленіи, въ какомъ классѣ должностей и въ какихъ разрядахъ по пенсіи и мундиру считать званіе Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ на представленіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Государю Императору благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе: распространить на Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія права Директоровъ Канцелярій другихъ Министерствъ, и въ слѣдствіе того: 1) не вносить сего званія въ росписаніе должностей по классамъ, и 2) отнести его по пенсіи ко второму, а по мундиру къ четвертому разрядамъ.

74. (30 Декабря) *О сокращеніи однимъ годомъ курса ученія въ Первой С. Петербургской Гимназіи.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 30 день Декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: сократить нынѣ въ Первой С. Петербургской Гимназіи курсъ ученія однимъ годомъ, такъ чтобы, вмѣсто семи лѣтъ, оканчивался оный въ шесть лѣтъ, съ распространеніемъ сего же, по усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, и на другія Гимназіи, въ коихъ воспитываются дѣти благороднаго сословія и признано будетъ нужнымъ прекратить пріемъ вольноприходящихъ учениковъ.

Опредѣленія и награжденія.

Опредѣлены:

По Главному Управленію Цензуры.

Статскій Совѣтникъ *Гаевскій* — независимо отъ должности Вице-Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, оставленъ при временномъ исправленіи обязанности Цензора при С. Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ (23 Декабря); Ординарные Профессоры Университета Св. Владиміра *Богородскій* и *Новицкій* опредѣлены Цензорами Кіевскаго Цензурнаго Комитета (26 Декабря).

По Университетамъ:

По Дерптскому: Ординарный Профессоръ *Нейе* — Ректоромъ на 1838 годъ (7 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Харьковскому: Чиновникъ 6 класса *Тулиновъ* — Почетнымъ Попечителемъ Воронежской Гимназіи на слѣдующее трехлѣтіе (14 Декабря).

По Кіевскому: Отставной Прапорщикъ *Моршицкій* — Почетнымъ Попечителемъ Кіевскихъ Гимназій на остальное время текущаго трехлѣтія (7 Декабря).

По Одесскому: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ *Франкъ* — Почетнымъ Попечителемъ Таганрогской Гимназіи (14 Декабря).

Уволены:

По Ришельевскому Лицею.

Исправляющій должность Профессора *Городецкій* — отъ занимаемой имъ должности и отъ другихъ занятій на одинъ годъ для поправленія здоровья (7 Декабря).

По Кіевскому Учебному Округу.

Отставной Полковникъ *Монтрезоръ* — отъ должности Почетнаго Попечителя Кіевскихъ Гимназій, по прошенію (7 Декабря).

Награждены:

Подарками.

Начальникъ Горныхъ Инженеровъ Царства Польскаго *Жирардъ* (16 Декабря) и Профессоръ Виленской

Медикохирургической Академіи *Эйхвальдъ* (17 Декабря) — бриллiантовыми перстнями, за поднесеніе Его Величеству изданныхъ ими сочиненій: 1-мъ Описанія изобрѣтенныхъ имъ инструментовъ хронотермометра и метеорографа, а 2-мъ экземпляра 2-го Тома Путешествія его по Каспійскому морю и Кавказскимъ горамъ.

Членъ Коммиссіи Училища Сестренцевича, находящагося при здѣшней Римско-Католической церкви Св. Станислава, Смотритель С. Петербургскихъ Училищъ Титулярный Совѣтникъ *Эрке* — за службу его по званію Члена означенной Коммиссіи (23 Декабря).

Профессоръ Александровскаго Университета *Соловьевъ* — за пожертвованные имъ въ пользу Археографической Коммиссіи древніе Акты (28 Декабря).

От Ея Величества Государыни Императрицы:

Коллежскій Совѣтникъ *Кистеръ* — бриллiантовымъ перстнемъ, за поднесеніе сочиненныхъ имъ учебныхъ книгъ.

2. МИНИСТЕРСКІЯ

РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Декабрь мѣсяцъ).

51. (8 Декабря) *О введеніи дополнительныхъ курсовъ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ.*

Для отклоненія причинъ многочисленности учениковъ въ низшихъ классахъ Орловской Гимназіи, препятствующей успѣшному ходу ученія, и для доставленія возможности окончившимъ курсъ ученія въ тамошнемъ Уѣздномъ Училищѣ поступать прямо въ третій классъ Гимназіи, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чтобы въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ введено было преподаваніе Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, съ распространеніемъ предметовъ обученія въ оныхъ, соотвѣтственно объему ученія въ первыхъ двухъ классахъ Гимназіи.

52. (8 Декабря) *О введеніи параллельнаго класса въ Нижегородскомъ Пансіонѣ.*

По уваженію причинъ, изложенныхъ въ представленіи Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на открытіе въ Пансіонѣ при Нижегородской Гимназіи параллельныхъ классовъ для Фран-

цузскаго языка, съ порученіемъ преподаванія въ нихъ Учителю тамошней Гимназіи Монфору, съ производствомъ ему за сіе по пятисотъ рублей въ годъ изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ Пансіона.

53. (15 Декабря) *О дозволеніи имѣть при Оренбургской Дирекціи Бухгалтера.*

По представленію Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе при Оренбургской Дирекціи Училищъ Бухгалтера, съ жалованьемъ по пятисотъ рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ тамошней Гимназіи.

54. (22 Декабря) *О дозволеніи Профессору Дорну чтенія лекцій Санскритскаго языка.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ состоящему при Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Профессору Дорну открыть въ здѣшнемъ Университетѣ безмездное чтеніе лекцій Санскритскаго языка, въ такое время, которое бы не препятствовало настоящему расположенію учебныхъ часовъ.

55, (22 Декабря) *О преподаваніи Восточныхъ языковъ въ Астраханской Гимназіи.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ освободить учениковъ

Астраханской Гимназіи, обучающихся языкамъ Персидскому и Татарскому, отъ изученія языковъ Славянскаго и Нѣмецкаго, высшихъ частей Математики и Физики, Черченія и Рисованія, по примѣру обучающихся Восточнымъ языкамъ въ Первой Казанской Гимназіи.

56. (30 Декабря) *О дозволеніи ввести въ Александрійскомъ Уѣздномъ Училищѣ преподаваніе Латинскаго и Французскаго языковъ.*

Г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа входилъ съ представленіемъ о дозволеніи Учителю Русскаго языка при Александрійскомъ Уѣздномъ Училищѣ Быковскому преподавать при ономъ Латинскій, а Учителю Историческихъ Наукъ Абышкину Французскій языкъ, безъ всякаго жалованья за сей трудъ.

На сіе Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія изъявлено согласіе.

Опредѣленія и увольненія.

Опредѣлены:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Уволенный отъ военной службы Поручикъ *Чеховъ* — Помощникомъ Бухгалтера и Контролера (14 Декабря).

По Университетамъ.

По Московскому: Директоръ Вѣнской Обсерваторіи, Профессоръ-Астрономъ *Литровъ* — утвер-

жденъ Почетнымъ Членомъ Университета (22 Декабря).

По Университету Св. Владиміра: Кандидатъ Дерптскаго Университета *Өедоровъ* — Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора по каѳедрѣ Астрономіи (11 Декабря); Ординарный Профессоръ *Богородскій* — Проректоромъ и Деканомъ Юридическаго Факультета на одинъ годъ (31 Декабря); уволенный отъ Военной службы для опредѣленія къ Статскимъ дѣламъ съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника, прикомандированный къ Дворянскому Полку Штабсъ-Капитанъ *Сахапскій* — Помощникомъ Инспектора Студентовъ (15 Декабря).

По Ришельевскому Лицею.

Надворный Совѣтникъ *Деларю* — Инспекторомъ (1 Декабря); Архитекторъ 8 класса *Дихтъ* — Строителемъ зданій Лицея (31 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Подпоручикъ *Варенцовъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Галичскаго Уѣзднаго Училища (31 Декабря); отставной 9 класса *Ивановъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Мологскаго Уѣзднаго Училища (22 Декабря).

По Харьковскому: Полковникъ *Мельниковъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Втораго Донскаго Окружнаго Училища (15 Декабря).

По Бѣлорусскому: Исправляющіе должности Директоровъ Училищъ: Виленской Губерніи — Надворный Совѣтникъ *Устиновъ*, Минской Губерніи — Коллежскій Ассессоръ *Орловъ*, и Динабургской Гимназіи — Коллежскій Совѣтникъ *Островскій* — утверждены въ званіи Директоровъ означенныхъ Училищъ (8 Декабря); Медикохирургъ *Гайдатель* — Врачемъ при

Слонимскомъ Уѣздномъ для Дворянъ Училищѣ съ оставленіемъ его и въ настоящей должности тамошняго Уѣзднаго Врача (22 Декабря).

Уволены:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Надворный Совѣтникъ *Томашевскій* — отъ должности Чиновника особыхъ порученій, по прошенію (30 Декабря).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: Адъюнктъ-Профессоръ *Палибинъ* — отъ занимаемой имъ должности, по прошенію (30 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Флота Капитанъ-Лейтенантъ *Унковскій* — отъ должности Директора Московскаго Дворянскаго Института, по прошенію (31 Декабря); Подпоручикъ *Ельчаниновъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Угличскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (22 Декабря).

По С. Петербургскому: Статскій Совѣтникъ *Левенгагенъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Островскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (31 Декабря).

По Харьковскому: Почетный Смотритель Ставропольскаго Высшаго Уѣзднаго Училища *Серебряковъ* — отъ занимаемой имъ должности, по случаю преобразованія Ставропольскаго Уѣзднаго Училища въ Кавказскую Областную Гимназію (15 Декабря).

По Казанскому: Почетный Смотритель Орловскаго Уѣзднаго Училища *Сипягинъ* — отъ занимаемой имъ должности, по прошенію (22 Декабря).

II.

НАУКИ.

1.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ РОССІИ,

РѢЧЬ,

произнесенная въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Дерптскомъ Университетѣ, въ высокоторжественный день Тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, Профессоромъ Русскаго языка и Русской Словесности М. Розбергомъ (*).

Le peuple russe n'est pas une bagatelle.

Napoléon.

La Russie, jeune encore au milieu du vieux continent, grandit depuis un siècle avec une rapidité singulière. Son avenir est d'un poids immense dans nos destinées. . . . . .

Les destins de la Russie sont aujourd'hui le champ ouvert à toutes les méditations. Ces terres du Septentrion ont déjà plusieurs fois jeté le torrent de leurs peuples à travers l'Europe et l'Asie. Les Français de nos temps ont vu, entre autres merveilles, paître dans les gazons des Tuilleries des chevaux qui avaient coutume de brouter l'herbe au pied de la grande muraille de la Chine.

Victor Hugo.

Мм. Гг.

Торжество, насъ теперь соединяющее, посвященное Тезоименитству ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО Ве-

---

(*) Рѣчь эта была произнесена на Французскомъ языкѣ.

личества Государыни Императрицы, семейному празднику для всей Россіи, должно невольно возносить мысли наши къ судьбамъ нашего славнаго Отечества,—къ судьбамъ этой обширной Державы, о коей одинъ знаменитый Писатель справедливо сказалъ, что ее надобно разсматривать не наровнѣ съ прочими Государствами, но какъ особую часть Свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на ея географическое положеніе, почти неприступное, на безмѣрное пространство ея владѣній, на ея неистощимыя средства, на разнообразіе ея климатовъ, благопріятствующихъ всѣмъ родамъ промышлености, на моря, ее омывающія, большія рѣки, пересѣкающія ее по всѣмъ направленіямъ, на ея народъ трудолюбивый, умный, неустрашимый, говорящій однимъ изъ самыхъ изящныхъ языковъ, которые когда-либо звучали на Земномъ Шарѣ: мы невольно сознаемся, что Россія занимаетъ важное мѣсто въ общемъ составѣ человѣчества. Бытописанія подтверждаютъ это мнѣніе, принятое даже закоренѣлыми врагами нашими, еще не вполнѣ ослѣпленными завистью и ненавистью. Громъ оружія нашего раздавался въ ледяныхъ степяхъ Лапландіи, на берегахъ По, Сены и Евфрата, на волнахъ Архипелажскихъ, подъ стѣнами Константинополя, у подошвы Арарата и въ Америкѣ.

Государство, обнаруживающее столь могучую внѣшнюю дѣятельность, не можетъ существовать напрасно; оно должно имѣть цѣль, предопредѣленную Провидѣніемъ, и достигаетъ этой цѣли, проходя разныя измѣненія своего развитія вещест-

веннаго, общественнаго и нравственнаго. По всей вѣроятности, Россіи суждено прекратить кровавые раздоры Запада съ Востокомъ, согласить ихъ распри, кончить ихъ долгую тяжбу и слить въ необъятномъ лонѣ своемъ разнородныя стихіи обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Иродотъ, Историкъ болѣе поэтическій, нежели Философъ, первый замѣтилъ борьбу Европы съ Азіею. Борьба сія не случайная; она не происходитъ ни отъ честолюбія, ни отъ прихоти людей, — причинъ второстепенныхъ, побочныхъ; борьба сія необходима и неизбѣжна. Это война двухъ разнородныхъ образованій (civilisations), двухъ противоположныхъ стремленій: война духа Западнаго съ духомъ Восточнымъ. Они враждуютъ съ самой отдаленной эпохи, и каждый ищетъ подавить другаго. Чѣмъ кончится брань сія? кто будетъ вѣнобнецъ побѣдителемъ и побѣжденнымъ? Философія Исторіи не предсказываетъ будущаго, не вникаетъ въ тайники Провидѣнія. Она можетъ только опредѣлить, разсматривая событія, какой, по видимому, законъ обнаруживается въ борьбѣ, нами обозначенной, и какому правилу повиновались происшествія, съ нею соединенныя.

Но сей законъ, сіе правило, мы смѣло говоримъ это, есть возрастающее могущество Сѣвернаго міра. Бросимъ бѣглый взглядъ на Исторію.

Европейскій міръ возникаетъ въ Греціи: здѣсь начинается возстаніе Запада противъ Востока. Греція, за 1500 лѣтъ до Р. Х., вся принадлежитъ Восточнымъ поселеніямъ. Все тамъ Египетское, Фригійское; все, наконецъ, дышитъ Азіею. Ел-

линское племя, поколѣнія Іапета и баснословнаго Промееея набѣгаютъ съ Кавказа и возмущаютъ господство недвижнаго образованія. Они торжествуютъ оружіемъ, какъ всегда Сѣверъ торжествуетъ симъ средствомъ надъ Полуднемъ; но Восточные нравы скоро побѣждаютъ ихъ: они становятся добычею Азіи: немедленно являются Ираклиды; закаленные въ обычаяхъ и духѣ Сѣвера, они снова начинаютъ возстаніе Запада, и для Греціи дѣлаютъ то же, что Карловинги сдѣлали для Франціи. Ираклиды водворяютъ въ Греціи духъ Западный, какъ во Франціи Карловинги водворили владычество Германскаго духа. Они останавливаютъ Грецію на перевѣсѣ къ образованію Азійскому, какъ остановили Карловинги Францію на перевѣсѣ къ старому Римскому образованію. Они создаютъ для нея новую судьбу. Со времени Ираклидовъ существуетъ уже Европа, существуетъ міръ Западный, еще слабый и стѣсненный въ небольшой странѣ, но способный противостоять нападеніямъ своего соперника и упрямо приверженный къ собственнымъ обычаямъ.

Война Персидская разительнымъ образомъ доказываетъ сказанное нами. Востокъ, раздраженный сопротивленіемъ этой ничтожной Европы, воздвигаетъ противъ нея свои безчисленныя войска. Онъ хочетъ задавить раждающійся Западный міръ всею тяжестію міра Азійскаго. Онъ побѣжденъ при Мараеонѣ, Саламинѣ, Платеѣ, небольшихъ сраженіяхъ, если смотрѣть на число побѣдителей, но важныхъ и великихъ, если обратимъ вниманіе на ихъ послѣдствія: ибо они рѣшили участь Евро-

пейскаго образованія. И Провидѣніе, которое вѣнчаетъ славою подвиги человѣческіе по мѣрѣ того, какъ они болѣе или менѣе относятся къ цѣлямъ его, даровало побѣдамъ Грековъ славу несокрушимую.

Претерпѣвъ пораженіе при Саламинѣ и Платеѣ, *Востокъ* началъ выжидать время и развращать роскошью своихъ нравовъ. Скоро Греція опять стала клониться къ Азіи. Великій Царь, съ эпохи Анталкидскаго договора, располагаетъ по своей волѣ жребіемъ Греціи. Что будетъ съ Европейскимъ міромъ? Не бойтесь за него: на Сѣверѣ, какъ и всегда, возникаетъ Держава, призванная внести оружіе въ самую средину Азіи. Это Держава Македонская; но подвигъ ея великъ и непродолжителенъ. Преемники Александра отдаются Азіи: Птоломеи, Селевки не иное что, какъ Цари Восточные. Востокъ, отступившій предъ Западомъ, возвращается, захватываетъ своего соперника, и готовъ его уничтожить. Является Римъ — Востокъ побѣжденъ снова. Каждый разъ потери его значительнѣе, пораженіе его обширнѣе; не смотря на то, онъ все еще удерживаетъ свое первенство, и если не умѣетъ побѣждать, по крайней мѣрѣ умѣетъ поглощать своихъ побѣдителей.

На чемъ основано это первенство, переживающее столько бѣдствій? На обстоятельствѣ рѣшительномъ: Востокъ имѣетъ на своей сторонѣ большинство образованныхъ народовъ. Какіе народы въ тогдашнее время были напитаны духомъ Европейскимъ? Греки и Римляне: Греція и Италія

составляли всю Европу, и въ этой тѣсной Европѣ сколько еще Азіатскаго! Рабство, домашняя неволя женщинъ, и скоро въ Римѣ деспотизмъ. Посмотрите, напротивъ, сколько странъ образованныхъ по духу Восточному: Египетъ, Сирія, Понтъ, Арменія, Греческія поселенія въ Азіи, которыя каждый день все болѣе и болѣе сближались съ нею по обычаямъ, понятіямъ, Вѣрѣ. Слѣдовательно, Востокъ имѣлъ на своей сторонѣ количественное большинство образованныхъ народовъ, и даже въ Европейскомъ мірѣ большинство понятій принадлежало также ему.

Вотъ чѣмъ объясняется въ древнемъ мірѣ преимущество Востока и та чудесная сила, съ какою онъ поглощалъ, однихъ за другими, всѣхъ своихъ побѣдителей: Грековъ, Македонянъ, Римлянъ. Римъ есть послѣдняя, величайшая его добыча, и, посмотрите, сколько употребилъ онъ времени на пріобрѣтеніе оной, начиная отъ Лукулла, перваго Азіатскаго Римлянина, до Діоклетіана, при которомъ преобразованіе совершилось: не только Востокъ потерялъ много времени, — ему еще надобно было сдѣлать важныя уступки. Сравните въ этомъ отношеніи поглощеніе Державы Македонской съ поглощеніемъ Римской Державы: какая разница! Сколько первое, не говорю уже быстрѣе, но очевиднѣе, вѣрнѣе втораго! Во время преобразованія Македонянъ, рабство съ одной стороны и порабощеніе женщинъ съ другой, остаются неприкосновенными. Во время Римскаго преобразованія, рабство начинаетъ колебаться, и женщины освобождены. Это поглощеніе неполное, трудное,

показываетъ, что сила Азійскаго образованія начинала уже слабѣть, и что Европейское образованіе постепенно росло и усиливалось. Въ тогдашнюю эпоху, міръ представлялъ собою нѣчто среднее: онъ былъ Полуазіатскій, Полуевропейскій. Это скорѣе было смѣшеніе, нежели сродство; такое состояніе общества любопытно наблюдать въ послѣдовательномъ порядкѣ Римскихъ Императоровъ; оба духа, борющіеся въ Государствѣ: духъ Восточный и духъ Европейскій, попеременно имѣютъ Императоровъ, каждый своей школы. Адріанъ принадлежитъ школѣ Азійской, Маркъ-Аврелій школѣ Европейской.

Вскорѣ Христіанство озарило животворнымъ свѣтомъ своимъ Востокъ и Западъ (*). Но хотя Церковь на Западѣ въ послѣдствіи подъ управленіемъ Папъ и приняла цвѣтъ Европейскій, Константинъ воздвигалъ престолъ Имперіи на предѣлахъ Востока, и Востокъ такимъ образомъ все еще первенствовалъ: большинство было на его сторонѣ. Галлія, отчасти покоренная Западному образованію, не вознаграждала отложенія Имперіи Римской, съ каждымъ днемъ болѣе рѣшительнаго.

Общество не могло оставаться въ этой нерѣшимости. Востокъ былъ смѣшанъ съ Европою. Оба противоположные міра, отъ взаимнаго тренія, ослабѣвали и теряли свою естественную твердость. Надобно было, чтобы или одинъ изъ нихъ поглотилъ другаго, или каждый обратился къ сво-

---

(*) Скажемъ ниже нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, который никакъ не можетъ быть оставленъ безъ особаго вниманія. *Ред.*

ему природному генію. Такое стремленіе обнаружилось двумя великими событіями: однимъ, чисто Европейскимъ — вторженіемъ Варваровъ, другимъ чисто Азійскимъ — закономъ Магомета.

Варвары нахлынули вмѣстѣ изъ всѣхъ глубинъ Сѣвера. Тогда Европа еще разъ была основана, но прочнѣе нежели во времена Ираклидовъ, Александра или Рима. Полторы тысячи лѣтъ независимости и настоящее преимущество Запада надъ Востокомъ неопровержимо доказываютъ величіе этого новаго основанія.

Вторженіе Варваровъ еще не доставило Европѣ большинства голосовъ въ мірѣ; но по крайней мѣрѣ установилось равенство: Европейское образованіе, съ этой эпохи, имѣя на своей сторонѣ Францію, Англію, Испанію и Германію, смѣло ратовало противъ образованія, ему враждебнаго, которое уже не могло ни побѣдить его, ни подвергнуть исключительному своему вліянію. Сіе равенство существовало пятнадцать вѣковъ. Россія, тому назадъ сто лѣтъ и болѣе, вступила въ общую сферу Европы. Тутъ на сторону Европы перешло большинство, и преимущество, которое есть слѣдствіе онаго.

Востокъ, рѣзко отвергнутый Европою въ эпоху вторженія Варваровъ, не замедлилъ отмстить. Въ седьмомъ вѣкѣ является Магометъ. Магометъ есть самое блестящее противодѣйствіе Востока образованію Западному; это есть возвращеніе къ рабству, къ неволѣ женщинъ, постановленіямъ составляющимъ основаніе Востока. Магометъ освободилъ Азію отъ всего, что въ ней

было Европейскаго, какъ Варвары освободили Европу отъ всего, что она имѣла Азіатскаго.

Съ этого времени, оба враждебныя образованія взаимно наблюдаютъ одно за другимъ, безпрестанно борются, и побѣда колеблется еще долго. Завоеванія Аравитянъ отплачиваютъ за вторженіе Варваровъ; Крестовые походы — возмездіе завоеваніямъ Аравитянъ, а Турки, наконецъ, возмездіе Крестовымъ походамъ. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ новой эпохи, оба противоположные міра не перестаютъ сталкиваться. Однакожь, въ продолженіе тысячи пятисотъ лѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ поглотить другаго. Отъ чего это? отъ равенства силъ. Условіе поглощенія есть несоразмѣрность способовъ. Въ древности, Востокъ поглощалъ Западъ, ибо преимущество и большинство были на его сторонѣ. Когда пришли Варвары, когда Европа начала имѣть въ мірѣ равенство силъ, тогда Востокъ совершенно потерялъ свое первенство, но Европа еще не пріобрѣтала его: отсюда равновѣсіе и равенство борьбы.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ такой порядокъ вещей начинаетъ измѣняться. Европа растетъ и укрѣпляется; Востокъ падаетъ; дикое мужество Оттомановъ изнемогаетъ мало по малу. Лепантское сраженіе наноситъ роковой ударъ морской силѣ Азіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, побѣды Принца Евгенія и Іоанна Собіескаго болѣе и болѣе колеблютъ исполина. Наконецъ, въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, Россія выходитъ на сцену и Англія распространяетъ свое владычество въ Индіи. Съ того

времени установился перевѣсъ, который Европа имѣетъ теперь надъ Востокомъ. Лишь только сей перевѣсъ рѣшился въ пользу новаго міра, Западъ устремляется на Востокъ съ неукротимою быстротою.

Двѣ силы содѣйствовали непреодолимому могуществу такого движенія: сила оружія и сила образованности. Западъ не забылъ своего стариннаго первенства въ битвахъ; кромѣ сего, нравы и понятія его покоряютъ племена, коихъ щадитъ его оружіе. Этотъ перевѣсъ нравовъ, Искусствъ и Наукъ, прежде помогавшій Востоку карать настоящихъ его побѣдителей, теперь — достояніе побѣдоносной Европы: она торжествуетъ надъ Востокомъ двойнымъ могуществомъ силы и Наукъ.

Странное дѣло, какъ всѣ происшествія, въ продолженіе послѣдняго шестидесятилѣтія содѣйствуютъ чудеснымъ образомъ сему завоеванію. Россія, которая, кажется, предназначена исполнить волю Провидѣнія надъ судьбами Востока, тѣснитъ Оттомановъ на Дунаѣ и въ Малой Азіи, подвигается въ Персію и ведетъ торговлю съ Китаемъ; Англія распространяется въ Индіи и направляетъ своихъ воиновъ, купцовъ, путешественниковъ, въ самую средину Бирманской Имперіи. Въ голову Бонапарта западаетъ мысль покорить Египетъ, и намѣреніе его тотчасъ исполнено. Греція, посредничествомъ Союзныхъ Державъ пріобрѣтаетъ независимость; Турецкій флотъ уничтоженъ при Наваринѣ. Россія переходитъ Балканы и предписываетъ миръ въ Адріанополѣ. Валахія и Молдавія изъяты отъ преобладанія Вос-

точнаго. Наконецъ, поелику самыя малыя причины нерѣдко производятъ великія слѣдствія, когда все уже было готово, Алжирскій Дей даетъ опахаломъ ударъ Французскому Консулу, и вотъ — Алжиръ превращается въ Европейское поселеніе. Ко всему этому прибавьте, что убѣдительность, вліяніе нашихъ понятій во время мира дѣлаютъ то, что дѣлаетъ во время войны наше оружіе, и, такимъ образомъ, ни одно мгновеніе не потеряно для торжества образованія Европейскаго. Турція мало по малу поддается нашимъ обычаямъ; Египетъ учится въ нашей школѣ; дѣйствительно, всюду Востокъ уступаетъ Европѣ; всюду Европа вооруженная или ученая тѣснитъ и завоевываетъ Востокъ.

Какое дивное, величавое зрѣлище открывается при видѣ сцѣпленія и хода этихъ законовъ Провидѣнія! Ламартинъ пышными стихами воспѣваетъ желудь, брошенный вѣтрами въ трещину скалы; скоро желудь становится деревцомъ, потомъ деревомъ, потомъ древомъ безмѣрнымъ, коего вѣтви осѣняютъ всю окрестную долину. Тому назадъ три тысячи съ половиною лѣтъ, также дубовый желудь, слабый ростокъ упалъ съ вершинъ Кавказа и изъ рукъ Промеѳея въ тѣсный уголъ Греціи: это геній Европы; онъ выросъ, онъ укрѣпился, не смотря на бури, и теперь гордо простирается надъ Вселенною. Какъ обширна, какъ велика, съ своими искусствами, законами, понятіями, съ паромъ, носящимъ ея суда, съ огнемъ, носящимъ ея мщеніе, эта Европа, которая, тридцать пять вѣковъ тому назадъ, помѣщалась вся подъ шатрами

сыновъ Еллина, въ какомъ-нибудь ущеліи скалъ Ѳессалійскихъ. Какъ поучительно слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сей колесницы новѣйшаго образованія, куда Промеѳей водрузилъ искру просвѣщенія, подобно зарѣ непогибающаго солнца, и которую устремилъ онъ въ пространство вѣковъ, да освѣщаетъ міръ! Сколько странъ, озаренныхъ въ ея тридцатипяти-вѣковомъ теченіи! Сколько она проложила и пролагаетъ еще путей! Смотрите, какимъ образомъ она вдругъ двадцатью вратами влетаетъ въ ограду Востока, то съ громомъ нашей артиллеріи, то съ книгами нашихъ Ученыхъ! Судьбы исполняются и приходятъ къ концу. Азія уступаетъ Европѣ.

Роль, занимаемая Отечествомъ нашимъ въ великой Драмѣ Исторіи, возбуждаетъ живое, сильное участіе, ибо тѣсно связана съ главными цѣлями рода человѣческаго. Человѣчество составляетъ одно гармоническое цѣлое, гдѣ каждое Государство образуетъ органъ необходимый для общаго состава, и одарено опредѣленными отправленіями. Въ древнемъ мірѣ, Греція, во всѣхъ созданіяхъ своихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, обнаруживаетъ преимущественно чувство Изящнаго; Римъ— силу дѣятельную и Право. Въ мірѣ новомъ Франція представляетъ жизнь общественную; Германія выражаетъ отвлеченіе и Науку, Англія, въ особенности, отличается промышленостію и торговлею. Эти Государства, эти разнообразныя отправленія сходятся въ обширныя единства, запечатлѣнныя болѣе или менѣе сходными свойствами и одинакою особностью. Не смотря на свои распри и треволненія, Европа

всегда изображала начало движенія, поступательности, развитія, однимъ словомъ начало духовное или умственное. Азія, напротивъ, въ частяхъ своихъ, въ постепенныя эпохи своего существованія, являетъ намъ начало покоя, коснѣнія, неподвижности, однимъ словомъ — начало плоти и пребыванія. Но двѣ противоположныя стихіи должны имѣть среду, гдѣ бы онѣ сливались, среду, которая обнимала бы ихъ и въ то же время была отъ нихъ отлична: такъ въ Химіи два вещества теряются въ произведеніи, гдѣ разнородныя свойства ихъ исчезаютъ, облекаясь въ другой видъ (*).

(*) Нѣтъ спору, что Западъ стремился къ усовершенствованіямъ всякаго рода: за то неподвижному Востоку самимъ предопредѣлено было блюсти въ нѣдрахъ своихъ отъ начала міра чистое Богопознаніе, которое наконецъ съ пришествіемъ на землю Спасителя озарило въ новомъ видѣ Вселенную. Никогда Западъ не въ силахъ будетъ воздать Востоку за этотъ Божественный даръ, коимъ Промыслъ доказалъ, какъ ничтожны всѣ стремленія человѣческой мудрости предъ свѣтомъ Небеснымъ, изнесеннымъ немногими учениками Божіими изъ среды народа, далеко уступавшаго въ образованности и Риму, владыкѣ Свѣта, и Греціи, наставницѣ Рима. И нынѣ тотъ же неподвижный Востокъ, презираемый образованнымъ Западомъ, угнѣтаемый Алкораномъ, хранитъ въ груди своей сіе Божественное ученіе, въ первобытной неизмѣнной чистотѣ, подобно неизмѣнному виду одежды своихъ Священнослужителей. Западъ представилъ намъ другое зрѣлище. Тамъ стремленіе къ усовершенствованіямъ, сдѣлавъ много полезнаго для образованности, дерзновенно прикоснулось и къ тому, что не должно подлежать никакой перемѣнѣ: за одними нововведеніями слѣдовали другія и дали поводъ къ Реформаціи. Но какъ торжество противодѣйствія всегда бываетъ слишкомъ далеко отъ должнаго равновѣсія, то и Реформація не могла остановиться въ предѣлахъ умѣренности: она еще повлекла за собою множество другихъ ученій, бѣдныхъ чувствомъ Вѣры, но обильныхъ злоупотребленіями разума, кото-

На Востокѣ, Правительства и народы кажутся равно неподвижными; перевороты тамъ большею частію внѣшніе: это завоеванія и нашествія, возмущающія поверхность общества, но рѣдко проникающія въ глубину его; они или производятъ безпорядокъ наружный, или оставляютъ вещи въ прежнемъ положеніи. На Западѣ, Правительства вообще неподвижныя, имѣли дѣло съ народами поступательными. Вотъ причина кровавыхъ неустройствъ, сопровождавшихъ, въ разныя времена, тяжкое развитіе Европейскаго образованія. Въ Россіи, напротивъ, народомъ всегда руководствовало Правительство; оно его усовершенствовало; оно шло впереди всѣхъ общественныхъ улучшеній. Это отличительное свойство нашего историческаго быта, патріархальнаго и вмѣстѣ поступательнаго, чуждаго Европѣ и Азіи, составляетъ нашу силу, нашу славу и прочную основу нашего могущества.

Россія не Азія и не Европа, но самостоятельный, особый міръ. Ложныя мнѣнія, распространенныя на ея счетъ, происходятъ отъ того, что объ ней часто судили по наведеніямъ и примѣрамъ, которые вовсе нейдутъ къ ней. Возникшая подъ вліяніемъ политическимъ Норманова, религіоз-

рый забылъ свою ограниченность. Обратимся же къ нашему любезному Отечеству. Будущее его предназначеніе должно быть соотвѣтственно тому вліянію, какое оно имѣетъ на судьбы Востока и Запада. Отъ перваго получило оно Вѣру истинную, отъ втораго заняло успѣхи гражданственности. Не очевидно ли, что ему предлежитъ быть нѣкогда примирительницею Востока съ Западомъ въ смыслѣ не только гражданскаго образованія, но и самой Вѣры? *Ред.*

нымъ и умственнымъ — Константинополя, она, даже въ первую эпоху своего существованія, являла рѣзкія черты, теперь ее обозначающія. Принужденная войти въ непріязненное столкновеніе съ Ордами Азійскими, она сначала оказываетъ имъ только оборонительное сопротивленіе; покоряется; занимаетъ ихъ, поглощаетъ въ своемъ объемѣ, и спасаетъ Западъ отъ ихъ нашествія. Наступательное противодѣйствіе ея начинается только въ княженіе Димитрія Донскаго. Освободившись, она мало по малу оправляется отъ своей долгой неволи; превращается въ сильное Государство; отражаетъ Европейскія нападенія Поляковъ и Карла XII, завоевываетъ себѣ мѣсто въ ряду народовъ просвѣщенныхъ, нанося въ то же время тяжкіе удары Турціи, Персіи. Европа, одушевленная величайшимъ военнымъ геніемъ новѣйшихъ временъ—Наполеономъ, отваживается на послѣднее, исполинское предпріятіе — подчинить ее исключительному своему вліянію; но Россія останавливаетъ Европу, побѣждаетъ ее, ниспровергаетъ всѣ препятствія; снова громитъ Оттомановъ; наказываетъ древнее отечество Дарія и Ксеркса; подавляетъ мятежъ Польши, и, такимъ образомъ, избѣгая обѣихъ крайностей и вмѣстѣ служа имъ неразрывною связью, она шествуетъ неколебимо къ высокой цѣли, назначенной ей Провидѣніемъ.

Наши Монархи, вѣрные призванію своей Державы, бодрствовали надъ нею во дни бурь и бѣдствій, и, покровительствуя Наукамъ, Искусствамъ, промышлености, вознесли ее на верхъ славы и благоденствія. Петръ Первый, Екатерина Вторая,

АЛЕКСАНДРЪ, НИКОЛАЙ! Чья Русская душа не пылаетъ восторгомъ, обтекая мыслію дивные Ваши подвиги! Но Государство должно ввѣрять священный залогъ своей будущности воспитанію вполнѣ народному юныхъ поколѣній; и поощренія, расточаемыя Правительствомъ Учебнымъ Заведеніямъ, мѣры, имъ принимаемыя для правильнаго развитія образованности, доказываютъ міру отеческія заботы нашего Великаго ЦАРЯ и милосердіе Августѣйшей Его Супруги, коей мудрость устроиваетъ въ грядущемъ счастіе семействъ, и коей нѣжныя попеченія услаждаютъ горькій жребій сиротъ и злополучныхъ.

2.

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Сочиненіе Іоанна Могилевскаго, Каноника, Кустоша Перемышльскаго Грекоунитскаго Каѳедральнаго Собора, Члена Консисторіи и проч. (*).

I.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ими всѣхъ менѣе извѣстно Южное Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ и языкъ Русскій.* Богумилъ Линде,

(*) Это любопытное разсужденіе сочинено первоначально на Русскомъ языкѣ, переведено на Польскій и напечатано въ Львовскомъ журналѣ Czasopism Naukowy 1829 года. Авторъ возстановляетъ достоинство Русскаго языка въ Галиціи, но какъ онъ такому, или, что то же, Малороссійскому нарѣчію приписываетъ почти исключительное право называться *Русскимъ*: то, желая съ одной стороны сохранить точныя его слова, а съ другой и отличить вездѣ это нарѣчіе отъ Великорусскаго или отъ Русскаго въ общемъ смыслѣ, мы вездѣ, гдѣ разумѣется Малороссійское нарѣчіе подъ именемъ *Русскаго*, будемъ прибавлять къ сему послѣднему слову: *Южное*. — *Ред.*

въ предисловіи къ своему Словарю (1), Іосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ языка Славянскаго (2), совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвію Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ (3), либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ (4); другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (5), и какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образованныхъ языковъ (6). Многіе Писатели утверждаютъ, что нарѣчія Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской (7). А есть и такіе, которые признаютъ его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) (8), или называютъ Малороссійскимъ (9); и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ

---

(1) Słownik języka Pols. S. B. Linde, T. I, Ч. I, Предислов. стр. XIV.

(2) Institutiones linguæ Slavicæ etc. Jos. Dobrowski. 17. стр. IV.

(3) O prawach Litew. i Pols. T. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II. стр. 16.

(4) Lehrgebäude der bömischen Sprache. *Іос. Добровскій.* Предислов. стр. XIII.

(5) O Statucie Litewskim. *С. Б. Линде.* стр. III. Pamiętnik Warszawski. 1815. No 9. стр. 29. Lehrgebäude etc. Опытъ Исторіи Литер. Русск. *Н. Греча*, стр.

(6) Исторія Россійск. Государ. Н. Карамзина. Т. IX, прим. 601.

(7) Prawda Ruska. Раковецкаго, Т. II, стр.

(8) Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы Г. Греча, Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

(9) Pamiętnik Warsz. 1815. кн. I. стр. 124. Dzieje Kròl. Polsk. Bandtkie. T. I, стр. 24.

назывался *Русскимъ*, шакъ какъ его называли въ старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки (1).

Нѣкоторые Нѣмецкіе Писатели стали-было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотолѣ неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, на пр. *Rusniaken*, *rusniakische Nation*, *rusniakische Sprache*, вмѣсто: *Ruthener*, *ruthenische Nation*, *ruthenische Sprache* и т. п. (2).

Передѣлывать самовольно названія народовъ и и ихъ языка есть конечно важное заблужденіе и всегда раждаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его Исторіи (3), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы що же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ Исторіею и на ней основывано. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе кромѣ *Русскаго*, по Латыни *lingua ruthenica*, по Нѣмецки *ruthenische Sprache*. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочны и не согласны съ существомъ дѣла: что постараемся ясно доказать. Имя Россіи создано только въ XVIII вѣкѣ; названіе же Россійскаго

---

(1) Опытъ Краткой Исторіи Русск. Литер. Н. Греча, стр. XX и 56—60. O Statucie Litew. Линде.

(2) Сюда принадлежатъ: Крамеръ, Горерь, Чапловичь, Гоппенъ и друг.

(3) Grammatik der slavischen Sprache, in Krain. Пред. стр. XLVI.

языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово *russicus* и Нѣмецкое *russisch*; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: *la langue russe*.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главнымъ представителемъ всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго могущества Римлянъ и Грековъ (1), а знаменитые ихъ языки — до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ Государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ (2). Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской Имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами (3). Та же судьба и Южной Руси! — протекло уже много вѣковъ съ

(1) Т. е. въ политическомъ смыслѣ; но еще много осталось слѣдовъ ихъ ума, просвѣщенія, образованности, въ сохранившихся письменныхъ и другихъ произведеніяхъ, безъ которыхъ мы не могли бы и знать о славномъ ихъ существованіи. *Прим. Пер.*

(2) Однакожъ время и разныя обстоятельства сливаютъ между собою разноплеменные и разноязычные народы въ одинъ составъ, и мы видимъ изъ Исторіи, что многіе изъ нихъ не оставили по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ существованія своего. Гдѣ теперь Печенѣги, Половцы, поглощенные Литвою Ятвяги, и пр.? *Прим. Пер.*

тѣхъ поръ, какъ Русское Княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало (*). Но Русскій языкъ отъ того не истребился и не престанетъ существовать въ устахъ Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго Королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Прусскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страною Руси; она неизмѣримо простиралась къ Сѣверу, гдѣ возникла Держава, которая получила названіе *Великой Руси*, а потомъ, гораздо позднѣе, *Россіи*. Оставшаяся въ предѣлахъ Польши *Русь* стала называться *Малою*; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась *Русью Червенною* (красною); а та, которая была однажды пріобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа *Бѣлою* и *Черною Русью*. Три части Польской Руси отличались особыми именами: Подоліи, Волыни и Украины.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ Королевствомъ *не силою оружія*, *но правами равенства*, доказательствомъ тому служитъ грамота Короля Сигизмунда Августа 1569 года. Въ ней сказано: «Русская земля съ давнихъ временъ, предками нашими, Королями Польскими присоединена къ Коронѣ Польской въ числѣ про-

(*) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго Королевства, къ Австрійской Имперіи подъ названіемъ Галиціи и Лодомиріи; не считая возвращенныхъ Россіи. *Прим. Пер.*

чихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще, и каждаго порознь, какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ, какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ, къ Королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими Коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществахъ и судьбѣ Польской Короны и проч.»

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому Королевству, Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при Дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1) Доказательствомъ тому служитъ во-первыхъ Литовскій Статутъ, первоначально писанный на Русскомъ языкѣ (*), и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ земель;

(*) Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей въ 1588 году и потомъ переложенъ на Польскій языкъ. Въ наше время онъ былъ изданъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ С. Петербургѣ на Польскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ Россійскимъ переводомъ (Г. Анастасевича), 1811 г. in-4, въ 2-хъ книгахъ. — Исторія всѣхъ изданій пространно изложена на Польскомъ языкѣ С. Б. Линде, подъ названіемъ: O Statucie Litewskim. Warszawa No 4. *Прим. Пер.*

какъ-то для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону всѣ судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту говоритъ: «Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Русскомъ, и т. д.»

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что какъ большая часть народа въ Литвѣ (*) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую Литургію, то Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ Судебныя мѣста и къ прочимъ Властямъ, на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія Король, Судьи и другіе Чиновники. Въ царствованіе сыновей Казиміра Ягайлы, воспитанныхъ и живщихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при Дворѣ и заступилъ мѣсто Русскаго.

2) Судопроизводство въ Русскихъ земляхъ всегда происходило на Русскомъ языкѣ; на немъ излагались *позывы* или требованія къ суду, приговоры, и всѣ

(*) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую Митрополію, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное Исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ Епископовъ къ Уніи. См. Исторію Росс. Іерарх Т. I. *Прим. Пер.*

оффиціальныя бумаги въ Гродскихъ (Уголовныхъ) Земскихъ и Трибунальныхъ (Верховныхъ) Судахъ (1).

3) Сигизмундъ III въ 1589 г., учреждая Верховный Судъ (Трибуналъ) для Русскихъ Воеводствъ, обязалъ оный употреблять Русскій языкъ и Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непремѣнно присутствовали и засѣдали Русскіе Писари (Секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4) Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими Королями для Русскихъ земель и для ихъ жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Русскомъ языкѣ (2).

Знатнѣйшія наконецъ фамиліи, Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родоначальниками Русскихъ и Литовскихъ Князей, исповѣдуя Вѣру Грековосточную, говорили и писали по Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (3)!

(1) Судебные и Правительственные акты изъ Архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ Королевство Галицкое, собранные вмѣстѣ и хранящіяся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

(2) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа 1558 г.; пріостановленіе дѣйствій Короннаго Суда Стефаномъ Баторіемъ 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же 1592 г. и т. д.

(3) Сюда принадлежатъ фамиліи (*): Князей Вишневецкихъ, Чарторійскихъ, Сангушковъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прун-

(*) Въ нынѣшнемъ году напечатана программа въ Лейпцигѣ о новомъ, давно ожидаемомъ изданіи *Гербовника Нѣсецкаго* съ поправками и дополненіями. См. Туg. Peter. 1837, No 97. *Прим. Пер.*

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ Князей, кромѣ Князей Русскаго Исповѣданія, употреблявшихъ Русскій языкъ: всѣ они происходили изъ Владѣтельныхъ Домовъ въ Литвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простаго народа Русскаго, мелкопомѣстнаго Дворянства и Духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для Отечественной Исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ Исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угне-

скихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивиловъ, и знатные домы: Огинскихъ, Пузыновъ, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Спрусей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолкевскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шептицкихъ, Винницкихъ, Конарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдошицкихъ, Броневскихъ, Дуниковскихъ, Дверницкихъ, Липинскихъ, Бугацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ если строго считать въ одной части Галицкаго Королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ (*) и Подольскимъ Воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго Дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число Дворянства обряда Римскаго. — Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловицахъ, Городищѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣльцѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п.! Когда же Исповѣданіе ни мало не измѣ-

(*) При Польскомъ правленіи, Воевода сихъ странъ именовался *Воеводою земель Русскихъ* (Wojewoda Ziem Ruskich). *Прим. Пер.*

шѣніе Руси дошло до шакой сшепени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрекаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значитъ, что языкъ *Малороссійскій* или *Бѣлорусскій*. Въ грамошахъ Польскихъ Королей, ими самими

няешъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ поименованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нынѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими.* Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только шѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а шѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками: но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Люшера, Кальвина или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ, дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славитъ Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій: ибо такого и нѣтъ и не было), перестал быть, относительно происхожденія, Русскимъ? Никто не можетъ рода и племени ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно хотя исчисленныя фамиліи и перемѣнили свое Исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія и измѣнить его не могли:

«Fortuna non mutat naturam!»

изданныхъ или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Русское именуются: *idioma ruthenicum, character etc, lingua ruthenica:* что ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвержденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной въ 1549 году Королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому Владыкѣ Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена, съ Русскаго языка на Польскій. — Другое того же Короля и въ томъ же году содержитъ въ себѣ всю грамоту Князя Льва, сына Короля Даніила, на Русскомъ языкѣ. — Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота Князя Льва. Надобно ли впрочемъ приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться.—Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ (*), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Извѣстно же, что всѣ онѣ были писаны по Русски въ Воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того разнится Южный Русской языкъ и отъ Церковнаго: ибо какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ Церковныхъ книгахъ, какъ то: въ

(*) Annales de la petite Russie, T. II, стр. 375. « Elle ordonne pour le salut des peuples de la petite Russie, de traduire ces loix en langue de la grande Russie. »

Евхологіяхъ, Требникахъ, Тріодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія Церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и Ученые Писатели. *Гванъини* (*) говоритъ: Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русиновъ, но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать. *Копитаръ*, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянскаго Алюмната (родъ Учебн. Заведенія) явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. *Смотрицкій*, первый Славянскій Граматикъ, въ написанной имъ для Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстилъ Предисловіе на Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги *Sowita wina*, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: «Что касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ, и тщательно ихъ бережемъ. Русскій языкъ употребляемъ и въ

(*) «Moscovitæ a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatæ ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc.» См. *Sarmatiae Europeae descriptio*. Т. I, стр. 24.

проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.» То же самое свидѣтельствуетъ и *Скарга* въ книгѣ своей: o jedności Kościoła Bożego (о единствѣ Церкви) изд. въ Вильнѣ 1577 года. *Ст. Клечевскій*, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (o początkach i dawności języka Polskiego. Lwow. 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишно доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ именемъ Малой и Червенной Руси, одинъ и тотъ же Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же Грамматики; то, хотя бы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный* или, соб-

ственнѣе, *Церковный* языкъ: ибо на немъ издавались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный;* да и вообще языкъ всегда бываетъ иной въ употребленіи у простаго сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу: ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червенной Руси, нисколько съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское и Малороссійское нарѣчіе, за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Браславца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ѣ*, нѣкоторыя выраженія, занятыя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Русскаго и не могутъ родить отдѣльныхъ нарѣчій.—Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ *słysys* (слысысъ) а другой *słyszysz* (слышишь); одинъ *tsyma* (тсыма) а другой *trzyma* (тршыма); одинъ *pon*, другой *pun*, а третій *pan* и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлить

нарѣчіе Польское на *Мазовское*, *Краковское* и *Горское*? Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ напечатанныя, какъ то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Страшинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на Церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Русскимъ нарѣчіемъ. Если сравнить эти книги между собою, то не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. И такъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червенной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи, а посему, даже до XIII столѣтія называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, *lingua ruthena*, *idioma ruthenum*, а о Бѣлорусскомъ или Малороссійскомъ и не упоминалось (*).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчіи книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчіе должны означать не что иное, какъ просто Русское.

Я показалъ уже множество раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени,

(*) По вступленіи на Престолъ нынѣ Царствующаго рода Романовыхъ, и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ Царскомъ титулѣ начали писать: *всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи*; а въ слѣдъ за тѣмъ

какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе Писатели въ царствованіе ИМПЕРАТОРА ПЕТРА Великаго стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Граматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была по видимому списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Русскомъ нарѣчіи, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*. Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ Писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе и иноземные Писатели; и нарѣчіе просто называемое *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Русской языкъ, которымъ былъ писанъ Литовскій Статутъ, потому только именуетъ *Бѣлорусскимъ*, что такъ назвалъ его *Сопиковъ* (въ своемъ Опытѣ Россійской Библіографіи). Авторитетъ Сопикова показался Г-ну Линде достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Ста-

---

измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше Государство *Russia*, *Russland*, *Russie* и т. д. въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*. *Прим. Пер.*

тутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей Грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда во все не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Лит. Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Русскимъ* (1). Г. Гречь называетъ языкъ книги подъ заглавіемъ: «Вѣнецъ Христовъ» языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, что и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (2)?

---

(1) Такъ и должно. Языкъ Статута былъ дипломатическимъ языкомъ Западной Руси и весьма отличенъ отъ настоящаго Бѣлорусскаго. *Ред.*

2) Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска, и пр., и нынѣ Бѣлорусское нарѣчіе не есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ Губерніи Могилевской въ Черниговскую или изъ Минской въ Волынскую. Ежели Авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ* или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыя между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе Писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и Словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего инаго не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы или нѣтъ.

Русскій языкъ подвергался одной участи съ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того несравненно ранѣе Польскаго цвѣлъ и развивался, по образцу Славянскаго и Греческаго (*). Хотя же народъ Русскій, по стеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ Короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими Коро-

(*) Извѣстный ученый Грекъ Константинъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 час. для доказательства почти тожества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ, Ч. I, Предисловіе. *Прим. Пер.*

лями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Русскій (1); но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершеніи отечественнаго языка, учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ Грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. — Не отрицаемъ, что Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться и совершенствоваться на подобіе Греческаго, Славянскаго, а въ послѣдствіи и Латинскаго (2); но никакъ изъ Исторіи не льзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. — Отдѣльныя слова, хотя бы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчіи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня; что они соединены между собою родствомъ и долженствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

---

(1) Ибо Пол. языкъ уже въ XVI столѣтіи имѣлъ свой *золотой вѣкъ* Словесности, называемый Ягеллоновымъ, по имени царствовавшаго тогда Дома сего имени. *Прим. Пер.*

(2) Особливо же со времени учрежденія въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи, перваго въ Великой Россіи Заведенія для пространнѣйшаго круга Наукъ, какое дотого было единственно въ Кіевѣ, доставляя Россіи большею частію Духовныхъ и Іерарховъ. *Прим. Пер.*

VII.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою и богатствомъ и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частію, Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго (*).

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: «Pisza*ł*em then list ku W. M., raduiąc szie dobremu zdrowiu, zem poszł*a*ł do Lazarza ku

---

(*) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ, и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmovi myedzi dvchownymi a swyeczskymy o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem bvskvbstwye na urządze pogeadzania bandącz wsystkym ad kthorich nynyesze lysti przydą chczem bycz yawno kako gdysz myedzy nayaszneyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym a yeney a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszym byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyenye o dzeszanezynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo szą sthanth y sowąnth porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная запись между Духовною и Свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божіимъ промысломъ Архіепископъ Святой Гнѣзненской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ Епископствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всѣмъ вообще, что между Наияснѣйшимъ Ксендзомъ Паномъ Казиміромъ, Божіею милостію Королемъ и пр., покро-

druku Politią Królestwa pol. na trzy *knihi* rozdzieloną. Proszę chcziec yą W. M. widziec i poprawic, iesli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiey i wielkiego nieszpania, и т. д.» т. е. «Я писалъ это письмо къ вашей милости радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія Политику Королевства Польскаго, раздѣленную на три книги; прошу васъ разсмотрѣть и исправить, если бы нашлись въ ней какія погрѣшности. Поистинѣ мнѣ стоила она много труда и безсонныхъ ночей,» и проч.

Мартинъ *Бѣльскій*, первый дерзнувъ писать Исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ исполнить свое предпріятіе (*).

вителемъ нашимъ съ одной стороны, а съ другой между Ксендзомъ Бодзантою, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ Епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ, и проч.»

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не Swiętey (Святой), *Cirekwe*, а не Kościola (Церкви), *kako*, а не jako (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

(*) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе! Французскій Авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г. упоминаетъ, что въ спискѣ Библій, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ No 500, на стр. 288, находится славное сочиненіе: *Alf. Halhory*, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ Книгъ, 1094 года, на *Русскомъ* языкѣ.

Если бы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудитъ: Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго или Польскій по образцу Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать Г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы, Г. Греча.

Русскія земли, принадлежавшія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью или провинціею. Русскій народъ составлялъ часть Королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части Имперіи Австрійской. — Если же и положимъ, что Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что доказываютъ *Клечевскій*, *Копчинскій*, и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: «Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.» Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій!

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской Грамматики и Правописанія, до тѣхъ поръ не льзя будетъ ничего опредѣлить

въ нихъ точнаго, постояннаго, пока не вникнемъ въ духъ и построеніе Русскаго и Славянскаго языка, и въ случаяхъ нужды не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: *Опытъ Исторіи Русской Литературы*, послѣдуя мнѣнію Г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и Литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспориваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, особенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти Церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ Г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычаи Русскіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ (*), что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ

(*) Исторія Рос. Государ. Т. V, стр. 354.

слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь 40 или 50 Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ Словарѣ; а хотя бы даже ихъ находилось и вдвое противъ того: все же это, не даетъ еще настоящаго повода, допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и Литературѣ. Что касается Польскаго періода, т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго; то же самое должно сказать и о языкѣ и Литературѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный Русскій языкъ. Какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, нѣкоторымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Россійскаго языка, чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго*.

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній Церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго или такъ называемаго *гражданскаго* языка: что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговор-

ный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ, какой встрѣчается видѣть въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это *Каченовскій*, въ Картинѣ Россійской Литтературы, и *Карамзинъ* въ Исторіи Россійскаго Государства. Когда въ новѣйшія времена нѣкоторые Россійскіе Писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ *Шишковъ* въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слогѣ*, указалъ прямые источники. Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ какъ въ разговорномъ, такъ и въ письменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ Королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе Писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что и пріобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго Государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой по нынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ.— Посему

справедливо *Бандтке* сказалъ (1): «нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.»

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ Писателей стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе не извѣстнаго въ старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе Писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по Латыни *natio Ruthena*, по Нѣмецки *Ruthener*, а Русскій языкъ *ruthenische Sprache*. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что кромѣ *Руси* есть еще особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рогера названіе *Мазураковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство Писателя не должно бы дозволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе Г. Кратперъ въ своемъ сочиненіи: *Письма о Галиціи* (2); ему послѣдовали *Рогеръ*,

(1) Hist. Krol. Pols. T. I, стр. 26.

(2) Briefe über Galizien, стр. 147.

Крибель, *Чапловичъ*, и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе Писатели, какъ-то: *Шлецеръ*, *Гебгардъ*, *Гоппе*, *Энгель* и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ее такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго Писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ, и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется, всѣ сіи Писатели могли изъ оффиціальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Русскому народу.

Пер. В. Р.

3.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КАНТОВОЙ РЕЛИГІИ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ОДНОГО РАЗУМА.

Три важныя истины открылъ Кантъ въ Философіи: 1) что разумъ нашъ въ познаніи вещей сверхчувственныхъ, самъ по себѣ, недостаточенъ (1); 2) что всѣ начала нравственности, основанныя на понятіяхъ удовольствія и счастія, не нравственны и не имѣютъ достоинства закона (2), и 3) что человѣкъ по природѣ поврежденъ, или развращенъ (3). Истины сіи, столь извѣстныя изъ Откровенія, доказаны Философомъ изъ одного разума, и потому Христіанскій Богословъ и Философъ въ ученіи о Религіи, противъ невѣрующихъ нашихъ временъ, съ такимъ же правомъ можетъ свидѣтельствоваться Кантомъ, какъ свидѣтельствовались нѣкогда Отцы Церкви древнимъ Платономъ. Но услуга, какую Кантъ оказалъ Религіи, кажется, не простирается далѣе сего. Доказавъ

(1) Въ Критикѣ Чистаго Разума.

(2) Въ Критикѣ Практическаго Разума.

(3) Въ трактатѣ: Религія въ предѣлахъ одного разума.

въ своей Философіи слабость человѣческаго разума, онъ самою Философіею своею показалъ, что одинъ разумъ не открываетъ истинной Религіи. Ибо сей Философъ въ Созерцательной Философіи оставшись при одномъ критицизмѣ, въ Нравственной при стоицизмѣ, въ Религіи остался натуралистомъ.

Впрочемъ сей Натуралистъ не былъ злонамѣреннымъ противникомъ Христіанства. Въ трактатѣ *о Религіи въ предѣлахъ одного разума* (1) Кантъ хотѣлъ согласить ученіе Откровенія съ ученіемъ своей Философіи, подкрѣпить одно другимъ и оказать тѣмъ услугу какъ Религіи Христіанской, такъ и своей Философіи (хотя послѣдняя цѣль была ближе къ его сердцу, нежели первая). Онъ полагалъ, что Богословіе Философское должно итти своимъ путемъ, не препятствуя однакожъ ходу Богословія Библейскаго, и что, держась предѣловъ одного разума, первое имѣетъ право, для подтвержденія и поясненія своихъ положеній, употреблять въ свою пользу самую Библію. Но при семъ почиталъ нужнымъ сравненіе того и другаго Богословія между собою, и даже предлагалъ вопросъ: не полезно ли, по совершеніи Академическаго курса Богословія Библейскаго, открыть особенное ученіе Религіи Философской, по руководству, подобному его (Кантову) трактату, для окончательнаго усовершенія Кандидатовъ (2)? Намѣреніе его было: ученіе Откровенія сравнить съ

(1) Die Religion innerhalb der Gränzen der blossen Vernunft. Кенигсб. 1793, 8. Изданіе 2, 1774.

(2) Предисл. 1, стр. XV и слѣд. Изданіе 2.

понятіями нравственными (Философскими), дабы видѣть, не приводитъ ли оное ученіе къ чистой Религіи разума (*)? Сіе намѣреніе, какъ изъ опыта Кантова видно, было то же, чтобы всю Откровенную Религію изъяснить по началамъ Кантовой Философіи. Но опытъ Философа показалъ, что такой взглядъ на Религію столько же недостаточенъ, ненадеженъ, какъ и всякая система Философская, — изобрѣтеніе человѣческое, всегда неполное, всегда несовершенное. Къ большей славѣ Откровенія, усматривается, что все лучшее въ Кантовой Религіи заимствовано изъ Евангелія, а все худшее принадлежитъ собственно Кантовой Философіи. Въ семъ-то отношеніи можно сказать, что Религія Кантова сдѣлала услугу Религіи Христіанской. И потому въ семъ же отношеніи, полезно критически обозрѣть весь трактатъ Кантовъ, и указать важнѣйшія истины и важнѣйшія заблужденія, которыя въ немъ между собою смѣшаны.

Въ предисловіи къ сему трактату Кантъ говоритъ, что идея Бога не есть основаніе Нравоученія потому, что нравственность не имѣетъ нужды въ другомъ побужденіи, кромѣ Закона нравственнаго. Но поелику практическій разумъ требуетъ согласія добродѣтели съ счастіемъ, которое (согласіе) можетъ произвесть одинъ Богъ: то идея Бога необходимо вытекаетъ изъ ученія нравственнаго, и такимъ образомъ сіе ученіе ведетъ насъ къ Религіи. Стр. III — IX.

(*) Предисл. 2, стр. XXII.

Вотъ первая истина и первая ложь!— Нравоученіе ведетъ къ Религіи: слѣдовательно, здѣсь цѣль его, здѣсь истинное успокоеніе ума и сердца. Вотъ величайшая и драгоцѣннѣйшая истина! Но Нравоученіе не для себя, говоритъ Кантъ, имѣетъ нужду въ Богѣ, а для нашего счастія. Такое понятіе о Богѣ недостойно Бога; такое Нравоученіе, не имѣющее нужды въ Богѣ, есть эгоистическое и — просто — ложное.

Трактатъ Канта о Религіи имѣетъ слѣдующія четыре отдѣленія: I. О совмѣстномъ существованіи злаго начала съ добрымъ, или о коренномъ злѣ. II. О брани между добрымъ началомъ и злымъ за владычество надъ человѣкомъ. III. О побѣдѣ добраго начала надъ злымъ и основаніи Царства Божія на земли. IV. Объ истинномъ и ложномъ служеніи Богу, подъ владычествомъ добраго начала.

Къ каждому изъ сихъ отдѣленій Кантъ сдѣлалъ присовокупленія. Четыре таковыя присовокупленія содержатъ ученіе его: I. *О дѣйствіяхъ Благодати*, II. *О чудесахъ*, III. *О таинствахъ* (тайнахъ), и IV. *О средствахъ* для полученія *Благодати*. Сіи прибавленія разсмотримъ послѣ главныхъ отдѣленій трактата, совокупивъ оныя подъ одно названіе: *ученіе Канта о Благодати*.

I.

О СОВМѢСТНОМЪ СУЩЕСТВОВАНІИ ЗЛАГО НАЧАЛА СЪ ДОБРЫМЪ.

О коренномъ злѣ.

Человѣкъ отъ природы золъ: т. е. онъ не только по природѣ *слабъ* въ исполненіи Закона,

который уважаетъ, не только *нечистъ* нравственно, поелику имѣетъ нужду въ чуждыхъ побужденіяхъ, кромѣ побужденія самаго Закона; но онъ *развращенъ* такъ, что низшія побужденія легко предпочитаетъ высшему, т. е. важности самаго Закона, и нѣтъ человѣка безъ таковой превратной наклонности (*). Не льзя искать причины сего зла ни въ чувственности, которая не имѣетъ прямаго отношенія къ нему, ни въ поврежденіи практическаго разума, ибо законы его всегда имѣютъ свою важность. Какъ и когда произошло сіе зло, того разумъ никакъ изъяснить не можетъ. Извѣстное изъясненіе сего въ Св. Писаніи, если будемъ видѣть въ ономъ происхожденіе зла во времени, т. е. отъ какой первой во времени причины оно произошло, не льзя согласить съ разумомъ, который не можетъ признать ни сообщенія нравственнаго зла отъ родителей дѣтямъ, ни вмѣняемости онаго собщеннаго зла. Но, если

(*) Кантъ свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ временъ и народовъ. У всѣхъ слышны жалобы на развращеніе людей, болѣе и болѣе умножающееся. И Горацій сказалъ:

Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiorem.

Обращая взоръ на состояніе, такъ называемое нѣкоторыми Философами естественное, состояніе дикихъ, Кантъ видитъ войны и человѣкоубійства произвольныя, совершаемыя безъ всякой нужды и пользы. Смотря на образованные народы, замѣчаетъ повсюду пороки подъ видомъ добродѣтели и жалуется, что въ самихъ дружескихъ сношеніяхъ таится внутреннее одного къ другому недоброжелательство. Въ отношеніи народовъ видитъ состояніе непрестанной войны, котораго рѣшились они никогда не оставлять и пр. Стр. 3 и 4, 26 — 30 (по 2-му изданію).

въ ономъ историческомъ изображеніи будемъ находить изъясненіе всеобщаго подлежательнаго способа, какъ принимаетъ человѣкъ противное закону за правило своей воли: то сіе изъясненіе согласно съ разумомъ. Человѣкъ не имѣлъ зла въ своемъ основаніи, а былъ прежде невиннымъ; но отъ закона ему даннаго (нравственнаго) онъ обратился къ другимъ побужденіямъ и принялъ оныя, поставивъ ихъ выше закона. Такъ учитъ Св. Писаніе о грѣхѣ; такъ и дѣйствительно согрѣшаемъ всѣ мы: только склонность наша къ преступленію не есть уже *паденіе* (ниспаденіе изъ состоянія невинности): ибо мы родимся, еще не имѣя полнаго употребленія разума; но она намъ *врожденна* т. е. отъ самаго младенчества и рожденія нашего въ насъ находится. Стр. 20 и дал. 39 и дал.

Двѣ важныя истины утверждаетъ Кантъ: 1) что человѣкъ поврежденъ отъ природы (отъ рожденія); 2) что причины сего зла разумъ никакъ изъяснить себѣ не можетъ. Послѣ сего слѣдовало бы заключить, что или совсѣмъ не дѣло разума изъяснять причину кореннаго въ человѣкѣ зла, а должно довольствоваться здѣсь однимъ Откровеніемъ, или что разумъ недовольно еще позналъ свойство зла нравственнаго и способъ, какимъ сообщается сіе зло отъ одного къ другому; но никакъ не слѣдовало осуждать того изъясненія сего зла, какое предложено въ Откровеніи. Не естественно ли самому разуму, при разсматриваніи столь общаго въ человѣчествѣ зла, восходить къ первому человѣку? Не опытъ ли увѣряетъ насъ, что какъ склонность къ добру сообщается отъ родителей, такъ и склонность ко злу можетъ быть наслѣдствен-

на? Кантъ слишкомъ отдѣляетъ нравственную часть человѣка отъ прочихъ; какъ будто человѣкъ не есть цѣлое, въ которомъ все соединено такъ, что важная перемѣна въ одной части существа человѣческаго не можетъ не дѣйствовать на другія. Сего мало: самое человѣчество есть нѣчто цѣлое, въ которомъ члены соединены одною природою, однимъ происхожденіемъ и дѣйствуютъ другъ на друга физически и нравственно. Вмѣняемость кореннаго зла вообще человѣчеству— также не противна разуму Если зараженныхъ опасною болѣзнію отдѣляютъ отъ другихъ, если лишаютъ ихъ прежнихъ выгодъ жизни: то таковое отдѣленіе для тѣхъ, кои хотя заразились невольно, но болѣзнь свою любятъ, не только есть *несчастіе*, но и справедливое *наказаніе*, подъ коимъ они и должны быть, пока не возненавидятъ своего зла и не допустятъ къ себѣ врача.

Возможность исправленія.

Какъ можно обратиться намъ отъ зла къ добру, сего также изъяснить мы не можемъ. Но мы должны предполагать въ себѣ возможность обращенія: ибо когда есть заповѣдь въ насъ «старайся быть лучшимъ», то надлежитъ быть и возможности къ сему. Св. Писаніе, согласно съ разумомъ, предполагаетъ сію же возможность въ историческомъ изображеніи грѣхопаденія въ видѣ *прельщенія*. Человѣкъ ниспалъ въ зло, бывъ обольщенъ нѣкоторымъ духомъ: слѣд. не въ основаніи своемъ поврежденъ и еще способенъ къ исправленію; ибо поводъ ко грѣху былъ въ прельстителѣ, а не въ первоначальномъ стремленіи человѣка ко злу. И

шакъ мы должны принять, что первоначальное наше расположеніе къ добру, хотя и потерпѣло нѣкоторое уклоненіе, можетъ быть возстановлено. Нравственная свобода человѣка всегда есть то начало, которое въ самомъ развращенномъ человѣкѣ можетъ мало по малу произвесть перевѣсъ въ добромъ расположеніи. Стр. 46 и дал.

Здѣсь опять видимъ истину и ложь. — Разумъ не можетъ объяснить, какъ можно поврежденному человѣку самому собою обратиться къ добру: это непререкаемая истина. Но, что человѣкъ поврежденный самъ собою можетъ исправиться: это совершенно противно оной истинѣ. Если больной не видитъ и не знаетъ возможности самъ излечить себя, то долженъ ли онъ полагаться на себя, и отвергать помощь знающаго врача? Ни разумъ, ни опытъ не увѣряютъ, что исправленіе естественными силами возможно; но напротивъ увѣряютъ, что, дабы исторгнуть зло, отъ *рожденія* въ насъ существующее, нужно, такъ сказать, *перерожденіе* или новое рожденіе. Напрасно Кантъ въ самомъ Св. Писаніи хочетъ найти подтвержденіе своего мнѣнія. То, что поводъ ко грѣху былъ не въ самомъ человѣкѣ, а внѣ его, можетъ быть уменьшаетъ нѣсколько вину его предъ очами Правды Божіей, но ни мало не уменьшаетъ въ немъ дѣйствія самаго зла. Въ самомъ ли тѣлѣ человѣка образовался ядъ, или принятъ имъ отвнѣ, (но не извергнутъ въ самомъ началѣ) дѣйствіе яда остается равно смертоносно.

II.

О ВРАНИ МЕЖДУ ДОБРЫМЪ НАЧАЛОМЪ И ЗЛЫМЪ, ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАДЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Для исправленія себя недовольно оставить зародышъ добра, дабы онъ самъ собою раскрывался, но нужно еще сражаться съ противодѣйствующею ему силою зла. Сіе только (сраженіе) достойно имени добродѣтели (которая противна не невѣжеству и заблужденію, а злости, т. е. не отрицательному, а положительному злому свойству).

О идеалѣ совершеннаго человѣка.

Въ дѣлѣ исправленія нравственнаго необходимо имѣть въ виду идеалъ человѣка совершеннаго. Таковый идеалъ въ Христіанствѣ есть олицетворенная идея Богоугоднаго человѣка, Сынъ Божій, Слово. Въ Немъ Богъ возлюбилъ міръ, и мы, только сообразуясь съ Нимъ, можемъ надѣяться быть Сынами Божіими: потому возвышаться къ сему идеалу есть обязанность каждаго. Но сія идея имѣетъ уже свою реальность (дѣйствительность) въ нашемъ нравственно-законодательномъ разумѣ. Хотя бы не было никакого подобнаго примѣра въ опытѣ: но и тогда разумъ долженствовалъ бы избрать въ образецъ себѣ идею Богоугоднаго человѣка. При семъ не нужны чудеса

для увѣренія: требовать оныхъ значитъ не довѣрять добродѣтели. Посему если бы таковый человѣкъ и сошелъ, такъ сказать, съ неба, и произвелъ необозримо великое благо въ мірѣ: мы не имѣли бы причины принимать сего человѣка за лице высшее естественнаго человѣка, хотя самъ не отвергается, что онъ могъ родиться и сверхъестественно. Конечно, не льзя не чувствовать удивленія, любви и благодарности къ Тому, Кто, имѣя все право на блаженство вѣчное, сошелъ однакожъ во глубину золъ для блага нашего: но таковый сверхъестественный человѣкъ не можетъ быть для насъ примѣромъ подражанія. Стр. 73 и дал.

Умствованіе Канта слѣдующее: намъ нуженъ идеалъ человѣка совершеннаго; таковый идеалъ у Христіанъ есть Іисусъ Христосъ: но въ разумѣ есть тотъ же идеалъ; слѣдовательно сего одного идеала довольно. Умствованіе не полно, а потому не вѣрно. Полное умствованіе представляется слѣдующее: Намъ нуженъ идеалъ человѣка совершеннаго и таковаго вѣрнаго идеала никогда не производилъ самъ разумъ; но въ Христіанствѣ есть совершеннѣйшій идеалъ въ лицѣ Богочеловѣка, идеалъ, въ которомъ человѣкъ все находитъ, что нужно для его совершенства: слѣдовательно, самый идеалъ разума должно повѣрять съ существеннымъ идеаломъ въ Христіанствѣ. Ибо безъ сего чѣмъ докажетъ Кантъ, что идеалъ его совершенъ? Идеалъ нравственный у Аристотеля не таковъ, какъ у Платона, у Стоиковъ другой, нежели у Перипатетиковъ. Вообще идеалъ у Философовъ языческихъ не тотъ, что у Философовъ Христіанскихъ. Напр. идеалъ Стоическій не одушевленъ тою

чистою всеобщею любовію, как у Христіан. Самый идеал Кантов был бы весьма далек от истиннаго идеала, еслиб Кант не читал Евангелія. Так мало можно полагаться на идеалы нашего разума! — Что касается до нашего действительнаго образца, в котором Кант не желал бы видеть ничего сверхъестественнаго: то Философ забывает, что Глава Христіан не есть только пример нравственнаго совершенства; что в других отношеніях (как Искупитель, Спаситель, Начальник Царства Божія) Іисус Христос не мог быть просто человеком, и что самое сверхъестественное, т. е. Божество Его, не исключает в Нем и сил естественных, подобных нашим. В последнем отношеніи Он, без сомненія, может и должен быть для нас примером подражанія.

Довольствуясь *одним идеалом разума*, Кант берет на себя из одного же разума решить следующіе вопросы: 1) Как мы, всегда несовершенные, стремясь к совершенству человека Богоугоднаго и никогда онаго не достигая, можем быть богоугодными? — *Отв.* В действіях наших во времени мы несовершенны; но Сердцеведец взирает на главное наше свойство и, объемля взором все целое нашей нравственной жизни, видит одного совершеннаго человека. — 2) Можем ли мы, при нашей слабости, быть всегда уверены в неизменности добраго нашего свойства? — *Отв.* Быть совершенно уверенными в сем мы не можем и не должны; но можем и должны надеяться, что с успехами в нравственности более утвердятся и наши силы нравственныя. Доброе сердце само в себе носит сію надежду, своего вну-

тренняго Параклита.— 3) Какъ удовлетворимъ мы Правдѣ Божіей за прежніе грѣхи наши? — *Отв.* Какъ за грѣхи въ оставившемъ грѣхъ человѣкѣ не можетъ падать ни на состояніе развращенія, которое прошло, ни на состояніе новое, угодное Богу. Но грѣхъ не можетъ остаться безъ наказанія. Исхожденіе изъ свойствъ развращенія въ добрыя соединено съ горестями и есть начало многихъ скорбей и лишеній. Человѣкъ новый воспринимаетъ ихъ для добродѣтели охотно, но воспринимаетъ за вину человѣка ветхаго, и тѣмъ удовлетворяетъ Правдѣ Божіей. Стр. 84 и д.

Такое рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ прилично какому-нибудь Софисту, а не строгому критику Канту. 1) Различеніе человѣка въ явленіи и человѣка въ идеѣ ничего не помогаетъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о несовершенствахъ нравственныхъ, никогда не престающихъ. Цѣлое (хотя бы безконечное), составленное изъ несовершенствъ, никакъ не можетъ быть совершеннымъ. 2) Если не льзя быть увѣрену въ постоянствѣ своей воли; то не лучше ли, по ученію Христіанскому, смирить себя предъ Богомъ и просить Его благодати, нежели искать своего Параклита въ себѣ, который столько же обманчивъ, какъ и наше самолюбіе, и можетъ научить насъ одной Стоической гордости? 3) Удовлетвореніе Правдѣ Божіей, представляемое Кантомъ, есть только софистическое, ложное успокоеніе ума и совѣсти. — Немногія скорби добродѣтельнаго не могутъ быть уплатою безконечнаго долга грѣховъ. Притомъ несшіи оныя человѣкъ обязанъ и терпѣніе его не есть что-либо сверхъ заслугъ и сверхъ должнаго.

Идеалъ злаго начала.

Начало злое, борющееся съ добрымъ за владычество надъ человѣкомъ, представляется въ Св. Писаніи въ олицетворенной идеѣ искусителя, князя міра сего. Онъ прельстилъ Прародителей, и основалъ на землѣ царство зла. Іудейская Θеократія старалась разрушить его царство; но такъ какъ законы ея не были чисто нравственными, а дѣйствовали чрезъ одно внѣшнее побужденіе; то князь тмы всегда могъ хорошо защищаться. Но вотъ явился Мужъ, мудрѣйшій всѣхъ бывшихъ Философовъ, безгрѣшный, въ которомъ князь тмы не имѣлъ никакой власти. Владычество сего князя подверглось опасности, и онъ обѣщалъ Ему все, требуя отъ Него только поклоненія себѣ. Поелику же сей опытъ не удался, то князь тмы воздвигъ на Праведника всѣ гоненія и довелъ его до позорной смерти. Смерть сія, хотя не уничтожила злаго начала, но ограничила власть его такъ, что человѣкъ не можетъ болѣе невольно удерживаться подъ сею властію: ему открытъ входъ въ царство добра. Подъ таинственнымъ покровомъ сего повѣствованія, говоритъ Кантъ, лежитъ разумный смыслъ, имѣющій практическую важность для всѣхъ, т. е. что развращеніе, въ коемъ мы сами виновны, можетъ быть побѣждено посредствомъ идеи нравственно-добраго во всей ея чистотѣ. Стр. 106 и д.

Изъясняя такимъ образомъ Св. Писаніе, Кантъ сравниваетъ себя съ тѣмъ, о которомъ сказалъ Спаситель: *не браните* (ему): *иже бо нѣсть на вы, по*

вас есть (Марк. 9, 31, и Лук. 9, 50), и увѣряетъ, что онъ, хотя другимъ путемъ, но къ той же цѣли приводитъ, какъ и Христосъ. Точно ли къ той же цѣли? Цѣль Канта только нравственная и въ одномъ разумѣ: цѣль Іисуса Христа удовлетворяющая всѣмъ существеннымъ потребностямъ духа и сердца человѣческаго, Божественная — въ самомъ Богѣ. Какое безконечное разстояніе между безжизненною нравственностію Канта и животворною Религіею Спасителя міра? Нѣтъ сходства между Кантомъ и тѣмъ человѣкомъ, который изгонялъ бѣсовъ именемъ Іисуса. Сей человѣкъ (Марк. 9, 3, и Лук. 9, 50) не могъ вредить вѣрѣ въ Іисуса; напротивъ тотъ, кто вѣритъ и учитъ вѣрить одному практическому разуму, явно имѣетъ направленіе (намѣренное или ненамѣренное) антихристіанское. О таковомъ справедливѣе сказать то, что сказано невѣрующимъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Мат. 12, 30). О Ѳеократіи Іудейской будемъ имѣть случай говорить ниже.

III.

О ПОБѢДѢ ДОБРАГО НАЧАЛА НАДЪ ЗЛЫМЪ И ОСНОВАНІИ ЦАРСТВА БОЖІЯ НА ЗЕМЛѢ.

Посвятившій себя добродѣтели долженъ быть всегда готовымъ къ сраженію. Опасности для него не только въ немъ, но еще болѣе внѣ его, въ самомъ сообществѣ людей. Здѣсь для помощи его не довольно одного разума: противъ опасностей общества нужно также общество особенное, имѣющее цѣль нравственную; нужно, чтобы люди подъ знаменемъ добродѣтели соединялись, дабы

соединенными силами дѣйствовать противъ зла, имъ общаго.

Понятіе и необходимость Церкви.

Человѣкъ долженъ оставить состояніе естественное, состояніе непрестанной войны и вступить въ общество гражданское. Такимъ же образомъ онъ обязанъ оставить и нравственное состояніе естественное, не менѣе опасное, и быть членомъ общества нравственнаго. Это есть долгъ всего рода человѣческаго; сего требуетъ идея высокаго совершенства нравственнаго. Такое общество отлично отъ всякаго другаго общества. Законы его, опредѣляющіе внутреннюю форму дѣйствій (нравственность), не льзя представлять иначе, какъ заповѣдями законодателя Сердцевѣдца — Бога. Сіе общество есть народъ Божій, Церковь; одинъ Богъ собственно есть основатель онаго. Но изъ сего не слѣдуетъ, что все въ немъ надлежитъ предоставить одному дѣйствію Божію. Напротивъ, мы должны поступать такъ, какъ бы все зависѣло отъ насъ, и только подъ симъ условіемъ можемъ надѣяться, что высшая Премудрость усилія наши увѣнчаетъ успѣхомъ. Стр. 131 и д.

Изъ сего умствованія слѣдуетъ: 1) что Церковь не можетъ стоять безъ особеннаго правленія Божія (истина); 2) что не должно обращать вниманія на сіе особенное управленіе Божіе (ложь). По сужденію Канта, Церковь будетъ носить одинъ титулъ *Божіей*, а въ ней все будетъ человѣческое, ничего Божественнаго. Такая Церковь не достигнетъ и цѣли

цѣли, которую назначаетъ ей Кантъ, т. е. полнаго совершенства нравственнаго. Ибо безъ дѣйствительной вѣры въ правленіе Божіе, человѣкъ скорѣе, соскучá своими несовершенствами, признаетъ самый законъ нравственный вымысломъ, нежели постоянно будетъ стремиться къ совершенству, никогда его не достигая. Но цѣль Церкви еще выше, обширнѣе цѣли нравственной: въ семъ освященномъ обществѣ должны раскрываться всѣ силы духа нашего для неба, для вѣчности, для жизни въ Богѣ. . . . . . .

Истинная Церковь имѣетъ слѣдующіе признаки: 1) Всеобщность и единство (нѣтъ въ ней мѣста раздѣленія на секты). 2) Чистоту нравственныхъ побужденій, безъ суевѣрія и фанатизма. 3) Свободу внутреннюю и внѣшнюю: не иллюминатизмъ и не Іерархію. 4) Неизмѣняемость существенныхъ постановленій, исключающую произвольные символы. Церковь собственно не сходна ни съ какимъ родомъ правленія: это семейство одного Отца невидимаго, въ которомъ Святый Сынъ сего Отца, знающій Его волю, есть намѣстникъ Его и вмѣстѣ братъ всѣмъ членамъ семейства. Стр. 142 и д.

Всѣ сіи признаки дѣйствительно принадлежатъ истинной Церкви, только не исключаютъ всего того, что хочетъ исключить Кантъ. Никакое общество не можетъ быть безъ правителей и блюстителей закона. Церковь, какъ общество Божественное, должна имѣть своихъ правителей, которые дѣйствовали бы властію Божіею, а не властію одного разума и не одною властію общинною: должно имѣть Іерархію. Въ Церкви нужны и символы; но составленіе и измѣненіе ихъ не можетъ быть произвольнымъ и не подлежитъ одному разуму. То, что говоритъ Кантъ о Сынѣ Божіемъ, На-

мѣстникѣ невидимаго Отца: каковыя титла занявъ отъ Іисуса Христа, онъ отдаетъ практическому разуму, Богословъ въ правѣ назвать Богохульствомъ, а Философъ — эгоизмомъ. Сему намѣстнику Божію едва ли кто будетъ воздавать высочайшее почтеніе, зная, какъ мало у него власти и силы. Иные будутъ справедливо опасаться, чтобъ онъ не сдѣлался намѣстникомъ — отца лжи.

Чистая Вѣра есть только Вѣра разума, она одна можетъ быть основаніемъ всеобщей Церкви, и только особенная слабость человѣческой природы виною въ томъ, что сей Вѣрѣ не приписываютъ столько, сколько она заслуживаетъ. (Посему Кантъ какъ бы сожалѣетъ о людяхъ, что они ищутъ другаго Богопочтенія, кромѣ исполненія должностей къ себѣ и другимъ. Ему хотѣлось бы выше всего поставить законодательство разума). Разумъ каждому изъясняетъ волю Божію въ законахъ нравственныхъ: сіе представляетъ одну только Религію, какъ и одного Бога. Но представимъ еще положительные законы Божіи: познаніе ихъ возможно только чрезъ Откровеніе и есть дѣло Вѣры исторической, которая не можетъ быть всеобщею. Конечно разумъ не можетъ рѣшить, какъ надлежитъ почитать Бога въ Церкви, и потому въ ней нужно законодательство положительное; но сего не должно почитать дѣломъ Божественнымъ, неизмѣннымъ; люди могутъ и должны улучшать форму Церкви. Вообще Вѣра положительная случайна и есть только средство для чистой разумной Вѣры. Религія разума есть единственная Религія (всѣ прочія называетъ Кантъ видами Вѣры). Стр. 145 и д.

1) Если во всѣхъ народахъ принимаютъ Богопочтеніе сверхъ Нравоученія, то это вѣрный знакъ, что для Религіи недовольно одной нравственности, т. е. (по Канту) должностей къ себѣ и ближнимъ. Не слабость природы человѣческой (ибо Богопочтеніе имѣютъ и образованнѣйшіе изъ людей), а существенная потребность духа человѣческаго заставляетъ людей искать Богослуженія, имѣть въ виду Бога гораздо ближе, нежели какъ смотритъ на него Кантъ съ своимъ практическимъ разумомъ.

2) Самъ Кантъ сознается, что разумъ не можетъ рѣшить, какъ должно почитать Бога въ Церкви и что въ ней нужно законодательство положительное. Изъ сего надлежало бы заключить, что если Богъ не оставилъ Церкви безъ особеннаго своего промысла: то положительное законодательство для нея должно быть дѣломъ Божественнымъ, а слѣдовательно, для насъ неизмѣняемымъ. Ибо какъ смѣть измѣнять Вѣру положительную, если она Божественна? Кантъ не можетъ доказать невозможности таковой Вѣры. Богъ не могъ ли открыть воли Своей, касательно благочестія, особеннымъ образомъ (не чрезъ разумъ)? Откровеніе сіе дѣлается даже необходимымъ, когда представимъ съ одной стороны слабость нашу, а съ другой высокое назначеніе наше, въ разсужденіи коего всѣ идеалы наши (умственные и нравственные) суть только предчувствія, и которое вполнѣ знаетъ одинъ Высочайшій Покровитель міра нравственнаго и физическаго. Одинъ разумъ, безъ сомнѣнія, не можетъ объять всего плана Божественнаго управленія.

Для человѣка необходима какая-нибудь Вѣра историческая, а для сохраненія и важности законовъ положительныхъ Церковныхъ нужно Св. Писаніе. Но высшее истолкованіе сей Вѣры и самаго

Св. Писанія должно быть въ чистой Вѣрѣ разумной. Писаніе тогда только содержитъ жизнь вѣчную, когда свидѣтельствуетъ о истинномъ началѣ нравственномъ. Другой истолкователь Писанія — ученые Богословы, съ своимъ познаніемъ древностей и древнихъ языковъ. Что касается до третьяго истолкованія, внутренняго опыта, то онъ недостаточенъ и безъ познанія разумнаго можетъ вести къ фанатизму. Стр. 157 и д.

Если Кантъ допускаетъ Св. Писаніе, т. е. Откровеніе Божественное, то подчинять оное разуму значитъ превращать порядокъ вещей. Вѣра Церковная не должна быть противна разуму, если она Божественна (Откровеніе и разумъ одно имѣютъ начало); но *можетъ* и даже *должна* имѣть нѣчто высшее нашихъ познаній, т. е. чего разумъ истолковать не въ силахъ. Мнѣніе Канта о внутреннемъ опытѣ при чтеніи Св. Писанія было бы справедливо, еслибъ справедливо было мнѣніе его о Св. Писаніи. Но какъ требовать одного разумнаго познанія тамъ, гдѣ многое гораздо выше сего познанія?

Что такое есть приближеніе Царства Божія?

Церковная Вѣра должна постепенно восходить до всеобщаго владычества чистой разумной Вѣры, и сей ходъ есть приближеніе Царства Божія. Вѣроученія историческія относятся къ Церкви воинствующей: торжествующая же Церковь будетъ въ одной всеобщей Вѣрѣ разума. Та, только

Вѣра спасительна, которая на сихъ двухъ условіяхъ основываетъ свою надежду на блаженство: 1) есть удовлетвореніе за грѣхи, 2) Богу угождать можно доброю жизнію. Стр. 167 и дал.

Справедливо, что Вѣроученія историческія относятся къ Церкви воинствующей, но несправедливо то, что торжествующая Вѣра можетъ быть на сей же землѣ и въ сей же жизни. (Она будетъ, когда упразднится смерть и жало смерти — грѣхъ). Еще несправедливѣе то, что торжествующая Вѣра будетъ въ нашемъ разумѣ, который самъ по себѣ не торжествуетъ ни надъ страстями, ни надъ прочими препятствіями добра. Первое условіе Кантовой спасительной Вѣры, очевидно, предполагаетъ Откровеніе: ибо одинъ Богъ можетъ открыть и дать грѣшникамъ средства для примиренія съ Его вѣчною правдою, а безъ сего не будетъ дѣйствительно и второе условіе.

(Изъ сихъ двухъ условій Кантъ отдаетъ преимущество послѣднему).

Для разума теоретическаго кажется необходимымъ, чтобы Вѣра въ замѣнительное за грѣхи наши удовлетвореніе была прежде добрыхъ дѣлъ: ибо иначе не льзя пояснить, какъ человѣкъ развращенный можетъ содѣлаться угоднымъ Богу. Но для разума практическаго необходимость нравственности есть главное, и слѣдовательно мы должны начинать не вѣрою въ то, что сдѣлалъ для насъ Богъ, а тѣмъ, что должно дѣлать намъ: т. е. исправленіе жизни есть высшее условіе спасительной Вѣры. При семъ видно преимущество чистой Вѣры разума предъ Вѣрою исто-

рическою. Когда имѣемъ въ виду одинъ идеалъ нравственный, то все равно, начинаютъ ли Вѣрою разума или доброю жизнію. Напротивъ, историческая Вѣра въ Сына Божія не есть одно съ началомъ доброй жизни. Дабы Вѣра сія была одно съ симъ началомъ, должно принять въ явленіи Богочеловѣка предметомъ спасительной Вѣры не то, что есть опытное, а то, что есть первообразъ умственный. Это та же идея практическая, но она разсматривается въ двухъ отношеніяхъ: въ Богѣ и въ насъ. Если же Вѣру историческую примемъ за первое условіе спасительной Вѣры, то получимъ два различныя начала (опытное и разумное) и не льзя будетъ рѣшить, которымъ начинать должно. — Изъ сего слѣдуетъ, что Религія должна мало по малу освобождаться отъ условій опытныхъ, отъ всѣхъ постановленій, основанныхъ на Исторіи, и наконецъ должна господствовать одна чистая разумная Религія. Въ семъ состоитъ дѣйствіе благаго начала, стремящагося основать свое царство по законамъ добродѣтели, побѣдить зло и даровать міру вѣчный миръ. Стр. 170 и д.

1) Конечно, для практическаго разума весьма важно добро нравственное, но для человѣка и всего человѣчества еще важнѣе удовлетвореніе Правдѣ Божіей, снисканіе любви и благоволеніе Отца Небеснаго. Слѣдовательно, и разумъ практическій не имѣетъ права называть добрыхъ дѣлъ своихъ добрыми, если не будетъ увѣренъ въ благоволеніи Божіемъ къ себѣ.

Утверждать съ Кантомъ, что намъ не нужно знать, что сдѣлалъ или дѣлаетъ Богъ для нашего спасенія,

значитъ то же (говоритъ Баадеръ) (*), какъ если бы кто думалъ, что для сохраненія животной нашей жизни нѣтъ нужды знать, что учредила для сего Природа.

2) Кантъ хочетъ видѣть въ Богочеловѣкѣ только то, что и въ своемъ практическомъ разумѣ, и отнять все опытное, т. е. Его чудеса, воскресеніе и т. п. Но сіе значитъ то же, что представлять Богочеловѣка равнымъ Канту и другимъ Нравоучителямъ. Сего, конечно, и хотѣлъ Кантъ, который не усомнился свой практическій разумъ поставить на мѣсто Бога. Съ такою вѣрою, что будетъ съ человѣчествомъ? Оно должно отказаться отъ драгоцѣннѣйшихъ надеждъ своихъ. Если нѣтъ у насъ Божественнаго Искупителя, если нѣтъ удовлетворенія за грѣхи: то не всуе ли трудятся и всѣ Моралисты?

3) Два различныя (по Канту) начала, т. е. вѣрить тому, что сдѣлалъ для насъ Богъ, и тому, что должно дѣлать намъ, не столь различны, чтобы не могли составить одного начала. Знать первое есть такъ же потребность человѣка, какъ и знать послѣднее. Христіанство учитъ и разумъ не можетъ на то не согласиться, что Вѣра безъ дѣлъ мертва, но и дѣла безъ Вѣры не оправдаютъ, Изъ сего слѣдуетъ, что Религія не должна освобождаться и никогда не освободится отъ условій опытныхъ, и религіи одного разума не господствовать на земли.

Историческое изображеніе хода всеобщей Церкви.

Историческое изображеніе того, какъ постепенно раскрывалось правленіе добраго начала,

(*) Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik. Мюнхенъ, 1813, стр. 31.

есть вмѣстѣ описаніе того, какъ Церковная Вѣра раскрывается въ разныхъ формахъ до тождественности ея со всеобщею чистою религіозною Вѣрою. Сюда принадлежитъ Исторія той только Церкви, которая въ самомъ началѣ своемъ была направлена ко всеобщности таковой Вѣры. Іудейская Вѣра, по своему первоначальному направленію, есть составъ однихъ постановленій общественныхъ. Ибо Ѳеократія, представлявшая Бога только Правителемъ міра, безъ отношенія Его къ совѣсти, не составляетъ Религіи; всѣ заповѣди, даже Десятословіе, у Моисея имѣли въ виду одну внѣшность дѣйствій; награды и наказанія опредѣлялись только временныя безъ живой вѣры въ жизнь будущую; самая наконецъ отдѣленность народа избраннаго отъ всѣхъ прочихъ была совершенно противна духу всеобщей Церкви. И такъ только въ Христіанствѣ, которое совершенно отказалось отъ Іудейства и произвело всецѣлое превращеніе въ ученіи Вѣры, началась Церковь всеобщая. Стр. 183 и д.

Кантъ древнихъ Евреевъ почти совсѣмъ лишаетъ Религіи. Онъ утверждаетъ, что въ послѣдствіи времени каждый изъ нихъ составлялъ свои вѣрованія и приспособлялъ ихъ къ духу законовъ политическихъ (Моисеевыхъ), въ которыхъ будто бы не было ничего собственно религіознаго (стр. 188). Отъ чего такое мнѣніе? Отъ того, что Кантъ принялъ свое Нравоученіе за единственную Религію и потому, гдѣ онаго не видѣлъ, тамъ не находилъ и Религіи. Но еслибы сей Философъ имѣлъ истинное понятіе о Религіи, еслибъ главнымъ образомъ поставлялъ ее

въ Богопочтеніи, то могъ бы видѣть, что Іудеи имѣли Религію и что сія Религія вела людей къ Христіанству, подобно тому, какъ Педагогъ ведетъ дѣтей къ тому званію и должности, къ которымъ они готовятся. Уже и то одно могло вразумить Канта, что народъ Еврейскій произошелъ отъ Іакова и Авраама, и что если сіи Патріархи имѣли Религію, то ту же Религію должны были имѣть и ихъ потомки. Моисей только очищалъ въ Вѣрѣ народа то, что вошло къ нему отъ язычниковъ, а потому излагалъ и Нравоученіе не столько въ правилахъ и системѣ, сколько въ примѣрахъ Праотцевъ (въ Книгѣ Бытія). Самъ Іисусъ Христосъ ничего не находилъ у Моисея противнаго чистой нравственности, и училъ, что Онъ Самъ пришелъ не разорить законъ, а исполнить. Что касается до догмата о безсмертіи души, то и сей догматъ не былъ безъизвѣстенъ древнимъ Евреямъ: ибо Моисей поучалъ оному въ примѣрѣ Еноха, въ понятіи о смерти, какъ о приложеніи или отхожденіи къ отцамъ, въ понятіи о Богѣ, какъ Богѣ Авраама, Исаака и Іакова. Наконецъ, еслибъ Кантъ твердо вѣрилъ особенному промыслу Божію о человѣкахъ, то по сему одному, онъ не отвергалъ бы существованія Церкви чрезъ тысячи лѣтъ (до Христа), сознался бы, что Ѳеократія не была дѣломъ человѣческимъ и что самая отдѣленность народа избраннаго отъ прочихъ, была нужна до времени (такимъ образомъ, въ удаленіи отъ язычниковъ сохранились начала всеобщей Церкви — для язычниковъ же).

Учитель Христіанства, объявивъ себя Посланникомъ Неба, и, будучи достойнымъ сего званія, отвергъ вѣру рабскую, училъ вѣрѣ нравственной какъ единственно спасительной и въ своемъ ученіи и невинной смерти предложилъ образецъ человѣ-

честву. Ученіе сіе, только какъ предметъ Вѣры исторической, требовало для подтвержденія своего чудесъ. Но то, что есть предметъ разума, не требуетъ таковаго подтвержденія: то имѣетъ въ самомъ себѣ свое доказательство. — Отъ чего произошли мистики-фанатики, религіозныя суевѣрія въ народѣ, злоупотребленіе Іерархіи, споры и раздѣленія? Отъ чего потрясеніе гражданскаго порядка, силою Папъ, на Западѣ, кровавые Крестовые походы, мятежи подданныхъ противъ Правительства, смертельная ненависть къ разномыслящимъ? Отъ того, что ту Вѣру, которая назначена была для первоначальнаго введенія Христіанства, поставили въ основаніе Религіи всеобщей, каковымъ можетъ быть только Вѣра чистая религіозная (разума), Вѣра, въ разсужденіи которой не можетъ быть никакихъ спорныхъ мнѣній. Стр. 191 и д.

Кантъ не различаетъ существенныхъ для Христіанства предметовъ Вѣры исторической (напр. воскресенія І. Христа) отъ несущественныхъ (напр. обрядовыхъ). Если гдѣ послѣдніе поставлялись на мѣста существенныхъ, то это несовершенство человѣковъ, а не Вѣры. Касательно же твердости Вѣры въ первомъ отношеніи, представляются, въ противоположность Кантовымъ, слѣдующіе вопросы: отъ чего произошло истинное геройство Мучениковъ? откуда высшіе образцы добродѣтелей въ пустыняхъ и на престолѣ? откуда удивительное краснорѣчіе и сила слова на каѳедрахъ церковныхъ? отъ чего произошло обращеніе ко Христу язычниковъ, ихъ мудрецовъ и Царей? отъ чего смягченіе нравовъ самыхъ

диких народовъ и другія благодѣтельныя для человѣчества слѣдствія? — Отъ того, что ту Вѣру, которая была началомъ и введеніемъ Религіи Христіанской, почитали всегда главною, Божественною, краеугольнымъ камнемъ Церкви всеобщей!

Послѣ сего удобно отвѣчать на вопросъ: какое во всей извѣстной Церковной Исторіи время есть наилучшее? Это наше время: ибо зародышъ истинной Вѣры разума нынѣ въ самой Вѣрѣ церковной вполнѣ раскрывается. Нынѣ разумъ слѣдуетъ правилу справедливой скромности, оказывая должное уваженіе Писанію какъ ученію нравственному, достойному быть откровеніемъ Божіимъ, и какъ книгѣ священной, для общества религіознаго необходимой, не выставляя впрочемъ Вѣры въ постановленія церковныя необходимою для блаженства. Тотъ же разумъ, находя въ Св. Исторіи одно пособіе для Нравоученія, внушаетъ, что истинная Религія не состоитъ въ знаніи того, что сдѣлалъ для насъ Богъ, а состоитъ въ знаніи того, что должны дѣлать мы для нашего блаженства. Такому ходу Церкви къ совершенству должны содѣйствовать всѣ и самое Правительство. Стр. 197 и д.

Чтобъ видѣть сіе наилучшее Кантово время, обратимъ вниманіе на происшествія временъ Кантовыхъ. Религія Канта явилась 1793 года, когда во Франціи, отвергши Откровенную Религію, воцаряли разумъ и вольность, и умертвили Короля. Можно потомъ указать на вольнодумство, натурализмъ, публично проповѣдуемыя въ Германіи, на измѣняемость и дробленіе Церкви Западной и особенно Протестантской (Как-

шовой) (*), на непрестанные мятежи, смѣны Королей и пр. и пр. Такому ходу Церкви разума должно ли содѣйствовать Правительство?

Конецъ міра составляетъ заключеніе Исторіи Церкви. Явленіе Антихриста, тысящелѣтіе, второе пришествіе Христово, побѣда надъ врагами Церкви и совершенное потребленіе вождя ихъ (въ Апокалипсисѣ) могутъ имѣть у разума хорошее символическое значеніе. Но само по себѣ это есть прекрасный идеалъ той нравственной, предзримой Вѣрою эпохи, которую составитъ введеніе истинной всеобщей Религіи, когда будетъ: *Богъ всяческая во всѣхъ*, т. е. Вѣра историческая перейдетъ въ чистую Вѣру религіозную, всеобщую. Стр. 202 и д.

Если Канту позволено пророчество Откровенія приспособлять къ гаданіямъ разума: то съ лучшимъ правомъ можно гаданія разума приспособлять къ пророчеству Откровенія. И такъ мы можемъ сказать, что явленіе Антихриста весьма сходно съ явленіемъ Религіи натуралистовъ, и что тѣ, которые воцарять разумъ, положивъ къ ногамъ сего царя Олтари и все священное, увидятъ того, о которомъ пишетъ Апостолъ (2. Сол 2, 4). Къ натуралистамъ же идетъ и сіе изреченіе: «Любве истины не пріяша, во еже спастися имъ: и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство

(*) C. F. Stäudlin свидѣтельствуетъ, что Протестантское Богословіе, въ послѣднюю половину прошедшаго вѣка, столько измѣнилось, что если бы воскресли древніе Богословы, то они не признали бы его своимъ. Beiträge zur Phil. und Gesch. der Religion und Sittenlehre. Ч. IV, съ начала.

льсти, во еже вѣровати имъ лжи.» (Тамъ же, ст. 10 и 11).

IV.

О истинномъ и ложномъ служеніи Богу, подъ правленіемъ добраго начала.

О Богослуженіи вообще.

Религія, подлежательно разсматриваемая, есть признаніе обязанностей нашихъ заповѣдями Божіими. Та Религія, въ которой прежде нужно знать, что есть заповѣдь Божія, дабы признать то нашею должностію, называется *откровенною;* если же прежде знаемъ, что это есть долгъ нашъ, а изъ того уже познаемъ, что то есть заповѣдь Божія, въ такомъ случаѣ Религія есть *естественная.* Кто Естественную Религію почитаетъ нравственно необходимою, тотъ *раціоналистъ;* и если онъ отвергаетъ дѣйствительность всякаго сверхъестественнаго Откровенія, то онъ *натуралистъ;* если же, хотя допускаетъ дѣйствительность Откровенія, но почитаетъ оное не нужнымъ для чистой Религіи, то его можно назвать *чистымъ раціоналистомъ;* кто наконецъ вѣру въ Откровеніе признаетъ необходимою для Религіи всеобщей, тотъ *чистый супранатуралистъ.* Стр. 229 и д.

1) Кантово опредѣленіе Религіи совершенно недостаточно, такъ, что самые лучшіе изъ учениковъ его не приняли онаго, а старались найти болѣе удо-

влетворительное понятіе о Религіи (*). По мнѣнію Канта, для Религіи не нужно даже познаніе Бога утвердительное, а требуется только дѣйствительное познаніе законовъ нравственныхъ, какъ заповѣдей Божественныхъ (т. е. признаніе ихъ столько же важными, какъ бы онѣ были Божіи). Такимъ образомъ вся Религія ограничивается одною нравственностію и совсѣмъ не есть Религія, а только Нравоученіе, притомъ неполное и безъ духа жизни: ибо Кантъ отвергаетъ непосредственныя наши должности къ Богу. Религія должна все относить къ Богу; она вмѣщаетъ въ себѣ и истины (относящіяся къ Богу) для познанія и Вѣры, и должности (относящіяся къ Богу) для дѣятельности нашей внутренней и внѣшней.

2) Изъ сего явствуетъ, что различіе, какое дѣлаетъ Кантъ между Откровенною Религіею и Естественною относиться можетъ развѣ къ Нравоученію Откровенному и Нравоученію разума. Но и при семъ Кантъ, поставляя въ Нравоученіи Откровенія прежде познаніе заповѣди Божіей, а потомъ, какъ слѣдствіе того, познаніе нашей должности, несправедливо предполагаетъ, будто Откровеніе устраняетъ дѣйствіе нашего разума. Въ нравоучительной части

(*) *Паровъ* (Ioh. Ernst *Parow*. Grundriss der Vernunft, Religion, 1799) говоритъ: Религія есть расположеніе духа, происходящее отъ Вѣры въ нравственнаго Правителя міра и выражающееся въ сужденіяхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ. По *Фихте* Религія есть дѣятельное свободное признаніе нравственнаго порядка міра. По *Шеллингу*— не что иное, какъ умственное созерцаніе Абсолютнаго и происходящее отсель стремленіе болѣе и болѣе уподобляться сему Абсолюту. По *Кругу* (Wilhelm. Traugott Krug's Religionslehre, § 1) Религія состоитъ въ извѣстномъ направленіи всей, особенно практической, дѣятельности нашего духа къ сверхъчувственному, безконечному и вѣчному.

Откровенной Религіи разумъ встрѣчается съ Откровеніемъ, и святыя правила его сознаетъ святыми потому, что свѣтъ ихъ освѣщаетъ собственные его нравственные законы. Такъ разумъ ученика встрѣчается съ разумомъ наставника, когда сей помогаетъ первому находить истину, и ученикъ признаетъ что-либо истиною не потому только, что такъ думаетъ учитель, а и потому, что сознаетъ то самъ въ себѣ.

Религію Христіанскую можно разсматривать какъ подтвержденіе Религіи Естественной, какъ ученіе нравственности, соединенное съ ученіемъ о Богѣ и безсмертіи души. Въ семъ смыслѣ она есть ученіе Церкви всеобщей. Сей характеръ ея, чисто нравственный, показываютъ слѣдующія мѣста изъ Евангелія:

1) Чистое нравственное расположеніе сердца, а не наблюденіе церковныхъ постановленій, угодно Богу (Матѳ. 5, 20—48); грѣхи въ сердцѣ равняются предъ Богомъ самимъ грѣховнымъ дѣламъ (28); ненависть въ сердцѣ то же что убійство (22); обида, другому нанесенная, можетъ быть вознаграждена только удовлетвореніемъ ему самому, а не посредствомъ дѣлъ Богослужебныхъ (24); естественное, но злое направленіе сердца должно быть совершенно превращено: вмѣсто чувства мщенія, должна быть терпѣливость (39, 40), вмѣсто ненависти ко врагамъ, благотворительность (44); чистыя чувствованія должны выражаться дѣлами (16) и оныхъ не замѣнитъ призываніе и прославленіе Бога (7, 21). Главное начало должностей: исполняй долгъ изъ одного уваженія къ долгу, т. е. *люби Бога паче всего.*

Отсюда проистекаетъ и слѣдующее начало: споспѣшествуй благу человѣковъ, желая блага имъ непосредственно, а не по своекорыстнымъ видамъ, т. е. *люби ближняго какъ себя*. Добродѣтели обѣщается награда въ другой жизни (11, 12), но тѣ почитаются совершеннѣйшими, которые исполняютъ долгъ не для награды, а для самаго долга (25, 35 — 40). Таковая Религія, которую можетъ всякому истолковать его разумъ, не требуетъ другой вѣры, ни учености, ни чудесъ. Стр. 236 и д.

Хотя и въ каждомъ почти положеніи здѣсь видѣнъ Кантъ, толкующій не столько ученіе Евангелія, сколько свою Философію, но еще виднѣе онъ въ слѣдствіяхъ, какія выводитъ изъ своихъ толкованій, признавая все ученіе Евангельское только Нравоученіемъ, не требующимъ Вѣры. Онъ не примѣчаетъ, что Религія Христіанская въ самой Нравственной своей части, указывая на естественный законъ въ насъ, вмѣстѣ предполагаетъ Вѣру: ибо почему требуется отъ Христіанъ совершенная нравственность? Потому, что они чада Благодати; что имъ обѣщана высшая помощь. Въ той же нагорной проповѣди Іисуса Христа, которую разсматриваетъ Кантъ сказано: *просите и дастся вамъ* и проч. (7, 7).

Совсѣмъ иначе смотритъ Кантъ на Христіанскую Религію со стороны ея исторической и догматической, называя ее въ семъ случаѣ Религіею *ученою*. Онъ не иначе мирится съ нею, какъ если вѣра не будетъ долгомъ и существенною частію Религіи, если Учители и истолкователи Вѣры будутъ не вождями и Правителями, а только наставниками невѣждъ, и если будутъ учить чистой

Религіи разума, а не Вѣрѣ церковнослужебной; утверждаетъ будто Учители Церкви совсѣмъ измѣнили то направленіе Религіи, какое далъ ей Іисусъ Христосъ. Наконецъ говоритъ: не льзя рѣшить, какія еще предстоятъ перемѣны сей Вѣрѣ отъ учености и ея антипода — внутренняго свѣта: онѣ неизвѣстны, доколѣ будемъ искать Религіи не въ насъ, а внѣ насъ. Стр. 247 и д.

1) Мы, напротивъ, увѣрены, что перемѣнъ опасаться должно тогда, когда Религія будетъ дѣломъ одного разума. Согласились ли когда-нибудь между собою Философы? согласились ли, и надолго ли, въ уставахъ Религіи тѣ преобразователи, которые съ законнымъ Правительствомъ отвергли и Откровенную Религію? Скоро познали необходимость обратиться опять на лоно той же Матери, которую изгнали, не нашедъ у новыхъ кормилицъ ни пищи, ни нѣжности матерней. Такъ ненадежно основаніе Религіи въ разумѣ! Напротивъ, если основаніе ея и въ насъ и въ Откровеніи, то всегда есть оплотъ, ограждающій Религію и отъ собственныхъ погрѣшностей разума и отъ произвольныхъ толкованій Откровенія.

2) Обвиненіе, какое произноситъ Кантъ надъ Учителями Церкви, падаетъ на самаго Канта. Дѣйствительно, отнять у Религіи Христіанской все Божественное и оставить ей одну бездушную Кантову нравственность, значитъ совсѣмъ измѣнить направленіе Религіи: сего мало — это значитъ хотѣть совсѣмъ уничтожить Религію.

О ложномъ служеніи Богу.

Ложное служеніе Богу есть то, когда Вѣру историческую и постановительную предпочита-

ютъ нравственности, или то, что должно быть средствомъ, поставляютъ цѣлію.

Общее подлежательное основаніе таковой мнимой Религіи есть антропоморфизмъ, хотя въ теоретическомъ отношеніи невинный, но въ практическомъ вредный. Люди составляютъ сами себѣ Бога, которому хотятъ благоугождать своимъ образомъ, не прямо сердечнымъ жертвоприношеніемъ, а еще церемоніями, празднованіями, путешествіями и произвольнымъ себя мученіемъ. Чѣмъ менѣе все сіе относится къ исправленію нравственному, тѣмъ кажется святѣе: ибо по тому самому, что сіе не имѣетъ никакой пользы, а требуетъ одного труда, повидимому, лучше выражаетъ сердце, преданное Богу, Который (говорятъ) смотритъ здѣсь на доброе изволеніе и готовность воли, хотя по себѣ слабой. Стр. 255 и д.

Справедливо, что внѣшнія дѣла Богопочтенія не замѣнятъ внутренняго Богопочтенія, если онаго не будетъ. Но таковыя дѣла всегда суть лучшія и близкія средства для сохраненія, возбужденія и подтвержденія Религіи внутренней. На деревѣ главное — плодъ его, а не листья. Но оборвите листья: не будетъ ни цвѣта, ни плодовъ, и самое дерево испортится. Сверхъ сего, наружное Богопочтеніе есть и долгъ человѣка, какъ существа чувственно-разумнаго, который долженъ служить Богу не половиною существа своего, а всѣмъ существомъ.

Начало противоположное мнимой (по Канту) Религіи есть слѣдующее: все, что кромѣ доброй жизни почитаютъ дѣломъ Богоугоднымъ, отно-

сится къ Богослуженію ложному. Мнѣніе, что дѣлами Богопочтенія можно заслужить предъ Богомъ оправданіе, есть религіозное суевѣріе, подобно какъ мнѣніе, что для сего нужно нѣкое ближайшее сообщеніе съ Богомъ, есть религіозный фанатизмъ. Для исправленія же, и въ предупрежденіе мнимой Религіи Кантъ предлагаетъ слѣдующее правило для церковной Вѣры. Вѣра сія вмѣстѣ съ положительными правилами, безъ которыхъ она нынѣ совершенно обойтись не можетъ, должна содержать въ себѣ начало, по коему вводилась бы Религія доброй нравственности, какъ истинная цѣль, дабы можно было современемъ обойтись и безъ оныхъ положительныхъ правилъ. Стр. 260 и д.

Наконецъ Кантъ, въ жару нравственнаго эгоизма, такъ отзывается о Богопочтеніи: «Благочестіе «должно быть средствомъ добродѣтели, а не на«противъ. Если же Богопочтеніе поставимъ пер«вымъ и оному подчинимъ добродѣтель, то сдѣла«емъ идола, которому будемъ угождать ласкатель«ствомъ и Религія будетъ идолопоклонство!» Стр. 286.

1) Напротивъ! Тогда дѣлается идолъ, когда нравственность наша предпочитается Богопочтенію и разумъ Откровенію. Идолъ сей есть изъ всѣхъ худшій, т. е. наше Я, которому хотятъ жертвовать всѣмъ священнымъ. Добродѣтель можно назвать средствомъ, а лучше — плодомъ истиннаго Богопочтенія, но никакъ не льзя назвать цѣлію Богопочтенія. Ставить такую цѣль въ себѣ, значитъ то же, что самаго себя дѣлать средоточіемъ всего (Богомъ).

2) Кантъ хочетъ положить въ основаніе Вѣры

Церковной начало ея разрушенія. Дабы начало сіе было сколько-нибудь годно, надлежитъ разрушить вмѣстѣ и существо человѣка, и, отдѣливъ отъ него все прочее, оставить одинъ практическій разумъ.

Кантово ученіе о Благодати.

Разумъ, сознавая свою недостаточность удовлетворить требованіямъ нравственнымъ, въ помощь себѣ изобрѣтаетъ трансцендентныя идеи: 1) *О дѣйствіяхъ Благодати*, 2) *о чудесахъ*, 3) *о тайнахъ*, 4) *о пособіяхъ* или *средствахъ* для полученія *Благодати*. Если сіи идеи дѣлаются трансцендентными и въ нравственномъ отношеніи, то приводятъ первая къ фанатизму, вторая къ суевѣрію, третія къ иллюминатизму, а четвертая къ ѳавматургіи. Стр. 63. Примѣч.

Трансцендентное въ нравственномъ отношеніи, по Канту, есть то, что выше нашихъ нравственныхъ понятій, или то, чему не льзя дать одного нравственнаго значенія. Справедливо, что оныя идеи, безъ всякаго приложенія ихъ къ нравственному исправленію, могутъ быть во зло употреблены, и приводить къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія Кантъ исчисляетъ; но справедливо также и то, что если сіи идеи обнажимъ отъ всего сверхъестественнаго (чего хочетъ Кантъ), то останутся безжизненныя идеи разума, изъ коихъ первая приведетъ къ самонадѣятельности — *нравственному эгоизму*, вторая къ отверженію всего, высшаго природы — *теоретическому натурализму и фатализму*, третія къ вѣрѣ въ одинъ разумъ — *теоретическому эгоизму*, а четвертая — къ

равнодушію въ отношеніи ко всему священному — *безрелигіозности*.

1) *О дѣйствіяхъ Благодати.*

Нужно ли намъ содѣйствіе Благодати? Кантъ прямо не отвергаетъ ни нужды, ни возможности сего содѣйствія, но старается ослабить ученіе о Благодати и даже отвлечь насъ отъ онаго тѣмъ, что а) въ самомъ нравственно поврежденномъ человѣкѣ хочетъ доказать возможность исправленія собственными его силами, б) почитая содѣйствіе Благодати непостижимымъ, вѣру въ оное признаетъ ненужною.

а) Уваженіе къ закону нравственному у насъ не погасло: слѣдовательно остается въ насъ сѣмя добра неповрежденнымъ и оное должно быть только очищаемо. Для возстановленія въ насъ добра, конечно, необходимо всецѣлое измѣненіе сердца или какъ бы переломъ (révolution) воли, что для поврежденнаго человѣка представляется невозможнымъ: но сія перемѣна въ человѣкѣ — ноуменѣ (разсматриваемомъ въ идеѣ) совершится, когда онъ измѣнитъ главное правило своихъ дѣйствій одинъ разъ на всегда, а въ человѣкѣ феноменѣ (въ явленіи во времени существующемъ) будетъ совершаться постепенно, въ восхожденіи къ лучшему. Для произведенія сей главной перемѣны Кантъ совѣтуетъ заставлять учениковъ, въ примѣрахъ дѣяній добрыхъ отличать чистыя побужденія отъ нечистыхъ. Не нужно, говоритъ, при семъ производить въ нихъ удивленія къ добродѣтельнымъ

поступкамъ, дабы не подать мысли, будто сіи поступки выше порядка нравственнаго: удивленіе нужно только къ самому закону нравственному, который возвышаетъ духъ нашъ надъ всѣми склонностями естественными. Стр. 52 и дал.

Человѣкъ — ноуменъ, таковъ ли и предъ Богомъ, какъ онъ чистымъ представляется Канту? Поелику онъ тѣсно соединенъ съ человѣкомъ — феноменомъ, то, по увѣренію самаго разума, онъ своими силами никогда не можетъ совершенно очиститься: ибо нечистыя побужденія и склонности наши естественно должны всегда дѣйствовать на послѣдующія наши дѣйствія (таковъ вообще законъ душевной дѣятельности) и вліяніе оныхъ можно только ослабить, но не уничтожить. Такъ рѣка, верхними нечистыми ручьями непрестанно наполняемая, никогда не будетъ чистою, хотя бы нижніе ручьи совершенно были чисты. Да и откуда произведемъ чистый обильный потокъ въ развращенномъ сердцѣ? И такъ, вмѣсто того, чтобъ съ Кантомъ удивляться закону нравственному, не лучше ли въ смиреніи благоговѣть предъ самимъ Творцемъ сего закона и прибѣгнуть къ Его всемогущей Благодати?

6) Но положимъ, что для исправленія несовершенства нравственнаго силы наши недостаточны, а необходима еще сила сверхъестественная: человѣкъ долженъ заслужить оную своими же усиліями: ибо, не скрывая талантъ, себѣ ввѣренный, а употребляя свои силы для своего блага, онъ можетъ надѣяться, что высшее содѣйствіе восполнитъ то, чего не достаетъ ему. Намъ не нужно знать, въ чемъ состоитъ сія помощь, а должно только поступать такъ, чтобъ быть

оной достойными. Дѣйствія Благодати въ теоретическомъ отношеніи не подлежатъ познанію, ибо не льзя различать ихъ отъ внутреннихъ естественныхъ дѣйствій нашихъ; въ практическомъ отношеніи вѣровать въ оныя и ожидать ихъ, значитъ добро нравственное дѣлать не нашимъ добромъ, а дѣломъ другаго, и усвоять оное себѣ однимъ недѣйствіемъ нашимъ. — И такъ можемъ допускать дѣйствіе на насъ Благодати, какъ нѣчто непостижимое, но не принимать онаго за правило наше ни для теоретическаго, ни практическаго употребленія. Стр. 61 и д.

То есть: человѣкъ долженъ дѣйствовать по своему, хотя и есть высшій Руководитель и Наставникъ. Такое ученіе, вмѣсто увѣренности въ силѣ Божіей благодатной, внушаетъ намъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и заставляетъ всего болѣе уважать *свое*. Конечно, совершенное бездѣйствіе наше не привлечетъ къ намъ Благодати, но и самонадѣятельность не будетъ ея достойна. Притомъ, если я, дѣйствуя своими силами, *можетъ быть*, заслужу Благодать, то *можетъ быть*, произведу и все самъ собою. Если же нѣтъ во мнѣ послѣдней возможности, то нѣтъ и первой: дѣйствія мои, при моей испорченности, не могутъ быть угодны Богу. И такъ мнѣ остается, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, одно сознаніе моей немощи нравственной и открытіе сердца вышнимъ дѣйствіямъ Благодати — Вѣра.

2) *О чудесахъ.*

Возможности чудесъ Кантъ также не отвергаетъ; но признаетъ оныя нужными только при

первоначальномъ введеніи Религіи, но ненужными и даже безполезными нынѣ, и утверждаетъ, что это есть знакъ великаго невѣрія, когда заповѣдямъ, написаннымъ въ сердцѣ, не иначе хотимъ вѣрить, какъ при помощи чудесъ.

Послѣдняя мысль была бы правильна, еслибъ не скрывала ложнаго предположенія (у Канта), будто одинъ нравственный законъ есть Религія и что все къ ней относящееся человѣкъ можетъ найти самъ въ себѣ.

Чудеса возможны: ибо Богъ какъ Творецъ и Правитель міра физическаго и нравственнаго самъ по себѣ не ограничиваетcя законами тварей; но мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія о томъ законѣ, по которому Богъ дѣйствуетъ въ произведеніи чудесъ, и отличать оныхъ отъ дѣйствій естественныхъ. Знаемъ только, что таковое дѣйствіе не должно быть противно законамъ нравственнымъ; но сей отрицательный признакъ, безъ положительнаго, ничего не опредѣляетъ. Стр. 118 и д.

На сіе скажемъ: тѣ, которые не хотятъ вѣрить, и *аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры:* ибо всегда могутъ говорить съ Кантомъ, что мы знаемъ одни законы нравственные (а знаютъ ли и сіе какъ должно, въ томъ судіи они сами себѣ), а законовъ естественныхъ всѣхъ и совершенно не знаемъ. Напротивъ, ничѣмъ непредубѣжденные легко увѣряются, что Богъ, воскрешая напр. мертваго, дѣйствуетъ не по законамъ естества; тѣмъ болѣе, когда тутъ же видятъ и цѣль, достойную Бога (на пр. увѣреніе въ истинѣ Религіи).

И такъ, хотя бы и были чудеса, но мы недолжны вѣры въ оныя принимать за наше правило. Нравственное исправленіе есть долгъ всегда насъ обязующій, а чудеса не суть такія дѣйствія, коими можно пользоваться непосредственно и, такъ сказать, привлекать ихъ съ неба. Намъ остается повиноваться закону внутреннему и дѣйствовать такъ, какъ бы все зависѣло отъ собственныхъ нашихъ усилій (Тамъ же).

Справедливо, что мы не должны требовать чудесъ, когда намъ угодно; но не должны и отвергать чудесъ, когда они есть. Не имѣемъ причины отвергать и того, что они могутъ быть и нынѣ. Ибо не льзя ограничивать дѣйствій Божіихъ ни временемъ, ни мѣстомъ, и отрицать пользы таковыхъ чрезвычайныхъ дѣйствій по крайней мѣрѣ, въ чрезвычайныхъ же случаяхъ. Если чудеса не въ нашей власти, то заключаемъ, что производить ихъ можетъ одинъ Богъ и производитъ не по нашему произволу, а когда и какъ Ему угодно. Еслибъ всѣ могли привлекать ихъ съ неба, они не были бы тогда чудесами; но что препятствуетъ Богу давать таковую возможность нѣкоторымъ, для особенной, Ему извѣстной цѣли?

3) *О тайнахъ.*

Существованіе таинъ Кантъ признаетъ необходимымъ въ Религіи, но учитъ, что а) Религія разума имѣетъ свои тайны, открываемыя разумомъ, и б) что нѣтъ надобности въ Божественномъ Откровеніи таинъ.

а) Нравственныя начала наши, когда прилагаемъ ихъ къ осуществленію идеи нравственнаго добра

и когда сознаемъ недостаточность нашу, къ осуществленію сей идеи, приводятъ насъ къ вѣрѣ въ содѣйствіе нравственнаго Правителя міра: причемъ открывается намъ бездна таинственныхъ дѣйствій Божіихъ. Мы не знаемъ, какое именно дѣйствіе здѣсь должно приписать Богу, а знаемъ только то, что должно дѣлать намъ дабы удостоиться сего непостижимаго содѣйствія. Не знаемъ, что Богъ есть самъ въ себѣ, но знаемъ, что Онъ есть для насъ, какъ существъ нравственныхъ, т. е. 1) *Святый* Законодатель, 2) *благій* Промыслитель и 3) блюститель своихъ законовъ или *правосудный* Судія. Вотъ троякое отношеніе Бога къ человѣку или троица, въ которой Богъ хочетъ быть почитаемъ. При семъ самъ разумъ открываетъ три предмета въ теоретическомъ отношеніи непостижимые, а изъясняемые только въ практическомъ отношеніи: 1) тайну *призыванія* въ Царство Божіе нравственное. Разумъ не можетъ изъяснить себѣ сотворенія существъ свободныхъ (ибо, по закону причинности, причина должна опредѣлять свое дѣйствіе и дѣйствіе потому свободнымъ быть не можетъ), но допускаетъ свободу уже существующею и представляетъ себѣ, что существа свободныя опредѣляются къ Царству Божію, не по зависимости ихъ естественной (по сотворенію), а только нравственнымъ понужденіемъ, т. е. призываніемъ. 2) *Тайну удовлетворенія* (за грѣхи). Человѣкъ поврежденный немощенъ; благость Божія можетъ восполнить его силы; но сего восполненія не льзя согласить съ свободою человѣка, по которой до-

бро должно быть нашимъ, а не чужимъ. Разумъ не понимаетъ, какъ кто-либо другой можетъ что либо заслужить вмѣсто его, и потому замѣнительное удовлетвореніе принимаетъ только въ нравственномъ отношеніи (*). 3) Тайну *избранія.* Самая вѣра въ замѣнительное удовлетвореніе, поколику есть опредѣленіе воли къ добру, предполагаетъ въ человѣкѣ Богоугодное свойство, котораго поврежденный человѣкъ самъ въ себѣ произвесть не можетъ. И такъ представляется, что Благодать дѣйствуетъ не по заслугамъ дѣлъ, а по безусловному опредѣленію однимъ дается, другимъ нѣтъ. Сего не льзя согласить съ правдою Божіею, а развѣ отнесемъ къ премудрости Божіей, правило которой для насъ совершенно непостижимо. Стр. 210 и д.

1) Тайны, открываемыя у Канта разумомъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ открываетъ разумъ, мало утѣшительны и незначительны. *Призываніе* человѣковъ чрезъ разумъ къ нравственному Царству Божію такъ слабо, что безъ призыванія чрезъ Откровеніе никогда не доводило и не доводитъ до Богопознанія и Богопочтенія истиннаго (не сіе ли призываніе отозвало и самаго Канта отъ Богопочтенія къ одной нравственности?). *Удовлетвореніе,* какое измышляетъ разумъ, или лучше Кантъ, удовлетворяетъ развѣ одному мудрованію Натуралистовъ, а не правосудію Божію. *Избраніе,* причиною коего самъ разумъ не можетъ поставить заслугъ нашихъ, необходимо или представляется безусловнымъ (фатализмъ), или предполагаетъ

(*) Софистическое Кантово изъясненіе сей тайны представлено выше во 2 Отд. трактата.

то условіе, которое открываетъ намъ Религія Христіанская (Вѣру въ Искупителя).

2) Для разума конечно есть и должно быть много тайнаго. Но не льзя полагать, что у Бога только и есть тѣ тайны, какія открываетъ разумъ. У Безконечнаго для умовъ конечныхъ есть безчисленныя тайны: и кто можетъ увѣрить насъ, что разумъ открываетъ самъ собою всѣ тайны, какія нужны для нашего спасенія, и притомъ открываетъ истинно?

6) О таковыхъ тайнахъ Богъ не могъ открыть намъ ничего: ибо если бы что и открылъ, то мы не уразумѣли бы того: самое вдохновеніе не произведетъ того, къ чему природа ума нашего неспособна. Человѣкъ закономъ нравственнымъ призванъ къ доброй жизни, соблюдая сей законъ можетъ угодить Богу и основаніе сей надежды находитъ самъ въ себѣ; сравнивая сію надежду съ строгостію закона, онъ долженъ всегда испытывать себя какъ бы предъ судіею: вотъ чему учитъ насъ собственный разумъ, наше сердце и совѣсть. Нѣтъ нужды желать откровенія большаго, а еслибъ оно и было, не должно считать оваго вообще необходимымъ (1). Симъ тайнамъ каждый можетъ научиться изъ разума, и откровеніемъ оныхъ можно назвать только то, когда они дѣлаются предметомъ ученія общаго и символомъ новой эпохи Религіи (2). Стр. 217 и д.

1) Само собою разумѣется, что Божественныя тайны, открываемыя намъ, не престаютъ быть тайнами, и полнаго уразумѣнія оныхъ не требуется: намъ довольно знать основаніе сихъ таинъ и то, чего они требуютъ отъ насъ. Но несправедливо

то, что Богъ, открывая намъ нѣчто болѣе, нежели сколько открываетъ разумъ, не можетъ произвесть въ насъ болѣе, какъ тотъ же разумъ. Если не положительное знаніе, то особенное направленіе разума и воли есть тотъ вожделѣнный плодъ, котораго должно ожидать отъ Вѣры въ тайны, открываемыя Богомъ. Тайны сіи, безъ сомнѣнія, необходимы для совершенства и блаженства человѣковъ (безъ сего онѣ не были бы и открыты), и почитать оныя не необходимыми для всѣхъ, значитъ то же, что не желать всему роду человѣческому его истиннаго блага. Человѣкъ *какъ-нибудь* проживетъ и безъ образованія и благоустроеннаго общества; но изъ сего кто заключитъ, что образованіе и гражданскіе законы не нужны вообще для человѣчества?

2) Откровеніе, какое допускаетъ Кантъ, таково же, какъ и откровеніе сей Кантовой Религіи, поставляемое на мѣсто Откровенія Божія. И почему таковые Философы лучше хотятъ свое ученіе называть Откровеніемъ, нежели допускать особенное Откровеніе Божіе? Такая Вѣра въ одинъ свой разумъ есть эгоизмъ, философское Фарисейство, для коего пріятно слышать отъ другихъ: *учителю, учителю!*

4) *О средствахъ для полученія Благодати.*

Возможности соединенія Вышней силы (Благодати) съ нашими силами Кантъ не отвергаетъ. Сіе соединеніе непостижимо, но и самая свобода наша, говоритъ Кантъ, относительно своей возможности, столь же непонятна, какъ и сверхъестественная помощь нашимъ силамъ. Но совѣтуетъ держаться человѣку въ отдаленіи отъ идеи

о Благодати, какъ отъ святыни, дабы, во ожиданіи чудесъ, не сдѣлаться ему неспособнымъ къ употребленію разума, дабы въ страдательномъ покоѣ не ожидать всего свыше. Средства для полученія Благодати представляетъ одни нравственныя, или лучше, принимаетъ средства для нравственности, а не средства для принятія Благодати. Стр. 296 и д.

Удаленіе отъ Священнаго, какъ совѣтуетъ Кантъ, не есть знакъ благоговѣнія къ Священному, а ведетъ къ равнодушію и холодности, или лучше, къ тому состоянію, которое въ Апокалипсисѣ называется ни теплымъ, ни холоднымъ (Ап. 3, 16). Весьма прилично Натуралистамъ все то, что говорится (тамъ же 15 - 18) о Церкви Лаодикійской.

Истинное служеніе Богу есть только добрая нравственность, а не дѣла, посвящаемыя непосредственно Богу. Оно, какъ нечувственное, имѣетъ нужду въ представленіи чувственномъ; но сего средства не должно почитать за самое Богопочтеніе. Вообще средства сіи, относясь къ духу нравственности, представляются слѣдующія: 1) средство для утвержденія и возбужденія въ насъ чувства нравственнаго (*молитва*), 2) средство для распространенія силы онаго на другихъ (собранія церковныя или *хожденіе въ церковь*), 3) средство сохранять оное у потомковъ (у Христіанъ *Крещеніе*) и 4) средство сохранять общеніе и единство членовъ нравственнаго тѣла, торжественное средство, напоминающее имъ о равенствѣ ихъ правъ и участія во всѣхъ плодахъ нравственнаго блага (у Христіанъ *Причащеніе*) (Стр. 298 и д.).

1) Человѣкъ, не изъ одной стороны нравственной состоящій, долженъ имѣть и Богопочтеніе не одностороннее. Посему самое чувственное представленіе духовнаго служенія Богу также относится къ Богопочтенію, какъ внѣшняя часть человѣка къ человѣку.

2) Кантово исчисленіе благодатныхъ средствъ, явно соображено съ ученіемъ Церкви Протестантской. Уже сіе одно показываетъ, какъ слабъ на изобрѣтенія въ дѣлахъ Религіи разумъ, и какъ нужно намъ особенное Откровеніе средствъ благодатныхъ.

Человѣкъ склоненъ замѣнить самое дѣло одною формою, и потому во всѣхъ родахъ Религіи изобрѣлъ нѣкоторые обряды, какъ средства для полученія Благодати, не относя оныхъ къ нравственности, и думая, что чрезъ одно употребленіе нѣкоторыхъ естественныхъ вещей онъ можетъ привлечь божественное вліяніе на самую свою нравственность. Такъ употребляются молитвы, хожденіе во храмъ и проч. *Молитва* поставляется въ выраженіяхъ желаній предъ Всевѣдущимъ, который въ таковыхъ изъясненіяхъ нужды не имѣетъ. Въ насъ должно быть всегда желаніе, быть угодными Богу (нравственно) и твердое намѣреніе жить такъ, какъ бы мы служили самому Богу — духъ молитвы; выраженія же и формулы, хотя могутъ быть пособіемъ для возбужденія въ насъ онаго духа молитвы, но не могутъ имѣть никакого отношенія къ угожденію Богу и быть обязанностію каждаго. Надлежитъ стараться о томъ, чтобы, очищая чувство нравственное, оставаться при одномъ духѣ молитвы, отбросивъ ея букву. Для возбужденія сего духа болѣе дѣйствительно созер-

цаніе премудрости Божіей въ Природѣ, нежели всѣ молитвы. *Хожденіе во храмъ*, какъ средство для взаимнаго людей назиданія, похвально и нужно; но думать, что это есть средство для полученія особенной Благодати и непосредственное Богопочтеніе—есть заблужденіе, которое извращаетъ свойство гражданина Царства Божія, и хочетъ предъ другими и предъ нами самими прикрыть нашъ недостатокъ нравственнаго чувства. За симъ Кантъ, хотя и почитаетъ *Крещеніе*, какъ принятіе въ число Членовъ Церкви, обрядомъ важнѣйщимъ и священнымъ, а *Евхаристію* высокимъ средствомъ для одушевленія всѣхъ любовію братскою, но не хочетъ признавать ихъ Таинствами. (Стр. 300 и д.).

1) Допустивъ, что Богъ участвуетъ въ спасеніи нашемъ и тайно на насъ дѣйствуетъ (чего не отвергаетъ и Кантъ), согласно съ разумомъ допустить, что Богъ безчисленными средствами можетъ подавать намъ Благодать Свою, обыкновенными и чрезвычайными. Почему, на пр., не можетъ Онъ соединять высшей степени силы съ естественными силами нашей пищи, врачевствъ и пр.? Не можетъ ли употреблять случаями, для подаянія особенной Благодати, словъ или наставленія какого-либо человѣка? и т. д. Не могутъ быть излишними, напротивъ въ обществѣ нравственномъ (Церкви), даже нужны и тѣ торжественныя, болѣе общія средства, которыя особенно указываетъ намъ Откровеніе и Церковь, средства, съ которыми, при извѣстныхъ условіяхъ, постоянно соединяется Благодать Божія (*Таинства*).

2) Если молитва (желаніе своего совершенства нравственнаго), какую произноситъ Кантъ предъ

своимъ разумомъ, столько действительна и нужна, какъ онъ полагаетъ: то не большаго ли плода ожидать должно отъ той молитвы, того желанія, которое свидѣтельствуемъ предъ лицемъ Самаго Бога? Что касается до молитвъ устныхъ, то, конечно, это есть только пособіе для молитвы внутренней; но пособіе столь же естественное и необходимое, какъ тѣло душѣ.

3) Съ однимъ машинальнымъ хожденіемъ въ церковь, Богъ, конечно, не соединяетъ особливой Благодати; но собраніе (въ честь Бога) наружное, соединенное съ собраніемъ въ духѣ, есть зрѣлище восхитительное для сердца и достойное вниманія самыхъ Небесъ.

4) Что касается до Таинствъ, то вообще должно замѣтить, что не дѣло Философовъ соединять съ видимымъ въ Таинствѣ то или другое дѣйствіе Божіе. Дерзко и преступно отвергать тѣ права и преимущества, какія соединилъ законодатель съ нѣкоторыми титулами и отличительными знаками въ Государствѣ; но еще преступнѣе отвергать тѣ права и преимущества, какія съ видимымъ въ Таинствахъ соединилъ Законодатель Церкви. Правда, въ церкви разума (Кантовой) Таинства излишни; но они необходимы въ Церкви Божіей (не разумомъ, а Духомъ Божіимъ управляемой).

Въ заключеніе Кантъ хочетъ, кажется, всему Богопочтенію дать видъ какой-то слабости. «Человѣкъ»— говоритъ онъ— «изъ всѣхъ свойствъ «Божіихъ нравственныхъ, святости, благости и «правды принимаетъ одну благость, дабы избѣ«жать тѣхъ непріятныхъ условій, какихъ требу«етъ святость.» Изъ сего долженъ былъ заклю-

читъ Кантъ, что человѣкъ развращенъ и боится правды Божіей, что онъ не смѣетъ надѣяться на одну свою нравственность и потому прибѣгаетъ къ благости Божіей. — «Трудно» — продолжаетъ Кантъ — «быть добрымъ *слугою:* потому лучше «хотятъ быть *друзьями;* прибѣгаютъ къ фор-«мальностямъ, и вымышляютъ себѣ средства «благодатныя. Но опытъ еще не показалъ, чтобы «присвояющіе себѣ Благодать (избранные) чѣмъ «либо превосходили человѣка естественнаго чест-«наго.» Вотъ ложь, которая обличается опытомъ и всею исторіею рода человѣческаго! Никто еще не доказалъ, что одна естественная нравственность когда-либо могла и можетъ исправить человѣка: но Христіанство имѣетъ множество примѣровъ чудесныхъ обращеній и людей превосходной нравственности, одолженныхъ симъ не своимъ силамъ, а Благодати. (Стр. 311 и д.).

Общія замѣчанія на Кантово ученіе о Религіи.

Не льзя причислять Канта къ тѣмъ Натуралистамъ, для которыхъ нѣтъ не только Откровенія особеннаго, но и всеобщаго, т. е. нравственныхъ законовъ въ разумѣ, также Божественныхъ. Напротивъ едва ли кто изъ Философовъ столько благоговѣлъ предъ закономъ нравственнымъ, какъ Кантъ. «Двѣ вещи» говорилъ онъ «болѣе всего «исполняютъ удивленія и благоговѣнія духъ мой: «звѣздное небо, надо мною, и законъ нравственный

«во мнѣ» (1). Строгость его Нравоученія можно сравнивать съ Стоическою, какъ и самое начало его Нравоученія весьма сходно съ главнымъ началомъ закона (2). Только, сіе Нравоученіе приспособлено къ Христіанскому, и потому собственно не есть ни чистое ученіе Христіанское, ни языческое философское.

Глубокое уваженіе Канта къ закону нравственному показываетъ, что сей Философъ обращалъ преимущественное вниманіе на нравственность. Въ семъ-то вниманіи и уваженіи къ нравственности состоитъ все достоинство Канта. Сіе дало ему силы и ревность ополчаться противъ ложныхъ системъ нравственности и опровергнуть всѣ тѣ на зла ихъ, которыя основаны на понятіяхъ или чувствованіяхъ удовольствія и счастія. Отъ сего произошла и та услуга Кенигсбергскаго мудреца Религіи Христіанской, какую замѣчаетъ въ

---

(1) Критика Практическаго Ума, при концѣ. — Мысль, безспорно, высокая и весьма сходная съ тою, какую выражаетъ весь Псаломъ (18) Давида: *Небеса повѣдаютъ славу Божію* и пр. *Законъ Господень непороченъ* и т. д. Только Канту надлежало съ сею мыслію соединить и сіе чувство Давидово: *Грѣхы паденія кто разумѣ? Отъ тайныхъ моихъ очисти мя.* — *И* (тогда) *будутъ во благоволеніе словеса устъ моихъ* (Псал. 18, 13, 15).

(2) Начало Кантово: поступай такъ, чтобъ правило воли твоей могло имѣть достоинство закона всеобщаго, (чтобъ всѣ могли и ты *всегда* могъ поступать по тому же правилу). Начало Зеноново: τὸ ὁμολογουμένως ζῆν· τοῦτο δ' ἐστι καθ' ἕνα λόγον καὶ σύμφωνον ζῆν (Жить всегда согласно, по однимъ и тѣмъ же правиламъ — Aequalitas ac tenor vitae per omnia consonans sibi. *Sen.* Ep. 31). Сходство сихъ началъ показалъ *Кругъ* (W. T. Krug's System d. praktisch. Philosophie. Ч. 2, § 6, прим. 2).

немъ одинъ новѣйшій Философъ. «Кантъ»—говоритъ Баадеръ (*)—«опровергъ то пагубное, бывшее въ его время мнѣніе, будто Религія Христіанская имѣетъ одну пріятную и нѣжную сторону, а «героизмъ и мужество принадлежитъ язычеству. «Признавъ въ человѣкѣ коренное зло, онъ указалъ «воинственное и геройское свойство Христіанской Религіи, непримиримую борьбу съ злымъ «началомъ, которая не должна прекращаться ни «когда до совершеннаго отдѣленія добра отъ зла.» Но на семъ Кантъ и остановился. Утвердивъ строгость и святость Правоученія и Религіи, онъ отнялъ у нихъ все утѣшительное и животворное для человѣка, по самому естеству своему столь далекаго отъ требуемаго закономъ нравственнымъ совершенства; далъ имъ видъ закона дѣлъ, изреченнаго на грозномъ Синаѣ, но отнялъ у нихъ достойный любви и поклоненія образъ закона Благодати, утвержденнаго на Голгоѳѣ. О законѣ Кантовомъ должно то же сказать, что сказалъ Апостолъ о Законѣ Ветхозавѣтномъ: «отъ дѣлъ сего Закона не оправдится всяка плоть предъ Богомъ, ибо симъ закономъ познается только грѣхъ, но не дается оправданіе (Рим. 3, 20)».

Разсматривая ближе Кантову Религію, мы можемъ замѣтить главный недостатокъ ея, отъ котораго произошли всѣ прочіе, и не будемъ удивляться, какъ самое сильное чувство нравственное обратилось у Канта въ чувство безрелигіозное.

(*) Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik, стр. 24.

Онъ столько возвысилъ нравственность, что для оной и при оной ничего болѣе не требовалъ, а потому въ самой Религіи остался при одномъ практическомъ разумѣ, который замѣнилъ для него все. Главный недостатокъ какъ всей его Философіи, такъ и Религіи,—*односторонность*. Кантъ смотритъ на одну нравственную часть человѣка и какъ бы забываетъ, что человѣкъ есть не одна воля, но и разумъ и чувство и животная природа. Сія-то *односторонность* заставляетъ его самыя важнѣйшія истины, какія представляются намъ въ разумѣ или въ Откровеніи, цѣнить только въ отношеніи нравственномъ, и во всемъ искать одного нравственнаго смысла или значенія. Отъ сего идея совершеннаго человѣка у него есть только идея нравственная, Церковь имѣетъ цѣлію одну нравственность, міръ и Исторія существуетъ для той же цѣли и самъ Богъ едва примѣтенъ (такъ сказать) позади Нравоученія Кантова. Истина въ цѣломъ, а не въ части, отдѣленной отъ цѣлаго: посему сколь ни важна та часть, на которую одну обращаетъ вниманіе Кантъ, но ученіе Религіи къ сей одной части приспособленное столь же недостаточно, какъ и ученіе нравственное Аристиппа, ограничивающееся одною физическою природою человѣка. Въ одностороннемъ ученіи не можетъ быть духа и истины.

Впрочемъ самая нравственность не ведетъ ли насъ къ Религіи, къ Богу? Но *односторонность* Канта, дабы не допустить насъ до ближайшаго отношенія къ Богу (требующаго не одной стороны духа) отвергаетъ непосредственныя должно-

сти наши къ Богу. Кантіанцы говорятъ: а) что мы не можемъ ничего дать Богу или на Него дѣйствовать, и только доброю нравственностію можемъ быть Ему угодными. Но дабы видѣть неосновательность сего, довольно замѣтить, что безъ религіознаго чувства нравственность никогда не можетъ быть совершенною. Далѣе говорятъ: б) чувствованія не составляютъ обязанности, а суть необходимыя психологическія слѣдствія при разсматриваніи совершенствъ Божіихъ. Но разсматривать сіи совершенства, свободною дѣятельностію нашею способствовать продолженію и силѣ религіозныхъ чувствованій не есть ли нашъ долгъ? Далѣе: в) что называется должностію къ Богу, то есть или должность къ намъ самимъ, на пр. уваженіе, или къ другимъ, на пр. клятва. Но не удивительно, если непосредственныя наши должности къ Богу распространяютъ силу свою и на другія должности: всѣ должности наши соединены неразрывно. Далѣе: г) только представленіе (идея) Бога необходимо намъ для исполненія должностей. Но развѣ Богъ есть одна идея, а не дѣйствительное Существо? Если Кантъ требуетъ (и справедливо) уваженія къ разумной природѣ въ каждомъ человѣкѣ: то не требуется ли высочайшаго уваженія къ высочайшей природѣ разумной — къ Богу? Наконецъ: д) непосредственныя должности къ Богу имѣютъ видъ человѣкообразнаго служенія Властямъ. (Hofdienst) и отклоняютъ насъ отъ долга нравственнаго. — Ложь и клевета! — Должности сіи, питающія чувство благочестія, питаютъ всѣ нравственныя чувства. Посему нѣтъ возвышен-

ніе, благотворніе, святіе тѣхъ дѣйствій, которыя особенно посвящены Существу Верховному. Сіе Существо, конечно, столь высоко, что не имѣетъ нужды въ нашихъ обрядахъ, но мы столь малы предъ Нимъ, что для возвышенія духа нашего сіи обряды необходимы, и, если они выражаютъ и возбуждаютъ въ насъ чувствованія религіозныя, то всегда суть лучшія пособія и для доброй нравственности.

Отвергши непосредственныя должности наши къ Богу, та же *односторонность* Канта всю Религію ограничиваетъ одною нравственностію, т. е. исполненіемъ должностей нашихъ къ себѣ и другимъ. Конечно, безъ доброй нравственности не можетъ быть истинной Религіи, но для Религіи недовольно одной нравственности. Религія имѣетъ преимущественное отношеніе къ Богу, а нравственность, сама по себѣ, относится только къ нашему благу и безъ отношенія къ Богу, ведетъ къ эгоизму. У Канта выше всего добродѣтель, и притомъ добродѣтель просто человѣческая, человѣкамъ (или лучше Канту) угодная, а не Богу. Достойно ли сіе названія Религіи?

Поставивъ такую добродѣтель на мѣстѣ Бога, *односторонность* Канта останавливается на однихъ естественныхъ силахъ человѣка и не признаетъ нужды Откровенія и средствъ сверхъестественныхъ. Кантъ составляетъ себѣ идеальнаго человѣка героя добродѣтели, и, кажется, забываетъ, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковъ, что при слабыхъ силахъ нашихъ, при всегдашнихъ опасностяхъ для нашей добродѣтели, внѣшнихъ и

внутреннихъ, намъ всегда необходима помощь Вышняя, именно та, какую представляетъ Религія Откровенная.

Наконецъ, отнимая у человѣка высшія средства, *односторонность* Кантова хочетъ отнять у него и внѣшнія средства Религіи. Уже ли человѣкъ есть безплотный духъ, а не существо духовно-чувственное? Для самой нравственности не нужно ли ученіе внѣшнее, поощренія, побужденія, училища, общественное приличіе и проч. — т. е. средства внѣшнія? Почему же не должны быть таковыя средства для Религіи? Средства сіи не только нужны на время, но и на всю земную жизнь человѣка. Ибо здѣсь человѣкъ никогда не выходитъ изъ дѣтства предъ Небомъ.

И такъ, что есть Кантова Религія? *деизмъ* отдаляющій отъ человѣка, а не приближающій къ нему Бога, а потому отдаляющій и человѣка отъ Бога; *натурализмъ*, не допускающій ничего сверхъестественнаго и покланяющійся одному практическому разуму. Такая Религія можетъ ли быть угодна Богу? Никогда! ибо Богъ не раздѣляетъ славы своей съ нашимъ практическимъ разумомъ, и не можетъ одобрить того плана Богопочтенія, который мы составляемъ сами собою, столь мало относя оный къ Нему и такъ тѣсно ограничивая сей планъ собою. Можетъ ли сія Религія быть удовлетворительна и для человѣка? Нѣтъ! ибо не удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ его потребностямъ, довольствуясь одною (безжизненною) нравственностію. Самые ученики Канта (какъ показано прежде) недовольны такою Религіею.

Какимъ же образомъ могла она казаться истинною Канту? Въ Критической своей Философіи отвергши истину теоретическаго разума и опыта, Кантъ нигдѣ не находилъ твердаго основанія, кромѣ разума практическаго, и потому сей полу-скептикъ не могъ не радоваться, что по крайней мѣрѣ здѣсь находитъ онъ покой сомнящемуся своему духу. Но отнявъ слишкомъ много въ одной части человѣка, онъ слишкомъ много положилъ въ другой. Философія его была волнующееся море, котораго воды устремились наконецъ въ одну сторону, и изъ песку и ила составили уединенный островъ, на которомъ никто не согласится жить: ибо онъ весьма далекъ отъ твердой земли и самъ собою не можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни человѣческой.

І. С.

4.

О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ

ГАНЗЕЙСКИХЪ КОНТОРЪ ВООБЩЕ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО БЕРГЕНСКОЙ.

Ганза кромѣ всеобщаго историческаго интереса имѣетъ для насъ еще особенную занимательность по вліянію ея на образованіе нашихъ Сѣверныхъ Областей — Новгорода и Пскова. Духъ, права и важность этихъ знаменитыхъ въ Древней Руси областей истекали изъ участія ихъ въ Ганзейской торговлѣ: потому раскрытіе способовъ и средствъ этой торговли ведетъ къ познанію источниковъ, при коихъ возникли особенности, отличавшія эту часть Россіи отъ прочихъ ея Княжествъ. Сія мысль послужила поводомъ къ нижеслѣдующему описанію.

Ганза, имѣя одною изъ главныхъ опоръ своей монополіи невѣжество того времени и неумѣніе производить дѣла коммерческія, во многихъ случаяхъ облекалась покровомъ тайны: отъ того многое еще остается неяснымъ въ ея Исторіи. Между предметами, наиболѣе интересующими въ сей послѣдней, особенно занимательны внутренняя организація союза и устройство тѣхъ факторій или конторъ заграничныхъ, въ которыхъ сосредо-

точивалась политическая и коммерческая дѣятельность Ганзы и которые странностію началъ, служившихъ имъ основаніемъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Такъ какъ эти конторы были въ одно и то же время крѣпостями и монастырями, что къ сожалѣнію Лѣтописцы весьма мало сохранили намъ свѣдѣній о нихъ. Мы знаемъ общія ихъ черты, но къ нимъ не достаетъ подробностей, которыя бы представляли въ ясномъ свѣтѣ внутреннюю жизнь конторъ Ганзейскихъ. Такъ какъ долѣе всѣхъ существовала Бергенская, то и устройство ея описано съ большею подробностію, нежели устройство прочихъ конторъ. Это описаніе находится въ книгѣ Людовика Гольберга, переведенной въ началѣ XVIII столѣт. съ Датскаго на Нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «Ludewig's Freyherrn von Holberg Beschreibung der berühmten Haupt-und-Handelstadt Bergen. Coppenhagen. Zweite Auflage 1750 года. Книга эта, о которой историкъ Ганзы, Сарторіусъ, отзывается съ большою похвалою (1), и которая — какъ самъ онъ говоритъ (2) — служила ему важнѣйшимъ источникомъ для описанія устройства конторы Бергенской, довольно рѣдка; а такъ какъ Сарторій заимствовалъ изъ нея только главныя черты, оставивъ многія подробности, которыя впрочемъ весьма любопытны, то, найдя эту книгу въ Королевско-Берлинской Библіотекѣ, я не излишнимъ почелъ ознакомить съ нею Русскихъ читателей,

---

(1) Geschichte des Hanseatischen Bundes. T. I, стр. 545.

(2) Idem. T. II, стр. 524.

стараясь извлечь изъ нея преимущественно то, что опущено Сарторіемъ въ его Общей Ганзейской Исторіи.

Города Ганзейскіе вели торговлю съ Бергенемъ еще въ половинѣ XIII столѣт.; но сначала купцы ихъ не только не имѣли въ Бергенѣ никакихъ поселеній, имъ не позволялось даже оставаться на долгое время въ городѣ. Мало по малу, смотря по успѣхамъ развитія внутренней силы и важности союза, Ганза пріобрѣтала отъ Королей Норвежскихъ болѣе и болѣе важныя преимущества, съ помощію коихъ она старалась отстранить Бергенскихъ гражданъ отъ торговли и добывать туземные товары прямо отъ производителей, безъ посредства гражданъ Бергенскихъ: что было постоянною политикою Ганзы во всѣхъ Государствахъ. Жители Бергена, съ своей стороны, противились водворенію среди себя купцевъ иноземныхъ; но политическая сила Ганзы, а всего болѣе ея коварная политика, подкрѣпленная насиліями, доставили имъ средства стать крѣпкою ногою въ Бергенѣ и сдѣлать этотъ городъ складочнымъ мѣстомъ для своей Норвежской торговли. Купцы Ганзейскіе получили право не только зимовать, но даже жить въ Бергенѣ и завели въ немъ свои дома, лавки, магазины—словомъ цѣлую факторію, занимавшую особую часть города. Всѣ эти заведенія ихъ истреблены были въ 1463 году пожаромъ и послѣ были выстроены такъ, какъ мы опишемъ ниже.

Прежде нѣсколько словъ о положеніи Бергена.

Городъ Бергенъ лежитъ полукружіемъ вокругъ залива, служащаго ему гаванью; одно крыло этого полукружія составляло собственно городъ, другое же, противоположное первому, называлось *«мостъ»* (Brücke или Garpenbrücke). Оба эти конца соединялись кварталомъ Шустеровъ (Schustergasse) или Нѣмецкихъ ремесленниковъ, поселившихся въ Бергенѣ для службы конторѣ и въ ссорахъ сей послѣдней съ городомъ всегда поддерживавшихъ ея сторону.

Мостъ или конторская сторона Бергена послѣ пожара 1463 года состояла изъ двухъ приходовъ— Преч. Дѣвы Маріи и Св. Мартина: къ первому принадлежало 13, а ко второму 9 дворовъ, изъ коихъ каждый, съ принадлежащими къ нему зданіями, составлялъ почти цѣлый кварталъ. Дворы тянулись вдоль берега залива и предъ каждымъ изъ нихъ находился надъ водою мостъ (Brücke), т. е. пристань, снабженная крюкомъ (Wippe) для поднятія товаровъ, подвозимыхъ на корабляхъ къ самымъ этимъ мостамъ. Дворы раздѣлялись на простые и двойные. Послѣдніе имѣли вмѣсто одной двѣ такихъ машины на своемъ мосту или пристани. Каждый дворъ носилъ особое названіе и имѣлъ особый щитъ или гербъ.

(1) Слово *Garp* толкуютъ различно: одни почитаютъ его общимъ наименованіемъ Нѣмцевъ на Сѣверѣ; другіе думаютъ, что *Garp* означало *вошь* и употреблялось для наименованія Ганзейскихъ купцовъ, которые своею коварною торговлею высасывали товары и деньги у туземцовъ, какъ это насѣкомое высасываетъ кровь человѣка; наконецъ третіи производятъ это слово отъ *Gaard* — дворъ и *pog* — юноша и такимъ образомъ *Garp* принимаютъ за сокращенное *Garpog* — конторный юноша, купеческій прикащикъ.

Въ самомъ маломъ дворѣ жило по крайнѣй мѣрѣ 15 семействъ; но чѣмъ обширнѣе дворъ, тѣмъ болѣе онъ былъ населенъ. — Жители каждаго двора образовали особую общину, подраздѣленную на семьи или хозяйства (Haushaltungen), находившіяся въ завѣдываніи особыхъ хозяевъ (Hauswirthe). Для объясненія, что такое были эти хозяйства, должно дать понятіе о постоянныхъ жителяхъ конторъ Ганзейскихъ.

По законамъ Ганзейскимъ ни одинъ изъ городовъ, принадлежащихъ къ союзу, не могъ вести торговли съ Норвегіею, если не имѣлъ въ Бергенской конторѣ своего двора или участка во дворѣ и не содержалъ особаго повѣреннаго съ достаточнымъ числомъ служителей для завѣдыванія его дѣлами. Эти повѣренные были тѣ хозяева (Hauswirthe), о которыхъ мы упомянули выше; а подчиненные имъ прикащики, сидѣльцы и прочіе коммерческіе служители составляли ихъ семьи или хозяйства (Haushaltungen). Хозяева были повѣренными не только одного какого-нибудь Ганзейскаго города, но иногда нѣсколькихъ мелкихъ городовъ, а иногда одного какого-нибудь важнаго купеческаго дома. Получая отъ нихъ жалованье для себя и деньги на содержаніе служителей или семьи, хозяева должны были въ общей торговлѣ преимущественно наблюдать выгоды своихъ вѣрителей и завѣдывать всѣми ихъ дѣлами въ канторѣ, т. е. когда приходилъ корабль изъ того города, въ службѣ коего они находятся, то они принимали товары, хранили ихъ, обмѣнивали на туземныя, нагружали сіи послѣдніе на корабли и

отправляли ихъ своимъ вѣрителямъ, ведя всему счеты и давая имъ въ нихъ отчеты: словомъ, они завѣдывали всѣми оборотами общества, дома или города, въ службѣ коихъ находились. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ каждый хозяинъ былъ независимое лице въ Конторѣ и давалъ отчетъ только своимъ вѣрителямъ. Но общія выгоды всей Ганзы, всего торгующаго сословія, одинаковыя отношенія, почти всегда враждебныя, къ правительству и гражданамъ городовъ, въ которыхъ находились факторіи, наконецъ порядокъ, устройство Конторы и прочія общественныя потребности подчиняли какъ хозяевъ, такъ и всѣхъ контористовъ общему конторному правленію — Совѣту Осьмнадцати, о которомъ будетъ сказано ниже. Каждый хозяинъ былъ полный начальникъ, судья, попечитель надъ своею семьею или подчиненными ему служителями и прикащиками; онъ снабжалъ ихъ кушаньемъ, напитками и прочими потребностями жизни изъ суммъ отпускаемыхъ на то городомъ или домомъ, коего дѣлами они завѣдывали.

За хозяевами, по порядку званій, слѣдовали гезели или прикащики (Gesellen). Они завѣдывали лавками, принимали, выдавали, продавали товары и обязаны были смотрѣть за работою и поведеніемъ учениковъ или юнговъ, словомъ были помощниками хозяевъ.

Юнги раздѣлялись на два класса: одни изъ нихъ были уже взрослые молодые люди, другіе же мальчики и даже дѣти, моложе 10 лѣтъ. Первые назывались корабельными юнгами или прислужниками (Bootsjungen oder Knechte), потому что

должность ихъ состояла въ надзорѣ за приходящими судами; обыкновенно въ каждомъ хозяйствѣ было отъ 3 до 4 такихъ юнговъ; вторые же носили названіе комнатныхъ юнговъ или прислужниковъ (Stubenjungen). Это была первая ступень въ контору, первое конторское званіе: каждый посвящавшій себя конторной службѣ долженъ былъ начинать съ комнатнаго юнга и, постепенно возвышаясь до гезеля, хозяина и далѣе, пройти такимъ образомъ полный практическій курсъ Ганзейской конторной торговли. Никто не могъ быть гезелемъ не бывши ботсъюнгомъ, а въ ботсъюнги поступали не иначе какъ изъ штубенъюнговъ. Эти комнатные юнги несли самую низкую службу въ хозяйствахъ или семьяхъ и должны были, подъ надзоромъ старшихъ гезелей, служить на кухнѣ и погребѣ и исполнять всѣ домашнія комнатныя потребности того хозяйства, къ коему принадлежали. Прослуживъ нѣкоторое число лѣтъ и достигнувъ юношескаго возраста, комнатные юнги вступали въ разрядъ корабельныхъ юнговъ, но прежде нежели изъ сихъ послѣднихъ входили въ классъ гезелей — званіе имѣвшее уже важность въ дѣлахъ торговыхъ и въ Конторѣ — имъ надлежало выдержать трoякій искусъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Всѣмъ чиновникамъ, служителямъ, словомъ, всѣмъ жителямъ конторы запрещалось, подъ страхомъ изгнанія изъ Конторы и исключенія изъ всѣхъ выгодъ и преимуществъ Ганзейскаго союза, вступать въ бракъ; въ первыхъ же столѣтіяхъ существованія Ганзы запрещалось даже подъ

страхомъ смертнаго наказанія оставлять Контору и селиться въ городѣ. Эта мѣра предпринята была недовѣрчивою политикою Ганзы съ тою цѣлію, чтобъ отклонить всякое средство къ сближенію контористовъ съ гражданами того города, гдѣ находится Контора и чрезъ то отнявъ у нихъ всякую другую цѣль, всякое другое стремленіе въ жизни, сосредоточить ихъ на тѣхъ меркантильныхъ выгодахъ, которыя, служа къ общей пользѣ союза, обогащали вмѣстѣ съ тѣмъ самихъ контористовъ, и такимъ образомъ привязать ихъ на всегда къ интересамъ Конторы. Монопольная система Ганзы естественно была во вредъ туземцамъ и Ганза справедливо опасалась, что, дозволивъ брачные союзы контористовъ съ туземцами, или, допустивъ чтобъ служители ея имѣли какую-либо собственность внѣ Конторы, сіи послѣдніе должны бы были раздѣлять силы свои между семействомъ и Конторою и слѣдовательно не въ состояніи были бы ревностно преслѣдовать интересы сей послѣдней и также могли передать духъ торговой предпріимчивости гражданамъ и чрезъ то доставить союзу опасныхъ соперниковъ.

Каждый дворъ имѣлъ собственныя права и законы. Притомъ же эти права или законы каждаго двора еще подраздѣлялись такимъ образомъ, что дворъ слѣдовалъ однимъ правиламъ лѣтомъ, когда различныя его хозяйства жили отдѣльно, каждое въ своихъ покояхъ; а другимъ правиламъ въ зимнее время, когда всѣ семейства собирались въ одной опредѣленной на то части

двора и жили вмѣстѣ. Разумѣется, здѣсь подъ правами должно понимать не что иное, какъ полицейскія и хозяйственныя постановленія, опредѣлявшія отношенія лицъ между собою. Мѣсто, предназначенное для зимней жизни называлось шитшингъ (Schütting) и находилось въ задней части двора. Это было не что иное, какъ большой деревянный домъ или лучше сказать сарай безъ оконъ, съ одною только дверью для входа. Свѣтъ проникалъ въ него сверху, чрезъ сдѣланные въ крышѣ отдушины, большей или меньшей величины смотря по объему комнаты. Эти отдушины (Loch) закрывались рамою со стеклами, которая, посредствомъ прикрѣпленнаго къ ней шеста, могла вставляться и отниматься по произволу. Такое устройство зимнихъ жилищъ заимствовано Ганзейцами у туземныхъ Норвежцевъ, строившихъ дома свои точно такимъ же образомъ, т. е. съ отверстіями вверху для выпуска дыму отъ горѣвшаго среди комнаты на очагѣ огня; послѣ топки эти отверстія закрывались рамою, для удержанія въ комнатѣ тепла и служили вмѣсто оконъ. Названіе Schütting произошло отъ Нѣмецкаго слова Schütz «защита», потому что въ жилищахъ такого рода контористы искали защиты отъ Сѣверныхъ морозовъ. Такъ какъ эти жилища принадлежали равно всѣмъ партіямъ или хозяйствамъ цѣлаго двора, то въ нихъ находилось столько столовъ, сколько считалось во дворѣ хозяевъ. Каждый хозяинъ имѣлъ свой столъ, за которымъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ подвѣдомыми ему гезелями и юнгами. Обыкновенно контористы

переселялись въ эти шиттинги осенью, около дня Св. Мартина и оставляли ихъ въ началѣ весны, Великимъ постомъ.

Общими дѣлами всей Конторы, ея сношеніями съ мѣстными властями, отчетами Ганзейскому Сейму, наконецъ внутреннимъ устройствомъ, полиціею и судопроизводствомъ въ ссорахъ между конторными служителями завѣдывалъ особый Совѣтъ, состоявшій изъ 18 особъ, избиравшихся изъ ученѣйшихъ и старѣйшихъ хозяевъ. Члены этого Совѣта назывались просто Осьмнадцатью «Achtzehner oder 18 männer» и собирались въ особой предназначенной для того залѣ, находившейся надъ главнымъ виннымъ погребомъ Конторы и носившемъ названіе купеческой залы (Kaufmannsstube). Изъ этихъ осмнадцати Членовъ избирались два отличнѣйшіе и почтеннѣйшіе, которые съ титуломъ Альтермановъ предсѣдательствовали въ Совѣтѣ и представляли высшую исполнительную власть Конторы; остальные Члены Совѣта Осьмнадцати, кромѣ присутствія въ засѣданіяхъ, исполняли также различныя должности при факторіи, какъ то, одинъ изъ нихъ былъ экономъ или казначей (Schaffner), другой сборщикъ пошлинъ (Einnehmer); третій выдавалъ суммы на конторныя издержки (Ausgeber) и проч. Каждому изъ нихъ дано было достаточное число служителей, называвшихся Kaufmannsdiener для исполненія ихъ распоряженій; кромѣ того при Совѣтѣ находился Секретарь, отъ котораго требовалось, чтобы онъ имѣлъ ученую степень, по крайней мѣрѣ Лиценціата Правъ.

Въ дѣлахъ церковныхъ Бергенская Контора относилась сперва къ мѣстному Духовенству; но въ послѣдствіи контористы силою завладѣли двумя церквами, находившимися въ той части города, которая называлась Мостомъ и послѣ постоянно выписывали изъ Германіи Нѣмецкихъ Проповѣдниковъ съ причетомъ для этихъ двухъ приходовъ.

Мелкія ссоры и вражды между гезелями и юнгами обыкновенно рѣшались хозяевами тѣхъ партій, къ коимъ принадлежали ссорившіеся, или наконецъ Альтерманами дворовъ; но въ дѣлахъ болѣе важныхъ и въ ссорахъ старшинъ розыскъ и рѣшеніе принадлежали Совѣту 18-ти. Недовольные его приговоромъ могли брать дѣло на апелляцію въ Любекъ и потомъ въ высшую инстанцію — съѣздъ Депутатовъ Ганзейскихъ городовъ, иначе называвшійся Общимъ Ганзейскимъ Сеймомъ. Совѣтъ 18-ти налагалъ на виновныхъ наказанія и штрафы; но въ случаѣ ссоръ между контористомъ и туземнымъ гражданиномъ онъ почти всегда являлся пристрастнымъ и не только не наказывалъ подчиненныхъ своихъ за обиды и притѣсненія, которыя они дѣлали Бергенскимъ жителямъ, но напротивъ даже ободрялъ ихъ въ томъ, такъ что бѣдные граждане рѣдко находили правосудіе въ дѣлахъ съ Ганзейцами, не подчиненными иному правительству, кромѣ конторнаго. Это правительство не только стѣсняло гражданъ, но даже явно возставало противъ туземныхъ властей и вопреки запрещеніямъ Королей и къ подрыву Королевскихъ интересовъ имѣло свои питейные домы,

давало у себя пристанище всякой сволочи и безнаказанно производило удивительныя своевольства и насилія подъ покровомъ своихъ коммерческихъ привиллегій. Короли Норвежскіе, по собственной слабости и изъ боязни Ганзейскаго Союза, не одинъ разъ силою оружія, принуждавшаго ихъ къ выгоднымъ для себя условіямъ, не смѣли и не могли взять рѣшительныхъ мѣръ противъ Конторы, даже совершенно не вмѣшивались въ коммерческія дѣла Бергена; а граждане много разъ претерпѣвавшіе разореніе отъ Ганзейскихъ военныхъ судовъ, боялись сами возстать противъ факторіи. При тѣсномъ единодушіи контористовъ, коихъ считалось до 3000 здоровыхъ и сильныхъ людей могущихъ носить оружіе, Контора не боялась незапныхъ нападеній; притомъ же она, или часть города, занимаемая ею, была укрѣплена каменною стѣною и такъ хорошо оберегаема, что, владѣя гаванью, рѣшельно была внѣ всякой опасности. Развратъ, гнѣздившійся въ такомъ множествѣ богатыхъ и большею частію молодыхъ людей, давалъ Конторѣ новое оружіе на бѣдныхъ гражданъ. Контористы, прельщая женъ и дочерей ихъ, посѣвали раздоръ и несогласіе въ семействахъ, вывѣдывали всѣ намѣренія, предпріятія мирныхъ своихъ противниковъ и такимъ образомъ совершенно опутывали ихъ своими сѣтями. — Авторъ, изъ коего мы заимствуемъ это описаніе, съ подробностію изображаетъ картину Ганзейскаго разврата и даже исчисляетъ по именамъ тѣ вольные дома, которые, находясь въ конторской части Бергена, были пріютомъ грубаго разврата Ганзейцевъ и, говоря

о несчастныхъ женщинахъ, населявшихъ эти вертепы, замѣчаетъ, что ихъ тамъ было болѣе, чѣмъ собакъ въ Конторѣ.

Не каждый былъ способенъ къ жизни такого рода между развратомъ и опасностію, въ вѣчныхъ ссорахъ и безпрерывной оппозиціи съ туземцами; потребна была рѣшимость, чтобы отказаться отъ семейства, мирнаго счастія и погрузиться въ это эгоистическое существованіе, въ которомъ представлялись только двѣ цѣли — золото и развратъ. Отъ того хотя Контора и принимала въ среду свою даже и дѣтей, но предъ вступленіемъ въ гезели каждый контористъ долженъ былъ подвергнуться искусу и тѣлесными страданіями доказать готовность свою къ этой жизни, отъ которой онъ уже не могъ отказаться, къ ея опасностямъ, удовольствіямъ и къ тому товариществу, которое было главною ея поддержкою. Ганза хотя имѣла важное политическое значеніе, однако была вмѣстѣ съ тѣмъ частнымъ обществомъ, сектою — т. е. имѣла интересы и цѣли, клонившіеся исключительно къ ея собственной пользѣ и противныя выгодамъ и цѣлямъ тогдашнихъ Государствъ. Подобно другимъ религіознымъ, политическимъ и проч. Обществамъ и сектамъ Среднихъ вѣковъ, она существовала, гласно имѣла открытую цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ стороннія намѣренія и цѣли, хранившіяся въ тайнѣ въ Конторахъ, бывшихъ важнѣйшими пунктами ея дѣятельности. Эти тайны, разумѣется, были не что иное, какъ извѣстныя средства удержать въ рукахъ своихъ монополію, уничтожить коммерцію страны, гдѣ находится Контора, сдѣлать себя

необходимою для туземнаго Правительства; но отъ обнародыванія ихъ могло ниспровергнуться все зданіе Ганзы: отъ того она такъ много заботилась о томъ, чтобы контористы не сливались съ гражданами, отказались отъ семейства, общества, и посвящали себя службѣ ея на всю жизнь; отъ того пріемъ въ гезели — первое конторское званіе, имѣвшее важность — сопряженъ былъ, какъ пріемъ во всѣ общества и корпораціи Среднихъ вѣковъ, съ искусомъ, съ испытаніями. Впрочемъ Гольбергъ приводитъ другую причину этихъ испытаній: именно ту, что Контора посредствомъ ихъ желала отдалить отъ себя людей богатыхъ и сильныхъ, опасаясь, чтобы они не овладѣли всею торговлею и, имѣя собственныя достаточныя средства, не были холодны и нерадивы въ опасномъ преслѣдованіи выгодъ Конторы. Въ этомъ случаѣ она, разумѣется, болѣе могла полагаться на людей бѣдныхъ, существующихъ только ею и для нея: а потому для отдаленія богатыхъ ввела испытанія, тяжесть коихъ не многіе зажиточные люди рѣшались выдержать.

Каждый морской юнгъ (Bootsjung), вступавшій въ гезели, долженъ былъ вынести три рода испытаній, называвшихся играми (Spiele), потому что они сопровождались грубыми комическими обрядами. Первое испытаніе или первая игра называлась *игра дымомъ* (Rauchspiele). Она отправлялась обыкновенно въ 10 часовъ вечера, когда большая часть народу спала. Съ того двора, въ которомъ находились принимаемые, начиналось шествіе къ улицѣ шустеровъ или въ ту часть города, кото-

рая, соединяя собственно городъ съ Мостомъ или Конторою, была населена Нѣмецкими мастеровыми. Въ этомъ шествіи находились обыкновенно конторные весельчаки или шуты, изъ коихъ одинъ наряженъ былъ въ дурацкое платье, другой — крестьяниномъ, третій — крестьянкою; каждый имѣлъ при себѣ пустое ведро или какой-нибудь сосудъ. Когда шествіе достигало Шустергауза или Ратуши шустеровъ, то эти пустые сосуды наполняемы были тамъ шерстью, волосами, гнилушками и разнаго рода вонючими веществами. Потомъ всѣ, участвовавшіе въ шествіи, возвращались попарно при звукѣ барабановъ на тотъ дворъ, съ коего вышли, и дорогою обрызгивали любопытныхъ зрителей грязью и всякаго рода нечистотою. Пришедши на дворъ, вводили принимаемаго въ шиттингъ и, обвязавъ веревкою, поднимали вверхъ къ отверстію предназначенному для выпуска дыму, а внизу подъ этимъ отверстіемъ раскладывали принесенныя вонючія вещества и зажигали ихъ. Несчастный, вися на воздухѣ надъ этимъ смрадомъ, долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не лишался памяти отъ дыму: послѣ его отливали водою.

Вслѣдъ за тѣмъ слѣдовалъ второй искусъ или игра водою (Wasserspiel). Она производилась однажды въ году, именно въ 10 день послѣ Троицына дня въ Среду. Сначала спрашивали принимаемыхъ, согласны ли они выдержать это испытаніе, и по полученіи утвердительнаго отвѣта ихъ угощали роскошнымъ столомъ, къ которому они имѣли право пригла-

шать своихъ пріятелей. Около трехъ или четырехъ часовъ послѣ обѣда принимаемые садились въ боты и вмѣстѣ съ гезелями отъѣзжали отъ берега на довольно большое пространство; потомъ совершенно раздѣвались, и гезели, взявъ ихъ за ноги, погружали въ воду, тогда какъ другіе, находившіеся на другомъ ботѣ, били ихъ розгами, когда они выплывали. Это погруженіе повторяли до трехъ разъ; потомъ возвращались во дворъ, гдѣ выдержавшіе испытаніе угощаемы были столомъ.

Третья игра называлась игрою бичей (Staupenspiel). Эта игра производилась четыре дни спустя послѣ испытанія водою и сначала каждогодно, потомъ въ два года разъ и наконецъ въ три года разъ. Когда объявляли игру бичей, то всѣ вновь вступившіе или кандидаты въ гезеля, еще не подвергавшіеся этому испытанію, должны были собраться на предназначенномъ для того дворѣ, съ котораго они отправлялись на лодкахъ къ ближайшему вдоль берега лѣсу за березовыми вѣтвями и, возвратившись съ ними назадъ, угощаемы были кушаньемъ и напитками. Между тѣмъ въ шиттингѣ отгораживали одинъ изъ угловъ и эту отгородку обвѣшивали полотнами, на коихъ намалеваны были щиты каждаго двора. Это мѣсто называлось Borge или Paradies. По срединѣ его ставили скамью, на которой должно было происходить испытаніе и связавъ множество пучковъ розогъ сносили ихъ туда же. Восемь или десять сильнѣйшихъ и здоровѣйшихъ гезелей избираемы были изъ всей конторской молодежи и имъ препоручалось сѣчь новопринимаемыхъ. На слѣдующій

день новопринимаемые, подъ предводительствомъ двухъ молодыхъ хозяевъ, при звукахъ барабановъ отправлялись за городъ въ садъ. Торжественное ихъ шествіе сопровождали шуты: одинъ въ дурацкомъ колпакѣ, другой одѣтый крестьяниномъ съ телячьею шкурою на плечахъ и съ бородою изъ коровьяго хвоста. Тотъ и другой привѣтствовали встрѣчавшихся имъ на дорогѣ остротами въ стихахъ и потчивали виномъ, которое несли съ собою: за что получали отъ нихъ подарки; третій шутъ, переодѣтый крестьянкою, несъ въ одной рукѣ плѣть, а въ другой ведро съ водою, которою обливалъ всѣхъ ему встрѣчавшихся. Въ такомъ же порядкѣ — только съ березовыми вѣтвями въ рукахъ—возвращалось шествіе назадъ въ Контору и угощаемо было виномъ предъ Ганзейскимъ погребомъ: послѣ чего оно отправлялось на тотъ дворъ, гдѣ собственно должны были происходить игры. Когда всѣ входили въ шиттингъ, то одинъ изъ старшинъ двора говорилъ краткую рѣчь къ новопринимаемымъ, въ коей поощрялъ ихъ къ труду, отклонялъ отъ пьянства и оканчивалъ воззваніемъ, что если они не желаютъ подвергнуться предстоящему испытанію или не надѣются выдержать его, то сказали бы о томъ заранѣе, пока есть еще время.

Такъ какъ эти грубыя и жестокія испытанія сопровождались пиршествами и гаерствомъ, то на нихъ стекалась многочисленная толпа зрителей и почтеннѣйшіе приглашались къ тому нарочно. Гости угощаемы были пиромъ, за которымъ служили имъ новопринимаемые, а дуракъ и

крестьянинъ забавляли всѣхъ своими фарсами. По окончаніи пира являлись два конториста, одинъ, переодѣтый знатнымъ господиномъ, а другой его слугою. Они входили въ жаркой между собою споръ, который оканчивался тѣмъ, что господинъ и слуга слагали вину своей размолвки на шута; тотчасъ же присутствовавшіе, какъ бы силою, брали сего послѣдняго и отводили его въ такъ называемое скрытное мѣсто Borge oder Paradies, и если этотъ шутъ былъ также новопринимаемый, еще не выдержавшій своей пробы, то онъ первый долженъ былъ выдержать строгое испытаніе розгами; если же онъ былъ уже гезель, то дѣло кончалось этою грубою комедіею. По удаленіи шута, посторонніе посѣтители, не принадлежавшіе къ Конторѣ, должны были удалиться; а новопринимаемые между тѣмъ угощаемы были сытнымъ столомъ, на которомъ ихъ старались какъ можно болѣе напоить, чтобъ они не могли узнать, кто будетъ ихъ сѣчь; потомъ ихъ схватывали и вносили по одиначкѣ за упомянутую отгородку (Paradies) и сѣкли тамъ до тѣхъ поръ, пока старшины ударомъ въ тазъ не давали знака къ прекращенію этого тяжкаго испытанія. Обыкновенно шутъ первый выдерживалъ или притворялся, что выдержалъ испытаніе, и выбѣгая изъ-за загородки, жаловался на претерпѣнное имъ насиліе; какъ бы въ отмщеніе за то онъ хваталъ старшаго изъ новопринимаемыхъ, вносилъ его въ загородку, съ особенною прибауткою. Тутъ онъ клалъ бѣднаго на скамью, и начиналось испытаніе, въ которомъ рѣдко оказывали пощаду юно-

сти: случалось, что въ этой и предъидущихъ играхъ несчастные погибали подъ тяжестью испытаній. Во все время, пока сѣкли за загородкою новопринимаемыхъ, вокругъ шипинга раздавались крики голосовъ и звукъ барабановъ, чтобъ заглушить вопль несчастныхъ, страдавшихъ подъ ударами. Вся эта кровавая комедія оканчивалась тогда, когда шутъ выносилъ на плечахъ изъ-за загородки младшаго изъ новопринимаемыхъ, который былъ пытаемъ послѣдній, и привѣтствовалъ собраніе изъявленіемъ желанія, чтобъ такія игры продолжались постоянно для преуспѣянія и процвѣтанія торговли. Издержки этого праздника несли новопринимаемые, исключая кушанья, которымъ служили ихъ хозяева.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ игръ, существовали другія, отправлявшіяся частію въ самой Конторѣ, частію въ кварталѣ шустеровъ. Эти игры были не менѣе безчеловѣчны, но еще болѣе отвратительны и даже развратны. Всѣ онѣ отмѣнены и строжайше запрещены Королевскимъ повелѣніемъ въ 1671 году, когда Ганза уже почти не существовала и ограничивалась небольшимъ числомъ городовъ, союзъ коихъ не имѣлъ никакой политической важности. Но когда Ганза процвѣтала, эти игры наблюдались строго. Въ нихъ всего яснѣе можно видѣть, что это было за общество, въ которомъ тысячи молодыхъ людей, въ стѣнахъ Конторы съ затворническимъ уставомъ, вели жизнь самую низкую, чувственную; но, отдѣленные отъ прочихъ людей, они находились въ тѣсномъ между собою союзѣ, питая духъ брат-

ства, предпріимчивости, отваги — качества необходимыя при тогдашнемъ состояніи торговли.

Пополнимъ эту картину Ганзейской конторной жизни словами руководствующаго насъ Автора, Гольберга, который, какъ очевидецъ, описываетъ развалины Ганзейскихъ обычаевъ и постановленій въ Бергенѣ въ концѣ XVII вѣка до 1702 года.

Въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія Совѣтъ Осьмнадцати состоялъ уже только изъ осьми Членовъ, двухъ Альтермановъ и Секретаря. Осенью, когда всѣ корабли Ганзейскіе готовы были къ отплытію изъ Бергена, Совѣтъ созывалъ всѣхъ старщинъ дворовъ и всѣхъ хозяевъ въ купеческую залу. Молодые хозяева, недавно вступившіе въ должность и еще не успѣвшіе сдѣлать обычной присяги Конторѣ, обыкновенно присягали въ этомъ торжественномъ собраніи и Секретарь читалъ имъ права ихъ и обязанности: при чемъ имъ давалось постановленіе, какъ вести себя, и совѣтывалось между прочимъ воздерживаться отъ рѣчей оскорбительныхъ для Короля и властей его или обидныхъ для женщинъ, наблюдать за своими подчиненными, чтобъ они жили въ мирѣ и тишинѣ съ гражданами и между собою. Послѣ этихъ наставленій слѣдовали избранія въ конторныя должности на предстоящій годъ. Если Альтерманы были уже избраны прежде въ Любекѣ, то въ этомъ собраніи они вступали въ должность; если же нѣтъ, то избирались; въ случаѣ смерти или отбытія одного изъ Членовъ Совѣта, на мѣсто его избирался другой, и наконецъ засѣданіе оканчивалось объявленіемъ, что каждый въ теченіе трехъ дней долженъ

внести положенное количество пошлинъ съ объявленнаго имъ самимъ по совѣсти числа ввезенныхъ въ Контору и вывезенныхъ изъ нее товаровъ.

Около дня Святаго Мартина собираемы были старшины со всѣхъ дворовъ и имъ дѣлалось увѣщаніе, чтобы они внимательно смотрѣли за топкою и освѣщеніемъ въ подвѣдомыхъ имъ зданіяхъ, дабы отъ небрежности не приключилось пожара. Потомъ отъ обоихъ приходовъ избиралось по два смотрителя, которые должны были ходить по всѣмъ покоямъ, смотрѣть за свѣтильниками и фонарями, и наблюдать, чтобы въ каждомъ отдѣленіи двора находились ведра и бочки съ водою. Подобнымъ же дозоромъ ходили по дворамъ два младшіе Члена Совѣта, поощряя вмѣстѣ съ тѣмъ хозяевъ прилежно посылать подчиненныхъ своихъ въ церьковь.

Когда всѣ контористы переселялись въ шиттинги, то каждый хозяинъ имѣлъ тамъ свой особый столъ; свѣтъ же и огонь у всѣхъ былъ общій. Подъ страхомъ тяжкаго штрафа запрещалось обращаться другъ къ другу съ грубымъ словомъ или даже съ грубымъ взглядомъ, а тѣмъ болѣе дѣлать товарищу какое-либо безпокойство. Обыкновенно это переселеніе происходило или въ вечеръ Св. Мартина или восемь дней послѣ. Передъ переселеніемъ юнги должны были мыть и чистить комнаты, лавки, столы, посуду. Въ первый день по переходѣ обыкновенно читали предъ всѣми жителями шиттинга правила, которыя обязанъ былъ каждый наблюдать во время своего въ немъ жительства (Schuttingsrecht); за тѣмъ избирали двухъ

смотрителей дома (Baumeister), которые должны были снабжать общину всѣмъ для нея нужнымъ; потомъ избирали писца или нотаріуса, обязанность коего состояла въ записываніи всѣхъ проступковъ и неисправностей жителей шиттинга; при нотаріусѣ находился помощникъ; сверхъ того назначали кравчаго (Biermeister, надсмотрщика надъ пивомъ), который долженъ былъ смотрѣть, чтобы не было въ пивѣ недостатка; остатокъ отъ ввѣренныхъ ему на то денегъ употреблялся на умноженіе запаса дровъ. Кромѣ этихъ чиновниковъ шиттинга избирался еще хозяевами сборщикъ штрафовъ (Zuchtmeister), обязанность коего—какъ самое названіе показываетъ — состояла въ собираніи штрафовъ за нарушеніе дисциплины шиттинга; а такъ какъ юнги не наказывались деньгами, то цухтмейстеръ или, какъ его обыкновенно называли — Мейстергансъ — за сдѣланныя ими проступки надѣлялъ ихъ розочными ударами. Каждый вечеръ всѣ жители шиттинга совершали общую молитву, и кто къ ней не являлся или опаздывалъ, того наказывали, Старшинъ—деньгами, юнговъ— розгами. Эти штрафы обыкновенно вносились въ книгу, и сборъ ихъ, равно какъ и общая расправа съ проступившимися юнгами, производились торжественно два раза въ зиму. Эта церемонія называлась суднымъ днемъ (Gerichtstag).

Прибавимъ къ тому еще отдѣльныя замѣчанія объ эпохѣ упадка Конторы. По уничтоженіи игръ, переходъ изъ юнговъ въ гезели ознаменовывался пиромъ, которымъ вновопринимаемые должны были угощать старыхъ гезелей. Послѣ пожара въ 1702

году Контора Бергенская, принадлежавшая уже только тремъ союзнымъ городамъ Бремену, Гамбургу и Любеку, почти совершенно потеряла прежній свой видъ и устройство: конторщики были женаты, имѣли свои домà въ городѣ, а граждане селились въ Конторѣ и жили съ нею въ добромъ согласіи. Мало по малу Совѣтъ 18-ти уменьшился до двухъ Членовъ и совершенно потерялъ свою значительность. Контора, не будучи уничтожена какимъ-либо актомъ или постановленіемъ, уничтожилась сама собою, въ слѣдствіе истощенія силъ, составлявшихъ ея живительное начало, и на мѣсто Ганзейской монополіи поступила торговая свобода, соперничествомъ торговавшихъ здѣсь націй оживившая капиталы и промышленость туземцевъ. Отъ Ганзы остались одни только воспоминанія.

Мы не знаемъ, каково было внутреннее устройство прочихъ Ганзейскихъ факторій въ Новѣгородѣ, Лондонѣ, Брисселѣ. Естественно, что всѣ эти Конторы, устроенныя съ одинаковою цѣлію, были сходны въ главныхъ основаніяхъ, но мѣстныя потребности и отношенія вводили многія измѣненія въ это устройство. Вотъ, что Сарторій могъ извлечь изъ документовъ о Конторѣ Новогородской: жившіе въ Новѣгородѣ и пріѣзжавшіе въ него на время Ганзейскіе купцы подчинены были строгой, монастырской дисциплинѣ и порядку. Контора управлялась Альтерманами и присяжными Ратманами — соотвѣтствовавшими Бергенскимъ 18-ти. Этимъ чиновникамъ предоставлены были тѣ же права и занятія, какъ и въ Бергенѣ; только апелляція на ихъ рѣшеніе шла въ какой-нибудь Ли-

фляндскій городъ или въ Любекъ, если дѣло превышало цѣну 10 Новогородскихъ марокъ, въ важнѣйшихъ же случаяхъ дѣла могли быть переносимы на разсмотрѣніе Общаго Ганзейскаго Сейма. Нѣмецкій дворъ или Контора Новогородская имѣла свою церковь, патрономъ коей и всей Конторы почитался Св. Петръ, а потому въ гербѣ Конторы находился *ключъ*, какъ аттрибутъ сего Святаго. Пріѣзжавшіе въ Контору и жившіе въ ней купцы имѣли свои собственныя и общія жилища, что все было окружено каменною стѣною съ крѣпкими воротами, которыя тщательно запирались на ночь; кромѣ этой предосторожности ставили еще стражу у церкви и спускали съ цѣпи большихъ собакъ. Источникъ доходовъ на содержаніе Конторы и вообще финансовое ея устройство было то же, какъ и въ Бергенѣ: словомъ общія черты являются совершенно сходными, а такъ какъ подробностей устройства Ганзейской Новогородской Конторы Исторія намъ не сохранила: то вышеизложенное устройство Конторы Бергенской можетъ отчасти замѣнить этотъ недостатокъ и показать, что такое былъ Нѣмецкій дворъ въ Новѣгородѣ; разумѣется, не льзя упускать изъ виду, что многое въ устройствѣ Конторы Бергенской принадлежало ей только исключительно и что вмѣсто того другія Конторы имѣли своего рода особенности, зависѣвшія отъ мѣстнаго ихъ положенія и отъ отношеній къ жителямъ, среди коихъ они находились.

Я. Невѣровъ.

Берлинъ.

III.

ИЗВѢСТІЯ
О
УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

1.

О СОСТОЯНІИ ДУХОВНОУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ 1836 ГОДУ.

(Извлечено изъ Всеподданнѣйшаго Отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода).

Въ 1836 году по Всеподданнѣйшему представленію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ Высочайше удостоены утвержденія въ 23 день Маія проекты новыхъ Штатовъ, коими жалованье Наставникамъ увеличено на половину и усилены способы содержанія училищныхъ домовъ и больницъ. — Прибавка къ прежнимъ Штатамъ, составляющая вообще 468,225 руб. въ годъ, назначена

изъ суммъ Коммиссіи. Возвышеніе штатныхъ суммъ по остальнымъ окладамъ отложено до слѣдующаго времени и для того собираются отъ Училищъ подробныя мѣстныя свѣдѣнія, которыя должны служить данными къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и дѣйствіямъ.

Духовноучебныя Заведенія Православнаго Исповѣданія раздѣлены на четыре Учебные Округа: С. Петербургскій, Кіевскій, Московскій и Казанскій, изъ которыхъ послѣдній, за неоткрытіемъ въ Казани Духовной Академіи, состоитъ въ завѣдываніи Московскаго.

С. Петербургскій Учебный Округъ, простираясь отъ Архангельска до Могилева, заключалъ въ себѣ въ 1836 году: 1 Академію, 8 Семинарій, 35 Уѣздныхъ Училищъ и 40 Приходскихъ. Изъ нихъ въ Академіи Преподавателей было 15, Воспитанниковъ 122; а въ прочихъ Заведеніяхъ 286 Наставниковъ и 9,808 учениковъ: всего въ Округѣ 301 учащій и 9,930 учащихся.

Издаваемый при здѣшней Академіи журналъ *Христіанское Чтеніе*, началъ 17 годъ своего существованія, постоянно предлагая читателямъ своимъ душеполезныя бесѣды древнихъ Св. Отцевъ и нынѣшнихъ нашихъ Архипастырей и Проповѣдниковъ.

Библіотека здѣшней Академіи получила отъ щедротъ Монаршихъ чрезъ Вице-Канцлера собраніе Византійскихъ Писателей въ 25 томахъ, а въ Семинарію поступили сданныя по Высочайшему повелѣнію въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ книги духовнаго содержанія, вытребованныя изъ конфискованныхъ имѣній.

Въ *Кіевскомъ Округѣ*, объемлющемъ собою Епархіи между Минскомъ, Кишиневомъ и Тифлисомъ, находилось, кромѣ древнѣйшей въ Отечествѣ нашемъ Духовной Академіи, 13 Семинарій, 42 Уѣздныя Училища и 59 Приходскихъ: въ первой 16 Наставниковъ и 100 Воспитанниковъ, въ остальныхъ 408 Учителя и 17,560

учениковъ; всего въ Округѣ 419 учащихъ и 17,660 учащихся.

Открыто Приходское Училище въ городѣ Владикавказѣ, въ видѣ опыта для обученія дѣтей Горскихъ народовъ, и изъ доставленныхъ свѣдѣній отъ Экзарха Грузіи видно, что въ оное поступило уже 26 человѣкъ, которые всѣ снабжены учебными книгами, а 6 приняты на полное казенное содержаніе.

Сверхъ того предположено открыть Уѣздное Училище въ Варшавѣ съ предуготовительнымъ классомъ, а въ городахъ Ромнѣ и Лубнахъ Уѣздныя Училища съ Приходскими.

Въ Приходскомъ Воронежскомъ Училищѣ, при увеличеніи числа учениковъ, оказалось необходимымъ раздѣлить 2-й классъ на двѣ половины, съ назначеніемъ для сего особаго Наставника.

Напротивъ того, по малочисленности учащихся, закрыты Уѣздное Училище съ Приходскимъ въ Ростовѣ (Екатеринославской Епархіи) и Приходское въ Землянскѣ; ученики изъ нихъ переведены въ другія ближайшія Училища.

Библіотека Волынской Семинаріи умножена значительнымъ числомъ книгъ, принадлежавшихъ упраздненнымъ Базиліянскимъ монастырямъ.

Въ пользу Кіевской Академіи пожертвовано ревнителемъ Отечественной Исторіи, покойнымъ Митрополитомъ Евгеніемъ, 4,000 р. съ тѣмъ, чтобы Академія изъ ежегодныхъ процентовъ съ сей суммы выдавала награжденіе тому, кто лучше опредѣлитъ или объяснитъ какую-либо древность.

Въ Семинаріи Кишиневскую и Воронежскую и въ другія Духовныя Училища поступили также отъ разныхъ лицъ приношенія книгами и вещами: важнѣйшее для Училищъ Новочеркасскихъ на сумму 843 руб. 50 к.

отъ бывшаго Смотрителя оныхъ Титулярнаго Совѣтника Мерхалева.

Семинарія Кишиневская, Волынская и Воронежская были, по распоряженію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, обозрѣваемы Членами Академической Конференціи.

Округъ Московскій, состоящій изъ подмосковныхъ Губерній, имѣетъ 1 Академію, 9 Семинарій, 41 Уѣздное и столько же Приходскихъ Училищъ: въ немъ Академическихъ Преподавателей 15, Воспитанниковъ 114; прочихъ за тѣмъ Наставниковъ 401, учениковъ 18,446: всего въ Округѣ 416 учащихъ и 18,560 учащихся.

Къ *Казанскому Округу*, на пространствѣ отъ Тамбова до отдаленныхъ предѣловъ Сибири, принадлежатъ 11 Семинарій, 37 Училищъ Уѣздныхъ и 48 Приходскія: въ нихъ вообще Учителей 353, учениковъ 13,401.

По случаю окончанія курса въ Московской Академіи, выпущено 43 Воспитанника: изъ нихъ 20 Магистрами, 22 Кандидатами и 1 Студентомъ, а для пополненія открывшихся чрезъ то въ Академіи вакантныхъ мѣстъ вытребованы изъ разныхъ Семинарій 63 ученика, отличнѣйшіе по Наукамъ и поведенію; изъ Семинарій по двумъ Округамъ вышло 1,479 человѣкъ, въ томъ числѣ съ званіемъ Студента 452.

Открыто Уѣздное Училище въ Екатеринбургѣ и при немъ, обще съ находящимся тамъ Приходскимъ, бурса на 50 человѣкъ, изъ коихъ половина на полномъ содержаніи.

Закрыто Приходское въ Сольвычегодскѣ по малочисленности учениковъ.

По значительному количеству учениковъ въ Семинаріяхъ Московской, Виѳанской, Рязанской, Калужской, Владимірской, Тульской, Костромской и Тамбовской, десять классовъ ихъ раздѣлены, каждый на два от-

дѣленія, и потому для каждаго класса назначены особые сверхштатные Наставники.

По той же причинѣ въ 4-хъ Уѣздныхъ Училищахъ, Вологодскомъ, Пензенскомъ, Костромскомъ и Галичскомъ, четыре класса раздѣлены, каждый на двѣ половины, съ опредѣленіемъ также особыхъ Наставниковъ.

Въ пособіе Воспитанникамъ, обучающимся Татарскому языку, отпечатанъ Словарь Татарскій, составленный въ Казани Священникомъ Троянскимъ.

Сочинены Грамматики языковъ Чувашскаго и Черемисскаго, и первая уже отпечатана, а о второй сдѣлано распоряженіе.

Профессоръ Тамбовской Семинаріи Орнатовъ представилъ еще Грамматику Мордовскую: ее поручено разсмотрѣть лицамъ, основательно знающимъ сей языкъ.

Въ прошедшемъ году признано нужнымъ обозрѣть Московскую Академію и Семинаріи Виѳанскую, Пензенскую, Тамбовскую, Вятскую и Пермскую.

Академія была обозрѣваема Преосвященнымъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ, а Семинаріи Членами Академической Конференціи.

По всѣмъ Учебнымъ Округамъ состояло въ 1836 году 3 Академіи, 41 Семинарія, 155 Уѣздныхъ Училищъ и 183 Приходскія, а всего 382 Учебныя Заведенія.

Общее число Преподавателей было: въ Академіяхъ 46, въ Семинаріяхъ и Училищахъ 1,443: и того 1,489.

Общее число учащихся: въ Академіяхъ 336, въ Семинаріяхъ 14,398, въ Уѣздныхъ Училищахъ 25,193, въ Приходскихъ 19,624: во всѣхъ вмѣстѣ 59,551.

Духовноучебное Вѣдомство снабжаетъ и прочія Вѣдомства молодыми людьми, достаточно приготов-

ленными для дальнѣйшаго усовершенія въ Наукахъ. Такимъ образомъ по требованіямъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ уволено 53 Воспитанника изъ Семинарій: въ томъ числѣ 36 въ Императорскій Московскій Университетъ и состоящій при немъ Медицинскій Институтъ, 16 въ С. Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и 1 въ Главный Педагогическій Институтъ.

Грекоунитскія Училища.

По Вѣдомству Грекоунитскому въ прошломъ году состояло 2 Семинаріи (Бѣлорусская и Литовская), Уѣздныхъ Училищъ 10, Приходскихъ столько же: всего 22 Заведенія.

Въ нихъ Наставниковъ 67, а учащихся 1339: въ томъ числѣ 310 въ Семинаріяхъ, 518 въ Уѣздныхъ Училищахъ и 511 въ Приходскихъ.

Примѣчаніе. Такимъ образомъ по вѣдомству Коммиссіи Духовныхъ Училищъ общее число всѣхъ Духовноучебныхъ Заведеній, вмѣстѣ съ Грекоунитскими, въ 1836 году состояло 404, общее число Наставниковъ 1556, учащихся 60,890.

2.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

за 1836—1837 Академическій годъ (*).

Милостивые Государи!

Представить вашему вниманію краткій обзоръ всего совершившагося въ Императорской Академіи Художествъ въ истекшемъ академическомъ году — есть моя обязанность.

Исполняя ее каждогодно, я всякій разъ встрѣчаю обиліе предметовъ новыхъ, занимательныхъ для любителей просвѣщенія и наблюдателей успѣховъ его въ Отечествѣ,— обиліе, избавляющее меня отъ необходимости украшать слово, а тѣмъ болѣе самыя событія изображать красками яркими, блестящими.

И дѣйствительно! Къ чему послужило бы витійство тамъ, гдѣ одно исчисленіе милостей Монаршихъ, дѣйствій Академіи, успѣховъ юныхъ талантовъ, произведеній ея Членовъ и особенно примѣчательныхъ явленій въ нашемъ художественномъ мірѣ слишкомъ достаточны и для возбужденія и для удовлетворенія просвѣщеннаго любопытства вашего?

(*) Читанный въ общемъ собраніи Академіи Конференцъ-Секретаремъ В. И. Григоровичемъ, 26 Сентября 1837 года.

Я начинаю это исчисленіе.

Въ истекшемъ академическомъ году, Всемилостивѣйше пожалованы Академіи: a) въ пополненіе коллекціи Русскихъ медалей, находящейся въ Академіи, 337 бронзовыхъ медалей, вновь отбитыхъ на здѣшнемъ Монетномъ Дворѣ.

b) Экземпляръ панорамическаго вида С. Петербурга на трехъ листахъ, снятаго съ натуры Академикомъ Григоріемъ Чернецовымъ съ Александровской колонны, и литографированнаго въ Парижѣ.

c) Бронзовая медаль съ портретомъ почивающаго въ Бозѣ Императора Александра I-го, въ память царствованія Благословеннаго.

d) Два экземпляра первыхъ четырехъ тетрадей изданія Г. Монферрана: Plans et détails du monument consacré à la mémoire de l'Empereur Alexandre I.

e) Voyage autour du monde fait sous le commandement de Fréderic Lütke, тетради 5, 6, 7. и 8, и три тома текста, и проч.

f) Доставлена изъ Рима въ Академію копія съ знаменитаго творенія Рафаэля Санціо: *Преніе церковнослужителей о Св. Таинствѣ Причащенія*, списанная, по порученію нашей Миссіи, на счетъ Правительства, Русскимъ художникомъ Вигантомъ.

g) Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше утвердить избраннаго Академіею въ Ректоры по части Скульптуры, Профессора В. И. Демута-Малиновскаго; изъявилъ согласіе на отправленіе въ чужіе краи для усовершенствованія: Живописцевъ *Завьялова* и *Шамшина*, Скульпторовъ *Пименова* и *Логановскаго* и Архитекторовъ *Кудинова* и *Томаринскаго*, и сверхъ того даровалъ способы къ путешествію съ тою же цѣлію за границею извѣстному Архитектору Г. Академику Штакеншнейдеру; повелѣлъ войти въ сношеніе съ знаменитымъ Минхенскимъ Живопис-

цемъ Гессе, на счетъ принятія въ свое руководство Художника Тыронова, обратившаго на себя вниманіе прекрасными произведеніями своими, бывшими на прошлогодней Академической Выставкѣ; и наконецъ Всемилостивѣйше назначилъ Профессора Архитектуры Беретти Главнымъ Архитекторомъ при Строительномъ Комитетѣ для возведенія, по собственному его проекту, зданій Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Я упомянулъ о тѣхъ только Монаршихъ милостяхъ, которыя офиціально объявлены были Академіи; но кромѣ сихъ, многія были излиты собственно на Художниковъ, трудившихся по непосредственнымъ повелѣніямъ Государя Императора. Академія, съ своей стороны, сдѣлала въ истекшемъ году важныя издержки къ ободренію Художествъ и Художниковъ на счетъ суммъ, въ распоряженіе ея для сей цѣли Высочайше назначенныхъ,— издержки, простирающіяся до 37,056 рублей: а именно, выдала Г. Ректору Шебуеву, за матеріалы, употребленные имъ для написанія плафона въ большомъ кругломъ залѣ, 8,000 руб.; Профессору Гальбергу, за произведеніе малой и колоссальной моделей статуи Императрицы Екатерины II, 6,000; Художнику Тверскому, за произведеніе, по заказу Академіи, копіи съ знаменитой картины Гвидо Рени *Аврора*, къ прежде отпущеннымъ тремъ тысячамъ, еще 3,000 руб.; Академику Маркову, за пріобрѣтенную у него картину: Фортуна и Нищій, 3,000 руб.; Художнику Будкину, за копію съ портрета Государя Императора, писаннаго Крюгеромъ, 1,500 руб.; бывшему Совѣтнику Академіи Васильеву, за картину его: Видъ Красноярска, 700 руб.; Художнику Іордану, начавшему гравированіе знаменитой картины Рафаэля, *Преображеніе*, въ пособіе, 1500 руб. — Остальная сумма выдана разнымъ Художникамъ, занимающимся произведеніями для вновь

отдѣлывающейся Академической церкви, въ счетъ ихъ работъ, и также въ пособіе и награду молодымъ Художникамъ, за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ эстамповъ и художественныхъ изданій, и наконецъ за доставленіе изъ-за границы картинъ Г. Профессора Бруни.

Сверхъ того, Академія пріобрѣла прекрасную копію, трудовъ Художника Пиратскаго, съ картины Крюгера, представляющей портретъ Государя Императора верхомъ, въ сопровожденіи Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Павловича, Фельдмаршала Князя И. Ѳ. Варшавскаго и Генераловъ Князя П. М. Волконскаго, Графа А. Х. Бенкендорфа и Графа А. И. Чернышева. Долгъ справедливости побуждаетъ меня упомянуть при семь о примѣрномъ безкорыстіи Гг. Художниковъ, посвящающихъ труды свои въ пользу Заведенія, въ коемъ воспитаны и коему служатъ и дарованіями и искусствомъ своимъ въ теченіе всей жизни своей. Да простятъ они мнѣ, если симъ оскорбится скромность ихъ. Истину скрывать не должно, и я бы почелъ себя виновнымъ, если бы умолчалъ о ней. Г. Шебуевъ написалъ плафонъ въ большомъ кругломъ залѣ Академіи—произведеніе, едва ли не обширнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи; употребилъ на него два года времени и труда тяжкаго (надобно вообразить себѣ все неудобство расписывать плафонъ такой обширности, и притомъ не имѣя другаго свѣта, кромѣ проходившаго снизу сквозь лѣса и подмостки), и этимъ-то трудомъ онъ пожертвовалъ Академіи. Сверхъ того, онъ вызвался написать для Академической церкви, безъ всякой платы, три образа значительной величины и притомъ многодѣльные. Профессоръ Егоровъ пишетъ два также значительной мѣры мѣстные образа, для той же церкви, безплатно, а Г. Профессоръ Варнекъ шесть образовъ въ Царскіе врата, равно безъ платы; всѣ прочіе Художники объявили са-

мыя умѣренныя цѣны за труды свои для Академическаго храма. Г. Профессоръ К. Тонъ занимается отстройкою церкви, какъ занимался отдѣлкою залъ въ Академіи, безъ особаго оклада.

Церковь Академическая будетъ окончена и освящена въ нынѣшнемъ году. Она, безъ сомнѣнія, принадлежать будетъ, по достоинству художественныхъ произведеній, къ замѣчательнѣйшимъ церквамъ въ Россіи.

Кромѣ сей постройки, о которой буду имѣть случай упомянуть подробнѣе въ будущемъ Отчетѣ, устроены въ большомъ садовомъ строеніи три обширныя мастерскія для Гг. Профессоровъ К. П. Брюлова, Бруни и Басина, и другія, меньшаго размѣра, для другихъ Художниковъ. Сумма, на этотъ предметъ употребленная, простирается до 23,000 рублей.

Въ прошломъ году число Казенныхъ Воспитанниковъ или Штатныхъ Академистовъ (послѣ бывшаго выпуска) было 34; Сверхштатныхъ или Своекоштныхъ Академистовъ 98; постороннихъ Академистовъ и учениковъ, посѣщавшихъ рисовальные классы Академіи, 142, и того всѣхъ учащихся 274, менѣе прошлаго года 8 человѣками. Признано Свободными, неклассными Художниками 26 ч., удостоено къ полученію званія Рисовальныхъ Учителей въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ 25 человѣкъ. Изъ числа получившихъ за произведенныя програмны золотыя медали, положено оставить въ Академіи, для усовершенствованія, восемь Художниковъ, а именно: по Живописи Молдавскаго, по Скульптурѣ Иванова и Мануйлова, по Архитектурѣ Щурупова, по Гравированію на мѣди Капустина, Андрузскаго и Пищалкина, и по Медальерному Искусству Лютина. Къ сожалѣнію, Капустинъ, по обстоятельствамъ своимъ, не могъ воспользоваться сею милостію Академіи. Гг. Профессоры Художествъ и Наукъ исполняли священную обязанность Преподавателей съ точностію и усердіемъ.

Начальство Академіи обращало неусыпное вниманіе на благосостояніе Академіи, порядокъ внутренній и средства къ лучшему образованію Художниковъ.

Къ числу мѣръ, принятыхъ имъ съ сею полезною цѣлію, должно отнести учрежденіе особаго класса практическаго обученія перспективѣ, преимущественно для приходящихъ учениковъ.

Перспектива преподавалась доселѣ только Штатнымъ и Сверхштатнымъ Академистамъ; посторонніе ученики учились одному Рисованію, и какъ замѣчено, часто не имѣли даже поверхностнаго понятія о перспективѣ; должны были, или обучаться ей частно, или рисовать съ погрѣшностями и недостатками, иногда даже непростительными. Совѣтъ Академіи, принявъ во вниманіе эти обстоятельства, положилъ учредить означенный классъ, снабдилъ его нужными пособіями, опредѣлилъ способъ обученія и избралъ Преподавателемъ Г. Профессора Воробьева, извѣстнаго и познаніями своими по сей части, и готовностію служить пользѣ общей.

Художники Завьяловъ, Шамшинъ, Пименовъ, Логановскій, Куликовъ и Томаринскій, отправлены нынѣшнимъ лѣтомъ въ чужіе краи.

Находящіеся за границею трудились съ любовію и особеннымъ успѣхомъ. Совѣтъ Академіи за труды по части Архитектуры, состоявшія въ проектахъ возобновленія древнихъ зданій и нѣкоторыхъ собственнаго сочиненія, положилъ объявить Художникамъ Дурнову, Никитину (Александру), Рихтеру, Ефимову и Кузьмину удовольствіе Академіи.

Миссія наша въ Римѣ поручала произвести копіи съ фресковъ Рафаэля: *Пожаръ въ Борго*, Академику Маркову, *Юриспруденція*, Академику Иванову. Художники Живаго и Серебряковъ, путешествующіе на свой счетъ, и Пансіонеръ Министерства Народнаго Просвѣщенія

Каневскій, предприняли скопировать: первый, въ Болоніи, знаменитую картину Гвидо Рени *La Pieta*, второй, въ Римѣ, *Смерть Св. Петрониллы*, картину Гверчино, и послѣдній, фрескъ Рафаэля, изображающій *Аттилу*, останавливаемаго Папою Львомъ Великимъ.

Бывшій Пансіонеръ, Мозаическаго дѣла мастеръ Веклеръ, не задолго предъ симъ возвратился въ С. Петербургъ, и привезъ съ собою превосходную копію въ мозаикѣ, *Преображеніе*, съ Рафаэлевой картины. Произведеніе это доставило Художнику отличныя похвалы всѣхъ знатоковъ и любителей Рима, и даже особенное благоволеніе Папы. Іорданъ прислалъ оттискъ верхней части своего гравюра съ той же картины, изготовленный на крѣпкой водкѣ.

Совѣтъ Академическій, сравнивъ всѣ лучшіе эстампы съ картины Преображенія существующіе, и въ томъ числѣ Рафаэля Моргена, нашелъ, что трудъ Г. Іордана превосходитъ ихъ точностію рисунка и выраженіемъ, и что оконченный трудъ, безъ сомнѣнія, принадлежать будетъ къ лучшимъ памятникамъ гравировальнаго искусства. Такимъ образомъ, слава передать въ гравюрѣ важнѣйшее изъ твореній безсмертнаго Рафаэля достойнымъ образомъ, будетъ слава Русскаго.

Давно ли Италія гремѣла хвалами первой картинѣ нынѣшняго вѣка, давно ли неоконченное еще другое важное созданіе по части Живописи произвело общій восторгъ въ Римѣ и доставило славу Художнику? Это картины Русской кисти!

Теперь Веклеръ плѣнилъ Римъ мозаичною копіею, и Русскій же граверъ входитъ въ состязаніе съ знаменитѣйшими граверами въ свѣтѣ, и даетъ надежду побѣдить ихъ.

Побѣда принадлежность Русскихъ; и на поприщѣ Художествъ Русскимъ можно быть побѣдителями. Но побѣды не бываютъ безъ лишеній: еще недавно юноша,

пламенѣвшій ко славѣ Отечества, любившій Искусство со страстію, въ шесть, семь лѣтъ сдѣлавшійся Художникомъ, получившій первенство на послѣдней выставкѣ въ Римѣ, писалъ ко мнѣ изъ *Капри*, отъ 4 Іюля: «Ахъ, если бы погода благопріятствовала и холера скорѣе кончилась, я бы и по ночамъ работалъ; хотѣлось бы все захватить — ревность есть;» и этотъ юноша, нѣсколько дней спустя, скончался отъ холеры. Кто зналъ Лебедева, понималъ необъятный талантъ его и наблюдалъ, какими исполинскими шагами онъ шелъ къ совершенству, только тотъ пойметъ, кого лишились въ немъ Академія и Художества.

Къ несчастію, еще чувствительнѣйшему, не одинъ Лебедевъ оставилъ насъ. Профессоръ Кипренскій, какъ вамъ извѣстно, также умеръ. Лишеніе это важно и прискорбно для Академіи; но заслуги Кипренскаго были оцѣнены всѣми; лучшее время жизни своей провелъ онъ въ трудахъ, и ему не много лѣтъ оставалось до старости; онъ справедливо пріобрѣлъ славу, и умеръ, не переживъ своей славы. А Лебедевъ!..... Едва расцвѣлъ его великій талантъ, и талантъ этотъ, и все прекрасное и изящное, что бы онъ могъ произвести въ послѣдствіи, все, все взято могилою.

Одно только то можетъ служить къ облегченію скорби нашей, что Лебедевъ, въ краткое существованіе свое, какъ Художникъ, показалъ поучительнѣйшій примѣръ любви къ Искусству и изученію Природы, и новое поколѣніе пейзажистовъ воспользуется, безъ сомнѣнія, симъ примѣромъ. Вы согласитесь, Мм. Гг.! что изъ нынѣ выставленныхъ работъ нѣкоторыя оправдываютъ эту надежду.

Да и возможно ли, чтобы Художники, пріобрѣтшіе уже знаменитость, и тѣ, которые жаждутъ ея, оставались равнодушными?

Государь Императоръ покровительствуетъ и щедро награждаетъ Художниковъ; Академія дѣлаетъ все для развитія и ободренія талантовъ; Общество Поощренія Художниковъ всѣми средствами стремится къ достиженію благотворной цѣли своей; частныя особы начинаютъ дѣлать важные заказы, и предлагаютъ средства къ возбужденію вящшаго соревнованія между Художниками.

Почетный Членъ Академіи, Анатолій Николаевичь Демидовъ, предложилъ ей открыть конкурсъ между Живописцами, для произведенія картинъ во славу Петра Великаго, и объявилъ условія конкурса и награды достойнѣйшимъ, публикованныя въ свое время въ Вѣдомостяхъ.

Упражненія учащихся въ Академіи имѣютъ нынѣ самое лучшее направленіе; въ прекрасныхъ моделяхъ нѣтъ недостатка; метода ученія болѣе и болѣе улучшается; молодые Художники получаютъ въ Академіи основательныя теоретическія свѣдѣнія, и Академія даетъ имъ средства къ практическимъ занятіямъ, отправляетъ лѣтомъ питомцевъ своихъ, архитекторовъ, на важнѣйшія строенія, а пейзажистовъ внѣ столицы, въ мѣста, болѣе обильныя красотами природы. Частныя особы и въ семъ отношеніи благородно оказываютъ свое пособіе и содѣйствіе Академіи.

Молодые Художники Фрике и Воробьевъ работали съ натуры на прелестной мызѣ Фаль, близъ Ревеля, и владѣлецъ ея, Г. Почетный Членъ Академіи Графъ Александръ Христофоровичь Бенкендорфъ, обратилъ на нихъ свое вниманіе, и оказывалъ милости, которыя Академія принимаетъ съ особенною признательностію.

Г. Камеръ-Юнкеръ Григорій Степановичь Тарновскій далъ средства Академисту Штернбергу писать съ натуры въ деревнѣ своей Каченовкѣ и въ Кіевѣ, богатыхъ необыкновенно живописными видами, величіемъ

и прелестями Южной природы. Академія не можетъ не засвидѣтельствовать ему своей признательности за вниманіе и милости къ Штернбергу.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Абрамъ Сергѣевичь Норовъ, въ бытность свою въ Египтѣ, открывъ статую изъ чернаго гранита представляющую богиню Нейтъ, или производящую силу Природы, по мнѣнію Г. Президента, исполненную во времена Аменова III, или Мемнона, представилъ ее въ Академію, чтобы дать возможность питомцамъ Академіи и Художникамъ познакомиться съ симъ древнѣйшимъ памятникомъ Ваянія, любопытнымъ и для всѣхъ любителей и знатоковъ Изящныхъ Искусствъ.

Академикъ Гайвазовскій имѣлъ счастіе находиться на морѣ во время путешествія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, и вполнѣ воспользовался симъ случаемъ для изученія натуры и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ живописи морскихъ видовъ.

Художникъ Аѳанасій Надежинъ учредилъ частную Школу Рисованія и Живописи, Тамбовской Губерніи, въ городѣ Козловѣ. Другой Художникъ, Чуриковъ, намѣренъ также учредить подобную въ Воронежской Губерніи. — Академія, по примѣру Арзамасской Школы Г. Академика Ступина, обѣщала имъ свое покровительство, и надѣлила Чурикова рисовальными образцами и другими пособіями.

Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, сообщивъ Академіи объ отличныхъ трудахъ Учителей Рисовальныхъ въ Московскомъ художественномъ классѣ, Художниковъ Алексѣя и Василья Добровольскихъ и Ивана Дурнова, и относя къ ихъ усердію на пользу общую самый составъ сего класса, ходатайствовалъ о возведеніи ихъ въ званіе Академиковъ. Совѣтъ Академіи, принимая во вниманіе свидѣтельство Г. Военнаго Генералъ-Губернатора, извѣстныя дарованія и успѣхи въ

Живописи Гг. Добровольскихъ и Дурнова, положилъ согласно существующимъ примѣрамъ, возвести ихъ въ званіе Академиковъ, безъ программъ; учениковъ же означеннаго класса, оказавшихъ замѣчательные успѣхи въ рисованіи, Щеколдина и Муратова, наградить серебряными медалями 2-й степени, а Бушину, Болдину и Бодри объявить похвалу Академіи.

Какъ вѣсть пріятную, я долженъ сообщить къ свѣдѣнію вашему, что картины Г. Бруни: не оконченная, но принесшая ему честь и славу въ Римѣ «Исцѣленіе Израильтянъ отъ укушенія зміевъ въ пустынѣ», и оконченныя: Спящая Нимфа и священныя изображенія Благовѣщенія, Моленія о чашѣ, Спасителя и Богородицы, заказанныя Г. Рахмановымъ для церкви, сооруженной имъ въ своей деревнѣ, нынѣшнее лѣто привезены въ С. Петербургъ, и находятся въ мастерской Художника.

Вы конечно припомните, Мм. Гг., съ какимъ радушіемъ мы приняли по возвращеніи изъ Италіи К. П. Брюлова. Праздникъ, данный ему Членами Академіи: ознаменованъ былъ добрымъ дѣломъ, по Русскому обычаю, въ часы радости не забывать о несчастныхъ. Съ Высочайшаго соизволенія положено было тогда составить капиталъ, для пособія вдовамъ и сиротамъ Художниковъ, и сдѣлано начало подписки. Учрежденіе, долженствующее быть прочнымъ, требовало соображеній и нѣкоторыхъ правилъ. Проэктъ этихъ правилъ составленъ и утвержденъ Его Свѣтлостію Г. Министромъ Императорскаго Двора.

При будущемъ годичномъ собраніи, я буду имѣть честь довести до свѣдѣнія вашего о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Общества Художниковъ по сему предмету.

Люди, призванные природою видѣть, воспринимать и творить изящное, должны и чувствовать прекрасно. Это не разъ оправдывали наши Художники, и для васъ пріятно будетъ услышать, что есть и были несчаст-

ные, поддержанные временно и даже на всю жизнь небольшимъ обществомъ должностныхъ Членовъ Академіи. Теперь кругъ благотворительности ихъ распространится болѣе.

Иностранные Художники не престаютъ оказывать уваженіе къ Русской Академіи. Извѣстный Профессоръ Архитектуры въ Миланѣ, Амати, доставилъ Академіи изданный имъ переводъ на Италіянскій языкъ Витрувія, описаніе улицы de servi и проектированнаго вновь храма Св. Карла Борромейскаго.

Общество Британскихъ Архитекторовъ вошло въ сношеніе съ Академіею и сообщило ей труды свои.

Занятія Гг. должностныхъ Дѣйствительныхъ Членовъ и Почетныхъ Вольныхъ Общниковъ Академіи, состояли въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

Г. Вице-Президентъ и Почетный Членъ Академіи, Графъ Ѳ. П. Толстой. Сверхъ нѣсколькихъ портретовъ съ натуры, эскизовъ, историческихъ сюжетовъ и нѣкоторыхъ произведеній литературныхъ, сочинилъ и нарисовалъ проекты медалей для Министерства Народнаго Просвѣщенія, на открытіе С. Петербургскаго Университета во вновь отдѣланномъ зданіи 12-ти Коллегій и для награды отличившихся Студентовъ; вылѣпилъ изъ воску, въ большомъ видѣ, модель медали для дополненія коллекціи медалей на Отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ, которой рѣзьба на стали приводится къ окончанію, а изъ коллекціи проектированныхъ имъ 12-ти медалей на Персидскую и Турецкую войны въ Азіи и Европѣ, пять моделей вылѣпилъ изъ воску, по коимъ уже приступлено къ рѣзьбѣ штемпелей.

По части Скульптуры.

Ректоръ В. И. Демутъ-Малиновскій. Сдѣлалъ вновь Ангела къ группѣ Св. Евангелиста Матѳея для Акаде-

мической церкви, произвелъ модель Св. Евангелиста Іоанна, для той же церкви. Изваянія эти отлиты изъ алебастра и поставлены на мѣсто; дѣлалъ проекты памятниковъ Сусанину и Князю Барклаю-де-Толли, для города Дерпта; нынѣ оканчиваетъ модель Св. Евангелиста Марка для Академической церкви.

Гг. Профессоры:

С. И. Гальбергъ. Вылѣпилъ для Академической церкви двухъ колѣнопреклоненныхъ Ангеловъ, и по особымъ заказамъ бюсты: А. С. Пушкина и Графини Ферзенъ, урожденной Графини Строгоновой; сверхъ того, произведено по его эскизамъ нѣсколько барельефовъ для Академической церкви, частію имъ самимъ, а частію другими Художниками, подъ его смотрѣніемъ и руководствомъ, и поставлены на мѣсто два колоссальные Ангела, произведенные имъ для Троицкой церкви, что въ Измайловскомъ полку.

Б. И. Орловскій. Окончилъ изъ мрамора, для Государя Императора, группу Фавна и Вакханки, и занимался окончаніемъ для Государыни Императрицы модели изваянія Божія Матери, эскизомъ фигуры Св. Александра Невскаго, для вновь сооружаемыхъ воротъ у Московской заставы, и произвелъ изъ мрамора бюстъ Императора Александра I-го для Егермейстера Князя Волконскаго, и таковой же Профессора Архитектуры Мейера.

Академикъ Токаревъ. Занимался произведеніемъ въ барельефахъ шести Ангеловъ, каждый вышиною въ 4 аршина, для строющейся въ Царскомъ Селѣ церкви во имя Св. Великомученицы Екатерины.

По части Живописи Исторической и Портретной.

Ректоръ В. К. Шебуевъ. Произвелъ для Академической церкви три образа: Св. Великомученицы Ека-

терины, Св. Александра Невскаго и Тайныя Вечери; занимался изготовленіемъ изданія Антропометріи и Анатоміи для Художниковъ, и началъ въ большомъ размѣрѣ картину Тайной Вечери для Сіонскаго Собора въ Тифлисѣ.

Заслуженные Профессоры:

А. Е. Егоровъ. Написалъ для того же Собора въ Тифлисѣ изображеніе Св. Евангелистовъ въ 4 картинахъ; портреты: перваго основателя Уральскаго горнаго завода, Демидова, и отставнаго Гвардіи Поручика Шепелева; нынѣ приводитъ къ окончанію два мѣстные Образа Спасителя и Божія Матери для Академической церкви.

А. Г. Варнекъ. Сверхъ занятій по классу Живописи и кабинету эстамповъ въ Академіи, и по служенію при Императорскомъ Эрмитажѣ, въ свободное время занимался собственно для себя этюдами, и написалъ два портрета съ натуры Г. Коммерціи Совѣтника Фейгина и жены его.

Профессоры:

К. П. Брюловъ. По Высочайшей волѣ сочинилъ и написалъ два эскиза для большой запрестольной картины въ церковь Казанскія Божія Матери: взятіе Пресвятыя Дѣвы на небо; писалъ портреты Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Александры Николаевны для большой фамильной картины; произвелъ портретъ въ ростъ Генералъ-Адъютанта В. А. Перовскаго, и частію окончилъ, а частію началъ многіе портреты разныхъ величинъ съ частныхъ особъ.

Ѳ. А. Бруни. По Высочайшей волѣ произвелъ копію съ картины Рафаэля Санціо *Мадона д'Альба*, за каковой трудъ, съ отличнымъ искусствомъ сдѣланный,

получилъ Всемилостивѣйше въ награжденіе десять тысячь рублей; сверхъ того сочинилъ и началъ писать, по Высочайше утвержденному эскизу, большую картину; Покровъ Пресвятыя Богородицы, для церкви Казанскія Божія Матери.

П. В. Басинъ. Занимался этюдами для изображенія Сошествія Св. Духа въ алтарной нишѣ Академической церкви, которое и исполнилъ на мѣстѣ; сверхъ того сочинилъ эскизъ для большой картины: Введеніе во храмъ Пресвятыя Дѣвы, для церкви Казанскія Божія Матери.

А. И. Ивановъ. Написалъ для Сіонскаго Собора въ Тифлисъ большой Образъ Пророка Моисея, и оканчивалъ для Академической церкви: несущіе тѣло Спасителя ко гробу, въ сопровожденіи Божіей Матери и Святыхъ мужей и женъ.

Почетный Вольный Общникъ А. П. Сапожниковъ. Занимался окончаніемъ изданія литографированныхъ военныхъ костюмовъ Русской Гвардіи, приступилъ къ изданію таковыхъ же костюмовъ Арміи, и составилъ, по Высочайшему повелѣнію, сто рисунковъ военнаго костюма для руководства образцевыхъ войскъ.

Академикъ Яковлевъ. Произвелъ нѣсколько Образовъ для церкви, построенной помѣщицею Руденковою въ Малороссіи, въ ея деревнѣ.

Яковъ Васильевъ. Написалъ портретъ Государя Императора для Генералъ-Маіора Бибикова, и восемь иконъ мѣстныхъ, хоругви и плащаницу для Генералъ-Маіора Салова, въ деревенскую церковь.

Вигги. Окончилъ произведеніе Образовъ для иконостаса во вновь сооруженную церковь у Выборгской заставы, Катериною Васильевною Новосильцевою, урожденною Графинею Орловой, каковые Образа и сданы уже для постановки на мѣста.

Шамшинъ. Произвелъ два Образа для Сіонскаго Собора въ Тифлисъ: Моленіе о чашѣ и преданіе Господа Іисуса Іудою.

Антонелли. Сдѣлалъ копію съ картины Авг. Карачча, представляющей Марію Магдалину, помазующую мvромъ тѣло Іисусово, исправлялъ плафонъ и сюпорты въ зданіи 12 Коллегій, и произвелъ нѣсколько копій портретовъ Государя Императора съ Крюгера, для Присутственныхъ Мѣстъ въ Астраханскую Губернію и въ Новочеркаскъ.

Богаевскій-Благодарный. Написалъ шесть копій портрета Князя В. П. Кочубея, съ Крюгера, по порученію Сенатора Сѣвога; сверхъ того занимался портретами съ частныхъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые приведены къ окончанію.

Сазоновъ. Написалъ шесть Образовъ въ серебряный иконостасъ Собора Казанскія Божія Матери, и теперь занимается изготовленіемъ Образовъ для церквей: Св. Екатерины, что въ Царскомъ Селѣ, и Св. Апостоловъ Петра и Павла, что въ Петергофѣ.

Яненко. Написалъ три портрета въ ростъ Государя Императора, изъ нихъ два для Инженернаго Училища, а одинъ по порученію Г. Президента Императорской Академіи Художествъ, и нѣсколько таковыхъ же колѣнныхъ для Губернскихъ и Присутственныхъ Мѣстъ: сдѣлалъ до ста портретовъ акварелью для разныхъ частныхъ лицъ; нынѣ занимается копіею съ Мурильо, что въ Эрмитажѣ: Убіеніе Святаго, и возобновленіемъ иконостасовъ для Троицко-Сергіевскаго монастыря, что по Петергофской дорогѣ.

Теребеневъ. Произвелъ Образа: Несеніе Креста и Христосъ предъ Пилатомъ, для иконостаса въ Тифлисскій Сіонскій Соборъ, и нѣсколько портретовъ масляными красками, также миніатюрныхъ и акварелью.

Ѳ. Брюло. Написалъ три Образа для Тифлисскаго Сіонскаго Собора: Распятіе, Положеніе во гробъ и Воскресеніе; иконостасъ для церкви въ Парголовѣ; нынѣ оканчиваетъ Образа Архангела Гавріила и Михаила, для Академической церкви.

Майковъ. Написалъ запрестольный Образъ: Моленіе о чашѣ, для Графини С. В. Паниной, въ церковь села Марьина, что близъ Москвы,— и картину, изображающую дѣвочку съ гитарою, которая находится на Собственной дачѣ Ея Величества, въ Знаменскомъ.

По Живописи Баталической.

Профессоръ и Вольный Общникъ Зауэрвейдъ. Занимался изготовленіемъ военныхъ рисунковъ по Высочайшему повелѣнію, которые хранятся въ чертежной Его Высочества Генералъ-Инспектора по Инженерной части; другія же занятія его состояли по занимаемымъ имъ должностямъ.

Академикъ Дезарно. Написалъ картину изъ двадцати пяти фигуръ, представляющихъ военныхъ чиновъ второй дивизіи Гвардейскаго Корпуса, и двѣ картины группы конной Артиллеріи; картины сіи находятся у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича въ Каменноостровскомъ Дворцѣ; сверхъ того сдѣлалъ нѣсколько кабинетныхъ картинокъ, которыя находятся въ мастерской Художника.

По Живописи Перспективной и Пейзажной.

Профессоръ Воробьевъ. Написалъ три картины: видъ города Іерусалима, одну въ большомъ размѣрѣ для Государыни Императрицы, посланную Ея Величествомъ къ Королю Прусскому, другія двѣ въ маломъ размѣрѣ для частныхъ особъ; теперь занимается изготовленіемъ вида Константинополя въ большомъ размѣрѣ.

Академикъ Боденъ. Занимался писаніемъ разныхъ видовъ, снятыхъ съ натуры въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска, для Графа Сентъ-При, бывшаго тамошнимъ Губернаторомъ.

Зеленцовъ. Въ свободное время отъ службы написалъ три Образа, двѣ картины, представляющія внутренность комнатъ съ фигурами, и двѣ картинки: одну, представляющую женщину въ лодкѣ, а другую, кавалерійскаго солдата на лошади; также нѣсколько портретовъ акварелью.

И. Ивановъ. Занимался изготовленіемъ разныхъ рисунковъ для Императорскаго Стеклянняго завода, и рисунками мундировъ для Собственной Его Величества Канцеляріи.

Бывшій Совѣтникъ Академіи Тимоѳей Васильевъ. Сверхъ занятія по обученію Воспитанниковъ рисованію въ разныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, писалъ Сибирскіе виды съ рисунковъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ съ натуры, во время своего путешествія въ томъ краѣ.

По части Орнаментной Живописи.

Академикъ Медичи. Занимался расписываніемъ плафоновъ въ Императорскомъ Знаменскомъ Дворцѣ, что близъ Петергофа.

По части гравированія на мѣди.

Профессоръ Уткинъ. Выгравировалъ двѣ доски съ рисунковъ Г. Шебуева, къ изданію Антропометріи; занимался гравированіемъ Св. Семейства съ картины Бронзино, собственно для себя и по своему рисунку; нынѣ приводитъ къ окончанію портретъ Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны, по заказу Г. Владиславлева, съ рисунка Г. Гау.

Профессоръ Галактіоновъ. Занимался гравированіемъ виньета съ рисунка Г. Шебуева, изображающаго навод-

веніе 1824 года, и приводитъ къ окончанію гравюръ, изображающій бурю, или смерть Виргилія, съ картины Іосифа Вернета.

А к а д е м и к и:

Ухтомскій. Занимался гравированіемъ для Герольдіи Правительствующаго Сената 60 гербовъ для Дворянскаго Гербовника, и въ большомъ видѣ Тихвинскаго монастыря съ предмѣстіемъ онаго, по заказу Архимандрита онаго Иларіона.

Чесскій. Гравировалъ видъ процессіи при открытіи и перенесеніи мощей Св. Митрофана въ Воронежѣ, также виньетъ, Ифигенія въ Авлидѣ, для Г. Лобанова, и нѣкоторыя части лошади для Г. Бобинскаго.

По части медаліерной.

Академикъ Лялинъ. Рѣзалъ нѣкоторые штемпеля медалей, по моделямъ и рисункамъ Г. Вице-Президента Графа Ѳ. П. Толстаго, о коихъ упомянуто выше, и сверхъ того сочинилъ самъ и вырѣзалъ два штемпеля для медали въ память 50-лѣтняго юбилея Г. Рюля въ званіи Доктора.

По части Архитектуры.

Въ должности Ректора Профессоръ 1-й ст. Мельниковъ. Сверхъ занятій по должностямъ въ Императорской Академіи Художествъ и Коммиссіи Проектовъ и Смѣтъ и при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, занимался слѣдующими постройками: Собора въ первокласномъ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, дома Г. Мальцева, постройкой дома почетнаго гражданина Челышева, дома купца Калугина, двухъ домовъ купца Лѣсникова, дома купца Целибѣева, дома купца Костылева, въ домѣ купчихи Калгиной и купчихи Дурышкиной; составилъ проектъ для церкви

въ Ораніенбаумѣ, то-же проектъ на постройку дома Г-жи Харичковой; произвелъ памятники изъ гранита почетному гражданину Чаплину и покойному Ваятелю И. П. Мартосу.

Профессоры:

А. Брюловъ. Сверхъ занятій частными работами составилъ проектъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія, Гвардейскаго Штаба на Дворцевой площади, который и начатъ постройкою.

К. Тонъ. По Высочайшему повелѣнію составилъ проекты: церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, для Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, который Высочайше утвержденъ и начатъ постройкою; церквей Св. Владиміра въ Таврисѣ, и въ городѣ Свеаборгѣ для оборонительныхъ казармъ; дома для Дворянскаго Собранія, гостинницы, трехъ частныхъ домовъ въ Новѣгородѣ, на главную площадь и главнаго фасада Лѣсному Институту, которые и удостоены Высочайшаго утвержденія; сверхъ того для Генерала Клейнмихеля трехъ церквей на 1000, на 500 и 200 человѣкъ; для Члена Кабинета Его Величества Г. Сенявина, церкви же на 120 человѣкъ, и занимался постройками церквей Св. Екатерины въ Царскомъ Селѣ, Петра и Павла въ Петергофѣ и окончательною отдѣлкою Академической церкви.

А. Тонъ. Занимался, по Высочайшему повелѣнію составленіемъ чистыхъ чертежей въ большомъ масштабѣ и моделей на перестройку въ Таврическомъ Дворцѣ залы для зимняго Ботаническаго сада, по собственному его проекту.

Мейеръ. Устроилъ въ Красномъ Селѣ домъ для Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; занимался разными перестройками на Михайловской дачѣ за Стрѣльною, а

также постройкою фермы и прочихъ зданій при Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, и составленіемъ проектовъ церквей и прочихъ строеній въ разныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Состоящій внѣ службы при Академіи Ректоръ А. А. Михайловъ. Занимался составленіемъ разныхъ проектовъ по Комитету для Строеній и Гидравлическихъ работъ, и по Городовому, а также постройками у Князя Бориса Николаевича Юсупова, и внутренними передѣлками въ домѣ Ея Высокопревосходительства Маріи Никитичны Дурново.

Академикъ Анпертъ. По Высочайшему Повелѣнію занимался составленіемъ проектовъ: казармъ военныхъ для Оберъ-Офицеровъ въ Кронштадтѣ; Р. Католической церкви съ чугунною около оной оградою; Экзерциръгауза, съ помѣщеніемъ въ ономъ части фрегата, для обученія матросовъ и другихъ военныхъ чиновъ; служебъ для военной госпитали; парадной лѣстницы для военной госпитали въ эскизѣ, каковые проекты Высочайше одобрены и поступили къ исполненію; былъ занятъ и другими проектами по Департаменту Морскаго Министерства и по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ; составилъ проекты: Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ (Архитектуры), для построенія въ окрестностяхъ Колыванскихъ заводовъ на 200 человѣкъ, — монументовъ изъ чугуна въ Готическомъ вкусѣ, въ память подвиговъ Русскихъ воиновъ въ 1812 и 1813 годахъ, — для частныхъ лицъ, проектъ Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ, для построенія въ Рязанской Губерніи, въ помѣстьѣ Князя Кропоткина на 600 человѣкъ, — проектъ павильона въ Китайскомъ вкусѣ для постройки въ С. Петербургѣ Дворянину Кожуховскому,— и загороднаго дома для постройки въ С. Петербургѣ на Каменномъ Островѣ, для Г. Нандельштета.

Стасовъ. Упражнялся въ составленіи разныхъ проектовъ, приспособляя оные къ здѣшнему климату, и производилъ работы, начатыя въ прошломъ году по его проектамъ.

Почетные Вольные Общники:

Штауберть. По Высочайше утвержденнымъ проектамъ, занимался окончаніемъ зданія со службами, для двухъ баталіоновъ Дворянскаго полка; постройкою двухъ каменныхъ флигелей при С. Петербургской военной госпитали, для бани, прачечной, мастерскихъ и проч. и возведеніемъ новыхъ зданій для Лейбъ-Гвардіи конной батареи, манежа, конюшенъ и сарая для орудій и обоза, на огородномъ мѣстѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Монферранъ. Продолжалъ построеніе Исакіевскаго Собора, который возведенъ до той высоты, на которой имѣютъ быть поставлены гранитныя колонны, вокругъ большой главы онаго Собора. Колонны сіи предполагается поставить въ нынѣшнемъ году.

Шарлеманъ. Занимался постройками въ Петергофѣ четырехъ Кавалерійскихъ каменныхъ домовъ въ Готическомъ вкусѣ; таковаго же дома въ обыкновенномъ вкусѣ; театра; казармъ для Гвардейскаго Экипажа, и составленіемъ проектовъ: на построеніе каменной казармы для помѣщенія мастеровыхъ и служителей вѣдомства Петергофскаго Дворцоваго Правленія и деревяннаго Придворнаго манежа; въ Петербургѣ, отдѣлкою дома для помѣщенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Медицинскаго Департамента,— окончательною отдѣлкою домовъ и церкви у Выборгской заставы, строющихся на иждивеніи Г-жи Новосильцевой, урожденной Гр. Орловой, — проектомъ и постройкою новаго зданія для здѣшней Глазной Лечебницы, — по Высочайшей волѣ, проектомъ дома для жительства

Военнаго Губернатора въ Казани; а также составленіемъ проектовъ для частныхъ лицъ.

Профессоръ Теоріи Строительнаго Искусства Щедринъ. Перестроивалъ и окончательно отдѣлывалъ зданія: 12-ти Коллегій, для помѣщенія въ ономъ С. Петербургскаго Университета и Главнаго Педагогическаго Института, — домъ для помѣщенія Ларинской Гимназіи на Васильевскомъ Острову, — домъ для помѣщенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что у Чернышева моста, а также занимался проектами и смѣтами по служенію его въ разныхъ Казенныхъ Мѣстахъ.

3.

О СОСТОЯНІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ПОДЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ И ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

(Извлеченіе изъ «Краткаго Отчета по Учебнымъ и Благотворительнымъ Заведеніямъ, состоящимъ подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, представленнаго Статсъ-Секретаремъ Лонгиновымъ, за 1836 годъ»).

Благодѣянія, постоянно изливаемыя Государынею Императрицею на Учебныя и Благотворительныя Заведенія, состоящія подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, орошаютъ землю не безплодную. Обильные плоды свидѣтельствуютъ, что разсадники сіи достойны нѣжныхъ попеченій Августѣйшей Покровительницы, достигая годъ отъ году высшей степени усовершенія. Успѣхи въ развитіяхъ образованія сей важной отрасли народнаго благосостоянія очевидны изъ Отчетовъ, ежегодно издаваемыхъ по управленію сими Заведеніями. Представляемый Отчетъ за 1836 годъ, подобно предшествовавшимъ, показываетъ то цвѣтущее состояніе, въ коемъ находились Заведенія

сіи въ истекшемъ году, и какія были приняты мѣры къ ихъ улучшенію. Самая дѣятельность лицъ, трудившихся на семъ похвальномъ поприщѣ, усугублялась преимущественно благодѣтельными поощреніями Ея Императорскаго Величества. Щедроты Монаршія не престаютъ умножать рвеніе къ общему благу, и примѣръ благотвореній Ихъ Императорскихъ Величествъ отражается въ сердцахъ ихъ подданныхъ.

Въ подтвержденіе справедливости сего служитъ вновь возникающее Благотворительное Заведеніе— *Иркутскій Сиротскій Домъ и учрежденный при немъ Частный Банкъ.* Получая устройство свое въ отдаленномъ краѣ Россіи, Заведеніе сіе, едва бытіе воспріявшее, поступило уже подъ сѣнь благотворнаго попеченія Августѣйшей Покровительницы всего полезнаго. Сего достаточно, чтобы ободрять себя надеждою, что и оно, подобно прочимъ учрежденіямъ, осчастливленнымъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, станетъ на ряду съ ними въ своемъ устройствѣ и благосостояніи.

I. *Патріотическій Институтъ.*

Патріотическій Институтъ, къ 1-му Генваря 1836 года, состоялъ изъ 150 Штатныхъ Воспитанницъ Комитета 18-го Августа 1814 года и 125 Пансіонерокъ: всего изъ 245 дѣвицъ. Въ теченіе 1836 года выпущено, по просьбамъ родственниковъ и по другимъ уважительнымъ причинамъ, Воспитанницъ 3 и Пансіонерокъ 5; въ томъ числѣ не окончившихъ полнаго курса воспитанія 8. Вновь принято: Воспитанницъ 3, Пансіонерокъ 13; всего 16. — Число больныхъ простиралось во весь годъ до 60; въ томъ числѣ находилось въ кори 38; умерли: 1 Воспитанница и 2 Пансіонерки отъ застарѣлой золотухи, воспаленія и нервической горячки. Къ

1-му Генваря 1837 года состояло Воспитанниц 119, Пансіонерок 131; въ томъ числѣ на иждивеніи:

Его Императорскаго Величества 35.

Государыни Императрицы 23.

Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича 1.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича 2.

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны 5.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича 1.

Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны 1.

На счетъ капитала покойной Императрицы Елисаветы Алексѣевны 1.

Главнаго Казначейства 3.

Забалканскихъ Воспитанницъ, на счетъ капитала, пожертвованнаго П. Н. Демидовымъ 12.

На иждивеніи частныхъ лицъ 49.

Ученіе продолжалось, принятому порядку, подъ наблюденіемъ Начальницы и Инспектора классовъ, 18 Учителями Наукъ, Изящныхъ Художествъ и Искусствъ.

11. *Санктпетербургскій Домъ Трудолюбія.*

Къ 1836 году, Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 70 Воспитанницъ и 150 Пансіонерокъ. При нихъ было: Надзирательницъ 18, Учителей 11, Врачей 2, Чиновниковъ 2, прислуги обоего пола 58 человѣкъ. Въ теченіе 1836 года выпущено: Воспитанницъ 10, Пансіонерокъ 22; выбыло Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9. На ихъ мѣста принято: Воспитанницъ 8, Пансіонерокъ 30, Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9, Учителей прибавлено 5. Больныхъ въ разное время было 88 человѣкъ:

изъ нихъ 47 дѣвицъ имѣли корь; умерли отъ неизлечимой чахотки и застарѣлой золотухи 3 Пансіонерки.

За тѣмъ къ 1-му Генваря 1837 года находилось въ Домѣ Трудолюбія Воспитанницъ 68, Пансіонерокъ 135; въ томъ числѣ: Государя Императора 20, Государыни Императрицы 20, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1, Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Николаевны 2, Государственнаго Казначейства 11, на капиталъ Калинина 16 и на иждивеніи частныхъ лицъ 65.

III. *Санктпетербургское Женское Патріотическое Общество.*

Въ началѣ 1836 года, по истеченіи узаконеннаго трехлѣтія, въ чрезвычайномъ засѣданіи Совѣта Общества, бывшемъ въ покояхъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Николаевны, вновь избрана Предсѣдательницею онаго, супруга Сенатора, Агаѳоклея Марковна Сухарева, которая и утверждена Ея Императорскимъ Величествомъ въ семъ званіи.

Желая ознаменовать полезнымъ дѣломъ сіе засѣданіе, въ которомъ присутствовала Ея Императорское Высочество по званію Дѣйствительнаго Члена, Совѣтъ положилъ учредить складочное мѣсто, для храненія и продажи различнаго рода рукодѣлій, доставляемыхъ Частными Школами Общества и приносимыхъ посторонними бѣдными. Для сего Совѣтомъ начертаны въ руководство правила, на первый случай, для опыта, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года приступить къ новому оныхъ разсмотрѣнію. Мѣры сіи удостоены Высочайшаго одобренія Ея Императорскаго Величества, а Дѣйствительный Членъ, Княгиня Голицына, пожертвовала въ своемъ домѣ квартиру для по-

мѣщенія складочнаго мѣста, которое Коммиссіонеръ Общества, купецъ Бобковъ, отдѣлалъ и снабдилъ мебелью безмездно.

Концертъ, данный любителями музыки, 6-го Апрѣля минувшаго года, много содѣйствовалъ Обществу къ приведенію въ исполненіе благотворныхъ его намѣреній, доставивъ ему (за исключеніемъ 1918 руб. 20 коп., употребленныхъ въ расходъ) дохода 18,941 руб. 30 коп. (2013 руб. болѣе, нежели въ 1835 году).

Столь значительное приращеніе къ капиталу Общества дало возможность отчислить 1440 р. въ годъ, изъ общихъ суммъ, на содержаніе восьми новыхъ Пансіонерокъ.

Совѣтъ состоялъ, въ 1836 году, изъ 12-ти Дѣйствительныхъ Членовъ, въ числѣ коихъ состоитъ и Председательница и пять Помощницъ. Въ число Почетныхъ Членовъ, въ 1836 году, вступили 8.

Въ минувшемъ году Совѣтъ представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе Ея Императорскаго Величества подробный отчетъ объ осмотрѣ Школъ, которыя были найдены въ состояніи, соотвѣтствующемъ благотворительной цѣли, для коей учреждены сіи Заведенія. Изъ Школъ выпущено въ минувшемъ году Пансіонерокъ: Ея Императорскаго Величества 3, Общества 2, частныхъ особъ 3, Воспитанницъ 21, всего 29 дѣвицъ. Имъ выдано въ единовременное награжденіе 1900 руб. На мѣста сихъ дѣвицъ приняты новыя, именно: Пансіонерокъ Ея Величества 2, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника 1, Общества 11, Воспитанницъ 21: всего 35 дѣвицъ.

Купецъ 3-й гильдіи Алексѣй Долгинъ, движимый чувствами благотворенія, пожертвовалъ 15,000 руб., въ пользу Общества. Съ соизволенія Ея Величества, Совѣтъ Общества положилъ изъ процентовъ сего пожертвованія воспитывать въ своихъ Школахъ двухъ

дѣвицъ бѣднѣйшаго состоянія, подъ именованіемъ *Пансіонерокъ Долгина,* — объявивъ о семъ человѣколюбивомъ подвигѣ въ Вѣдомостяхъ, во всеобщее извѣстіе.

IV. *Полтавскій Институтъ Благородныхъ дѣвицъ.*

Къ 1836 году, Полтавскій Институтъ состоялъ изъ 99 Штатныхъ Воспитанницъ, 55 Пансіонерокъ и 11 дѣвицъ, содержимыхъ на счетъ экономіи. При нихъ находилось: Надзирательницъ и Пепиньерокъ 17, Инспекторъ классовъ и Учителей 19, Штатный Врачъ 1, 1, сверхштатный Дентистъ 1 и 2 Чиновника; прислуги: мужеска пола 24, женска 59; всего на содержаніи Института 288 человѣкъ.

1-го Іюля послѣдовалъ выпускъ дѣвицъ, кончившихъ ученіе, а именно: 40 Штатныхъ Воспитанницъ, 18 Пансіонерокъ и 1-й экономической Воспитанницы.

Изъ числа выпущенныхъ дѣвицъ, отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше пожалованы были награды семи отличившимся дѣвицамъ, а именно: 2-мъ золотые знаки, съ вензловымъ изображеніемъ Имени Ея Величества, 2-мъ серебряные, 1-й золотая медаль и 2-мъ серебряныя.

На мѣсто выпущенныхъ дѣвицъ поступило: Воспитанницъ 34, Пансіонерокъ 14 и 1 на счетъ экономіи; Надзирательницъ 2; Пепиньерокъ уволено 3 и Учителей 4; поступило: 3 Надзирательницы, 5 Пепиньерокъ, 1 Учитель и 2 человѣка прислуги; число больныхъ въ разное время простиралось до 113; изъ нихъ, къ прискорбію, умерло 2. За тѣмъ, къ 1837 году, состояло: Воспитанницъ 91, Пансіонерокъ, какъ Штатныхъ Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы, такъ и частныхъ 51, на счетъ экономіи 11; при нихъ Надзирательницъ и Пепиньерокъ 20, Инспекторъ и Учителей 16, Врачъ 1, Дентистъ 1, Чиновниковъ 2, прислуги: мужеска пола 26, женска 59;

всего къ Институту принадлежавшихъ лицъ было 278 человѣкъ.

V. *Московскій Домъ Трудолюбія.*

По Московскому Дому Трудолюбія къ 1836 году состояло Воспитанницъ 50, Пансіонерокъ 51, Пансіонерокъ бывшаго Холернаго Заведенія, за которыхъ вносится только половина платы, 9; при нихъ Надзирательницъ 7, Пепиньерокъ 4, Учителей и Учительница 11, Врачей 2, другихъ чиновъ 4, прислуги 81 человѣкъ, всего 169 человѣкъ.

Выпущенныхъ, по окончаніи воспитанія: дѣвицъ 3, Пансіонерокъ 11: всего 14; въ томъ числѣ воспитывавшихся на иждивеніи Ея Императорскаго Величества 4, на счетъ капитала, пожертвованнаго Казначеемъ Дома, Надворнымъ Совѣтникомъ Губинымъ 1.

Вновь поступило: Воспитанницъ 3 и Пансіонерокъ 11; для класса Французской Словесности прибавленъ 1 Учитель. На мѣсто выбывшей старшей Надзирательницы опредѣлена другая, и по представленіямъ Совѣта Московскаго Дома Трудолюбія, для большаго порядка въ преподаваніи Наукъ, Высочайше разрѣшено поручить Учителю Россійской Словесности и Исторіи Кол. Асс. Преображенскому, исправленіе должности Инспектора классовъ.

Къ 1-му Генваря 1837 года состояло въ Московскомъ Домѣ Трудолюбія: Воспитанницъ 50, Пансіонерокъ 50, поступившихъ изъ бывшаго Холернаго Заведенія, за коихъ вносится только половина платы, 9: всего 109; при нихъ Надзирательницъ 7, Пепиньерокъ 4, Учителей 10; всего на содержаніи Дома, со включеніемъ должностныхъ лицъ и прислуги, было 169 человѣкъ.

VI. *Симбирское Общество Христіанскаго милосердія и состоящій при немъ Домъ Трудолюбія.*

Въ Домѣ Трудолюбія къ Генварю 1836 года состояло: Пансіонерокъ Ея Императорскаго Величества 2, Штатныхъ Воспитанницъ 12, на иждивеніи благотворителей 6; изъ нихъ выпущены: 1 Пансіонерка Ея Величества и 3 Воспитанницы; ваканціи сіи замѣщены другими, и сверхъ того приняты 2 Пансіонерки на счетъ благотворителей. Больныхъ въ теченіе всего года было 4, легкими болѣзнями. Къ 1837 году Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 22 Воспитанницъ и Пансіонерокъ. При нихъ Надзирательницъ 3, Учителей 6, Врачь 1, Чиновникъ по Дому 1 и прислуги 7 человѣкъ.

VII. *Кронштадтскій Сиротскій Домъ.*

Учрежденный въ Кронштадтѣ Сиротскій Домъ, въ пятый годъ своего существованія, состоялъ изъ 30 комплектныхъ Воспитанницъ и 3 Пансіонерокъ. Въ теченіе 1836 года выбыло, по разнымъ случаямъ и по просьбѣ родителей, не кончившихъ ученіе Воспитанницъ 8 и 1 Пансіонерка; на мѣсто выбывшихъ поступило 3 Воспитанницы и 2 Пансіонерки. Окончившихъ ученіе выпущено: Воспитанницъ 3, Пансіонерка 1; на мѣсто выпущенныхъ имѣетъ быть принято такое же число сиротъ благороднаго и свободнаго состояній. За тѣмъ къ 1837 году состоитъ Воспитанницъ 26, Пансіонерокъ 3; всего 29.

VIII. *Кіевское Общество для вспоможенія бѣднымъ и состоящее въ вѣдѣніи онаго Училище Графини Левашевой.*

Въ 1836 году, Общество состояло изъ 10 Почетныхъ и 28 Дѣйствительныхъ Членовъ. Постояннымъ пособіемъ отъ Общества воспользовались 165 бѣдныхъ

семействъ. Сверхъ того 20-ти семействамъ преподанъ способъ пропитанія, посредствомъ продажи издѣлій ихъ въ лавкѣ Общества. Сиротъ отдано на воспитаніе въ Училище Графини Левашевой 16, въ Домъ Призрѣнія малолѣтныхъ женскаго пола 11, въ ученіе къ мастерамъ 4. Всего оказано пособія болѣе 200 семействамъ.

IX. *Подмосковное имѣніе Студенецъ.*

Въ прошедшемъ году, по ходатайству состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Московскаго Общества Любителей Садоводства, Ея Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на уступку сему Обществу еще участка земли, для разведенія плодоваго питомника. Также, по волѣ Ея Величества, сдѣлано предварительное соображеніе объ обращеніи всей дачи Студенецъ, съ числящимся при ней денежнымъ капиталомъ, въ пользу Общества, на учрежденіе въ оной Практической Школы Садоводства.

X. *Россійское Общество Любителей Садоводства, въ Москвѣ.*

Общество, начавъ съ 14-го Ноября 1835 года дѣйствія свои, въ теченіе 1836 года привело уже въ исполненіе нѣкоторыя предположенія Высочайше утвержденнаго Устава своего.

Предположенное учрежденіе Школы Садоводства также приводится въ исполненіе. Августѣйшая Покровительница Общества, одобривъ вполнѣ цѣль Школы, Всемилостивѣйше соизволила предоставить на содержаніе сего Заведенія всю трехгорную дачу Студенецъ, вмѣстѣ съ накопившимися отъ доходовъ и другихъ статей капиталомъ въ 40,000 рублей. Уставъ и Шта-

ты Школы Садоводства, для 50 человѣкъ на первый разъ, въ 1837 году, уже утверждены Ея Величествомъ. Подробныя свѣдѣнія о правилахъ устава и о самомъ учрежденіи Школы войдутъ въ составъ Отчета за 1837 годъ.

Въ концѣ 1836 года Общество состояло изъ Членовъ: 109 Дѣйствительныхъ, 16 Почетныхъ и 25 Корреспондентовъ.

XI. *Объ учреждаемомъ въ городѣ Тамбовѣ Александринскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ.*

Въ слѣдствіе Высочайшей Его Величества воли, Статсъ-Секретарь Лонгиновъ, бывъ въ Тамбовѣ, для соображенія на мѣстѣ мѣръ и способовъ къ приведенію въ дѣйствіе предположенія объ учрежденіи Александринскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, между прочимъ, имѣлъ счастіе ходатайствовать о предоставленіи оному, для постройки зданій его, мѣста на усадьбѣ, принадлежавшей бывшему Губернаторскому дому, соединяющаго всѣ условія, къ построенію зданій Института необходимыя.

Его Императорское Величество, одобривъ сіе всеподданнѣйшее представленіе, при Высочайшемъ посѣщеніи города Тамбова, лично соизволилъ удостовѣриться въ удобствѣ означеннаго мѣста, и Всемилостивѣйше пожаловалъ оное Институту, съ тѣмъ, чтобы отданы были въ его пользу и всѣ строенія, на той усадьбѣ состоящія. Планы предположенныхъ для Института зданій, начертанныхъ въ Тамбовѣ, по неодобреніи оныхъ Его Императорскимъ Величествомъ, были составлены здѣсь, по Высочайшей волѣ, извѣстнымъ Архитекторомъ Брюловымъ, сообразно съ замѣчаніями Его Величества и съ правилами, принятыми въ здѣшнихъ Заведеніяхъ. Въ 20-й день

Ноября новые планы удостоены Высочайшаго Его Величества утвержденія, и препровождены въ Комитетъ, завѣдывающій дѣлами учреждаемаго Института, для составленія по онымъ смѣтъ, кои, какъ предполагать должно, не превзойдутъ предназначенной на постройку суммы 189,000 рублей.

XII. *Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудящихся.*

Школа, учрежденная при Демидовскомъ Домѣ Трудящихся для призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, открыта 22-го Февраля 1836 года.

XIII. *Объ учреждаемомъ въ городѣ Иркутскѣ Сиропитательномъ Домѣ и при немъ Частномъ Банкѣ.*

Бывшій Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири, Генералъ-Лейтенантъ Сулима, еще въ 1834 году сообщилъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ о предположеніяхъ Иркутскаго мѣстнаго Начальства на счетъ учрежденія въ Иркутскѣ Сиротскаго Дома для дѣтей женскаго пола. Мѣстное Начальство пригласило мѣстныхъ жителей принять участіе въ исполненіи сего благотворительнаго предположенія. Такимъ образомъ, въ короткое время собрано добровольныхъ приношеній до 80,000 руб., въ томъ числѣ 70,000 руб. пожертвовано Иркутскими 1-й гильдіи купцами и почетными гражданами Иваномъ и Логиномъ Медвѣдниковыми, кои, исполняя волю умершей матери ихъ, изъявили готовность учредить въ Иркутскѣ Сиропитательное Заведеніе. При семъ Генералъ-Губернаторъ, подтверждая съ своей стороны необходимость въ учрежденіи предполагаемаго Заведенія, ходатайствовалъ о дозволеніи купцамъ Медвѣдниковымъ приступить къ его устройству, съ тѣмъ чтобы, согласно желанію ихъ, Заведеніе сіе повергнуть

Высочайшему покровительству Государыни Императрицы, и испросить назначенія въ оное Начальницы изъ Петербургскихъ Учебныхъ Заведеній, для женскаго пола, дабы учреждаемый въ Иркутскѣ Домъ Призрѣнія Сиротъ могъ быть управляемъ сообразно съ правилами столичныхъ Заведеній, и удостоясь Всемилостивѣйшаго покровительства, пріобрѣлъ общественное довѣріе. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы проектъ помянутаго Заведенія представленъ былъ на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Въ послѣдствіи, Ея Величество соизволила изъявить согласіе на принятіе подъ Августѣйшее Ея покровительство Сиропитательнаго Дома и Частнаго при немъ Банка, предположеннаго по тому проекту на счетъ отдѣляемой для сего учредителями части пожертвованнаго капитала: чрезъ что, кромѣ умноженія средствъ къ распространенію самаго Заведенія, открыта будетъ для торгующаго въ Сибири купечества возможность пользоваться пособіемъ въ денежныхъ его оборотахъ. Вмѣстѣ съ симъ, Ея Величеству благоугодно было принять на Себя назначеніе въ сіе Заведеніе Смотрительницы изъ С. Петербургскихъ Учрежденій.

Въ исходѣ 1836 года, Положеніе Иркутскаго Дома и Банка, съ примѣрными Штатомъ и Росписаніемъ, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, получивъ законное утвержденіе, возвращены Г. Генералъ-Губернатору для приведенія въ надлежащее дѣйствіе; нынѣ ожидаются подробнѣйшія свѣдѣнія о предпринятой купцами Медвѣдниковыми постройкѣ зданій для помѣщенія учреждаемаго Заведенія, и вообще о дальнѣйшемъ ходѣ сего предпріятія, обѣщающаго пользу во многихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, Его Императорское Величество, по ходатайству Государыни Императрицы,

благоволилъ опредѣлить Смотрительницѣ, противу первоначальнаго Штата, значительную прибавку жалованья отъ Казны, и повелѣть, сверхъ того, отправленіе ея въ Иркутскъ отнести на счетъ Государственнаго Казначейства, и таковыми щедротами положить начало будущимъ успѣхамъ возникающаго въ отдаленномъ краю Имперіи перваго, отчасти воспитательнаго, но существенно благотворительнаго Заведенія.

Въ заключеніе, для общаго обозрѣнія состоянія учебной части Заведеній, состоящихъ подъ Высочайшимъ Ея Величества покровительствомъ, прилагаемъ таблицу о числѣ Учащихъ и учащихся въ сихъ Заведеніяхъ.

	Учащихся: Воспитанницъ.	Пансіонерокъ.	Надзирательницъ.	Учителей.
1. Патріотическій Институтъ.	119	131	20	18
2. Санктпетербургскій Домъ Трудолюбія.	68	135	18	14
3. Женское Патріотическое Общество и Патріотическія Частныя Школы.	300	91	12	12
4. Полтавскій Институтъ Благородныхъ дѣвицъ. . . .	91	62	20	16
5. Московскій Домъ Трудолюбія.	50	59	11	11
6. Симбирское Общество Христіанскаго Милосердія и при немъ Домъ Трудолюбія. . .	12	10	3	6
7. Кронштадтскій Сиротскій Домъ	26	3	1	2
8. Кіевское Общество для вспоможенія бѣднымъ и состоящее въ его вѣдѣніи Училище Графини Левашевой	27	—	2	3
9. Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудящихся	57	16	1	2
Всего. . .	750	507	88	84
	1257			

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ и УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

КОРОЛЕВСКАЯ ПАРИЖСКАЯ ШКОЛА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ХАРТІЙ.

Въ числѣ многихъ Специальныхъ Учебныхъ Заведеній, которыми по справедливости можетъ гордиться Парижъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *Королевская Школа для чтенія хартій* (l'Ecole royale des chartes), какъ по обширной пользѣ, приносимой ею Исторіи Франціи, такъ и потому, что доселѣ она есть единственное Заведеніе въ своемъ родѣ во всей Европѣ. Многотрудная Наука чтенія хартій требуетъ занятій постоянныхъ, продолжительныхъ: посвятившій себя этой Наукѣ, конечно, ниже Историка-Практика;

но за то онъ необходимый его спутникъ: они оба должны итти рука объ руку на поприщѣ, ими избранномъ; соединенными силами вѣрно достигаютъ своей цѣли; раздѣльно—и тотъ и другой будутъ трудиться безуспѣшно. Ученый, посвятившій себя изученію хартій, служитъ посредникомъ между Историкомъ и временами минувшими: онъ приготовляетъ ему матеріалы, уцѣлѣвшіе отъ погибели, объясняетъ, очищаетъ ихъ, и передаетъ въ руки его въ такомъ видѣ, въ какомъ они необходимы для созиданія прагматической Исторіи. Отнимите эти пособія отъ Историка-Прагматика, призваннаго увѣковѣчить память народа въ великомъ твореніи: надъ чѣмъ онъ долженъ будетъ провести жизнь свою? Надъ разборомъ мертвой буквы, надъ объясненіемъ и истолкованіемъ отдѣльныхъ словъ, надъ разстановкою запятыхъ и точекъ, надъ сличеніемъ одной и той же фразы въ двадцати или тридцати рукописяхъ. ... Это ли работа, свойственная Генію? Нѣтъ! Онъ погибаетъ подъ ея тяжестью, подъ ея холодностію, такъ сказать, и Литература народа лишается великаго творенія на нѣсколько столѣтій, до тѣхъ поръ, пока не явится новый Геній-Историкъ, а Природа не очень щедра на Геніевъ.

Великій примѣръ совершился въ глазахъ нашихъ: безсмертный Сочинитель Исторіи Государства Россійскаго скончался, оставивъ намъ твореніе, не доведенное и до половины, хотя Авторъ трудился надъ нимъ двадцать четыре года сряду. Твореніе это есть образецъ величайшихъ красотъ, хотя и не безъ ошибокъ: красоты неотъемлемая собственность Карамзина; ошибки — неотъемлемая собственность того времени, въ которомъ онъ жилъ. Карамзинъ провелъ лучшее время своей жизни надъ разборомъ хартій и приготовленіемъ матеріаловъ для своего творенія — трудъ несвойственный Генію и несоразмѣрный съ силами

одного человѣка. Когда Карамзинъ началъ писать свою Исторію, Румянцевское Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, представляющее Историку документы драгоцѣнные для политической жизни нашего Отечества, только что появилось, и то не вполнѣ; но не было еще ни Археографической Экспедиціи, извлекшей изъ архивовъ памятники, по коимъ можно возстановить внутреннюю жизнь древней Руси, ни Археографической Коммиссіи, трудящейся надъ великимъ дѣломъ изданія лѣтописей, повѣствующихъ о судьбѣ народа Русскаго. То, что дѣлаютъ нынѣ и дѣлали не задолго передъ симъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, Карамзинъ принужденъ былъ дѣлать одинъ. Послѣ этого, должны ли мы удивляться ошибкамъ въ его Исторіи? И вмѣсто того, чтобы обвинять Карамзина, какъ многіе это дѣлаютъ, не лучше ли и не справедливѣе ли будетъ обвинять то время, въ которое онъ жилъ, и которое не умѣло приготовиться къ принятію Генія, посланнаго ему Природою. Карамзину слѣдовало родиться гораздо позже, чтобы явить себя еще въ большемъ блескѣ.

Говорить ли послѣ того, какъ далеко можетъ подвинуть Науку Учебное Заведеніе въ родѣ Школы для чтенія хартій, и какъ огромны могутъ быть его слѣдствія? Разумѣется подъ выраженіемъ «чтеніе хартій», я понимаю не одно простое произношеніе словъ, находящихся въ какомъ-нибудь письменномъ памятникѣ. «Прочесть хартію», по моему понятію, значитъ возстановить ея текстъ и объяснить филологически, исторически, хронологически, географически, юридически, и т. д., словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ только она можетъ быть разсматриваема. Слѣдовательно, Школа, которая учила бы насъ читать хартіи такимъ образомъ, была бы разсадникомъ свѣдѣній филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ,

географическихъ, юридическихъ. Она совмѣщала бы въ себѣ всѣ историческія вспомогательныя Науки, служащія основаніемъ достовѣрно-прагматической Исторіи. Она заставила бы насъ обработать нашу древнюю Географію, Генеалогію, Хронологію, Юриспруденцію, даже Филологію. Она приучила бы насъ къ изслѣдованіямъ прочнымъ, глубокимъ, добросовѣстнымъ. Она наполнила бы наши архивы и библіотеки людьми, знакомыми съ своимъ дѣломъ. При такой Школѣ легко бы было предпринимать самыя огромныя изданія источниковъ Отечественной Исторіи, и то, что нынѣ совершается въ десять лѣтъ, тогда совершалось бы въ два, много въ три года.

Французы, неутомимо трудящіеся надъ изданіемъ письменныхъ памятниковъ, относящихся до Отечественной Исторіи ихъ, очень хорошо поняли всю пользу и необходимость подобнаго рода Учебнаго Заведенія. Когда, въ слѣдствіе новыхъ политическихъ и гражданскихъ постановленій, монастыри были упразднены по всей Франціи, Наука чтенія хартій, жившая между монахами и передававшаяся изустно отъ одного поколѣнія ихъ къ другому, стала мало по малу пропадать, и, нѣтъ сомнѣнія, вовсе исчезла бы, если бы не были приняты мѣры для возстановленія ея въ новомъ блескѣ. Въ 1821 году, Г. Симеонъ (Siméon), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ (*), представилъ Лудовику XVIII проектъ учрежденія, при Королевской Библіотекѣ и Государственномъ Архивѣ (archives du Royaume) Школы для чтенія хартій, «дабы возстановить родъ занятій, необходимый для славы Франціи и доставить

(*) Въ это время во Франціи еще не было Министерства Просвѣщенія, и вся учебная часть входила въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Академіи Надписей всѣ нужныя средства для успѣшнаго совершенія ввѣренныхъ ей работъ (*).» Людовикъ XVIII утвердилъ представленный ему проектъ, и съ 22 Февраля 1821 года получила свое начало Королевская Школа для чтенія хартій. Число Воспитанниковъ не должно было превышать двѣнадцати. Они назначались, по представленію Академіи надписей, самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и, при вступленіи, должны были имѣть не менѣе 20 и не болѣе 25 лѣтъ. Воспитанники должны были пройти два курса: одинъ, учрежденный при Государственномъ Архивѣ, и имѣвшій предметомъ своимъ простое чтеніе хартій; другой, при Королевской Библіотекѣ, обнимавшей всѣ діалекты, существовавшіе во Франціи въ Средніе вѣка. Оба Профессора, читавшіе эти два курса, назначались также самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія Школы, и курсы ея были почти вовсе оставлены Воспитанниками. Такъ и должно было быть, во-первыхъ по дурному устройству курсовъ, а во-вторыхъ потому, что Воспитанникамъ не было открыто никакого поприща. Послѣ двухлѣтнихъ тяжкихъ, безпрерывныхъ занятій, Воспитанники не знали, что имъ дѣлать съ знаніями, пріобрѣтенными въ Школѣ, на что и куда употребить ихъ? По выходѣ изъ Школы, они были въ тягость и самимъ себѣ и Правительству, которое, давъ имъ средства узнать Науку, не могло способствовать къ тому, чтобы они были въ состояніи употребить ее въ дѣло. Другой, не менѣе важный недостатокъ, заключался въ дурномъ устройствѣ Школы, раздѣленной на два отдѣленія, не имѣвшія между собою ничего общаго, кромѣ предмета преподаванія: каждое

(*) Подлинныя слова Королевскаго Указа, 22 Февраля 1821 г. См. Moniteur universel, No 61, 1821 года.

дѣйствовало отдѣльно, имѣло свой порядокъ и свой ходъ занятій, и не хотѣло знать ни объ успѣхахъ, ни о способностяхъ Воспитанниковъ другаго отдѣленія. Сверхъ того оба курса ограничивались простымъ чтеніемъ и переписываніемъ хартій различныхъ эпохъ, нисколько не занимаясь ни Дипломатикою, ни Палеографіею, между тѣмъ, какъ посредствомъ этихъ двухъ Наукъ опредѣляется достовѣрность рукописей, время, къ которому онѣ относятся, различные почерки, принадлежащіе къ той или другой эпохѣ, неизмѣнныя формулы, принятыя въ то или другое время, и наконецъ характеръ, отличающій различные роды хартій: грамотъ, договоровъ, наказовъ, отписокъ, памятей и проч.

Еще въ 1824 году, въ засѣданіи 23 Генваря, Академія Надписей сильно протестовала противъ дурнаго устройства Школы: она настоятельно требовала преобразованія ея и принятія Воспитанниковъ подъ особое покровительство Министерства, которое должно было заботиться объ обезпеченіи ихъ будущности. Протестъ Академіи долго оставался безъ вниманія, и только въ концѣ 1829 года Г. Лабурдонне (La Bourdonnaye), бывшій въ то время Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представилъ Карлу X новый проектъ Школы для чтенія хартій, проектъ совершенно основательный и показывавшій знаніе дѣла, соединенное съ большею опытностію. Карлъ X утвердилъ проектъ 11 Ноября 1829 года, и со 2-го Генваря 1830 года преобразованная Школа воспріяла свои дѣйствія, не испытавъ съ того времени никакихъ значительныхъ измѣненій. Такова исторія Королевской Школы для чтенія хартій. Показавъ, какимъ образомъ она образовалась, приступимъ теперь къ изложенію ея внутренняго устройства, какъ въ отношеніи къ управленію, такъ и въ отношеніи къ распредѣленію курсовъ, способу преподаванія и порядку испытаній Воспитанникамъ.

Курсы Школы для чтенія хартій раздѣляются на первоначальный, продолжающійся годъ, и на курсъ Французской Дипломатики и Палеографіи, читающійся два года. На первый курсъ могутъ записываться всѣ молодые люди, имѣющіе не менѣе 18 и не болѣе 25 лѣтъ, и получившіе Степень Кандидата (bachelier des lettres). Во второмъ курсѣ число Воспитанниковъ можетъ быть не менѣе шести и не болѣе восьми: они называются Пенсіонными или Казеннокоштными (éleves pensionnaires) и получаютъ отъ Правительства, въ два года, каждый по 800 франковъ содержанія. Въ первомъ курсѣ ежегодно бываетъ отъ 45 до 50 человѣкъ учащихся. По окончаніи курса открывается конкурсъ для поступленія въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ. Испытанія производятся особою, постоянно для того существующею Коммиссіею, состоящею изъ Непремѣннаго Секретаря и двухъ Членовъ Академіи Надписей, трехъ Хранителей манускриптовъ Королевской Библіотеки и Главнаго Хранителя Государственнаго Архива (*). Конкурсъ этотъ открывается чрезъ каждые два года, по окончаніи втораго курса. Онъ бываетъ публичный, въ присутствіи Коммиссіи, въ одной изъ залъ Королевской Библіотеки, и происходитъ слѣдующимъ образомъ.

При открытіи засѣданія кладется на столъ число пакетовъ, равное числу Воспитанниковъ, явившихся на конкурсъ. Всѣ эти пакеты означены нумерами и въ каждомъ изъ нихъ находится по двѣ хартіи различныхъ эпохъ: одна на Французскомъ, другая на Латинскомъ языкѣ. Каждый Воспитанникъ выдергиваетъ на удачу одинъ пакетъ, и въ послѣдовательномъ порядкѣ нуме-

(*) Нынѣ Коммиссію эту составляютъ: Сильвестръ де Саси, Ноде (Naudet), Пардессю (Pardessus), Рауль-Рошетъ, Шампольіонъ, Газе и Дону (Daunou).

ровъ вызывается на испытаніе Пакетъ вручается ему тогда только, когда наступаетъ его очередь. Прежде всего онъ долженъ прочесть Латинскую хартію, перевести ее, объяснить на Французскомъ языкѣ, и отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ ему дѣланы Членами Коммиссіи, какъ относительно матеріальной, такъ и графической части рукописи. То же самое дѣлается и съ хартіею, писанною на Французскомъ языкѣ: она переводится съ древняго на новый языкъ. Когда всѣ Воспитанники подвергнутся этому первому испытанію, продолжающемуся нѣсколько засѣданій, смотря по числу конкуррентовъ, хартіи Латинскія и Французскія снова перенумеровываются безъ различія языковъ. Послѣ того Воспитанники выдергиваютъ на удачу каждый по одной хартіи, и обязаны, въ присутствіи Коммиссіи, написать сочиненіе, которое имѣло бы предметомъ своимъ выдернутую хартію. Сочиненіе это должно состоять, во-первыхъ, изъ вѣрно снятаго съ нея списка, въ которомъ должны быть подчеркнуты всѣ слоги и буквы, въ подлинникѣ написанныя сокращенно, и во-вторыхъ, изъ точнаго перевода Латинскаго текста на Французскій языкъ, или древне-Французскаго на новый. Къ этому переводу должны быть присоединены примѣчанія критическія, историческія, хронологическія и т. д., безъ всякаго другаго внѣшняго пособія, кромѣ книги l'Art de vérifier les dates, которая на сей конецъ и находится въ залѣ испытанія. Сочиненіе это должно быть написано въ одно засѣданіе, продолжающееся отъ 12 до 4 часовъ, и притомъ въ присутствіи всѣхъ Воспитанниковъ. Оно поступаетъ въ Коммиссію вмѣстѣ съ запечатаннымъ пакетомъ, содержащимъ въ себѣ имя Сочинителя. Коммиссія разсматриваетъ каждое сочиненіе порознь, и большинствомъ голосовъ опредѣляетъ число баловъ, котораго оно достойно. Тогда распечатываются па-

жены съ именами Сочинителей, и, приступается къ окончательному назначенію осьмерыхъ кандидатовъ: при чемъ принимается въ соображеніе и первое изустное испытаніе. Списокъ кандидатовъ представляется Коммиссіею на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія (1).

Кандидаты, принятые въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ, переходятъ на второй курсъ и въ продолженіе его, т. е. два года, получаютъ по 800 рублей содержанія. Въ это время они обязаны посѣщать лекціи, читаемыя Профессоромъ втораго курса (2) и принимать участіе въ приведеніи въ порядокъ манускриптовъ Королевской Библіотеки и Государственнаго Архива, и въ этомъ отношеніи они находятся подъ одинаковою отвѣтственностію съ Чиновниками того и другаго мѣста. Сверхъ того, они должны участвовать въ трудахъ Академіи Надписей, которая ежегодно представляетъ ихъ къ денежному награжденію: для чего и назначается три тысячи франковъ ежегодно изъ суммъ, опредѣленныхъ бюджетомъ на поощреніе занимающихся Науками и Искусствами. Представленіе Академіи утверждается Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По выслушаніи двухъ-годичнаго курса, Воспитанники, по представленію Коммиссіи, которая разсматриваетъ труды, совершенные ими въ продолженіи этого времени, удостоиваются Министромъ Народнаго Просвѣщенія диплома на званіе Архиваріуса-Палеографа (archiviste-paléographe). Съ этимъ дипло-

(1) Засѣданіямъ, бывающимъ по случаю конкурса, ведутся протоколы. Оба Профессора Школы приглашаются Коммиссіею участвовать въ преніяхъ и присужденіи баловъ; но они имѣютъ только совѣщательные голоса (voix consultatives).

(2) Каждый Профессоръ читаетъ два раза въ недѣлю; лекція продолжается не менѣе часа. Оба курса преподаются въ залахъ Королевской Библіотеки.

момъ они имѣютъ право требовать себѣ вакантныя мѣста во всѣхъ Библіотекахъ (исключая Королевской) и Архивахъ предпочтительно предъ всѣми прочими являющимися кандидатами. Если какая-нибудь Библіотека, или какой-нибудь Архивъ имѣетъ четыре вакантныя мѣста, то онъ можетъ располагать только двумя, а два другія мѣста обязанъ отдать Воспитанникамъ, оставившимъ Школу для чтенія хартій, съ дипломами Архиваріусовъ-Палеографовъ. Такимъ образомъ обезпечена судьба молодыхъ людей, посвятившихъ себя Наукѣ столь же многотрудной, сколько и неблагодарной.

Таковъ порядокъ поступленія въ Школу, перехода изъ одного курса въ другой и выпуска Воспитанниковъ. Теперь о самыхъ курсахъ и о способѣ преподаванія. Я уже сказалъ, что курсы раздѣляются на первоначальный курсъ и на курсъ Французской Дипломатики и Палеографіи. Предметомъ перваго курса, преподаваемаго нынѣ Г. Гераромъ (Guerard), Членомъ Института, — простое чтеніе и переписываніе хартій. Руководствуясь Дипломатикою Бенедиктинцевъ, преподаватель объясняетъ своимъ слушателямъ различные роды письма въ Средніе вѣки, различные роды матеріаловъ и орудій, для того употреблявшихся, словомъ все, что касается до графической и матеріальной части рукописей. При чтеніи хартій, онъ особенно обращаетъ вниманіе слушателей на сокращенія, отъ уразумѣнія коихъ зависитъ правильное уразумѣніе рукописей, и предпочтительно на тѣ сокращенія, которыя были предметомъ недоразумѣній и споровъ между Учеными. Когда Воспитанники получаютъ уже нѣкоторый навыкъ въ чтеніи хартій, преподаватель заставляетъ ихъ переписывать рукописи, въ спискахъ писать вполнѣ тѣ слова, которые въ подлинникѣ означены сокращенно, и представлять вмѣстѣ съ тѣмъ въ примѣчаніяхъ при-

чины, по которымъ они принимаютъ то или другое чтеніе. Въ этихъ упражненіяхъ проходитъ весь первый годъ, по истеченіи котораго Воспитанники являются на конкурсъ для перехода во второй курсъ.

Во второмъ курсѣ объясняются различные діалекты Среднихъ вѣковъ, бывшіе въ употребленіи во Франціи, и преподается критика письменныхъ памятниковъ этой эпохи, способы узнавать ихъ достовѣрность или подложность, и относить къ тому времени, къ которому они дѣйствительно принадлежатъ. Собственно говоря, это курсъ не Дипломатики и Палеографіи, а Исторической Критики, принимаемой въ обширнѣйшемъ значеніи. Метода преподаванія въ этомъ курсѣ, созданная знаменитымъ Шамполліономъ, есть единственная въ этомъ родѣ. Г. Шамполліонъ, преподаватель втораго курса, сообщившій уже мнѣ многія свѣдѣнія о Школѣ для чтенія хартій, былъ такъ добръ, что не отказался посвятить мнѣ нѣсколько времени и познакомить съ способомъ своего преподаванія. Трудно вообразить себѣ, чтобы можно было имѣть въ Исторической Критикѣ и Археологіи свѣдѣнія глубже и обширнѣе Шамполліоновыхъ! Только съ его знаніями и съ его умѣньемъ можно было столь сухую и мертвую Науку, какъ Археологія, превратить въ самую занимательную и преисполненную жизни. Постараюсь передать здѣсь то, что слышалъ отъ Г. Шамполліона, и что, разумѣется, могло быть объяснено мнѣ самимъ преподавателемъ лучше, нежели кѣмъ-либо другимъ.

Г. Шамполліонъ начинаетъ преподаваніе не съ древнѣйшихъ рукописей, а съ тѣхъ, которыя находятся такъ сказать на границѣ новаго письма. Начиная такимъ образомъ съ легчайшаго, онъ постепенно и нечувствительно углубляется въ древность, и наконецъ доходитъ до *первыхъ* рукописей, уцѣлѣвшихъ до нашего

времени. Являясь на лекцію съ древнею хартіею, онъ заставляетъ Воспитанниковъ разбирать ее, и то, что не можетъ быть прочтено однимъ Воспитанникомъ, разбирается другимъ, третьимъ, и т. д. Г. Шампол-ліонъ не мѣшается въ эту работу учениковъ своихъ: онъ останавливаетъ ихъ только тогда, когда они неправильно читаютъ то или другое слово. Такимъ образомъ Воспитанники сами работаютъ, сами трудятся, и когда возстановятъ текстъ хартіи, Г. Шампол-ліонъ заставляетъ одного изъ слушателей написать ее на доскѣ: прочіе переписываютъ. Къ слѣдующей лекціи они обязаны приготовить сочиненіе, въ которомъ прочтенная хартія была бы объяснена филологически, исторически, хронологически, географически, юридически, словомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ только она можетъ быть разсматриваема. Если хартія sine anno, то воспитанники должны пріурочить ее къ тому или другому году, посредствомъ розысканій о томъ лицѣ, кѣмъ она подписана, о тѣхъ фактахъ, которые въ ней упоминаются, и т. д. Если это какая нибудь грамота, подписанная Генрихомъ, Лудовикомъ, Карломъ, то опредѣлить, какимъ именно изъ Королей этого имени она дана, принимая въ соображеніе скрѣпу Канцлера, мѣсто, гдѣ она утверждена, событія, о коихъ въ ней упоминается, и пр. Каждый Воспитанникъ, комментуя хартію, распространяется объ ней болѣе въ томъ или въ другомъ отношеніи, смотря по тому, какая Наука болѣе занимаетъ его. Такимъ образомъ, одинъ распространяется о хартіи болѣе въ филологическомъ отношеніи, занимаясь древними формами языка; другой въ хронологическомъ, показывая различіе въ хронологіи древнихъ Провинцій Франціи; третій въ юридическомъ, и т. д. Въ слѣдующую лекцію Воспитанники читаютъ свои сочиненія. Г. Шампол-ліонъ поправляетъ изустно ихъ ошибки, дополняетъ то, что

ими пропущено, или прибавляетъ то, что вовсе забыто. Потомъ, когда всѣ сочиненія прочтены, Г. Шампольіонъ начинаетъ самъ объяснять хартію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Тутъ раскрываются вполнѣ обширныя и глубокія свѣдѣнія ученаго преподавателя въ отечественной Археологіи. Объяснивъ подлинность, характеръ и предметъ историческаго документа, онъ показываетъ, въ чемъ этотъ документъ можетъ быть полезенъ для Исторіи: какіе факты поясняются имъ, или опровергаются, или пополняются; какіе результаты можно вывести изъ него для состоянія общества во Франціи въ то время, для нравовъ и обычаевъ, для промышлености, торговли, земледѣлія, для внѣшнихъ сношеній той эпохи; словомъ, преподаватель пользуется малѣйшимъ указаніемъ хартіи, малѣйшею чертою, могущею характеризовать современность. Потомъ, та же самая хартія разбирается филологически; здѣсь объясняются различные діалекты, бывшіе въ употребленіи въ Средніе вѣки въ различныхъ Провинціяхъ Франціи, древнія формы языка, слова, вышедшія уже изъ употребленія, или перемѣнившія свое значеніе. Эта часть комментаріевъ Г. Шампольіона столь же любопытна, какъ и первая: удивляешься тому только, какимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ совмѣстить въ себѣ столько разнообразныхъ свѣдѣній!

Когда Воспитанники сдѣлаютъ уже нѣкоторые успѣхи въ Исторической Критикѣ и ознакомятся съ характеромъ актовъ и сочиненій различныхъ эпохъ, Г. Шампольіонъ пріучаетъ ихъ къ новому роду упражненій, которыя могутъ назваться *maximum* въ Исторической Критикѣ. Онъ приноситъ слушателямъ своимъ листокъ, взятый на удачу изъ какой-нибудь рукописи. Возстановивъ текстъ, они обязаны опредѣлить — изъ какого сочиненія взятъ этотъ листокъ? Сначала они опредѣляютъ вѣкъ, къ которому оно относится, потомъ

содержаніе его, далѣе какому Писателю оно принадлежитъ — свѣтскому или духовному, и наконецъ по соображеніямъ историко-литературнымъ доходятъ до того, кѣмъ писанъ принесенный листокъ и къ какому именно сочиненію онъ принадлежитъ. Разумѣется, такія розысканія дѣлаются не въ одну лекцію, но требуютъ занятій *кабинетныхъ*, и при томъ при многихъ пособіяхъ и справкахъ.

Кромѣ того, Г. Шампольіонъ указываетъ слушателямъ своимъ на предметы, достойные розысканій, въ огромныхъ историческихъ собраніяхъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ: Recueils d'Historiens et Ordonnances de France, Gallia Christiana, Analectes, Spiciléges, и пр. Онъ заставляетъ ихъ сличать различные списки одной и той же рукописи, приводить варіанты, показывать прибавки переписчиковъ, или пропуски; и т. д. Воспитанники занимаются также, подъ его руководствомъ, переводами актовъ и сочиненій различныхъ эпохъ.

Такова метода преподаванія Г. Шампольіона. Я представилъ здѣсь одинъ только очеркъ ея, безъ дальнѣйшаго развитія и всѣхъ частныхъ приложеній. Но и изъ этого слабаго очерка можно уже видѣть, какъ плодотворна она въ своихъ послѣдствіяхъ, и какое правильное, твердое, такъ сказать, направленіе даетъ она молодымъ людямъ, посвящающимъ себя отечественнымъ Древностямъ. Если бы присоединить къ ней Нумизматику и Геральдику, то, кажется, не было бы почти ни одного археологическаго случая, въ которомъ учившійся по ней могъ бы не дать удовлетворительнаго рѣшенія.

Я сказалъ уже, что по прочтеніи каждой хартіи, Воспитанники пишутъ сочиненія, для коихъ она служитъ предметомъ. Сочиненія эти, тотчасъ послѣ лекціи, въ коей они были читаны, отсылаются Г. Шампольіономъ въ Коммиссію, о которой говорено

выше. Коммиссія разсматриваетъ ихъ, и большинствомъ голосовъ опредѣляетъ число баловъ, коего они достойны. Меньшее число баловъ означаетъ наибольшіе успѣхи; большее — наименьшіе успѣхи. По окончаніи курса, то есть чрезъ два года, Коммиссія пересчитываетъ число баловъ, находящихся на всѣхъ сочиненіяхъ каждаго Воспитанника, и по итогу ихъ составляетъ списокъ, ставя впереди тѣхъ Воспитанниковъ, которые имѣютъ меньшее число баловъ. При этой классификаціи принимаются въ соображеніе и тѣ сочиненія, которыя Воспитанники обязаны присылать прямо въ Коммиссію каждые три мѣсяца. Составленный Коммиссіею списокъ Воспитанникамъ, достойнымъ диплома Архиваріусовъ-Палеографовъ, утверждается Министромъ Народнаго Просвѣщенія: послѣ чего они получаютъ вакантныя мѣста въ библіотекахъ и архивахъ по мѣрѣ старшинства своего.

Въ Королевскомъ указѣ, состоявшемся 11 Ноября 1829 года, сказано между прочимъ, что Королевская типографія ежегодно будетъ издавать по одному тому *Библіотеки Королевской Школы для чтенія хартій* (Bibliothéque de l'Ecole royale des chartes), въ которой должны помѣщаться письменные памятники, приготовленные къ печати, вмѣстѣ съ переводами, Воспитанниками Школы, и одобренные Коммиссіею; и также по одному тому *Библіотеки Французской Исторіи* (Bibliothéque de l'histoire de France), которая должна заключать въ себѣ различнаго рода акты, касающіеся Исторіи Франціи, съ критическими примѣчаніями, составленными Воспитанниками и одобренными Коммиссіею. Тѣмъ же указомъ назначалось ежегодно три тысячи франковъ для награжденія тѣхъ изъ Воспитанниковъ, которые наиболѣе способствовали къ изданію этихъ двухъ собраній. Но обѣ эти статьи указа не были приведены въ исполненіе, и Воспитанники, вза-

мѣнъ этихъ занятій, принимаютъ участіе въ ежегодныхъ изданіяхъ Академіи Надписей, и по ея представленію, какъ уже сказано выше, получаютъ за труды свои денежное награжденіе, состоящее ежегодно изъ трехъ тысячь франковъ.

Таково устройство Школы для чтенія хартій! Не должны ли мы желать, для пользы нашей Исторіи, чтобы столь полезное и необходимое для ея успѣховъ Заведеніе явилось въ нашей Сѣверной столицѣ, богатой древними письменными памятниками? То, что совершило Правительство въ послѣднее десятилѣтіе, для Отечественной Исторіи, служитъ для насъ вѣрнымъ залогомъ той надежды, что скоро, можетъ быть очень скоро, и у насъ явится разсадникъ молодыхъ Археологовъ. Археографическая Экспедиція вызвала учрежденіе Археографической Коммиссіи; Археографическая Коммиссія вызоветъ учрежденіе Школы, которая дастъ ей возможность привести въ исполненіе ея обширные, великіе планы — передать потомству то, что завѣщано намъ предками нашими о судьбахъ великой Руси.....

Корреспондентъ Археографической Коммиссіи

С. Строевъ.

Парижъ.

$\frac{20}{8}$ Октября, 1837 года

V.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) *Чтенія о Словесности. Курсъ первый и вторый.* Москва, въ Унив. тип. Двѣ части, въ I — 326, во II — 327 стр. in-8°.

Кому изъ людей, хотя нѣсколько изучавшихъ Исторію Наукъ, не извѣстно, что съ постепеннымъ ходомъ времени постепенно измѣняются и сферы Наукъ, сжимаясь или раздвигаясь въ своихъ объемахъ? Это истина неоспоримая, ежедневно подтверждающаяся. Посмотрите на Теорію Словесности. Сколько измѣненій претерпѣла она, начиная съ Аристотеля и до нашихъ временъ. Какая громада разсужденій, руководствъ, курсовъ Словесности! И что же? Къ чему повели всѣ эти руководства, курсы и проч.? — Авторы ихъ смотрѣли на утвержденіе положительныхъ правилъ Науки, на ея самобытность, какъ на дѣло второстепенное, не заслуживающее особеннаго вниманія; они заботились только о томъ, чтобы *научить сочи-*

нять учащихся — и загромоздили свои курсы многоразличными правилами, какъ должно *располагать*, *украшать* и *изобрѣтать* мысли. И находились же такіе добрые люди, которые отъ души вѣрили, что можно научиться *изобрѣтать* мысли; что выучивъ отъ-доски-до-доски какой-нибудь курсъ Словесности, непремѣнно сдѣлаешься Ораторомъ, Поэтомъ.... Но какая Теорія образовала Гомера, Данта, Шекспира? Какія правила могутъ затеплить въ душѣ человѣка тотъ дивный огонь, который называютъ вдохновеніемъ? Кто можетъ вложить въ уста человѣку непризванному тѣ гармоническіе звуки, отъ которыхъ убогій забываетъ свое страданіе; которыхъ заслушиваются и веселые богачи, погружаясь отъ нихъ въ сладкое раздумье? Великіе люди родятся, а не *дѣлаются*, какъ то воображали нѣкогда бѣдные курсы Словесности, напрягавшіяся изо всѣхъ силъ, чтобы творить Поэтовъ.

Однако изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Теорія Словесности не существовала или была рѣшительно безполезна. Утверждать это нелѣпо. Общіе законы Изящнаго существуютъ. Изучить эти законы, изъ нихъ вывести необходимость Словесности и опредѣлить ей мѣсто въ кругу другихъ Изящныхъ Искусствъ, вотъ что требуется отъ современнаго курса Словесности. Это отлично выполнено Издателемъ *Чтеній о Словесности*, Г. Профессоромъ Московскаго Университета Давыдовымъ. — Книга его представляетъ свѣдѣнія объ Изящномъ въ видѣ до возможности точномъ и опредѣлительномъ. Издатель говоритъ въ предисловіи:

«Издаваемыя Чтенія о Словесности, или собственно о Философіи Словесности, содержащія Теорію Слова, Краснорѣчіе и Поэзію, изложены по руководству Блера. Уроки о Риторикѣ и Изящной Словесности, надъ которыми трудился Блеръ въ

продолженіе 24-лѣтняго преподаванія, давно переведены на Нѣмецкій и Французскій языки. Въ нихъ находимъ всѣ важнѣйшія изслѣдованія по предмету Философіи Словесности, повѣренныя поучительными наблюденіями Сочинителя; самое же изложеніе ихъ ясно, просто и изящно: это живая рѣчь бесѣды умнаго и ученаго человѣка. По этимъ урокамъ составлены многіе учебники, къ числу которыхъ принадлежитъ и опытъ Риторики, вскорѣ послѣ появленія подлинника изданный на Русскомъ языкѣ въ одной книгѣ, но съ названіемъ *Опыта Риторики, сокращеннаго изъ Блера.*

« Въ преподаваніи Теоріи Словесности, для развитія изящнаго вкуса и образованія дара слова, уроки Блеровы предпочитаются всѣмъ другимъ руководствамъ. Въ Теоріяхъ Изящнаго, какія появлялись въ разныя времена у разныхъ народовъ, разногласіе и даже противорѣчіе происходятъ отъ исключительнаго послѣдованія одному изъ началъ всякаго вѣдѣнія: или идеальному, постигаемому внутреннимъ созерцаніемъ, или чувственному, пріобрѣтаемому внѣшнимъ наблюденіемъ. — Отсюда два противоположныя одностороннія ученія, встрѣчаемыя въ области Изящнаго вообще и Изящнаго въ словѣ: метафизическое, состоящее въ построеніи системъ безъ всякаго приложенія къ Искусству, и эмпирическое, теряющееся въ разсматриваніи внѣшняго изящества. Въ древности представителями ихъ были Платонъ и Аристотель; въ наше время эти ученія раздѣляютъ мыслителей Германіи и Франціи. Но Англійскіе Писатели преимущественно занимаютъ средину между двумя крайностями: идеализмомъ и эмпиризмомъ въ Изящномъ. Таково въ этомъ отношеніи и сочиненіе Блера. Драгоцѣнныя его опытныя свѣдѣнія о дарѣ слова, заимствованные изъ древнихъ и новыхъ Писателей, или переведены, или изложены въ Чтеніяхъ о Словесности

съ необходимыми измѣненіями; *иные уроки замѣнены новыми, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ на Словесность;* объ основныхъ предметахъ показаны всѣ источники и ученыя пособія, для желающихъ подробнѣйшаго изслѣдованія; общіе законы Слова, Краснорѣчія и Поэзіи выведены изъ началъ Изящнаго и приложены къ Слову Отечественному. Многіе примѣры изъ древнихъ и новыхъ образцевыхъ Писателей, приводимыхъ Блеромъ, удержаны въ Чтеніяхъ, только въ Русскомъ переводѣ, потому что образцы Изящнаго въ Словѣ, какъ въ Живописи и Ваяніи, равно изящны для всѣхъ народовъ и во всѣ времена.»

Г. Давыдовъ, замѣнивъ нѣкоторые уроки Блера *новыми, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ Науки*, оказалъ тѣмъ большую услугу учащимся. Блеръ, Профессоръ Риторики и Піитики въ Эдимбургскомъ Университетѣ, хотя и былъ ученикомъ славнаго Джонсона, но въ своихъ понятіяхъ объ Искусствѣ явно слѣдовалъ Французамъ и доказалъ это вполнѣ изданіемъ своего курса въ 1783 году. Онъ, даже менѣе всѣхъ теоретиковъ Англійскихъ держался середины между двумя крайностями, о которыхъ говоритъ Г. Давыдовъ, идеализмомъ и эмпиризмомъ въ Изящномъ и болѣе другихъ заплатилъ дань вѣку, въ которомъ появился. Припомните его гипотезу о происхожденіи языка; не забудьте, что Шекспира онъ называлъ *грубымъ, необработаннымъ Геніемъ*, Шекспира, передъ которымъ даже Драйденъ, Аддисонъ и Попе — эти закоснѣлые Схоластики, благоговѣли, какъ передъ всеобъемлющимъ, міровымъ Геніемъ, къ созданіямъ котораго не смѣли прикладывать своихъ бѣдныхъ, классическихъ мѣрокъ! Впрочемъ въ частностяхъ Науки, въ замѣчаніяхъ практическихъ, которыя только могутъ пріобрѣтаться опытностію долговременною, 20-лѣтнею опытностію, Блеръ имѣетъ достоинство неоспоримое.

Но обратимся къ «Чтеніямъ о Словесности». Первая, объективная ея часть: *Теорія Слова*, изложена въ первомъ курсѣ; вторая заключаетъ въ себѣ *Теорію Краснорѣчія*, субъективную часть Философіи Словесности. А какъ основанія Науки объ Изящномъ должны служить введеніемъ въ Теорію Краснорѣчія, то XVI чтенія посвящено раскрытію оныхъ. XVII и XVIII чтеній содержатъ въ себѣ Исторію Краснорѣчія Греціи и Рима, духовнаго и новѣйшихъ временъ. Объясненіе составныхъ частей и разныхъ родовъ ораторской рѣчи, какъ важнѣйшаго краснорѣчія, занимаетъ семь чтеній во второмъ курсѣ (XIX—XXV). XXVI чтеніе объ искусствѣ произношенія особенно необходимо для витія; XXVII, XXVIII и XXIX чтенія заключаютъ въ себѣ теоріи историческихъ и философическихъ сочиненій,— и наконецъ послѣднее XXX разсуждаетъ о средствахъ и способахъ къ усовершенствованію Оратора.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ изданія III курса, который будетъ заключать въ себѣ Теорію Поэзіи.

Трудъ изложенія «Чтеній» совершенъ слушателями Профессора Давыдова, Гг. Студентами Московскаго Университета, имена которыхъ выставлены въ предисловіи

2) *Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Сочиненіе, писанное на Степень Доктора Философскаго Факультета, перваго Отдѣленія, Адъюнктомъ Московскаго Университета Степаномъ Шевыревымъ.* Москва, въ типографіи Н. Степанова, 1836. in-8°.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ Русскихъ книгъ истекшаго 1837 года (*), относящихся до Теоріи Сло-

(*) На оберткѣ сочиненія Г. Шевырева выставленъ 1836 годъ, но по времени появленія книги его въ свѣтъ, мы можемъ вѣрнѣе причислить ея къ 1837 году.

весности, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, книга, заглавіе которой мы здѣсь выписали. Г. Адъюнктъ Московскаго Университета Шевыревъ, Авторъ превосходнаго сочиненія «Исторіи Поэзіи», о которой мы отдавали отчетъ въ свое время, избралъ предметомъ для диссертаціи на Степень Доктора Философскаго Факультета перваго Отдѣленія — Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Предметъ обширный и сложный: отъ того сочиненіе Г. Шевырева перешло границы обыкновенныхъ диссертацій. Оно составляетъ томъ въ 372 стр. и заключаетъ въ себѣ 41 тезисъ. Основная мысль его состоитъ въ томъ, что *Искусство было прежде Теоріи, а Теорія есть слѣдствіе Искусства.* Авторъ говоритъ (стр. 1), что мысль эта подтверждается опытами всѣхъ вѣковъ и народовъ, ссылается на міръ Востока древній и новый, на Грецію и наконецъ указываетъ на великія произведенія Италіи, Испаніи и Англіи, явившіеся безъ участія Науки. Дантъ, Лопецъ де Вега, Кальдеронъ и Шекспиръ служатъ для него лучшимъ доказательствомъ того, что Искусство не есть слѣдствіе Теоріи; что эти великіе творцы заставляютъ изучать явленіе и изслѣдывать законы, управляющіе ихъ поэтическою дѣятельностію и что здѣсь уже зараждается Теорія, или, какъ говоритъ Авторъ (стр. 2) *Наука Поэзіи.* «А если эта Наука есть» — продолжаетъ онъ, — «то она полезна и необходима.» Указывая на Германію, какъ на создательницу *настоящей Теоріи новаго Искусства*, основанной на глубокомъ сравнительномъ изученіи образцовъ древнихъ и новыхъ, Г. Шевыревъ фактъ, сказанный имъ въ началѣ, обращаетъ иначе, т. е., *что Искусство въ Германіи было слѣдствіемъ Науки, а не Наука слѣдствіемъ Искусства.* Такъ, по его словамъ, надлежало быть въ позднѣйшемъ человѣче-

ствѣ. Пройдемъ бѣгло за Авторомъ всѣ явленія Теоріи Поэзіи, какія только совершались у разныхъ народовъ и укажемъ Читателямъ на безчисленныя ссылки, которыя онъ дѣлаетъ почти на каждой страницѣ, и которыя служатъ еще новымъ доказательствомъ многостороннихъ его свѣдѣній и обширной начитанности.

Начиная съ древней Европы, Г. Шевыревъ прежде всего говоритъ о Теоріи Поэзіи въ Греціи, гдѣ она собственно раждается (стр. 4); разсматриваетъ Греческіе миѳы или поэтическую прелюдію къ Теоріи Поэзіи (стр. 6); ученіе Платона о Прекрасномъ и Поэзіи, извлеченное изъ его сочиненій (стр. 20); ученіе Аристотеля (стр. 49) и параллель между ученіями этихъ двухъ великихъ мужей міра древняго (стр. 78). Потомъ онъ переходитъ къ Риму и, упомянувъ о сочиненіи Лонгина о Высокомъ, образующемъ, по мнѣнію его, переходъ отъ Теоріи древней, основанной на подражаніи Природѣ, къ Теоріи новой, основанной на дѣятельности духа (стр. 101), онъ обращается къ новой Европѣ и здѣсь раздѣляетъ Науку Поэзіи на три главные періода: *первый*, представляющій свободное образованіе новой Поэзіи во всѣхъ оригинальныхъ образцахъ ея, при существованіи древней Теоріи, до конца XVI и начала XVII вѣка; *второй* — стѣснительное вліяніе древней Теоріи и образцевъ, дурно понятыхъ, во Франціи и въ Англіи, въ послѣдней половинѣ XVII и XVIII столѣтій; *третій* — освобожденіе отъ сего ига и открытіе началъ новой Теоріи въ Германіи, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (стр. 114). Отъ сего общаго обозрѣнія, онъ переходитъ къ обозрѣнію частному и говоритъ: 1) о Теоріи Поэзіи въ Италіи (стр. 123), 2) во Франціи (стр. 158); характеризуетъ Буало, Баттё, Мармонтеля (*)

(*) Отрывокъ о Мармонтелѣ напечатанъ былъ прежде въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

и Лагарпа (отъ 139 до 200 стр.); 3) въ Англіи, и наконецъ 4) въ Германіи (стр. 219). Здѣсь онъ разбираетъ: 1) отношеніе между Философіею и Теоріею Искусства въ Германіи; 2) Исторію Критики и Поэзіи: Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте, Фридриха и Августа Шлегелей (221 — 306 стр.), и 3) Исторію Теоріи въ Германіи. Указавъ на истинное начало Теоріи и приготовивъ много для нея матеріаловъ, Германія, по мнѣнію Г. Шевырева, не имѣетъ еще однако Теоріи *совершенной*, которая представила бы равновѣсіе элемента философическаго и критическаго, составляющее главное условіе сего совершенства. Авторъ полагаетъ: «три разряда Теорій, которыя слѣдовали другъ за другомъ въ Германіи: 1) Теорія техническая, 2) психологическая, 3) метафизическая, изъ коихъ вторая была порождена частію вліяніемъ Англичанъ, частію ученіями Вольфа и Канта; послѣдняя же ведетъ свое начало отъ ученія Шеллинга.» *Бутервека* считаетъ онъ представителемъ Теоріи психологической; *Аста* и *Бахмаца* — представителями Теоріи метафизической; *Жанъ-Поля Рихтера* — основателемъ критико-философскаго направленія, выразившагося въ формѣ поэтической (306 — 366 стр.). Представивъ въ краткомъ очеркѣ Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, по системѣ Г. Шевырева, мы выпишемъ заключительныя слова его:

«Послѣ Германіи намъ слѣдовало бы разсмотрѣть развитіе Теоріи въ нашемъ Отечествѣ; но мы должны скромно сознаться, что у насъ сія Наука не сдѣлала никакихъ національныхъ пріобрѣтеній. Сначала робко и набожно мы слѣдовали Теоріи — Французской; потомъ, убѣжденные Нѣмцами, отказались отъ Французовъ, и теперь, съ такою же покорностію, слѣдуемъ Теоріямъ Нѣмецкимъ. Но должно замѣтить къ сожалѣнію, что

въ послѣднемъ нашемъ Германскомъ стремленіи, мы, увлекаясь болѣе умозрительными и безплодными Теоріями нашихъ учителей, слишкомъ мало знакомились съ критическими трудами той же націи и вовсе не слѣдовали ея примѣру въ живомъ и своенародномъ изученіи Поэзіи. Должно однако, къ чести нашей, сознаться, что мы со времени Германскаго вліянія, стали глубже вникать въ идею Искусства и въ этомъ отношеніи опередили прочіе народы Европы, которые, держась крѣпко національныхъ предразсудковъ, до сихъ поръ не доступны новому ученію Германцевъ объ Искусствѣ... Должно надѣяться, что и въ Теоріи Искусства, Германія, уже давшая намъ мысли болѣе вѣрныя, наведетъ насъ и на путь *своенароднаго* изученія...»

Возложимъ эти отрадныя надежды на будущее. Кто знаетъ, можетъ быть, это будущее недалеко? Уже въ послѣднее время элементы *народности* начали замѣтно проявляться у насъ въ Искусствахъ. Шагъ сдѣланъ, и шагъ важный, мы конечно не остановимся при самомъ началѣ.

3) *Славянскія Древности. Сочиненіе П. І. Шафарика. Переводъ съ Чешскаго І. Бодянскаго. Часть Историческая. Томъ первый, книга вторая.* Москва, 1837. 331 стр. in-8⁰.

О первой книгѣ Шафарикова творенія замѣчательнаго и занимательнаго въ высокой степени, говорено было въ 7-мъ нумерѣ нашего Журнала за прошедшій годъ. Познакомимъ теперь Читателей съ содержаніемъ второй. Доказавъ, что до V вѣка Славяне скрывались въ Европѣ подъ именемъ Виндовъ и Сербовъ, Авторъ не удовольствовался тѣмъ, что открылъ предковъ своихъ въ этихъ двухъ народахъ, и пошелъ отыскивать Славянъ далѣе. Убѣжденный вполнѣ, что всякій

первобытный и далеко распространившійся народъ, кромѣ своего обыкновеннаго имени, имѣетъ еще другія отдѣльныя, и притомъ чѣмъ далѣе народъ, тѣмъ ихъ болѣе, Авторъ разсудилъ, что и огромный и многочисленный народъ Виндовъ точно такимъ же образомъ, еще въ глубокой древности, долженъ былъ носить множество мѣстныхъ названій по различію племенъ и жилищъ. Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ и слова Іорнанда увѣряющаго, что въ его время названія Виндовъ, смотря по различію племенъ и жилищъ, были различны, и что народы Славянскіе появились въ Исторіи подъ множествомъ именъ, въ послѣдующее время, отъ VI до IX столѣтія. Въ первоначальномъ отечествѣ Славянъ — краяхъ Закарпатскихъ, между Балтійскимъ моремъ и Дономъ, древніе Историки и Географы, кромѣ Виндовъ, предковъ Славянъ, помѣщаютъ еще множество другихъ народовъ и народцевъ, называвшихся разными именами. Изъ соображенія этого съ предшествовавшимъ необходимо раждается мысль: не скрываются ли подъ нѣкоторыми изъ этихъ именъ вѣтви Виндскаго племени? не принадлежали ли многіе изъ этихъ народовъ и народцевъ къ семейству Славянъ? Шафарикъ принимаетъ это предположеніе за несомнѣнную истину, и въ слѣдствіе того вторую книгу посвящаетъ розысканіямъ: какіе изъ числа этихъ народовъ были племени Славянскаго и какіе принадлежали къ другимъ вѣтвямъ человѣческаго рода. Розысканія начинаются временемъ Геродота; но Шафарикъ вовсе исключилъ изъ круга своихъ изслѣдованій народы подобные Гипербореямъ, Кинокефаламъ, Андрофагамъ, Аримаспамъ и другіе, встрѣчающіеся въ Писателяхъ Греческихъ и принадлежащіе болѣе къ области Миѳологіи, чѣмъ Исторіи. При опредѣленіи племеннаго сродства народовъ, Авторъ обѣщалъ прежде всего обращать вниманіе на ясныя свидѣтельства древнихъ достовѣр-

ныхъ Писателей, пока они согласуются съ историческою истиною, извѣстною изъ другихъ источниковъ, потомъ на природныя свойства, нравы и обычаи каждаго народа, сколько древнія извѣстія доставляютъ намъ матеріаловъ для этого, далѣе на географическое положеніе народа и сравненіе старыхъ жилищъ его съ новѣйшими; наконецъ внимательно и осторожно изслѣдывать самое имя его. Всѣмъ этимъ правиламъ, предписаннымъ Шафарику Историческою Критикою и собственнымъ вкусомъ, онъ остался вѣренъ вездѣ и во всякомъ случаѣ.

Въ числѣ народовъ, помѣщаемыхъ Геродотомъ къ Сѣверозападу отъ Чернаго моря, Авторъ нашъ признаетъ вѣтвями Славянскаго племени только два: Будиновъ и Невровъ или Нуровъ. Птоломей въ Европейской Сарматіи своей насчитываетъ болѣе 50 различныхъ народовъ и народцевъ. Изъ нихъ Шафарикъ находитъ признаки Славянскаго происхожденія въ 29, именно: въ Венедахъ, Буланахъ, Арсіэтахъ, Сабокахъ, Пѣнгитахъ, Бѣссахъ, Ставанахъ, Шилліонахъ, Цестобокахъ, Траномонтанахъ, Вельтахъ, Карбонахъ, Кареотахъ, Рагэритахъ, Саварахъ, Борускахъ, Акивахъ, Каскахъ, Ивонахъ, Идрахъ, Стурнахъ, Каріонахъ, Карпіанахъ, Гевинахъ, Бодинахъ, Амадокахъ, Наварахъ, Таграхъ и Тирангитахъ. «Вотъ народы въ Европейской Сарматіи» — говоритъ Авторъ — «которыхъ сродство съ Виндами можетъ быть доказано съ большею или меньшею истиною. Послѣ Птоломея не льзя искать новыхъ, полнѣйшихъ извѣстій объ этихъ земляхъ и обитающихъ въ нихъ народахъ. Все, что позднѣйшіе Римляне оставили объ этихъ краяхъ, ограничивается едва нѣсколькими именами народовъ, исключающихъ и выживающихъ оттуда другъ друга, и непостоянными названіями городовъ и рѣкъ; мѣстнаго описанія краевъ, новыхъ географическихъ свѣдѣній —

и не ищите у нихъ. Геродотъ и Птоломей во всей древности — два единственные Писателя, которые въ сочиненіяхъ своихъ оставили намъ о краяхъ за-Карпатскихъ извѣстія отчетистыя и истинныя, основанныя на изслѣдованіи и опытности» (ст. 74).

До сихъ поръ розысканія Шафарика о древнѣйшихъ жилищахъ Славянскихъ народовъ обращены были только на тѣ изъ нихъ, которые обитали въ странахъ, лежащихъ въ отношеніи къ намъ по сю сторону Карпатовъ. Окончивъ эту статью, онъ переходитъ къ изслѣдованіямъ о Славянахъ, обитавшихъ по берегамъ Дуная и Адріатическаго моря, прежде чѣмъ они сдѣлались здѣсь извѣстны подъ этимъ названіемъ въ VI вѣкѣ. Всѣ прежнія розысканія о старобытности Славянъ въ Европѣ основаны были на показаніяхъ и свидѣтельствахъ Писателей иноземныхъ — Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и частію Скандинавовъ; теперь Шафарикъ ищетъ подтвержденія результатамъ этихъ розысканій въ источникахъ національныхъ. Разсмотрѣніе вещественныхъ памятниковъ народной жизни, представляемыхъ самою землею, въ которой обитали Славяне, и изслѣдованіе устныхъ преданій, сказаній, пѣсень, обрядовъ и обычаевъ, сохранившихся у нихъ и могущихъ пролить свѣтъ на происхожденіе нашихъ праотцевъ, онъ оставляетъ до времени въ сторонѣ, потому что предметы эти входятъ въ составъ нравоописательнаго отдѣленія «Древностей»; доказательства, какія можно извлечь изъ ихъ разсмотрѣнія и изслѣдованія въ подкрѣпленіе положеній, выведенныхъ изъ иноземныхъ источниковъ, обѣщаетъ изложить во всей полнотѣ въ концѣ нравоописательнаго отдѣленія, послѣ изслѣдованія всѣхъ единичныхъ его предметовъ. Здѣсь, въ историческомъ отдѣленіи «Древностей», изо всѣхъ національныхъ источниковъ, онъ обращаетъ вниманіе только на одни письменныя извѣстія народныхъ Историковъ.

Древнѣйшіе изъ Славянскихъ Дѣеписателей, которыхъ сказанія имѣютъ цѣну при изслѣдованіи вопроса о старобытности Славянъ въ нашей части Свѣта, суть: Русскій Несторъ (ум. около 1115), Чехъ Далимилъ (1282—1314) и Поляки Кадлубекъ (писалъ около 1220) и Богуфалъ (ум. 1253). Несторъ далеко превышаетъ трехъ прочихъ. Въ Лѣтописи своей онъ предлагаетъ важныя извѣстія, много объясняющія сказанный вопросъ. У остальныхъ трехъ встрѣчаются сказанія незначительныя, сами по себѣ темныя, но при сравненіи ихъ съ другими то же годныя. По этому Шафарикъ сказаніе Нестора разсматриваетъ преимущественно предъ прочими. «Несторъ» — говоритъ онъ — «имѣлъ у себя подъ руками два преданія о старобытности Славянъ: слѣдуя одному, онъ полагалъ, что Славяне, обитавшіе въ его время на Сѣверѣ, были изстари жителями этихъ краевъ, и занимали въ эпоху Рождества Христова и проповѣди Апостоловъ, тѣ же самыя жилища, какъ и въ XI столѣтіи; слѣдуя другому, — что эти же Славяне въ древнѣйшее время жилищами своими простирались гораздо далѣе на Югъ, т. е. черезъ Карпатскія горы касались Иллирика и Адріатическаго моря, откуда бывъ изгнаны Влахами, утратили на время эти края и ограничились Карпатами.» Первое видно изъ разсказа Несторова о прибытіи Св. Андрея къ Русскимъ Славянамъ, именно въ окрестности Кіева и Новагорода; второе доказывается многими мѣстами его Лѣтописи, которыя Шафарикъ приводитъ всѣ до одного. Сказаніе Инока-Лѣтописца о Св. Андреѣ, которое Добровскій и Шлецеръ считали подозрительнымъ и прибавленнымъ въ послѣдствіи, Авторъ нашъ принимаетъ за истинное и вполнѣ достовѣрное. Вотъ слова его объ этомъ: «Несторъ не былъ невѣждой въ Лѣтосчисленіи и хорошо зналъ, сколько вѣковъ прошло отъ времени Р. Х. и Апостоловъ до прибытія Варяговъ къ

Славянамъ, или до Княженія Святополка II, при которомъ онъ писалъ свою Лѣтопись, какъ онъ самъ о томъ всюду прямо говоритъ. Равнымъ образомъ не былъ столько недальновиденъ, чтобы предложить своимъ Славянскимъ читателямъ что-нибудь такое, чтобы совершенно противорѣчило ихъ сердечному убѣжденію. Мнѣніе о жительствѣ Славянъ на Руси уже во времена Апостоловъ составляло, безъ сомнѣнія, при Несторѣ всеобщее повѣрье Славянъ на Сѣверѣ. А потому Несторъ и не затрудняется повторить со всѣмъ довѣріемъ своего Христіанскаго чистосердечія и простоты древнее сказаніе о прибытіи Св. Андрея въ Русь и общеніи его съ Славянами, именно въ томъ видѣ, какъ онъ самъ его принялъ изъ древнѣйшаго преданія, зная, что оно составляетъ всеобщее вѣрованіе. Стало быть Славяне Русскіе, а съ ними и Преподобный Несторъ вѣрили, что предки ихъ уже во времена Апостоловъ обитали на Руси. И это для нашего предмета особенно замѣчательно и важно» (стр. 81).

О времени изгнанія Славянъ изъ странъ Подунайскихъ Волохами, Несторъ не говоритъ ничего опредѣлительнаго; равнымъ образомъ ничего точнаго не сообщаетъ онъ и о томъ, что за народъ были эти Волохи. Приступая къ разрѣшенію этой важной исторической загадки о древнихъ жилищахъ Славянъ на Дунаѣ и изгнаніи ихъ оттуда Влахами, Шафарикъ разсматриваетъ три вопроса: 1) откуда заимствовалъ Несторъ это свое извѣстіе? 2) кто таковы его Влахи? 3) что говоритъ Исторія о справедливости или ложности этого преданія? Первый вопросъ рѣшаетъ онъ тѣмъ, что Несторъ не могъ ни откуда взять этого извѣстія, какъ только изъ народнаго преданія, именно изъ народныхъ сказаній, сохранившихся въ Пѣсняхъ Славянъ. О Влахахъ доказываетъ, что это было у древнихъ Славянъ общее названіе народовъ

Галльскаго или Кельтическаго племени, точно такъ же, какъ Чудью назывались у нихъ всѣ народы Финскіе, а Нѣмцами всѣ Германскіе; что по этому и Несторъ подъ именемъ Влаховъ, которые изгнали Славянъ изъ земель Подунайскихъ, не разумѣлъ никого другаго, кромѣ Галловъ; но что введенный въ заблужденіе сходствомъ имени Влаховъ или Галловъ, съ Валахами, народомъ, образовавшимся въ V и VI столѣтіи по Р. Х. изъ смѣси Гетовъ, Римлянъ и Славянъ въ Дакіи, смѣшалъ въ одно два разныя преданія о Славянахъ Подунайскихъ, изъ которыхъ по одному, древнѣйшему, Славяне въ незапамятное время жили на Дунаѣ въ землѣ, называемой Иллирикъ; по другому же, позднѣйшему, Славяне, поселясь уже снова въ нынѣшней Венгріи и Мезіи, покорены были Венграми и Булгарами. При разрѣшеніи третьяго вопроса, сказавъ, что свидѣтельство Нестора о древнемъ пребываніи Славянъ въ краяхъ Иллирійскихъ и войнахъ ихъ тамъ съ Влахами, подтверждается также и другими Славянскими Лѣтописцами Каддубкомъ, Богуфаломъ и Далимиломъ, Шафарикъ разсматриваетъ: въ самомъ ли дѣлѣ Кельты владѣли Подунайскими землями и изгнали оттуда другихъ, древнѣйшихъ, чѣмъ они, народовъ; и можно ли, по крайней мѣрѣ близко къ правдоподобію, доказать, что Славяне обитали уже въ этихъ краяхъ до времени всѣмъ извѣстнаго своего прибытія въ страны Подунайскія въ VI и VII столѣтіи

Въ подтвержденіе перваго мнѣнія о владычествѣ Кельтовъ въ странахъ Подунайскихъ и о томъ, что они вытѣснили оттуда прежнихъ обитателей, Авторъ представляетъ многочисленныя свидѣтельства Ливія, Юстина и другихъ Историковъ древности, изъ которыхъ видно, что Галлы дѣйствительно вооруженною рукою вторглись въ Иллирикъ, Паннонію и остальныя Подунайскія земли, между 350 и 336 годомъ до Р. Х.,

и жившіе тамъ народы частію истребили, частію обратили въ услуженіе и рабство, продали, частію же разогнали, вытѣснили и навсегда удалили. По этому позволительно думать, что народное преданіе, сохранившееся даже до Нестора, основаніемъ своимъ имѣло истинное событіе, и что Славяне оставили Дунай точно для Галловъ, хотя Древніе и не упоминаютъ Славянъ между выгнанными оттуда народами. Пребываніе Славянъ надъ Дунаемъ, прежде прихода ихъ сюда опять въ VI и VII вѣкѣ, Авторъ доказываетъ преимущественно названіемъ горъ, рѣкъ, озеръ и городовъ этой страны, встрѣчающимися у Писателей, жившихъ прежде VI и VII вѣка, названіями чисто-Славянскими, звуки которыхъ понятны доселѣ уху Славянина, безъ всякой перестановки ихъ или другой подобной натяжки, къ какимъ нерѣдко прибѣгаютъ корнесловы для подтвержденія своихъ ипотезъ.

Доказавъ существованіе Славянъ въ земляхъ Подунайскихъ ранѣе IV столѣтія до Р. Х. и оправдавъ такимъ образомъ вполнѣ сказаніе Нестора, Авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію другой трудной загадки исторической: собственно такъ называемые Иллирійцы и сосѣди ихъ, Адріатическіе Венеты, были ли также народы племени Славянскаго, или нѣтъ. — Вообще всѣ Иллирійцы по мнѣнію Шафарика не были Славянами, но на основаніи того, что многія названія горъ, рѣкъ и городовъ въ Иллирикѣ — Славянскія, онъ думаетъ, что въ то древнее время, когда Славянскіе народы обитали въ Подунайскихъ краяхъ, до изгнанія ихъ оттуда Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ простирались до земель, названныхъ въ послѣдствіи Иллирійскими, т. е. до нынѣшней Хорватіи и Адріатическаго поморья. Возможно и вѣроятно также, по мнѣнію Автора, что спустя довольно времени по нашествіи Кельтовъ на Славянъ Подунайскихъ, остатки ихъ, вы-

гнанные изъ прежнихъ привольныхъ жилищъ своихъ, и принужденные удалиться въ неприступныя горы Иллирійскія, сохраняли тамъ между иноплеменными народами языкъ свой до тѣхъ поръ, пока подпавши всеобщей участи небольшихъ, покоренныхъ народцевъ, подобно рѣкѣ въ морѣ, не погрузились и совершенно не исчезли въ новой, образовавшейся во время Римскаго господства, смѣси. — О происхожденіи Венетовъ, какъ Адріатическихъ, такъ и Арморійскихъ, равно какъ и объ Генетахъ Пафлагонскихъ и Альпійскихъ Винделикахъ, которыхъ нѣкоторые изслѣдователи древности тоже почитаютъ принадлежащими къ племени Славянскому, Авторъ нашъ не даетъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Вотъ собственныя слова его: «Если народы эти были дѣйствительно племени Виндскаго или Славянскаго (что можно предполагать по нѣкоторымъ доводамъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же не были, если должно вовсе отказаться отъ сродства съ ними — разстанемся съ ними безъ сожалѣнія. Достовѣрно-исторически извѣстно намъ только то, что предки наши, подъ иноземнымъ названіемъ Виндовъ или Вендовъ, и отечественными именами Сербовъ, Славянъ, Полянъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Венетовъ, Кривичей и т. д. въ историческую эпоху, начиная со временъ Геродота, занимали жилищами своими обширные края по обѣ стороны Карпатовъ, съ одной стороны — отъ Балтійскаго моря до Венгерскаго Дуная и даже до береговъ Адріатическаго моря, а съ другой — отъ истоковъ Волги и Дона до предѣловъ, полагаемыхъ Вислой и Одеромъ, пока Кельты и Влахи нападеніями своими, большею частію, не выгнали ихъ изъ подъ-Карпатскихъ земель и не принудили подвинуться далѣе на Сѣверъ.»

Вотъ общіе результаты розысканій Шафарика, посвященныхъ изслѣдованію: какіе изъ числа народовъ,

обитавшихъ въ Европѣ до великаго переселенія народовъ, принадлежали къ племени Славянскому. За этимъ слѣдуетъ обозрѣніе прочихъ древнихъ Европейскихъ племенъ и народовъ, имѣвшихъ какія-либо общенія съ Славянами до сказанной эпохи. Такой обзоръ Авторъ почелъ нужнымъ сдѣлать для лучшаго утвержденія изложенныхъ выше выводовъ о первобытныхъ жилищахъ Славянъ, равно какъ и для лучшаго объясненія древности этого племени, его дѣяній, переселеній и проч. «Когда» — говоритъ онъ — «надлежащимъ показаніемъ мѣстъ и жилищъ каждаго племени, находившагося въ древности въ соприкосновеніи съ Славянами, доказано будетъ вполнѣ, что эти иноязычные народы въ означенную нами эпоху нигдѣ дѣйствительно не занимали и не наполняли своими поселеніями земель и странъ, признанныхъ нами прародиной Славянъ, такъ, чтобы въ нихъ не было уже для Славянъ никакого мѣста, то возраженіе, которое съ этой стороны можно бы сдѣлать, и которое нѣсколько разъ предлагали, совершенно отстранится и уничтожится». Въ этомъ обзорѣ, который Авторъ называетъ сжатымъ, но который во второй книгѣ занимаетъ болѣе 170 страницъ, и продолженіе котораго въ томъ же объемѣ потребуетъ по крайней мѣрѣ столько же мѣста въ третьей книгѣ, онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на мѣста жительства и Исторію народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и довольствуется въ этомъ случаѣ выводами лучшихъ современныхъ изслѣдователей, удерживаясь сколько можно болѣе, отъ подробнаго розысканія.

Всѣ народы, сосѣдствовавшіе или даже и жившіе вмѣстѣ съ древними Славянами въ ихъ землѣ, въ продолженіе времени отъ V вѣка предъ Р. Х. до V вѣка по Р. Х., Авторъ, по происхожденію ихъ и языку, раздѣляетъ на семь племенъ; Скиѳское и Чудское или Финское, при-

числяемыя имъ къ такъ называемому поколѣнію Сѣверному, и Сарматское, Кельтское, Нѣмецкое, Литовское и Ѳракійское, которыя онъ относитъ къ поколѣнію Индо-Европейскому. Во второй книгѣ разсматриваются только три первыя племени. Эта часть розысканій довольно постороннихъ предмету «Древностей» любопытна и обработана нисколько не менѣе предшествовавшихъ, и также знакомитъ Русскихъ читателей со множествомъ фактовъ и изслѣдованій, которыхъ они не могли бы найти ни въ какомъ другомъ сочиненіи. Удовольствіе сказать объ нихъ подробнѣе мы откладываемъ до выхода въ свѣтъ третьей книги «Древностей,» гдѣ статья о народахъ сопредѣльныхъ Славянамъ будетъ окончена совершенно.

4) *Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, произведенное и изданное по Высочайшему соизволенію.* С. П. Б. 1836, 4 Части, in-8°.

Кавказъ и страны, лежащія къ Югу отъ него, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и потому въ отношеніи къ намъ называемыя Закавказьемъ, страны замѣчательныя по богатству естественныхъ произведеній, по разнообразію вѣръ, языковъ и обычаевъ своихъ обитателей, обратили на себя вниманіе Европейцевъ уже съ давняго времени, и сдѣлались предметомъ многихъ путешествій и ученыхъ экспедицій. Результатомъ такой любознательности было пріобрѣтеніе значительнаго количества свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ. Собирать извѣстія о статистикѣ края не было никакой возможности. До поступленія подъ владычество Россіи, страны эти находились почти постоянно въ самомъ смутномъ состояніи, которое дѣлало не безопасными

долговременное пребываніе здѣсь путешественниковъ; притомъ свѣдѣнія статистическія тамъ, гдѣ они не обнародываются, можно получать только отъ Правительства, а мелкіе Владѣльцы Кавказа и Закавказья не имѣли даже понятія о пользѣ статистическихъ исчисленій. Такимъ образомъ въ продолженіе прошедшаго столѣтія, Закавказье въ статистическомъ отношеніи, оставалось извѣстнымъ ученому міру не болѣе другихъ Азіатскихъ странъ; а это очень не много. Наше Правительство, расширяя постепенно владычество свое въ этихъ странахъ, старалось, разумѣется, познакомиться съ ними во всѣхъ отношеніяхъ и сдѣлать край сколь возможно извѣстнѣе. Нѣкоторые изъ Русскихъ Чиновниковъ, по занимаемымъ ими должностямъ, имѣвшіе свободный доступъ къ свѣдѣніямъ собраннымъ Правительствомъ, подѣлились своимъ богатствомъ съ соотечественниками, и мы получили прекрасное сочиненіе С. Броневскаго «Извѣстія о Кавказѣ», «Статистическое описаніе Закавказскаго края» О. Евецкаго, и нѣсколько другихъ книгъ; но всѣ свѣдѣнія, какъ обнародованныя, такъ и остававшіяся въ рукахъ Правительства, не могли дать и десятой части матеріаловъ для составленія чего-нибудь похожаго на Статистику Закавказья. Между тѣмъ Правительству нужно было имѣть вѣрнѣйшія и точнѣйшія извѣстія о Закавказскихъ владѣніяхъ нашихъ, въ настоящее царствованіе столь далеко раздвинутыхъ Русскимъ оружіемъ: пріобрѣтеніе и охраненіе ихъ стоило пожертвованій и крови, а земли эти, обильныя естественными богатствами и находящіяся въ положеніи выгодномъ для успѣховъ торговли, не вознаграждали Россію за ея старанія ко благу ихъ. Чтобы предпринять какія-либо преобразованія на пользу края и вмѣстѣ Россіи, надлежало прежде изслѣдовать его средства и нужды, узнать его короче со всѣхъ сторонъ. Съ

этою цѣлію Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ представилъ, въ 1827 году, на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ свой о приведеніи Закавказья въ извѣстность и о средствахъ поставить его на лучшую ногу. Представленіе сіе удостоилось Высочайшаго утвержденія, и въ слѣдствіе того наряжена была экспедиція изъ нѣсколькихъ избранныхъ Чиновниковъ, которые должны были совершить описаніе края по данному имъ наставленію. Къ исполненію этого предпріятія приступлено въ концѣ 1828 года, а въ началѣ 1835, когда многолѣтній трудъ Чиновниковъ былъ оконченъ и представленъ Г. Министру Финансовъ, онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія Комитета Гг. Министровъ, полагая полезнымъ: всѣ статистическія свѣдѣнія, собранныя о Закавказскомъ краѣ напечатать для всеобщаго свѣдѣнія; изданіе же ихъ поручить занимавшемуся постоянно въ числѣ прочихъ Чиновниковъ, Легкобытову, который, въ теченіе пяти лѣтъ, обозрѣлъ важную часть края. Предположеніе это было Высочайше утверждено: благодаря чему мы и имѣемъ разбираемое нами «Обозрѣніе». На оберткѣ его выставленъ 1836 годъ, но оно вышло изъ печати только въ прошедшемъ 1837 году.

Въ политическомъ отношеніи Закавказскія владѣнія наши раздѣляются на *совершенно подвластныя* Россіи и на *находящіяся* только *подъ ея покровительствомъ*, или *зависящія* отъ нея. Первыя управляются Русскими Чиновниками непосредственно, послѣднія своими собственными Владѣтелями или Старшинами. Изъ числа подвластныхъ Россіи владѣній, четыре тома «Обозрѣнія» заключаютъ въ себѣ описаніе слѣдующихъ: 1) Грузіи съ причисленными къ ней а) Дистанціями Горскихъ народовъ, b) Осетіею, c) Дистанціями: Казахскою, Шамшадильскою, Борчалинскою, Бомбако-Шурагельскою, d) Округомъ Елисаветпольскимъ; 2)

Военнымъ Округомъ Мусульманскихъ Провинцій, куда принадлежатъ Провинція Ширванская, Карабахская, Шекинская и Ханство Талышинское; 3) Военнымъ Округомъ Дагестанскихъ Провинцій, въ которомъ заключаются Провинціи Бакинская, Кубинская и Дербентская; 4) Провинцій, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Турціи и Персіи, какъ-то: Ахалцихскаго Пашалыка, Армянской Области и Ордубатскаго Округа. Изъ числа зависящихъ отъ Россіи, помѣщено описаніе владѣній Шамхала Тарковскаго, Кара-Кайтакскаго, Табассаранскаго, и нѣкоторыхъ вольныхъ Дагестанскихъ обществъ. Имеретія, Гурія, Джаро-Белоканская Область, подвластныя Россіи, и Мингрелія, Абхазія, владѣнія Султана Элисуйскаго, Ханства Аварское и Казы-Кумыкское, состоящіе подъ ея покровительствомъ, не вошли въ составъ Обозрѣнія.

Всѣ части Закавказья, подвергшіяся осмотру экспедиціи, описаны по одному плану. Всѣ Области, Провинціи, Дистанціи, Округи и уѣзды разсматриваются въ «Обозрѣніи» отдѣльно, въ отношеніи къ географическому положенію, состоянію и качеству почвы, климату, естественнымъ произведеніямъ, путямъ сообщенія, народному богатству; промышленость, торговля, производительность фабричная, заводская и мануфактурная, описываются со всею возможною подробностію и во всѣхъ видахъ. Вездѣ показано различіе монетъ, мѣръ и вѣсовъ. Разнородное населеніе каждаго небольшаго округа изображается въ отношеніи къ происхожденію, языку, нравственнымъ и физическимъ свойствамъ, Вѣроисповѣданію, степени образованности, образу жизни. Обычаи, предразсудки, описаніе одежды, жилищь,— все нашло мѣсто въ «Обозрѣніи». О городахъ говорится сообразно всѣмъ требованіямъ Статистики и Топографіи; о каждомъ прежде отдѣльномъ владѣніи сообщаются свѣдѣнія историческія. Передъ описаніемъ

Грузіи помѣщено введеніе, гдѣ обозрѣваются вкратцѣ исторія, характеръ, нравы и степень образованія Грузинскаго народа. Въ другомъ введеніи къ обозрѣнію Мусульманскихъ Провинцій, изложены догматы, обряды и религіозныя постановленія Мусульманъ Закавказья. Сверхъ этого въ началѣ «Обозрѣнія» есть еще «Общій взглядъ на Закавказье, какъ на колонію Россіи, и на состояніе Закавказскаго края въ статистическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.» Въ этомъ «Взглядѣ», на основаніи данныхъ, собранныхъ экспедиціею, показываются выгоды, которыя можетъ получить Россія отъ своихъ Закавказскихъ владѣній, съ усиленіемъ въ нихъ промышленой и торговой дѣятельности, съ развитіемъ естественныхъ источниковъ богатства и лучшимъ устройствомъ финансовой системы.

Изъ сдѣланнаго нами изложенія содержанія и плана «Обозрѣнія», довольно видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершено экспедиціею описаніе Закавказья. Правда, что о большей части предметовъ, о которыхъ говорится въ «Обозрѣніи», писано было уже и прежде въ разныхъ сочиненіяхъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ; но то, о чемъ говорилось какъ-нибудь, въ «Обозрѣніи» изложено со всевозможною отчетливостію, знаніемъ дѣла и большимъ вкусомъ. Свѣдѣнія статистическія и особенно финансовыя, составляющія самую важную часть сочиненія, поражаютъ невольно своею новостію. Читая ихъ, вы чувствуете, что бесѣдуете съ людьми опытными, исполнившими долгъ свой съ любовію и усердіемъ, и пользовавшимися всѣми пособіями, которыя можетъ дать Правительство, тогда какъ предшественники ихъ не имѣли и десятой части этихъ пособій, и занимались составленіемъ своихъ описаній только во время оставаівшееся у нихъ свободнымъ отъ другихъ занятій. Нѣкоторыя части Закавказья являются въ «Обозрѣніи» описанными въ

первый разъ даже и въ топографическомъ отношеніи. Столько же новаго сообщаетъ оно и по Этнографіи. Мы узнаемъ множество обычаевъ, обрядовъ и другихъ особенностей жизни Закавказцевъ, о которыхъ не нашли бы ни слова въ прежнихъ путешествіяхъ или описаніяхъ. Свѣдѣнія о состояніи Мусульманскаго Духовенства, о законахъ Вахтанга, объ устройствѣ и управленіи различныхъ владѣній до поступленія ихъ въ подданство Россіи, и многія другія статьи любопытны въ высочайшей степени и не были обработаны ни въ одномъ сочиненіи, предшествовавшемъ «Обозрѣнію». Вообще, по части Статистики и Этнографіи и въ отношеніи финансовомъ «Обозрѣніе» сообщаетъ такую массу новыхъ свѣдѣній, что, желая познакомить читателей съ какою-нибудь изъ статей его по этимъ предметамъ, мы теряемся въ окружающемъ насъ богатствѣ. Не зная, что выбрать для представленія въ образчикъ, совѣтуемъ всѣмъ образованнымъ людямъ прочитать самимъ «Обозрѣніе» отъ первой страницы до послѣдней. Новыхъ извѣстій объ языкахъ Закавказья, розысканій о сродствѣ и происхожденіи населяющихъ его народовъ — мы не въ правѣ и ожидать отъ «Обозрѣнія»; оно ничего такого не обѣщало на своемъ заглавномъ листѣ. Открытій и пріобрѣтеній въ этой области знаній надѣемся мы отъ Г. Академика Шегрена, путешествовавшаго съ этою цѣлью по Кавказу. То, что говорится въ «Обозрѣніи» о языкахъ и происхожденіи Закавказцевъ, заимствовано изъ сочиненій ученыхъ иностранцевъ, преимущественно Клапрота. При этомъ случаѣ можно замѣтить, что во всѣхъ сочиненіяхъ о Кавказѣ, вышедшихъ въ свѣтъ на Русскомъ языкѣ, послѣ появленія «Извѣстій» Броневскаго, почти всѣ историческія свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ жительства разнообразнѣйшихъ народовъ, заимствуются изъ послѣдняго сочиненія съ прибавленіемъ еще

кое-чего изъ Клапрота. Совѣтуемъ будущимъ Писателямъ объ этомъ предметѣ обратить вниманіе на сочиненіе Д'Оссона Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim, Paris, 1828; гдѣ они найдутъ о народахъ Кавказа много новыхъ и основательныхъ свѣдѣній, которыми могутъ замѣнить то, что отстало отъ настоящаго состоянія знаній въ Броневскомъ, и что наскоро слѣплено у Клапрота. Самая слабая часть въ «Обозрѣніи», это статья о Магометанскомъ Вѣроисповѣданіи. Въ ней говорится, на примѣръ, что Коранъ писанъ на древнемъ книжномъ Арабскомъ языкѣ, который называется Куфическимъ или Коптскимъ (Т. III, стр. 10). Но такихъ ошибокъ немного: онѣ вовсе незначительны и почти неизбѣжны для людей, незнакомыхъ съ языками Востока и потому не могущихъ почерпать свѣдѣнія изъ источниковъ. Притомъ религіозное законодательство Мусульманскихъ народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи, — предметъ еще вовсе не тронутый, и мы должны быть благодарны составителямъ «Обозрѣнія» и за тѣ немногія свѣдѣнія, которыя они передали намъ о немъ.

Вѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «Обозрѣніемъ», мы не можемъ быть судьями (*). Для этого надлежало бы намъ совершить новое путешествіе въ Закавказье, и имѣть всѣ тѣ средства, которыми пользовались Чиновники Экспедиціи и отложить рецензію на пять лѣтъ. Ручательствомъ въ желаемой вѣрности кромѣ образованности составителей и знанія дѣла,

(*) Описаніе Нахичеванской Провинціи, произведенное Г. Григорьевымъ, и изданное имъ отдѣльно года за два до появленія его въ свѣтъ въ «Обозрѣніи» вмѣстѣ съ трудами другихъ Чиновниковъ Экспедиціи, въ «Современникѣ» за 1836 годъ, подверглось сильнымъ обвиненіямъ въ невѣрности статистическихъ извѣстій.

которыя видны на каждой страницѣ, служатъ еще увѣренія ихъ, что они занимались возложеннымъ на нихъ порученіемъ, не только ex officio, но и con amore, не щадя трудовъ и здоровья. Стараніями Гг. Флоровскаго, Вышеславцева, Зубарева, Яновскаго, Григорьева, Гордѣева и особенно Г. Легкобытова, Закавказскія владѣнія Россіи сдѣлались самымъ свѣтлымъ уголкомъ въ познаніяхъ нашихъ объ Азіи. Имъ принадлежитъ честь, что Правительство точно имѣетъ теперь «полную и по возможности вѣрную картину естественныхъ средствъ Закавказскаго Края, народонаселенія, духа, нравовъ, обычаевъ народа, промышлености во всѣхъ ея видахъ, и наконецъ системы существующихъ нынѣ Казенныхъ доходовъ, съ замѣчаніями и предположеніями, сдѣланными на мѣстѣ.» Они совершили въ пять лѣтъ то, что Англичане не могутъ сдѣлать для своихъ Индійскихъ владѣній, въ продолженіе многихъ десятковъ годовъ. Вотъ что значатъ Русскіе, когда они захотятъ дѣлать; когда трудятся съ увѣренностію принести пользу Отечеству!

Къ «Обозрѣнію» приложена прекрасно отработанная Карта Закавказья, составленная въ 1836 году Корпуса Топографовъ Поручикомъ Колоколовымъ, и нѣсколько таблицъ, показывающихъ народонаселеніе различныхъ частей Закавказья и доходы Правительства по разнымъ отраслямъ финансоваго управленія.

В. Г.

5) **Dzieje starożytne narodu Litewskiego. Przez Teodora Narbutta. Tom drugi. Sledzenia początkow narodu Litewskiego i początki jego dziejow.— Z trzema Kartami geograficznemi.** (*Изслѣдованіе происхожденія Литовскаго народа и первоначальной его Исторіи. Соч. Ѳ. Нарбута.*

Томъ 2, при коемъ приложены три географическія карты). Wilno, 1837. въ типогр. Марциновскаго, IV и 576 стр. in-8°.

Литовскія племена становятся нѣсколько извѣстнѣе въ Исторіи съ началомъ XIII вѣка; древнѣйшія дѣла сего народа и происхожденіе онаго, не смотря на труды нѣкоторыхъ, какъ Литовскихъ, такъ и чужеземныхъ Писателей, представляютъ еще обильное поприще для историческихъ изслѣдованій.

Тѣмъ любопытнѣе должно быть для любителей Исторіи настоящее сочиненіе, имѣющее предметомъ разысканіе первоначальнаго происхожденія сего народа и переселенія ихъ на земли, занимаемыя нынѣ Литовскими племенами.

Авторъ этого сочиненія, Г-нъ Нарбутъ, полагаетъ, что при переселеніи людей послѣ Потопа изъ Малой Азіи въ Европу, нѣкоторая часть пробралась чрезъ Лапландію въ Скандинавскій полуостровъ, имѣвшій тогда гораздо высшую температуру, и образовала народъ Сѣверный, разлившійся въ послѣдствіи по всей Европѣ подъ именемъ Варяговъ, Готѳовъ, и т. д.; другая часть обратилась къ Югозападу, и поселясь на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, основала народъ Пелазговъ, отъ котораго произошли разныя мелкія отрасли, въ томъ числѣ и Гелоны (Gelones). Древнѣе же всѣхъ начали подвигаться въ предѣлы Европы Скиѳы, распространившіеся мало по малу подъ именемъ Кимвровъ (Cimbri), Кельтовъ и другихъ отъ рѣки Дона, Азовскаго и Чернаго морей, вверхъ по Дунаю и Днѣпру до Балтійскаго моря.

Впрочемъ народы, поселившіеся по берегамъ сего послѣдняго моря, около 190 года до Рождества Христова принуждены были оставить оные по случаю чрезвычайныхъ физическихъ переворотовъ, происшедшихъ отъ покрытія части Балтійскаго моря обломками

двухъ раздробленныхъ планетъ или спутниковъ земли, и измѣнявшихъ совершенно прежнюю почву (?).

Въ числѣ народовъ, смѣшавшихся со Скиѳами, Авторъ отличаетъ племя Индійскихъ выходцевъ, поклонниковъ Будды (?), изгнанныхъ изъ своего отечества за введеніе и распространеніе новой Вѣры. По его мнѣнію они поселились первоначально въ Арменіи на берегахъ Аракса, (который называется также Росомъ) и сдѣлались родоначальниками древняго народа Колховъ, обитавшихъ по Азовскому морю къ Западу отъ горъ Кавказскихъ; отъ Колховъ же произошли Будины, племя Индо-Скиѳское, поклонники священныхъ рѣкъ. — Будучи вытѣсняемы изъ своей родины возрастающимъ могуществомъ Персидской Монархіи, Будины подвинулись къ Волгѣ, и назвали оную именемъ протекавшей въ прежнемъ ихъ отечествѣ рѣки Росъ; въ половинѣ же шестаго вѣка до Рож. Хр. перешли на лѣвый берегъ Дона, и распространясь между Дономъ и Донцемъ смѣшались съ Гелонами, о коихъ упомянуто выше.

Отъ сихъ-то двухъ народовъ ведетъ Авторъ происхожденіе Литовцевъ. Лѣтъ за 80 до Рож. Хр., говоритъ онъ, Гелоны и Будины, тѣснимые Сарматами и другими Надволжскими народами, наводнившими Скиѳію, устремились къ Западу по теченію Сеймы, Десны и Днѣпра; остановились нѣкоторое время около рѣкъ Мереча и Луни, дошли до береговъ Нѣмана и переправясь на лѣвый берегъ Зельвы въ нынѣшнемъ Волковыскомъ уѣздѣ, начали тутъ поселяться, назвавъ эту рѣку, по обыкновенію предковъ, священнымъ именемъ Росъ.

Отъ этой рѣки Росъ или Роси вся страна, населенная упомянутыми племенами, какъ увѣряетъ Авторъ, получила названіе Россіи или Руси, и подъ симъ именемъ была извѣстна Скандинавскимъ народамъ, находив-

шимся съ нею въ безпрерывной войнѣ. Скандинавскій народъ Варяги, покоривъ часть нынѣшней Литвы, присвоили себѣ названіе Руссовъ, которое и сообщили въ послѣдствіи Россіи.

Размножившееся поколѣніе Пелазго-Скиѳское, или Будино-Гелонское, распространяясь болѣе и болѣе, раздѣлилось на три главныя части: на Пруссію, собственную *Литву* (получившую названіе отъ языческихъ боговъ *Лiетна* и *Лiетуванисъ*), и *Лотву*. Авторъ объясняетъ постепенное развитіе сихъ отраслей и старается открыть слѣды *Литовскихъ* племенъ въ самодревнѣйшихъ временахъ подъ именемъ Геруловъ предъ нашимъ Христіанскимъ лѣтосчисленіемъ.

Главная его цѣль есть доказать, что *Литовцы*, какъ происходящіе отъ двухъ образованныхъ племенъ, не были народомъ дикимъ, какъ другіе Писатели утверждаютъ, но образованнымъ, и свѣдущимъ въ Искусствахъ и земледѣліи. Впрочемъ, занимаясь преимущественно изслѣдованіемъ Исторіи *Литовцевъ*, Авторъ сообщаетъ также свои замѣчанія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ народахъ древней Европы, какъ то: Сарматахъ, Готѳахъ, Эстахъ, *Ливи*, Венетахъ, различныхъ племенахъ Славянскихъ, Половцахъ и *Ятвягахъ*.

Отступивъ рѣшительно отъ мнѣній предшественниковъ своихъ о происхожденіи *Литовскаго* народа и избравъ путь новый, Г-нъ Нарбутъ руководствовался въ замѣчаніяхъ своихъ отчасти авторитетомъ Геродота и изысканіями нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Ученыхъ (*), отчасти же догадками, выводимыми изъ историческихъ соображеній, и даже сказаніями, признанными за баснословныя. Конечно онъ старается доказать свои предположенія довольно удачными лингвистическими разысканіями, указаніемъ физіономическаго сродства Индо-

(*) Риттера, Беера, Фохта, Гервиноха и другихъ.

Скиѳовъ съ Литовскими племенами, наконецъ сходствомъ обычаевъ и древнихъ религіозныхъ понятій обоихъ народовъ, что все заслуживаетъ вниманіе читателей; но самая новость предположеній, и основаніе выводовъ на доказательствахъ, требующихъ ближайшаго изслѣдованія, не дозволяютъ принять его мнѣнія, тѣмъ болѣе, что и самъ Авторъ предлагаетъ свое сочиненіе только въ видѣ опыта, могущаго служить путеводителемъ послѣдующимъ Историкамъ Литовскаго народа. Въ концѣ книги присовокуплены любопытныя замѣчанія о предметахъ, относящихся къ Исторіи Литвы, и три географическія карты, изображающія народонаселеніе древней Европы по системѣ Автора.

2.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Обѣдъ, данный Ивану Андреевичу Крылову, въ залѣ Благороднаго Собранія, 2 Февраля 1838 года.— Нѣсколько извѣстнѣйшихъ нашихъ Писателей, припомнивъ, что въ настоящемъ году совершится пятидесятилѣтіе литературнаго поприща Ивана Андреевича Крылова, предположили ознаменовать день его рожденія, 2 Февраля, торжествомъ небывалымъ въ Россіи. Мысль, внушенная уваженіемъ и признательностію къ знаменитому нашему Баснописцу была единодушно принята многими Литераторами, Художниками и любителями Отечественной Словесности, которымъ предложили участвовать въ намѣреніи дать Крылову обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія.

Къ назначенному времени, въ 5-ть часовъ по полудни, собрались въ домѣ Госпожи Энгельгардтъ приглашенные посѣтители, число коихъ простиралось болѣе двухъ сотъ. Собраніе необыкновенное! Здѣсь, на литературномъ торжествѣ въ лицѣ любителей Словесности, видѣли многихъ Государственныхъ Сановниковъ: Г. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Н. Н. Новосильцовъ, Г. Военный Министръ Графъ А. И. Чернышевъ, Графъ А. Х. Бенкендорфъ, Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовъ, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ П. Д. Киселевъ, и многіе другіе были гостьми на пиру Крылова, вмѣстѣ съ из-

вѣстнѣйшими Русскими Писателями, Художниками, Артистами. Знаменитый старецъ А. С. Шишковъ также почтилъ на нѣсколько времени сей праздникъ своимъ присутствіемъ. Съ живѣйшимъ участіемъ видѣли, какъ В. А. Жуковскій велъ подъ руку достопочтеннаго Нестора нашей Словесности, ознаменованнаго славою Государственныхъ заслугъ, почти уже лишеннаго зрѣнія въ маститой старости, но съ пламеннымъ сердцемъ любящаго все, что служитъ къ пользѣ и славѣ Отечества. Почти всѣ гости собрались, не доставало только виновника праздника: послали звать И. А. Крылова; онъ уже шелъ на лѣстницу.... и его встрѣтилъ у входа въ пріемную залу, его начальникъ и благодѣтель, Г. Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, мужъ, который покровительствомъ дарованіямъ стяжалъ себѣ столь же достойную славу, какъ и глубокими своими свѣдѣніями въ Изящныхъ Искусствахъ, другъ Державина, руководитель къ славѣ и успѣхамъ Озерова, Батюшкова, Гнѣдича и многихъ другихъ Писателей (не говоримъ уже о Художникахъ, обязанныхъ его покровительству при щедротахъ Монарха золотымъ вѣкомъ Русскихъ Художествъ) А. Н. Оленинъ, Предсѣдатель праздника, первый и привѣтствовалъ Крылова. Можно представить, съ какимъ выраженіемъ признательности слушалъ его Крыловъ, и съ какимъ участіемъ смотрѣли на это всѣ окружающіе. Черезъ нѣсколько минутъ къ довершенію общаго удовольствія прибылъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и присутствующіе съ восторгомъ узнали о Всемилостивѣйшемъ вниманіи Государя къ знаменитому Баснописцу; С. С. Уваровъ, прочитавъ Высочайшій Рескриптъ (*), возложилъ на грудь Крылова

(*) Читатели наши прочтутъ сей Рескриптъ на своемъ мѣстѣ въ числѣ Высочайшихъ Повелѣній за Генварь мѣсяцъ сего года.

звѣзду Ордена Св. Станислава второй степени. Всѣ спѣшили поздравить И. А. Крылова съ сею почестію, въ которой каждый видѣлъ Высочайшее участіе Государя Императора въ торжествѣ Русской Словесности, и благословлялъ въ душѣ любовь Монарха ко всему прекрасному и полезному въ Отечествѣ.

Великолѣпная зала Дворянскаго Собранія была освѣщена тысячами свѣчь; блескъ люстръ и цѣпи огней по стѣнамъ отражались въ зеркалахъ. Обѣденный столъ былъ украшенъ померанцовыми и лавровыми деревьями, пирамидами цвѣтовъ, и съ другой стороны, противъ входа, зеленѣла бесѣдка изъ живыхъ лавровъ и миртъ, обставленныхъ благоухающими гіацинтами и нарцисами; тамъ возвышался на пьедесталѣ бюстъ Крылова, изваянный Гальбергомъ. Хоры пестрѣли нарядами дамъ, желавшихъ быть свидѣтельницами необыкновеннаго пира; подъ хорами помѣщенъ былъ оркестръ музыкантовъ Л. Г. Измайловскаго полка. Гости сѣли за столъ, и загремѣла очаровательная увертюра изъ Волшебной Флейты Моцарта. Между тѣмъ глаза каждаго обратились на лежавшій предъ нимъ красивый листокъ. Это была программа обѣда, въ которой заглавіе, остроумно придумано художническимъ воображеніемъ Брюлова (*). Обѣдъ, данный Крылову, начи-

(*) Первая изъ буквъ въ словѣ *Обѣдъ* представляла родъ окна, изъ котораго видѣнъ былъ самъ Баснописецъ, изображенный облокотившимся на льва, и какъ бы слушающимъ пѣніе Гайскихъ птицъ, тогда какъ по рамѣ окна старалась вскарабкаться обезьяна, а внизу змѣя шипѣла въ безсильной злости, поглядывая на льва, но только могла устрашить одного робкаго кролика; на слѣдующихъ буквахъ, увѣнчанныхъ виноградными листьями и гроздами, степенный котъ, шевеля пушистымъ хвостомъ, отдыхалъ на *Б*; любопытная мышка поглядывала на него изъ-подъ листьевъ буквы *Ѣ*; другія спѣшили бѣжать съ буквы *Д*; а въ заключеніе пѣтухъ распѣвалъ взобравшись на букву *Ъ*.

нался съ *Демьяновой ухи*, и между многими знакомыми блюдами отличалась и *Крыловская кулебяка*; шампанское пѣнилось въ бокалахъ, между тѣмъ, какъ слухъ попеременно обворожали музыка Бетговена, Глинки, Марліани, Мендельзона-Бартольди, и съ особеннымъ удовольствіемъ слышали знакомые звуки Кавоса: это былъ торжественный хоръ изъ Оперы *Илья Муромецъ*, давно уже сочиненной Крыловымъ, хоръ, прекрасно выражавшій веселье Русскаго сердца, и очень приличный для настоящаго праздника. Первый тостъ пира былъ предложенъ Г. Предсѣдателемъ празднества за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи; всѣ встали и умилительный хоръ: *Боже Царя храни*, сопровождался громкимъ крикомъ ура! Послѣ сего А. Н. Оленинъ произнесъ привѣтствіе И. А. Крылову (*).

За симъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за здоровье И. А. Крылова и краткою рѣчью возбудилъ общій восторгъ, выражавшій признательность къ Монарху, Отцу Отечества (**).

(*) «Иванъ Андреевичъ! Русскіе Литераторы Сѣверной нашей Столицы, Художники и любители Отечественной Словесности, собрались въ день вашего рожденія, чтобъ единодушно праздновать пятидесятилѣтніе ваши успѣхи на поприщѣ Русской Словесности.

«Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и нелицемѣрное желаніе, чтобы многіе еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и пріятными вашими трудами, Рускую нашу Словесность!»

(**) «За здоровье Ивана Андреевича Крылова! — Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современцыхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству! Я считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который я удостоился быть посреди Васъ, Мм. Гг., орудіемъ Всемилостивѣйшаго вниманія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ нашему

Третій тостъ былъ предложенъ В. А. Жуковскимъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Руской Словесности. Пѣвецъ Отечественной славы и одинъ изъ первыхъ учредителей праздника, привѣтствовалъ Крылова рѣчью, въ которой съ глубокимъ выраженіемъ чувства, отличительнымъ преимуществомъ своего прекраснаго генія, онъ былъ изъяснителемъ народной благодарности къ любимому Русскому Баснописцу (*).

незабвенному Крылову и на этомъ праздникѣ Руской Словесности представителемъ Его Державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ!»

(*) «Любовь къ Словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы Отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичь! Мы выражаемъ вамъ эту нашъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы отъ насъ немногихъ услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ во-первыхъ *за самихъ себя:* за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за *нашихъ юношей*, прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить Отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за *Руской народъ*, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ благодаримъ васъ и за *знаменитость вашего имени*: оно сокровище Отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая передъ вами тѣ чувства, которыя всѣ находящіеся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ не достаетъ *двухъ*, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости

Рукоплесканія нѣсколько разъ прерывали рѣчь В. А. Жуковскаго. Слова его, что, когда бы можно было пригласить на этотъ праздникъ всю Россію, то она бы приняла въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое въ эту минуту оживляло всѣхъ присутствующихъ, были общимъ сочувствіемъ. Но не только двухъ вспомянутыхъ имъ Поэтовъ желали бы видѣть соотечественники; Карамзинъ, Державинъ, Ломоносовъ, Хемницеръ также представлялись воображенію, и въ облакѣ благоуханій и блеска, казалось —

На славный пиръ смотрѣли. . .

Княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ предложенъ былъ тостъ за здоровье присутствующихъ; онъ же говорилъ привѣтствіе Крылову отъ лица юнаго поколѣнія (*). Нако-

---

глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное Отечеству имя. Другой, едва расцвѣтшій, и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ Отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о *Дмитріевѣ* и *Пушкинѣ* само собою сливается съ Отечественнымъ праздникомъ *Крылова*. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ Писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію, и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести: ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.»

(*) «Я принадлежу къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ, и до сихъ поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели, когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собствен-

нецъ плѣнительные игривою мыслію стихи Князя П. А. Вяземскаго, еще болѣе исполненные отзывомъ сердечнаго чувства и выраженіемъ Русскаго ума, положенные на музыку Графомъ Віельгорскимъ и пѣтые Петровымъ, довершили удовольствіе гостей (*). Каждый

ностью Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ: отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей Словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому или другому возрасту, большей или меньшей степени образованности; немного такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи, во всѣхъ концахъ нашей величественной родины, лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ, какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ Литераторъ, какъ образцы остроумной Поэзіи, изящества и истины.

«Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣятелей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою честію для васъ и для Русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ; пусть новыми вашими твореніями вы обогатите если не славу вашу, то по крайней мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искусства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей, но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лицѣ знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца.»

(*) «На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сего-дня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ — всѣ мы сватья!
И не къ чему таить вину,
Всѣ за одно, всѣ безъ изъятья,
Мы влюблены въ его жену.

куплетъ сопровождался громкими рукоплесканіями, единодушнымъ выраженіемъ восторга, и по окончаніи стихи сіи были повторены по общему желанію слуша-

---

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный!
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ Поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти — славныя ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И *догкамъ* онъ давалъ *уроки*,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана*,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
Подъ дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

телей. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за Поэта и Виртуоза, принятый съ живѣйшею признательностію, а потомъ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ прочелъ прекрасные стихи Бенедиктова (*). Крылову поднесли лавровый вѣнецъ и

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль:
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по Русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы *золотой*
Онъ дожилъ до *алмазной* свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!»

(*) «День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталъ, — и полный клиръ
Душъ отверзтыхъ клиръ согласный
Возвѣстилъ намъ праздникъ ясный,
Просвѣщенья свѣтлый пиръ.

самыя дамы привѣтствовали его съ хоровъ рукоплесканіемъ, и пили за его здоровье. Слезы нѣсколько разъ блистали въ глазахъ счастливаго Писателя; это былъ краснорѣчивѣйшій отвѣтъ на свидѣтельство общаго къ нему уваженія и любви.

По окончаніи стола, одни изъ гостей взяли на память букеты миртовъ, гіацинтовъ и нарцисовъ, другіе брали по выбору своему одну или двѣ книги изъ множества изданій разныхъ сочиненій Крылова, разложенныхъ на особомъ столѣ, подъ лавровымъ вѣнкомъ, наконецъ молодые Писатели, окружавшіе знаменитаго Баснописца, одинъ передъ другимъ старались получить изъ собственныхъ рукъ его лавровый листокъ изъ его вѣнка. Еще нѣсколько времени продолжалась радостная бесѣда, и утѣшительно было видѣть, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія желалъ сколько можно долѣе участвовать въ общемъ удовольствіи присутствующихъ, какъ радушный хозяинъ на пирѣ Русской Словесности, и оставилъ залу тогда только, когда стали уже угасать огни торжества.

Небесамъ благодаренье —
И Владыкѣ Русскихъ силъ,
Кто — въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Пировать благословилъ!

Духомъ юности моложе —
Онъ предъ нами, славы сынъ!
Вьющихъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его сѣдинъ!

Не сожмутъ сердецъ морозы.
Въ насъ горятъ къ нему сердца.
Онъ предъ нами — сыпьтесь розы;
Лейтесь радостныя слёзы
На листы его вѣнца!»

Праздникъ 2 Февраля послужитъ самымъ блестящимъ примѣромъ уваженія, съ какимъ цѣнятъ великія дарованія въ Отечествѣ нашемъ, и останется навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ Русской Словесности.

В. Ф.

Перувіанскія древности. — *Подземный городъ.* Капитанъ Б. Рей (Ray), Командиръ корабля «le Logon», возвратился въ концѣ прошедшаго Декабря въ городъ Бедфордъ и привезъ съ собою множество вещей, найденныхъ въ развалинахъ подземнаго города, который еще недавно открытъ въ окрестностяхъ Гвармея, въ области Трукилло (Truxillo, подъ 10° Южной Широты) и о которомъ жители той страны не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія, ни преданія. Капитанъ Рей осматривалъ положеніе этого города, спускался въ вырытыя мѣста и ходилъ по развалинамъ его. Стѣны домовъ онъ нашелъ еще цѣлыми, а въ самыхъ домахъ открылъ множество человѣческихъ остововъ, домашней утвари и прочихъ общеупотребительныхъ вещей. Нѣкоторыя изъ найденныхъ тѣлъ сохранились совершенно: волосы, ногти, кожа ни сколько не измѣнились, и даже мускульныя части весьма мало сжались, хотя совершенно высохли. Нынѣшнее положеніе этихъ мумій заставляетъ думать, что городъ этотъ (народонаселеніе котораго, полагаютъ, должно быть не болѣе 30,000 чел.) непремѣнно былъ застигнутъ и истребленъ посреди своихъ обыкновенныхъ занятій, какимъ-нибудь внезапнымъ переворотомъ той почвы, на коей онъ стоитъ. Между прочими вещами вырыли человѣка, въ стоячемъ положеніи, и въ платьѣ его нашли нѣсколько монетъ, которыя мѣстное начальство послало въ Лиму. Лица, свидѣтельствовавшія ихъ, заключаютъ, что истребленіе города произошло по крайней мѣрѣ за 250 лѣтъ предъ симъ.

Г. Рей увидѣлъ въ одномъ домѣ тѣло женщины, которая была одѣта въ мушкалевое плащье, сидѣла за рукодѣльемъ и вѣроятно въ минуту своей смерти занималась тканьемъ. На ея рукодѣльномъ столѣ, сдѣланномъ изъ тростника, разложенъ былъ маленькій кусокъ матеріи, частью уже вытканной; въ рукѣ у нея была острая игла отъ 8 до 9 дюймовъ длины, на которой намотана бумажная нитка; нити того же вещества и нити льняныя разныхъ цвѣтовъ были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

Капитанъ Рей оставилъ у себя кусокъ недоконченной матеріи, иглу или веретено, и множество образчиковъ нитей. Матерія имѣетъ около 8 квадратныхъ дюймовъ, т. е. половину длины, какую бы она должна имѣть.

Упсальскій Университетъ. — Въ половинѣ прошедшаго года считалось въ Упсальскомъ Университетѣ 1344 Студента. Въ Богословскомъ Факультетѣ читали лекціи: 4 Ординарныхъ Профессора, 3 Адъюнкта и 2 Доцента; въ Юридическомъ: 2 Профессора, 2 Адъюнкта и 1 Доцентъ; въ Медицинскомъ: 4 Профессора и 1 Адъюнктъ; въ Философскомъ: 14 Профессоровъ, 9 Адъюнктовъ и 23 Доцента.

Сильвестръ де Саси. — Ученый міръ понесъ новую, невознаградимую потерю: 21 Февраля (н. ст.) скоропостижно скончался въ Парижѣ патріархъ Оріенталистовъ, знаменитый Баронъ Сильвестръ де Саси, осьмидесяти лѣтъ отъ роду.

Академикъ Келеръ. — И Русская ученость лишилась также своего Ученаго. 22-го сего Генваря скончался здѣсь, въ С. Петербургѣ, на 73 году отъ

рожденія Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Г. Кёлеръ, управлявшій въ теченіе сорока лѣтъ Первымъ отдѣленіемъ Императорскаго Эрмитажа, заключающимъ въ себѣ иностранную Библіотеку и антики. Сочиненія его по части Археологіи и Нумизматики служили закономъ для всѣхъ, занимавшихся этою отраслію Наукъ. Знаменитѣйшіе Ученые нашего времени, Шампольіонъ, Рауль-Рошетъ, Гумбольдтъ и другіе, единогласно признавали его однимъ изъ первыхъ Археологовъ нашего времени.

Орудіе для измѣренія высоты морей. — Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 30 Октября минувшаго года, поручено было Гг. Араго, Пюиссану и Гамбе, разсмотрѣть новый инструментъ, изобрѣтенный Г. *Леже* (Legey), и названный имъ *депрессіометромъ*, или орудіемъ для измѣренія высоты морей. Извѣстно, что мореходцамъ необходимо какъ для опредѣленія Широты мѣста, гдѣ они находятся, такъ и Долготы его, измѣрить высоту солнца надъ горизонтомъ. Но иногда случается, что та сторона, гдѣ находится звѣзда, которую нужно измѣрить, покрыта туманомъ, тогда какъ горизонтъ другой стороны совершенно чистъ. Для отвращенія этого неудобства, въ рефлекціонныхъ инструментахъ придумали разныя измѣненія, посредствомъ которыхъ можно было вѣрно получать дополнительный уголъ. Борда изобрѣлъ лучшій для этого секстантъ; но Воллестонъ предложилъ послѣ него другой, который можно употреблять и во время тумана. Французская корветта «La Bonite» употребляла уже это орудіе, во время путешествія своего вокругъ свѣта. Инструментъ, изобрѣтенный Г-мъ *Леже*, конечно, еще совершеннѣе, и окажетъ большую услугу навигаціи.

КУРСЫ СЛОВЕСНАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ СОРБОННѢ. — Послѣдніе курсы въ Словесномъ Факультетѣ Сорбонны открылись 4 Декабря прошедшаго года. Они суть слѣдующіе:

Греческая Литература, по Понедѣльникамъ и Четверткамъ, въ три часа. Профессоръ Г. Буассонадъ; Адъюнктъ-Профессоръ Г. Юлій Давидъ. Объясняется осьмая книга Геродота.

Латинское Краснорѣчіе, по Понедѣльникамъ и Субботамъ. Профессоръ Г. Леклеркъ; Адъюнктъ Г. Шармонтье. Лекціи о духовной и свѣтской Латинской Литературѣ втораго и третьяго столѣтій.

Латинская Поэзія, по Вторникамъ и Средамъ; Проф. Пашенъ. Исторія Латинской Поэзіи временъ Августа, Виргилія и Горація.

Французское Краснорѣчіе, по Четверткамъ и Пятницамъ; Проф. Вильменъ, Адъюнктъ Г. Жерюзе. Исторія Литературы во Франціи въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Французская Поэзія, по Понедѣльникамъ и Вторникамъ; Профессоръ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ. Исторія Французской Литературы въ XVIII столѣтіи.

Философія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Жоффруа. Краткій курсъ Психологіи и подробный нѣкоторыхъ ея частей.

Исторія древней Философіи, по Средамъ и Субботамъ; Проф. Кузенъ, Адъюнктъ Пoренъ (Pоrin). Начало Греческой Философіи, и въ особенности Іонійской Школы.

Исторія новѣйшей Философіи, Г. Рое-Колларъ. Курсъ еще не начался.

Древняя Исторія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Гизо, Адъюнктъ Леморманъ. Начало Греческой образованности.

Новая Исторія, по Четверткамъ; Проф. Лакретель, Исторія XVIII столѣтія.

Географія, по Средамъ и Суббошамъ; Проф. Гиньо (Gignaut). Географія Грековъ въ отношеніи къ ихъ Литературѣ.

Иностранная Литература, по Понедѣльникамъ; Проф. Форіель. Исторія Испанской Литературы отъ ея начала до конца XVIII столѣтія.

Конкурсныя задачи, предложенныя Парижскою Академіею Наукъ. — Парижская Королевская Академія Наукъ предложила, два года тому назадъ, слѣдующія ученыя задачи на соисканіе ея премій:

1) Разобрать въ подробности Аристотелеву Метафизику и опредѣлить ея планъ и образъ составленія.

2) Изложить Исторію ея составленія и вліяніе, какое она имѣла на послѣдующія философскія системы древнихъ и новѣйшихъ временъ.

3) Разобрать ложное и истинное въ этомъ твореніи; показать, какія идеи, въ ней заключающіяся, существуютъ доселѣ, и какія изъ нихъ могли бы съ пользою войти въ Философію нынѣшняго столѣтія.

Необычайная точность, какой требовали эти три задачи, не могли обѣщать слишкомъ блестящаго Академическаго конкурса. Однакожь Г. Мишеле, Профессоръ Философіи въ Берлинѣ, уже извѣстный нѣкоторыми своими нравственно-философскими сочиненіями, и Г. Равессонъ (Ravaisson), Профессоръ Парижскаго Университета, дали весьма удовлетворительные отвѣты на эти темы.

Г. Равессонъ получилъ первую премію. Онъ доказываетъ (въ чемъ согласенъ съ нимъ и Г. Мишеле) несправедливость мнѣнія, основаннаго на Страбонѣ и Плутархѣ, будто бы книги Аристотеля достались по его смерти въ руки несвѣдущихъ наслѣдниковъ, у ко-

торыхъ онѣ сдѣлались добычею червей и сырости, и будто бы Метафизика его приведена Андроникомъ Родосскимъ въ порядокъ, въ какомъ мы находимъ ее въ каталогахъ Діогена Лаэрція.

Академія не хотѣла, однакожь, остаться въ долгу и передъ сочиненіемъ Г. Мишеле: вопреки своему обыкновенію, она присудила наградить Германскаго Профессора второю такою же преміею.

УКАЗАТЕЛЬ
ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

ДЕКАБРЬ 1837.

I. *Азбуки.*

885) Новая Энциклопедическая Русская Азбука и общеполезная дѣтская книга чтенія. Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ принаровленіемъ къ отечественному воспитанію, Викторъ Бурьяновъ. С. П. Б. въ тип. Газенбергера, 1838. XII, 359 стр. in-16°.

886) A. B. C. Buch. М. въ тип. Университетской, 1837. стр. in 8°.

II. *Грамматики.*

887) Grammatyka Rossyjska przez Nikołaja Grecza napisana; tłumaczona z Rossyjskiego. Вильно, въ тип. Завадскаго, 1838. 216 стр. in-8°.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

888) Chrestomathie française graduée, à l'usage des gymnases de l'arrondissement universitaire de Moscou, par Théodore Courtener. Première partie destinée à la

quatrième et à la cinquième classe. Seconde partie destinée à la sixième et à la septième classe. M. въ тип. Семена, 1837. 175 и VI, 184 и IV стр. in-8°.

889) Книга для чтенія въ пользу начинающихъ учиться Нѣмецкому языку. Съ Русскимъ надстрочнымъ переводомъ. Изданіе второе, С. П. Б. 1838. въ тип. Гинца, 96 стр. in-12°.

IV. *Дѣтскія Книги.*

890) Анекдоты о животныхъ, собранные для дѣтей. Перев. съ Англійскаго А. Михайловъ, С. П. Б. въ тип. Гинца, 1838. X и 160 стр. in 16°.

891) Совѣты для дѣтей, или разсказы занимательныхъ анекдотовъ, повѣстей, происшествій и другихъ назидательныхъ примѣровъ, посвященныхъ сыновьямъ и дочерямъ. Новое сочиненіе Г. Бульи, *съ раскрашенными картинками.* Переводъ съ Французскаго В. Бурьянова. Изданіе книгопрод. братьевъ Заикиныхъ, С. П. Б. 1838. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 249 стр. in-12°.

892) Прогулка съ дѣтьми по С. Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова. Часть первая, вторая, и третья, С. П. Б. въ тип. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и въ тип. Гуттенберговой, 1838. 286, 581, и IV, II, 249, 19, стр. in-12°.

893) Зимніе вечера или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ Земнаго Шара. Соч. Деппинга. Переведено съ четвертаго Французскаго изданія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Викторомъ Бурьяновымъ. Томъ I и II. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли, 1838. VI, VIII и 373, V и 340 стр. in-8°.

894) Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова, въ четырехъ частяхъ. С. П. Б. въ тип. Греча, 1837 — 1838. 202, 169, 170, 174 стр. in-12°.

895) Дѣтскій альбомъ, на 1838 годъ.. Собраніе повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Подарокъ на праздникъ А Попова. Часть I. Повѣсти и разсказы. Часть II. Драматическіе разговоры. С. П. Б. въ тип. Гинца. 1838. 122 и 172 стр. in-16°.

896) Kolęda dla dzieci przez A. Antoniego Moszyńskiego S. P. Вильно, въ тип. Завадскаго, 1838. 163 стр. in-12°.

V. *Словесность.*

a) Собранія стихотвореній:

897) Сочиненія Александра Пушкина. Томъ второй С.П.Б. въ тип. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1838. 376 стр. in-8°.

b) Стихотворенія лирическаго рода:

898) Zur Feier der heiligen Christnacht Abends um 6 Uhr, in der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauls Kirche zu Moskva. M. въ тип. Университетской, 1837. 15 стр. in-8°.

899) Zur Feyer der heiligen Christnacht Abends um 17 Uhr, in der Evangelischen Altkirche zu St. Michael. M. въ тип. Института Лазаревыхъ, 1837. 8 стр. in-8°.

900) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częsciach. Вильно въ тип. Завадскаго, 1837. VIII и 111 стр. in-8°.

c) Стихотворенія повѣствовательнаго рода:

901) Разсказы изъ Русской Исторіи въ стихахъ. П. Ш. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 161 стр. in-12°.

902) Смирный мужъ и бранчивая жена. Русская сказка, въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Василія Чистова. С. П. Б. 1837. 111 стр. in-8°.

d) Драматическія сочиненія:

903) Три водевиля: I. Хороша и дурна, и глупа, и умна, Д. Ленскаго II. Крестный отецъ, (служащій продолженіемъ водевиля: хороша и дурна и глупа и умна). П. С. Ѳедорова, III. Стряпчій подъ столомъ. Д. Ленскаго. Второе изданіе, С. П. Б. 1838. 392 стр. in-32°.

904) Архиваріусъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. С. Ѳедорова. Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ 19 Іюля 1837 года, въ пользу актера Г. Дюра. С. П. Б. въ тип. Воейкова и К°. 1838. 106 стр. in-16°.

905) Купеческая дочька и чиновникъ 14-го класса, комедія водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. Соколова, М. въ тип. Степанова, 1837. 102 стр. in-12°.

906) Слѣпой, или двѣ сестры, комедія-водевидь въ 3-хъ отдѣленіяхъ, соч. Ансело, переведенная съ Французскаго П. М. Степановымъ. М. въ тип. Степанова, 1838. 104 стр. in-8°.

907) Нечаянность или старый другъ лучше новыхъ двухъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе И. Ланскаго. М. въ тип. Кирилова, 1837. 95 стр. in-12°.

908) Дѣва Дуная, Пантоминный балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Соч. Г. Тальони. Музыка Г. Адольфа Адама. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°. 1837. 30 стр. in-8°.

909) La fille du Danube, ballet-pantomime en deux actes et en quatre tableaux. Par M. Taglioni. Musique de M. Adolphe Adam. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°. 1837. 35 стр. in-8°.

e) Разныя сочиненія:

910) Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ Литературныхъ трудовъ Бернета, В. А. Владиславлева, П. А. Вяземскаго (Князя), Ѳ. Н. Глинки, Е. П. Гребенки, Э. И. Губера, В. И. Даля, М. Д. Деларю. И. И. Дмитріева, П. П. Ершова, П. П. Каменскаго, И. И. Козлова, Н. В. Кукольника, В. Ѳ. Одоевскаго (Князя), И. И. Панаева, И. Я. Пожарскаго, А. С. Пушкина, Е. Ѳ. Розена (Барона), Е. П. Р. . . . ой (Г. . . . ни), В. И. Соколовскаго, Н. А. Степанова, А. П. Струговщикова, Д. Ю. Струйскаго, Л. А. Якубовича, С. П. Б. въ тип. Военной, 1838. 349 стр. in-12°.

911) Biruta. Część druga. Wydawca Józef Krzeczkowski. 1838. Вильно, въ тип. Блумовича. 230 стр. in-12°.

912) Живописное обозрѣніе. Томъ III. Листы 15 по 20, съ 113 по 160 стр. in-4°.

913) Картины свѣта. Часть II. Листъ 27, съ 418 по 432 стр. in-4°.

914) Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik dwudziesty. Вильно, въ тип. Завадскаго, 1837. 166 стр. in-12°.

f) Повѣсти и Романы:

915) Русскіе повѣсти и разсказы А. Марлинскаго. Часть седмая. Изданіе второе, С. П. Б. въ тип. Вингебера, 1837. 306 стр. in-8°.

916) Повѣсти. Сочиненіе дѣвицы Юрьевой. М. въ тип. Селивановскаго, 1837. 120 стр. in-12°.

917) Испанка. Сочиненіе Герцогини Абрантесъ. Переводъ съ Французскаго, Н. Бобылева, М. въ тип. Кирилова, 1837. 72 стр. in-12°.

918) Бѣлошапочники, или Нидерландскіе мятежи, феодальныя картины XIV столѣтія. Сочиненіе Боф-

девейна Стумфіуса брата Минора, Клирика Гентской ратуши. Переводъ съ Фламандскаго. С. П. Б. въ тип. Греча, 1838, 175 стр. in-8°.

919) Piotr Jasmin albo wzór doskonałego sługi, napisany przez M. B. D'Efauvillez. Przetłumaczony z drugiego wydania Francuzkiego na język Polski przez X. Stanisława Snarskiego Dominikana L. P. Вильно, въ тип. Нейманна, 1837. 250 стр. in-12°.

VI. *Теорія и Исторія Словесности и другихъ Изящныхъ Искусствъ.*

920) Чтенія о Словесности. Курсъ первый. Изданіе второе, исправленное. М. въ Университетской тип. 1837. XXX и 259 стр. in-8°.

921) Очеркъ Русской Словесности XVIII столѣтія. Сочиненіе Н. Стрекалова. М. въ тип. Семена, 1837. XV и 111 стр. in-8°.

922) Французская Литература въ теченіе XVIII столѣтія. Сочиненіе Барона де Баранта, Пера Франціи, Члена Французской Академіи и нынѣшняго Французскаго Посла при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ. Перевелъ съ Французскаго, съ 5-го изданія, Ѳ. Молдинскій. Изданіе М. Калистратова. С.П.Б. въ тип. Департамента Внѣшней торговли, 1837. 174 стр. in-8°.

923) Фасады и планы разнаго рода сельскихъ строеній, и въ особенности садовыхъ украшеній, какъ-то: бесѣдокъ, павильоновъ, пустынекъ, гротовъ, крытыхъ аллей и разныхъ предметовъ увеселеній, съ присовокупленіемъ: купаленъ, ранжерей, галлерей, палисадниковъ, загородокъ, заборовъ, воротъ и въѣздовъ въ селеніе. Составлены и изданы Архитекторомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ А. Кутеповымъ, М. въ тип. Степанова, 1837. 22 стр. in-folio и 70 чертежей.

VII. Древне-классическая Филологія.

924) De locis nonnullis, qui leguntur in Sexti Empirici libro adversus grammaticos. Programm vom Oberlehrer der Lateinischen Sprache Cedergren, als Einladung zum öffentlichen Examen im Gymnasium und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat im December 1837. Дерптъ, въ тип. Шюнманна, 1837. 30 стр. in-8°.

VIII. Философія и Педагогія.

925) Курсъ Философіи. Сочиненіе Е. Жерюзе. Переводъ съ Французскаго. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней торговли, 1837. 328 стр. in-8°.

926) Ueber die Vorzüge und Nachtheile des gleichzeitigen oder Parallel-Unterrichts. Programm als Einladung zur öffentlichen Prüfung in der Girgensohn'schen Privatlehranstalt, welche am 13, 14 und 15 December dieses Jahrs von 9 bis 1 Uhr Vormittags, und zum Redeactus, welcher am 16 December von 4 Uhr Nachmittags an im Lokale der Schule stattfinden wird. Angehängt sind einige Nachrichten über das vergangene Jahr, die Schule betreffend. Дерптъ. 1837. въ тип. наслѣдниковъ Линдфорса. 43 стр. in-8°.

927) Зимнія забавы и искусство бѣга на конькахъ съ фигурами. Сочиненіе Г. М. де Паули, учителя Гимнастики въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. С. П. Б. въ тип. Воробьева, 1838. 56 стр. in-16.

IX. Богословіе.

928) «Sind wir wahrhaftig zu Christo gekommen?» Predigt am Feste Epiphaniae. Gehalten in der Bethalle der St,

Olai Gemeinde am 6 Januar 1837 von A. F. Huhn, Pastor-Diaconus zu St. Olai und Oberlehrer der Religion am Revalschen Gymnasium. (Zum Besten der Armenschulen in Reval). Ревель. 1837, въ тип. наслѣдниковъ Линдфорса, съ 23 по 38 стр. in-8°.

929) Letzte Predigt von Friedrich von Rheinbott, General-Superintendent, Pastoren zu St. Annen und Rittern, über Jesus Sirach 30, 15, niedergeschrieben zum 20-sten Sonntage post Trinitatis. Aus dem Manuscripte nach dem Tode des Verfassers herausgegeben. С. П. Б. въ тип. Крайя, 1837. IV и 16 стр, in-8°.

930) Worte des Dankes. Zuruf am Grabe des weil. Generalsuperintendenten und Ritters Friedrich von Rheinbott, am 5 Nowember 1837, von Georg Reinfeldt, Prediger bei der Ehstnischen Gemeinde hieselbst. С. П. Б. въ тип. Крайя. 15 стр. in-8°.

931) Se öige Soldat ehk Peter Lohbekki Ello-Käük. Дерптъ, въ тип. Шюнманна, 1837. 16 стр. in-8°.

932) Deewa wahrdu mihlotajeem pa brihscheem jauna grahmatina 2-tras sehjas 9-ta 10-ta sauja. Рига. 1837, въ тип. Казенной, съ 385 по 480 и IV стр. in-8°.

933) Kaks kord wiiskümmend kaks Piibli-luggemist wannast ja uest testamentist, ja Luggemissed pühha Apostolide teggudest, ja kuida nemmad kulutanud Jummala riki, mis meie Ma rahwa laste öppetusseks Saksa kelest Ma kele on üllespannud Karel Maddis Henning. Teist korda trükkitud, ja esmalt ueste läbbiwade tud. Sellesinnatse ramato seest leitakse üks ees-pilt ja kakskümmend ühheksa luggemisse pilti. Митава, въ тип. Грессера, 1837. 347 стр. in-8°.

934) Katohliska Mahzibas-, Luhgschanu-un Deesmu-Grahmata, Deewam tam wissu augstakam par gohdu un par ismahzischanu to nemahzitu, zaur weenu kas sawa tuwaka swehtibu lohti mihloja sarakstita. Taggad no jauna pahrluhkota un wairota zaur J. H. Follhard, Li-

wenbebrses mahzitaju, un zettortâ reisê isdobta. Митава. 1837, въ тип. Стеффенгагена и сына. 366 и 224 стр. in-8°.

935) Directorium horarum canonicarum et missarum juxta Ritum S. R. E. et Rubricas Breviarii et Missalis Romano Seraphici. Pro Fratribus Minoribus de Observantia et Monialibus Tertii ordinis S. P. N. Francisci caeterisque confratribus eodem Breviario et Missali utentibus in Dioecesibus Mobiloviensi, Vilnensi, Minscensi Samogitiensi, Luceoriensi existentibus pro anno Domini 1838. In Modum Kalendarii Juliani dispositum. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (6 печ. листовъ). in-12°.

936) Elenchus Cleri Regularis Ordinis Minorum S. P. N. Francisci Observantium Anno 1837 Mensis Novembris 28 die. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

937) Directorium divini officii juxta ritum monasticum Conformiter ad rubricas Breviarii Missalisque Monastici ac Decreta S. R. C. persolvendi in commodum monachorum sub regula S. P. N. Benedicti Almae Congregat: Benedictino-Cister: in Imperio Rossiae degentium authoritate congregationis regiminis. Per P. Antonium Clementem Budziński Horodiscensis Benedictini Monasterii ad S. Annam Professum in annum Domini MDCCCXXXVIII, ordinatum diebus ultimis Mens. Martii 1837 An. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

938) Directorium divini officii recitandi Missarumque celebrandarum juxta rubricas breviarii et missalis fratrum B. V. D. G. Mariae de Monte Carmelo A. R. O. Pro fratribus et Sororibus Provinciae Lithvanae Omn. S. S. et Rubrae Ross. S. Joseph Sp. B. V. M. Prot. J. O. N. in annum Domini 1838 v. s. dispositum. Вильно, въ тип. Базиліянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

X. Исторія.

а) Отечественная:

939) Родословное древо Государей Россійскихъ, изображенное на сводѣ паперти Соборной церкви Новоспаскаго Ставропигіальнаго монастыря. И. С. издано Архимандритомъ онаго монастыря Аполлосомъ. М. въ тип. Кирилова, 1837. VIII стр. in 4°

940) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ, Ивана Снегирева, М. въ тип. Селивановскаго, 1837. 36 стр. in-12°.

941) Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе первое. М. въ тип. Селивановскаго, 1837. VIII и 63 стр. in-8°.

942) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изданіе второе. Часть I. Берова Лѣтопись Московская. Часть II Записки Георга Паерле. Часть III. Записки Маржерета и Президента де-Ту. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XVIII и 284, XI и 216, XVI и 241 стр. in-8°.

943) Замѣчанія на статью въ Сѣверной Пчелѣ 1837 года въ N° 150 напечатанную о книгахъ: обозрѣніе монетъ Русскихъ Б. Шодуара и Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. 49 стр. in-8°.

944) Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голикова. Томъ третій. Изданіе второе. М. въ тип. Степанова, 1837. 434 стр. in-8°.

945) Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 года, съ присовокупленіемъ статей: 1) Александръ Первый и

Наполеонъ. 2) Наполеонъ и Москва. Сочиненіе Сергія Глинки. С. П. Б. въ тип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XXIII и 370 стр. in-8°.

946) Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійскія. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, 1730 годъ. С. П. Б. въ тип. Греча, 1837. 52 стр. in-8°.

947) Отечественная портретная галлерея, знаменитыхъ особъ въ Россійской Исторіи, отъ начала XVIII вѣка до нашихъ временъ, съ краткими ихъ біографіями. Тетрадь VII, Біографія и портреты: Императрицы Екатерины I; Кабинетъ-Секретаря Алексѣя Васильевича Макарова, Лейбъ-Медика Блументроста и Графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинскаго. С.П.Б. 1837. съ 105 по 115 стр. in-4°.

948) Живописный Карамзинъ, или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево. Часть вторая, тетрадь 3. С. П. Б. въ тип. Праца и К°, 1837 съ 77 по 84 стр. in-8° maj.

949) Pamiętniki do historyi Rossyi i Polski wieku XVI i XVII. Pamiętniki Samuela Maskiewicza początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idące. Wydany z rękopisów Biblioteki Szczorsowskiej Hrabiego Chreptowicza, przez Jana Zakrzewskiego Radcę Dworu, nauczyciela Gubern. Wilen. gimnazyum. Вильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 112 стр. in-8°.

950) Analyse einer Charte von der Kirgisensteppe zwischen der Wolga und dem Ural, nebst historischen Andeutungen über den frühern Zustand dieser Gegenden so wie der benachbarten Steppen zwischen dem Don und der Wolga insonderheit zu den Zeiten der Griechen und Römer, nebst einer Charte von Prof. Dr. Fr. Kruse. Besonders abgedruckt aus Prof. Dr. Fr. Goebels Reise

in die Steppen der südlichen Russlands. Дерптъ. 1838. 27 стр. in-4°.

951) Einige Blicke in die Geschichte der Vorzeit Fellins. Erster Blick auf die schöne Natur Fellins und auf der alten Ehsten Provinzen und Gebiete, Religion und Aberglauben. Von Th. E. Kriese der Z. Inspector der Schulen zu Fellin. Einladungsschrift zur öffentlichen Prüfung in der Fellinschen Kreisschule am -ten December 1837. Перновъ, въ тип. Марквардта, 1837. 12 стр. in-4°.

b) Другихъ Государствъ:

952) Политическая и военная жизнь Наполеона, сочиненіе Генералъ-Адъютанта, Барона Жомини, переведенное съ Французскаго Ушинскимъ, съ присоединеніемъ плановъ всѣхъ замѣчательныхъ сраженій, данныхъ Наполеономъ; лежандъ, для объясненія этихъ плановъ; картъ, представляющихъ различные театры военныхъ дѣйствій; и портретовъ всѣхъ полководцевъ и знаменитыхъ современниковъ Наполеона. С. П. Б. въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1837. 214 и 27 стр. in-8°.

953) Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочиненіе Сира Валтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго, С. де Шаплетъ. Томъ четвертый. Часть 12, 13, 14, С. П. Б. въ тип. И. Глазунова, и К°, 1837. 321 стр. in-8° maj.

954) Записки Герцогини Абрантесъ, или Историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, Имперіи и возстановленія Бурбоновъ, переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XV. М. въ тип. Семена, 1837. 353 и VI стр. in-8°.

XI. *Географія и Путешествія.*

955) Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній. Географія. Часть первая. Географія Математическая и Физическая и краткій обзоръ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ отношеніи. Составилъ Н. И. Соколовскій. С. П. Б. 1838. въ тип. Глазунова и К°, IV и 188 стр. in-8°.

956) Путешествіе вокругъ свѣта, составленное подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, изъ путешествій совершенныхъ донынѣ извѣстнѣйшими мореплавателями. Переводъ пересмотрѣнъ и обогащенъ любопытными примѣчаніями, по части морской и Географической Адмираломъ Крузенштерномъ; по части Ботаники Директоромъ Императорскаго Ботаническаго Сада Г. Фишеромъ; по части Зоологіи Членомъ Императорской Академіи Наукъ, Г. Беромъ. Тетрадь двадцать первая. (Третія тетрадь послѣдней (четвертой) части). Изданіе А. Плюшара. С. П. Б. 1837. Съ 113 по 178 стр. in-4°.

XII. *Математика.*

957) Ариѳметика, служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная, исправленная и пополненная Коллежскимъ Ассессоромъ Петромъ Куминскимъ. Изданіе десятое. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. II и 187 стр. in-12°.

958) Курсъ чистой Математики, составленный по порученію Беллявена, Профессорами Математики: Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро. Съ Франц. со многими перемѣнами и дополненіями, перевелъ И. Пого-

рѣльскій. Изданіе третіе. М. въ Университетской тип. 1837. 172 стр. in-8°.

959) Тригонометрія прямолинѣйная и сферическая и опредѣленный Геометрическій анализъ. Сочиненіе Лефебюра де Фурси. Переведены съ Французскаго (съ 3 изданія) для Главнаго Инженернаго училища. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°. 1838. 186 и 51 стр. in-8° (съ 4 чертежами).

960) Наставленіе къ употребленію числительной линейки Коллардо, приноровленной къ мѣрамъ и вѣсамъ Россійскимъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Маіоромъ Дмитріевымъ. С. П. Б. въ тип. Крайя, 1837. 84 стр. in-8°.

961) Разсужденіе о зажигательныхъ линіяхъ и поверхностяхъ. Кандидата Николая Панова, написанное для полученія степени Магистра. М. въ Университетской тип. 1837. IV и 136 стр. in-8°.

962) Vorlesungen über Mathematische Analysis von Dr. J. M. C. Bartels, Staatsrath, ordentl. Professor der Mathematik zu Dorpat, und Corresp. Mitgl. der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. Herausgegeben von F. G. W. Struve. Дерптъ. 1837, въ тип. Шюнманна. 64 стр. in-4°.

963) Геодезія, или руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построенію картъ и производству тригонометрическихъ и топографическихъ съемковъ и нивеллировокъ. Составилъ А. Болотовъ, Генеральнаго Штаба Подполковникъ. Часть II. Проекціи картъ, нивеллированіе, Топографія. С. П. Б. 1837. въ тип. Вингсбера. IX и 445 стр. in-8° (и XXI таблица).

XIII. *Военныя Науки.*

964) Военная Библіотека, съ Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской арміи. Книга пятая.

Военная Библіотека. Ксенофонтъ, Киропедія. С. П, Б. 1837. Съ 179 по 384 стр. in-8° maj.

965) Правила, употребляемыя при облежаніи крѣпостей, распредѣленіи, расположеніи и дѣйствіи войскъ подъ оными. С. П. Б. въ тип. Военной, 1837. 75 стр. in-8°.

966) О обязанностяхъ артиллеріи при оборонѣ крѣпостей. С. П. Б. въ тип. Военной, 1837. 67 стр. in-8°.

967) Журналъ Военныхъ дѣйствій союзныхъ армій со времени переправы ихъ за Рейнъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1813 года, до выступленія изъ Франціи, въ Маѣ 1814 года. Составленъ при Главномъ Штабѣ 1-й арміи съ подлинныхъ, оффиціальныхъ бумагъ, хранящихся нынѣ въ Архивѣ Генеральнаго Штаба. Часть первая и вторая. С. П. Б. въ тип. Военной, 1837. IV и 369, VII и 457 стр. in-8°.

XIV. *Естественныя Науки.*

968) Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou. Année 1837. N° VIII. M. въ тип. Семена, 1837. 169 стр. in-8°.

XV. *Сельское Хозяйство и Технологія.*

969) Разговоры о сельскомъ хозяйствѣ, съ воспитанниками Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Тетрадь четвертая. Разведеніе хозяйственныхъ растеній. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли, 1837. 66 стр. in-8°.

970) Описаніе и изображеніе вновь изобрѣтенной простой и дешевой машины, помощію которой во время пожарныхъ случаевъ удобно и безъ всякой опасности можно подниматься и спускаться съ высоты разныхъ

зданій, спасать людей и всякаго рода имѣніе. М. въ тип. Кирилова, 1837. 7 стр. in-8°.

971) Поташный фабрикантъ, или руководство къ приготовленію сыраго и жженаго поташа изъ камней и изъ отечественныхъ растеній, кои въ то же время можно употреблять вмѣсто топильнаго матеріала, съ присообщеніемъ новѣйшихъ средствъ къ узнанію различныхъ примѣсей при покупкѣ поташа, къ очищенію онаго и къ добыванію гораздо въ большемъ противъ прежняго количествѣ. Сочиненіе Едгарда Фридриха Лейхса, Профессора Технологіи и Члена многихъ Ученыхъ Обществъ. (Съ 11 чертежами). М. въ тип. Кирилова, 1837. 16 стр. in-8°.

972) Улучшенные бритвы и ремни, съ показаніемъ новоизобрѣтенныхъ средствъ къ скорѣйшему натачиванію бритвъ, къ узнанію доброты оныхъ при покупкѣ и къ сбереженію отъ ржавчины и порчи, съ описаніемъ искусственныхъ шлифовальныхъ камней и химическихъ составовъ для дѣланія и для смазыванія бритвенныхъ ремней. М. въ тип. Кирилова, 1837. 11 стр. in-8°

XVI. *Медицина.*

973) Краткое разсужденіе о чумѣ (pestis). Статскаго Совѣтника Степана Доброправова. М. въ тип. Смирнова, 1837. IV и 74 стр. in-8°.

974) Dissertatio inauguralis pathologico-therapeutica de phthisi pulmonali tuberculosa, quam e decreto amplissimi Medicorum ordinis Universitatis Caesareae Mosquensis pro gradu Doctoris Medicinae legitime obtinendo elaboravit et publice defendet Chirurgus 1-mi Ordinis Alexius Pogorelsky. M. въ тип. Университетской, 1837. 67 стр. in-8°.

XVII. *Смѣсь.*

975) Découvertes sur le Cavalier (suite). Съ 17 по 67 стр. in-8°.

976) Tarto-ja Wörro-ma rahwa Kalender ehk Tähtramat 1838, Ajastaja päle, perran Issanda Iesussè Kristusse sündimist. Sel ajastajal om 365 paiwa. Дерптъ, въ тип. Шюнманна. 60 стр. in-8°.

977) Dörptscher Tafel-Kalender auf das Jahr 1838, welches ein gewöhnliches Jahr von 365 Tagen ist. Дерптъ, въ тип. Шюнманна (таблица).

978) Rechnungs-Abschluss der Städtischen Spar-Casse in Riga von 1832. Vom 1 December 1836 bis zum 30 November 1837. (таблица).

979) An die resp. Mitglieder der wohlthätigen Beisteuer. 4 стр. in-4°.

980) Statuten der neuen Sterbe-Casse des groszen zünftigen Schumacher-Amts zu Riga, errichtet im Jahre 1837. Рига, въ тип. Мюллера, 1837. 14 стр. in-8°.

981) Gesetze für das Theater in Riga. Рига, въ тип. Геккера, 1837. 24 стр. in-8°.

982) Quinzième rapport de l'Ecole, établie en faveur des enfants-pauvres parmi les étrangers, qui se trouvent à St. Pétersbourg, pour l'année 1837. С. П. Б. 1837, въ тип. Иверсена, стр. in-8°.

983) Ключъ къ изъясненію сновъ, составленный по сочиненіямъ славнѣйшихъ снотолкователей: Каліостро, великаго Альберта Мартына Задека, Индѣйскихъ, Цыганскихъ, Китайскихъ и Африканскихъ мудрецовъ, и повѣренный съ изъясненіями знаменитой Чухонской ворожеи; изданный въ лицахъ Михайломъ де ла Портомъ, въ Парижѣ; и вновь исправленный и дополненный Московскими ворожеями. Со 103 литографированными картинами. С. П. Б. въ тип. Вингебера, 1838. 21 стр. in-16°.

984) Ворожея на картахъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 40 стр. in-24.

985) Kuchnia zdrowia albo przepisy przyrządzania potraw z produktów krajowych, najprościejszym, najwłaściwszym sposobem, dla osób tak chorych jako też i powracających do zdrowia, służących. Przez J. Jankowskiego autora Nowéy Kucharki Oszczędnéj. Варшава и Вильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 124 стр in-12°.

ОБЪЯСНЕНІЕ

КАРТЫ

УСПѢХОВЪ НАРОДНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССІИ

По Высочайшей волѣ собраны въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія оффиціальныя свѣдѣнія изъ всѣхъ Вѣдомствъ о числѣ Учебныхъ Заведеній, учащихъ и учащихся. Число учащихся въ каждой Губерніи соображено съ числомъ жителей ея, и выведены какъ сравнительные между Губерніями, такъ и общій въ Имперіи результатъ успѣховъ народнаго обученія. Всѣ сіи свѣдѣнія уже поступили въ печать и издадутся *особою книжкою*, о выходѣ которой въ свѣтъ будетъ объявлено въ свое время.

Между тѣмъ, на основаніи сихъ выводовъ, представляется Читателямъ нашего Журнала Общая Карта успѣховъ народнаго обученія въ Россіи. Сравнительное состояніе успѣховъ въ разныхъ Губерніяхъ выражено постепенностію тѣней и сверхъ того означено цифрами. Ежели кому покажется страннымъ, что Омская Область и Губерніи Астраханская, Иркутская и т. п. первенствуютъ здѣсь предъ многими такими, которыя по общему всѣхъ мнѣнію должны быть го-

раздо просвѣщеннѣе ихъ, то пусть вспомнятъ, что эта Область и поименованныя съ нею Губерніи принадлежатъ къ числу самыхъ малолюдныхъ и что результатъ успѣховъ народнаго обученія въ каждой Губерніи основывается не на одномъ числѣ находящихся въ ней Учебныхъ Заведеній и учащихся, а на содержаніи числа учащихся каждой Губерніи къ числу ея жителей. Считаемъ нужнымъ къ сему присовокупить еще, что при составленіи Карты каждая Губернія покрывалась приличною ей тѣнью вся, не отличая въ ней мѣстъ обитаемыхъ отъ безлюдныхъ. Такъ на примѣръ Иркутская Губернія вся покрыта одною тѣнью; само же собою разумѣется, что въ большей ея части нѣтъ ни Училищъ, ни учащихся. Скажемъ наконецъ, что обѣ наши Столицы разсматривались нами отдѣльно отъ своихъ Губерній, и изображены на Картѣ особо, какъ двѣ самыя свѣтлыя точки въ Имперіи: за ними должны слѣдовать тѣ изъ городовъ, въ которыхъ находятся Университеты, Академіи, Лицеи и т. д.

Нижеслѣдующими цифрами означены на Картѣ:

1. Обл. Омская.
2. Губ. Саратовская.
3. — Херсонская.
4. — Астраханская.
5. — Таврическая.
6. — С. Петербургская
7. — Эстляндская.
8. — Екатеринославская.
9. — Лифляндская.
10. — Архангельская.
11. — Иркутская.
12. Обл. Бессарабская.

13. Губ. Новогородская.
14. — Смоленская.
15. — Томская.
16. — Олонецкая
17. — Виленская.
18. — Ярославская.
19. — Витебская.
20. — Псковская.
21. — Пермская
22. — Орловская.
23. — Владимірская.
24. — Харьковская.
25. — Курляндская.
26. — Воронежская.
27. — Нижегородская
28. — Казанская.
29. — Калужская.
30. — Рязанская.
31. — Тульская
32. — Тверская.
33. — Оренбургская.
34. — Вологодская.
35. — Енисейская.
36. — Костромская.
37. — Черниговская.
38. — Тобольская.
39. — Минская.
40. — Могилевская.
41. — Гродненская.
42. — Курская.
43. — Симбирская.
44. Земля Донскихъ Казаковъ.
45. Губ. Пензенская.
46. Обл. Бѣлостокская.
47. Губ. Московская.

48. Губ. **Тамбовская.**
49. — **Кіевская.**
50. — **Полтавская.**
51. — **Волынская.**
52. — **Вятская.**
53. Обл. **Кавказская.**
54. **Области Закавказскія.**
55. Губ. **Подольская.**

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

№ II. Февраль.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Генварь мѣсяцъ.)

1. (13 Генваря) *О дозволеніи Экстраординарному Профессору Щуровскому предпринять ученое путешествіе на Уральскій хребетъ.*

Государь Императоръ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на отбытіе Экстраординарнаго Профессора Московскаго Университета Щуровскаго въ ученое путешествіе по Уральскому хребту, для осмотра его въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи.

2. (18 Генваря) *Объ учрежденіи въ Якобштатъ Русскаго Начальнаго Училища.*

По представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и по Положенію Комитета Гг. Министровъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ городѣ Якобштатѣ, для обученія дѣтей тамошнихъ жителей Русскаго и Польскаго происхожденія, Начальное Училище, съ употребленіемъ на содержаніе онаго по 1200 р. ежегодно, и сверхъ того на первоначальное обзаведеніе 300 р., изъ процентовъ съ общаго экономическаго капитала Гражданскихъ Учебныхъ Заведеній.

3. (18 Генваря) *О перечисленіи изъ Дерптскаго Университета въ С. Петербургскій двухъ стипендій, для содержанія въономъ двухъ Воспитанниковъ Литовскаго Евангелическо-Реформатскаго Синода.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, основанному на внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія запискѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа учрежденныхъ при Дерптскомъ Университетѣ шести стипендій, по 200 р. серебромъ, для содержанія шести Воспитанниковъ Литовско-Евангелическо-Реформатскаго Синода, перечислить двѣ стипендіи, именно 400 рублей серебромъ въ годъ въ С. Петербургскій Университетъ, для содержанія въ числѣ Студентовъ-Пансіонеровъ двухъ Воспитанниковъ того Синода, предназначенныхъ къ занятію въ Слуцкой Гимназіи Учи-

нѣсколькихъ вакансій, съ тѣмъ, чтобы остатокъ отъ сказанной суммы былъ выдаваемъ имъ, по окончаніи курса ученія, на издержки возвратнаго пути.

4. (20 Генваря) *Объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Коммиссіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Коммиссіи, Высочайше разрѣшить соизволилъ: для безостановочнаго продолженія дѣйствій сей Коммиссіи, отдѣлить въ ея распоряженіе, въ теченіе будущихъ 1838 и 1839 годовъ, до пятидесяти тысячь рублей изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

5. (20 Генваря) *О дозволеніи Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, предпринять въ теченіе перваго Семестра настоящаго года ученое путешествіе въ Парижъ.*

Согласно представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на предпріятіе Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, въ теченіе перваго Семестра настоящаго года, ученаго путешествія въ Парижъ, съ сохраненіемъ жалованья и съ выдачею ему сверхъ того на необходимыя издержки трехъ тысячь рублей изъ штатной, опредѣленной на ученыя путешествія, суммы.

6. (20 Генваря) *О временномъ Штатѣ для Митавской Гимназіи.*

На подлинномъ написано:

Государь Императоръ изволилъ утвердить на три года. 20 Генваря 1838.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ

МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Предметы расходовъ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		И того рублей ассигн.
	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	
Директору	—	3850	—	1200	5050
Ему же на разъѣзды для осмотра Учебныхъ Заведеній въ Губерніи.	—	—	—	—	600
На канцелярскіе припасы.	—	—	—	—	300
Инспектору	—	2600	—	750	3350
Осьми Старшимъ Учителямъ (*). . . .	2400	19,200	750	6000	25,200
Двумъ Учителямъ Наукъ.	1500	3000	500	1000	4000
Учителю Французскаго языка	—	1000	—	400	1400
Учителю Англійскаго языка	—	1000	—	400	1400

(*) Въ томъ числѣ два Учителя Русскаго языка.

Предметы расходовъ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		Итого рублей ассигн.
	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ	
Учителю Рисованія и Чистописанія. . .	—	1000	—	400	1400
Законоучителю Греко-россійскаго Исповѣданія.	—	600	—	—	600
Учителю Музыки и Пѣнія	—	600	—	—	600
Учителю Гимнастики.	—	600	—	—	600
—— Танцованія .	—	600	—	—	600
Письмоводителю при Директорѣ. . . .	—	800	—	300	1100
Канцелярскому Служителю	—	400	—	—	400
Старшему Учителю Математики за изготовленіе Календаря.	—	—	—	—	500
На Стипендіи . . .	—	—	—	—	5000
На учебныя книги для бѣдныхъ учениковъ .	—	—	—	—	300
На Библіотеку. . .	—	—	—	—	500
Учителю за смотрѣніе за Библіотекою . .	—	—	—	—	300
На математическіе и физическіе инструменты	—	—	—	—	300
На собраніе по части Естественной Исторіи	—	—	—	—	200
Двумъ служителямъ. .	—	—	—	—	600
На содержаніе дома и разныя издержки по хозяйственной части.	—	—	—	—	1500
На два лѣсные класса при Гимназіи:					
Двумъ Старшимъ Учителямъ	2400	1800	750	1500	6300

Предметы расходовъ.	Жалованья.		Квартирныхъ.		И того рублей ассигн.
	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ	
Одному изъ нихъ суточнаго содержанія во время лѣтнихъ экскурсій	—	—	—	—	180
На содержаніе сада и плату сторожу, на библіотеку, аппараты для лѣсныхъ классовъ и непредвидимыя издержки. . .	—	—	—	—	972
					61,252

Примѣчанія.

1) Штатъ сей приводится въ дѣйствіе постепенно, по мѣрѣ выбытія прежнихъ Преподавателей, такъ что Учители, коихъ мѣста или вовсе уничтожаются, или оклады уменьшаются, будутъ пользоваться прежнимъ содержаніемъ; въ отношеніи же къ тѣмъ лицамъ, коихъ жалованье увеличивается, или для коихъ учреждаются новыя мѣста, а равно и къ прочимъ статьямъ, Штатъ сей приводится въ исполненіе, какъ скоро представятся къ тому удобные случаи.

2) Митавская Гимназія продолжаетъ получать на свое содержаніе тѣ же суммы, какія и нынѣ получаетъ; остатки отъ нихъ образуются въ Экономическую сумму Гимназіи и употребляются

на законномъ основаніи въ ея пользу, а въ послѣдствіи, когда сіи остатки сдѣлаются довольно значительны, на устройство и усиленіе средствъ къ содержанію при Митавской Гимназіи Благороднаго Пансіона, на правилахъ, постановленныхъ въ Уставѣ 8 Декабря 1828 года.

3) Вакансіи Учителей: Англійскаго языка, Гимнастики и Танцованія, въ случаѣ выбытія ихъ, не замѣщаются впредь до учрежденія Благороднаго Пансіона.

4) Нынѣшніе Учители Искусствъ остаются на прежнихъ правахъ и содержаніи; опредѣляемые же впредь (кромѣ Учителя Рисованія и Чистописанія), не считаясь въ Государственной службѣ, будутъ только пользоваться опредѣленною въ семъ Штатѣ платою.

5) По учрежденіи Благороднаго Пансіона, и въ случаѣ умноженія занятій Учителей: Закона Божія Грекороссійскаго Исповѣданія, Французскаго языка и Искуствъ, предоставляется Министерству Народнаго Просвѣщенія, по представленію Попечителя, увеличить штатные ихъ оклады, на счетъ суммы, остающейся въ распоряженіи Гимназіи.

6) Гимназіи отпускаются дрова, а Директору и Учителямъ оной хлѣбные припасы на прежнемъ основаніи; по мѣрѣ же выбытія нынѣшнихъ Чиновниковъ, припасы обращаются, чрезъ продажу, въ пользу Гимназіи.

Подлинный подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія *Сергій Уваровъ*.

7. (13 Генваря) *О дозволеніи Камергеру Башуцкому издавать «Листки ремеслъ, промысловъ и фабрикъ.»*

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о дозволеніи Камергеру Его Императорскаго Величества Башуцкому издавать *Листки ремеслъ, промысловъ и фабрикъ*, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на означенное изданіе.

8. (23 Генваря) *О дозволеніи Статскому Совѣтнику Гречу издавать «Музыкальныя прибавленія» къ Сѣверной Пчелѣ.*

По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о просимомъ Издателемъ Сѣверной Пчелы, Статскимъ Совѣтникомъ Гречемъ позволеніи издавать при сей газетѣ *Музыкальныя прибавленія*, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на помянутое изданіе.

Опредѣленія и награжденія.

Высочайшія грамоты,

данныя въ С. Петербургѣ:

а) 21 Генваря.

Г. Генералъ-Лейтенанту, Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа *Крафстрему*.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ вашей и

трудахъ по управленію Дерптскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Бѣлаго Орла, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

б) 26 Генваря.

I.

Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Управляющему Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія *Князю Ширинскому-Шихматову*.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-ревностной службѣ и неусыпныхъ трудахъ вашихъ по управленію Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ Нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

II.

Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Попечителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа *Князю Дондукову-Корсакову*.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-ревностной службѣ и неусыпныхъ трудахъ вашихъ по управленію С. Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени, знаки коего при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установле-

нію. Пребываемъ Нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

III.

Г. Статскому Совѣтнику, Помощнику Попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа *Груберу*.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ вашей и трудахъ по управленію Бѣлорусскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

Опредѣлены:

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Состоящій по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ званіи Каммергера Двора Его Императорскаго Величества, Князь Григорій *Волконскій* (20 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Академики Императорской Академіи Наукъ *Брандтъ* и *Фусъ*, Ординарные Профессоры С. Петербургскаго Университета *Фрейтагъ* и *Калмыковъ* — Инспекторами надъ частными Пансіонами и Училищами въ С. Петербургѣ на 1838 годъ (20 Генваря).

По Московскому: Ординарные Профессоры Московскаго Университета *Давыдовъ* и *Брашманъ* — Инспекторами надъ частными Пансіонами и Училищами въ Москвѣ, на 1838 годъ (20 Генваря).

По Харьковскому: Отставной Полковникъ *Шретеръ* — Почетнымъ Попечителемъ Харьковской Гимназіи на текущее трехлѣтіе (18 Генваря).

Награждены:

а) *Орденами.*

Св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною: Пасторъ здѣшней Евангелическо-Реформатской Церкви *Фонъ-Муральтъ* (22 Генваря).

Св. Анны 2-й степени: Профессоръ Университета Св. Владиміра, Статскій Совѣтникъ *Даниловичъ* — въ награду трудовъ его при первоначальномъ составленіи Свода мѣстныхъ Законовъ Западныхъ губерній (10 Генваря).

Св. Станислава 3-й степени: Директоръ 2-й Виленской Гимназіи, Коллежскій Ассессоръ *Кисловъ* (22 Генваря).

Св. Владиміра 4-й степени: Академикъ Императорской Академіи Наукъ *фонъ Беръ* и Директоръ 1-й Виленской Гимназіи Надворный Совѣтникъ *Устиновъ* (22 Генваря).

Св. Анны 3-й степени: Профессоръ Дерптскаго Университета Докторъ *Шмальцъ* — за заслуги, оказанные въ образованіи отправленныхъ въ учрежденный имъ Альткустгофскій Агрономическій Институтъ Казенныхъ Воспитанниковъ (14 Генваря); Инспекторъ 2-й Виленской Гимназіи, Титулярный Совѣтникъ *Бакстеръ* (22 Генваря).

Св. Станислава 4-й степени: Старшій Учитель 2-й Виленской Гимназіи Коллежскій Ассессоръ *Калиновскій* и Учитель той же Гимназіи Титулярный Совѣтникъ *Герардъ* (22 Генваря).

b) *Подарками.*

Почетный Попечитель Виленской Гимназіи Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Графъ Хрептовичъ* — золотою табакеркою, съ вензеловымъ изображеніемъ

Имени Его Императорскаго Величества (20 Генваря); Профессоръ Дерптскаго Университета *Пироговъ* — за поднесеніе Его Императорскому Величеству изданныхъ имъ Анатомико-Хирургическихъ таблицъ (20 Генваря).

c) *Единовременною выдачею денегъ.*

Директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, Статскій Совѣтникъ *Новосильскій* — 4,000 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія (20 Генваря).

d) *Объявлено Высочайшее благоволеніе:*

Учителю Института Глухонѣмыхъ въ Вильнѣ, Коллежскому Секретарю *Малаховцу* (20 Генваря).

Государь Императоръ удостоилъ благосклоннаго принятія поднесенныя Его Величеству чрезъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія книги: Дѣвицею *Ишимовою* — IV-ю Часть «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей»; Титулярнымъ Совѣтникомъ *Терещенко* — «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи»; Членомъ Вольнаго Экономическаго Общества *Усовымъ* — «Курсъ Земледѣлія»; Коллежскимъ Совѣтникомъ *Глаголевымъ* — «Записки Русскаго путешественника»; Полковникомъ *Чертковымъ* — «Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ» и «Воспоминанія о Сициліи»; Отставнымъ Маіоромъ *Глинкою* — «Записки о Москвѣ 1812 — 1815 года», и Докторомъ *Грумомъ* — Хирургическое его сочиненіе (1 Генваря).

2. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Генварь мѣсяцъ).

1. (5 Генваря) *Объ опредѣленіи при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ опредѣлить при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера, съ жалованьемъ по пяти сотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ оной.

2. (13 Генваря) *О считаніи преобразованія Ришельевскаго Лицея по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ* 25 *Мая минувшаго года, съ* 1 *Генваря сего года, а курса ученія съ* 1 *Сентября истекшаго года.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, согласно представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, изъявилъ согласіе, чтобы преобразованіе Ришельевскаго Лицея, по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ 29 Мая минувшаго года, было считаемо съ 1 числа текущаго Генваря, а курсъ ученія въономъ съ 1 Сентября истекшаго года, сообразно съ курсомъ ученія по Учебному Округу.

3. (19 Генваря) *Объ утвержденіи платы съ вольноприходящихъ учениковъ Таврической Гимназіи.*

Въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ сдѣланное Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврической Губерніи распоряженіе касательно взиманія платы съ вольноприходящихъ учениковъ тамошней Гимназіи по десяти рублей въ годъ съ каждаго, съ освобожденіемъ отъ сего бѣдныхъ учениковъ.

4. (27 Генваря) *О утвержденіи взимаемой съ полупансіонеровъ Благороднаго Пансіона при Новгородской Гимназіи платы по сту пятидесяти рублей въ годъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленіи Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, утвердилъ взимаемую съ полупансіонеровъ Благороднаго Пансіона при Новогородской Гимназіи плату, по сту пятидесяти рублей въ годъ.

5. (27 Генваря) *О дозволеніи Адъюнктамъ и состоящимъ въ сихъ должностяхъ присутствовать въ Совѣтѣ Ришельевскаго Лицея.*

Согласно представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чтобы къ присутствованію въ Совѣтѣ Ришельевскаго Лицея допущены были Адъюнкты и состоящіе въ сихъ должностяхъ, если они занимаютъ особыя каѳедры.

6. (27 Генваря) *О правилахъ, на основаніи коихъ могутъ переходить молодые люди изъ одного Университета въ другой.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ дополненіе къ окружному предложенію своему отъ 3 Ноября прошедшаго года, постановилъ еще слѣдующее:

Студентъ, оставившій одинъ изъ Университетовъ и желающій, по истеченіи за тѣмъ болѣе полугодія, поступить въ другой, долженъ подвергнуться въ послѣднемъ испытанію, отъ выдержанія котораго зависитъ принятіе его въ соотвѣтственный знаніямъ его курсъ и сообразно съ тѣмъ зачетъ времени пребыванія въ прежнемъ Университетѣ.

Опредѣленія, перемѣщенія и увольненія.

Опредѣлены:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Отставной Поручикъ *Ушаковъ* — Старшимъ Помощникомъ Столоначальника (27 Генваря); Коллежскій Регистраторъ *Курклинскій* — Младшимъ Помощникомъ Столоначальника, и Коллежскій Регистраторъ *Пучковъ* — Художникомъ Археографической Коммиссіи (19 Генв.).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: утверждены въ званіи Почетныхъ Членовъ Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій, Графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ Графъ *Воронцовъ*, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сvнода Графъ *Пратасовъ*, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ *Строгановъ* и Дѣйствительные Статскіе Совѣтники *Арсеньевъ* и *Куницынъ* (27 Генваря).

По Харьковскому: Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра *Мицкевичъ* — перемѣщенъ съ тѣмъ же званіемъ (29 Генваря).

По Университету Св. Владиміра: Старшій Учитель 1-й Кіевской Гимназіи *Домбровскій* опредѣленъ Адъюнктомъ (19 Генваря); Экстраординарный Профессоръ Харьковскаго Университета *Федотовъ-Чеховскій* перемѣщенъ исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора (29 Генваря).

По Одесскому Учебному Округу.

Штабсъ-Капитанъ *Нелидовъ* опредѣленъ Исправляющимъ должность Директора Училищъ Херсонской Губерніи (5 Генваря); уволенный отъ службы изъ Членовъ Бобруйскаго Инженерно-Строительнаго Комитета 9 класса *Бернадскій* — Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврической Губерніи (13 Генваря); Губернскій Секретарь *Папалексъ*— Почетнымъ Смотрителемъ Евпаторійскаго Уѣзднаго Училища (5 Генваря).

Уволены:

По Канцеляріи Г. Министра.

Коллежскій Секретарь *Виноградовъ* — отъ должности Помощника Секретаря, по прошенію (4 Генваря).

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Коллежскій Секретарь *Коковскій*— отъ должности Старшаго Помощника Начальника Стола, по прошенію (19 Генваря); Титулярный Совѣтникъ *Ольговъ* — отъ должности Младшаго Помощника Начальника Стола, по прошенію (19 Генваря).

По Университету Св. Владиміра.

Чиновникъ 5 класса *Лохвицкій* — отъ завѣдыванія Музеемъ Кіевскихъ древностей, по прошенію (29 Генваря).

По Московскому Учебному Округу.

Коллежскій Секретарь *Яковлевъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Александровскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (12 Генваря).

II.

НАУКИ.

1.

ОБЪ УПРЕКАХЪ, ДѢЛАЕМЫХЪ ФИЛОСОФІИ

ВЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМЪ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИХЪ СИЛѢ И ВАЖНОСТИ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра, 15 Іюля 1837 года, Ординарнымъ Профессоромъ Философіи Орестомъ Новицкимъ.

Ὦ μακάριε, μὴ πάνυ οὕτω τῶν πολλῶν κατηγόρει. ἀλλοίαν τοι δόξαν ἕξουσιν, ἐν αὐτοῖς μὴ φιλονεικῶν, ἀλλὰ παραμυθούμενος, καὶ ἀπολυόμενος τὴν τῆς φιλομαθείας διαβολὴν, ἐνδείκνυε οὓς λέγεις τοὺς φιλοσόφους, καὶ διορίζου, ὥσπερ ἄρτι, τήν τε φύσιν αὐτῶν καὶ τὴν ἐπιτήδευσιν· ἵνα μὴ ἡγῶνταί σε λέγειν οὓς αὐτοὶ οἴονται.

Plato de Repub. Lib. VI. p. 499.

Мм. Гг.!

У всѣхъ образованныхъ народовъ, съ самыхъ древнихъ временъ, Науки были предметомъ уваженія и похвалъ; издревле признавали ихъ особеннымъ

даромъ боговъ, и нынѣ признаютъ ихъ украшеніемъ и лучшимъ достояніемъ человѣческаго рода. Если та, или другая Наука въ частности можетъ не имѣть особеннаго достоинства для лицъ того, или другаго сословія, и потому не возбуждаетъ общаго къ себѣ вниманія и участія: то чѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ можетъ находить для себя истинныхъ цѣнителей въ другихъ званіяхъ и состояніяхъ людей. — Не такъ счастлива судьба Философіи. Среди торжества другихъ Наукъ, едва ли не она только издревле была предметомъ болѣе порицаній, чѣмъ похвалъ. Ей давились и посвящали жизнь свою лишь не многіе мудрецы; а цѣлая масса людей нефилософствующихъ всегда была то равнодушною къ ней, то враждебною для нея; ее превозносили похвалами Платоны и Цицероны, но общій голосъ народа нигдѣ и никогда не бывалъ въ ея пользу. Еще въ первыя времена своего появленія въ благодатной Индіи, у одного изъ самыхъ философствующихъ народовъ древняго Востока, она испытывала уже непріязненную судьбу! Въ счастливой Элладѣ, столько прославленной геніальными ея мыслителями, она подвергалась изгнаніямъ, испивала чашу смертную; и въ самое цвѣтущее время ея развитія у Аѳинянъ, великій Платонъ чувствовалъ потребность защищать ее отъ предубѣжденія народнаго. Средніе времена имѣли также своихъ Философовъ — и не мало жертвъ Философіи. Въ дни новѣйшей гражданственности, въ самыхъ образованныхъ націяхъ Европы, богатыхъ мыслителями отличными, не менѣе замѣтны въ публикѣ то нерасположенность,

то не заслуженное равнодушіе къ Любомудрію. И въ нашемъ Отечествѣ, встрѣчаетъ ли Философія тотъ общій привѣтъ, то общее вниманіе и участіе, которыхъ ожидать ей надлежало бы? Не многіе у насъ пишутъ о ней, и то по большей части для того, чтобъ высказать свои замѣчанія и мысли въ ея осужденіе!

Въ двухъ главныхъ отношеніяхъ можно разсматривать Философію: можно разсматривать ее *въ ней самой*, *какъ Науку*, и можно слѣдить за нею въ дальнѣйшемъ ея *примѣненіи къ практическимъ выгодамъ и цѣлямъ жизни.* Въ томъ и другомъ отношеніи, Философія равно подвергалась и подвергается нареканіямъ и осужденіямъ. Предающіеся Точнымъ Наукамъ отрицаютъ достоинство Философіи, какъ Науки; а тѣ, которые живутъ и дѣйствуютъ преимущественно для цѣлей практическихъ, отрицаютъ значеніе Философіи въ ея примѣненіи практическомъ.

Справедливы ли основанія такихъ взглядовъ на Философію, — это предметъ, разсмотрѣнію котораго я желаю посвятить теперь нѣсколько минутъ. Не думаю, чтобъ не выгодное о ней мнѣніе публики не имѣло никакихъ причинъ и побужденій; но твердо также увѣренъ, что Философія, понимаемая въ ея истинномъ смыслѣ, имѣетъ полное достоинство, какъ Наука, и самое высокое значеніе въ примѣненіи практическомъ. Чувствую, какъ трудно быть судьею въ этой тысячелѣтней тяжбѣ Философіи съ мнѣніемъ общественнымъ, но тѣмъ не менѣе сознаю внутреннюю потребность принять самое живое участіе въ судьбѣ ея.

Знаю, что слабый голосъ мой не можетъ противостать голосу многихъ; но тѣмъ не менѣе признаю справедливымъ — въ этомъ Святилищѣ Наукъ, гдѣ по волѣ Августѣйшаго Монарха созданъ притворъ и для Философіи — по возможности защищать ее отъ предубѣжденій и недоразумѣній.

I.

Тѣ, которымъ не нравится Философія, какъ Наука, не удовлетворяются ею, безъ сомнѣнія, потому, что она не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ Науки. И дѣйствительно: три должно быть существенныхъ принадлежности въ каждой Наукѣ, понимаемой въ истинномъ ея значеніи: во-первыхъ, *содержаніе*, раскрытіемъ и уясненіемъ котораго должна заниматься она; во вторыхъ, определенный *способъ воззрѣнія* на это содержаніе; и въ третьихъ та *форма*, въ которой она выражаетъ свои представленія и понятія о данномъ предметѣ. И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Философія равно представляетъ поводы къ осужденію.

1. Дѣло слишкомъ знакомое каждому, кто хотя сколько-нибудь занимается Науками, что каждая изъ нихъ должна имѣть содержаніе, и притомъ содержаніе *дѣйствительное*, *опредѣленное и ей одной принадлежащее*. Удовлетворяетъ ли Философія этимъ первымъ и непремѣннымъ требованіямъ Науки?

Содержаніе каждой Науки обыкновенно выражается въ ея опредѣленіи. Что жъ говорятъ намъ

о Философіи всѣ донынѣ извѣстныя намъ ея опредѣленія? Съ перваго взгляда представляется каждому, что прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ послужить въ пользу Философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя мысленно за философствующимъ человѣчествомъ — отъ перваго появленія Философіи до настоящихъ временъ — мы почти нигдѣ не найдемъ и двухъ самостоятельныхъ мыслителей, которые согласились бы между собою въ общемъ понятіи о Философіи. Каждый изъ нихъ смотритъ на вещи своимъ особеннымъ способомъ, и признавая прежніе взгляды на Философію недостаточными и нефилософскими, даетъ новое, нерѣдко совершенно противоположное прежнимъ понятіе о существѣ ея; но послѣдующій мудрецъ то же дѣлаетъ съ опытомъ предшественника, и въ свою очередь извѣдываетъ ту же судьбу въ потомствѣ.—Удивительно ли послѣ этого, что Скептики и противники Философіи отвергаютъ дѣйствительность ея содержанія? При мысли о томъ, что Философія, въ теченіе тысячелѣтій, не успѣла и донынѣ установить понятіе о содержаніи своемъ, что напротивъ она безпрерывно теряется въ самыхъ противорѣчащихъ взглядахъ на саму себя, — какъ не притти къ тому заключенію, что и никогда она не установитъ понятія о самой себѣ; что, по этому, предметъ философствованія зависитъ только отъ прихоти каждаго, есть не болѣе, какъ произвольная мечта празднаго ума, и что слѣдовательно содержаніе Философіи, собственно говоря, не есть содержаніе, годное для Науки?

И однакожь, мы не справедливо бы укоряли Философію въ недостаткахъ дѣйствительнаго содержанія, если бы остановились на этомъ первомъ, и довольно поспѣшномъ заключеніи. Наше сужденіе о ней было бы слишкомъ пристрастнымъ, если бы, по невѣрности опредѣленій Философіи, мы захотѣли дѣлать рѣшительное заключеніе о ничтожествѣ и произвольности ея содержанія, тогда какъ понятіе зависитъ отъ предмета, но предметъ не зависитъ отъ понятія. Еще и донынѣ Эстетики не согласились въ понятіяхъ объ Изящномъ и сущности Искусства: а между тѣмъ Изящныя Искусства и вѣрный эстетическій вкусъ уже издавна существуютъ и безъ понятій о нихъ. Еще и теперь спорятъ о верховномъ началѣ нравственности, о существѣ Религіи; а между тѣмъ добродѣтель и духъ благочестія не ждутъ, пока согласятся въ понятіяхъ о существѣ ихъ; напротивъ, самыя понятія эти слѣдуютъ за развитіемъ добродѣтели и благочестія. — Такъ точно и въ Философіи; ея существенное содержаніе вовсе не зависитъ отъ общегоднаго, окончательнаго опредѣленія; напротивъ, это опредѣленіе можетъ установиться только тогда, когда ея содержаніе будетъ развито по всѣмъ возможнымъ для него направленіямъ.

Въ чемъ же именно заключается это содержаніе Философіи? — Оно такъ близко къ намъ самимъ, что искать и находить его не стоитъ почти никакого труда: оно положено во глубинѣ нашего собственнаго духа. Гдѣ и когда ни развивалась бы Философія, какое направленіе ни принимала бы

она, подъ какимъ бы именемъ и опредѣленіемъ ни являлась,— всегда и вездѣ она трудится надъ однимъ и тѣмъ же великимъ дѣломъ. Раждаясь во глубинѣ человѣческаго духа, она хочетъ озарить его новымъ свѣтомъ вѣдѣнія — свѣтомъ отчетливѣйшей мысли, и для того покушается низойти до коренныхъ актовъ нашего сознанія, развить эту невещественную точку нашего бытія и преслѣдовать его по главнѣйшимъ путямъ его движенія. А сознаніе, какъ извѣстно, выступая изъ себя, ограничивается въ стремленіи своемъ чѣмъ-то стороннимъ, — предметами познанія; и, отражаясь отъ нихъ къ самому себѣ, поставляетъ себя центромъ, а всѣ прочіе предметы — окружностію познаванія; но эта окружность отражается въ нашемъ сознаніи только идеально, а не реально, потому что дѣйствительное бытіе вещей не зависитъ отъ нашего сознанія и познанія. Отъ того сознаніе первоначально полагаетъ также нѣчто выше себя и всего прочаго міра, нѣчто такое, въ чемъ нѣтъ центра и окружности, а единая безконечность, въ чемъ всякое вѣдѣніе и бытіе составляютъ одинъ предвѣчный способъ существованія и самое существо. Такимъ образомъ, въ перворазвивающемся сознаніи поставляется познающій себя духъ, ограничиваемый въ своемъ стремленіи предметами внѣшними, поставляется міръ внѣшній, опредѣляемый идеально сознающимъ духомъ, и сверхъ того признается существо ничѣмъ не ограничиваемое, высшее нашего познающаго духа и познаваемаго міра, — Богъ. Въ этихъ-то предметахъ сознанія Философія находитъ свое содержаніе, надъ раз-

витіемъ и уясненіемъ котораго должна трудиться непрестанно. Что внѣ этихъ предметовъ сознанія Философія не можетъ искать и находить для себя содержанія,—это само по себѣ ясно потому, что внѣ круга нашего сознанія нѣтъ и быть не можетъ для насъ никакого познанія. Что эти предметы Философія, хотя иногда безъ отчетливаго уразумѣнія, однако дѣйствительно, всегда и вездѣ, поставляла своимъ содержаніемъ, о томъ свидѣтельствуетъ намъ ея Исторія: были Философическія школы и системы, даже огромныя эпохи Философіи, въ которыя она обращала испытательный взоръ свой преимущественно на тотъ, или другой предметъ нашего сознанія, но и это для того только, чтобы послѣ перейти къ остальнымъ.

Эти предметы сознанія не суть только отвлеченности логическія. Человѣкъ, какъ лице свободно-дѣйствующее, внѣшняя Природа, и Причина причинъ, существуютъ безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительно. И слѣдовательно содержаніе Философіи есть самое *дѣйствительное содержаніе*; а не мечта празднаго духа.

Но послѣ этого тотчасъ скажутъ намъ: предметами сознанія не указывается ли на всю безпредѣльность сущаго, потому что, кромѣ сознающаго духа, сознаваемаго міра и Первопричины того и другаго, нѣтъ и быть не можетъ ничего болѣе? А если это справедливо, то содержаніе Философіи не есть ли нѣчто безграничное и *неопредѣленное* до того, что она сама не знаетъ, гдѣ и какъ взяться ей за предметъ свой?—Къ тому же,

всеобщность предметовъ уже распредѣлена по участкамъ между другими Науками, и слѣдовательно содержаніе Философіи не принадлежитъ ли, хотя по частямъ, другимъ Наукамъ такъ, что она пользуясь достояніемъ чужимъ, не можетъ уже имѣть никакой самостоятельности относительно предмета своего?

Мысль объ этой неопредѣленности Философіи —не безъ основанія. Всѣ другія Науки, не могши обнять однимъ взглядомъ совокупности предметовъ, раздробляютъ ихъ на части отдѣльныя и вставляютъ предметы свои въ рамы болѣе или менѣе тѣсныя и опредѣленныя; между тѣмъ Философія, расширяя область свою въ безпредѣльность, созерцаетъ все сущее, какъ бы заключеннымъ въ одной необъятной панорамѣ: и человѣка и человѣчество, и духа и вещество, жизнь и смерть, конечное и безпредѣльное, потому что обо всемъ этомъ можно философствовать,—все это должно быть проникнуто Философіею, оживлено, прояснено ею. И однакожъ, при самой безпредѣльности вещей, ей представляющихся, она умѣетъ опредѣлить и установить свое содержаніе, какъ непререкаемую собственность, обозначая его *существенную сторону*, и обращаясь къ *особенному источнику* для познанія своихъ предметовъ.

Содержаніе Философіи составляютъ существенные предметы нашего сознанія: слѣдовательно это содержаніе есть нѣчто непосредственно намъ данное, нѣчто, первоначально положенное въ природѣ нашего мыслящаго духа. Но въ природѣ мыслящаго духа нашего первоначально нѣтъ ничего, кромѣ

собственной его природы. Въ нашей мыслящей и познающей силѣ нѣтъ ничего первоначально, кромѣ всеобщихъ условій мышленія и познаванія, кромѣ тѣхъ законовъ, по которымъ мы понимаемъ всякое бытіе, кромѣ тѣхъ формъ единства и необходимости, которыя существенно принадлежатъ нашему самодѣятельному разуму. Какъ расположены предметы природы внѣшней, что совершалось въ жизни человѣчества, объ этомъ не извѣщаетъ насъ, сама по себѣ, наша разумная природа; но логическіе законы мышленія, чистыя предписанія права и обязанности, всеобщіе законы, которымъ подчиняется всякое бытіе въ Природѣ, высокія идеи Божества и жизни вѣчной, — это положено въ нашемъ собственномъ разумѣ, и каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ условія потребныя для того, чтобы дойти до уразумѣнія ихъ и самоубѣжденія въ нихъ: нужно только размышленіе, нужно развитіе того, что заключено въ насъ.

И такъ, не смотря на то, что взглядъ философическій простирается на все бытіе; что Философія, обнимая всѣ предметы вѣдѣнія, а съ ними вмѣстѣ и всѣ отдѣльныя Науки, по праву именуется *Наукою обо всемъ, Наукою Наукъ*; не смотря на это, она не поставляетъ содержаніемъ своимъ безконечнаго разнообразія вещей, которое не можетъ быть обнято никакимъ сознаніемъ конечнымъ; она не заключаетъ въ себѣ частнаго содержанія всѣхъ прочихъ Наукъ: такая Наука не возможна для людей; она противорѣчитъ природѣ человѣческаго познанія. Не разнообразныя явленія бытія, а только его общія формы, его законы

поставляетъ предметомъ своимъ Философія; она есть *Наука обо всемъ* только въ томъ отношеніи, что приводитъ къ сознанію законы и основанія всякаго бытія; она есть *Наука Наукъ* только потому, что содержитъ въ себѣ условія, начала и формы всякаго вѣдѣнія. Она исключаетъ изъ своей области все то, что въ частности можетъ быть подчиняемо общимъ законамъ и формамъ бытія; только эти *формы и законы составляютъ ея истинное содержаніе*, на которое не могутъ имѣть притязанія другія Науки.

Правда, и другія Науки не всегда ограничиваются однѣми частностями, а нерѣдко восходятъ къ законамъ общимъ, занимаются не столько самими вещами, сколько ихъ формою. Такъ напр. Естествознаніе не удовлетворяется несвязными явленіями, отдѣльными наблюденіями и опытами, какъ неполными и отрывочными отвѣтами Природы, а доискивается основаній наблюденіямъ и опытамъ, общихъ законовъ цѣлаго круга явленій. Но при всемъ томъ, общіе законы и формы, какъ ближайшее содержаніе Философіи, далеко отличны отъ всѣхъ другихъ законовъ и формъ, по самому *источнику*, изъ котораго почерпается познаніе объ нихъ. — Три есть источника непосредственнаго познаванія: *наглядность*, *чистое воззрѣніе* и *чистый разумъ* съ его идеями. Науки Естественныя почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ *наглядности*, обращаясь къ свойствамъ и дѣйствіямъ предметовъ; самые законы ихъ, для извѣстнаго рода явленій, суть не иное что, какъ сведеніе усмотрѣній къ единству посредствомъ простаго, эмпирическаго

синтеза; есть не болѣе, какъ обобщеніе наглядныхъ же частностей посредствомъ наведенія. Но всеобщіе законы бытія, разсматриваемые Философіею, не могутъ быть взяты отъ опыта, потому уже самому, что они всеобщи; ихъ *первоначально созерцаетъ* въ самомъ себѣ *нашъ разумъ*, какъ свою собственную природу; открываетъ ихъ не дѣйствіемъ синтеза, а анализа; не доходитъ до высочайшаго закона своего, закона единства, путемъ обобщенія частностей, а напротивъ, созерцая законъ единства въ самомъ себѣ, въ собственныхъ идеяхъ, и раздробляя его на части, отражаетъ его какъ бы въ раздробленныхъ лучахъ свѣта, въ различныхъ представленіяхъ: въ представленіи единства въ нашемъ познаніи, въ представленіяхъ объ одной истинѣ, одномъ мірѣ, одномъ основаніи всякаго бытія. — Болѣе сходства съ Философіею представляютъ намъ Науки Математическія, обращенныя къ формамъ единства. Математическія формы, построеваемыя въ чистомъ *воззрѣніи*, суть представленія пространства и времени, отвлеченныя отъ всякаго эмпирическаго содержанія; подъ эти формы подпадаетъ уже каждый чувственно воззрѣваемый предметъ, опредѣляясь по времени и пространству: слѣдовательно онѣ — какъ и общія формы разсматриваемыя въ Философіи — положены въ насъ прежде всякаго возбужденія внѣшняго и принадлежатъ самодѣятельности нашего духа. Но при этомъ сходствѣ тѣхъ и другихъ формъ есть между ими значительное различіе. Чистыя формы математическихъ воззрѣній принадлежатъ самодѣятельности духа *чувственной*,

потому что годятся только для предметовъ чувственныхъ; между тѣмъ какъ философическое познаніе возвѣщаетъ формы свои, какъ формы познанія вообще, и потому онѣ принадлежатъ самодѣятельности *разума*, отъ котораго отражаются первоначально въ нашемъ сознаніи. Отъ того, чистыя формы математическаго воззрѣнія, хотя также суть формы единства, по которымъ былевыя усмотрѣнія приводятся къ формамъ пространства и времени, — но формы *единства внѣшняго*, связующія разнообразіе наблюденій по внѣшнимъ отношеніямъ ихъ преемственности и послѣдовательности; а формы чистаго разума суть формы *внутренняго* единства, опредѣляющія собою внутреннія отношенія всѣхъ вещей.

Философія, почерпающая познаніе всеобщихъ законовъ и формъ бытія изъ самодѣятельности нашего разума, изъ его идей, конечно, не отвергаетъ участія и низшихъ силъ души: всѣ онѣ приносятъ дань Философіи, всѣ хотятъ быть органомъ ея вѣщаній. Память предлагаетъ ей сокровища мудрости, которыя философствующіе умы различныхъ временъ и мѣстъ завѣщали потомству; чувство представляетъ ей необъятное разнообразіе Природы и явленій нашего собственнаго, внутренняго міра; разсудокъ зиждетъ для нея новый міръ мыслей, сводящій все разнообразіе явленій къ двумъ главнымъ началамъ — веществу и духу. Но все это для того только, чтобъ разумъ озарилъ этотъ двусторонній міръ, съ его разнообразіемъ, своимъ высшимъ свѣтомъ идей, и внесъ въ него жизнь, единство, гармонію. За то,

ни одна низшая сила духа, сама по себѣ, не имѣетъ особеннаго значенія для Философіи. Какъ бы ни обширна была память, но она можетъ обнимать только прошедшее, а не настоящее и будущее. Какъ бы ни простравенъ былъ кругъ дѣятельности нашихъ чувствъ, вооруженныхъ даже всѣми пособіями Искусства, все еще этотъ кругъ будетъ слишкомъ малъ и ограниченъ въ безпредѣльномъ кругѣ Природы. Какъ бы ни высоко было зданіе понятій, построеваемыхъ разсудкомъ, а все еще оно не достигнетъ до Неба, до того единаго Всесущественнаго, въ которомъ заключено все. Философія требуетъ непреходящаго, вѣчнаго: а вѣчное отражается только въ идеяхъ; Философія требуетъ неограниченнаго, безпредѣльнаго: а безпредѣльное отражается въ идеяхъ же; Философія требуетъ неизмѣняемаго, существеннаго: а существенное отражается также въ идеяхъ. Міръ идей есть родина Философіи. Тамъ зараждается она; оттуда черпаетъ свои силы и является въ міръ дольный, какъ провозвѣстница горняго.

2. Но это происхожденіе Философіи изъ высшей области духа, изъ области самодѣятельнаго разума, и потому самый *способъ ея воззрѣнія* на вещи, ея взглядъ, возвышающійся надъ обыкновенною сферою опыта, издавна были предметомъ укоризнъ ей, какъ Науки. — Правда, нынѣ уже никто не отвергаетъ умозрѣнія, какъ вещи вовсе небывалой; въ наше время, послѣ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій человѣческаго духа, произведенныхъ преимущественно Кантомъ и замѣчательнѣйшими его послѣдователями, не льзя уже

найти почти ни одного человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ настоящимъ состояніемъ Наукъ, который съ жаромъ и убѣжденіемъ захотѣлъ бы еще защищать основанія эмпиризма въ томъ видѣ и съ такою исключительностію, какъ нѣкогда онъ былъ развитъ Локкомъ и его послѣдователями въ XVIII столѣтіи, во Франціи. Но и теперь, не отвергая психической возможности умозрѣнія, по большей части, даютъ рѣшительное предъ нимъ предпочтеніе наглядному, эмпирическому познанію; и теперь, и преимущественно теперь, сдѣлалась едва не общимъ мнѣніемъ та мысль, что только *опытъ даетъ намъ отчетливое и полное знаніе*, а *умозрѣніе не ведетъ насъ ни къ чему положительному и опредѣленному*; что только массѣ *эмпирическихъ и историческихъ свѣдѣній принадлежитъ основательность и вѣрность*, а всякій *взглядъ на предметы*, направляемый *по высшимъ началамъ* есть *поверхностное и произвольное умничанье*, которое можно терпѣть, какъ безвредную игру празднаго духа, но которое не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на образованіе Науки. Съ этой-то точки зрѣнія, одностороннимъ эмпирикамъ и Историкамъ Философія является чѣмъ-то слишкомъ бѣднымъ и ненадежнымъ. Отсюда-то происходятъ жалобы на сухія *отвлеченности* и пустой *формализмъ Философіи*; отсюдажъ и то желаніе многихъ, чтобъ Философія обращалась не къ утонченностямъ разсудка, а къ простому, *общему смыслу* человѣчества, прямо и ясно постигающему истину; желаніе, чтобъ Философія почерпала свои свѣ-

дѣнія не изъ безжизненныхъ взглядовъ умозрѣнія, а изъ *силы чувства*, какъ живаго и непосредственнаго источника всякаго вѣдѣнія.

Это понятіе о годности опыта и зыбкости умозрѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ о ничтожествѣ философическаго взгляда на предметы, весьма натурально можетъ возникать въ духѣ человѣка отъ того, что сторона чувствъ нашихъ гораздо больше развита въ насъ, чѣмъ высшая сторона духа. Чувства наши представляютъ собою высочайшее развитіе земной природы, и сильно и непосредственно поражаются явленіями и качествами міра внѣшняго, потому уже самому, что они для нихъ родныя. Между тѣмъ духъ нашъ есть только младенецъ въ мірѣ духовномъ; онъ стоитъ еще на первой, самой низшей ступени самосознанія, въ неизмѣримой лѣстницѣ существъ разумныхъ. Удивительно ли послѣ этого, что сфера опыта, въ которой живемъ мы всѣми нашими чувствами, кажется намъ столь ясною и опредѣлительною, а область, собственно духу принадлежащая, область его высшаго разумѣнія, кажется столь туманною и неопредѣленною? — Но не смотря на все это, понятіе объ исключительной цѣнности опыта, при всей многочисленности голосовъ въ его пользу, есть взглядъ односторонній и ограниченный. — Основаніе умозрѣнія положено во внутреннѣйшемъ существѣ нашего духа, такъ же точно, какъ и основаніе эмпиріи. Духъ человѣческій не безусловно дѣятеленъ въ своемъ мышленіи и познаваніи; онъ связанъ отношеніями чувственными, требуетъ возбужденія извнѣ; но съ другой стороны, онъ не

есть способность только страдательная, только воспріемлющая и чувствующая: въ немъ самомъ первоначально положены чистыя формы и законы, по которымъ единственно онъ можетъ и долженъ дѣйствовать и при которыхъ онъ дѣйствуетъ самостоятельно, потому что направляетъ свою дѣятельность по законамъ и формамъ, только ему одному существенно принадлежащимъ. Внѣшнее возбужденіе нашихъ чувствъ при наглядномъ усмотрѣніи вноситъ въ нашу душу предметность, которую мы воспринимаемъ въ нашемъ познаніи, какъ представленія о вещахъ, и слѣдовательно изъ нагляднаго усмотрѣнія дается намъ всякое содержаніе, всякая дѣйствительность, всѣ были нашего познанія. Но съ другой стороны, вѣчные законы разумѣнія, законы единства и необходимости, какъ формы, въ которыя должно быть отлито чувственно-воспріятое содержаніе нашего познанія, какъ условія, при которыхъ вообще возможно для насъ познаніе дѣйствительнаго, — эти законы хранятся только въ нашемъ духѣ. И такъ, въ нашей чувствуемости и воспріемлемости дается только содержаніе, а изъ глубины духа нашего почерпается форма; въ опытѣ — дѣйствительность, въ умозрѣніи — необходимость; тамъ были, здѣсь законы; тамъ разнообразіе, здѣсь единство. — Вотъ причина, по крайней мѣрѣ, совершенно *равной цѣнности опыта и умозрѣнія*, и вмѣстѣ ихъ недостаточности въ ихъ разлученіи; здѣсь же сокрыта причина вѣчной борьбы между безформенною наглядностію и безсодержа-

тельною идеальностію, и вмѣстѣ — основаніе потребности ихъ единства!

И точно, опытъ и умозрѣніе, какъ содержаніе и форма, равно необходимы для полноты и отчетливости нашего вѣдѣнія. Опытъ безъ умозрѣнія есть только мертвая, безпорядочная громада однѣхъ особенностей и былей, равно какъ умозрѣніе безъ опыта есть не болѣе, какъ пустая форма единства и законъ необходимости безъ разнообразнаго содержанія и дѣйствительности. Самое полное, доконченное познаніе состоялось бы тогда, когда по всѣмъ отношеніямъ опредѣлились бы: содержаніе формою, дѣйствительность необходимостію, были закономъ, разнообразіе единствомъ. Правда, это единство формы и содержанія для насъ остается только желаннымъ, но недостижимымъ идеаломъ, потому что неисчетное богатство познаваемаго содержанія никогда не можетъ быть исчерпано опытомъ, а отъ того и первоначальная форма разумѣнія не можетъ быть наполнена всецѣло, и закону необходимости, въ насъ положенному, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительность. По крайней мѣрѣ, чѣмъ многостороннѣе и богаче будетъ опытъ, тѣмъ вѣрнѣе и выше можетъ возноситься въ своихъ отвлеченностяхъ мыслящій разсудокъ и тѣмъ болѣе можетъ приближаться къ высочайшему единству разума. И на оборотъ, чѣмъ больше удалось умозрѣнію сознать высочайшій законъ единства, чѣмъ обширнѣе его начала и общѣе законы, тѣмъ полнѣе будетъ взглядъ его на разнообразіе опыта, тѣмъ яснѣе и глубже проникнетъ онъ во внутреннюю

связь его былей. А при такомъ отношеніи между идеальностію и опытностію, если шатки и неудачны должны быть попытки умозрѣнія, — когда оно, пренебрегая опытомъ, заключается въ собственной, чисто-идеальной сферѣ, и вмѣсто того, чтобъ прилагать только свои законы и формы къ данному (изъ опыта) содержанію, само покушается творить были и построевать содержаніе: то, съ другой стороны, вовсе неосновательны и во всѣхъ отношеніяхъ несправедливы притязанія эмпиріи, когда она, признавая умозрѣніе не ведущимъ ни къ чему, думаетъ, что въ самой себѣ можетъ найти отчетливость и полноту знанія, и потому или совершенно отвергаетъ годность законовъ и формъ разума, или надѣется произвесть ихъ изъ опыта.

Вмѣстѣ съ этимъ, сама собою открывается *односторонность* столь усилившагося теперь *мнѣнія, будто основательность и вѣрность Науки принадлежитъ только массѣ опытныхъ и историческихъ свѣдѣній* — этому набору отдѣльныхъ фактовъ; а *Философія* съ ея высшими началами и взглядами есть только *пустое умничанье*, ничтожная отвлеченность, не имѣющая никакого истиннаго вліянія на образованіе Науки. Основательность Науки не заключается въ простомъ накопленіи фактовъ, а состоитъ въ единствѣ и органической связи нашихъ познаній; но этой связи, этого единства ни чуть не даетъ намъ опытъ; все это можетъ быть почерпаемо только изъ умозрѣнія, изъ Философіи. Относительная вѣрность Науки зависитъ отъ степени

уразумѣнія въ ней истины, дѣйствительности. Но уже въ первоначальныхъ и дробныхъ актахъ наблюденія и опыта открывается недостаточность эмпиріи и болѣе или менѣе явное участіе въ нихъ разума. Такъ въ самыя обыкновенныя понятія, въ понятіе напримѣръ о растеніи, уже привносятся понятія предъопытныя — математическія формы пространства и времени и метафизическія понятія о сущности, основобытія (субстанціи), причинности и взаимодѣйствія. Тѣмъ менѣе можетъ эмпирія, сама по себѣ, въ цѣломъ и огромномъ удовлетворить истиннымъ требованіямъ Науки и простымъ только наблюденіемъ дознать истину и дѣйствительность бытія. Истина и дѣйствительность Природы, уже ли это есть несвязная масса отдѣльныхъ вещей, которая дается намъ простымъ усмотрѣніемъ и наблюденіемъ, а не внутреннее, органическое сведеніе особей въ одно великое цѣлое, и слѣдовательно не то, что дознается нами собственно изъ Философіи, изъ всеобщихъ формъ и законовъ единства? Равнымъ образомъ, истина и дѣйствительность Исторіи уже ли заключается единственно въ хронологической послѣдовательности событій и сказаній; напротивъ, не во внутренней ли прагматической связи частностей, не въ живоносныхъ ли идеяхъ, движущихъ событіями Исторіи, состоитъ эта истина, и притомъ та глубокая истина, которой не можетъ открыть намъ ни опытъ, ни историческая многоученость, а только одно философствующее размышленіе? Еслижъ самая эмпирія обнимаетъ частные предметы въ

ихъ цѣлости и единствѣ, и потому пользуется всеобщими законами разума, хотя безъ отчетливаго о томъ сознанія и безъ методическаго пріема, то какъ обвинять намъ въ ничтожествѣ отвлеченностей и пустотѣ умствованій Философію, когда она, для того, чтобъ чище сознать всеобщія понятія и законы единства и потомъ съ отчетливѣйшимъ сознаніемъ и надежнѣйшимъ методомъ вновь приложить ихъ къ частностямъ, предварительно отвлекаетъ эти понятія и законы отъ ихъ разнообразнаго содержанія? Не должна ли, напротивъ того, эмпирія почерпать въ этихъ отвлеченностяхъ и основательность своей наглядности и вѣрность высшей дѣйствительности и истины?

Конечно, нападенія *на пустой формализмъ* Философіи и *ничтожность ея отвлеченностей* иногда бываютъ и справедливы, потому что отвлеченное мышленіе, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, нерѣдко отторгалось отъ своего содержанія, какъ эмпирическаго, такъ и идеальнаго, и покушаясь само собою творить истину изъ своихъ всеобщихъ понятій, терялось въ фантастическихъ, воздушныхъ построеніяхъ. Но нападенія, въ этомъ случаѣ, на отвлеченности философическія должны касаться не самаго существа ихъ, а только ихъ злоупотребленія въ Философіи: по существу своему, онѣ не суть уродливые плоды напряженнаго мышленія; сами по себѣ, въ своемъ истинномъ видѣ, онѣ имѣютъ высокое достоинство. Мы довѣряемъ собственно этимъ только отвлеченностямъ, которыя такъ осуждаемъ; мы

вѣримъ только имъ, ихъ только понимаемъ, въ нихъ и посредствомъ ихъ разумѣемъ все прочее. И это очень ясно. Наши слова суть выраженія нашихъ понятій, а всѣ наши понятія суть отвлеченности: и, слѣдовательно, все наше мышленіе и наша рѣчь есть отвлеченность. Безъ отвлеченностей мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу въ познаніи, самомъ по видимому простомъ и обыкновенномъ; такъ напр. безъ отвлеченностей мы не можемъ имѣть познанія о числѣ. Въ Природѣ нѣтъ числа; здѣсь только одинъ, одинъ, одинъ, а совокупленіе въ числа, это отвлеченность. Скажутъ, что отвлеченныя представленія всеобщаго сами не имѣютъ никакой дѣйствительности; что всеобщія понятія о родѣ, качествахъ, отношеніяхъ сами по себѣ пусты, потому что это суть только формы, въ которыхъ мыслимъ о бытіи дѣйствительномъ, которое принадлежитъ только частностямъ. Но и въ этомъ случаѣ нельзя назвать отвлеченностей *пустою формальностію*, сухимъ, безжизненнымъ остовомъ мышленія; и въ этомъ случаѣ не теряютъ онѣ значенія въ познаніи дѣйствительности, потому что онѣ не суть произвольныя порожденія мыслящаго разсудка; онѣ извлекаются изъ частнаго, дѣйствительнаго бытія, а потому и указываютъ всегда на дѣйствительное бытіе, изъ котораго почерпнуты духомъ.

Еслиже философическое умозрѣніе съ его отвлеченностями не есть пустая, изысканно-напряженная игра мыслей; если въ самыхъ отвлеченностяхъ есть жизнь, есть дѣйствительность:

то излишни заботы тѣхъ, которые, желая избавить Философію отъ отвлеченностей, какъ будто недуга, ее удручающаго, отсылаютъ ее къ *здравому человѣческому смыслу* и къ *силѣ живаго, непосредственнаго чувства*. Конечно, Философія, по возможности, должна жить въ мирѣ и согласіи съ такъ-называемымъ здравымъ человѣческимъ смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ. Есть, неоспоримо есть въ человѣческомъ духѣ голосъ, который прямо и безъискуственно возвѣщаетъ намъ объ истинномъ, правомъ и прекрасномъ, и который слышится то изъ чувства, то изъ общаго смысла. Таковъ практическій тактъ, эстетическій вкусъ, таково религіозное чувство. И Философія не права, если равнодушно отвращается отъ внушеній этого голоса, или легкомысленно противорѣчитъ ему тогда, какъ его внушенія вѣрнѣе привели бъ ее къ истинѣ, чѣмъ самое высокое искусство умозрѣнія. Она виновна, когда до того удаляетъ область свою отъ области общаго человѣческаго смысла, что поставляетъ славу свою въ явномъ противорѣчіи представленіямъ его, какъ это мы видимъ въ Философіи Гегеля, который выражается объ этомъ такъ: «Философія только чрезъ то становится «Философіею, что *она прямо противоположна* «разсудку, а еще болѣе — такъ-называемому *здра*«*вому человѣческому смыслу*, подъ которымъ «разумѣется временная и мѣстная ограниченность «человѣческаго рода; въ отношеніи къ этому «смыслу, міръ Философіи, *въ себѣ и для себя*, «есть міръ на изнанку.» (Krit. Journal. d. Phil. B.

1, S. XVII). При таковомъ отторженіи Философіи отъ здраваго человѣческаго смысла и рѣшительномъ противопостановленіи ему своихъ понятій, она легко можетъ запутаться въ неестественныхъ хитросплетеніяхъ мышленія, въ напряженной, изысканной діалектикѣ: и однакожь, при всемъ этомъ, такъ-называемый здравый смыслъ человѣческій не можетъ быть ни источникомъ, ни показателемъ философическихъ истинъ. То, что въ обыкновенной жизни называютъ естественнымъ и особенно здравымъ смысломъ, часто вовсе бываетъ чуждо естественности и здравомыслія. По большей части, это есть не иное что, какъ общее мнѣніе, случайно образовавшееся въ теченіе разновременныхъ обстоятельствъ, есть пестрая смѣсь устарѣвшихъ понятій, предразсудковъ, любимыхъ взглядовъ, безъ внутренняго единства. Ктожь захотѣлъ бы искать истины въ этомъ безвидномъ и безсодержательномъ сплетеніи случайныхъ обстоятельствъ, въ этомъ хаосѣ безпорядочныхъ, мимолетныхъ мнѣній, а не въ стройномъ мышленіи философическомъ? Кто захотѣлъ бы право суда и приговора въ дѣлѣ философствованія уступить этому нестройному сліянію голосовъ различныхъ мѣстъ и временъ? Развѣ предаться прихотливому теченію мнѣній безсознательной толпы значитъ лучше и вѣрнѣе стремиться къ цѣли, къ познанію истины, чѣмъ при самостоятельномъ, всеиспытующемъ философствованіи? Истинно-здравый человѣческій смыслъ есть часто совсѣмъ не то, что въ обыкновенной жизни привыкли называть этимъ именемъ. Это

не есть поверхностно-образованное размышленіе, избѣгающее глубины идеальнаго взгляда на міръ и обращенное къ общимъ мѣстамъ сужденій; это не есть мелкость и безъидейность мышленія, такъ часто пользующаяся почтеннымъ титломъ ясности и натуральности; здравый смыслъ только тотъ, который самостоятельно развивается и движется по законамъ своей собственной природы и слѣдовательно по законамъ Философіи, очищаемымъ Наукою отъ мнѣній прихотливой моды, отъ господствующихъ предразсудковъ и застарѣвшаго суевѣрія.

Болѣе участія въ философствованіи можно бы предоставить *живому чувству*; оно важно и драгоцѣнно для человѣка: это есть благодатный вѣстникъ того, до чего еще не дошли мы нашимъ познаніемъ, и вмѣстѣ хранитель того, что такъ легко мы можемъ потерять въ самомъ познаніи. Важныя и священныя для рода человѣческаго истины, каковы: бытіе Бога, безсмертіе души, нравственныя предписанія, — эти истины возвѣщаются намъ въ живомъ чувствѣ гораздо прежде, чѣмъ успѣемъ познать ихъ разсудкомъ и убѣдиться въ нихъ логически. Простой, необразованный человѣкъ, только съ чувствомъ уже раскрытымъ, не нуждается въ доказательствахъ бытія Божія, безсмертія души, нравственныхъ требованій; все это онъ слышитъ въ собственномъ духѣ, въ святилищѣ чувства, и слышитъ такъ внятно, что никакія ухищренія софизмовъ не могутъ поколебать его твердой увѣренности. Есть эпоха въ человѣческой жизни, критическая эпоха, когда

развивается нашъ діалектическій разсудокъ, и развивается односторонно, такъ что беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми силами духа. Тогда возбуждается въ насъ тяжкая тревога духа, ложатся на душу, какъ мрачныя тѣни, сомнѣнія обо всемъ. Тогда вопрошаетъ человѣкъ и о томъ, есть ли Богъ, точно ли душа наша безсмертна и что такое требованія нравственныя? Въ эти-то бѣдственныя минуты тревожнаго скептицизма, когда все вокругъ насъ, надъ нами и въ насъ самихъ колеблется и готово обрушиться, въ эти-то минуты одно чувство истины остается вѣрнымъ хранителемъ ея. Оно оскорбляется этимъ оскорбленіемъ истины, и съ презрѣніемъ отвергаетъ эти обидные вопросы холодно-логическаго разсудка. Но не смотря на эти безцѣнныя услуги живаго чувства живой истинѣ; не смотря на то, что Философія никогда не можетъ итти безнаказанно вопреки ясному и непререкаемому чувству; не смотря на все это, и оно не можетъ быть ни судьею, ни органомъ философствованія. Только рѣдко оно бываетъ чистымъ и здоровымъ чувствомъ, въ которомъ вѣрно отсвѣчивается обликъ истины, особенно въ чертахъ ея подробныхъ; и эта глубина нашего духа, наше чувство, нерѣдко возмущается движеніемъ страстей. И не только болѣзненное, но и здоровое чувство, какъ чувство, не можетъ быть органомъ Философіи. Правда, содержаніе ея, тускло отражающееся изъ выспреннихъ идей разума въ сознаніе, первоначально воспріемлется здѣсь не мышленіемъ, не отчетливымъ сосвѣдѣніемъ, а единственно чувствомъ. И

каждый человѣкъ, образованный и необразованный, не только воспринимаетъ въ чувствѣ возможное содержаніе Философіи, но и пользуется имъ по чувству. Такъ каждый человѣкъ съ здравымъ смысломъ мыслитъ по законамъ Логики, еще не сознавая ихъ; каждый человѣкъ обсуживаетъ явленія Природы по всеобщимъ законамъ ея, каждый чувствуетъ и дѣйствуетъ по непремѣннымъ законамъ долга, еще не приведши этихъ законовъ къ уразумѣнію. Такимъ образомъ, и все доступное познанію философическому уже непосредственно присуще человѣку въ его чувствѣ: но все это содержаніе, пока возвѣщается въ одномъ чувствѣ, какъ первоначальномъ органѣ неразвитаго сознанія, положено въ такой глубинѣ духа, гдѣ является оно еще безвиднымъ и неопредѣленнымъ; въ чувствѣ все дается намъ первоначально, но дается въ смѣшенномъ, темномъ, безразличномъ синтезѣ. Между тѣмъ совершенно иное дѣло — только чувствовать что-либо, и понимать это; совершенно иное дѣло — имѣть только познаніе о чемъ-либо, и сознавать это самое познаніе съ отчетливостію; а познаніе философическое потому и становится философическимъ, что оно ничего не полагаетъ непосредственно, а все хочетъ знать съ отчетливымъ знаніемъ.

Если же есть въ нашемъ чувствѣ начатки возможнаго разумнаго вѣдѣнія, еще темные, завитые, то должна быть въ насъ и *особенная способность* развивать, раскрывать эти начатки. Что же это за способность, и какъ она разъяснитъ то, что всѣмъ и каждому возвѣщается чувствомъ? Она

пробуждается въ насъ тогда, когда сознаніе, выступая изъ неопредѣленнаго, смѣшаннаго чувства, обращаетъ взоръ свой и къ самому себѣ; когда сознаніе, единичное само по себѣ, какъ бы раздвояется, становится вопрошающимъ и вопрошаемымъ, живымъ зеркаломъ истины и дѣятельною силою, глядящеюся въ него. Это обращеніе сознанія къ себѣ самому, это свободное самовладѣніе его есть внутреннѣйшее самовниканіе, есть въ собственномъ смыслѣ философическое размышленіе (рефлексъ), какъ особенное дѣйствіе *разсудка*, который, по этому самому, есть надлежащій *органъ философическаго познанія*. Философическое размышленіе разсудка, какъ чистое мышленіе, какъ произвольно воспроизводящееся движеніе его, не даетъ въ философствованіи никакого содержанія, а только овладѣваетъ тѣмъ содержаніемъ, которое изъ области разума первоначально отражается въ акты сознанія, но сначала воспринимается темнымъ, безотчетнымъ чувствомъ. Самовникающій разсудокъ есть какъ бы внутреннее око нашего духа, созерцающее отраженіе высшихъ идей въ простомъ сознаніи, есть внутренній, духовный Химикъ, анализирующій то, что возвѣщается намъ чувствомъ въ его темномъ, смѣшанномъ синтезѣ. Какъ Химикъ разлагаетъ данную массу на составныя части ея, и чрезъ это разложеніе достигаетъ напослѣдокъ до простѣйшихъ элементовъ тѣлъ: такъ самовникающій разсудокъ дробитъ на части наши смѣшенныя представленія, и путемъ анализа поступая все далѣе и далѣе, отъ единаго къ многому, отъ сложнаго къ простому,

достигаетъ наконецъ до простѣйшихъ, основныхъ элементовъ познанія; а какъ только однажды овладѣли мы этими простѣйшими элементами, то наше мышленіе отъ пріемовъ разложенія переходитъ тотчасъ къ дѣйствію возсозиданія, вновь строитъ составное изъ простаго и чрезъ то ограничиваетъ разложеніе построеніемъ, анализъ —синтезомъ. Такимъ образомъ, наше философствующее размышленіе, дѣйствіемъ построенія, приводитъ насъ къ тѣмъ же предметамъ познанія, отъ которыхъ мы выступили въ немъ, но только эти предметы примыкаютъ тогда къ цѣлой системѣ нашихъ познаній, и являются намъ въ синтезѣ новомъ, окруженномъ высшимъ свѣтомъ вѣдѣнія, свѣтомъ отчетливаго, сознательнаго вѣдѣнія. Тогда-то усматриваемъ мы то, чего прежде и не подозрѣвали въ себѣ,—узнаемъ, что̀ прежде только чувствовали, воспринимаемъ мыслію свободно, что̀ прежде представлялось намъ невольно, сознаемъ ясно, что̀ представлялось намъ темно, познаемъ вдвойнѣ, познаемъ философически, что̀ знали прежде просто, фактически.

Но и разсудокъ, какъ органъ философствованія, по видимому, не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Самодѣятельный разумъ, какъ источникъ философическаго вѣдѣнія, со стороны его *содержанія*, всегда и вездѣ единиченъ, самъ съ собою согласенъ и неизмѣнчивъ по существу своему. Во внутреннемъ святилищѣ его мирно и незыблемо покоится высшренняя идея истиннаго, какъ неисчерпаемая полнота вѣдѣнія, какое только доступно для человѣчества. Не то бываетъ въ разсудкѣ,

какъ источникѣ философскаго познанія, со стороны его *формы*. Это есть дѣятельность духа въ высшей степени *произвольная*. Подвергая своему изслѣдованію идеи разума, его чистые законы и формы бытія, но не могши обнять полноты ихъ своимъ тѣснымъ, ограниченнымъ взглядомъ, разсудокъ раздробляетъ ихъ на части и по произволу видоизмѣняетъ и преобразуетъ ихъ: однѣ оставляетъ безъ вниманія, другія развиваетъ; то соединяетъ ихъ, то разлучаетъ; то разлагаетъ ихъ, то приводитъ къ цѣлости; восходитъ отъ простаго къ сложному, нисходитъ отъ единаго къ разнообразному; отвлекаетъ отъ частнаго, сравниваетъ общее. А при этомъ *способѣ* (рефлективнаго) *воззрѣнія* на содержаніе Философіи, какой плодъ философствованія представляется намъ въ ея Исторіи? Пестрая смѣсь разнообразныхъ понятій и ученій, вѣчное столкновеніе и борьба философическихъ школъ, быстрое чередованіе и прохожденіе философическихъ системъ! Печально это зрѣлище, представляемое намъ философствующимъ мышленіемъ въ Исторіи Философіи, и вмѣстѣ это есть самое сильное побужденіе противникамъ Философіи къ ея осужденію. Каждая Наука должна быть единична, сама съ собою согласна, тверда и постоянна; а между тѣмъ Философія,— говорятъ намъ ея противники,— ни на одинъ шагъ не приблизилась къ этой цѣли. И нынѣ, какъ издавна, въ области Философіи господствуетъ самое необыкновенное разнообразіе взглядовъ и понятій; и донынѣ спорятъ въ ней, какъ спорили издавна, не только о неважныхъ и

несущественныхъ сторонахъ вѣдѣнія, но и о высочайшихъ началахъ человѣческаго познанія; и нынѣ философическія системы то являются, то исчезаютъ, какъ то было издревле. И теперь, съ дальнѣйшимъ поступленіемъ философическаго умозрѣнія, *различіе взглядовъ* сдѣлалось даже разнообразнѣе и пестрѣе, *противорѣчіе мнѣній* еще глубже и рѣзче, *упадокъ и прехожденіе системъ* еще чаще и быстрѣе.

При этихъ обвиненіяхъ философствующей мысли, а потому и самой Философіи, что остается дѣлать намъ? Опровергать эти обвиненія, сдѣлавшіяся теперь едва не общимъ мнѣніемъ? Но въ подтвержденіе ихъ представляются тысячелѣтніе факты. Отказаться отъ философствованія, какъ попытки духа, слишкомъ неудачной? Но это значило бы заключиться въ тѣсный кругъ безотчетнаго чувства, и навсегда подавить въ себѣ столь естественное намъ стремленіе къ высшему, сознательному вѣдѣнію. Отвергнуть въ Философіи такъ называемое рефлективное мышленіе, — самовниканіе, какъ орудіе, рѣшительно для нея непригодное? Но это значитъ отвергнуть всю Философію, которая безъ него не можетъ и существовать. По крайней мѣрѣ, осуждать этотъ способъ мышленія, какъ самую слабую и ненадежную сторону нашего познаванія? Но это значило бы уже отказаться отъ самовникающей мысли, которая въ самой себѣ находитъ оправданіе своихъ дѣйствій, какъ важныхъ для нашего любознательнаго духа, при всемъ томъ, что съ перваго взгляда они могутъ показаться ничтожными и жалкими.

Содержаніе Философіи, первоначально сообщаемое намъ въ синтезѣ темномъ, необъятно въ своемъ разливѣ и богато началами, самыми разнообразными. Чтобы развить и уяснить его, хотя сколько-нибудь, надобно не только раздробить его на части, но и преслѣдовать каждую изъ нихъ порознь до самыхъ дробныхъ ея отношеній: слѣдовательно по самой многочисленности и разнородности началъ, сюда входящихъ, философическое размышленіе можетъ и должно смотрѣть преимущественно или на одно, или на другое изъ нихъ; слѣдовательно измѣнять свою точку зрѣнія на нихъ; слѣдовательно соединять и развивать ихъ въ различныхъ направленіяхъ и формахъ, а вмѣстѣ съ этимъ и самой Философіи давать различныя направленія, выражать ее въ различныхъ формахъ, представлять ее подъ различными наименованіями, потому что каждый особенный образъ воззрѣнія на то, или другое начало философическаго содержанія, развиваемое до послѣднихъ ея предѣловъ и приведенное въ Науку, даетъ особенную систему, образуетъ отдѣльную школу философскую. И такъ, то дивное *разнообразіе Философіи*, какое представляется намъ въ ея Исторіи, не только *не должно служить къ ея осужденію* и укоризнѣ, а напротивъ того, еще должно говорить намъ въ ея пользу. И Природа вещественная роскошно разливается, какъ бы въ богатствѣ изображенія, въ безчисленныхъ формахъ и явленіяхъ, и только этимъ выражаетъ необъятную, не оскудѣвающую идею своей внутренней жизни. Такъ и философическое размышленіе, испытывая всѣ возможныя

точки воззрѣнія на предметъ свой и проявляясь во всевозможныхъ формахъ Науки, только этимъ, мало по малу, выражаетъ внутреннее, неисчерпаемое богатство Философіи, и слѣдовательно чѣмъ многочисленнѣе взгляды философствующаго ума, чѣмъ разнообразнѣе философическія системы, тѣмъ разностороннѣе объемлется самая идея Философіи, тѣмъ полнѣе и глубже обозначается ея недовѣдомое существо.

Самая даже *противоположность и борьба* философическихъ системъ имѣетъ глубокое основаніе въ человѣческомъ духѣ и высокое значеніе въ ходѣ его развитія. Въ силѣ чувства, непосредственно открывающей намъ существенныя истины, нѣтъ между ими ни противоположностей, ни борьбы; у людей съ счастливѣйшею настроенностію природы, чувство это можетъ открываться явственнѣе и сильнѣе; но, кромѣ большей, или меньшей степени энергіи, оно однимъ и тѣмъ же способомъ раскрывается у всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ что его тождество у всѣхъ людей составляетъ тождество человѣческаго рода. Отъ того существенныя истины, въ своей первоначальной формѣ, формѣ чувства, повсюду однѣ и тѣ же. Это, можно сказать, золотой вѣкъ мысли. Но какъ только эти истины воспринимаются отчетливымъ сознаніемъ, то между ими непремѣнно открывается противоположность и борьба, потому что противоположность и борьба составляютъ существо самаго сознанія нашего. Въ нашемъ сознаніи, при его развитіи, представляется намъ познающій духъ нашъ и міръ познаваемый; но первое суще-

ственное отношеніе между ими есть именно отношеніе борьбы и противоположности. Тогда какъ внѣшній міръ вноситъ въ душу свои впечатлѣнія, впечатлѣнія напр. звуковъ, свѣта, холода, онъ ограничиваетъ ими дѣятельность нашего духа, полагаетъ ему предѣлъ, какъ нѣчто чуждое ему; и наоборотъ, духъ, овладѣвъ этими впечатлѣніями, преобразуетъ ихъ, опредѣляетъ ихъ, измѣняетъ въ представленія, понятія и т. д. Отъ того наше сознаніе есть зрѣлище вѣчной борьбы между духомъ познающимъ и міромъ познаваемымъ, такъ точно, какъ наша физическая жизнь есть не иное что, какъ борьба внутренняго начала жизни съ силами внѣшними, съ стихіями разрушительными. Духъ познающій борется съ міромъ познаваемымъ, какъ начало свободное съ началомъ несвободнымъ, какъ начало дѣйствующее съ началомъ, подлежащимъ дѣйствію. И эта борьба доходитъ до рѣшительной противоположности, до взаимнаго исключенія другъ другомъ, потому что тамъ, гдѣ есть духъ познающій, нѣтъ уже міра познаваемаго, и гдѣ этотъ міръ, тамъ именно нѣтъ познающаго духа: они совмѣстно быть не могутъ. Это какъ бы два противоположные полюса, или лучше сказать, центръ и окружность: духъ познающій — центръ, а предметы познаваемые — окружность; центръ и окружность, раздѣлившіеся изъ точки безразличія и дѣйствующіе взаимно другъ на друга. И однакожъ, при этой видимой враждѣ и исключительности, они необходимы другъ для друга, потому что каждое изъ нихъ поддерживается и развивается только другимъ. Отнимите отъ безпредѣльной

Природы, отъ этого необъятнаго *не-я* всякое сознающее *я*, тогда вся Природа будетъ безпредѣльною окружностію безъ центра; отнимите всякое *не-я* отъ сознающаго *я*, тогда погрузится оно въ самаго себя, въ невещественную точку безразличія и покоя. Такъ существенно необходимы въ сознаніи нашемъ противоположность и борьба между нашимъ духомъ и внѣшнимъ міромъ! — По поприще этой борьбы есть именно то самое поприще, на которомъ суждено дѣйствовать философствующей мысли. Отъ того, первоначальная противоположность и борьба сознанія, по непреложному свойству нашего духа, должна выражаться и выражается и во всемъ развитіи Философіи, какъ непреложный законъ самаго ея развитія. Обращаетъ ли философствующая мысль вниманіе свое непосредственно на самую противоположность первыхъ актовъ сознанія и развиваетъ ее въ Науку? Тогда воздвигаетъ она первую философическую систему, систему дуализма, которая все сущее раздробляетъ на двѣ великія, рѣзко противоположныя другъ другу части: духъ и вещество, разумное и неразумное, жизнь и смерть, добро и зло, и по этому сама въ себѣ носитъ сѣмена вражды и раздора. Останавливается ли наше вниманіе на которой нибудь одной изъ сторонъ нашего сознанія, развиваетъ исключительно явленія нашего духа, или внѣшняго міра? Въ первомъ случаѣ оно даетъ намъ систему раціонализма и идеализма; а въ послѣднемъ систему сенсуализма, или эмпиризма; но въ томъ и другомъ случаѣ оно разрушаетъ уже первое созданіе свое — дуализмъ, потому что до-

пускаетъ бытіе одного только начала, во всемъ видитъ или одинъ только духъ, или одно только вещество; и не только врагами дуализма являются идеализмъ и эмпиризмъ: они ратуютъ и другъ противъ друга, потому что это суть противоположности непримиримыя. Всматривается ли философствующая мысль ближе въ борьбу идеализма и эмпиризма и открываетъ обоюдныя ихъ слабости? Тогда воздвигаетъ она грозный скептицизмъ, который равно поражаетъ основанія какъ раціонализма, такъ и сенсуализма, и не только основанія этихъ противоположныхъ системъ, но и достовѣрность всякаго познанія человѣческаго. Остается ли скептицизмъ одинъ, какъ духъ разрушитель, на печально-опустошенномъ поприщѣ сознанія: тогда философствующая мысль ищетъ убѣжища у того самаго чувства, которому первоначально ввѣрены всѣ существенныя истины, и переводя чувство въ понятія, образуетъ философскій мистицизмъ, который, возвышаясь къ первоначалу всякаго бытія и первоосновѣ нашего сознанія — къ Богу, съ высоты начала всѣхъ началъ поражаетъ скептицизмъ и всякій догматизмъ. Заключается ли наша мысль въ таинственной области квіетизма, неразлучнаго съ мистицизмомъ: тогда вниканіе снова обращаетъ взоръ свой на поприще борьбы между познающимъ духомъ и міромъ познаваемымъ и снова начинаетъ тотъ же процессъ разрушенія и истребленія, только съ большимъ упорствомъ, съ большею отчетливостію, въ большемъ объемѣ.

И всѣ эти рѣзкія, несогласимыя противопо-

ложности взглядовъ такъ необходимы другъ для друга; эта жестокая и упорная борьба философическихъ ученій такъ нужна и благодѣтельна для полноты развитія нашего разумѣнія! Устранить изъ сцены сознанія хотя одну изъ непримиримыхъ противоположностей философствующей мысли, значитъ нарушить великій законъ равновѣсія въ поступательномъ ея движеніи и тѣмъ разрушить всю Философію. Устраните изъ сцены сознанія дуализмъ: тогда философствующая мысль не замѣтитъ той разительной противоположности, какая выражается повсюду, и въ актахъ нашего сознанія, въ борьбѣ духа и міра, и во всѣхъ явленіяхъ неизмѣримаго созданія, — какъ свобода и необходимость, безсмертіе и смертность, необъятность и ограниченность, величіе и ничтожество. Устраните реализмъ и идеализмъ, какъ стремленіе къ исключительному единству начала: тогда разсудокъ, всматриваясь въ двусторонній и враждебный самому себѣ міръ явленій, потеряетъ изъ виду тотъ законъ единства и гармоніи (нашего разума), которымъ примиряются всѣ видимыя противоположности такъ, что производятъ одну разнообразную, но стройную игру жизни. Захотимъ ли отвергнуть сенсуализмъ? Мы уничтожимъ систему, которая возбуждаетъ и питаетъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ Природою, какъ дѣйствительностію самою очевидною; къ тому же — что еще важнѣе — отнимемъ у идеализма его, такъ сказать, изнанку, которою однакожь много поясняется онъ самъ, отнимемъ спасительное противодѣйствіе, которымъ удерживается онъ на

покатомъ и скользкомъ пути своихъ предположеній и гаданій. Устранимъ ли идеализмъ? Въ такомъ случаѣ много потерпитъ изученіе и частнѣйшее уразумѣніе человѣческой мысли и ея законовъ, до которыхъ никакъ не льзя дойти путемъ сенсуализма. И напротивъ, сенсуализмъ, оставленный самому себѣ, безъ противодѣйствія идеализма, умѣряющаго его направленіе, самъ потеряется въ результатахъ, самыхъ ничтожныхъ — въ матеріализмѣ, фатализмѣ и атеизмѣ. Не станемъ отвергать и скептицизма, какъ необходимое противоборство притязаніямъ догматизма. Если мы захотимъ философствовать и построевать системы, то крайне нужно помнить, что мы трудимся предъ глазами недовѣрчиваго скептицизма, который потребуетъ у насъ отчета въ основаніяхъ, послѣдовательности и успѣхахъ нашего труда, и однимъ дуновеніемъ ниспровергнетъ все наше умственное построеніе, какъ скоро оно не опирается на дѣйствительности, на точномъ и строгомъ методѣ. Но и скептицизмъ требуетъ сильнаго противоборства. Своею неумолимою діалектикою онъ низвергаетъ въ прахъ и ощущеніе и идеи и доходитъ до индифферентизма, до насмѣшки надъ всѣмъ человѣческимъ познаніемъ. Нужно тогда явиться мистицизму для возстановленія священныхъ правъ вдохновенія, энтузіазма, вѣры и первоначальныхъ истинъ, которыхъ не даютъ намъ ни ощущеніе, ни отвлеченіе, ни размышленіе въ своей особности; крайне нужно напомнить, что истина нерѣдко изнемогаетъ и погибаетъ и въ выспренностяхъ идеализма и подъ холоднымъ діа-

лектическимъ допросомъ скептицизма; погибаетъ въ школьныхъ состязаніяхъ, какъ и среди разсѣянности міра, а сберегается и питается только въ святилищѣ души, на жертвенникѣ религіознаго убѣжденія. Наконецъ и мистицизмъ, мало по малу, изъ понятій переходящій въ утонченное чувство, снова требуетъ возврата мысли въ лоно отчетливаго сознанія. Такъ, въ *противоположностяхъ* философическихъ ученій, владычествуетъ разумный законъ. Такъ, въ упорной борьбѣ ихъ, замѣтна глубокая психическая тактика; и только на истерзанномъ лонѣ сознанія выростаетъ истина въ ея развитіи, какъ на изрытыхъ нѣдрахъ земли прозябаетъ сѣмя.

Конечно, при взаимной борьбѣ философическихъ взглядовъ, философемы людей, самыхъ геніальныхъ, скоро должны изживать вѣкъ свой и уступать свое мѣсто другимъ; но и этотъ *упадокъ*, это исчезаніе самыхъ замѣчательныхъ системъ не должны приводить насъ къ осужденію Философіи. Цѣлость содержанія Философіи можетъ быть разсматриваема нашею мыслію не иначе, какъ только по частямъ; и каждая частная идея, для того, чтобы развиться и проявить существенные моменты, сокрытые въ ея нѣдрахъ, должна быть изучаема въ своей особности и отдѣльности; чтобы познать всѣ изгибы идеи, надлежитъ разсматривать ее одну, надобно отдѣлить ее отъ всѣхъ прочихъ идей и изслѣдовать ее въ ея началѣ, продолженіи и концѣ; только послѣ этого исключительнаго испытанія можемъ узнать, что̀ она. Но какъ только развитіе частной идеи истощено,

какъ только познали ее со всѣхъ точекъ зрѣнія, то ей не останется уже дѣлать ничего; она исполнила свое назначеніе на сценѣ сознанія и должна уступить свое мѣсто другой, которая, въ свою очередь, смѣнится новою. Жаловаться ли намъ, послѣ этого, на движимость идей, а съ тѣмъ вмѣстѣ на безпрерывное измѣненіе системъ, выражающихъ обыкновенно ту, или другую частную идею? Но это значило бы жаловаться на усовершаемость нашего знанія, на дальнѣйшее поступаніе въ развитіи общаго содержанія Философіи. Все человѣчество должно идти впередъ на пути умственной усовершаемости; а философическія оригинальныя системы суть тѣ, болѣе или менѣе свѣтлыя точки, которыми преимущественно обозначается путь умственной жизни человѣчества. Это торжественныя эпохи, которыми возвѣщаются новые успѣхи человѣческаго вѣдѣнія, новое ощутительное проявленіе безконечной идеи Истиннаго. Правда, что Философія являетъ себя чрезъ то вѣчно зыблемою и преходящею; но въ этомъ движеніи и прехожденіи и состоитъ жизнь всего конечнаго: и въ Природѣ вещественной — тамъ жизнь ея усыплена и подавлена, гдѣ она коснѣетъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ бытія. Напротивъ, живая сила органическая измѣняетъ и воспроизводитъ свой организмъ, разрушаетъ его, какъ бы недовольная собственнымъ произведеніемъ и вновь расцвѣтаетъ въ формѣ юной, обновленной. Такъ и въ Философіи, и во всѣхъ человѣческихъ познаніяхъ. Продолжительное господство однѣхъ и тѣхъ же формъ, и такъ сказать, застой умовъ

есть печальный вѣстникъ одряхлѣнія и изнеможенія умственной жизни. Но безпрерывное движеніе мыслей, частое появленіе новыхъ взглядовъ и всегдашнее воспроизведеніе новыхъ системъ и формъ Науки есть вѣрный признакъ жизни мышленія юной и свѣжей. Если же въ Философіи болѣе, чѣмъ въ другихъ Наукахъ, выражается это движеніе и прехожденіе, то это потому, что здѣсь преимущественно проявляется жизнь нашего духа.

Пусть разнообразіе, борьба и переходчивость философическихъ взглядовъ положены въ существѣ нашего мыслящаго духа, который не иначе можетъ стремиться къ знанію, какъ только переходя отъ одной частности къ другой, отъ однихъ крайностей къ другимъ, противоположнымъ; но при такомъ состояніи философствованія — скажутъ намъ — осуществятся ли когда-либо тѣ требованія, удовлетворенія которыхъ по праву должно бы ждать отъ Философіи, какъ Науки? При этомъ разнообразіи и прехожденіи философскихъ взглядовъ, какое представляется намъ въ Исторіи Философіи, дождется ли когда-либо человѣчество собственно-Философіи, *единичной и стройной системы философской*, — и въ самой Философіи найдетъ ли когда-либо *истину*, твердую и неизмѣнную, а не временное признаніе чего-либо за истину? При безпрерывномъ столкновеніи и прехожденіи философическихъ системъ, найдетъ ли когда-либо духъ нашъ *миръ и успокоеніе* въ области Философіи, или онъ вѣчно долженъ тутъ жить въ раздорѣ съ самимъ собою и двигаться по тому же пути несогласимыхъ противорѣчій и

сражаться съ заблужденіями, какъ съ чудовищами, размножающимися отъ самаго пораженія ихъ?

Желаніе *единичной*, стройной философской *системы*, а не разныхъ ученій объ одномъ и томъ же предметѣ, есть самое справедливое желаніе, подкрѣпляемое требованіемъ нашего разума, признающаго законъ единства и гармоніи. Но если законъ единства и гармоніи выражается только при многочисленности и разнообразіи, то это желаніе не можетъ ли найти для себя удовлетворенія въ самомъ разнообразіи существующихъ ученій? Въ разныхъ и съ виду такъ пестрыхъ фактахъ Исторіи Философіи, не дается ли намъ уже самая Философія, единичная и стройная? — Философія, говоря собственно, не есть та, или другая отдѣльная система, система Платона, Аристотеля, Канта, такъ точно, какъ человѣчество не есть тотъ или другой народъ въ частности. Философія, въ истинномъ ея значеніи, есть дѣло всего человѣчества: это есть сознательное развитіе всеобщей идеи вѣдѣнія. Идея вѣдѣнія, какъ неистощимое начало бытія Философіи, не есть какое-либо частное понятіе, какая-либо опредѣленная система: это есть совокупная цѣлость человѣческаго вѣдѣнія, совмѣщающая въ себѣ всѣ понятія съ ихъ формами, но только въ совершенномъ ихъ безразличіи,—цѣлость еще сомкнутая въ самой себѣ, не озаренная сознаніемъ, почіющая въ себѣ самой. Въ Философіи, идея эта, въ себѣ покоющаяся и безграничная, выступаетъ изъ своего покоя, приходитъ въ движеніе и ограничивается; въ себѣ самой сомкну-

тая, хочетъ развиться изъ своего собственнаго нѣдра; дабы — по выраженію Гегеля — снова возвратиться къ самой себѣ, *и сдѣлаться тѣмъ, что она есть* (Hegel's Werke. B. XIII. S. 33), т. е. проявить сознательно и раздѣльно то, что она есть темно и слитно, проявить *для себя*, въ дѣйствительности, то, что она была *въ себѣ*, въ чистой возможности. Это дѣйствіе возвращенія идеи къ самой себѣ есть высшая безусловная цѣль ея. Все, что ни происходитъ въ области философствованія, имѣетъ одну цѣль: чтобы идея, выступая изъ самой себя и отражаясь въ сознаніе, сдѣлалась предметомъ собственной дѣятельности; чтобы познала себя, нашла себя и сдѣлалась *для самой себя*. При этомъ выступленіи идеи изъ самой себя и возвращеніи къ себѣ же, она дивно преобразуется подъ анализирующими пріемами размышленія: единая въ себѣ, она, подобно солнечному лучу, разсыпающемуся отъ призмы роскошною радугою, раздробляется тогда на понятія и мысли отдѣльныя, разныя; чуждая въ себѣ формы, она, какъ Протей, принимаетъ тогда на себя виды безконечно-разнообразные; неподвижная въ себѣ, но выступивъ изъ себя, она не устаетъ въ движеніи, пока не возвратится къ себѣ, пока самосвѣдѣніемъ вполнѣ не исчерпаетъ сокровища, въ ней самой заключеннаго. Но при всѣхъ превращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ она не дѣлается иною. Если она разрозняется, отчуждается себя, выступаетъ изъ себя, то это единственно для того, чтобы лучше войти въ саму себя, войти съ большимъ, отчетливѣйшимъ самосознаніемъ.

Въ своемъ поступательномъ, и вмѣстѣ возвратномъ движеніи къ своему началу, она оставляетъ слѣдъ, обозначаемый множествомъ круговъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключаются другіе, частнѣйшіе круги; но эти круги, какъ слѣдъ одной и той же точки, разнообразно, но непрерывно движущейся къ самой себѣ, образуютъ одно цѣлое, окружность одного круга; или, что то же, идея всеобщаго вѣдѣнія, въ своемъ развитіи, поставляетъ, какъ точки движенія, различныя эпохи, смыкающія въ себѣ разнообразныя философическія школы, въ которыхъ опять заключаются разнообразныя системы, различные взгляды философическіе; но всѣ эти эпохи, секты, системы, понятія, какъ моменты развитія одной и той же идеи человѣческаго вѣдѣнія, образуютъ собою одну и ту же Философію.

И такъ, та самая множественность, то самое разнообразіе, какое представляется намъ въ Исторіи Философіи, уже даютъ намъ самую Философію. Всѣ философическія ученія вытекаютъ изъ одной и той же идеи, всѣ ищутъ одного — чтобъ проявить во времени и развить эту идею; всѣ стремятся къ одному, чтобъ идея, выступившая въ нихъ изъ себя, могла посредствомъ ихъ же лучше найти себя и войти въ себя. Различіе системъ, началъ, взглядовъ есть не иное что, какъ различіе формъ, въ которыя облекается одна и та же идея, проявляя во времени, въ своемъ кругопоступательномъ развитіи свое недомыслимое и неисчерпаемое существо. Правда, что безчисленные факты философствующей мысли, разнооб-

разные моменты идеи, раздѣлены по разнымъ временамъ и мѣстамъ, разбросаны по народамъ и эпохамъ, какъ будто нѣтъ между ими никакой связи, никакого соотношенія и единства. Но эта несвязность философскихъ фактовъ, эта видимая случайность ихъ, есть только кажущаяся, мнимая. Каждая въ частности философическая система развиваетъ свою идею, и развивается сама, не наудачу, а обдуманно, съ глубокимъ сознаніемъ необходимости развиваться такъ, а не иначе; и не только развивается сознательно, сама въ себѣ, каждая порознь система, но и слѣдуетъ одна за другою съ такою же необходимостію, съ такимъ же сознаніемъ необходимости, потому что и послѣдовательность системъ опредѣляется идеею самопникающей мысли. А всѣ факты философствующей мысли, представляемые намъ ея Исторіею, суть тѣ же самыя частныя системы, развивающіяся съ опредѣленною послѣдовательностію; и потому, при всемъ ихъ разнообразіи и видимой неестройности, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ члены одного живаго организма; всѣ срощены внутреннѣйшею связью и состоятъ въ необходимомъ соотношеніи. И открыть это необходимое соотношеніе, сознать эту внутреннюю связь самыхъ разнообразныхъ фактовъ философствующей мысли — возможно въ самой Исторіи Философіи. Здѣсь, та же самая мысль, которая въ Философіи стремится къ самосознанію по опредѣленнымъ степенямъ развитія, возвышается надъ самой собою и уразумѣваетъ, какъ стремилась она къ сознанію себя,

что сдѣлала на этомъ поприщѣ, и почему сдѣлала такъ, а не иначе. Если по этому — какъ говоритъ Гегель — очиститъ только основныя начала системъ, являющихся въ Исторіи, отъ всего, что принадлежитъ къ внѣшней ихъ формѣ и частнымъ примѣненіямъ: то мы тотчасъ увидимъ здѣсь различныя степени идеи, опредѣляемыя діалектически; увидимъ тутъ въ реальности, что въ самой Философіи представляется намъ въ чистой возможности, такъ, что все многоразличіе фактовъ Исторіи Философіи предстанетъ тогда предъ нами, какъ самая послѣдовательная и связная система Философіи. (Hegel's Werke, B. XIII S. 43).

Разнородные съ виду факты философствующей мысли выражаютъ единичную и послѣдовательную систему Философіи; но что же заключается въ этой огромной, необъятной системѣ? Въ единичныхъ ея фактахъ *истина* ли кроется, или только заблужденіе? И въ самой истинности ихъ, при ихъ послѣдовательности и безпрестанномъ измѣненіи, тверда ли и незыблема истина, или это есть только счастливое мнѣніе, быстро и мгновенно, и за то не на долго возвышающееся на степень истины, такъ, что вся огромная система Философіи есть только обширное кладбище давно вымершихъ ученій?

Не будемъ пристрастны къ философствующей мысли; не скроемъ ея слабостей и недостатковъ. Характеръ идеи есть движимость, развитіе; условіе движимости и развитія — послѣдовательность, частность; условіе частности — ошибка,

заблужденіе, разнообразіе заблужденій. И такъ, всякій разъ, съ появленіемъ на сценѣ міра новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, всякій разъ человѣчество встрѣчаетъ новое заблужденіе! Однакожъ и ошибка есть одинъ изъ реальныхъ элементовъ мысли, только взятый исключительно, только признанный мыслію цѣлою; и заблужденіе, какъ односторонность, есть истина же, только истина неполная, а принятая за истину безусловную. Мы не иначе можемъ заблуждаться, какъ только подъ условіемъ мышленія, и слѣдовательно подъ условіемъ сознанія; а сознаніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія элементъ. Чтобъ состоялось сознаніе чего-либо, хотя бы то ошибочное, надобно непремѣнно, чтобы въ немъ находилось усмотрѣніе какой-нибудь реальной вещи, то есть, какой-нибудь истины. Слѣдовательно заблужденіе наше никогда не есть заблужденіе цѣлое, совершенное; подлѣ заблужденія должна всегда находиться какая-либо истина. И такъ, всякій разъ, съ появленіемъ новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, человѣчество встрѣчаетъ не только заблужденіе, но и истину; и слѣдовательно въ фактахъ Исторіи Философіи, или что тоже, въ самой Философіи, есть заблужденіе, но есть и истина. Только тотъ, кто не знаетъ тайны движенія идеи, тотъ при взглядѣ на такое множество философическихъ системъ, все частныхъ, все одностороннихъ, думаетъ, что родъ чело-

вѣческій всегда заблуждается въ своемъ философствующемъ мышленіи, что его философствованіе есть вѣчный отливъ и приливъ заблужденій; между тѣмъ какъ всякое заблужденіе въ движеніи идеи Философіи есть, такъ сказать, частная только форма истины въ преемственномъ чередованіи философическихъ системъ. И это чередованіе ихъ, это происхожденіе въ нихъ истинъ и заблужденій не есть всецѣлая для насъ утрата. Всѣ взгляды, всѣ системы и эпохи Философіи, какъ частности и односторонности, разрушаются однѣ другими и проходятъ; однакожь нѣчто остается при всемъ томъ; остается то, что предшествовало имъ и переживаетъ ихъ, остается человѣчество. Человѣчество все обнимаетъ, пользуется всѣмъ и всегда поспѣшаетъ впередъ. И не только человѣчество, но и самая идея Философіи, съ ея степенями развитія, какъ и всякая другая идея человѣчества, не погибаетъ въ ея движеніи и поступаніи. На полѣ сознанія, гдѣ совершается торжественный ходъ ея, мы видимъ не заблужденіе только, но и истину, а истина вѣчна, и въ одно время существуетъ не менѣе какъ и въ другое. Тѣла мыслителей, герои-завоеватели новыхъ идей въ Философіи, ихъ временная жизнь — все прошло; но ихъ подвиги, ихъ творенія, ихъ мысли не послѣдовали за ними, потому что ихъ подвиги есть произведеніе въ свѣтѣ сознанія того, что кроется въ нѣдрахъ безсмертнаго духа. И теперь творенія Философовъ, давно сошедшихъ съ сцены земнаго бытія, сложены не въ одномъ храмѣ воспоминанія; и теперь онѣ для насъ также близки

и живы, какъ во время своего происхожденія; и теперь почерпаемыя изъ нихъ мысли, напечатлѣнныя въ мысли, составляютъ настоящее бытіе нашего духа!

Въ системахъ философическихъ заключается истина и заблужденіе: какъ же отличить ее отъ заблужденія, когда каждая система себя одну выдаетъ за справедливую и предлагаетъ свою особую мѣру истины? Всякая новая Философія возникаетъ съ притязаніемъ не только опровергнуть всѣ прежнія системы, но и замѣнить ихъ, какъ будто бы она наконецъ нашла истину: какъ же достигнуть здѣсь до внутренняго *покоя и безопасности* убѣжденія? Не слишкомъ ли неблагоразумно было бы искать этой цѣли только въ философствованіи и чрезъ философствованіе?

Неоспоримо, что Философія не доставляетъ намъ такого покоя, какого ищетъ въ ней большая часть людей; и тотъ горько обманулся бы, кто понадѣялся бъ найти въ Философіи мягкое изголовье, на которомъ бы можно было отдохнуть отъ изнурительныхъ трудовъ изслѣдованія истины, или безъ напряженія душевныхъ силъ погрузиться въ спокойствіе духовнаго усыпленія: внутренній миръ самоубѣжденія не приходитъ извнѣ, а возникаетъ въ насъ и чрезъ насъ; но по этому же самому тотъ наиболѣе зыблется волнами противорѣчивыхъ мнѣній, кто не довѣряя силѣ собственнаго мышленія, ищетъ мира въ авторитетѣ другихъ людей, и слѣдовательно тотъ, кто не философствуетъ. Напротивъ того, мыслитель самостоятельный, Философъ, среди борьбы са-

мыхъ противоположныхъ системъ и взглядовъ, въ своемъ собственномъ, внутреннемъ мірѣ умѣетъ находить твердое, непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ: борьба философическихъ ученій съ ея переворотами, — не въ немъ, а внѣ его. Даже въ этомъ враждебномъ столкновеніи мнѣній заключается самое сильное побужденіе къ тому, чтобы дѣйствіемъ собственнаго мышленія, и слѣдовательно дѣйствіемъ Философіи, возвыситься надъ всѣми противорѣчіями взглядовъ и въ себѣ самомъ утвердить единство съ самимъ собою.

3) Наконецъ, нерѣдко осуждаютъ Философію, какъ Науку, со стороны ея *формы*. Въ двухъ отношеніяхъ можетъ быть понимаема форма Науки: какъ внутренняя связь и діалектическое движеніе мыслей — *форма внутренняя*, *систематичность*, *методъ*, и какъ опредѣленное выраженіе взглядовъ и понятій Науки въ словѣ — *форма внѣшняя*, оболочка Науки, *языкъ* ея. Обѣ эти стороны формы служатъ предметомъ укоризнъ Философіи. Даже тѣ, которые не отвергаютъ въ ней ни опредѣленности ея содержанія, ни законности способа ея воззрѣнія на вещи, осуждаютъ иногда ту строгую научную форму, какую сообщаетъ Философія мышленію, признаютъ излишними и вредными ея діалектическую систематичность и сухой методъ, къ которымъ такъ любятъ обращаться философическія школы; еще болѣе осуждаютъ слишкомъ опредѣленную, нерѣдко жесткую терминологію философскую, отвлеченный, искусственный схематизмъ понятій; однимъ словомъ, осуждаютъ весь формализмъ философи-

ческаго мышленія, какъ безполезный приборъ, мѣшающій только свободному движенію мыслей, и желали бы освободить Философію отъ строго логическихъ формулъ ея, дабы привесть ее, какъ говорятъ, къ натуральности, простотѣ, общепонятности.

Всѣ эти желанія относительно Философіи, конечно, проистекаютъ изъ хорошихъ побужденій, но не совсѣмъ вѣрны въ своихъ требованіяхъ. Совершенно справедливо, что *строгій методъ*, непреклонная *систематичность*, нѣкоторымъ образомъ сковываютъ мысль, подобно тому, какъ приличія высшаго общества ограничиваютъ и стѣсняютъ первобытную простоту обхожденія; но тѣмъ не менѣе, строгая систематичность необходима въ Философіи; эта необходимость основана на природѣ нашего познаванія, на требованіяхъ нашего разсудка и разума. Источникъ всякой истины для человѣка, — истины, разумѣю, зависящей единственно отъ человѣка, есть разумъ, какъ ближайшій хранитель идеи истины. Но мы не иначе можемъ сознавать то, что заключено въ разумѣ, какъ только при посредствѣ логическихъ формъ разсудка, а полное образованіе нашего познанія по логическимъ формамъ и есть система; такимъ образомъ потребность полноты въ образованіи познанія сама собою приводитъ насъ къ формѣ системы. Если, по этому, нефилософствующіе умы съ пренебреженіемъ отвергаютъ въ Философіи систематичную форму познаванія, и на каждую систему глядятъ, какъ на ничтожный снарядъ, какъ на пустую формаль-

ность, то тѣмъ самымъ они отказываются отъ истиннаго, строго-научнаго развитія своихъ познаній; хотя впрочемъ и они, въ своихъ взглядахъ, никакъ не могутъ обойтись безъ формъ логическихъ, потому что каждый человѣкъ мыслитъ по нимъ также необходимо, какъ необходимо каждое растеніе прозябаетъ въ своей формѣ, въ своемъ видѣ. И не одинъ только разсудокъ требуетъ систематической формы для нашихъ познаній; еще болѣе глубокое основаніе этой потребности положено въ самомъ разумѣ, такъ какъ и логическія формы мышленія получаютъ свое истинное значеніе только отъ того, что въ нихъ отражаются и отсвѣчиваются первоначальные законы разума: такъ потребность единства системы опирается на законѣ единства разума, какъ высочайшемъ законѣ истины; и только то истинно для человѣческаго разума, что сообразно съ закономъ единства, что понимается изъ единства и подчинено единству; какъ въ вещахъ, всю ихъ совокупность, мы, по необходимости, мыслимъ въ формѣ одного цѣлаго, одного міра: такъ въ нашихъ познаніяхъ, понуждаемся все ихъ разнообразіе приводить къ одному цѣлому, къ одной системѣ и подчинять ихъ одному началу. Если строгость системы, по видимому, стѣсняетъ свободный порывъ мысли, то это потому только, что она не дозволяетъ мышленію разливаться безотчетно, а хочетъ подчинить его разумному закону дѣйствованія; но, говоря собственно, законъ разума не только не стѣсняетъ истинной свободы мышленія, или дѣйствія, но еще укрѣпляетъ ее и

возвышаетъ. Строгая систематичность Философіи для многихъ кажется слишкомъ искусственнымъ образованіемъ мышленія, и потому не натуральнымъ и излишнимъ. Но вообще, это ложный идеалъ натуральности, когда устраняютъ отъ себя всякое образованіе и усовершенствованіе посредствомъ Искусства: Искусство не искажаетъ Природы, и для мышленія, искусственное образованіе не неприлично и не излишно: только здѣсь мышленіе находитъ свое высокое, надлежащее усовершенствованіе. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, мышленіе обыкновенное, чуждое образованности и правилъ, движущееся на удачу, признать способнѣйшимъ къ уразумѣнію истины, чѣмъ мысль научно-образованную и развивающуюся въ пріемахъ познаванія по самымъ строгимъ правиламъ? Развѣ безотчетное, слѣпое вторженіе въ область мыслей было бъ удачнѣе сознательнаго, искусно направляемаго размышленія?

Съ большею справедливостію подвергается осужденію *внѣшняя форма* Философіи. Образованное общественное мнѣніе требуетъ отъ Философіи (и по праву), чтобъ она не уклонялась отъ общаго разумѣнія, какъ будто какая-либо таинственная Наука, доступная только одной ученой кастѣ; чтобъ не выключала себя изъ круга жизни своимъ непонятнымъ, искусственнымъ языкомъ, изысканными и ненужными утонченностями. А между тѣмъ, стоитъ только заглянуть въ творенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ Германскихъ Философовъ и ревностныхъ приверженцевъ ихъ формализма, чтобы встрѣтить варварски-схоластическій,

ненатурально объискусствленный языкъ, подъ которымъ часто таятся, какъ подъ непроницаемою бронею, сильныя и глубокія мысли; при чтеніи подобныхъ сочиненій не льзя не убѣдишься въ справедливости жалобъ на невразумительность Философіи, и въ умѣстности того чувства неудовольствія, съ какимъ отвращаются многіе отъ тяжелыхъ ея формулъ.

Впрочемъ и эти жалобы справедливы не во всѣхъ отношеніяхъ; и здѣсь вина нерѣдко падаетъ не столько на Философію, сколько на тѣхъ, которые жалуются на особенность и невразумительность ея языка. Философія, какъ и всякая другая Наука, какъ всякое Искусство, должна по самой особенности предметовъ своихъ имѣть свой языкъ. И такъ, несправедливо то требованіе, чтобы языкъ философскій былъ понятнымъ для всѣхъ и каждаго, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ былъ вразумительнымъ даже для тѣхъ, которые вовсе незнакомы съ предметами философическими, — какъ будто бы Философію надлежало понимать каждому, безъ школьнаго, научнаго образованія въ ней, потому только, что у каждаго человѣка есть расположенность къ философствованію. Не льзя отрицать, что условія, необходимыя къ философствованію, вообще положены въ природѣ человѣческаго духа, потому что въ каждомъ человѣкѣ живетъ первоначально сила свободнаго мышленія, въ каждомъ можетъ быть чистое побужденіе къ вѣдѣнію и въ каждомъ находится одинъ и тотъ же законъ разума: отъ чего издревле говорили, что человѣкъ есть Философъ по самой природѣ своей. И

однакожъ мысль эта только въ половину истинна, потому что не одна расположенность къ философствованію дѣлаетъ Философомъ, а надлежащее образованіе этой обще-человѣческой расположенности. — И не только по свойству предметовъ своихъ Философія должна имѣть свой особенный языкъ, но и по самому способу ихъ разсматриванія. Два есть способа воспринимать предметы уразумѣніемъ и обозначать ихъ свойства: можно воспринимать ихъ со стороны воззрѣнія, чувства, желанія — вообще подъ формою *чувственныхъ представленій*, и можно уразумѣвать ихъ рефлексомъ, *подъ формою отвлеченныхъ мыслей, категорій*, *чистыхъ понятій*. Характеръ мышленія философическаго собственно тотъ, что оно поставляетъ чистыя понятія на мѣсто чувственныхъ представленій, которыя суть только *метафоры* понятій. Отъ того и языкъ философическій преимущественно обращается въ области отвлеченностей, столь необходимыхъ въ Философіи; и здѣсь-то скрывается главнѣйшая причина его неуразумительности для многихъ. Причиной тому — частію неспособность, или лучше сказать, *непривычка* мыслить отвлеченно, удерживать единственно чистыя мысли и двигаться только въ ихъ области. Въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи, духовный элементъ мысли связуется и соединяется съ чувственнымъ, какъ духъ съ плотію; въ самомъ размышленіи и умствованіи мы обыкновенно привносимъ къ нашимъ мыслямъ чувствованія, воззрѣнія, представленія; а между тѣмъ совсѣмъ иное дѣло — поставлять самыя же мысли предметомъ

мысли, безъ всякой примѣси чувственныхъ представленій, какъ это должно быть въ Философіи. Другою причиною невразумительности философическаго способа выраженій есть *нетерпѣливое желаніе* имѣть въ формѣ чувственныхъ представленій то, что является въ нашемъ сознаніи, какъ мысль, какъ чистое понятіе. Отъ этого такъ часто говорятъ, что при такомъ-то философическомъ понятіи не знаешь самъ, что должно думать, тогда какъ при этомъ понятіи не должно мыслить ничего, кромѣ самаго понятія. Выраженіе это раждается отъ сожалѣнія объ отсутствіи легкаго, давно знакомаго для насъ чувственнаго представленія. При отвлеченномъ мышленіи и отвлеченномъ же способѣ выраженія мыслей, единственно приличномъ Философіи, у сознанія какъ бы похищается та точка, на которой оно чувствуетъ себя въ надежной, такъ сказать, родной сторонѣ; и какъ только находитъ оно себя перенесеннымъ въ чистую область понятій, то часто не знаетъ, въ какомъ мірѣ оно находится. И такъ неудивительно, если языкъ философическій для многихъ, даже нѣсколько знакомыхъ съ предметами Философіи, кажется слишкомъ тяжелымъ и труднымъ; по самому существу дѣла, онъ не можетъ быть столь свѣтлымъ и легкимъ, чтобы безъ всякаго напряженія мысли, и какъ бы шутя, можно было понимать его каждому, какъ языкъ Романовъ. Конечно, темнота выраженій не всегда бываетъ слѣдствіемъ глубины мыслей, а происходитъ нерѣдко отъ неясности мышленія у самого философствующаго, и Философія по возможности

должна заботиться о томъ, чтобы не удалиться отъ обширнаго способа выраженія, чтобы не вымышлять безъ надобности своего особеннаго языка, и сколько это можно безъ утраты глубины мыслей, стремиться ко всеобщей понятливости. Но съ другой стороны, стремленіе къ общенародности выраженія легко можетъ перейти въ неосновательность; къ тому же Философія, въ своемъ мірѣ мышленія, нерѣдко упреждаетъ понятія своего времени, и потому для новыхъ мыслей должна творить и новый способъ выраженія; въ такомъ случаѣ, при всемъ желаніи быть удобопонятною своему вѣку, она не можетъ не оставаться невразумительною для него, какъ пришлецъ иноязычный. Такова была, при первомъ появленіи своемъ, Философія Канта. Языкъ ея сухой, отвлеченный, но сильный и геніальный, высказывающій мысли новыя и глубокія, долго казался странностію даже для тѣхъ, которые сами могли имѣть притязаніе на имя Философовъ. Но при всей непонятности своей, въ свое время, онъ заслуживалъ и теперь заслуживаетъ не порицаніе, а изученіе, какъ языкъ выспреннихъ помысловъ геніальнаго человѣка. Если многіе изъ безчисленныхъ послѣдователей знаменитаго мудреца Кенигсбергскаго, не имѣя духа его, хотѣли повторять его звуки, играть его формулами и выраженіями, и впали въ намѣренную непонятность, зашли въ такую темноту, въ которой едва ли понимали и сами себя: то подобнаго рода недостатки философствованія можемъ ли по справедливости ставить въ укоръ самой Философіи?

И такъ, Философія, безпристрастно разсматриваемая въ области Наукъ, имѣетъ всѣ права *на достоинство Науки*, какъ со стороны своего *содержанія*, такъ и относительно *способа*, по которому она разсматриваетъ свое содержаніе, и той *формы*, въ какой выражаетъ свои идеи. Но такова ли она въ области практики? имѣетъ ли она свое достоинство и значеніе *въ практическомъ примѣненіи*, котораго по праву можно требовать отъ каждой Науки?

II.

Даже и тѣ, которые не отнимаютъ у Философіи достоинства въ ея собственномъ чисто-теоретическомъ мірѣ, признаютъ ее вредною и опасною въ практическомъ употребленіи; не рѣдко признаютъ ея вліяніе *вреднымъ въ Наукахъ эмпирическихъ* и *опаснымъ для Религіи и Государства.*

1) Вліяніе Философіи — часто говорятъ тѣ, которые особенно занимаются Науками опытными —вліяніе Философіи, съ ея идеальнымъ, трансцендентальнымъ взглядомъ на вещи, наноситъ рѣшительный вредъ эмпирическимъ Наукамъ, потому что она, произвольно построевая факты, дѣлаетъ насиліе очевидной дѣйствительности и тѣмъ совращаетъ эти Науки съ надлежащаго пути и удаляетъ ихъ отъ ихъ истинной, общеполезной цѣли. Такъ въ Наукахъ Естественныхъ— говорятъ защитники эмпиріи — Философія, наскоро построевая Природу изъ чистыхъ понятій ума, по-

ставляетъ преграду медленнымъ, но основательнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ нагладности и замѣняетъ ихъ пустою игрою мнимо-созерцательныхъ мечтаній. При изложеніи Исторіи, какъ будто прозирая въ таинственную книгу неисповѣдимыхъ судебъ Божественнаго міроправленія, Философія, въ бѣдныхъ ея отвлеченностяхъ, не только изрекаетъ съ безусловною необходимостію вѣчные законы, по которымъ должны были совершаться событія прошедшія, но и событіямъ грядущимъ предписываетъ опредѣленный ходъ по своимъ умозрительнымъ понятіямъ. Даже Положительнымъ Наукамъ Философія навязала свой умозрительный методъ и породила здѣсь, на пр. ту, такъ называемую Догматику, которая историческую сторону Христіанства построеваетъ изъ ума, и положительному Церковному ученію, въ своихъ умозрительныхъ понятіяхъ, даетъ насильственное толкованіе.

Что сказать намъ въ оправданіе Философіи отъ этихъ нареканій на нее? — Дѣйствительно, Философія покушалась иногда построевать эмпирическое содержаніе и были, или даже творить ихъ по чистому умозрѣнію; и нерѣдко она величалась тѣмъ, что возвысилась надъ мышленіемъ общаго разсудка, стѣсняющагося даннымъ эмпирическимъ содержаніемъ, и что успѣла вознестись до высочайшаго идеальнаго способа познаванія. Такъ уже Фихте, въ своемъ *Наукоученіи*, замышлялъ произвесть все бытіе изъ чисто-философическихъ началъ; такъ Шеллингъ и Гегель, съ ихъ послѣдователями, покушались своимъ философ-

фическимъ умозрѣніемъ возвыситься, независимо отъ эмпирическихъ условій, до абсолютнаго вѣдѣнія всѣхъ вещей. Станемъ ли защищать это самоуправство Философіи съ бытіемъ дѣйствительнымъ? Какъ ни значительна доля, которую предоставляемъ мы вліянію Философія на образованіе Наукъ эмпирическихъ, все однакожь не можемъ не допустить, что и она, для собственной полноты своей, требуетъ опыта, потому что умозрѣніе философическое даетъ для нашего знанія только формы и законы, которымъ подчиняются всѣ предметы, а содержаніе нашего познанія получаемъ эмпирически, чрезъ усмотрѣніе; не можемъ не допустить, что философическія познанія суть только условія, при которыхъ мы можемъ понимать данные предметы, а не самые предметы познаваемые; что Философія ничуть не можетъ дать намъ былей, дѣйствительности для нашего познанія, а даетъ только законы и сообразный съ ними взглядъ на готовыя были, такъ что всѣ факты, всякая дѣйствительность въ нашемъ познаніи имѣетъ происхожденіе эмпирическое. И слѣдовательно, мы никакъ не будемъ оправдывать Философіи, если она переступаетъ завѣтную черту раздѣленія между содержаніемъ и формою, между былями и законами нашего познанія: эмпирія по праву противодѣйствуетъ притязаніямъ на нее эксцентрическаго и насильственнаго умозрѣнія. Понятно, по этому, и простительно, что столь многіе эмпирики, въ чувствѣ негодованія на зловредность умозрительнаго метода для Наукъ Точныхъ, недовѣрчиво глядятъ на Философію вообще,

а особенно на примѣненіе ея къ Наукамъ эмпирическимъ, и заключаются единственно въ сферѣ опыта. Впрочемъ, соглашаясь съ эмпириками до извѣстной степени, мы никакъ еще не должны осуждать Философіи. Какъ скоро мы внимательнѣе всмотримся въ ея существо, какъ скоро не станемъ смѣшивать ея злоупотребленія съ ея надлежащимъ употребленіемъ, то мы тотчасъ согласимся, что есть еще другая Философія, которая можетъ находиться съ эмпиріею въ совершенномъ мирѣ и согласіи.

Болѣе важны осужденія Философіи въ томъ, что будто она, питая своемысліе, оскорбляетъ святыню Религіи безвѣріемъ, а питая своеволіе, разрушаетъ установленный порядокъ гражданской жизни.—Правда, что эти обвиненія Философіи, съ постепеннымъ распространеніемъ образованія, и при многостороннѣйшемъ развитіи самой же Философіи, со дня на день становятся рѣже; однакожь и донынѣ еще они повторяются нерѣдко, и слѣдовательно отвѣтъ на нихъ неизлишенъ.

По словамъ знаменитаго мыслителя Германскаго, *Шеллинга*, ближайшій отвѣтъ на эти упреки, несомнительно, былъ бы слѣдующій: «Чтобъ это «было за Государство, чтобъ это была за Рели«гія, для которыхъ можетъ быть опасною Фило«софія? Будь это дѣйствительно такъ, то вина, «въ этомъ случаѣ, должна бы пасть на самую «Религію и Государство.» (Vorlesungen über die Meth. des academ. Stud. Stutt. und Tüb. 1830. S. 183).

При всемъ уваженіи нашемъ къ этому Корифею Германской Философіи, не можемъ не замѣтить, что слова эти только полуистинны. Онѣ вѣрны, если подъ именемъ Религіи и Государства будемъ разумѣть только чистую, отвлеченную идею. Идея истинной Религіи и благоустроеннаго Государства, какъ идея истины вообще, неразрушима и незыблема, въ какомъ бы отношеніи къ ней ни поставлялъ себя человѣкъ; она превыше всѣхъ его заблужденій и страстей, и не можетъ померкнуть отъ ихъ тучи, какъ лучезарное солнце, далеко вознесенное надъ атмосферою нашей планеты, не можетъ помрачиться ея туманами и облаками. И наоборотъ, та идея Религіи и Государства, безъ сомнѣнія, была бы ложною идеей, для которой могъ бы быть опаснымъ строгій, испытующій взоръ здравой Философіи. Но совершенно другое дѣло, когда мы разсматриваемъ идею Религіи и Государства въ ея дѣйствительномъ отношеніи къ человѣку, въ ея временномъ проявленіи. Тогда Религія не есть уже идея самобытная; она заключена въ чувствѣ и помыслахъ человѣка, а здѣсь, при всей чистотѣ и святости своей, она можетъ въ недѣлимыхъ лицахъ помрачаться и извращаться, какъ и всякое чувство, какъ и всякіе помыслы смертнаго. Тогда и Государственный порядокъ не есть только мысль отвлеченная; это уже дѣйствительная жизнь людей, общественная дѣятельность существъ чувственно-разумныхъ; а потокъ общественной жизни и дѣятельности людей можетъ принимать, какъ ложное и гибельное направленіе, такъ и истинное и благотворное. И такъ, если

Религія и Государство, понимаемыя въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, признаютъ извѣстнаго рода Философію опасною для себя, то вина въ этомъ случаѣ не тотчасъ еще падаетъ на самую Религію, на самое Государство. Чѣмъ чище Религія, чѣмъ благоустроеннѣе Государство, тѣмъ вреднѣе была бъ для нихъ та Философія, которая несообразна была бы съ ихъ духомъ и вела бъ къ вольнодумству и своеволію. Но дѣйствительно ли эта опасность предстоитъ Государству и Религіи со стороны Философіи, понимаемой въ истинномъ ея смыслѣ, — это иной вопросъ, на которой мы теперь и обратимъ наше вниманіе.

Философическій способъ воззрѣнія на вещи, какъ способъ умозрительный, отличается отъ всѣхъ другихъ родовъ познаванія свободною дѣятельностію нашего духа. Философское мышленіе, по преимуществу, есть мышленіе свободное. Человѣкъ пробуждается къ жизни, преимущественно какъ существо чувствующее. Начальная жизнь его, вся преданная чувственнымъ впечатлѣніямъ предметовъ, его окружающихъ, есть не иное что, какъ игра перемѣнчивыхъ *ощущеній*. Собственная самодѣятельность человѣка слишкомъ еще слаба тогда для того, чтобъ противодѣйствовать этимъ впечатлѣніямъ съ равною силою, и отъ того долго остается онъ въ состояніи почти совершенно *страдательномъ*. Чувственныя воззрѣнія даютъ первую пищу его духу, чувственныя желанія и потребности суть первые двигатели его дѣйствій. Мало по малу чувственно-возбуждаемая жизнь устанавливается въ постоянныхъ формахъ;

принятыя впечатлѣнія оставляютъ въ мягкомъ и удобопріемлющемъ духѣ постоянные слѣды; появляются привычныя наклонности и пожеланія; переходчивыя усмотрѣнія сосредоточиваются въ памяти и образуются въ мнѣнія; жизнь кристаллизируется въ навыкъ. Въ безотчетной привычкѣ, съ разными предразсудками, подрастаетъ тогда духъ человѣческій, и ни одинъ человѣкъ не можетъ избѣжать ихъ въ первые годы своей жизни. Но наконецъ пробуждается въ человѣкѣ, мало по малу, самодѣятельная сила его духа и вступаетъ въ борьбу съ чувственностію и привычками, для защиты самостоятельнаго убѣжденія и свободнаго дѣйствованія. И тогда-то зараждается свободное философическое мышленіе. Въ развитіи отдѣльныхъ лицъ, какъ въ Исторіи цѣлыхъ народовъ, всегда выступало къ жизни философическое мышленіе тамъ, гдѣ духъ начиналъ освобождаться отъ узъ чувственности и привычки. И такъ, свободное философическое мышленіе, въ противоположность мнѣніямъ, независимо отъ нашего сознанія и познанія, подъ вліяніемъ чувственности въ насъ образовавшимся, есть мышленіе по преимуществу *самостоятельное*; въ противоположность привычнымъ и безотчетнымъ мнѣніямъ и понятіямъ, оно есть мышленіе, все устремленное къ непосредственному, живому убѣжденію въ истинѣ.

Это свободное философическое мышленіе, склоняя взоръ свой на явленія нашего внутренняго міра, тотчасъ уразумѣваетъ въ насъ самихъ свободно-дѣйствующее начало, признаетъ въ нашемъ духѣ свободнаго производителя нашихъ мы-

слей, чувствованій, преднамѣреній и дѣйствій, въ противоположность тому первоначальному его состоянію, въ которомъ онъ, подавляемый чувственностію, выражаетъ себя только страдательно. Конечно, и безъ философическаго мышленія, и даже прежде его, возникаетъ въ глубинѣ человѣческаго духа чувство собственной свободы, какъ живаго источника нравственной жизни; однакожь къ ясному сознанію приводится это чувство только въ философическомъ мышленіи, какъ свободномъ и притомъ сознательномъ возвышеніи духа надъ принудительною силою Природы. Но это сознаніе свободы, производимое самостоятельнымъ философическимъ мышленіемъ, это признаніе духа свободнымъ производителемъ его дѣйствій, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ преступнымъ *своеволіемъ*; только явная злонамѣренность можетъ смѣшивать два эти понятія, совершенно другъ другу противоположныя. Буйное своеволіе, какъ исчадіе ада, есть плодъ неразумѣнія свободы, этой божественной черты въ нашемъ духѣ; есть слѣдствіе ложнаго, извращеннаго взгляда на существо ея и ведетъ къ самому жалкому униженію разумной человѣческой Природы; а между тѣмъ сознаніе свободы въ томъ видѣ, въ какомъ понимаетъ ее здравая Философія, и особенно, въ какомъ изображаетъ намъ ее Слово Божественное, ведетъ насъ прямо *къ нравственному настроенію*, и къ уразумѣнію нашего высокаго *предназначенія*. Есть сверхчувственный міръ свободныхъ духовъ, которые вознесены далеко надъ безсознательною

необходимостію міра физическаго и подчинены другимъ, чисто разумнымъ законамъ; и мы сами, какъ люди, т. е. какъ свободно-разумныя существа, имѣемъ участіе въ этомъ неземномъ мірѣ: при этой мысли, ясно и живо сознанной, не чувствуемъ ли мы себя вознесенными превыше своекорыстныхъ побужденій и мелкихъ расчетовъ эгоизма; не научаемся ли мы тогда особенно цѣнить, какъ высшую сторону нашей жизни, внутреннее значеніе и достоинство нашего духа, и не тогда ли преимущественно становимся способными къ великимъ подвигамъ, къ дѣламъ безкорыстія и самопожертвованія, которыхъ по праву требуетъ Отечество отъ своихъ вѣрныхъ сыновъ? Не при этой ли мысли мы яснѣе сознаемъ свое высокое назначеніе, не тогда ли уразумѣваемъ, что явленія чувственнаго міра должны быть подчинены самодѣятельности нашего духа, а не духъ требованіямъ чувственности? Не тогда ли убѣждаемся, что не слѣпыя страсти, а высоко свѣтящія, какъ звѣзды, на тверди нашего духа, идеи истиннаго, добраго и прекраснаго должны направлять движенія воли на пути нашего дѣйствованія? И слѣдовательно, не тогда ли особенно побуждаемся съ сознаніемъ и ревностію содѣйствовать внутреннему порядку и благосостоянію Государства, какъ ближайшему практическому осуществленію въ человѣчествѣ идеи добра? — И такъ философическое мышленіе, потому что оно есть мышленіе свободное, т. е. отторженное отъ чувственности, не только не опасно по своимъ дѣйствіямъ для благосостоянія Государствъ, а напротивъ того,

оно есть одно изъ надежнѣйшихъ и при томъ самыхъ сознательныхъ психическихъ движителей общественнаго порядка.

Съ сознаніемъ свободы и нравственнаго человѣческаго предназначенія мысль наша возносится уже надъ предѣлами конечнаго и паритъ къ вѣчному и безусловному. Уже и по внутреннему чувству возвышается духъ каждаго, даже необразованнаго человѣка, надъ этимъ міромъ явленій, съ его конечностію, переходчивостію и несовершенствами, и гадаетъ о высочайшемъ, совершеннѣйшемъ бытіи, но только въ зыбкихъ и неопредѣленныхъ предощущеніяхъ сердца. Уже во внутреннѣйшей глубинѣ каждаго неизвращеннаго человѣка затаено религіозное убѣжденіе естественной вѣры въ жизнь вѣчную и бытіе Бога, но какъ темное чаяніе духа. Философическое, свободно-испытующее мышленіе хочетъ это неопредѣленное чувство, эту простую, естественную вѣру духа въ высшій порядокъ вещей возвесть до возможно-яснаго сознанія, до крѣпкаго, отчетливѣйшаго убѣжденія. А при этомъ выступленіи изъ первоначальнаго чувства, при этомъ испытующемъ вниканіи въ предметъ простой, естественной вѣры, философическое мышленіе ни мало не становится противникомъ чувства, разрушителемъ вѣры, естественной человѣку, и слѣдовательно оскорбленіемъ Религіи, почіющей преимущественно въ вѣрѣ. Философическое, свободно-испытующее мышленіе, при глубочайшемъ вниканіи духа въ самого себя, тотчасъ открываетъ въ немъ, какъ первоначальный и высочайшій законъ нашего разу-

ма, полагаемый въ основаніе всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ, законъ единства и разумной сообразности творенія съ цѣлію. Но міръ, съ его чувственно-познаваемыми предметами, является намъ въ формахъ разнообразія, противоположностей, несовершенства, а слѣдовательно это не есть то истинное бытіе, какого требуютъ первоначальные, коренные законы разума. Отъ того въ чистомъ разумѣ, далеко вознесенномъ надъ чувственными условіями познаванія, въ его высшемъ, философическомъ мышленіи, проявляется неотразимое требованіе — признавать бытіе Высочайшаго, истиннѣйшаго Существа, въ которомъ находятъ свое полное осуществленіе законы единства и сообразности творенія съ цѣлями, признавать это бытіе непосредственно, безъ доводовъ, т. е. признавать одною *вѣрою*. Такимъ образомъ философическое мышленіе, выступая изъ первоначальнаго чувства, доходитъ только до основаній того, что внушаетъ каждому чувство же; исходя изъ простой, естественной вѣры, опять приходитъ къ вѣрѣ же, къ идеальному убѣжденію въ бытіи Существа совершеннѣйшаго. Явно по этому, что философическое, свободно-испытующее мышленіе и познаваніе ни чуть не противоположно вѣрѣ естественной; на высшей степени своего развитія, оно не только не отвергаетъ вѣры естественной, а напротивъ, полагаетъ ее первымъ основаніемъ всякаго возможнаго вѣдѣнія; тѣмъ менѣе философическое убѣжденіе можетъ противодѣйствовать святынѣ Вѣры Откровенной, къ которой оно обращено всѣмъ

существомъ своимъ, потому что, какъ вѣра первоначальнаго чувства не имѣетъ твердости безъ убѣжденія философическаго, такъ философическое убѣжденіе, безъ Вѣры Откровенной, есть только тревожное состояніе духа, ничѣмъ неудовлетворяющагося; это взоръ самосознающаго разума, отъ земли, его неудовлетворившей, тоскливо обращенный къ небу, въ ожиданіи оттуда высшей, Божественной помощи.

Но Философія, какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ возбудителей воли къ осуществленію идеи добра въ жизни общественной, какъ сознательная защитница истины противъ неправыхъ притязаній мечтательнаго всезнанія, Философія съ этимъ выспреннимъ ея направленіемъ, подумаютъ, есть удѣлъ не многихъ, а цѣлыя школы и періоды Философіи не рѣдко рѣшительно противопоставлялись всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ идеямъ и явно предавались матеріализму и эгоизму. Съ перваго взгляда, это справедливо, потому что Исторія человѣческой мысли представляетъ намъ, дѣйствительно, самыя рѣзкія противоположности въ ея направленіяхъ. Во всѣ времена встрѣчаемъ мы здѣсь великихъ мыслителей, изъ глубины своего духа износившихъ свѣтъ вѣдѣнія, который служилъ путеводною звѣздою для народовъ, невѣдавшихъ истинной Религіи; встрѣчаемъ тѣхъ благотворительныхъ Геніевъ, которыхъ имена сіяютъ и донынѣ въ Исторіи человѣчества, вмѣстѣ съ свѣтлыми ихъ мыслями и чувствованіями. Но видимъ нерѣдко, какъ на поприщѣ міра появлялись цѣлыя полчища дерзкихъ

мечтателей, которые, желая по своему пересоздать человѣчество, воспламеняли умы своихъ послѣдователей до изступленнаго энтузіазма, презиравшаго все священное въ Религіи и обществѣ. Во всѣ времена Философія имѣла ревностныхъ защитниковъ истины и достоинства человѣческаго, имѣла своихъ мучениковъ; но съ другой стороны, появлялись въ ней нерѣдко и низкіе предатели истины, которые даже въ нѣдрахъ обществъ Христіанскихъ хотѣли зародить, и зараждали, духъ своемыслія и своеволія. Самый печальный и самый близкій къ намъ по времени примѣръ тому представляетъ Французская Философія, разлившаяся до Революціи, въ школѣ такъ называемыхъ Энциклопедистовъ, въ сочиненіяхъ Гельвеція, Ла Метри и въ извѣстной *Системѣ Природы*. Это была Философія, рѣшительно погрязшая въ самомъ грубомъ матеріализмѣ, издѣвавшемся надъ всѣмъ духовнымъ и идеальнымъ, какъ надъ пустыми грезами; Философія, поставлявшая низкій, чувственный эгоизмъ основнымъ началомъ человѣческой жизни, и такимъ образомъ исказившая нравственность въ самомъ ея корнѣ. Такое легкомысленное нападеніе на все священное и высокое въ жизни не могло не заключать въ себѣ разрушительныхъ элементовъ и въ политическомъ отношеніи; политическія теоріи этой школы не могли оставаться безъ вліянія на Французскую Революцію и бросили сѣмя, изъ котораго произрось чудовищный Якобинизмъ. Но, такъ какъ это суть заблужденія, зараждающіяся внѣ предметовъ философическаго мышленія, въ поверхностномъ и потому

не философическомъ умствованіи, то явно, что и это не можетъ быть поставляемо въ вину самой Философіи. Кто станетъ утверждать, что это превратное направленіе человѣческой мысли принадлежитъ къ существу Философіи? Если идея Религіи, добродѣтели и права положены въ природѣ человѣческаго духа, а философическое свободное мышленіе обращено собственно къ внутреннѣйшей природѣ нашего разума, то по самому существу своему, оно должно сознавать и признавать эти идеи; и только отъ тѣхъ, которые, выступивъ изъ первоначальнаго чувства, остановились на половинѣ пути къ философствованію, которые, заключившись въ безплодной области діалектическаго разсудка, ограничились поверхностнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на вещи, только отъ тѣхъ могутъ укрыться свѣтозарныя идеи истиннаго и добраго. Чѣмъ глубже проникаетъ мышленіе во внутреннѣйшее существо вещей, чѣмъ болѣе оно принимаетъ форму Науки, чѣмъ болѣе оно дѣлается философскимъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ полнѣй и яснѣй сіяютъ предъ нимъ благотворныя идеи. Гибельное, обращенное противъ Религіи и нравственности ученіе Французскихъ Энциклопедистовъ, не есть порожденіе Философіи; это слѣдствіе того, что легкомысліе и вѣтренность возобладали надъ Наукою и Философіею; это плодъ въ самомъ корнѣ поврежденнаго образованія, и съ существомъ Философіи не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени. И если первоначальное образованіе Философовъ какого бы то ни было народа зависитъ

собственно отъ духа и направленія самаго народа, среди котораго являются они, то зловредный источникъ вольнодумства, разливающагося изъ сочиненій мнимыхъ Философовъ, вытекаетъ собственно не только не изъ Философіи, но даже и не изъ умовъ философствующихъ, а изъ глубокаго нравственнаго поврежденія самаго же народа. Всѣ великіе люди, и въ особенности замѣчательнѣйшіе Философы, суть представители своего народа; они, какъ фокусы, только сосредоточиваютъ въ себѣ то, что уже разсѣяно въ народѣ, приводятъ къ сознанію, что и безъ того таится въ духѣ народномъ, только темно и безотчетно. Слѣдовательно, если Философы выражаютъ въ своемъ ученіи вредное и превратное направленіе духа, то это единственно потому, что таковъ духъ представляемаго ими народа; они возвращаютъ ему то, что приняли отъ него сами, возвращаютъ только въ другомъ, болѣе развитомъ видѣ; это отливъ волны народныхъ же мыслей и чувствованій, только усиленный новымъ напряженіемъ мысли, болѣе могучей и дѣятельной. Только при этомъ условіи философическое ученіе можетъ имѣть значительное вліяніе на самый народъ; только тогда восхищается онъ философическими идеями; только тогда принимаетъ ихъ съ живымъ участіемъ и усвояетъ ихъ съ восторгомъ, когда находитъ въ нихъ выраженіе своихъ собственныхъ понятій и чувствованій. Въ противномъ случаѣ, философическія идеи, самыя высокія и свѣтлыя, останутся неузнанными, какъ чуждыя духу народному; онѣ не примутся въ общественномъ мнѣніи,

какъ растеніе, въ несвойственной для него почвѣ; самыя внятныя и искреннія вѣщанія Философіи не найдутъ себѣ сочувствія, замрутъ какъ одинокій звукъ въ пустомъ пространствѣ. Вліяніе народнаго духа на духъ Философіи, неоспоримо таково же, какъ и дѣйствіе Философіи на дальнѣйшее развитіе понятій народа. Такъ всегда было и будетъ съ Философіею; такъ было съ нею и во Франціи въ XVIII столѣтіи. Народъ развратилъ и испортилъ тѣхъ, которые по дарованіямъ своимъ могли быть Философами.

2) Но если Философія, по существу своему, не опасна ни для Вѣры, ни для порядка жизни общественной, то конечно, скажутъ, она и непригодна ни къ чему въ практической жизни, въ которой должно дѣло дѣлать, а не философствовать. Эта мысль о безполезности Философіи до безмѣрности усилилась въ настоящее время, когда пользу поставляютъ выше всего, стремятся преимущественно къ пользѣ и пользою измѣряютъ и оцѣниваютъ все. Справедливъ ли этотъ упрекъ, дѣлаемый Философіи въ ея *безполезности?*

Обращая взоръ на то отношеніе, въ какомъ находится Философія въ теперешней, современной намъ жизни большей части людей, мы приходимъ въ крайнее затрудненіе, когда хотимъ оспоривать едва не общую мысль о безполезности Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пригодна она въ жизни человѣческой? Изъ всѣхъ Наукъ она кажется самая безполезная Наука. «Тѣмъ, которые посвящаютъ

«ей жизнь свою», говоритъ одинъ замѣчательный мыслитель Германскій, «не доставляетъ она ни «вѣрнаго дохода, ни прибыльнаго мѣста, ни высо«кихъ отличій; и въ частномъ выполненіи долж«ности не можетъ имѣть она приложенія ближай«шаго: не нуждается въ ней непосредственно Бо«словъ для того, чтобы проповѣдывать и нази«дать другихъ; не обращается въ ней Судья въ «дѣлопроизводствѣ и рѣшеніи тяжебъ; не требуетъ «ея содѣйствія Врачь, когда предписываетъ ре«цепты; еще менѣе можетъ она помогать въ «изобрѣтеніи и улучшеніи ремеслъ.»

Такъ, для исключительныхъ практиковъ Философія совершенно безполезна! Но къ чему жь самая польза? Какая цѣль ея? Еслибъ отвѣчали на этотъ вопросъ защитники исключительной полезности, то указали бъ, конечно, или на низшія только цѣли чувственнаго благосостоянія, или на безконечный рядъ однихъ средствъ, не приводящихъ ни къ какой цѣли. И этотъ послѣдній случай есть собственно истинный характеръ полезнаго: только то именно полезно, что служитъ средствомъ къ чему-либо; отъ того сама въ себѣ польза не заключаетъ никакой цѣли; а между тѣмъ исключительное стремленіе къ пользѣ, отвергая всякую другую цѣль, ложно выдаетъ само себя за цѣль всего, и чрезъ то смѣшиваетъ средства съ цѣлями жизни. Тогда работа и прибыль представляется самымъ главнымъ въ жизни, весь міръ признается фабрикой, жизнь торговою биржею, а человѣкъ рабочею машиною. Только самостоятельный философическій взглядъ на вещи тотчасъ

открываетъ намъ, что все полезное имѣетъ достоинство только какъ средство къ достиженію высшихъ, духовныхъ цѣлей жизни; что мы живемъ не для того только, чтобъ работать, а работаемъ для того, чтобъ жить, т. е. чтобъ истинно жить, чтобъ осуществлять истинныя цѣли нашей жизни. Когда же теряются изъ виду истинныя цѣли жизни, когда польза поставляется выше всего и признается мѣрою для оцѣнки и обсуживанія всѣхъ прочихъ вещей, тогда не погибаетъ ли все высокое и благородное въ жизни народа, вся энергія его духа? Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, устроеніе чугунныхъ дорогъ, становится тогда гораздо важнѣе, чѣмъ самыя значительныя открытія въ области Наукъ, и неутомимая заботливость человѣка промышленаго благороднѣе, чѣмъ вдохновенный подвигъ самопожертвованія для высшей идеи жизни; гдѣ все измѣряется единственно пользою, тамъ нѣтъ и быть не можетъ геройскихъ подвиговъ безкорыстія, самопожертвованія, и вообще истинно великихъ характеровъ. Такъ исключительное стремленіе къ пользѣ становится, по своимъ непремѣннымъ слѣдствіямъ, не говорю безполезнымъ, а вреднымъ и гибельнымъ для духа народнаго!

Неоспоримо, что стремленіе къ пользѣ, ограничиваемое должными предѣлами, составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей человѣческой жизни. Но потому только одному, что Философія не подходитъ подъ категорію вещей непосредственно полезныхъ, должно ли отвергать и унижать ея значеніе для жизни человѣческой? Идея

пользы есть первая изъ идей, надъ осуществленіемъ которой должно трудиться человѣчество; но кромѣ идеи пользы есть еще въ разумной человѣческой природѣ нѣчто высшее, нѣчто существенное для нашего духа, къ развитію и уясненію чего онъ долженъ стремиться непрестанно. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ поставленъ на землѣ, въ мірѣ не только чуждомъ для него, но и враждебномъ ему. Скоро изнемогъ бы слабый организмъ человѣка подъ разрушительнымъ вліяніемъ міра стихійнаго, если бы человѣкъ предался ему безотчетно, какъ рабъ послушный. Но человѣкъ научается противопоставлять свою собственную силу, силу разумѣнія и свободной воли, силѣ внѣшней Природы и, мало по малу, побораетъ ее, торжествуетъ надъ нею и является ея самостоятельнымъ владыкою. Устраняя препятствія, ему встрѣчающіяся, измѣняя дѣйствія и явленія физическаго міра, преобразуя, пересозидая ихъ въ свою пользу, онъ творитъ мало по малу Художество: первая побѣда человѣческой воли надъ силами Природы! Измѣряя пространство, его окружающее, исчисляя предметы, ему представляющіеся, и замѣчая ихъ свойства и дѣйствія, онъ кладетъ основаніе Наукамъ Математическимъ и Физическимъ; и вотъ новое торжество человѣка, — торжество его разумѣнія надъ тайнами Природы внѣшней! Эта побѣда человѣка, мало по малу одерживаемая надъ Природою, это болѣе и болѣе возрастающее торжество надъ враждебными ея силами, есть постепенное развитіе въ человѣчествѣ первой существенной ему идеи — идеи *полезнаго!* Славна эта побѣда его; но еще

далеко не удовлетворяетъ она требованіямъ его духа. Сквозь глубокую тму страстей первоначальнаго, еще неустроеннаго общества, какъ молнія, проторгается въ сознаніе человѣка, лучь новой свѣтозарной идеи— идеи *Правды*; сильнѣй и сильнѣй поражая вниманіе человѣка, наконецъ заронястъ эта идея въ сердцѣ его неотразимую потребность осуществить ее на дѣлѣ. Тогда является общество гражданское и политическое, какъ осуществленная правда, какъ правда на дѣлѣ. Торжество правды надъ неустроенною общежительностію человѣческою уже блистательнѣе побѣды человѣка надъ силами Природы физической, но не предѣлъ благороднымъ его стремленіямъ. При внимательномъ взглядѣ человѣка на внѣшнюю Природу, онъ тотчасъ поражается ея величіемъ и красотою, поражается величіемъ и красотою при взглядѣ на океанъ безбрежный, на громады горъ исполинскихъ, при видѣ свѣтлаго звѣзднаго неба, или стройной и величественной фигуры человѣка. Тогда пробудилась въ немъ самомъ идея *Изящнаго*. Овладѣвъ ею, человѣкъ развиваетъ ее, очищаетъ и возвышаетъ въ своихъ мысляхъ, и въ творческой фантазіи является идеалъ красоты, предъ которымъ блѣднѣетъ и тускнѣетъ красота отдѣльныхъ предметовъ міра дѣйствительнаго. Тогда пересоздаетъ человѣкъ предметы, пробудившіе въ немъ идею Изящнаго, по собственной идеѣ красоты и творитъ ихъ еще прекраснѣе. Это міръ Искусства. Но и этотъ міръ Изящнаго недостаточенъ для человѣка. Превыше міра Художествъ, общежитія и Искусства, человѣкъ усматриваетъ Бога.

Сознаніе Бога, отличнаго отъ міра, но являющаго свои совершенства въ мірѣ,— это *Религія* естественная. Но человѣкъ чувствуетъ въ себѣ еще новую потребность, потребность дать въ предметахъ своего вѣдѣнія отчетъ самому себѣ: это пробужденіе въ немъ идеи *Истиннаго*. Но, дать отчетъ самому себѣ возможно только при одномъ условіи, при условіи анализа, разложенія того, въ чемъ желаемъ дать самимъ себѣ отчетъ, при условіи преобразованія въ чистыя понятія того, что подвергается изслѣдованію духа. И такъ за естественною Вѣрою человѣка, за этимъ простымъ движеніемъ человѣческаго сердца, слѣдуетъ вниканіе, рефлексъ. Но какъ только предался человѣкъ углубленію, анализирующему размышленію, какъ только мысли своей подчинилъ свою же собственную мысль, то въ это самое время родилась уже въ его духѣ *Философія*. Достигла ли мысль самой себя? Она достигла своего крайняго естественнаго предѣла. Конечно, она можетъ озариться высшимъ свѣтомъ Откровенной Религіи: но это не есть степень ея собственнаго развитія, а дивная Божественная помощь человѣческому роду. И такъ Философія есть высочайшее торжество человѣческой природы, торжество мысли надъ самой собою, вѣнчаемое свѣтозарною идеею *истиннаго!* Удивительно ли послѣ этого, что для искателей обыкновенной пользы, Философія кажется рѣшительно *безполезною?* Область Философіи далеко вознесена надъ областію пользы съ ея прибылью и расчетомъ, такъ же точно, какъ выше этой области ея все великое и завѣтное въ

жизни человѣчества: добродѣтель, Искусство, Религія!

Впрочемъ, когда говоримъ мы, что Философія выше области обыкновенной пользы, то, по этому только, мы еще ни мало не соглашаемся съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, будто Философія не имѣетъ никакой цѣны практической. Не доставляя намъ выгодъ жизни обыкновенной, она не остается безполезною для той высшей жизни человѣка и человѣчества, къ которой сама относится она, какъ одно изъ лучшихъ ея проявленій. Тамъ, на свойственной для нея почвѣ, не остается она безплодною такъ же, какъ не остаются безплодными для человѣчества проявленіе идеи Справедливаго въ устройствѣ Государствъ, низведеніе идеи Изящнаго въ міръ дольный, осуществленіе идеи Святаго, идеи Религіи во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ человѣка. Философія, по существу своему, есть чистая любовь къ мудрости, есть стремленіе духа къ сознательному уразумѣнію истины: а кто познаніе истины назоветъ безполезнымъ?

Если же, когда-либо, опыты показываютъ, что Философія остается безъ видимаго вліянія на жизнь человѣка во всѣхъ ея отношеніяхъ: то это зависитъ не отъ Философіи, а отъ мнимыхъ *представителей ея и тѣхъ, для кого представляется она безполезною.* Свѣтлое созерцаніе высшихъ идей человѣческой природы дается не каждому человѣку самою Природою. Только избранныхъ своихъ она вводитъ въ то недоступное для другихъ святилище, гдѣ почіетъ идея вѣчной кра-

сопы; только посвященнымъ въ ея таинства открываетъ она обликъ изящества неземнаго, и то только въ немногія, рѣдкія минуты вдохновенія; только своимъ любимцамъ позволяетъ Природа возноситься до созерцанія идеаловъ Прекраснаго и возвѣщать о нихъ міру дольному, то въ гармоническихъ звукахъ, то въ стройныхъ и плѣнительныхъ формахъ. Такъ и въ Философіи. Идеи Истиннаго, какъ существенное и неоскудѣвающее содержаніе ея, такъ глубоко положены въ нѣдрахъ нашего собственнаго духа, такъ завиты предъ нашимъ собственнымъ сознаніемъ, что многіе усомнились даже въ дѣйствительности бытія ихъ. Потребна особенная сила и крѣпость духа, дабы низойти въ глубину его, озарить ее своимъ сознаніемъ, развить хотя одинъ изгибъ въ завѣтномъ свиткѣ нашихъ идей, постигнуть смыслъ хотя одной черты въ необъятной книгѣ истины, и тѣмъ явить себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ Философіи, свыше призваннымъ жрецомъ въ ея храмѣ. Но эта сила и крѣпость разумѣнія дается не многимъ. И изъ этихъ не многихъ всѣ ли постигаютъ свое предназначеніе? Изъ тѣхъ, которые темно ощутили въ себѣ высшіе порывы духа, тайное влеченіе къ любомудрію, всѣ ли могутъ, среди неумолимыхъ обстоятельствъ внѣшней жизни, предаться этому благородному стремленію духа? Изъ числа тѣхъ, наконецъ, которые могли бы, при внутреннемъ воззваніи, поспѣшить въ храмъ любомудрія, многіе ли рѣшаются на это дѣйствительно? Не часто ли человѣкъ бѣгаетъ именно того, для чего создала его Природа? Не

часто ли, какъ бы на перекоръ ей, во всю жизнь свою ищетъ занятій и успѣховъ именно въ томъ, къ чему отказала Природа въ способности душевной? Что жь должно произойти тогда съ Философіею? Одни не сознали въ себѣ внутренняго призванія къ ней; другіе не поспѣшили по этому зову: и вотъ являются нерѣдко самозванцы-Философы, люди безталанные и безполезные для Философіи, собственнымъ недостоинствомъ безславящіе имя ея въ мнѣніи общемъ, какъ имя Науки безплодной; непризванные пророки, они выдаютъ мечты своего слабаго, незрѣлаго духа за свѣтлое видѣніе истины, и звуки собственнаго нестройнаго голоса за ея небесныя вѣщанія.

И не одни только мнимые представители Философіи дѣлаютъ ее безплодною для людей, какъ софизмъ пустоцвѣтный. Философія есть самое нѣжное растеніе, требующее не только почвы ему приличной, но и атмосферы благопріятной. Мнѣніе публики — это атмосфера Наукъ вообще, и Философіи въ частности. Только тамъ роскошно развивается она, цвѣтетъ и приноситъ плодъ свой, гдѣ находитъ общее къ себѣ вниманіе и участіе, общую расположенность и надлежащее содѣйствіе. Напротивъ того, она скоро глохнетъ среди общихъ предубѣжденій противъ нея, преждевременно упадаетъ цвѣтъ ея отъ равнодушія къ ней, и скудный плодъ ея кажется дикимъ и невкуснымъ безъ теплоты сердечнаго въ ней участія. Это непремѣнно: гдѣ общее мнѣніе признаетъ Философію безполезною, тамъ она и дѣлается безполезною, вопреки ея собственной природѣ.

Съ другой стороны, Философія нерѣдко представляется безполезною потому, что ожидають и требують отъ ней не того, чего можно и должно требовать отъ ней; требують, на пр., чтобъ Философія, въ Психологіи, научила разгадывать душу такого, или другаго человѣка, въ частности; чтобъ она, въ Логикѣ, выучила написать то, или другое сочиненіе; чтобы она, въ Метафизикѣ, тотчасъ пояснила намъ какія-либо частныя явленія Природы въ ихъ ближайшихъ причинахъ и слѣдствіяхъ; однимъ словомъ, желаютъ, чтобъ Философія дала намъ свои наставленія для всякихъ, хотябъ-то самыхъ мелкихъ и незначительныхъ обстоятельствъ жизни. Но Философія не занимается и не можетъ заниматься этими частностями: она разсматриваетъ только общія формы, общіе законы всякаго бытія, а приложеніе ихъ къ даннымъ частностямъ зависитъ не отъ нея; примѣненіе, и особенно удачное ихъ примѣненіе къ случаямъ, требуетъ еще особаго умѣнья и знакомства съ опытностію. Къ чему же именно, спросятъ насъ, годится Философія? Какую доставляетъ она людямъ пользу, хотябъ-то высшаго разряда?

3) Говорить о пользѣ Философіи значитъ обращаться, нѣкоторымъ образомъ, къ общимъ мѣстамъ рѣчи. Но для тѣхъ, которымъ непремѣнно нужна польза во всемъ, коснемся здѣсь и этой стороны Философіи, скажемъ хотя нѣсколько словъ о ея пользѣ относительно *другихъ Наукъ и жизни дѣятельной*.

Мы сказали, что Философія занимается только общими законами и формами бытія. Легко могутъ

подумать, что отношеніе Философіи къ *другимъ Наукамъ* ограничивается, по этому, однимъ только вліяніемъ на нихъ чисто логическимъ. И многіе эмпирики дѣйствительно вѣрятъ, что они оказали совершенное уваженіе достоинству Философіи, когда признали полезными для Опытныхъ Наукъ ея строго логическія формы, ея опредѣленія, раздѣленія, систематичность, оставляя неприкосновеннымъ для нея самое содержаніе этихъ Наукъ. На пр., Испытатель Природы увѣренъ, что онъ совершенно философически развилъ свою Науку, когда своихъ звѣрей, свои растенія и минералы распредѣлилъ по классамъ и разрядамъ въ строго логической формѣ. Конечно, и эта форма значитъ уже весьма много для Опытныхъ Наукъ, потому особенно, что приводитъ къ ясному порядку и легчайшему обзору накопленные опытностію матеріалы; однакожъ, употребленіемъ логическихъ формъ мышленія не ограничивается вліяніе Философіи на другія Науки. Она имѣетъ еще гораздо важнѣйшія формы и глубочайшіе законы, — формы и законы *метафизическіе*, формы и законы не мышленія только, но и самаго бытія. Въ нихъ-то даетъ Философія тѣ условія, при которыхъ вообще возможно для человѣческаго познанія эмпирическое бытіе; и въ нихъ-то получаютъ эмпирическія Науки высочайшія начала, отъ которыхъ должны выступать всѣ ихъ объясненія и теоріи.

Вмѣстѣ съ этимъ открывается, что всѣ частныя, эмпирическія Науки болѣе или менѣе нуждаются въ Философіи; что всѣ онѣ должны обращаться къ ней, въ ней искать и въ ней на-

ходить свои высшіе законы и умственную для себя основу. Такъ Естествознаніе должно изъ Философіи почерпать свою Философію Природы, Исторія — свою Философію Исторіи; Филологія — философическое ученіе о словѣ, Юриспруденція — Естественное Право, Политика — философическое ученіе о Государствѣ, Медицина — свои системы и теоріи, основанныя на Философіи Природы. Не входя въ подробное объясненіе вліянія Философіи на каждую изъ этихъ Наукъ, коснемся здѣсь только тѣхъ, которыя признаются главнѣйшими въ нашихъ Факультетахъ, каковы: *Естествознаніе*, *Исторія* и *Правовѣдѣніе*.

Богатство и полнота явленій Природы, конечно, ближайшимъ образомъ дознаются только воззрѣніемъ и наблюденіемъ, и эта эмпирическая опора не можетъ быть отнимаема отъ Наукъ Естественныхъ. Кто не согласится, что необыкновенные успѣхи этихъ Наукъ въ новѣйшія времена были плодомъ неусыпныхъ наблюденій, неутомимаго собранія фактовъ, осмотрительныхъ опытовъ, а не умозрѣнія, такъ часто терявшагося въ безплодныхъ построеніяхъ? И однакожъ, тѣмъ не менѣе, Науки Естественныя должны обращаться къ Философіи. Наука, собственно, есть подчиненіе частнаго и разнообразнаго закону единства, и потому Естественныя Науки должны пояснить всѣ отдѣльныя явленія Природы изъ общихъ ея законовъ, должны имѣть *теорію Природы*. Но каждая теорія предполагаетъ общіе и необходимые законы прежде былей, которыя должны быть еще поясняемы; и слѣдовательно должна существовать

Философія, или лучше сказать, *Метафизика Природы*, которая независимо отъ опыта, изъ чистаго разума поставляла-бы всеобщіе и необходимые законы Природы. Этимъ не требуется для Наукъ Естественныхъ философическое *построеніе Природы*, а только теоретическое объясненіе эмпирическимъ явленіямъ. И истиннымъ методомъ для такого объясненія въ Наукахъ Естественныхъ признаемъ не движеніе синтеза отъ началъ и законовъ къ былямъ, отъ причинъ къ дѣйствіямъ, а обратный, аналитическій путь, восходящій отъ особыхъ случаевъ къ правиламъ общимъ, отъ дѣйствій къ ихъ причинамъ: однимъ словомъ, не умозрѣніе, а *наведеніе*. Но и самое наведеніе, какъ учитъ Логика, возможно потому только, что уже предполагаются общіе законы, къ которымъ были могутъ быть сводимы. И что, въ самомъ дѣлѣ, побудило бы насъ при взглядѣ на измѣненіе Природы, доискиваться причинъ, еслибъ до того еще не имѣлъ значенія въ нашемъ духѣ законъ причинности? Такимъ образомъ, даже метода Наукъ Естественныхъ предполагаетъ бытіе раціональной основы, предполагаетъ Философію Природы.

Гораздо труднѣе, кажется, подчинить всеобщимъ и необходимымъ законамъ Философіи частныя были *Исторіи*. Въ Природѣ господствуетъ необходимость, которая сама собою приводитъ насъ къ общимъ и непремѣннымъ законамъ явленій; а Исторія, напротивъ, есть дѣло человѣческой свободы, рядъ свободныхъ дѣйствій людей: какъ же опредѣлить ее по общимъ и необходимымъ за-

конамъ философическимъ безъ уничтоженія человѣческой свободы? И однакожь, свобода въ себѣ, идеальная свобода, ни мало не уничтожится, когда дѣйствія людей, какъ явленія, будутъ подлежать закону необходимости. Воля человѣческая свободна въ идеѣ, но въ своихъ временныхъ проявленіяхъ она подпадаетъ подъ законы міра явленій, законы Природы; эти только проявленія вносятся въ Исторію. Свобода сама въ себѣ вовсе не имѣетъ Исторіи; она всегда одна и таже; только явленія свободы измѣняются, и только они образуютъ міръ Исторіи. Еслижь Исторія человѣчества есть рядъ временныхъ проявленій человѣческаго духа, то и она, какъ Природа, должна быть цѣлостію, связнымъ организмомъ, и ея частныя были, слѣдовательно, могутъ поясняться изъ общихъ законовъ, изъ теоріи, какъ и явленій Природы. Эта идея и задача есть исходная точка *Философіи Исторіи*.

Историческіе факты, какъ и явленія Природы, дознаются конечно опытомъ; но для совершеннаго знанія еще недостаточно этого. Простой разсказъ историческихъ былей еще не можетъ имѣть притязанія на Науку. Истинная Наука Исторіи не есть только хронологическое размѣщеніе событій, простой перечень именамъ Царей, вождей и героевъ, списокъ войнъ, пораженій, изобрѣтеній, пестрая смѣсь замѣчательнѣйшихъ происшествій: только единство и порядокъ, планъ и идея, приведенныя къ ясному сознанію, дѣлаютъ Исторію тѣмъ, чѣмъ быть она должна, дѣлаютъ Наукою. А это возможно только подъ вліяніемъ

высшихъ законовъ Философіи Исторіи. Но законы, по которымъ она хочетъ опредѣлить въ Исторіи движеніе событій, не суть законы вѣчнаго, идеальнаго міроправленія, а естественные законы развитія человѣчества; она не можетъ высказать намъ Божественные планы о родѣ человѣческомъ, а научаетъ только, по какимъ законамъ развивается человѣчество, сообразно собственной природѣ его; она не построеваетъ Исторіи умозрительно, а только поясняетъ ее мало по малу, изъ законовъ человѣческой природы. И слѣдовательно истинная, разумная основа для Исторіи есть *Антропологія*, во всемъ ея объемѣ. Кромѣ антропологическихъ, или иначе теоретическихъ законовъ, Философія Исторіи содержитъ въ себѣ еще *практическіе законы*, по которымъ должны быть обсуживаемы историческія дѣйствія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и временъ. Это законы нравственныхъ цѣлей, тѣ вѣчныя идеи истины и добродѣтели, которыя ведутъ человѣка и человѣчество къ высшему ихъ предназначенію: въ нихъ только можно найти истинную мѣру для практическаго обсуживанія Исторіи; въ нихъ сокрытъ тотъ зиждительный элементъ, которымъ все распредѣляется въ Исторіи, безъ котораго все спутывается и смѣшивается, или представляется только мертвою необходимостію Природы. Слѣдить постепенное осуществленіе высшихъ нравственныхъ идей въ Исторіи человѣчества, уловить единство свободнаго, духовнаго человѣчества,— это настоящая задача истиннаго, т. е. философствующаго Историка.

Философическій элементъ необходимъ и для *Правовѣдѣнія*, будетъ ли оно разсматривать предметъ свой догматически, или исторически. При догматическомъ направленіи, Правовѣдѣніе останавливается, такъ сказать, на буквѣ закона, и довольствуется тѣмъ, когда данный матеріалъ отдѣльныхъ законовъ распредѣленъ по строго логической формѣ и понятъ смыслъ ихъ по первому взгляду и умозаключенію. Но подобное воззрѣніе на законъ недостаточно, ни для приложенія его къ дѣлу, ни для Науки и Законодательства. Кто хочетъ правильно прилагать законы къ случаямъ, тотъ долженъ напередъ выразумѣть ихъ вполнѣ; но истинное уразумѣніе дается только Наукою, выводится изъ началъ; а послѣднія начала для уразумѣнія Положительнаго Права извлекаются изъ философическихъ понятій о Правѣ. Истинный смыслъ закона заключается не въ буквѣ, а въ духѣ его. Но духъ законовъ постигается частію изъ историческаго ихъ происхожденія и образованія, а частію, и даже преимущественно, изъ идеи Права, первоначально почіющей въ духѣ человѣческомъ, и изъ основныхъ философическихъ понятій о Правомъ. Въ этомъ отношеніи, такъ называемая Историческая Школа имѣетъ уже значительнѣйшее достоинство предъ догматическою, потому что старается постигнуть внутренній смыслъ закона изъ связи его съ прошедшимъ, изъ народнаго духа и изъ первоначальной Природы учрежденія Правъ. Но и это направленіе Правовѣдѣнія недостаточно и неполно безъ участія элемента раціональнаго. Законовѣдѣніе Исторической

Школы есть только средина безъ начала и конца, отрывокъ безъ точки исходной и конечной цѣли. Школа эта слѣдитъ за историческимъ развитіемъ Права и предполагаетъ бытіе и цѣнность его, какъ фактъ историческій; но она не изъясняетъ, какъ вообще Право переходитъ въ Исторію, какое происхожденіе его въ человѣческой Природѣ, куда стремится его развитіе, къ какой цѣли движется оно? Это почерпается только изъ первоначальной идеи Права, которая положена въ человѣческомъ духѣ прежде всякой Исторіи, восходитъ далѣе всякой Исторіи и указываетъ ей путь и цѣль ея движенія. Что Права имѣли и имѣютъ свое значеніе въ человѣческой жизни, объ этомъ знаетъ Историческая Школа; но почему они имѣютъ и должны имѣть значеніе, на какомъ основаніи утверждаются они, — это только философствующій Юристъ можетъ показать изъ Философіи Права; только онъ провидитъ, что Право основано на личномъ достоинствѣ людей, какъ существъ разумныхъ, и происходитъ изъ одного источника съ идеей добраго вообще, что это есть не внѣшняя и физическая, а внутренняя и нравственная сила, которой подчиняется человѣкъ по нравственнымъ же побужденіямъ.

Таково вліяніе Философіи на другія Науки! Но этимъ еще далеко не ограничивается ея польза, простирающаяся на всю *жизнь человѣка* съ ея высшей стороны. Содѣйствуя умственному образованію духа, Философія не хочетъ оставаться только мертвымъ знаніемъ, а хочетъ жить и выражать себя въ чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и

поступкахъ, потому что всякое знаніе, а тѣмъ болѣе знаніе высшее, состоитъ въ живомъ соотношеніи съ сердцемъ и волею. Конечно, есть случаи жалкаго искаженія Природы, когда знаніе вовсе отрекается отъ вліянія на остальныя дѣйствія духа и расторгаетъ связь съ жизнію сердца. И Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ того, что и Философія устраняла себя отъ практической жизни, теряясь въ безплодныхъ ученіяхъ, въ пустыхъ отвлеченностяхъ. Но здравая Философія, и притомъ въ здравомъ духѣ, всегда была и есть практическою въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова; не теряя изъ виду своего отношенія къ жизни и ея цѣлямъ, она дѣятельно помогаетъ ихъ осуществленію своими свѣтлыми понятіями. Открываетъ ли намъ Философія познаніе Истиннаго—сущности, основы всѣхъ вещей? Это познаніе въ здравомъ духѣ дѣйствуетъ и на сердце, отторгая его отъ всего мелкаго и ничтожнаго и направляя къ истинному и существенному. Приводитъ ли насъ Философія къ убѣжденію въ бытіи высшемъ, нежели земной міръ съ его переходчивыми явленіями, къ бытію вѣчному, Божественному? Тогда вноситъ она въ нашу душу миръ и спокойствіе, возвышаетъ ее надъ всѣмъ скоро гибнущимъ и воспламеняетъ любовію къ небесному. Уясняетъ ли въ насъ Философія сознаніе о высшемъ предназначеніи нашей жизни? Этимъ самымъ она возбуждаетъ волю къ его осуществленію, побуждаетъ ее къ чисто-нравственному способу дѣйствованія. Если цѣль философическаго мышленія состоитъ въ томъ, чтобъ вознестись

до созерцанія гармоніи Вселенной, то быть не можетъ, чтобъ Философія не отразила этой гармоніи въ жизни человѣка; чтобъ она не привела въ согласіе съ высшею цѣлію Божественнаго міроправленія мыслей, чувствованій, желаній и дѣйствій того, чьи взоры обращены къ созерцанію этой гармоніи. «Невозможно»—говоритъ Платонъ—«не«престанно приближаться къ предмету съ любовію «и удивленіемъ, и не желать уподобиться ему. «Отъ того Философъ, обращенный къ тому, что «Божественно и подчинено закону гармоніи, и въ «себѣ отражаетъ эту гармонію и все Божествен«ное, сколько это возможно для человѣка.»

Еще важнѣе но посредственное, однакожъ существенное вліяніе, какое имѣетъ Философія на жизнь человѣческую въ связи съ *Религіею*, *Нравственностію* и *Искусствомъ*. Три свѣтозарныя идеи сіяютъ на тверди нашего духа: идея Истиннаго — въ нашемъ разумѣ, идея Прекраснаго — въ силѣ чувствованія и фантазіи, идея Добраго и Святаго — въ сердцѣ и волѣ. Отсюда — Наука, Искусство, Нравственность и Религія, какъ существеннѣйшія проявленія высшей стороны духа, какъ главнѣйшіе двигатели въ стремленіи человѣчества къ истинному его предназначенію. Но всѣ эти движенія и проявленія нашего духа суть выраженія одной и той же внутреннѣйшей его жизни; и потому онѣ связаны между собою тѣсно, взаимно поддерживаются и условливаются собою, такъ что въ разлученіи другъ отъ друга легко извращаются и искажаются. Отъ того и Философія, какъ жизненное начало, какъ душа Науки, охраняя

въ жизни человѣчества чувство религіозное и нравственное, чувство всего благороднаго и прекраснаго, еще болѣе сама поддерживается и охраняется ими....

И въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что Философія, какъ скоро она желаетъ быть здравою и полною силъ жизненныхъ, должна быть нравственною и религіозною, должна заключать въ себѣ идеи Добраго, идеи Вѣчнаго и Божественнаго. Уклоняясь отъ этого идеальнаго содержанія, Философія становится пустою, ничтожною игрою понятій, и погибаетъ въ своихъ умозрѣніяхъ, въ этихъ полярно-холодныхъ странахъ отвлеченнаго разсудка, въ которыхъ замираетъ и цѣпенѣетъ всякая жизнь чувства и дѣйствія. Но съ другой стороны, *Религія и Нравственность*, безъ свѣта Науки, легко могутъ потемниться. Конечно, Религія и Нравственность проистекаютъ не изъ Философіи; благочестіе и добродѣтель переходятъ въ жизнь, не дожидаясь, пока Наука сообщитъ имъ религіозныя понятія и нравственные законы; никакая Философія, никакое умозрѣніе не могутъ дать человѣку силы благочестія; добродѣтель истекаетъ изъ сердца и воли, животворимыхъ наитіемъ Высшей, неземной силы. Но оберегаетъ это драгоцѣннѣйшее достояніе наше отъ примѣси чуждаго и сторонняго, между прочимъ, и мысль разумнаго сознанія — Философія. Она защищаетъ религіозную Вѣру и Нравственность противъ невѣрія и суевѣрія.

И *Искусство*, какъ Религія и Нравственность, есть одинъ изъ представителей высшей стороны

духа. Искусство и Философія происшекаютъ изъ различнаго источника: Философія — изъ идеи истины, а Искусство — изъ идеи Изящнаго; но истина и изящество условливаются другъ другомъ, такъ же точно, какъ Нравственность и Религія, относительно Философіи. Истина, для полноты своей, требуетъ изящества; и только въ эстетическомъ воззрѣніи находитъ свою доконченность философическій взглядъ на міръ, потому что Наука оставляетъ непроходимую бездну между конечнымъ и безконечнымъ, и только Искусство можетъ непосредственно сочетать безконечное съ конечнымъ, какъ Изящное: Изящное есть не другое что, какъ ощутительное выраженіе безконечнаго въ конечномъ. Но за то и изящество только тогда бываетъ истинно изящнымъ, когда содержитъ въ себѣ, или представляетъ собою истину, — не ту истину эмпирической дѣйствительности, надъ которою далеко возвышается Искусство своей свободнотворческою силою, а идеальную истину бытія вѣчнаго. Она должна отпечатлѣваться во всемъ изящномъ, изъ всего изящнаго должна просвѣчиваться эта истина идей. Отъ того и въ жизни оба эти элемента — Истинное и Изящное, должны проникать себя взаимно и восполняться другъ другомъ. Тогда Философія и Искусство, въ своемъ соединеніи, будутъ указывать человѣку истинную точку зрѣнія на все бытіе земное, и истинный способъ нравственнаго дѣйствованія: Философія, какъ истина, скажетъ ему, что все чувственное, конечное, преходящее не имѣетъ само по себѣ никакого достоинства;

Искусство, какъ изящество, напоминаетъ ему, что все это, само по себѣ незначительное, есть однакожъ проявленіе и покровъ идей Вѣчнаго; а тѣмъ побуждая духъ его стремиться превыше всего переходчиваго и ничтожнаго къ этимъ внутреннѣйшимъ идеямъ Вѣчнаго, удержитъ его однакожъ отъ того мрачнаго взгляда на жизнь, по которому настоящій міръ представляется только темницею духа. При сочетаніи Философіи съ Искусствомъ, изящество умягчитъ строгость истины, которая, въ своей исключительности, легко можетъ переходить въ суровость; съ другой стороны, истина дастъ надлежащій нравственный вѣсъ тѣмъ изящнымъ дѣяніямъ, которыя такъ легко могутъ ограничиваться одною внѣшностію, безъ внутренняго духа требованій нравственныхъ. Въ такомъ случаѣ вся жизнь человѣка представила бы собой то, чѣмъ быть она должна, выразила бы истину въ нравственныхъ поступкахъ и изящество въ способѣ ихъ выполненія.

Таково вліяніе Философіи на всю дѣятельность человѣка, въ ея благороднѣйшемъ направленіи! А если это справедливо, если Философія дѣйствительно есть животворящее начало Наукъ, если она, сколько это возможно для познанія, движетъ практическою жизнію людей въ ея направленіи къ высшимъ цѣлямъ: то какъ отрицать ея высокое практическое достоинство, какъ отвращаться отъ нея, или нападать на нее, не унижая собственнаго достоинства, какъ человѣка, какъ существа нравственно разумнаго? Не должны ли, напротивъ, всѣ признавать высокое значеніе

Философія? Не должны ли всѣ безъ исключенія быть ея поборниками и друзьями? Не должны ли заниматься ею, по возможности, какъ существенною стороною истинно человѣческаго образованія? Конечно, не всякій человѣкъ въ частности можетъ заниматься Науками, а тѣмъ болѣе, не каждый можетъ и долженъ посвящать жизнь свою Философіи; но если безъ Философіи легко можетъ обходиться тотъ, или другой человѣкъ, это, или иное сословіе, то тѣмъ не менѣе она необходима для народа вообще. Что такое народъ въ своемъ общественномъ быту? какая цѣль существованія Государствъ? Народъ — это не есть толпа существъ, соединенныхъ въ одну массу внѣшнею силою, или страхомъ внѣшнихъ насилій, какъ думали нѣкогда Французскіе Сенсуалисты; общества людей существовали прежде, чѣмъ стали они подвергаться насиліямъ другъ отъ друга. Народъ — это не есть сборъ людей, занявшихъ удѣльный лоскутокъ земли для того только, чтобъ совокупными силами физическими удобнѣе отражать нападенія непріятелей, и потомъ спокойнѣе добывать только хлѣбъ насущный, и удовлетворять другимъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни просто животной. Побужденія внутренней, разумной природы, побужденія, заключающіяся въ нашемъ разумѣ, въ нашей волѣ и силѣ чувствованія, хотя въ началѣ и несознаваемыя, влекутъ людей къ общежитію и удерживаютъ ихъ въ общежитіи; для разумныхъ цѣлей живетъ человѣкъ на землѣ: тѣмъ болѣе изъ осуществленія этихъ же цѣлей образуются Государства подъ Верховною властію.

Но разумныя цѣли, для которыхъ собственно должны жить и подвизаться народы и все человѣчество, заключаются въ удовлетвореніи высшимъ потребностямъ нашей разумной, духовной природы, заключаются въ осуществленіи идей, положенныхъ Богомъ во глубинѣ нашего духа, въ осуществленіи идеи Нравственности и Религія, идеи Добраго и Святаго, какъ высочайшей потребности для нашей воли, въ осуществленіи идеи Прекраснаго, какъ требованія нашей силы чувствованія, и идеи Истиннаго, какъ существенной потребности нашего разума; при движеніи къ этимъ цѣлямъ все прочее въ жизни народовъ должно быть признано только средствомъ. А постепенное осуществленіе въ человѣчествѣ идеи Истиннаго есть плодъ медленныхъ, тяжкихъ усилій здраваго философствованія. Какъ же отказаться народу отъ занятій Философіею, какъ скоро онъ хочетъ стремиться къ осуществленію своихъ истинныхъ цѣлей?

Напрасно нѣкоторые, ссылаясь на духъ настоящаго, такъ называемаго *положительнаго* времени, думаютъ, что теперь всѣмъ и каждому надобно стремиться единственно къ непосредственно полезному въ жизни, и что потому легко можно пренебречь Философіею въ системѣ воспитанія народнаго. Что значитъ это *положительное* время, чего оно собственно требуетъ? Есть различныя эпохи въ жизни человѣчества, какъ и человѣка. Первоначально живетъ и дѣйствуетъ оно инстинктуально, силою непосредственнаго чувства: это періодъ младенчества, золотой вѣкъ

человѣчества. За тѣмъ первоначальное чувство уступаетъ мѣсто представленіямъ смысла, который, поражаясь явленіями Природы, но, не постигая существа ихъ, обращается къ силѣ производительнаго воображенія и подъ вліяніемъ его творитъ вымыслы и смѣшиваетъ ихъ съ дѣйствительностію: это эпоха человѣчества, начинающаяся героическими временами Исторіи и развивающаяся посреди миѳовъ, самыхъ роскошныхъ вымысловъ и поверхностнаго взгляда на дѣйствительность. За этими временами поэтической жизни человѣчества, пробуждается въ немъ потребность сознательнаго дѣйствованія и отчетливаго разумѣнія: это и есть такъ называемое *положительное* время; это эпоха строго-вникающей мысли, отвергающей все непонятное и неестественное, т. е. все, чему не находитъ она причины; это владычество понятія, которое во всемъ доискивается отчетливости, все раздробляетъ, анализируетъ, дабы дойти до послѣднихъ основаній, и разрушенное вновь построить съ знаніемъ дѣла, съ разумнымъ убѣжденіемъ. Но самовникающее понятіе, мысль, во всемъ доискивающаяся основанія и требующая живой, дѣйствительной истины, а не вымысла, или безотчетной довѣренности принятымъ мнѣніямъ, — это и есть собственно мышленіе философическое. И такъ настоящее, положительное время наше не только не отвергаетъ Философіи, а напротивъ, только въ ней и чрезъ нее можетъ и должно развиваться и осуществлять свои истинныя требованія.

И такъ ненапрасно и въ нашемъ любезномъ

Отечествѣ, по волѣ Августѣйшаго Монарха, мудрымъ и дѣятельнымъ Правительствомъ вводится Философія въ систему высшаго общественнаго образованія; ненапрасно и здѣсь, въ этомъ еще новомъ святилищѣ Наукъ, поставляется Философія на ряду съ другими высокими занятіями благороднаго и любознательнаго юношества. И въ ней наше Отечество должно искать и находить осуществленіе одной изъ величественнѣйшихъ идей человѣческой Природы. Отрадно сказать, что требованіе осуществленія этой идеи уже пробуждается въ духѣ народа Русскаго. У насъ повсюду начали теперь сознавать высокое требованіе народности, а благоразумное стремленіе къ народности можетъ притти въ исполненіе только подъ однимъ условіемъ—подъ условіемъ народнаго самопознанія; между тѣмъ самопознаніе народа, съ своей стороны, можетъ осуществляться мало по малу только тогда, когда онъ, обративъ свою мысль на самого себя, не только изучитъ свою прошедшую жизнь, жизнь своихъ предковъ, какъ историческій фактъ, но изслѣдуетъ свои собственныя, настоящія силы, физическія и психическія, дознаетъ все богатство ихъ для дѣятельности великой и разнообразной, пойметъ свои существенныя потребности, выразумѣетъ, что можетъ онъ сдѣлать своими силами, и къ чему, по этому, онъ долженъ стремиться и въ будущее время. Но это обращеніе мысли къ своему началу, это испытующее самовниканіе, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, есть предвѣстникъ появленія Философіи, или лучше

сказать, это есть уже самое философствованіе. И такъ, если мы хотимъ съ успѣхомъ стремиться къ народности, то мы должны обратить теперь свои силы, между прочимъ, и къ изученію Философіи: иначе мы пожелали бы достигнуть высокой цѣли, отвергая средство самое существенное.

Какова же должна быть Философія народа Русскаго, по своему *направленію* и своему *духу?* Философія есть развитіе и уясненіе движеній нашего сознанія; но какъ въ сознаніи нашемъ проявляется три существенныхъ момента: *я*, или духъ познающій, міръ, или *не я*, и причина того и другаго — Богъ: то главнѣйшихъ направленій и въ Философіи должно быть три: систематическое развитіе явленій и законовъ нашего познающаго духа, научное и притомъ опытное развитіе законовъ міра чувственнаго, и наконецъ примиреніе этихъ противоположностей въ высочайшемъ ихъ началѣ. Первое изъ этихъ направленій господствуетъ въ Германіи; второе развито во Франціи; но ни то, ни другое не удовлетворитъ насъ: Философія Русская не можетъ и не должна быть Философіею ни Французскою, ни Германскою. По теоріи можно доказать, что чистыя теоріи идеализма, сами по себѣ, въ своемъ отторженіи отъ опыта, теряются въ заоблачныхъ созерцаніяхъ, въ пустыхъ построеніяхъ; но съ другой стороны, тысячелѣтніе опыты свидѣтельствуютъ, что и опытъ, исключительно принятый вождемъ Философіи, приводитъ къ результатамъ, совершенно ложнымъ; на концѣ пути, на которомъ движется сенсуализмъ, рано

или поздно встрѣчаютъ неосторожнаго мыслителя матеріализмъ, фатализмъ, атеизмъ. Отъ того въ Германіи лучшіе мыслители начинаютъ чувствовать потребность не только соединенія теоріи съ опытомъ, но и высшаго примиренія ихъ въ верховномъ началѣ всякаго бытія, идеальнаго и реальнаго. Но двухъ различныхъ направленій одной и той же идеи не выражаетъ, въ равной степени, одинъ и тотъ же народъ: и потому осуществленіе этого третьяго, еще ожидаемаго *направленія* новой Философіи должно быть предоставлено иному народу, — народу великому и сильному, который, полагая краеугольнымъ камнемъ философствованія не опытъ и не умозрѣніе, а Вѣру, съ этой высоты духа могъ бы обнять однимъ взоромъ требованія и опыта и умозрѣнія, и тогда уже воздвигнуть стройное зданіе мысли, завершенное, какъ свѣтозарнымъ куполомъ, идеей всѣхъ идей — идеей Бога. Какому жъ народу предоставленъ великій удѣлъ воздвигнуть это великолѣпное зданіе мысли? Если вѣрно, что нашему Отечеству суждено нѣкогда обобщить частныя идеи теперешнихъ народовъ Европы: то несомнѣннымъ должно быть и то, что ему же предоставлено и это объединеніе противоположныхъ направленій Философіи, въ ея высшей основѣ.

Каковъ долженъ быть *духъ* философствованія въ нашемъ Отечествѣ, угадать не трудно. Философія есть, въ высшей степени, самосознаніе народное: слѣдовательно въ ней долженъ выражаться собственно духъ самаго народа; а духъ народа Русскаго кому не извѣстенъ? Примѣрное

благочестіе, глубокая преданность Отечеству и Царю—вотъ господствующія черты его характера и духа! Этимъ-то духомъ Философія нашего Отечества должна быть вся проникнута и животворима, потому что только тогда она будетъ достойною великаго народа Русскаго, только тогда она будетъ Философіею національною, произведеніемъ и достояніемъ нашимъ собственнымъ, а не заимственнымъ. И если гдѣ-либо, то не особенно ли здѣсь, въ этомъ святилищѣ Наукъ, она должна быть запечатлѣна такимъ характеромъ? Здѣсь поставлена колыбель Философіи на тѣхъ завѣтныхъ для насъ берегахъ Борисѳена, гдѣ зародилось нѣкогда Отечество наше; здѣсь водружено знамя Любомудрія на тѣхъ Священныхъ горахъ, гдѣ впервые водруженъ былъ Крестъ Христовъ, какъ залогъ имѣвшаго процвѣсти здѣсь Христіанства; а у колыбели Отечества, у самаго исходища нашей Святой Вѣры, какъ не развиваться и Любомудрію въ духѣ Вѣры и любви къ Царю и Отечеству?

2.

ОБРАЗОВАНІЕ ЯЗЫКОВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ ЛАТИНСКОЙ ЕВРОПЫ.

(Изъ лекцій объ Исторіи Словесности).

Всѣ языки Югозападной Европы, владѣющіе теперь столь богатыми литтературными сокровищами, а именно: Италіянскій, Испанскій, Португальскій, Французскій и частію Англійскій по вліянію Французскаго, суть, какъ извѣстно, дѣти древняго языка Латинскаго, и было время, когда эти языки, которые теперь богатствомъ произведеній своихъ достойно спорятъ съ языками Древности, представляли одно грубое, варварское искаженіе своего языка кореннаго, то же самое, что представляетъ теперь намъ образованный Русскій языкъ въ устахъ иностранныхъ племенъ Азіатскихъ и Европейскихъ, обитающихъ въ Россіи и говорящихъ по Русски. Какое поучительное и любопытное явленіе видимъ мы въ этихъ нарѣчіяхъ, изумляющихъ насъ теперь неистощимымъ рудникомъ выраженій для всякаго оттѣнка мысли! — Чѣмъ же были они въ началѣ?

грубымъ, безобразнымъ лепетомъ варваровъ, по своему говорившихъ на языкѣ Латинскомъ.

Изученіе образованія сихъ языковъ есть занятіе любопытное вообще, но особенно полезное и необходимое у насъ въ Отечествѣ, гдѣ всѣ Югозападные языки процвѣтаютъ болѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ народѣ. Отъ Россіи, гдѣ языкознаніе пустило корни въ самое воспитаніе народное, должно бы ожидать изобрѣтенія системы для легчайшаго и прочнѣйшаго обученія языкамъ Европейскимъ. Но для того, чтобы найти ключь къ этой системѣ, необходимо вникнуть въ Исторію языковъ Запада, въ ихъ первоначальное образованіе. На такомъ изученіи только можетъ быть основана Общая Сравнительная Грамматика Европейскихъ языковъ — сочиненіе, вызываемое господствующею у насъ потребностію. Но, къ сожалѣнію, при всемъ этомъ, Исторія образованія Западныхъ языковъ есть для насъ предметъ совершенно новый, котораго рѣдкіе Ученые въ Россіи касались.

Какъ всѣ Государства Югозападной Европы основались на развалинахъ Западной Римской Имперіи, которой первоначально были они составными частями, точно такъ же всѣ Югозападные языки произошли изъ развалинъ одного языка — Латинскаго, который есть ихъ общій и главный корень. Отсюда слѣдуетъ, что Исторія языковъ Западной Европы должна начинаться съ того времени, какъ Римляне вмѣстѣ съ оружіемъ своимъ распространили по всѣмъ завоеваннымъ областямъ Запада свой языкъ, и тѣмъ пріуготовили общую

почву, на которой должны были родиться языки новые. Какимъ же образомъ произошло это?

Въ системѣ завоеванія Римскаго было правиломъ — налагать на покоренные народы не только иго законовъ, но также и языка. Римляне понимали ту сильную связь, которая соединяетъ народы между собою посредствомъ слова. Особымъ закономъ повелѣно было, чтобы Преторы областей всѣ декреты и эдикты свои не иначе обнародывали какъ на языкѣ Латинскомъ; чтобы просьбы въ Сенатъ сочинялись по Латыни и чтобы судъ надъ покоренными не иначе совершался какъ на этомъ же языкѣ. Не только между варварскими народами, даже въ просвѣщенной Греціи и Азіи, Римляне распространили свой языкъ, по свидѣтельству Валерія Максима, и не иначе принимали отвѣты отъ Греціи въ сношеніяхъ съ нею, какъ на языкѣ Латинскомъ. Посланники отъ народовъ покоренныхъ отвергались, если не знали языка Римлянъ. Не только частные лица, но даже цѣлыя области получали право гражданства и политическія выгоды, если соглашались подчиниться обычаямъ Рима, дисциплинѣ воинской и гражданской, и Римскому языку.

Народы, покоренные Риму, сначала по необходимости узнавали языкъ, уступая насилію, а потомъ уже стали изучать его, побуждаемые къ тому выгодами и честолюбіемъ. Для просвѣщенной Греціи такая мѣра могла казаться насиліемъ, но для ваварскихъ странъ она была благодѣяніемъ, потому что вмѣстѣ съ языкомъ Римляне разливали и собранное ими со всѣхъ концевъ міра

просвѣщеніе. Притомъ же и мысль Римскаго Сената была великая: всѣмъ этимъ разнороднымъ племенамъ не льзя было дать инаго единства, кромѣ единства языка. Плиній Натуралистъ прекрасно выразилъ мысль сію слѣдующими словами: «Предки наши совокупляли во едино различныя области, укрощали ихъ нравы, и столь разногласныя и грубыя нарѣчія народовъ соединяли союзомъ одного языка, въ томъ намѣреніи, чтобы человѣкъ позналъ человѣчество, и чтобы разрозненная семья народовъ имѣла одну отчизну.»

Римляне славно достигли своей цѣли. Варвары быстро покорялись магнитной силѣ Римскаго образованія. Съ тою же охотою, съ какою варваръ мѣнялъ свой грубый плащъ на славную, почетную Римскую тогу, съ тою же охотою мѣнялъ онъ и грубыя слова свои на звучное слово Римское. Страбонъ говоритъ, что Бетическіе Испанцы, во время Римскаго владычества, такъ подчинились нравамъ иноземнымъ, что забыли свое родное нарѣчіе; что еще при Августѣ большая часть Галліи приняла нравы и языкъ Римлянъ. Даже самый Карѳагенъ, по свидѣтельству Бл. Августина, бывшаго тамъ проповѣдникомъ, промѣнялъ свой языкъ на Римскій. Августинъ, обращаясь къ народу Карѳагенскому съ одною древнею его пословицей, говоритъ: «такъ какъ вы не всѣ понимаете по Карѳагенски, я вамъ скажу ее по Латыни.» Вскорѣ эти страны, т. е. Испанія, обѣ Галліи и даже Африка, не только приняли языкъ Римскій, но дали Риму мужей знаменитыхъ въ войнѣ, въ Сенатѣ и даже на поприщѣ Словесности. Начиная со

втораго вѣка, Римскіе Писатели, по большой части, ведутъ свой родъ изъ варварскихъ областей: Испанія произвела фамилію Сенекъ, Лукана, Помпонія Мелу, Колумеллу, Марціала, Силлія Италика; Галлія дала Корнелія Галла, Петронія, Лактанція, Авзонія; Клавдіанъ и Аврелій Немезіанъ родились въ Африкѣ. Самая Исторія Литературы Римской блистательно свидѣтельствуетъ всемірное распространеніе Латинскаго языка и оправдываетъ слова Плутарха, который говоритъ, что, во время Траяна, почти всѣ смертные говорили по Латыни.

Перенесеніе столицы изъ Рима въ городъ Ѳракійскій, въ Византію, предавши Римъ нападенію варваровъ и удаливъ изъ него образованность Двора и мужей государственныхъ, могло имѣть весьма вредное вліяніе на языкъ Римскій и особенно на его Западное единство. Но тотъ же самый Константинъ, который перенесеніемъ столицы на Востокъ могъ нанести большой вредъ языку, принялъ Христіанскую Религію и уступилъ мѣсто новой Духовной власти, которая воздвиглась въ Римѣ, и оттуда простерши свое благотворное вліяніе на весь Западъ, распространеніемъ Христіанской Религіи содѣйствовала также и къ большему утвержденію единства въ языкѣ Латинскомъ. Сей послѣдній изъ языка политическаго сдѣлался языкомъ Церкви, которая повсюду разсылала своихъ миссіонеровъ для Христіанской проповѣди и обращенія варварскихъ народовъ. Уже не только опредѣленія Преторовъ и Проконсуловъ возвѣщались по Латыни, но опредѣленія и

глаголы самаго Бога, и ученіе Христіанское вмѣстѣ съ словами сильнѣе врѣзывалось въ простыхъ сердцахъ дикарей, чѣмъ эдикты Римской власти; а потому, какъ прежде свѣтская власть меча и гражданственности Римской способствовала къ водворенію Латинскаго языка на Западѣ, такъ потомъ Духовная власть Церкви едва ли еще не болѣе содѣйствовала къ утвержденію его единства.

Теперь мы ясно можемъ видѣть, какимъ образомъ Латинскій языкъ сдѣлался общимъ на всемъ Западѣ Европы и какъ уготовилась та почва, на которой должны были произрасти новые языки ея. — Какимъ же образомъ испортился и исказился этотъ языкъ Латинскій?

Первоначальная порча его послѣдовала, разумѣется, еще тогда, когда онъ смѣшался съ нарѣчіями грубыхъ племенъ, которыя обитали въ странахъ, покоренныхъ Римлянами. Говоря о упадкѣ слога въ Поэзіи Римской, я упоминалъ вамъ, что одною изъ причинъ этого упадка было также смѣшеніе языковъ. Многіе солецизмы Латинскіе этой эпохи отсюда ведутъ свое начало. Когда же настали времена смятенія, безпрестанныхъ варварскихъ набѣговъ и опустошеній, въ то время не могли уже по прежнему процвѣтать публичныя Школы и поддерживать единство изящнаго Латинскаго слова. Къ тому же должно присоединить, что и Начальники Церкви, будучи проникнуты болѣе духомъ Религіи, нежели учености, пренебрегали правильностію языка. Григорій Великій, жившій въ VI вѣкѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ обнаруживаетъ

великое презрѣніе къ Грамматикѣ и сознается въ томъ; что онъ не избѣгаетъ варваризмовъ, что онъ не хочетъ наблюдать управленія предлоговъ и проч., потому что ему кажется недостойнымъ дѣломъ подчинять глаголы небеснаго вѣщанія правиламъ Грамматики Доната, и потому, что никакой толкователь Св. Писанія никогда не уважалъ ихъ. Узнавъ, что Дидрихъ, Епископъ Віенскій, училъ Грамматикѣ, Григорій Великій, какъ Папа, писалъ ему сильные за то упреки. Безпредѣльная ненависть къ язычеству довела Григорія Великаго до того, что онъ сжегъ даже всѣ экземпляры Тита-Ливія, какіе только могъ найти. Григорій, Епископъ Турскій, первый Лѣтописецъ Франціи, также говоритъ, что онъ часто вмѣсто женскаго рода ставитъ мужескій, женскій употребляетъ за средній, пропускаетъ предлоги, замѣняетъ винительные падежи творительными и обратно. Такимъ образомъ первые Литераторы того времени, которыми были Духовныя особы, содѣйствовали сами порчѣ Латинскаго языка: можетъ быть, въ этомъ случаѣ они хотѣли быть понятнѣе для простаго народа, котораго языкъ еще болѣе былъ испорченъ. При Папѣ Захаріи, жившемъ во второй половинѣ VIII вѣка, были уже Священники, которые не умѣли правильнымъ образомъ произнести простой формулы, употребляемой при крещеніи.

Такъ портился Латинскій языкъ; но главною виною его искаженія и преобразованія въ новыя формы были варвары. Прежде чѣмъ изложу мнѣнія Ученыхъ о томъ, какъ совершилось это преобразованіе, я долженъ предложить мнѣніе нѣкоторыхъ

Италіянскихъ Филологовъ, отрицающихъ вліяніе варварское на языкъ Италіянскій.

Хотя мнѣніе это касается только происхожденія новаго языка Италіи, но оно связывается вообще съ нашимъ предметомъ. Эти Ученые суть: *Леонардо Бруни*, Кардиналъ Бембо, Чельсо Читтадини, Квадри и Маффеи. Они отвергаютъ вліяніе варваровъ на языкъ Италіянскій и утверждаютъ, что онъ такъ же древенъ, какъ и Латинскій; что въ лучшія времена Римской Словесности, искони существовало въ Римѣ два языка: одинъ изящный Латинскій, который употреблялся Поэтами, Ораторами и Учеными, а другой простонародный, которымъ говорила чернь, — и сей-то языкъ, по ихъ мнѣнію, есть корень языка Италіянскаго. Они основываются на словахъ, встрѣчающихся въ Комедіяхъ Плавта, которыхъ языкъ, какъ извѣстно, приближается къ языку Римской черни; тѣ же самыя слова находятся и въ теперешнемъ Италіянскомъ языкѣ, какъ напр. *cambiare* вмѣсто permutare, *batuo* (по Италіянски batto) вмѣсто verbero или percello. Такъ на нѣсколькихъ словахъ основывается цѣлая система, объясняющая происхожденіе языка. Одинъ изъ Ученыхъ, помянутыхъ нами, именно Маффеи, думаетъ, что господство этого языка народнаго надъ языкомъ грамматическимъ и правильнымъ послѣдовало въ то время, когда столица перенесена была изъ Рима въ Византію; что это искаженіе Латинскаго языка началось еще до нашествія варваровъ и, увеличиваясь постепенно, произвело языкъ совершенно новый, отличный отъ прежняго.

Не льзя не признать, что нѣкоторыя слова вошли въ Италіянскій языкъ изъ древняго Плебейскаго языка Италіи и вошли такимъ образомъ, какъ объясняетъ это Маффеи. Но, чтобы весь Италіянскій языкъ произошелъ изъ особеннаго языка Римской черни, такое мнѣніе нелѣпо. Римская чернь хотя и имѣла нарѣчіе грубѣйшее, въ которомъ находились многія особенныя слова и выраженія, какія находятся въ языкѣ всякой черни; но ни одинъ Писатель Римскій не говоритъ, чтобы языкъ народа былъ совершенно иной, чѣмъ языкъ Литературы. Это мнѣніе Леонардо Бруни и Бембо, развитое болѣе ученымъ Маффеи, о происхожденіи языка Италіянскаго отъ нарѣчія Римской черни, проистекаетъ изъ того источника, что всѣ эти Ученые смотрѣли на Латинскій языкъ, какъ на языкъ высокой Литературы, а на Италіянскій, какъ на простонародный, и отдавали предпочтеніе первому. Потому и производили они Италіянскій языкъ отъ языка Римской черни, въ смыслѣ унизительномъ, а не такъ, какъ думаетъ Вильменъ, утверждая, что причина этому была Италіянская гордость и желаніе произвести начало отечественнаго языка отъ временъ Цицерона. Исторія Италіянской Словесности, содержащая въ себѣ непрерывную борьбу языка Латинскаго съ Италіянскимъ, представитъ намъ это въ самомъ ясномъ свѣтѣ.

Источникъ заблужденія помянутыхъ Ученыхъ заключался въ томъ, что они смотрѣли на образованіе своего языка отдѣльно, а не въ связи съ прочими языками Западной Европы. Только изъ

такого общаго воззрѣнія происхожденіе каждаго изъ нихъ можетъ намъ объясниться. Мураттори, неутомимый Филологъ Италіянскій, собравшій всѣ памятники Латинской письменности варварскихъ вѣковъ, по Архивамъ Италіи, для составленія Исторіи отечественнаго языка, первый нанесъ ударъ мнѣнію, нами приведенному, и утверждалъ непосредственное содѣйствіе варварскихъ языковъ въ образованіи языка Италіянскаго. За Мураттори послѣдовали Апостоло Зено, Фонтанини и другіе; но всѣхъ основательнѣе изслѣдовалъ это дѣло Миланскій Филологъ Графъ Пертикари, другъ и родственникъ знаменитаго Монти, человѣкъ глубокомысленный, который много содѣйствовалъ возрожденію Италіянскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія и, къ сожалѣнію, былъ похищенъ раннею смертію у своего отечества. Пертикари изложилъ почти полную Исторію Италіянскаго языка въ своихъ сочиненіяхъ: Della difesa di Dante, u degli Scrittori del Trecento.

Возвратимся же теперь къ нашему вопросу: какимъ образомъ Латинскій языкъ, распространившійся по всему Западу Европы, былъ преобразованъ варварами? — И здѣсь образованіе одержало вторичную побѣду, совершенно обратную предъидущей. Прежде завоеватели образованные, Римляне, наложили свой языкъ на грубые народы, ими покоренные; въ послѣдствіи же необразованные, грубые завоеватели приняли языкъ народовъ, ими побѣжденныхъ, разумѣется, исказивъ его по своему. Такимъ образомъ Латинскій языкъ, какъ языкъ просвѣщенія, насильно вошелъ въ уста варварскія

и вложилъ главную стихію въ новыя нарѣчія. Пертикари, объясняя это преобразованіе, приводитъ одно явленіе, весьма замѣчательное, которое извлекъ онъ изъ сочиненій, писанныхъ въ вѣкахъ первоначальнаго смѣшенія языковъ новой Европы: онъ нашелъ, что всѣ слова, относящіяся къ необходимостямъ житейскимъ,— по большой части Латинскія; слова же, принадлежащія къ дѣламъ управленія и войны,— большею частію варварскія. Причина тому очень естественна: побѣжденный по неволѣ узнавалъ тѣ слова, которыя предписывало ему насиліе побѣдителя; побѣдитель же тѣ, которыхъ требовала нужда. Готѳу хотѣлось хлѣба: онъ слышалъ какъ Латинскіе Плебейцы говорили: da mihi illum panem. Онъ хотѣлъ подражать имъ, но какъ варваръ, недоговаривая словъ, отсѣкая ихъ окончанія, говорилъ: da mi il pan, и такимъ образомъ превращалъ древній Латинскій языкъ въ свой новый. Съ своей стороны, побѣжденный, безпрестанно слышавшій о войнѣ и о всѣхъ ея принадлежностяхъ, невольно перенималъ слова побѣдителя, выражавшія эти предметы. Такимъ образомъ въ Италіянскій языкъ и въ другія Западныя, съ другими измѣненіями, вошли слѣдующія слова: guerra отъ war, wehr; arnese отъ harnish (harnois), латы; spada шпага; strale стрѣла; ammazzare отъ mazza (massue) булава; alloggiamenti квартиры войска; scherma (schirm); scaramuccia (éscarmouche) и проч. Такимъ же образомъ вошли имена: Feudatario, Vassallo, Barone, Maliscalco (maréchal) и иныя, выражавшія разныя званія военныхъ Сановниковъ. Съ другой стороны, всѣ имена,

относящіяся къ Искусствамъ, къ Наукамъ, къ разнымъ удобствамъ жизни, которыя не могли быть извѣстны грубымъ варварамъ, переходили къ нимъ отъ народовъ Римскихъ или Романскихъ. Такимъ образомъ языкъ искажался взаимными усиліями обѣихъ сторонъ — и побѣдителей и побѣжденныхъ. Сисмонди прекрасно объясняетъ измѣненіе или, лучше, смѣшеніе двухъ языковъ посредствомъ примѣра, который въ новое время совершался на островѣ Сенъ-Доминго, гдѣ Французскій языкъ игралъ роль Латинскаго, Африканскіе языки роль варварскихъ или Тевтонскихъ, а Креольскій, проистекшій изъ смѣшенія Французскаго и Африканскаго, роль того новаго языка, который въ вѣкахъ варварства раждался отъ Латинскаго съ Тевтонскимъ.

Это смѣшеніе языковъ продолжалось въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, начиная съ VI вѣка по XI, пока наконецъ не образовался изъ сего смѣшенія новый языкъ. Письменнымъ же языкомъ продолжалъ быть языкъ Латинскій. Искаженіе изустное содѣйствовало также и къ искаженію языка на письмѣ. Ренуаръ замѣчаетъ, что акты, принадлежащіе къ Духовному сословію и управленію Церкви, какъ напр. декреты Соборовъ, буллы и грамоты Папъ, сочиненія нѣкоторыхъ Епископовъ, относящіяся къ этимъ вѣкамъ варварства и невѣжества, отличаются еще, если не изяществомъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторою правильностію слога. Но напротивъ того, всѣ акты свѣтской власти, какъ-то: хартіи или дипломы Королей, Графовъ, феодальныхъ владѣтелей, равно и акты свѣтскихъ

Чиновниковъ VI, VII, VIII, IX и X вѣка, наполнены ошибками. Мураттори въ Архивахъ Италіи отыскалъ контракты Латинскіе, писанные Нотаріусами въ VIII вѣкѣ, въ которыхъ особенно видно это искаженіе и замѣчательны уже новые обороты. Такая Латынь, необходимая для дѣлъ свѣтскихъ, болѣе приближалась, разумѣется, къ обыкновенному употребительному языку, чѣмъ языкъ особъ Духовныхъ, болѣе ученый. Высчитаемъ общія признаки искаженія Латинскаго языка въ этихъ столѣтіяхъ. Всѣ гласныя перемѣшивались между собою и ставились одна вмѣсто другой, напр. *e* вм. *i* (basil*e*ca вм. basil*i*ca, pag*e*nam вм. pag*i*nam), *i* вм. *e* (pl*i*nius вм. pl*e*nius, r*i*cto вм. r*e*cto, quat*i*nus вм. quat*e*nus), *o* вм. *u* (vol*o*mus, l*o*crari вм. vol*u*mus, l*u*crari), *u* вм. *o* (auct*u*r*e*tate, вм. auct*o*r*i*tate, n*u*s вм. n*o*s, temp*u*re вм. temp*o*re). При этомъ не соблюдалось никакого условнаго правила, никакой аналогіи, а все это было произвольно. Правила Грамматики совершенно нарушались. Формула крещенія, какъ ее произносили при Папѣ Захаріи, можетъ служить образцемъ такого искаженія: in nomine de Patria, et Filia, et Spiritua Sancta. Но и въ памятникахъ письменности то же самое. Предлоги управляли падежами произвольно, какъ напр. ab hodiernum die, ab eumdem Salomonem, absque praejudicium и проч. Прилагательныя имена и мѣстоименія почти никогда не согласовались съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ напр. cum domibus et vineis ad se pertinentes; casa qui appellatur и проч. Подлежащее ставилось очень часто не въ именительномъ па-

дежѣ: Ipsas monachas vel earum abbate debeant possidere; si aliquas causas adversus istud monasterium ortas fuerint. Такой же произволъ уничтожалъ управленіе глаголовъ, именъ, творительный мѣста и времени. Ренуаръ въ своемъ сочиненіи приводитъ безчисленные тому примѣры, взятые имъ изъ актовъ Государственныхъ. Въ нихъ же находятся примѣры новыхъ оборотовъ, какіе начинали уже быть вводимы. Такъ напр. для означенія родительнаго падежа, который не умѣли означать окончаніемъ, употребляли предлогъ *de*, для означенія дательнаго падежа предлогъ *ad*, а самымъ именамъ существительнымъ давали окончаніе произвольное, какъ напр. donatio de omnia bona, Episcopos de regna nostra, in praesentia de judices; donabo ad conjux, praeceptio ad viro illustri data. Встрѣчаются также очень часто мѣстоименія: ille и ipse, въ видѣ члена. Въ этихъ примѣрахъ вы видите уже начало оборотовъ новыхъ языковъ, означеніе падежей посредствомъ предлоговъ. Такъ съ одной стороны, языкъ Латинскій теряетъ свою грамматическую правильность, разрушается, съ другой принимаетъ новые обороты.

Если Латинскій языкъ такъ искажается на письмѣ, то какъ же долженъ онъ былъ искажаться въ устахъ народа! Такъ, мало-по малу, посредствомъ этого искаженія образовывался языкъ, такъ называемый, сельскій или простонародный Романскій (lingua Romana rustica seu Latina rustica), или, какъ онъ еще называется, lingua vulgaris. Романскимъ назывался этотъ языкъ потому, что всѣ народы, которые имъ говорили, были издревле

подданными Рима и приняли название Римлянъ, какъ и называются они во всѣхъ историческихъ свидѣтельствахъ того времени. Даже по настоящему слѣдовало бы называть этотъ языкъ Римскимъ, но въ отличіе отъ настоящаго Римскаго мы называемъ его Романскимъ, такъ какъ и Французы называютъ его langue romane, а не Romaine. Отъ имени сего-то языка, какъ извѣстно, ведетъ свое начало имя Романтической Поэзіи, какъ Поэзіи тѣхъ народовъ по преимуществу, которые говорили языкомъ Романскимъ.

Сей-то языкъ, по мнѣнію Ренуара, былъ нѣсколько времени общимъ языкомъ всего Запада Европы. Через него прошли всѣ тѣ языки, которые ведутъ свое начало отъ языка Латинскаго. Ренуаръ изслѣдовалъ формы сего Романскаго языка по памятникамъ, предшествовавшимъ 1000 году, подвелъ ихъ подъ общія грамматическія правила, и изложилъ Исторію этого языка, извлеченную имъ изъ историческихъ свидѣтельствъ. Руководствуясь его ученымъ сочиненіемъ, я изложу вамъ вкратцѣ эту Исторію, и потомъ формы, въ какихъ явился самый языкъ. Въ этихъ формахъ мы окончательно увидимъ то искаженіе, какое принялъ языкъ Латинскій отъ варваровъ.

Начало этого Романскаго языка Ренуаръ относитъ къ началу Монархіи Французской: ибо съ этихъ самыхъ временъ Писатели начинаютъ различать два языка: Романскій и Ѳеотійскій, т. е. Тевтонскій. Въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ, къ концу VI вѣка, находятся вѣрные признаки существованія сего языка въ словахъ солдатъ, приводимыхъ

Лѣтописцами, какъ напр.: torna, fratre, retorna. — Указъ Албоасема, Короля Мавровъ, царствовавшаго въ Испаніи, писанный по Латыни въ 734 году, заключаетъ въ себѣ много выраженій, относящихся явно къ языку Романскому. Луитпрандъ, писавшій около 950 года, говоря о происшествіяхъ 728 года, свидѣтельствуетъ намъ, что въ Испаніи существовали уже тогда языкъ Валенціи и языкъ Каталанскій, которые въ существѣ своемъ были не что иное, какъ тотъ же языкъ Романскій. Во многихъ памятникахъ Исторіи Италіи VIII и IX вѣка встрѣчаются слова: corre, avent (ayant), ora (теперь), слова языка Романскаго. Въ жизнеописаніи Св. Адалгарда, Аббата Корбійскаго, который родился около 750 года, сказываютъ объ немъ, что онъ прекрасно говорилъ на языкѣ простонародномъ. Въ 960 году, одинъ ученый Италіянецъ, Гонзонъ, пишетъ, что ежедневное употребленіе языка простонароднаго, приближающагося къ Латинскому, не мѣшаетъ ему знать правила Грамматики Латинской: слѣдовательно, этотъ Романскій языкъ находился уже въ всенародномъ употребленіи. Одна Эпитафія Папы Григорія V, умершаго въ концѣ X вѣка, славитъ его за то, что онъ говорилъ и на языкѣ простонародномъ (Usus francisca, vulgari, et voce latina, Instituit populos eloquio triplui).

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, которыхъ привести можно бы было еще болѣе, мы видимъ, что сей языкъ давно существовалъ и скоро вошелъ во всеобщее употребленіе. Когда же онъ сдѣлался общимъ всему Западу Европы и признанъ за языкъ

всенародный? — Ренуаръ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, относитъ это событіе къ вѣку Карла Великаго и полагаетъ, что въ его время языкъ Романскій былъ уже общимъ простонароднымъ языкомъ всего Юга Франціи, части Испаніи и всей Италіи. Ренуарь приводитъ одинъ любопытный анекдотъ, который разсказанъ въ жизни Св. Ліобы, въ актахъ Бенедиктинцевъ. Въ царствованіе Карла Великаго, одинъ больной Испанецъ путешествовалъ по Святымъ мѣстамъ Франціи, Италіи и Германіи, моля Бога о своемъ излеченіи. Наконецъ пріѣхалъ онъ въ Фульду, городъ Гессенскій, ко гробу Св. Ліобы, и былъ исцѣленъ. Священникъ Фульдскій разспрашивалъ его о любопытномъ исцѣленіи, и онъ все разсказалъ ему. Какъ же могли они понимать другъ друга? Историкъ, современный происшествію, объясняетъ это тѣмъ, что Священникъ былъ Италіянецъ и понималъ языкъ Испанца (quoniam linguae ejus, eo quod esset Italus, notitiam habebat). Этотъ анекдотъ есть достаточное свидѣтельство того, что у Италіянцевъ и Испанцевъ былъ въ то время языкъ общій.

Простонародный языкъ такъ уже началъ господствовать во Франціи во время Карла Великаго, что сей Государь въ 787 году счелъ за нужное призвать изъ Рима Грамматиковъ, чтобы возобновить во Франціи изученіе Латинскаго языка. Наконецъ, въ началѣ IX вѣка, а именно въ 813 году, на Соборахъ, собранныхъ въ Турѣ и Реймсѣ, для возстановленія Духовной дисциплины, закономъ постановлено, чтобы каждый Епископъ имѣлъ у

себя гомиліи или народныя поученія о вѣчной наградѣ добрымъ и о вѣчной казни ожидающей злыхъ, о воскресеніи мертвыхъ, о Страшномъ Судѣ и проч., и чтобы эти поученія переводились или на простонародный языкъ Романскій или на Теотическій, для всеобщаго уразумѣнія (ut easdem homilias quisque aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur). Такъ поставлено было на Соборѣ Турскомъ. XV статья актовъ Реймскаго Собора повелѣваетъ Епископамъ проповѣдывать на томъ языкѣ, какой понятенъ народу. Въ томъ же 813 году, Карлъ Великій подтвердилъ это повелѣніе особымъ капитуларіемъ. Такимъ образомъ, Романскій языкъ былъ уже законами и Духовными и свѣтскими признанъ за языкъ народнаго поученія, и изъ приведенныхъ статей Соборовъ мы можемъ заключить, что въ то время вся Имперія Карла Великаго говорила двумя языками: Романскимъ народнымъ и Нѣмецкимъ.

Наконецъ самый древнѣйшій памятникъ Романскаго языка, какой только дошелъ до насъ, относится къ 842 году. Это есть торжественная клятва, которая произнесена была Людовикомъ, Королемъ Германіи, и Карломъ Лысымъ, Королемъ Франціи, и народами ихъ, въ 842 году 13 Марта, въ Стразбургѣ, въ знакъ ихъ прочнаго мира между собою, коимъ намѣрены они были прекратить свои долговременныя несогласія. Каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести клятву на языкѣ врага своего: по этому Людовикъ Германскій и народъ его клялись на языкѣ Романскомъ. Историкъ Нит-

гаръ, разсказывающій сіе событіе, приводитъ и самую клятву. Языкъ сего памятника, по мнѣнію Ренуара и Графа Перпикари, занимаетъ совершенную средину между древнимъ Латинскимъ языкомъ и новыми языками Европы. Остроумный Перпикари поставилъ этотъ первый памятникъ Романскаго языка между Латинскимъ его переводомъ, такъ какъ бы написали его по Латыни въ пятомъ вѣкѣ, и между Италіянскимъ его переводомъ, въ прозѣ XIII столѣтія, и ученымъ образомъ доказалъ, что языкъ сей есть настоящій переходъ отъ Латинскаго языка къ Италіянскому, совершенная средина между тѣмъ и другимъ. Все, что входитъ въ текстъ Романскій, Перпикари напечаталъ въ обоихъ трехъ образцахъ крупными буквами, а всѣ измѣненія какъ Латинскаго, такъ и Италіянскаго образца, напечаталъ мелкими буквами такъ, что если вы прочтете въ обоихъ боковыхъ образцахъ, т. е. Латинскомъ и Италіянскомъ, только то, что напечатано крупными буквами, то выйдетъ изъ нихъ одинъ и тотъ же средній текстъ Романскій. Очевидное, математическое доказательство, и верхъ филологическаго остроумія! Другой еще важнѣйшій памятникъ языка Романскаго, который, по мнѣнію Ренуара, писанъ до 1000 года, т. е. въ X вѣкѣ, есть Поэма въ стихахъ на заключеніе Боэція, изданная Ренуаромъ вмѣстѣ съ другими памятниками языка Романскаго.

Не смотря на то, что языкъ Романскій, судя по этимъ очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ языкомъ народнымъ въ то время,—Латинскій языкъ

еще долго продолжалъ быть языкомъ письменнымъ; но что особенно важно, есть даже народные памятники на этомъ языкѣ, а именно двѣ солдатскія пѣсни, которыя Сисмонди приводитъ въ своей Исторіи Южныхъ Литературъ. Одна изъ этихъ пѣсенъ была сочинена въ Италіи въ 871 году солдатами Императора Людвига II, которые этою пѣснію возбуждали другъ друга къ освобожденію своего Государя отъ плѣна, въ коемъ содержалъ его Аделгизъ, Герцогъ Беневентскій. Эта пѣсня писана длинными стихами въ 15 и 16 слоговъ, съ цезурою по срединѣ. Латинскій языкъ этой пѣсни исполненъ грамматическихъ ошибокъ всякаго рода. Другая пѣсня писана гораздо позднѣе, относится къ 924 году и сочинена была для солдатъ Моденскихъ, защищавшихъ стѣны своего города противъ Венгерцевъ. Латинскій языкъ этой пѣсни гораздо правильнѣе чѣмъ предъидущей: видно, что ея Авторъ нѣсколько зналъ древнихъ Писателей. Стихи состоятъ изъ 12 слоговъ и съ цезурою въ срединѣ: всѣ они риѳмуютъ посредствомъ созвучій, по образцу стиховъ Испанскихъ. Эти народные Латинскіе памятники свидѣтельствуютъ намъ, что Романскій языкъ былъ еще грубъ въ то время и безсиленъ для того, чтобы создать народную пѣснь. Не мудрено, что пѣсни Духовныя и Поэмы этого времени сочинялись на языкѣ Латинскомъ, потому что это былъ языкъ Церкви и Ученыхъ; но если пѣсня солдатская пѣлась по Латыни,—это значитъ, что не было другаго языка, на которомъ можно бы было выразить народную пѣсню. Должно замѣтить однакожь, что эти двѣ

пѣсни суть уже послѣдніе памятники народной Латинской Поэзіи; и къ концу X вѣка даже ученая Поэма о Боэціи написана по Романски: великій шагъ новаго языка, приуготовившій рожденіе юныхъ Словесностей Юга!

Изложивъ Исторію Романскаго языка, слѣдуетъ теперь перейти къ формамъ его измѣненій, вошедшихъ въ составъ всѣхъ новыхъ языковъ Западной Европы, отъ него происходящихъ, по мнѣнію Ренуара. Здѣсь Ренуаръ предлагаетъ множество любопытныхъ филологическихъ фактовъ.

Во-первыхъ, весьма замѣчательно образованіе именъ существительныхъ. Почти всѣ они безъ исключенія составились отсѣченіемъ окончанія отъ нѣкоторыхъ падежей, преимущественно винительнаго. Какъ здѣсь живо виденъ слѣдъ этихъ варваровъ, которые не могли произносить иначе словъ, какъ отсѣкая ихъ концы, и по свойству Сѣверныхъ языковъ, изобилующихъ согласными, давали словамъ такое же окончаніе на согласную букву. Такъ напр. множество существительныхъ именъ образовалось посредствомъ отсѣченія окончанія Винительнаго падежа на em, какъ-то: abbat, accident, art, infant, mont, nativitat, virtut и проч. Также всѣ слова въ Романскомъ и Французскомъ языкахъ, кончащіяся на on, по порядку Словаря, начиная отъ abdication до vocation, всѣ составились отсѣченіемъ винительнаго падежа. Я не знаю, почему Ренуаръ принимаетъ винительный падежъ, а не другой, но это все равно, потому что тогда падежи не существовали. Ренуаръ дѣлаетъ это вѣроятно съ цѣлію, чтобы всѣ измѣненія подвести

подъ нѣкоторыя общія формы Грамматики. Иныя имена существительныя образовались отсѣченіемъ окончанія именительнаго, какъ напр. aur-um, bannus, chor-us, lup-us, mur-us, honr-o, sac-cus, riv-us, odorat-us, abus-us, ablativ-us, accent-us, suc-cus, fund-us и проч. Иногда же прибавлялась гласная, когда слово, отъ усѣченія, оканчивалось двумя согласными, какъ напр. вм. arbitrum arbitr-e, simulacr-um, templ-um. Когда же имя существительное Латинское своимъ окончаніемъ на согласную сообразовалось съ характеромъ Сѣвернаго языка, то оно такъ безъ измѣненія и оставалось, какъ напр. animal, amor, valor, murmur и проч. Прилагательныя имена составились точно такимъ же образомъ посредствомъ усѣченія окончаній: assidu-us, human-us, just-us, long-us и проч.

Склоненія были потеряны въ новомъ языкѣ, потому что падежи уже не наблюдались. Надобно было однако возстановить оные, ибо безъ нихъ не льзя же было выражать отношеній предметовъ между собою. Мы уже видѣли изъ примѣровъ попорченной Латыни VIII и IX вѣка, какъ прибѣгали въ этомъ случаѣ къ предлогу *de* для выраженія родительнаго падежа и къ предлогу *ad* для выраженія дательнаго. Но когда не было въ рѣчи этихъ предлоговъ, существительныя имена, утратившія свои окончанія, были не узнаваемы. Для того, чтобы узнавать ихъ, прибѣгнули къ посредству мѣстоименій, изъ которыхъ образовался членъ. Нѣкоторые Ученые еще у древнихъ Писателей Римскихъ находятъ зародышъ такого члена. Вильменъ приводитъ одну фразу Цицерона, а именно: Romani sales salsiores

sunt quam illi Atticorum, которую можно было бы, какъ онъ говоритъ, принять за галлицизмъ. Но, что мудренаго! Цицеронъ самъ же предостерегаетъ современниковъ противъ солецизмовъ, которые даже въ его время, начинали вкрадываться въ языкъ. Мудрено ли, что онъ какъ-нибудь пропустилъ такой солецизмъ въ своей прозѣ? Вильменъ видитъ въ этой фразѣ Цицерона стремленіе къ новымъ формамъ языка. Но Вильменъ часто на одной фразѣ строитъ цѣлую систему ученую. Члена у древнихъ Римлянъ въ языкѣ рѣшительно не было: Ренуаръ полагаетъ, что языкъ Готѳскій и Франкскій, имѣвшіе членъ, содѣйствовали къ образованію члена въ языкѣ Романскомъ, и для этого-то послужили мѣстоименія Латинскія: ille и ipse. Во всѣхъ памятникахъ исторической Латыни, начиная съ VI вѣка до X, вы безпрестанно встрѣчаете эти два мѣстоименія ille и ipse, употребляемыя вмѣсто члена для означенія существительныхъ, напр. calices argenteos IV..... *Ille* medianus valet solidos xxx.... Et *ille* quartus valet solidos XIII (VI в.). *Illi* Saxones...... Persolvant de *illos* navigios (VII в.). *Ipsum* monasterium......, vastatum est, et omnes res quas *ipsi* monachi habebant cum *ipsis* chartis deportata (VII в.). Dono praeter *illas* vineas, quomodo *ille* rivulus currit.... totum *illum* clausum и т. д. Примѣровъ безконечное множество. Изъ этого ille, illa произошелъ черезъ нѣкоторыя перемѣны членъ въ языкѣ Романскомъ, а потомъ во всѣхъ языкахъ Югозападныхъ. Изъ мѣстоименія же ipse, ipsa, произошло мѣстоименіе указательное — и произ-

водство сдѣлалось посредствомъ отсѣченія ip отъ se и sa. Замѣчательно, что Сардинское нарѣчіе, сохранившее въ чистотѣ многія формы первобытнаго Романскаго языка, имѣетъ членомъ so и sa, явно происходящій отъ ipse, ipsa. Романскій членъ il, lo, la, происходящій отъ мѣстоименія ille, illa, сокращеннаго устами варварскими, послужилъ для склоненія именъ существительныхъ съ придачею предлоговъ de и a. Мѣстоименія образовались также черезъ сокращеніе: Jo, jeu отъ ego, mi отъ mihi, me изъ me, ti отъ tibi, il отъ ille, el отъ ellum, которое встрѣчается еще въ Комедіяхъ Плавта и Теренція вмѣсто illum; lui отъ illui, lo отъ illo, ella отъ illa, ella отъ illos, loro (leurs) отъ illorum; este, esto, (Испанское и Романское) отъ iste, ista; qui отъ qui; que, такъ часто встрѣчающееся, отъ quem; qual, quel отъ qualis и т. д. Я не могу вамъ въ подробности излагать всѣхъ измѣненныхъ формъ новаго языка, а указываю на нѣкоторыя главныя.

Точно такъ какъ имена существительныя и прилагательныя образовались посредствомъ отсѣченія окончаній, — такъ и общая форма глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи составилась посредствомъ отсѣченія окончательной гласной *e*, которою они кончаются по Латыни, какъ напр. изъ amare, tenere, subire произошло amar, tener, subir. Здѣсь опять ясно видѣнъ обычай варварскій —отсѣкать гласныя. Но главная перемѣна послѣдовала въ общей системѣ спряженій, а именно введеніе глаголовъ вспомогательныхъ. Откуда же явилась эта новая форма? Ренуаръ и за нимъ

Вильменъ видятъ зародышъ этого вспомогательнаго глагола во многихъ изреченіяхъ древнихъ Латинскихъ Писателей, а именно: вотъ фразы Т. Ливія: Urbem quam parte captam, parte dirutam habet; еще: praemisit omnem equitatum quem ex omni provincia coactum habebat.... vectigalia parvo pretio redempta habet.... De Caesare satis dictum habeo, которое въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ Французскому: j'en ai dit assez sur César.... Эти примѣры весьма замѣчательны; они встрѣчаются и въ позднѣйшихъ памятникахъ Латыни уже испорченной. Но все же сіи фразы не показываютъ еще цѣлой системы спряженій, основанной на глаголахъ вспомогательныхъ. Глагола habere, какъ вспомогательнаго, мы въ Грамматикѣ Латинской не находимъ. Здѣсь явно видно вліяніе формъ варварскихъ, Готескихъ или Германскихъ, переведенныхъ на языкъ Латинскій. Но не льзя отвергнуть того, что Латинскій языкъ, заключая въ себѣ нѣкоторыя подобныя формы, предложилъ ихъ для новой системы спряженій, и что прежде было въ немъ исключеніемъ, то сдѣлалось въ послѣдствіи общею формою. Для Германскаго haben послужило исковерканное изъ habere — aver, для seyn — esse, превращенное въ esser, и stare, превращенное въ estar, которое сохранилось въ Испанскомъ. Должно замѣтить, что Ренуаръ въ этомъ случаѣ слабо допускаетъ вліяніе языковъ Сѣверныхъ и хочетъ вывести новую систему спряженія глаголовъ изъ нѣкоторыхъ древнихъ оборотовъ языка Латинскаго. Онъ говоритъ, что Сѣверные языки имѣли сверхъ этихъ

глаголовъ вспомогательныхъ еще другіе, какъ то видно въ Англійскомъ и Нѣмецкомъ: werden, mögen, können, sollen, wollen и такъ далѣе. Plusieurs considérations permettent de douter que l'exemple de ces langues ait influé directement sur l'emploi des auxiliaires *aver* et *esser* dans l'idiome roman. Однако онъ не отвергаетъ совершенно этого вліянія, а отрицаетъ только одно прямое и исключительное вліяніе. Что касается до частицы que, связывающей глаголы между собою и замѣнившей неопредѣленную Латинскую рѣчь,—онъ находитъ этотъ оборотъ у Готѳовъ и Франковъ, но находитъ его также и въ нѣкоторыхъ оборотахъ Латинскихъ. Всѣ предлоги, нарѣчія и союзы Романскаго языка суть, въ корнѣ своемъ, предлоги, нарѣчія и союзы Латинскіе, искаженные варварами и иногда измѣнявшіе свое значеніе.

Изъ этого общаго обозрѣнія мы можемъ нѣсколько видѣть, какъ образовался языкъ Романскій или простонародный Римскій изъ Латинскаго смѣшаннаго съ варварскимъ, или лучше, искаженнаго варварами. Сей-то языкъ, по мнѣнію Ренуара и Пертикари, въ продолженіе нѣкотораго времени, а именно отъ Карла Великаго до XI вѣка, былъ общимъ языкомъ всего Запада Европы. Всѣ языки, происходящіе отъ Латинскаго, а именно Италіянскій, Французскій, Испанскій, прошли такъ сказать черезъ этотъ языкъ, и потому-то гораздо болѣе имѣютъ сродства съ нимъ, чѣмъ между собою. Языкъ же, который всѣхъ болѣе къ нему приближается, есть языкъ Провансальскій, и остатки этого первоначальнаго Ново-Европей-

скаго Романскаго языка находятся еще и теперь, по свидѣтельству Ренуара, на всемъ Югѣ Франціи, въ языкѣ простаго народа, на островахъ Балеарскихъ; а Пертикари находитъ развалины онаго во всѣхъ простонародныхъ нарѣчіяхъ, которыя и теперь еще слышны въ разныхъ частяхъ Италіи.

Вильменъ отвергаетъ мнѣніе Ренуара, чтобы сей Романскій языкъ былъ когда-нибудь общимъ всему Западу и Югу Европы, гдѣ только распространился языкъ Латинскій, и чтобы всѣ языки Ново-Европейскіе, происходящіе отъ Латинскаго, прошли черезъ него. Онъ представляетъ тому нѣсколько опроверженій, которыя мы высчитаемъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что это измѣненіе Латинскаго языка варварами не могло во всѣхъ странахъ совершаться однообразно, по однимъ и тѣмъ же правиламъ Грамматики, подъ которыя Ренуаръ подвелъ формы языка Романскаго. Случай не можетъ быть вездѣ однообразенъ: однообразіе предполагаетъ Науку, условные законы. Напр. одно и то же слово Dominus въ разныхъ мѣстахъ измѣняется различно: будетъ и Domine, и Dom, и Don, и Dueno, какъ случится; но чтобы во всѣхъ мѣстахъ разные народы исковеркали его одинаково — это быть не можетъ. Отъ общаго опроверженія a priori Вильменъ переходитъ къ самому частному доказательству. Онъ говоритъ: если всѣ существующіе языки Латинской Европы перешли черезъ Романскій, и Романскій языкъ есть посредствующій между сими языками и Латинскимъ языкамъ: то они должны бы во всѣхъ своихъ формахъ и словахъ быть ближе къ Роман-

скому, чѣмъ къ Латинскому. Вильменъ приводитъ примѣръ противнаго, въ Италіянскомъ глаголѣ tenere. Прошедшее не совершенное по Италіянски будетъ teneva, по Романски tenia: teneva не ближе ли къ Латинскому tenebat, чѣмъ tenia? «Слѣдовательно какимъ же образомъ»—говоритъ Вильменъ— «можно предполагать, чтобы teneva, дабы произойти отъ tenebant, перешло черезъ tenia?» Доказательство остроумно, но одно слово̀ что̀ же значитъ? Однимъ словомъ можно ли опровергать цѣлую систему? Да и какъ же въ такомъ буквальномъ смыслѣ принимать слова Ренуара, чтобы всѣ слова Испанскаго, Португальскаго, Французскаго и Италіянскаго языковъ, всѣ слова до малѣйшаго, перешли чрезъ слова языка Романскаго? Напр. это слово tenia по Испански будетъ точно такъ же какъ по Романски. Испанскій языкъ въ этомъ случаѣ оправдываетъ Ренуара, а Италіянскій нѣтъ. Изъ такого частнаго примѣра можно ли что-нибудь заключить? И что же значитъ одно слово противъ того философическаго сравненія, которое сдѣлалъ Пертикари, сличивъ первый памятникъ Романскаго языка съ Латынью V вѣка и съ Италіянскимъ языкомъ XIII столѣтія и доказавъ переходъ?

И такъ, частное опроверженіе Вильмена, взятое отъ примѣра, ни къ чему не можетъ вести; но общее его опроверженіе, взятое имъ a priori, не льзя не принять въ уваженіе. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Латинскій языкъ, входя въ уста разноплеменныхъ варваровъ, и еще до ихъ нашествія едва ли не представлявшій уже нѣкоторыхъ

различій мѣстныхъ, въ разныхъ странахъ, какъ то въ Испаніи, на Югѣ Франціи, по всей Италія, измѣнялся всюду одинаково, по однообразнымъ формамъ одной Всеобщей Грамматики, какъ будто бы всѣ варвары въ одно время на то согласились? Такое предположеніе было бы нелѣпо. И я недумаю, чтобы такъ разумѣлъ это неутомимый изслѣдователь Романскаго языка, Ренуаръ. Конечно, онъ, какъ Философъ, можетъ быть слишкомъ увлекся стремленіемъ своей Науки, и желая подвести подъ слишкомъ общія формы всѣ эти измѣненія, впалъ въ нѣкоторую крайность. Но такое стремленіе въ ученомъ Филологѣ весьма понятно и простительно. Не будемъ же однако привязываться къ его словамъ и принимать ихъ въ буквальномъ смыслѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы привести ихъ ad absurdum..

Есть много доказательствъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ то Италіянское слово tenere, на коемъ утвердился Вильменъ, изъ которыхъ видно, что былъ уже въ то время такой языкъ, съ которымъ всѣ новые языки, отъ Латинскаго происходящіе, гораздо сходнѣе, чѣмъ между собою. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣлѣ, Испанецъ, вылечившійся у гробницы Св. Ліобы, могъ разговаривать съ Италіянскимъ Священникомъ и понимать его? Вильменъ говоритъ, что и теперь Италіянецъ пойметъ Испанца. Можетъ быть, въ нѣсколькихъ словахъ, но цѣлаго разговора они вести не могутъ. Конечно, мы не можемъ знать, долго ли разговаривали они между собою; но замѣчаніе Лѣтописца, который прибавляетъ, что они могли понимать

другъ друга, потому что одинъ былъ Испанецъ, а другой Италіянецъ, имѣетъ важную силу. Теперь не льзя бы было привести однако такого замѣчанія. При другихъ доказательствахъ этотъ анекдотъ очень важенъ.

Возьмите первый памятникъ этого Романскаго языка — клятву, говоренную Людовикомъ Германскимъ и его народомъ — разберите этотъ памятникъ по одному слову: какихъ словъ вы не найдете здѣсь? Вы найдете еще слова чисто Латинскіе: nunquam, jurat, conservat, nulla, in damno sit; вы найдете слова и ново- и древне-Италіянскія: altresi, cosa, salvarai, fradre почти fratre, cadhuna (cadauna); вы найдете слова Испанскія: самое слово cadauna есть Испанское, такъ какъ и древне-Италіянское; отъ poblo въ Испанскомъ происходятъ poblar, poblazo, poblacho; savir, podir близко къ Испанскому saber и poder; есть слова древне-Французскія: salvament, sagrament, prindrai, plaid; есть слова ново-Французскія: en avant, son, nul; Провансальскихъ словъ болѣе чѣмъ другихъ. И такъ въ этомъ небольшомъ отрывкѣ, не видите ли вы въ самомъ дѣлѣ смѣшенія всѣхъ новыхъ нарѣчій Латинской Европы, какого-то хаоса, гдѣ всѣ они являются въ зародышѣ,— и съ тѣмъ вмѣстѣ никакихъ формъ, постоянно утвержденныхъ, никакого языка, уже образовавшагося? Однимъ словомъ, этотъ языкъ не даетъ ли намъ нѣкоторое понятіе о томъ языкѣ Вавилонскаго столпотворенія, въ которомъ были смѣшаны языки всѣхъ народовъ, въ которомъ заключался зародышъ каждаго изъ нихъ, но ни

одного еще изъ нихъ не было въ настоящемъ видѣ?

Памятники всѣхъ языковъ Латинской Европы, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе приближаются къ этому языку Романскому. Провансальское нарѣчіе, ранѣе всѣхъ образовавшееся, есть самое къ нему ближайшее. Замѣчательно, что Ренуаръ, подводя этотъ языкъ подъ формы грамматическія, держался болѣе формъ Провансальской Грамматики. Пертикари, столь глубоко и окончательно изучивши древніе памятники Италіянской Поэзіи въ сравненіи съ памятниками Провансальской, замѣчаетъ, что произведенія сей послѣдней, чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе подходятъ къ Италіянскому языку, и напротивъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе отъ него удаляются. Еще Дантъ говорилъ, что Италіянскій, Провансальскій и Испанскій языки суть три нарѣчія одного и того же языка. Изъ Исторіи Италіянской Поэзіи намъ извѣстно, что всѣ первые Поэты Италіи, особливо Сѣверной, писали на Провансальскомъ языкѣ; что при дворѣ Эстовъ, при фамиліи Аццо, Поэзія Провансальская находила особенное покровительство. До самыхъ временъ Данта, Провансальская Поэзія процвѣтала въ Италіи, и Дантъ въ своей Поэмѣ влагаетъ Провансальскіе стихи въ уста одному Поэту, котораго выводитъ онъ въ чистилищѣ. Изъ всего этого не слѣдуетъ ли заключить, что было время, когда языкъ Италіянскій былъ весьма близокъ къ Романскому и составлялъ съ нимъ почти одно? Пертикари находитъ, что теперешнее Римское нарѣчіе есть древнее нарѣчіе Провансальское.

Италіянскій языкъ, какъ извѣстно, позднѣе образовалъ свои музыкальныя окончанія на гласныя. Извѣстно, что онъ въ этомъ случаѣ послѣдовалъ вліянію Сицилійскаго нарѣчія: ибо въ Сициліи собственно началась Италіянская Поэзія, и окончанія на гласныя называются окончаніями Сицилійскими. Стало-быть, древній Италіянскій языкъ не имѣлъ этихъ окончаній музыкальныхъ, а въ немъ господствовали окончанія на согласныя. Таковъ именно характеръ Романскаго языка, какъ мы это видѣли: вотъ еще новое и сильное доказательство тому, что древне-Италіянскій языкъ приближался къ Романскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ на Сѣверѣ Италіи, въ нарѣчіяхъ Венеціянскомъ и Ломбардскомъ, слова кончаются на согласныя.

Изъ этихъ доказательствъ ясно, что Италіянскій языкъ въ своемъ источникѣ былъ одно и то же, что языкъ Романскій. Это можно утвердительно сказать и объ Испанскомъ языкѣ, котораго Каталонское нарѣчіе, самое древнѣйшее, первоначально служившее Поэзіи Испанской, есть почти совершенно то же, что и Провансальское.

Чѣмъ болѣе вы будете узнавать Французскій, Испанскій, Италіянскій языки, въ ихъ древнѣйшихъ памятникахъ и въ ихъ разнообразнѣйшихъ нарѣчіяхъ, тѣмъ доступнѣе будетъ для васъ языкъ Прованса и языкъ Романскій. Не мудрено, потому что въ немъ встрѣчаете вы то Италіянское слово, то Испанское. Если же вникнете во всѣ простонародныя нарѣчія, которыя теперь еще живы въ разныхъ областяхъ Испаніи, Италіи, и

особенно Южной Франціи, то можете совершенно воскресить этотъ загадочный Романскій языкъ, которымъ говорила Западноюжная Европа Среднихъ вѣковъ, Европа Карла Великаго.

И такъ, къ какому же заключенію мы должны притти послѣ всѣхъ нашихъ изслѣдованій? Къ тому во 1-хъ, что всѣ языки, происходящіе отъ Латинскаго, нѣкогда были гораздо ближе между собою, потому что они были ближе къ единому и общему ихъ источнику, т. е. къ языку Латинскому; что, удаляясь отъ него болѣе и болѣе и образуясь самостоятельно, эти языки постепенно теряли свое сходство между собою и сдѣлались другъ другу непонятны. Языки, какъ воды, говоритъ извѣстный Италіянскій Филологъ Ланци: чѣмъ болѣе отдаляются они отъ своего источника, тѣмъ болѣе измѣняются. Во 2-хъ, былъ въ древности, во времени Карла Великаго, такъ называемый простонародный Романскій языкъ, который представлялъ первоначальное искаженіе Латинскаго языка варварами и былъ безобразнымъ смѣшеніемъ или хаосомъ всѣхъ языковъ Латинской Европы, хаосомъ, въ коемъ всѣ нарѣчія имѣли свой зародышъ. Неправильность и произвольность этого искаженія въ разныхъ странахъ была причиною того, что народы понимали другъ друга, хотя всякій искажалъ языкъ по своему; но такъ какъ они искажали одинъ и тотъ же коренной языкъ, слѣдовательно могло понимать другъ друга. Въ послѣдствіи эти искаженія приняли уже формы болѣе правильныя и мѣстныя, и перестали быть понятны. Представьте себѣ: если бы Французъ,

Нѣмецъ, Италіянецъ, Англичанинъ стали говорить по Русски: всякій искажалъ бы Русскій языкъ по своему; но всѣ они понимали бы другъ друга. Весьма замѣчательно, что теперь въ Италіи промышленики, а особливо извощики, переѣзжающіе изъ Франціи въ Италію и Германію, составляютъ себѣ какой-то особенный языкъ, какую-то безобразную, неправильную смѣсь, посредствомъ коей однако они даютъ себя разумѣть народамъ тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжаютъ. Языкъ Европы Среднихъ вѣковъ былъ не лучше этого. Хотя всѣ измѣненія Романскаго языка были неправильны, безобразны, и невозможно ихъ подвести подъ самыя положительныя формы Грамматики, какъ это хотѣлъ сдѣлать Ренуаръ; однако по какому-то инстинкту ума человѣческаго, который не можетъ дѣйствовать безъ единства, который утвержденъ самимъ Творцемъ на началѣ согласія, даже и въ этомъ хаостическомъ языкѣ существуетъ нѣсколько общихъ правилъ, которыя послужили особенно къ образованію Провансальскаго языка, имѣющаго уже полную свою Грамматику. Вотъ почему сія послѣдняя, какъ ближайшая къ первоначальному, коренному языку Латинской Европы, необходима для совершеннаго изученія языковъ Югозападныхъ, и многое, что является намъ въ ихъ Грамматикахъ исключеніемъ, въ ней подведено подъ общее правило. Время, когда этотъ хаостическій языкъ господствовалъ во всей Югозападной Латинской Европѣ, есть время Карла Великаго, когда всѣ эти народы были въ большомъ движеніи между собою, когда самый Государь под-

державалъ безпрерывныя сообщенія между Италіею и Южною Франціею. Можно сказать, что какъ Имперія Карла Великаго подъ формою наружнаго единства представляла уже разрозненность феодальную, такъ и въ языкѣ этой Латинской Европы, подъ формою наружнаго единства, уже начинали зарождаться безчисленно-разнообразныя нарѣчія, происходившія отъ одного и того же корня, изъ коихъ иныя уже заключали въ себѣ сѣмя новыхъ Европейскихъ языковъ.

Здѣсь встрѣчаемъ мы невольно явленіе замѣчательное и находимъ чудное согласіе между Исторіею словеснаго міра и Исторіею политическаго быта народовъ. Сей часъ упоминалъ я вамъ объ этомъ дивномъ согласіи, которое господствуетъ въ такой разнообразной и по видимому произвольной стихіи, каковъ языкъ человѣческій, которое поддерживаетъ условные законы этого языка на разныхъ концахъ міра, на льдистомъ Сѣверѣ и на знойномъ Полуднѣ. Такова сила мысли человѣческой, все приводящей въ гармонію! Такое же согласіе господствуетъ и во всей Исторіи человѣка, во всѣхъ явленіяхъ его жизни безъ исключенія; въ ней одно отвѣчаетъ другому.

Характеръ древняго міра, котораго главнымъ и послѣднимъ представителемъ былъ для насъ Римъ, заключался въ стремленіи къ единству. Въ самомъ началѣ Рима, возьмите вы этихъ Римлянъ: всѣ они сливаются въ единый характеръ; идея отечества поглощаетъ, такъ сказать, въ себѣ всѣ частныя лица. Люди исчезаютъ въ гражданахъ Римскихъ. Далѣе, система завоеванія Римскаго вся

основана была на началѣ уподобленія себѣ другихъ народовъ. Римъ, завоевывая страны Европы, Азіи и Африки, все усвоивалъ себѣ, все приводилъ къ одному знаменателю. Вы видите единство управленія, единство Религіи, единство обычаевъ и наконецъ единство въ языкѣ. Все, что подвластно было Риму, все должно было имѣть единый языкъ. Чѣмъ же кончилъ древній міръ? Единымъ всемірнымъ Римомъ и единымъ Римскимъ языкомъ. Вотъ, что видимъ мы въ заключеніе древней Исторіи.

Характеръ новаго міра совершенно противоположенъ древнему. Тамъ единство,— здѣсь безконечное разнообразіе. Тамъ всепоглощающая идея общественности, — здѣсь необузданная независимость Германская. Тамъ единая Римская Имперія, все совокупляющая въ себѣ, — здѣсь Германскій феодализмъ, все раздѣляющій. Тамъ однообразныя муниципіи, города, по одной мѣркѣ устроенные, однимъ управленіемъ руководимые, — здѣсь неприступные замки феодаловъ и ненависть къ городамъ. Тамъ одна Римская краска на всѣхъ племенахъ, даже варварскихъ, убивающая всякую пестроту, всякую частность, — здѣсь безчисленное разнообразіе племенъ, и всякое изъ нихъ самостоятельно развивается. Наконецъ, тамъ одинъ Римскій языкъ, — здѣсь многіе языки одного и того же корня и тма разнообразныхъ нарѣчій.

Имперія Карла Великаго была послѣднимъ усиліемъ великаго Генія — дать единство всей этой Западной Европѣ, которая приготовилась уже къ своему феодальному, разрозненному бытію. Своими войнами съ Саксонцами и съ племенами Славян-

скими, Карлъ Великій, первый, положилъ конецъ пятивѣковому потопу народовъ дикихъ и, утвердивъ плотины, у Пиренеевъ противъ Мавровъ, на Востокѣ противъ Славянъ, уставилъ границы: какъ быть теперешней Германской Европѣ. Великій строитель первоначальнаго хаоса долженъ былъ своими мощными руками охватить всѣ предѣлы Европы, провести мечемъ волшебную черту и сказать народамъ дикимъ, которые все приливали къ Западу: не далѣе! Оградивъ извнѣ, надобно было устроить единство и внутри. Карлъ схватился за корону древней Римской Имперіи, и она засіяла на головѣ его, въ послѣдній разъ, отвсюду видимымъ свѣтомъ, все связующимъ магическою силою власти. Мечемъ своимъ онъ сметалъ на живую нитку всю эту разностихійную Европу Средняго вѣка, уже заключавшую въ себѣ начала феодализма. Карла не стало, не стало и великой его Имперіи. Она расшилась на безконечное множество клочковъ, изъ которыхъ долго еще не могли образоваться Государства, единыя, сильныя, самобытныя.

Что видимъ въ политической жизни народовъ Европы этого времени, то же самое находимъ въ мірѣ словесномъ. При Карлѣ Великомъ по всему Югозападу Латинской Европы господствуетъ какой-то смѣшанный, искаженный Латинскій языкъ, столь же безобразный, столь же нестройный, столь же чуждый всякой организаціи, какъ и Имперія Карла Великаго, — языкъ, заключавшій въ себѣ уже начало безконечныхъ мѣстныхъ измѣненій, безчисленныхъ нарѣчій, равно какъ и Имперія

Карлова заключала въ себѣ зародышъ безчисленнаго множества феодальныхъ областей. По смерти Карла, какъ только Европа образовалась феодально, такъ и этотъ языкъ, мнимо единый, сталъ распадаться на самостоятельныя нарѣчія, которыя чѣмъ болѣе удалялись другъ отъ друга, тѣмъ болѣе становились между собою непонятны. Не только въ обширныхъ областяхъ, даже въ городкахъ и мѣстечкахъ составлялись особенныя нарѣчія. Феодальная жизнь, разъединявшая народы, способствовала этому. До сихъ поръ Италія, носящая на себѣ живые признаки феодализма, изобилуетъ безчисленнымъ множествомъ нарѣчій по городамъ и мѣстечкамъ. Ни одна страна, кромѣ Германіи, не можетъ поспорить съ нею въ этомъ отношеніи: ибо Италія въ особенности всегда была чужда единства и представляла крайнюю степень раздѣленія. Въ одномъ и томъ же городѣ возникали два разныя нарѣчія, потому что и города дѣлились на партіи. Такое феодальное устройство жизни политической народовъ, разрознивая ихъ между собою, вводило феодализмъ и въ словесный міръ, и долго служило препятствіемъ къ образованію единыхъ и самобытныхъ языковъ, которые поглотили бы въ себѣ нѣсколько эти разнообразныя нарѣчія и дали бы имъ хотя насильственное единство.

Наконецъ изъ феодальныхъ, дробныхъ частей Европы начинаютъ сосредоточиваться отдѣльныя, самобытныя Государства и расширять власть свою: по мѣрѣ того, какъ эта власть распространяется и смыкаетъ части въ одно цѣлое, —

нарѣчія городковъ и мѣстечекъ сливаются также въ одинъ общій языкъ. Такія счастливыя обстоятельства сосредоточенія государственной власти и съ тѣмъ вмѣстѣ распространенія жизни общественной, способствовали раннѣйшему образованію Провансальскаго языка на Югѣ Франціи. Южная Франція, бывъ долгое время удѣломъ нѣкоторыхъ наслѣдниковъ Карла Великаго, въ 879 году была возвышена на степень независимаго Королевства Бозономъ, который короновался въ городѣ Мантѣ подъ именемъ Короля Арльскаго или Провансскаго, и покорилъ своему владычеству Провансъ, Дофиней, Савоію, Ліонскую область и нѣсколько Бургонскихъ Графствъ. При Бозонѣ, какъ видимъ мы, сосредоточивается власть отъ 877 до 887 года; при немъ начинается образованіе и Провансальскаго языка, а при наслѣдникахъ его, въ X вѣкѣ, создается уже и процвѣтаетъ Поэзія, особенно въ то время, когда Провансальцы соединяются съ Каталонцами посредствомъ супружества дочери Жилиберта, послѣдняго изъ рода Бозоновъ, съ Раймондомъ Беранжеромъ, Графомъ Барцелоны.

Между тѣмъ на Сѣверѣ Франціи, за Лоарой, образуется новое Государство, и съ тѣмъ вмѣстѣ новый языкъ Романо-Валлонскій, отъ имени Валлоновъ или Вельшей, которое Германскія племена давали жителямъ Сѣверной Франціи. Думаютъ, что это есть испорченное имя Галловъ (Galli); ибо буква Г переходитъ иногда въ В, какъ это мы видимъ въ имени Гильомъ и Вильгельмъ. Долго Сѣверъ Франціи не имѣлъ единства политическаго: наконецъ въ X вѣкѣ, одна изъ его

провинцій принимаетъ въ свои нѣдра новый народъ, Норманновъ, которые подъ предводительствомъ Ролло или Рауля Датскаго завоевываютъ ее и даютъ ей имя Нормандіи. Языкъ новыхъ пришельцевъ сливается съ прежнимъ языкомъ Романо-Валлонскимъ, и еще болѣе отдаляетъ его отъ Провансальскаго. Дѣятельный духъ Норманновъ скоро сосредоточиваетъ власть. Нормандія въ 912 году образуется Герцогствомъ при славномъ Ролло: новый языкъ болѣе и болѣе утверждается; черезъ полтора вѣка, при Вильгельмѣ Завоевателѣ, онъ занимаетъ не только Сѣверъ Франціи, но даже вводится и въ Англіи, и тамъ вытѣсняетъ языкъ отечественный. Скоро образуетъ онъ и свою Литературу, обильную произведеніями.

Такимъ образомъ во Франціи, на Югѣ и на Сѣверѣ, образуются два языка около двухъ сильныхъ Дворовъ — языкъ Романо-Провансkій, совершенно исчезнувшій изъ области Литературы и оставшійся въ устахъ черни тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ нѣкогда процвѣталъ, и языкъ Романо-Валлонскій, родоначальникъ настоящаго языка Французскаго. Оба они извѣстны были въ Среднія времена подъ именемъ Langue-d'oc и Langue d'oui или Langue d'oïl, по звуку утвердительной частицы *да*. Здѣсь кстати замѣчу, что и языкъ Италіянскій, по звуку той же частицы, въ Среднія времена назывался языкомъ *си* (Langue de si), почему Дантъ именуетъ Италію: il bel paese dove *si* suona; а Нѣмецкій языкъ носилъ названіе langue de ya.

Испанскій языкъ образовался въ видѣ трехъ

главныхъ нарѣчій. Древнѣйшее изъ нихъ есть Каталонское или Лимузинское, которое есть почти одно и то же, что языкъ Провансальскій, и съ нимъ вмѣстѣ приближается къ языку Романскому. На Каталонскомъ или Провансальскомъ нарѣчіи писали всѣ первые Поэты Испаніи, такъ что Исторія Поэзіи Испанской сливается съ Исторіею Поэзіи Прованса: точно то же явленіе, какое находимъ и въ Италіи. Каталонское нарѣчіе было языкомъ литературнымъ при томъ же Раймондѣ Беранжерѣ, который соединилъ Каталонцевъ съ Провансальцами. Оно господствовало по всему Аррагону, вдоль Средиземнаго моря, отъ Пиренеевъ до Королевства Мурціи.— Другое нарѣчіе Испанское, которое въ послѣдствіи, побѣдивъ Каталонское, образовалось настоящимъ языкомъ Литературы Испанской, было нарѣчіе Кастильское. Оно находилось въ центрѣ Испаніи и имъ говорили отъ Пиренеевъ до Королевства Гренады. Санчіо III, Король Наваррскій, умершій въ 1034 году, соединилъ всю Христіанскую Испанію въ одно цѣлое. При немъ-то родился знаменитый Родриго Лаинесъ, прозванный Сидомъ. По смерти Санчіо III, Королевство Кастильское досталось сыну его Фердинанду, при которомъ Сидъ прославился своими подвигами надъ Маврами. Ко времени сего-то Фердинанда, т. е. къ XI вѣку, должно отнести образованіе нарѣчія Кастилланскаго, котораго первые памятники суть пѣсни о Сидѣ, Героѣ эпохи. Но не прежде конца XV вѣка это нарѣчіе становится уже общимъ литературнымъ языкомъ Испаніи.

Наконецъ третье, образовавшееся въ Испаніи, было нарѣчіе Галлиціи, или Gallego, простиравшееся отъ Галлиціи до Королевства Алгавры: отъ него-то Португальскій языкъ принялъ свое начало. Образованіе сего языка должно отнести къ началу XII вѣка, а именно къ тому времени, когда Генрихъ Бургонскій, женившись на дочери Короля Кастиліи, получилъ отъ него въ даръ Португальское Графство. Но еще болѣе утвердился этотъ языкъ при Альфонсѣ, который своими завоеваніями распространилъ Графство въ Королевство и наименовался первымъ Королемъ Португалліи. Вмѣстѣ съ Монархіей, еще при Генрихѣ, возникла и Поэзія Португалліи.

Италіянскій языкъ образовался позднѣе всѣхъ своихъ братьевъ, происходящихъ вмѣстѣ съ нимъ отъ одного отца. Причина тому двоякая. Во-первыхъ, Италія долго чужда была всякаго единства, а безъ жизни политической и общественной не могъ изъ мелкихъ нарѣчій создаться единый литературный языкъ. Во-вторыхъ, Италія, болѣе нежели какая-либо страна Западной Европы, заключала въ себѣ множество различныхъ нарѣчій: чему причиною были приливы народовъ варварскихъ, одинъ за другимъ вторгавшихся въ Италію. Въ Галліи было только три народа: Вестготѳы, Бургундцы и Франки. Въ Италіи, послѣ первыхъ вторженій Готѳовъ, Гунновъ, Геруловъ, Вандаловъ, послѣдовали Лонгобарды, Франки, Венгерцы, Сарацины, Германцы. Языкъ Прованса успѣлъ уже дойти до своего совершенства; языкъ Валлонскій на Сѣверѣ Франціи имѣлъ также Словесность; Италія

и Португаллія произвели уже нѣсколькихъ Поэтовъ, прежде чѣмъ Италіянскій языкъ явился языкомъ литературнымъ. Въ Сициліи, при двухъ Рогерахъ и двухъ Вильгельмахъ, сосредоточилась власть и вмѣстѣ съ тѣмъ образовался языкъ, въ первой половинѣ XII вѣка. При Дворѣ Палермскомъ раздались первые звуки Поэтовъ Италіи. Сицилійское нарѣчіе наслѣдовало отъ древней Греціи особенную музыку языка: оно оканчивало всѣ слова на гласныя, тогда какъ въ другихъ областяхъ Италіи господствовали на концѣ согласныя; и такъ Сицилія придала гласныя грубымъ согласнымъ древняго Романскаго языка, господствовавшаго до тѣхъ поръ въ Италіи. Пертикари приводитъ стихи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Поэтовъ Италіи и Провансальцевъ, и весьма искусно, посредствомъ придачи гласныхъ, превращаетъ ихъ въ настоящія Италіянскія. Напр. вотъ стихъ Иліи Баріоло, древняго Поэта: Ahi! com' tragg' grev' penenteuz'; прибавьте Сицилійскія гласныя и будетъ: Ahi! come traggo greve penentenza. Per qual ragion che non avet cantat (стихъ Бернарда да Вентадорно, одного изъ Провансальцевъ); прибавьте гласныя и будетъ прекрасное Тосканское нарѣчіе: Per qual ragione che non avete cantato. Такимъ образомъ, Муза Сициліи, по преданіямъ Музы Греческой, сохранившая любовь къ гласнымъ, сообщила Италіянскому языку преимущество музыкальности передъ всѣми языками новой Европы. Первымъ Поэтомъ Сицилійскимъ Ученые единогласно почитаютъ Чіулло изъ Алькамо, жившаго во второй половинѣ XII вѣка. При Фредерикѣ II, вступившемъ на престолъ Сициліи въ

1197 году, еще болѣе процвѣла Поэзія. Фредерикъ II и Секретарь его Піеро (delle Vigne) принадлежатъ къ числу первыхъ Поэтовъ Италіи.

На голосъ Музы Сицилійской скоро во всѣхъ концахъ Италіи откликнулась Поэзія; но нарѣчія долго мѣшали еще утвердиться единому языку. Только въ концѣ XIII вѣка Дантъ рѣшительно установилъ существованіе литературнаго языка Италіи.

Такъ изъ безобразнаго хаостическаго смѣшенія языковъ, или изъ Латинскаго языка, искаженнаго варварами, мало по малу, вмѣстѣ съ политическою жизнію народовъ, образовались и ново-Европейскіе языки, какъ то: Французскій въ видѣ двухъ главныхъ нарѣчій, изъ которыхъ Сѣверное превозмогло надъ Южнымъ; Испанскій въ трехъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ Кастилланское превозмогло надъ Каталонскимъ, а Галлійское образовало языкъ Португальскій; Италіянскій языкъ сначала въ видѣ множества нарѣчій, которыя могли быть приведены къ единству только великимъ подвигомъ генія Италіи, Данта. Нарѣчія продолжали существовать и даже теперь продолжаютъ бытіе свое; но литературная жизнь народовъ создаетъ единство языка и потомъ его поддерживаетъ. Народъ, не имѣющій Литературы, всегда чуждается и единства въ языкѣ своемъ.

Экстраординарн. Профессоръ Московскаго Университета

С. Шевыревъ.

3.

О ЛИТОВСКОМЪ СТАТУТѢ.

Одинъ любитель археологическихъ изысканій, желая имѣть ближайшее свѣдѣніе о Литовскомъ Статутѣ, старался собрать старинные экземпляры онаго, и получилъ слѣдующіе:

Изъ Вильны: на Русскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1588 года, въ типографіи Мамоничей, шрифтомъ, похожимъ на писанный, вообще хорошо сбереженный, и четыре на Польскомъ, печатанные: 1-й 1614 г., 2-й 1619 г., оба въ Вильнѣ же, въ типографіи Льва Мамонича: къ послѣднему приложенъ въ концѣ Трибуналъ, выданный на Сеймѣ Варшавскомъ въ 1581 году; 3-й 1648 г. въ Варшавѣ, въ типографіи Элерта, съ Трибуналомъ, и 4-й 1693 г. въ Вильнѣ, въ типографіи Іезуитской Академіи, въ концѣ также съ Трибуналомъ: всѣ изданія Польскія, какъ сіи, такъ и изъ другихъ мѣстъ доставленныя, печатаны Готическими буквами.

Въ отношеніи рѣдкости, преимущественно заслуживаетъ вниманіе Русскій экземпляръ, ибо, по удостовѣренію Ректора бывшаго Варшавскаго Лицея, Доктора Самуила Линде (въ книгѣ его подъ заглавіемъ: «О Литовскомъ Статутѣ, на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами печатанномъ,

Варшава, 1816 года»), извѣстны были только четыре экземпляра Статута на Русскомъ языкѣ: 1-й, доставшійся ему Линде изъ библіотеки Графа Суходольскаго, 2-й при Литовскихъ Метрикахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, 3-й въ библіотекѣ Московскаго Общества любителей Исторіи и Древностей и 4-й въ библіотекѣ Гродненскаго (упраздненнаго въ 1833 году) Доминиканскаго монастыря: въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, впрочемъ, означеннаго экземпляра не оказалось.

Изъ Гродно: два экземпляра на Польскомъ языкѣ, печатанные въ 1819 году, и одинъ таковой же, перепечатанный въ 1623 году, съ приложеніемъ въ концѣ Трибунала.

Изъ Кіева: копію Статута 1566 года, на Русскомъ языкѣ, списанную съ современной рукописи, принадлежащей Профессору Даниловичу, и экземпляръ Статута на Польскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ.

Сверхъ того, Сводъ конституціи Статутовъ, или собраніе древнихъ Польской Республики Законовъ, изданныхъ съ 1347 по 1600 годъ, и напечатанныхъ въ семъ послѣднемъ году въ Краковѣ. Сводъ Законовъ сихъ, составленный трудами частнаго Законовѣдца Янушевскаго, не объемлетъ Литовскихъ Законоположеній, для коихъ тогда же составлялся отдѣльный Сводъ, и хотя въ немъ на стр. 741 помѣщены нѣкоторыя Литовскія привилегіи, но онѣ относятся только къ Публичному или Государственному Праву, Законовъ же Гражданскихъ, Уголовныхъ и Судопроизводства Княжества Литовскаго въ себѣ не содержатъ. Онъ былъ

представляемъ Сейму въ видѣ проекта, но силы дѣйствующаго закона и въ самой Польшѣ не имѣлъ.

Изъ Житоміра: Польскій экземпляръ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ, Таможеннымъ Тарифомъ и разными другими приплетенными постановленіями.

Изъ Бѣлостока: Статутъ, на Польскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ и Воинскимъ Уставомъ; сверхъ того доставлена книга, въ коей переплетены: 1) Statuta Regni Poloniae, in ordinem alphabeti digesta, на Латинскомъ языкѣ, изданные въ Краковѣ 1563 г., и 2) Конституціи и привилегіи; на Коронныхъ Сеймахъ съ 1550 по 1569 годъ состоявшіяся, безъ года печатанія.

Изъ Витебска: свѣдѣніе о рукописи перваго для Литвы Статута и о предметахъ, заключающихся въ изданіи 1529 года, въ двухъ частяхъ, на Польскомъ языкѣ, составленное Ѳаддеемъ Чацкимъ, въ коемъ онъ за основаніе взялъ Латинскій переводъ онаго 1538 года, подаренный ему Королемъ Польскимъ Станиславомъ Августомъ IV.

Примѣч. Экземпляръ Статута, принадлежавшій Чацкому, проданъ въ послѣдствіи, со всею библіотекою его, оставшеюся по немъ вдовою, за 400,000 злотыхъ Князю Адаму Чарторійскому, и поступилъ въ составъ Пулавской библіотеки, которая нынѣ перевезена въ С. Петербургъ и часть коей присоединена къ Императорской Публичной Библіотекѣ; но сказываютъ, что мать Князя Адама, покойная Фельдмаршальша Чарто-

рiйская, успѣла вывезти изъ оной драгоцѣннѣйшiя книги въ Галицiю, а въ томъ числѣ вѣроятно и вышеозначенный Статутъ.

Изъ свѣдѣнiй, доставленныхъ при сихъ экземплярахъ, разсмотрѣнiя самыхъ Статутовъ и разысканiй, дѣлаемыхъ въ С. Петербургѣ, открывается слѣдующее:

Литовскiй Статутъ первоначально былъ изданъ на Русскомъ языкѣ и Славянскими литерами. Извѣстный Чацкiй и Линде, въ своихъ сочиненiяхъ, говорятъ о семъ подробно. Послѣднiй изъ нихъ, сравнивая Польскiе переводы съ Русскимъ печатнымъ изданiемъ Статута, указываетъ въ нихъ даже самыя мелкiя, умышленныя или неумышленныя ошибки, дающiя другой смыслъ закону. И дѣйствительно извѣстно, что Статутъ былъ съ умысломъ переведенъ превратно, такъ какъ Русскiй подлинникъ онаго писанъ болѣе въ духѣ Монархическомъ (*), отъ чего и не могъ быть приноровленъ къ республиканскому правленiю Польши: по сему-то на Коронѣ, какъ называли Поляки, Статутъ и не дѣйствовалъ, а тамъ, гдѣ онъ имѣлъ законную силу, какъ-то въ Литвѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссiи и Малороссiи, Польскiе Законовѣдцы употребляли превратный переводъ, по собственнымъ видамъ.

Первое начертанiе Статута нѣкоторые полагаютъ въ 1505 году при Королѣ Александрѣ, который хотѣлъ-было сдѣлать оный повсемѣстнымъ,

---

(*) Нѣкоторыя изъ статей его въ послѣдствiи вошли почти цѣликомъ въ Уложенiе Царя Алексiя Михайловича. *Ред.*

но последовавшая вскоре смерть его уничтожила сіе намѣреніе; за всѣмъ тѣмъ Статутъ сей въ Малороссіи по Присутственнымъ Мѣстамъ употреблялся уже съ того времени, а чрезъ годъ послѣ того, въ началѣ царствованія Сигизмунда I, выданы для онаго же края, какъ пишетъ Чацкій, права или привилегіи, которыя также, быть можетъ, были не что иное, какъ подтвержденіе сего же Статута или дополненіе къ оному. Внимательное разсмотрѣніе обстоятельства сего ведетъ къ развитію мысли, что Статутъ, въ коемъ многія постановленія заимствованы изъ Русскаго быта, первоначально былъ составленъ для Малороссійскаго края, сохранившаго, нѣкоторымъ образомъ, и въ самомъ Законодательствѣ Отечественный духъ и Русскую самостоятельность. Отысканіе древнихъ манускриптовъ онаго въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Полтавской и Черниговской, особенно въ Сѣверныхъ уѣздахъ первой и Южныхъ послѣдней, болѣе прочихъ участвовавшихъ въ переворотахъ соединенія съ Литвою, объяснятъ со временемъ справедливость сей догадки, и съ тѣмъ вмѣстѣ обозначатъ эпоху самаго изданія Статута.

Въ 1522 году Король Сигизмундъ I, видя потребность таковыхъ же письменныхъ узаконеній для Литвы, и желая въ то же время сдѣлаться Законодателемъ Польши, повелѣлъ исправить Статутъ въ Русскомъ подлинникѣ и Польскомъ переводѣ, который, по утвержденіи въ 1529 году, и былъ принятъ Литовскими Чинами единогласно; но Король не имѣлъ удовольствія согласить на то Польскихъ Вельможъ, въ то время уже противив-

шихся общему благоустройству и домогавшихся однѣхъ только частныхъ выгодъ, въ послѣдствіи Конституціями безпрестанно умножаемыхъ. Статутъ сей многіе, относя къ принятію Литовскимъ народомъ, признаютъ за первое изданіе; предшествовавшій же ему, какъ нигдѣ, кромѣ Малороссіи, не получившій дѣйствія, однимъ только приготовленіемъ къ оному: оба они, какъ тотъ, такъ и другой, напечатаны не были. Современныя рукописи сего послѣдняго весьма рѣдки: ихъ, сколько извѣстно, сохранилось, на Русскомъ языкѣ, только три: одна, списанная, какъ полагать должно, около 1554 года, находится въ библіотекѣ Виленской Римскокатолической Духовной Академіи, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ оную изъ бывшаго тамошняго Университета, съ заглавіемъ: «Права писаные старого Статуту и даные Великому Князству Литовскому, Рускому, Жомоитскому и иныхъ, черезъ наяснейшаго Пана Жикгимонта зъ Божее милости Короля Полского, Великого Князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоицкого, Мазовецкого и иныхъ многихъ.» Другая находилась въ библіотекѣ Варшавскаго Общества Любителей Словесности, нынѣ присоединенной къ Императорской Публичной Библіотекѣ, а третья у Графа Дзялинскаго въ Пруссіи. Сія послѣдняя рукопись важнѣе прочихъ: Профессоръ Лелевель имѣлъ намѣреніе издать ее въ свѣтъ, и уже отпечаталъ 18 листовъ въ Познани. Польскій же переводъ сего Статута извѣстенъ только одинъ, 1533 года, у Помѣщика Сендомирскаго Воеводства Константина Свидзинскаго, а Латинскій

переводъ онаго, принадлежавшій Чацкому, достался Князю Адаму Чарторійскому и находился въ Пулавской Библіотекѣ, нынѣ также перевезенной въ С. Петербургъ; но между книгами, присоединенными къ Императорской Публичной Библіотекѣ, означеннаго экземпляра, какъ выше сказано, не оказывается. Всѣ означенные три экземпляра, большею частію, не были извѣстны Чацкому, который, при всѣхъ своихъ разысканіяхъ, неправильно полагалъ, что въ его время было только два списка съ изданія 1529 года Статута: одинъ въ Латинскомъ переводѣ у него, которому дѣлалъ онъ и разборъ, а другой, теперь уже затерянный, въ Вильнѣ въ Земскихъ актахъ.

Статутъ Сигизмунда I, въ послѣдствіи, былъ дважды исправляемъ и дополняемъ; въ первый разъ на Литовскомъ Сеймѣ въ Бѣльскѣ въ 1564, и во второй на Сеймѣ Виленскомъ въ 1566 году; исправленная редакція въ семъ послѣднемъ году утверждена Сигизмундомъ Августомъ для Волыни и Подоліи, и извѣстна подъ именемъ Волынскаго Статута, или Статута Сигизмунда Августа, а по времени принятія Литовцами вторымъ Статутомъ. Рукописные экземпляры сего Статута, также не напечатаннаго, на Русскомъ языкѣ, хранятся: одинъ въ Музеумѣ Графа Румянцева, другой въ библіотекѣ Графа Ходкевича, въ имѣніи его Млыновѣ, Волынской Губерніи, 1564 и 1566 годовъ, а третій у Профессора Университета Св. Владиміра Даниловича. Переводы онаго извѣстны: одинъ, на Польскомъ языкѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ

оную 1794 года изъ Библіотеки Залускаго, другой, на Польскомъ и Латинскомъ, у Графа Хрептовича, Гродненской Губерніи, въ имѣніи его Щорсахъ, а третій, Латинскій, у Графа Сѣраковскаго въ Варшавѣ; также находился одинъ экземпляръ, на Польскомъ языкѣ, въ Радзивиловскомъ архивѣ, но взятъ оттуда Княземъ Адамомъ Чарторійскимъ. Кромѣ того были Польскіе переводы онаго, какъ видно изъ записокъ Радзивиловскаго архива, въ библіотекахъ Варшавскаго и Виленскаго Университетовъ, Варшавскаго Общества Любителей Словесности и Луцкаго Тринитарскаго Монастыря; но сохранены ли они и гдѣ теперь находятся, не извѣстно; въ Пулавской библіотекѣ, славившейся рѣдкими манускриптами, находился подлинникъ сего изданія и нѣсколько Польскихъ переводовъ; но всѣ они, какъ полагать должно, увезены оттуда за границу, ибо въ числѣ книгъ, присоединенныхъ изъ оной къ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни какихъ древнихъ экземпляровъ Статута не открывается.

Волынскій Статутъ былъ также дополняемъ и окончательно уже въ 1588 году утвержденъ, также на Русскомъ языкѣ, Сигизмундомъ III, въ день коронаціи его въ Краковѣ, съ повелѣніемъ напечатать оный какъ на Русскомъ, такъ и на Польскомъ языкахъ. Сія-то редакція и есть нынѣшній Литовскій Статутъ, дѣйствующій доселѣ въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ отъ Польши, Губерніяхъ. Онъ составленъ или пополненъ Воеводою и Канцлеромъ Гаштольдомъ, при помощи Виленскихъ Городскихъ Законовѣдцевъ и Докторовъ

Законовѣдѣнія: Милезія Ротунда, Станислава Галонзки и другихъ; переведенъ же на Польскій языкъ, какъ иные полагаютъ, Подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою, прилагавшимъ особенное стараніе въ напечатаніи онаго по Русски: отъ чего Статутъ сей, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, болѣе извѣстенъ подъ его именемъ.

Всѣ признаютъ за неоспоримую истину, что Литовскій Статутъ былъ напечатанъ въ 1588 году только по Русски, въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Значительная часть манускрипта сего Статута, писаннаго современнымъ Русскимъ почеркомъ, сохранилась у Профессора Даниловича; печатные же экземпляры онаго, на Русскомъ языкѣ, кромѣ показанныхъ въ сочиненіи Линде и присланнаго изъ Вильны, находятся еще: въ Музеумѣ Графа Румянцева (*), въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотекѣ и въ Университетѣ Св. Владиміра, но титулы къ послѣднимъ двумъ не сохранились. На Польскомъ же языкѣ Статутъ въ первый разъ напечатанъ въ 1614 году, тоже въ Вильнѣ, въ типографіи Мамонича, сына уже того, который напечаталъ Русское изданіе; экземпляры онаго, кромѣ доставленнаго также изъ Вильны, открываются во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ одинъ въ Румянцевскомъ Музеумѣ (**) и таковой же находился въ Радзивиловскомъ архивѣ, но, вмѣстѣ съ прочими Статутами, взятъ оттуда Княземъ Адамомъ Чарторійскимъ.

(*) Три экземпляра. *Ред.*

(**) Другой въ Императорской Публичной Библіотекѣ. *Ред.*

Нигдѣ не видно, чтобы послѣ 1588 года Польскимъ Правительствомъ давалось дозволеніе на печатаніе Статута по Русски; но нѣкоторыя разности, какъ въ бумагѣ, такъ и въ самыхъ буквахъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подъ симъ годомъ онъ нѣсколько разъ перепечатывался; время же изданія каждаго изъ нихъ не выставлялось, вѣроятно, по трудности получить привилегію, или же и совершенно по недозволенію на то Правительства, имѣвшаго цѣлію сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ повсемѣстнымъ (*). На Польскомъ языкѣ Статутъ печатанъ былъ вторично въ 1619 году и послѣ того, при Сигизмундѣ III же, въ 1623, а потомъ, при сынѣ его Владиславѣ IV, въ 1642 и 1648 годахъ. Всѣ сіи изданія, какъ видно и изъ доставленныхъ экземпляровъ, суть вѣрныя подражанія напечатанному въ 1614 году; Польское Правительство, давая дозволеніе на печатаніе оныхъ, строго всегда обязывало Издателей не допускать никакихъ исправленій или перемѣнъ, и это выполнялось съ такою точностію, что не только всѣ ошибки въ переводѣ, но даже и типографическія опечатки, вкравшіяся при первомъ Польскомъ изданіи, повторены и во всѣхъ прочихъ. Въ вышедшихъ же послѣ 1648 года изданіяхъ Литовскаго Статута, который нѣсколько разъ перепечаты-

(*) Изъ сличенія разныхъ экземпляровъ Русскаго Статута 1588 года открывается, что ихъ было всего *три* тисненія, безъ сомнѣнія разныхъ лѣтъ, хотя на всѣхъ выставленъ одинъ 1588 и печатаніе произведено съ такою тщательностію, что не скоро можно открыть разность тисненій. *Ред.*

вался, начали вводить уже измѣненія Польскихъ Конституцій: къ чему первый примѣръ показала Виленская Іезуитская Академія, напечатавъ въ 1693 году, по данной отъ Короля Іоанна III Собіесскаго грамотѣ, Статутъ, съ подведеніемъ въономъ подъ артикулы Сеймовыхъ Конституцій, и измѣнивъ чрезъ то не только форму, но и самую сущность перваго начертанія.

Д.

Прибавленіе.

Къ симъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о Литовскомъ Статутѣ не лишнимъ почитаемъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній:

Статутъ Литовскій есть памятникъ не только Литовскаго Законодательства, но и древней Русской письменности въ Литвѣ и во всей Западной Руси. Онъ лучше всѣхъ другихъ свидѣтельствъ напоминаетъ жителямъ Западныхъ Губерній, что ихъ происхожденіе (за исключеніемъ трехъ Уѣздовъ Виленской Губерніи) есть коренное Русское, и что природный языкъ ихъ есть Русскій же, который по сосѣдству съ Польшею нѣсколько отличался отъ Сѣверовосточнаго или Великорусскаго нарѣчія. За двѣсти лѣтъ предъ симъ всѣ законы, всѣ привилегіи Великихъ Князей Литовскихъ и наконецъ самый сей Статутъ были писаны на языкѣ Русскомъ; на немъ, какъ на самомъ общеупотребительномъ, отправлялось и судопроизводство. Отъ тогдашнихъ Судей и другихъ

Чиновниковъ требовалось непремѣнное знаніе Русской грамоты. См. присягу на должность Писаря, въ Статутѣ, Разр. IV, и другія мѣста. Но при переводѣ Статута на Польскій языкъ нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ были уже выброшены изъ текста, и когда въ послѣдствіи времени Русское изданіе 1588 г. сдѣлалось рѣдкимъ, а напротивъ того Польскій переводъ издавался многократно, то наконецъ изгладилось изъ памяти жителей Западной Руси и самое существованіе Статута первоначально на Русскомъ языкѣ, которое только въ недавнее время обратило на себя вниманіе Ученыхъ.

Почтенный Авторъ предлагаемой нами статьи весьма справедливо языкъ Статута именуетъ простó Русскимъ, а не Бѣлорусскимъ, какъ стали-было съ нѣкотораго времени ошибочно называть всѣ письменные памятники Западной Руси. Бѣлорусское нарѣчіе существуетъ и нынѣ: оно употребляется простымъ народомъ въ Губерніяхъ Витебской, Могилевской и Минской; оно отлично отъ Южнорусскаго, называемаго Малороссійскимъ; но языкъ Статута, какъ бывшій дипломатическій языкъ Литвы и Западной Руси, отличенъ отъ сихъ обоихъ нарѣчій столько же, сколько нынѣшній нашъ книжный Русскій отъ простонароднаго. Языкъ Статута гораздо ближе подходитъ къ Великорусскому нарѣчію, нежели Бѣлорусское и Малороссійское: т. е. въ немъ, какъ въ книжномъ, было болѣе общаго съ письменностію Сѣверовосточной Руси.

На Польскій языкъ Статутъ былъ переведенъ

буквально: Переводчики боялись исказить истинный смыслъ закона и потому въ трудѣ своемъ предпочитали даже употреблять нѣкоторые обороты, не свойственные Польскому языку, лишь бы не отступить отъ подлинника: они сохранили почти всѣ Русскія слова и въ томъ же самомъ порядкѣ, давая имъ только Польское окончаніе и вездѣ перемѣняя звуки Русскіе на Польскіе. Не смотря на все сіе, Польскій переводъ былъ принятъ съ похвалою и слогомъ своимъ весьма дѣйствовалъ на самую Польскую Словесность. Однакожъ въ слѣдующихъ изданіяхъ стали заботиться о замѣнѣ нѣкоторыхъ Русскихъ оборотовъ и терминовъ настоящими Польскими: это было даже причиною отступленія въ разныхъ мѣстахъ отъ настоящаго смысла закона, и отъ того вообще Польскія изданія Статута тѣмъ погрѣшительнѣе, чѣмъ позднѣе.

Съ одного изъ новѣйшихъ Польскихъ изданій сдѣланъ былъ при Правительствующемъ Сенатѣ Русскій переводъ, который по Высочайшему повелѣнію напечатанъ вмѣстѣ съ Польскимъ текстомъ въ 1811 году въ Сенатской Типографіи въ 2 томахъ, въ 4-ю долю листа, и донынѣ еще принимается въ руководство въ Судебныхъ Мѣстахъ Западныхъ Губерній, хотя уже и сдѣлался весьма рѣдкимъ. Между тѣмъ изъ полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи (см. Собраніе второе, Томъ III, № 2437, Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Гг. Министровъ, 17 Ноября 1828) видимъ, что по изданіи ученымъ Линде его розысканій о Статутѣ и опредѣленіи

имъ, что самымъ вѣрнымъ текстомъ долженъ почитаться самый древній, именно же Русскій 1588 года, предположено исправить вкравшіяся въ нынѣшній Русскій переводъ ошибки, сличивъ оный съ первоначальнымъ Русскимъ изданіемъ 1588 года и напечатать вмѣстѣ съ симъ древнимъ текстомъ.

Думаемъ, что Читатели наши съ удовольствіемъ примутъ подробное исчисленіе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Русскаго изданія 1588 года. Вотъ они:

1. Долженствующій храниться при Литовской Метрикѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Онъ былъ описанъ Г. Сопиковымъ.

2. ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки.

3. }
4. } Румянцевскаго Музеума.
5. }

6. Московскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей.

7. Бывшаго Виленскаго Университета, пожертвованный оному Іосифомъ Твардовскимъ (видѣнный Г. Даниловичемъ).

8. Того же Университета (видѣнный Г. Даниловичемъ).

9. Волынскаго Лицея, нынѣ Университета Св. Владиміра (видѣнный Г. Даниловичемъ).

10. } Виленскаго Грекоунитскаго монастыря
11. } (видѣнные Г. Даниловичемъ).

12. Жировицкаго Грекоунитскаго монастыря.

13. Гродненскаго Доминиканскаго монастыря.

14. Ковенскаго Училища (Dzien. Wil. 1823).

15. Парижской Арсенальной Библіотеки (видѣнный Грекоунитскимъ Священникомъ Бобровскимъ).

16. Пулавскій.

17. Графа Суходольскаго (описанный Г. Линде).

18. Графа Хрептовича, доставленный ему Брестскимъ Каноникомъ Сосновскимъ, который отыскалъ оный въ Супрасльскомъ монастырѣ (Dzien. Wil. 1823).

19. Принадлежащій Г. Даниловичу, полученный имъ отъ Жмудскаго обывателя Мирскаго (много потерпѣвшій отъ времени).

20. Принадлежащій упомянутому въ помѣщаемой нами статьѣ любителю древностей.

Ред.

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

1.

ОТЧЕТЪ

О ТРУДАХЪ И ДѢЙСТВІЯХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1837 ГОДЪ,

читанный въ публичномъ ея засѣданіи 29 Декабря 1837, Непремѣннымъ Секретаремъ ея, П. Н. Фусомъ.

Празднованіе сто-одиннадцатаго года учрежденія нашей Академіи снова привлекло въ сей храмъ Наукъ многочисленное и блестящее собраніе знатнѣйшихъ особъ здѣшней Столицы, друзей Наукъ и Словесности,

которые уже однимъ своимъ присутствіемъ и благосклоннымъ вниманіемъ къ трудамъ сего ученаго сословія свидѣтельствуютъ, что это торжество, хотя и возобновляемое каждый годъ, всегда возбуждаетъ новыя мысли и чувствованія, представляетъ новую занимательность. И въ самомъ дѣлѣ, всякій согласится, что Исторія нашей Академіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣсно соединена съ Исторіею умственнаго развитія сей обширной Имперіи, приближающейся исполинскими стопами къ высокой чредѣ образованнѣйшихъ Государствъ міра. И такъ, каждому Русскому, не равнодушному къ славѣ Отечества, должно быть занимательно слѣдить годъ за годомъ труды сословія, которое составляетъ какъ бы средоточіе, откуда разливаются лучи свѣта, предназначенные озарить со временемъ всѣ классы общества, — сословія, хранилища самыхъ возвышенныхъ познаній, которыя рано или поздно должны обратиться въ собственность народа. Слѣдуя внимательно за ежегодными успѣхами Академіи, всякій мыслящій человѣкъ съ удовольствіемъ замѣтитъ изъ нихъ такіе, которые уже сдѣлались общимъ достояніемъ и результаты коихъ уже отозвались и внѣ тѣснаго круга, собственно такъ называемаго, ученаго свѣта. Внимая чтенію Отчета, который мы подвергаемъ суду вашему, вы безъ сомнѣнія остановитесь съ наибольшимъ участіемъ на тѣхъ трудахъ нашихъ, которые или ведутъ къ ближайшему знакомству съ отдаленнѣйшими частями любезнаго нашего Отечества, въ отношеніи физическихъ свойствъ ихъ и естественныхъ произведеній, или относятся къ Исторіи Государства, нравамъ и обычаямъ, языкамъ и нарѣчіямъ, условіямъ внутренней жизни и благосостоянія нынѣшнихъ его жителей, или же стремятся къ улучшенію какой-либо важной отрасли промышлености и къ распространенію вообще полезныхъ свѣдѣній между соотечественниками. Сюемъ также на-

дѣяться, что просвѣщенныя особы, удостоивающія наши ежегодныя засѣданія своимъ присутствіемъ, не пренебрегутъ и тѣми трудами, которые не поражаютъ взоровъ съ перваго взгляда непосредственнымъ примѣненіемъ къ практическимъ пользамъ Отечества и къ вещественнымъ нуждамъ человѣка, но тѣмъ не менѣе важны сами по себѣ: я разумѣю тѣ именно труды, которые хотя и не могутъ похвалиться многочисленностью читателей, но опредѣляютъ степень, какую Академія должна занимать внѣ страны, въ которой она существуетъ, и составляютъ, если позволено такъ выразиться, *всемірный* ея характеръ. По счастію, мы живемъ въ такое время, когда спрашивать о какомъ-либо ученомъ открытіи: «къ чему оно служитъ?» или «какая въ немъ польза?» значило бы изобличить свое глубокое невѣжество на счетъ Исторіи изобрѣтеній ума человѣческаго, достоинства Науки и благороднаго назначенія, которое наша Академія призвана выполнить въ отношеніи къ чужимъ краямъ, какъ органъ умственной жизни народа Русскаго.

Нынѣ уже двѣнадцатый разъ я выполняю обязанность, возлагаемую на меня Уставомъ Академіи — развить предъ взорами вашими картину дѣятельности моихъ сотоварищей; и если, съ одной стороны, безпрерывно возрастающее число и разнообразіе матеріаловъ содѣлываютъ трудъ изготовленія Отчетовъ изъ года въ годъ болѣе сложнымъ, то съ другой, занимательность, которую они чрезъ то пріобрѣтаютъ, и убѣжденіе въ томъ, что я оказываю услугу Наукамъ и Академіи, придаютъ сему труду въ моихъ глазахъ привлекательность, еще болѣе возвышаемую надеждою снискать такое же одобреніе и ту же снисходительность, съ какими доселѣ каждый годъ принимаемъ былъ сей трудъ, котораго все достоинство заключается

въ самой сущности его, а наружный видъ или изложеніе составляетъ только дѣло второстепенной важности.

Академія въ 1837 году испытала нѣсколько весьма ощутительныхъ потерь: стоитъ только напомнить здѣсь имена нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ: Преосвященнѣйшаго *Евгенія*, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, который, пользуясь благопріятнымъ своимъ положеніемъ въ древней Столицѣ Россійской Іерархіи, стяжалъ себѣ заслуженную славу глубокими историческими изысканіями; Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Энгеля*, Члена Государственнаго Совѣта и одного изъ достойнѣйшихъ мужей Государственныхъ; Генерала отъ Инфантеріи *Эмануэля*, который въ 1829 году принималъ подъ свое непосредственное покровительство и подкрѣплялъ сильнымъ своимъ содѣйствіемъ нашихъ путешественниковъ на Кавказѣ; далѣе, знаменитаго Оріенталиста *Кольбрука*, въ Лондонѣ, и Членовъ-Корреспондентовъ: Барона *Шиллинга фонъ-Канштадта*, Профессора *Ницша*, въ Галле, и молодаго отличнаго Оріенталиста *Розена*, въ Лондонѣ.

Академія, исполненная признательностью къ услугамъ, оказаннымъ ей достойнымъ ея Вице-Президентомъ, Княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, столь благоразумно и осмотрительно управлявшимъ хозяйственными ея дѣлами, рѣшила единогласно поднести Его Сіятельству дипломъ на званіе Почетнаго Члена. Къ величайшему ея удовольствію, эта усердная дань принята имъ съ такою же искренностью, съ какою и была подносима нами. — Это было дѣйствіе справедливости, невольное изліяніе благодарности, которое, проистекая изъ самаго чистаго источника, дѣлаетъ столько же чести и ученому сословію, воздающему почесть, сколько и лицу, которому она воздается. Его

Сіятельство избранъ былъ съ совершеннымъ единодушіемъ 1 числа нынѣшняго мѣсяца.

Открытый въ прошедшемъ году конкурсъ на упразднившіяся мѣста Адъюнктовъ доставилъ Академіи случай пріобщить къ себѣ двухъ здѣшнихъ Ученыхъ: Экстраординарнаго Профессора С. Петербургскаго Университета, *Николая Герасимовича Устрялова*, извѣстнаго критическими своими изданіями «Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» и «Сказаній Князя Курбскаго», Автора «Русской Исторіи», первые томы которой снискали ему похвалу знатоковъ; и Коллежскаго Совѣтника *Петра Ивановича Кеппена*, Автора многихъ сочиненій по части Литературной Исторіи, Археологіи и Статистики Россіи. Эти два выбора воспослѣдовали 13 и 27 Генваря и удостоились Высочайшаго утвержденія Государемъ Императоромъ.

Г. *Броссе*, о назначеніи котораго мы уже упомянули въ послѣднемъ нашемъ Отчетѣ, прибылъ въ С. Петербургъ 7 Іюня; одно исчисленіе трудовъ его показываетъ, съ какимъ усердіемъ сей Ученый принялся за исполненіе обязанностей новаго своего званія.

Вы найдете, по обыкновенію, разложенными на этомъ столѣ сочиненія, изданныя Академіею въ истекающемъ году. Мы укажемъ вкратцѣ содержаніе ихъ, останавливаясь только на тѣхъ, о которыхъ еще не было вовсе говорено, или о которыхъ мы могли только предварительно упомянуть въ предъидущихъ нашихъ Отчетахъ.

«Записокъ» Академіи издано въ нынѣшнемъ году семь книжекъ, составляющихъ болѣе ста печатныхъ листовъ. Изъ этихъ семи выпусковъ, одинъ принадлежитъ отдѣленію Наукъ Математическихъ и Физиче-

скихъ, два Наукамъ Историческимъ, Филологическимъ и Политическимъ и четыре собранію Записокъ посторонних Ученыхъ. Третій томъ сего послѣдняго собранія окончен и заключаетъ въ себѣ, безъ малаго на 100 печатныхъ листахъ, Разсужденія, чрезвычайно важныя, каковы вычисленія наблюденій барометрическихъ и симпіесометрическихъ, также надъ тропическою теплотою и постояннымъ маятникомъ, произведенныхъ знаменитымъ нашимъ мореплавателемъ, нынѣ Контръ-Адмираломъ Ѳ. П. Литке, въ путешествіе его около Свѣта, и вычисленныхъ имъ самимъ и Г. Гелльстремомъ въ Гельсингфорсѣ; описанія путешествій Г-на Геблера на Алтай и Г-на Ратке въ Крымъ; микроскопическія наблюденія надъ плодотворною пылью растеній, сдѣланныя съ удивительнымъ тщаніемъ Г. Фрицше и обѣщающія объяснить намъ явленія новаго міра — таинства рожденія растеній. Сверхъ нѣкоторыхъ Разсужденій, менѣе обширныхъ и болѣе занимательныхъ въ частности, Гг. Лёвенштерна, Траутфеттера и Мейера, третій Томъ «Собранія разсужденій постороннихъ Ученыхъ» представляетъ еще замѣчательный трудъ, въ которомъ Г. Аргеландеръ, въ бытность свою въ Россіи, первый вывелъ изъ собственныхъ наблюденій, что наша солнечная система имѣетъ особое движеніе, направленное къ созвѣздію Геркулеса, — истина, которая уже была подозрѣваема Гершелемъ, отцемъ, и утверждаема по теоріи Геометрами, занимавшимися высокими умозрѣніями Небесной Механики. Это Разсужденіе служитъ дополненіемъ къ «Каталогу движеній неподвижныхъ звѣздъ» того же Автора, и стяжало ему полную Демидовскую премію.

«Собраніе актовъ публичнаго засѣданія 1836 года», вмѣстѣ съ Отчетомъ за тотъ же годъ и прекрасною рѣчью Г-на Грефе о образованіи и сродствѣ языковъ, вышло въ Маѣ мѣсяцѣ и роздано всѣмъ Академіямъ и Ученымъ Обществамъ въ Имперіи и въ чужихъ краяхъ,

шакже всѣмъ Почетнымъ Членамъ и Корреспондентамъ Академіи; а въ слѣдъ за тѣмъ и «Отчетъ о раздачѣ Демидовскихъ премій за 1836 годъ». Въ изданіи сего послѣдняго сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, а именно: къ Общему Отчету присоединены такіе разборы увѣнчанныхъ преміями сочиненій, которые по своей обширности не могли помѣститься въ самомъ Отчетѣ. Такимъ образомъ донесеніе о послѣдней раздачѣ составило книжку, заключающую въ себѣ около пятнадцати листовъ. Общій Отчетъ напечатанъ на Русскомъ, а каждый изъ разборовъ, на томъ языкѣ, на которомъ онъ представленъ Академіи.

Журналъ засѣданій Академіи, подъ заглавіемъ: «Bulletin scientifique», основанный въ прошедшемъ году наиболѣе съ цѣлію своевременно знакомить Европейскихъ Ученыхъ съ трудами и предпріятіями Академіи, вскорѣ оказалъ значительное вліяніе на образъ дѣйствій Академіи и характеръ ея засѣданій. Открывъ возможность къ сообщенію мелкихъ статей и отдѣльныхъ розысканій, которыя прежде оставались безъ дальнѣйшаго употребленія въ портфеляхъ, пока Авторамъ не представлялся случай воспользоваться ими для какого-либо подробнѣйшаго Разсужденія, журналъ этотъ вмѣстѣ удовлетворилъ и желаніямъ посторонннихъ Ученыхъ и самымъ нуждамъ Академіи. Въ такое время, каково наше, когда уже не позволено Ученому, уединясь отъ свѣта, вовсе не знать о чужихъ трудахъ, и когда тѣсная связь Наукъ между собою и многостороннее ихъ развитіе доказали въ области знаній, не менѣе какъ и въ промышлености, всю важность и пользу раздѣленія труда, — въ такое время, говорю я, обратилось какъ бы въ необходимую потребность искать въ журналахъ самыхъ новыхъ свѣдѣній относительно къ Наукамъ, какъ и къ Политикѣ; и повременныя изданія замѣнили мѣсто обширныхъ кор-

респонденцій и письменныхъ сношеній прошлыхъ вѣковъ, когда Науки были удѣломъ только самаго малаго числа избранныхъ лицъ, передававшихъ одинъ другому свои открытія. И такъ, основаніе журнала, послуживъ существенно къ умноженію числа предметовъ, обсуживаемыхъ въ нашихъ засѣданіяхъ и введя больше разнообразія въ наши годовые Отчеты, съ другой стороны дѣлаетъ для насъ излишнимъ подробнѣе распространяться о трудахъ, которые уже доведены до свѣдѣнія публики, вмѣстѣ съ ихъ послѣдствіями, и уже извѣстны тѣмъ, кто принимаетъ въ нихъ участіе. Два, по нынѣ вышедшіе тома сего журнала вмѣщаютъ въ себѣ 33 выписки изъ Разсужденій, читанныхъ въ засѣданіяхъ, и 67 Записокъ; всѣ три разряда Академіи, соразмѣрно числу Наукъ и Членовъ въ каждомъ изъ нихъ, почти равно участвовали въ изданіи двухъ первыхъ томовъ: ибо если прибавить къ сказаннымъ 100 статьямъ выписки изъ ученой корреспонденціи, то классъ Математическихъ и Физическихъ Наукъ, вмѣстѣ съ разрядомъ Наукъ Естественныхъ, доставили каждый по 38 статей, а разрядъ Наукъ Историческихъ и Филологическихъ — 29 статей, не считая донесенія о пяти ученыхъ путешествіяхъ, о которыхъ равнымъ образомъ было говорено въ Bulletin scientifique. Печатаніе третьяго тома производится безостановочно.

Еще желаемъ мы обратить вниманіе ваше на сочиненіе Г-на Струве о микрометрическихъ измѣреніяхъ сложныхъ звѣздъ. Послѣ того, что уже было сказано о семъ важномъ трудѣ въ прежнихъ нашихъ Отчетахъ, намъ остается только, извѣщая о совершенномъ его окончаніи въ началѣ нынѣшняго года, привести нѣкоторые изъ разительнѣйшихъ выводовъ сего творенія относительно къ точнѣйшему познанію звѣздной тверди. Слишкомъ далеко завлекло бы насъ исчисленіе здѣсь даже и однихъ лишь самыхъ замѣчатель-

ныхъ звѣздныхъ системъ, движеніе которыхъ впервые было изслѣдовано Г-мъ Струве. Достаточно сказать, что нашъ Астрономъ въ теченіе не болѣе двѣнадцати лѣтъ замѣтилъ въ разныхъ системахъ столь разительныя превращенія, что напр. звѣзды, прежде считавшіяся двойными, являлись ему одинакими, между тѣмъ какъ другія, знакомыя его предшественникамъ на томъ же поприщѣ, да и ему самому, какъ простыя, расторгались и представляли его взорамъ сложныя системы, и что онъ успѣлъ опредѣлить съ довольно большою точностію періоды обращенія этихъ свѣтилъ около общаго ихъ центра тяжести, періоды несравненно кратчайшіе уже давно извѣстныхъ ξ Большой Медвѣдицы и p Змѣеносца. Въ обширномъ введеніи, присоединенномъ къ тексту, Г. Струве излагаетъ Исторію своего труда, объясняетъ техническую часть наблюденій и выкладокъ и входитъ въ строгое розысканіе точности своихъ выводовъ и причинъ разногласія между прежними измѣреніями разстояній и его собственными. Наконецъ, въ послѣднихъ главахъ введенія, Г. Струве сосредоточилъ подъ нѣкоторыми общими точками зрѣнія многочисленныя данныя обширнаго своего труда и разсматриваетъ видимую величину неподвижныхъ звѣздъ и въ особенности сложныхъ, измѣненія въ свѣтѣ сихъ небесныхъ тѣлъ, ихъ цвѣтъ, распредѣленіе по порядкамъ и классамъ, судя по видимымъ разстояніямъ отдѣльныхъ звѣздъ, собственныя и общія ихъ движенія, а равномѣрно и относительныя въ орбитахъ, и ихъ параллаксы. Тѣ, которые, не углубляясь въ выкладки нашего ученаго Астронома, желаютъ ближе ознакомиться съ результатами 23-лѣтняго труда его, найдутъ подробнѣйшія свѣдѣнія въ донесеніи его Г. Министру Народнаго Просвѣщенія и Президенту Академіи, отдѣльно напечатанномъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, и сверхъ того въ Русскомъ переводѣ

въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Т. XIII, Мартъ) (*).

Переходимъ теперь къ исчисленію какъ рукописныхъ сочиненій, представленныхъ въ Академію, такъ и Разсужденій, читанныхъ въ ея засѣданіяхъ.

I. *Отдѣленіе Наукъ Математическихъ и Физическихъ.*

Г. Коллинсъ читалъ диссертацію подъ заглавіемъ: *Разсужденія о нѣкоторыхъ статьяхъ изъ Теоріи алгебрическихъ уравненій.* Авторъ, отложивъ на время

(*) Въ то самое время, когда мы писали эту статью, получили мы Октябрскую книжку «Берлинскихъ Литературныхъ Вѣдомостей», гдѣ помѣщенъ разборъ сочиненія Г-на Струве, писанный Г-мъ Бесселемъ. Знаменитый Кенигсбергскій Астрономъ отзывается о немъ слѣдующими словами: «Wir haben eine grossartige Leistung anzuzeigen, eine Leistung, welche sich in die Reihe der umfangreichsten stellt, die man in neuerer, die ältere in dieser Hinsicht weit übertreffenden Zeit, durch astronomische Beobachtungen erlangt hat; einen Leistung, welche einen wesentlichen und merkwürdigen Theil der Kenntniss des Fixsternhimmels betrifft.— Der wissenschaftliche Werth und die äussere Ausstattung des vor uns liegenden Werkes sind einander entsprechend. Der erstere ehrt seinen Verfasser; die letztere ehrt die Petersburger Akademie der Wissenschaften, welche das Werk hat drucken lassen. Vielfältige und grosse Anerkennung, welche eine solche Arbeit ihrem Urheber eingebracht hat, ehret das Land, in welchem er lebt.» Т. е. «Доводимъ до свѣдѣнія публики о трудѣ величественномъ, трудѣ, который можетъ стать на ряду съ самыми огромными, произведенными посредствомъ астрономическихъ наблюденій въ новѣйшее время, коему въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ древнее; трудѣ, который относится къ существенной и достопримѣчательной части познанія неба неподвижныхъ звѣздъ. Ученое достоинство и наружный видъ предлежащаго сочиненія соотвѣтствуютъ одно другому. Первое дѣлаетъ честь Автору, послѣдній — Петербургской Академіи Наукъ, издавшей это твореніе. Общія и громкія одобренія, снисканныя виновникомъ столь важнаго труда, приносятъ честь странѣ, гдѣ онъ живетъ.»

изданіе этого труда въ полномъ его видѣ, представилъ, для помѣщенія въ Bulletin, два отрывка изъ своей диссертаціи: одинъ заключаетъ въ себѣ доказательство двухъ теоремъ, относящихся къ цѣлымъ функціямъ о двухъ перемѣнныхъ, а другой — приложеніе этихъ самыхъ теоремъ къ новому элементарному доказательству разложимости цѣлыхъ функцій на вещественные множители первой и второй степени. Это доказательство, со стороны своей простоты, строгости и особенно удачныхъ пріемовъ, можетъ считаться образцевымъ. Въ другомъ Разсужденіи, на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія, относящіяся къ теоріи симметрическихъ функцій*, Академикъ Коллинсъ имѣлъ въ виду выразить, посредствомъ явныхъ функцій коэффиціентовъ какого-ни-есть алгебрическаго уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, не только сумму степеней всѣхъ корней этого уравненія, но и различныя суммы, получаемыя чрезъ перемноженіе корней, совокупляемыхъ по два, по три и проч.: при чемъ еще въ произведеніи, получаемомъ такимъ образомъ, каждый множитель можетъ имѣть своего особеннаго показателя. Извлеченіе изъ этого Разсужденія было напечатано Г-мъ Коллинсомъ въ видѣ Записки, въ которой онъ, употребляя знакоположеніе Роша, выводитъ общую формулу, выражающую сумму степеней всѣхъ корней уравненій алгебрическихъ съ показателями цѣлыми, положительными или отрицательными. — Г. Остроградскій, кромѣ «Умозрительной Механики», литографированной для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія, и о которой мы уже говорили въ нашемъ Отчетѣ за прошедшій годъ, представилъ въ Академію три Записки о разныхъ предметахъ математическаго анализа. Въ первой изъ нихъ, Авторъ занимается *функціями показательными*, во второй — *особеннымъ родомъ функцій сферическихъ координатъ*; предметъ

третьей Записки — *Варіаціонное Исчисленіе.* Академикъ Остроградскій въ нынѣшнюю зиму возобновилъ также публичныя чтенія о математическомъ Анализѣ, начатыя имъ въ прошломъ году въ Морскомъ Корпусѣ. Лекціи за прошедшій годъ были написаны двумя изъ его слушателей, Гг. Зеленымъ и Бурачкомъ, и изданы ими на Русскомъ языкѣ въ двухъ томахъ. — Г. Буняковскій продолжаетъ заниматься изданіемъ своего «Математическаго Лексикона»; первое отдѣленіе первой части вышло уже въ свѣтъ, и показываетъ, что Авторъ значительнымъ образомъ распространилъ первоначальный планъ своего сочиненія. Независимо отъ этого обширнаго труда, Г. Буняковскій представилъ въ Академію продолженіе своихъ изслѣдованій о приложеніи Анализа Вѣроятностей къ опредѣленію приближенныхъ величинъ трансцендентныхъ чиселъ. Первый изъ трехъ вопросовъ, рѣшенныхъ во второмъ его Разсужденіи, приводитъ къ выраженію вѣроятности, опредѣляющей дугу въ функціи ея синуса, второй вводитъ въ рѣшеніе функціи эллиптическія перваго и втораго рода, а третій, сверхъ поименованныхъ функцій, доставляетъ еще количество логариѳмическое. Извѣстно, что дуги круга, равныя соотвѣтственнымъ своимъ тангенсамъ, составляютъ рядъ, котораго законъ еще не найденъ: для общаго члена этого ряда имѣютъ только приближенное выраженіе. Занимаясь симъ предметомъ въ краткіе досуги, которыми могъ располагать при многочисленности другихъ занятій, я нашелъ конечныя численныя выраженія для суммъ отрицательныхъ четныхъ степеней сихъ дугъ или тангенсовъ, а также и для суммъ тѣхъ же степеней тангенсовъ, когда сіи послѣдніе равны, не просто соотвѣтствующимъ имъ дугамъ, но кратнымъ отъ сихъ самыхъ дугъ. Доказательство этихъ формулъ было предметомъ Записки, которую я имѣлъ честь читать

Академіи. Равнымъ образомъ читана мною, въ одномъ изъ засѣданій, малаго объема Записка, сообщенная мнѣ Профессоромъ Ришельевскагѣ Лицея Бруномъ. Въ этой Запискѣ Г. Брунъ излагаетъ содержаніе и доказательство одной теоремы изъ Аналитической Геометріи, нигдѣ еще не предложенной въ такомъ общемъ видѣ, и которая показалась мнѣ довольно важною для опредѣленія кривыхъ втораго порядка по даннымъ точкамъ. Наконецъ, Г. Шультенъ, Профессоръ въ Гельсингфорсѣ, недавно прислалъ намъ дополнительную Записку о безконечно тонкихъ кистяхъ свѣта; разсмотрѣніе этого труда поручено Академику Острогранскому

По части Астрономіи остается намъ, сверхъ трудовъ Гг. Струве и Аргеландера, уже приведенныхъ выше между сочиненіями, изданными Академіею, упомянуть еще о двухъ Разсужденіяхъ по инструментальной Астрономіи: о призматическомъ кругѣ, усовершенствованномъ Г. Штейнгейлемъ, въ Минхенѣ, и о превосходномъ переносномъ пассажномъ инструментѣ, снабженномъ вертикальнымъ кругомъ и сдѣланномъ для Дерптской Обсерваторіи братьями Репсольдъ, отличными Художниками въ Гамбургѣ. Этотъ небольшой инструментъ устроенъ по указаніямъ Г-на Струве и представляетъ результаты удивительной точности. Остальные труды нашихъ Астрономовъ имѣли предметомъ своимъ Географію, въ особенности Россійской Имперіи: Г. Вишневскій, въ двухъ Разсужденіяхъ, сообщилъ намъ астрономическое опредѣленіе тридцати главныхъ мѣстъ Европейской Россіи, а Г. Струве вычисленіе значительнаго числа географическихъ координатъ мѣстъ, лежащихъ частію въ Турціи и Малой Азіи, частію въ Россійскихъ Областяхъ по сю и по ту сторону Кавказа, на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ послѣднія кампаніи съ 1828 по 1832 годъ Офицерами Главнаго Штаба.

Г. Вице-Адмиралъ И. Ѳ. Крузенштернъ, который среди многочисленныхъ своихъ должностныхъ занятій, находитъ еще досугъ слѣдовать внимательнымъ окомъ за всѣми новѣйшими открытіями, которыя могутъ служить къ пополненію нашихъ свѣдѣній о Гидрографіи Южнаго Океана, сообщилъ намъ въ одной Запискѣ критическія свои замѣчанія о нѣкоторыхъ островахъ, вновь открытыхъ въ этой части Океана Фаннингомъ, Мореллемъ, Веллингсомъ и Дюго-Силли. Другой критическій трудъ, относящійся къ новой Картѣ Европейской Россіи, изданной Военно-топографическомъ Депо Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, доставленъ намъ Г. Кеппеномъ, нынѣ Адъюнктомъ Академіи. Наконецъ Г. Беръ читалъ намъ весьма занимательное донесеніе о новѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ Русскими мореплавателями на берегахъ Новой Земли. Нѣкоторыя изъ сихъ любопытныхъ свѣдѣній были ему доставлены молодымъ искуснымъ Офицеромъ Корпуса Штурмановъ, Г. Циволкою, который самъ, въ двухъ экспедиціяхъ, принималъ участіе въ съемкѣ береговъ этого острова. Два ряда метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ два послѣдніе плаванія на Новую Землю и объемлющіе каждый пространство цѣлаго года, были ввѣрены Г. Беру тѣмъ же самымъ ревностнымъ морякомъ и послужили предметомъ трехъ диссертацій, читанныхъ въ непродолжительные промежутки одна послѣ другой, и разсуждающихъ о климатѣ Новой Земли, о дневномъ и годичномъ ходѣ температуры, и о средней температурѣ, которую Г. Беръ находитъ около — 9° С. Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ симъ трудамъ и важнымъ ихъ послѣдствіямъ. Тотъ же Академикъ занималъ насъ, въ разныя засѣданія, нѣкоторыми весьма любопытными геологическими фактами, каковы напр. странствующія груды камней, коихъ еще не давно

замѣчено два достопримѣчательные образца на Южномъ берегу Финляндіи, и феноменъ постепеннаго убыванія водъ Балтійскаго моря, которое по мнѣнію Плейфера, Буха и Лейелля должно приписывать не пониженію уровня сего моря, а болѣе поднятію земли, происходящему отъ причины, еще не извѣданной. По предложенію Г Бера и съ разрѣшенія Г. Морскаго Министра, Академія обратила на этотъ предметъ вниманіе Г. Рейнеке, Капитана корабля, который, производя съемку береговъ Финляндіи, можетъ удобно изслѣдовать возвышеніе прежнихъ знаковъ поверхъ нынѣшняго уровня моря и прикажетъ вырубить въ скалѣ на данныхъ высотахъ новые знаки для будущихъ измѣреній. Третій геологическій вопросъ, на который обращено вниманіе Академіи Г. Беромъ, относится къ глубинѣ, до какой можетъ проникать въ землю холодъ въ Сѣверныхъ Широтахъ. Уже и въ прежнія путешествія, которыя предпринимали наши Академики, было замѣчено, что почва Сибири, начиная отъ Ледовитаго моря до Байкала, заключаетъ въ себѣ вѣчные льды. Долгое время однако не обращали вниманія на это наблюденіе, можетъ быть потому, что почитали не вѣроятнымъ, чтобы обильное произрастеніе, находимое въ тѣхъ мѣстахъ, могло развиться на оледенѣлой почвѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшими и основательнѣйшими розысканіями относительно распространенія теплоты на нашей планетѣ, доказано, что температура отнюдь не соображается съ одною лишь географическою Широтою, а вообще уменьшается во внутренности обширныхъ материковъ Сѣвера, каждое новое свѣдѣніе о температурѣ земли въ Сибири пріобрѣло новую занимательность. А какъ дотолѣ намъ вовсе не доставало точныхъ данныхъ на счетъ толщины ледяныхъ слоевъ, то Академія съ большимъ удовольствіемъ узнала, что одинъ Русскій купецъ, по имени

Шергинъ, Коммиссіонеръ Россійско-Американской Компаніи въ Якутскѣ, единственно для удовлетворенія своего любопытства, велѣлъ вырыть на свой счетъ колодезь, въ которомъ на глубинѣ 11 саженъ (77 Англійскихъ фут.) нашлась еще температура въ $5\frac{1}{3}^{\circ}$ Р. ниже нуля, увеличивавшаяся постепенно до глубины $54\frac{2}{3}$ саженъ, гдѣ почва уже найдена была до того размягченною, что не смѣли итти далѣе безъ особыхъ мѣръ предосторожности, которыя значительно увеличили бы издержки работы. Протоколъ вырыванiй Г-на Шергина, сообщенный Г. Гельмерсену, подалъ сему послѣднему поводъ къ составленію Записки, которую онъ предоставилъ Академіи для помѣщенія въ ученомъ ея журналѣ. По предложенію Г-на Бера, Академія нарядила коммиссію изъ своихъ Физиковъ, Гг. Паррота, Купфера и Ленца, для изслѣдованія, можно ли еще продолжать вырыванія и какой всего приличнѣе дать ходъ дальнѣйшимъ розыскамъ. — Небольшой вулканическій островъ, внезапно появившійся въ 1831 году между Юго-западнымъ берегомъ Сициліи и Африкою, послужилъ Г-ну Араго подтвержденіемъ гипотезы о поднимающихся изъ земли кратерахъ. Г. Парротъ, въ Запискѣ, читанной въ Декабрѣ сего года, утверждаетъ противное, а именно, что островъ Юлія вовсе не есть поднявшійся кратеръ, а только взгроможденіе вулканическихъ веществъ, выброшенныхъ во время изверженія на дно моря, и что мнимое поднятіе, отъ котораго будто бы произошелъ островъ, есть дѣло вовсе несбыточное по законамъ Физики. Записка Г-на Паррота напечатана въ Бюллетенѣ. — Метеорологія, имѣющая въ нашей Академіи достойнаго представителя въ Г. Купферѣ, болѣе и болѣе распространяется въ Россіи; число мѣстъ, гдѣ правильно производятся метеорологическія наблюденія, снова увеличилось въ нынѣшнемъ году городами: Вологдою, Смоленскомъ, Клеванью,

Херсономъ, Якутскомъ и Симферополемъ, такъ что число всѣхъ метеорологическихъ станцій въ Россіи, о которыхъ Академія имѣетъ свѣдѣніе, простирается нынѣ до тридцати семи. Г. Купферъ самъ читалъ намъ свои замѣчанія о вліяніи луны на температуру воздуха на поверхности земли, основанныя на метеорологическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ С. Петербургѣ въ теченіе тринадцати лѣтъ. — Падающія звѣзды, коихъ по видимому правильное появленіе въ году возбудило въ наши времена любопытство Физиковъ, обратили на себя, въ историческомъ отношеніи, вниманіе нашего ученаго Оріенталиста Г-на Френа. Отыскавъ въ Восточныхъ Писателяхъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается о появленіи сихъ метеоровъ, а особенно такія, гдѣ приводится и самое число мѣсяца, онъ нашелъ, что, сходственно съ новѣйшими замѣчаніями, время, когда эти звѣзды падаютъ въ наибольшемъ числѣ и блескѣ, обыкновенно приходится въ послѣднихъ числахъ Октября и въ первой трети Ноября. Г. Френъ, въ подкрѣпленіе этого вывода, присоединилъ къ своей Запискѣ подлинные тексты Арабскихъ Авторовъ, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ.

Электричество и электромагнетизмъ въ нынѣшнемъ году много занимали нашихъ Физиковъ. Какъ химическая теорія электричества, въ слѣдствіе трудовъ Г-на Де ла Рива и опытовъ Гг. Бекереля и Фарадея, пріобрѣла большое число приверженцевъ во Франціи и Англіи, то Г. Парротъ, одинъ изъ самыхъ старшихъ Физиковъ въ Европѣ и виновникъ означенной теоріи, рѣшился произвесть рядъ опытовъ, могущихъ, по его мнѣнію, доказать неопровержимымъ образомъ, что вовсе не существуетъ переходящаго по прикосновенію электричества и что электричество галваническаго столба и всѣхъ приборовъ подобнаго рода происходитъ единственно отъ окисленія металла.

Сей-то трудъ составилъ предметъ Разсужденія его, подъ заглавіемъ: Nouvelles recherches en faveur de la théorie chimique de l'électricité. — Извѣстно, что Г. Якоби изъ Кенигсберга, братъ знаменитаго Геометра того же имени, состоящій нынѣ Профессоромъ Гражданской Архитектуры въ Дерптѣ, трудился съ большимъ успѣхомъ на новомъ поприщѣ, отверзтомъ Физикѣ безсмертнымъ открытіемъ Г-на Эрстеда, лѣтъ семнадцать тому назадъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, доказавшихъ въ Разсужденіи, напечатанномъ еще въ Германіи, посредствомъ остроумнаго прибора имъ самимъ устроеннаго, что электромагнетическая сила можетъ быть приспособлена къ движенію машинъ. Въ началѣ нынѣшняго года, Г. Якоби подвергнулъ суду Академіи рукописное Разсужденіе, которое можно почесть продолженіемъ выше приведеннаго, и которое представляетъ описаніе большаго числа опытовъ, относительно къ магнитной силѣ пустыхъ желѣзныхъ трубокъ, намагниченныхъ электрическимъ завиткомъ, — вопросъ чрезвычайно важный, коль скоро идетъ дѣло объ употребленіи электромагнетизма для приведенія въ движеніе машинъ. Въ слѣдъ за симъ, въ письмѣ къ Г. Ленцу, ученый Дерптскій Профессоръ даетъ отчетъ о употребленномъ имъ способѣ для полученія постоянныхъ электрическихъ теченій, который состоитъ въ погруженіи пластинокъ металла, изъ которыхъ состоитъ столбъ, въ соотвѣтственныя жидкости. Онъ именно выбралъ для мѣди пресыщенный растворъ сѣрнокислой мѣди, а для цинка растворъ нашатыря, и отдѣлилъ обѣ жидкости посредствомъ непроницаемой перепонки. По этому случаю онъ пригласилъ Г-на Ленца опредѣлить посредствомъ магнитно-электрическаго его прибора сопротивленіе, какое сѣрнокислая мѣдь въ прикосновеніи съ металломъ противополагаетъ теченію электрической жидкости, — трудъ, тщательно

выполненный Г. Ленцомъ и результатъ котораго онъ сообщилъ Академіи въ особой Запискѣ, напечатанной въ Бюллетенѣ. Извѣстно, что въ послѣдствіи Г. Якоби, призванный въ С. Петербургъ, получилъ отъ щедротъ Государя Императора потребныя средства для произведенія опытовъ въ большомъ видѣ, и между прочимъ для устройства электро-магнетическаго прибора, довольно сильнаго для приведенія въ движеніе судна. Коммиссія, въ коей участвуютъ четыре Академика: Гг. Купферъ, Остроградскій, Ленцъ и я, призвана присутствовать при трудахъ Г-на Якоби и дать отчетъ Правительству по совершенномъ ихъ окончаніи. Наконецъ ученый нашъ Членъ-Корреспондентъ Г. Норденскіольдъ, Чиновникъ Горнаго Вѣдомства въ Финляндіи, доставилъ намъ описаніе манометра, имъ усовершенствованнаго и весьма удобнаго къ измѣренію давленія воздуха въ машинахъ для душія.

Нашъ Химикъ, Г. Гессъ, совершилъ въ нынѣшнемъ году путешествіе по Германіи, Швейцаріи и Франціи, для изустныхъ переговоровъ съ отличнѣйшими Европейскими Химиками на счетъ разныхъ предметовъ своей Науки; онъ посѣтилъ лабораторіи Гг. Митчерлиха и Розе въ Берлинѣ, Г-на Вёлера въ Геттингенѣ, Г-на Либига въ Гисенѣ, Г-на Дюма въ Парижѣ, и равнымъ образомъ техническія заведенія, показавшіяся ему достойными вниманія. Мы увѣрены, что это путешествіе, главною цѣлью котораго было удовлетвореніе достохвальнаго любопытства, не останется безъ пользы для Отечества, потому что всякій Ученый, сколько бы онъ ни былъ искусенъ и дѣятеленъ, необходимо иногда чувствуетъ потребность изустнаго объясненія; особенно же въ области наблюдательныхъ Наукъ одно чтеніе сочиненій по своей части недостаточно, замѣнить выгоды личнаго свиданія и взаимнаго обмѣна идей. Отъ того-то мы

и видимъ въ наше время, что эта потребность породила сначала въ Германіи, а потомъ во Франціи, Великобританіи и Бельгіи, тѣ ученыя съѣзды или конгрессы, единственная цѣль которыхъ есть сближеніе Ученыхъ между собою и польза коихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кабинетные труды Г-на Гесса ограничиваются въ нынѣшнемъ году двумя Разсужденіями, изъ которыхъ одно представляетъ опроверженіе мнѣнія, будто бы молочный сахаръ не способенъ къ броженію; а другое — изслѣдованіе состава сахарной кислоты. Важный выводъ изъ сего послѣдняго состоитъ въ томъ, что органическія вещества могутъ заключать въ себѣ атомъ воды въ водяномъ состояніи, но только соединенный съ ними еще непостижимымъ для насъ образомъ, и что для превращенія камеди въ обыкновенный сахаръ стоитъ только пріискать способъ извлеченія содержащагося въ ней атома воды. Г. Гессъ сверхъ того возобновилъ нынѣшнею зимою публичныя лекціи о Химіи, читанныя имъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію Минералогическаго Общества. — Г. Докторъ Фритцше, о трудѣ котораго по части Физіологіи растеній мы уже прежде имѣли случай говорить, сообщилъ намъ въ трехъ Запискахъ микроскопическія свои наблюденія надъ сѣрными цвѣтами и результаты нѣкоторыхъ химическихъ своихъ опытовъ, а именно новое соединеніе сѣрнокислой магнезіи съ водою, и два кристаллическія соединенія кремнекислой соды, также съ водою.

II. *Разрядъ Наукъ Естественныхъ.*

Изъ Разсужденій по части Естественныхъ Наукъ приведемъ прежде всего двѣ Записки, доставленныя намъ Г-мъ Гельмерсеномъ, Маіоромъ Корпуса

Горныхъ Инженеровъ, уже снискавшимъ извѣстность геогностическими своими путешествіями по Россіи. Въ одной изъ этихъ Записокъ Авторъ бросаетъ физическій и геогностическій взглядъ на Уралъ и Алтай, а въ другой занимается изслѣдованіемъ отдѣльной горы перваго изъ сихъ хребтовъ, именно сѣверной его части — Благодати, горы, состоящей изъ магнитнаго пирита, и коей геогностическое изслѣдованіе составляетъ предметъ этой Записки. Г. Гельмерсенъ умѣлъ облечь свои описанія въ занимательную форму, которая, отнюдь не вредя ученому ихъ достоинству, придаетъ имъ подобіе привлекательныхъ картинъ, такъ что многіе туземные и иностранные журналы поспѣшили украсить ими свои листы: что и освобождаетъ насъ отъ дальнѣйшаго распространенія о ихъ содержаніи.

Г. Бонгаръ читалъ Разсужденіе о растительности острововъ Бонинъ-Симы, на основаніи образцевъ, собранныхъ Г-мъ Мертенсомъ въ экспедицію Сенявина; Г. Фишеръ сообщилъ намъ свои наблюденія о новомъ Astragalus изъ племени Anthylloidiae, а Г. Мейеръ свои замѣчанія о нѣкоторыхъ видахъ рода Hymenobrychis, и описаніе новаго вида изъ рода Catalpa. Г. Нордманнъ прислалъ намъ предварительное опредѣленіе признаковъ нѣсколькихъ новыхъ породъ растеній, собранныхъ въ путешествіе, совершенное имъ въ минувшемъ году по западнымъ областямъ Закавказья. Число этихъ породъ простирается до двѣнадцати и опредѣленіе ихъ сдѣлано Г-мъ Ледебуромъ. Г. Геппертъ, Профессоръ въ Бреславлѣ, помѣстилъ въ нашемъ ученомъ журналѣ весьма любопытный отчетъ о новѣйшихъ своихъ розысканіяхъ на счетъ строенія ископаемыхъ растеній. Г. Брандтъ, призванный въ посредники ученаго спора, завязавшагося между Гг. Зибольдомъ и Де Фризе относительно растенія, дающаго звѣздчатый анисъ и описаннаго

нашимъ Академикомъ въ его продолженіи Врачебной Ботаники Гайне, произнесъ въ особой Запискѣ свое сужденіе объ этомъ спорномъ вопросѣ. Наконецъ Г. Траутфеттеръ, Адъюнктъ при Императорскомъ Ботаническомъ Садѣ, поднесъ Академіи очеркъ Исторіи Ботаники въ Россіи, или лучше сказать полное обозрѣніе Литературы по этой части, въ которомъ собраны и распредѣлены систематически всѣ сочиненія, изданныя какъ Отечественными, такъ и иностранными Ботаниками, если сіи послѣднія относятся къ Россійской Флорѣ. Это обозрѣніе есть только предвѣстникъ труда обширнѣйшаго, составленіемъ котораго теперь занимается Авторъ. Г. Траутфеттеръ имѣетъ цѣлію предувѣдомить о томъ здѣшнихъ Ботаниковъ и пригласить ихъ къ доставкѣ ему такихъ свѣдѣній, которыя могли ускользнуть отъ его вниманія. Академія, признавая пользу подобнаго предпріятія, охотно приняла на свой счетъ изданіе этого обозрѣнія въ числѣ 200 экземпляровъ, половина которыхъ предоставляется въ распоряженіе трудолюбиваго Автора.

Труды по части Зоологіи, которыми занималась Академія въ нынѣшнемъ году, ограничиваются почти одною только Естественною Исторіею птицъ, насѣкомыхъ и моллюсковъ, потому что Г. Брандтъ былъ преимущественно занятъ двумя довольно обширными работами а Г. Беръ, сначала пріуготовленіями къ весьма важной ученой экспедиціи, а потомъ самымъ путешествіемъ, послѣ же своего возвращенія составленіемъ отчета о своихъ трудахъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить послѣ. Занятія Г-на Брандта относятся во-первыхъ къ гребнымъ птицамъ (stéganopodes), къ ихъ остеологіи и сродству съ плавательными (plongeurs) вообще и съ другими семействами птицъ. Далѣе нашъ Академикъ окончилъ подробное свое описаніе щитоносныхъ или зонтиковыхъ акалефовъ, открытыхъ

Мертенсомъ и уже отдалъ въ печать вмѣстѣ съ общими примѣчаніями и почти полною Естественною Исторіею сего рода медузъ. Систематическій обзоръ всѣхъ извѣстныхъ породъ, который предположено было присоединить къ этому сочиненію, до того распространился въ объемѣ, что Авторъ предпочелъ напечатать его отдѣльно въ слѣдъ за самымъ описаніемъ, которое войдетъ въ составъ Записокъ Академіи. — Нѣсколько отрывковъ изъ этихъ двухъ сочиненій, особенно изъ перваго, и Записка о свѣтящихся акалефахъ, замѣченныхъ Мертенсомъ, были сообщены ученой публикѣ въ Bulletin scientifique. Г. Брандтъ сверхъ того занимается монографіею семейства Alcadeae, — трудомъ, о которомъ онъ уже представилъ намъ предварительный отчетъ, и который, судя по собраннымъ Г-мъ Брандтомъ матеріаламъ, обѣщаетъ сдѣлаться весьма полнымъ. Мы можемъ привести еще четыре Записки того же самаго Ученаго, изъ которыхъ одна опредѣляетъ съ большею точностію отличительные признаки трехъ породъ, составляющихъ родъ фаэтона; вторая основываетъ новую породу катарактовъ; третья излагаетъ наблюденія надъ нѣсколькими новыми видами рода бакланъ (carbo phalacrocorax), находящихся въ нашемъ Зоологическомъ Музеумѣ, а послѣдняя разсуждаетъ о четырехъ новыхъ породахъ змѣй, открытыхъ Г-мъ Карелинымъ на западномъ берегу Каспійскаго моря и въ Сѣверной Персіи. — Желая доставить нашему Музеуму нѣсколько видовъ птицъ, свойственныхъ Сѣверозападному берегу Америки, но затрудняясь въ указаніи Правителямъ разныхъ Конторъ Россійско-Американской Компаніи тѣхъ породъ, на которыя они должны преимущественно обратить свое вниманіе, Г. Брандтъ предложилъ Академіи разослать симъ Конторамъ литографированныя изображенія видовъ, менѣе извѣстныхъ. По одобреніи этой мѣры и приведеніи ея въ исполненіе искуснымъ

нашимъ рисовщикомъ Г-мъ Папе, Г. Брандтъ вздумалъ умножить число литографическихъ оттисковъ и издать ихъ съ приложеніемъ текста на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Замѣчательныя птицы Сѣверозападнаго берега Америки*. Первый выпускъ сего сочиненія скоро будетъ приведенъ къ окончанію. Г. Нордманнъ доказалъ намъ въ особой Запискѣ, что въ Европѣ существуетъ порода птицъ, которую до сего времени встрѣчали только въ Сенегамбіи, Сиріи, Нубіи и Египтѣ, а именно порода ржанки, charadrius spinosus Линнея, которую Г. Нордманнъ поймалъ въ окрестностяхъ Одессы. Тотъ же самый Ученый открылъ и описалъ въ другой Запискѣ орудіе голоса бабочки мертвой головы (sphinx или acherontia atropos), единственной, сколько донынѣ извѣстно, породы чешуекрылыхъ, которая бывъ встревожена, издаетъ пронзительный, унылый звукъ; источникъ коего оставался до сихъ поръ неоткрытымъ. Г. Менетріе составилъ систематическую опись насѣкомыхъ, собранныхъ между Константинополемъ и Балканами, — трудъ, снискавшій одобреніе Академіи и назначаемый къ изданію въ ея Запискахъ. Наконецъ Гг. Брандтъ и Беръ, сверхъ трудовъ, выше приведенныхъ, доставили намъ еще обстоятельные разборы трехъ сочиненій, изданныхъ въ Германіи: «Польской Палеонтологіи» Г-на Профессора Пуша въ Варшавѣ, сочиненія, посвященнаго Академіи, «Лѣсной Энтомологіи» Г-на Ратцебурга, въ Нейштадтъ-Эберсвальде, и «Описанія жесткокрылыхъ Бранденбургской Мархіи» Г-на Эрихсона, въ Берлинѣ. Что же касается до трудовъ Г-на Брандта въ званіи Директора Зоологическаго Музеума, то самое помѣщеніе, въ которомъ мы сегодня собраны, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его дѣятельности: отличное состояніе предметовъ, которые вы видѣли, пробѣгая эти обширныя залы, порядокъ, въ нихъ повсюду господству-

ющій, и можно даже сказать, отчасти нынѣшнее богатство нашего Зоологическаго Музеума должны быть приписаны Г-ну Брандту: ибо сколь ни значительны суммы, издержанныя Академіею въ пять послѣднихъ годовъ на этотъ Музеумъ, но безъ усердія и дѣятельности Директора было бы совершенно невозможно въ такое короткое время достигнуть столь удовлетворительныхъ результатовъ. Съ будущей весны мы предполагаемъ назначить одинъ день въ недѣлю, въ который публика будетъ имѣть доступъ въ сіи залы для своего наставленія, и слѣдственно сегодняшнее наше засѣданіе можетъ быть сочтено какъ бы эпохою торжественнаго открытія новыхъ нашихъ Музеумовъ.

Исторія съ ея вспомогательными Науками, Нумизматикою и Археологіею; Восточные языки съ ихъ необходимыми пособіями, Словарями, Грамматиками и литературными сочиненіями; розысканія по части классической и сравнительной Филологіи, и наконецъ Науки Политическія, равнымъ образомъ, въ свою очередь доставляли многочисленные предметы занятіямъ нашей Академіи. Начиная съ Исторіи, мы приведемъ Разсужденіе Г-на Моргенштерна, Заслуженаго Профессора Дерптскаго Университета «О изученіи Византійскихъ Историковъ», — историческія розысканія Г-на Устрялова «О постепенномъ развитіи внутренней жизни народа Русскаго» — предметъ, который онъ выбралъ также темою своей вступительной рѣчи, — Записку Г-на Шмидта «О герояхъ до-историческаго времени», — роспись Афганскихъ поколѣній, составленную Г. Дорномъ, и небольшую статью, въ которой Г. Френъ повѣрилъ нѣсколько неисправностей, вкравшихся въ Европѣ въ именахъ нынѣшнихъ владѣтелей Хивы и Бухаріи. — По части Археологіи, приводимъ прежде всего пространное сочиненіе, въ которомъ нашъ ученый Археологъ, Г. Келеръ, изложилъ результаты глу-

бокихъ своихъ изслѣдованій о рѣзныхъ камняхъ, и которое должно было выйти на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Руководства къ точному познанію древнихъ рѣзныхъ камней, съ сображеніемъ геммъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С Петербургѣ и достопримѣчательнѣйшихъ камней другихъ Европейскихъ коллекцій». Но по несчастію знаменитый Авторъ слишкомъ долго замедлилъ изданіемъ сего важнаго труда, плода многолѣтнихъ неутомимыхъ розысканій, и въ то самое время, когда началось печатаніе онаго, былъ постигнутъ тяжкою болѣзнію, которая и въ сей день лишаетъ насъ его присутствія и которая, судя по его престарѣлымъ лѣтамъ, оставляетъ намъ мало надежды видѣть его трудъ скоро оконченнымъ. Другой трудъ, имѣющій предметомъ древности Тавриды, недавно изданъ на Русскомъ языкѣ новымъ нашимъ Адъюнктомъ, Г. Кеппеномъ. Г Моргенштернъ сообщилъ намъ въ особой Запискѣ нѣсколько литературныхъ замѣчаній о грифонахъ древнихъ Авторовъ, написанные имъ въ опровержeніе слишкомъ смѣлой гипотезы Г-на Фишера фонъ-Вальдгейма въ Москвѣ. Г. Френъ описалъ въ одномъ Разсужденіи нѣсколько искусственныхъ издѣлій и монетъ, найденныхъ въ курганахъ Южной Сибири и снабженныхъ надписями опредѣленнаго времени: что встрѣчается только весьма рѣдко на сихъ издѣліяхъ таинственнаго происхожденія; сверхъ того онъ объяснилъ двѣ куфическія надписи, находящіяся въ Нахичеванѣ въ Арменіи, одну на воротахъ крѣпости, а другую надъ входомъ Ханскаго терема, и съ которыхъ Г. Дюбуа де Монпере снялъ вѣрныя копіи. — Упоминая о надписяхъ, привезенныхъ симъ любознательнымъ путешественникомъ, мы скажемъ еще, что онъ ввѣрилъ довольно значительное число Грузинскихъ надписей Г-ну Броссе, и что сей Академикъ избралъ ихъ предметомъ перваго Разсужденія, читан-

ваго имъ Академіи и теперь печатающагося, а сверхъ того вручилъ ему копію Тибетской легенды, вырѣзанной на колоколѣ Эчміадзинскаго монастыря и объясненной Г. Шмидтомъ. Наконецъ, Г. Броссе принялъ на себя трудъ истолковать нѣсколько Армянскихъ надписей въ развалинахъ Болгаръ, коихъ снимокъ былъ ему сообщенъ Г. Френомъ. По части Восточной Нумизматики, Г. Френъ описалъ нѣсколько важныхъ пріобрѣтеній Кабинета медалей Его Сіятельства Графа Сергія Григорьевича Строганова въ Москвѣ; повѣрилъ нѣсколько ошибокъ, вкравшихся въ «Нумизматику Среднихъ вѣковъ» Г-на Лелевеля; объяснилъ монеты, вырытыя въ 1830 году близъ Штекборна въ Тургавѣ и оттиски которыхъ были ему присланы знаменитымъ Германскимъ Естествоиспытателемъ Г. Океномъ; также изслѣдовалъ большое число монетъ, недознанныхъ или недостаточно описанныхъ другими Нумизматами и указалъ имъ мѣста, которыя онѣ должны отнынѣ занимать въ каталогахъ Восточной Нумизматики. Просматривая монеты Али Ризы, онъ открылъ годъ смерти этого Имама, и наконецъ въ двухъ Запискахъ доставилъ намъ дополненія къ Нумизматикѣ Чингизидовъ Ирана и свѣдѣнія о древнѣйшихъ монетахъ династіи Сефи. Г. Броссе читалъ Записку о нѣкоторыхъ Грузинскихъ монетахъ Азіатскаго Музеума и монографію Армянскихъ монетъ разныхъ коллекцій С. Петербурга и Парижа, а Г. Дорнъ отчетъ о разныхъ Восточныхъ монетахъ, поступившихъ изъ бывшаго Виленскаго Университета въ Университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Относительно трудовъ, имѣющихъ цѣлію облегчить изученіе разныхъ языковъ и Литературъ Востока, уже изъ прежняго Отчета извѣстно, что Г. Шмидтъ занимался Грамматикою и Словаремъ Тибетскаго языка. Первая печатается, и уже приготовляются матрицы мелкаго Тибетскаго шрифта для

напечатанія въ слѣдъ за симъ и Лексикона. Тотъ же Академикъ читалъ намъ обширное Разсужденіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ Тибетскаго языка и письменъ. — Г. Броссе издалъ въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ свою Грамматику Грузинскаго языка, и первое препорученіе, возложенное на него по прибытіи сюда, состояло въ просмотрѣ рукописнаго и весьма полнаго Словаря сего языка, представленнаго Академіи однимъ молодымъ Грузинцемъ, Студентомъ здѣшняго Университета Г. Чубиновымъ, который Г. Броссе нашелъ совершенно достойнымъ одобренія. По предложенію нашего Академика, типографія должна быть снабжена полнымъ заводомъ Армянскихъ литеръ, и двумя разными корпусами Грузинскаго шрифта, изъ коихъ болѣе крупный въ пунсонахъ, которые будутъ вырѣзаны здѣсь по Парижскимъ образцамъ, а другой по мельче, вылитый по матрицамъ, которыя Его Свѣтлость Грузинскій Царевичь Теймуразъ выписалъ на свой счетъ изъ Парижа и предоставилъ въ распоряженіе Академіи. Сверхъ того Г. Броссе сообщилъ публикѣ въ Bulletin scientifique занимательный разборъ одного Грузинскаго романа, подъ заглавіемъ: Амиранъ Дареджаніани, а молодой Оріенталистъ Г. Петровъ сдѣлался извѣстнымъ Академіи Русскимъ переводомъ Санскритскаго отрывка, подъ заглавіемъ: Сита-Гаранамъ, «Похищеніе Ситы», извлеченнаго изъ Поэмы Адгіатма-Рамаяна, — переводомъ, который онъ обогатилъ пояснительными замѣчаніями и грамматическимъ разборомъ. Можно надѣяться, что Г. Петровъ, пробывъ нѣсколько времени въ Берлинѣ, Боннѣ, Парижѣ и Лондонѣ, будетъ весьма способенъ къ замѣщенію среди насъ покойнаго Г-на Р. Ленца, о преждевременной кончинѣ котораго мы съ прискорбіемъ извѣщали въ прошедшемъ году. — Какъ наиважнѣйшія произведенія Восточной Литературы существуютъ, по большей

части, только въ рукописи, то необходимо для тѣхъ, которые посвящаютъ себя сему роду занятій, знать по крайней мѣрѣ, гдѣ хранятся сіи драгоцѣнныя хартіи и въ чемъ именно состоятъ сокровища, таящіяся въ разныхъ хранилищахъ Восточной письменности. Въ этомъ-то отношеніи мы обязаны благодарностью нашимъ Оріенталистамъ за то, что они по временамъ сообщаютъ намъ по крайней мѣрѣ каталоги сихъ многочисленныхъ мирныхъ доспѣховъ, непрерывно похищаемыхъ съ Востока ненасытнымъ духомъ Европейской любознательности. Такимъ образомъ Г. Френъ далъ намъ отчетъ о первыхъ послѣдствіяхъ мѣръ, принятыхъ Г. Министромъ Финансовъ для пріобрѣтенія путемъ размѣна важныхъ Восточныхъ рукописей. Г. Дорнъ описалъ намъ Эѳіопскія рукописи, хранящіяся отчасти въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отчасти въ Библіотекѣ Азіатскаго Института при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Г. Броссе наконецъ доставилъ свѣдѣніе объ Армянскихъ рукописяхъ, принадлежащихъ тому же самому заведенію и каталогъ рукописныхъ Грузинскихъ Картъ, составленныхъ Историкомъ Вахуштомъ для обширнаго географическо-историческаго его сочиненія. Подлинникъ сихъ Картъ находится въ Москвѣ, и Академія доставила себѣ копію, снятую съ нихъ для Имеретинской Царицы Анны. Карты сіи, по увѣренію Г-на Броссе, служатъ весьма много къ поясненію древняго состоянія Грузіи, а въ новѣйшее время даютъ обильныя историческія свѣдѣнія о раздѣленіи страны въ административномъ отношеніи подъ династіею Багратидовъ, и равномѣрно для синонимики мѣстъ, перемѣнившихъ свои названія.

Нашъ Филологъ, Г. Грефе, предающійся съ отличнымъ постоянствомъ и успѣхомъ розысканіямъ по части Лингвистики и Сравнительной Грамматики, приготовилъ для очереднаго своего чтенія два Разсужденія,

одно о желательномъ и сослагательномъ наклоненіяхъ Греческаго языка, а другое о дигаммѣ, отличительномъ діалектическомъ признакѣ Индо-Германскихъ нарѣчій. — Въ заключеніе приведемъ еще Разсужденіе по части Нравственной Статистики Г-на Германна, слѣдующее къ прежнимъ его розысканіямъ о томъ же предметѣ и двѣ статьи, присланныя къ намъ изъ Кяхты нашимъ Членомъ-Корреспондентомъ, Отцемъ Іакинѳомъ, одну о управленіи и народонаселеніи Китая, а другую о состояніи народнаго просвѣщенія (*) въ сей достопримѣчательной странѣ, коей гражданственность, какъ полагаютъ, современна Исторіи прочихъ образованныхъ народовъ.

Соединяя подъ одинъ общій итогъ всѣ ученыя статьи, читанныя въ наши засѣданія и только бѣгло здѣсь обозначенныя, мы найдемъ, что разрядъ Наукъ Математическихъ и Физическихъ представилъ ихъ 46, разрядъ Естественныхъ 30, а Наукъ Историческихъ, Политическихъ и Филологическихъ 42, и что слѣдовательно всѣ вмѣстѣ составляютъ 118 статей, т. е. вдвое болѣе противъ прежнихъ годовъ. Перебирая сіи разные труды въ отношеніи къ ихъ объему, мы встрѣчаямъ 10 отдѣльно печатаемыхъ сочиненій, 40 пространныхъ диссертацій, которыя войдутъ въ составъ Академическихъ Мемуаровъ и 68 Записокъ или отдѣльныхъ статей, о которыхъ можно утвердительно сказать, что онѣ обязаны своимъ бытіемъ учрежденію нашего ученаго журнала. — Мы можемъ еще присовокупить, что изъ числа сихъ 118 статей, 86 сочинены Академиками, а что изъ двадцати постороннихъ Ученыхъ, приславшихъ намъ свои труды, 11 состоятъ въ званіи нашихъ Почетныхъ Членовъ или Корреспондентовъ, а двое въ службѣ при Музеумахъ Академіи.

(*) Эта любопытная статья будетъ помѣщена въ слѣдующей Части нашего Журнала. *Ред.*

Извѣстно, что въ прошедшемъ году Академія предложила Правительству снарядить Экспедицію для окончательнаго опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей, потому что многія барометрическія нивеллированія, произведенныя отчасти наблюдателями, коихъ одно имя должно было внушать довѣріе къ полученнымъ ими результатамъ, представили данныя столь между собою разногласныя, что, можно сказать, въ 1836 году вопросъ былъ столь же мало рѣшенъ, какъ и 25 лѣтъ назадъ, до первыхъ нивеллированій. Между тѣмъ выводъ, полученный изъ сихъ нивеллированій относительно къ пониженію уровня Каспійскаго моря, послужилъ основаніемъ для самыхъ важныхъ геологическихъ гипотезъ, и потому необходимость требовала снова приняться за разсмотрѣніе сего вопроса, но при томъ такимъ способомъ, который привелъ бы къ неопровержимому заключенію. Способъ сей не могъ быть иной, кромѣ тригонометрическаго нивеллированія, которое, въ связи съ одновременнымъ барометрическимъ, повело бы вмѣстѣ и къ точному опредѣленію искомой разности и къ удовлетворительному объясненію неправильностей, замѣченныхъ доселѣ въ геодезическихъ результатахъ, выведенныхъ изъ соотвѣтственныхъ наблюденій надъ давленіемъ атмосферы. Такова была задача, которую предположила себѣ Академія послѣ изданія въ свѣтъ послѣдняго путешествія Г-на Паррота и имѣя въ виду трехъ молодыхъ Ученыхъ, которые соединяютъ съ потребными свѣдѣніями пламенную ревность, неохлаждаемую трудностями предпріятія, Академія безъ дальнѣйшаго отлагательства представила планъ экспедиціи на усмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Мы не имѣемъ нужды напоминать здѣсь, съ какимъ живымъ участіемъ проектъ нашъ былъ одобренъ двумя Министрами и съ какою щедротою Августѣйшій Монархъ соизволилъ ас-

сигновать суммы на издержки сей важной экспедиціи. Обо всемъ этомъ уже было говорено въ последнемъ Отчетѣ, а равно и о томъ, что путешественники отправились отсюда въ Іюлѣ мѣсяцѣ, приступили къ своимъ работамъ въ Октябрѣ, но по причинѣ неблагопріятнаго времени года принуждены были прервать ихъ только въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ онѣ были начаты. Мы признаемся, что въ то время едва смѣли ожидать такого быстраго успѣха, о которомъ имѣемъ удовольствіе теперь увѣдомить: потому что въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года наши Астрономы уже окончили свое важное порученіе, произвели тригонометрическое нивеллированіе, которое, судя по обширности нивеллированнаго пространства, должно безпрекословно занимать первое мѣсто въ числѣ самыхъ трудныхъ предпріятій этого рода; а при томъ превосходство употребленныхъ орудій, выборъ методъ и стеченіе разныхъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, все заставляетъ надѣяться, что окончательный результатъ не оставитъ ничего болѣе желать въ отношеніи къ точности. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, отзывъ Г-на Струве, по разсмотрѣніи журналовъ наблюденій. Но за всѣмъ тѣмъ, чтобы достигнуть этого результата, надлежитъ подвергнуть продолжительнымъ и труднымъ вычисленіямъ многочисленныя данныя, собранныя въ продолженіе цѣлаго года, и наши Астрономы займутся этою работою безъ замедленія времени. А покамѣстъ, чтобы удовлетворить общему любопытству, они сообщили намъ предварительный выводъ изъ приблизительнаго вычисленія только нѣкоторыхъ наблюденій. По этому результату, который отъ дѣйствительнаго можетъ разниться не болѣе какъ на пять футовъ, уровень Каспійскаго моря ниже уровня Чернаго моря на 101,2 Англійскихъ футовъ, или $14\frac{1}{2}$ саженъ (около 16 тоазовъ). Барометрическія высоты, отмѣченныя по всей

операціонной линіи, доставитъ намъ вѣрный масштабъ для оцѣнки степени точности такъ называемыхъ нивеллированій по станціямъ, потому что каждую разность высоты, найденную помощію барометра, можно будетъ сравнить съ высотою, опредѣленною на той же станціи барометрическимъ нивеллированіемъ. Соотвѣтственныя барометрическія наблюденія, произведенныя на двухъ крайнихъ пунктахъ, въ Астрахани и Таганрогѣ, въ теченіе цѣлаго года, посредствомъ инструментовъ, свѣренныхъ со всевозможнымъ стараніемъ, покажутъ намъ также, одинакова ли средняя барометрическая высота въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другаго на 9° долготы и лежащихъ почти подъ одною параллелью, принимая, само собою разумѣется, въ соображеніе относительное возвышеніе этихъ мѣстъ надъ поверхностію Океана, возвышеніе, которое теперь можно будетъ опредѣлить во всей точности. И отсюда-то мы выведемъ другое заключеніе, не менѣе важное: а именно узнаемъ, до какой степени можно полагаться на барометръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вывести разность высоты двухъ пунктовъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго, изъ соотвѣтственныхъ барометрическихъ наблюденій, произведенныхъ на тѣхъ же самыхъ пунктахъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Но не одна только Геологія и Геодезія извлекутъ пользу изъ этой экспедиціи: она умножитъ также сумму нашихъ географическихъ и физическихъ познаній, потому что во-первыхъ дѣйствія ея доставляютъ намъ уже довольно точную съемку относительнаго положенія всѣхъ пунктовъ, чрезъ которые проходила операціонная линія, и тѣхъ, которые были съ нею соединены. Эта съемка будетъ тщательно повѣрена большимъ числомъ измѣренныхъ экспедиціею полярныхъ высотъ и азимутовъ, и абсолютныя положенія каждаго изъ сихъ мѣстъ будутъ

определены посредствомъ долготъ крайнихъ пунктовъ, выведенныхъ изъ наблюденія закрытія звѣздъ. Въ числѣ пунктовъ, опредѣленныхъ въ отношеніи къ ихъ географическому положенію и высотѣ, всѣхъ занимательнѣе, безъ сомнѣнія, верхи Кавказскихъ горъ, потому что всѣ топографическія съемки тѣхъ странъ отнесены къ симъ вершинамъ и высоты ихъ на этотъ разъ измѣрены съ основанія, коего возвышеніе надъ поверхностью Океана опредѣлено математически. Далѣе можно надѣяться, что эти же самыя измѣренія поведутъ къ любопытнымъ заключеніямъ относительно дѣйствія земнаго преломленія лучей и послѣдовательнаго хода сего явленія въ посѣщенномъ краѣ, какъ по времени года, такъ и по разнымъ періодамъ дня и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, отъ которыхъ зависитъ большая или меньшая его сила: ибо это явленіе должно было постоянно и въ высокой степени обращать на себя вниманіе путешественниковъ, уже для того, чтобы пріискать средства къ отвращенію его вліянія на результаты наблюденій. Намъ остается привести еще два любопытныя замѣчанія, представившіяся нашимъ Астрономамъ. Предварительное вычисленіе показало имъ въ точности тѣ пункты, гдѣ, подаваясь впередъ по Восточному склону нивеллированной земли, они должны были переступить чрезъ водяную линію Океана и спуститься ниже уровня моря. И въ самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ они увидѣли разительное и почти внезапное измѣненіе въ свойствахъ почвы, а потому отнюдь не сомнѣваются въ томъ, что здѣсь именно начиналось прежнее ложе моря. Въ окрестностяхъ Чернаго Рынка, гдѣ поставленъ былъ послѣдній сигналъ на берегу Каспійскаго моря, жители утверждаютъ, что лѣтъ за тридцать море еще омывало ихъ селеніе, но потомъ, убывая мало по малу, отступило на нынѣшнее разстояніе, то есть, на три или четыре версты.

Наши Астрономы приписываютъ постепенное пониженіе водъ этого моря дѣйствію испаренія, которое постоянно лишаетъ его большаго количества воды, въ сравненіи съ тѣмъ, которое оно получаетъ изъ своихъ притоковъ, и они убѣждены въ томъ, что это пониженіе прекратится не прежде, какъ когда чрезъ постепенное уменьшеніе поверхности озера, снова придутъ въ равновѣсіе убыль водъ его отъ испаренія и вознагражденіе ихъ посредствомъ притоковъ.

Одинъ изъ путешественниковъ, Г. Фусъ младшій, возвратился въ С. Петербургъ 14 Декабря, тщательно свѣривъ свой барометръ съ тѣмъ, который служитъ для произведенія въ Астрахани соотвѣтственныхъ наблюденій тамошнимъ Аптекаремъ Г-мъ Оссе. Два другіе Астронома, Гг. Заблеръ и Савичь, отправились изъ Севастополя въ Таганрогъ, равномѣрно для повѣрки барометровъ.

Другая экспедиція, которая со временемъ составитъ эпоху въ лѣтописяхъ путешествій по Россіи, есть первое посѣщеніе пустынныхъ береговъ Новой Земли ученымъ Естествоиспытателемъ. Извѣстно, что уже съ давняго времени животныя Гренландіи были изслѣдованы и описаны Оттономъ Фабриціусомъ съ такимъ радѣніемъ, что можно смѣло сказать, Фавна той земли въ концѣ прошлаго столѣтія, была лучше извѣстна, нежели Фавна Франціи. Благодаря усиліямъ Мартенса, Фиппса и Скоресби, наше знакомство съ произведеніями Природы въ Шпицбергенѣ довольно хорошо и полно. Лапландія и Исландія принадлежатъ къ числу странъ наилучше изслѣдованныхъ въ отношеніи естественныхъ произведеній. Растенія Лабрадора, собранныя Миссіонерами Общества Моравскихъ братьевъ, недавно были описаны Г-мъ Мейеномъ. Многочисленныя экспедиціи, предпринятыя Англичанами въ Сѣверныхъ странахъ Америки подъ начальствомъ Парри,

Ричардсона, Бака, всюду имѣли въ виду также животныхъ и растенія, свойственныя симъ странамъ, и Флора острова Мельвиля вѣроятно была намъ короче знакома, нежели Петербургская до изданія послѣдняго Каталога Г-на Вейнманна. Однимъ словомъ, стоитъ только взглянуть на Карту, чтобы съ огорченіемъ удостовѣриться, что познаніе произведеній глубокаго Сѣвера прекращается у самаго рубежа Россійскихъ владѣній, и что только на Восточной оконечности обширнаго нашего Отечества, близъ Берингова пролива и въ Охотскомъ морѣ снова встрѣчаются нѣкоторые слѣды пребыванія тамъ отъ времени до времени Натуралистовъ. Въ нашемъ вѣкѣ географическое распредѣленіе животныхъ и растеній, и Исторія переселенія первыхъ, составляетъ любимый предметъ изслѣдованія многихъ Ученыхъ. Но ища таковыхъ же свѣдѣній для Сѣвернаго Полярнаго Пояса, безпрестанно встрѣчаешь совершенное невѣдѣніе относительно Новой Земли, коей дѣвственная почва никогда еще не была попираема стопами Натуралиста и которая однако составляетъ важное звѣно въ сей цѣпи странъ, омываемыхъ водами Ледовитаго моря: ибо здѣсь должны сталкиваться естественныя произведенія Шпицбергена съ произведеніями Лапландіи, уже весьма различныя одни отъ другихъ, потому что это единственный островъ, который, образуя Сѣверную оконечность Европейскаго материка, представляетъ Сѣверный предѣлъ Фавны и Флоры этой части Свѣта. По сей причинѣ каждое и самое незначительное растеніе, привезенное съ Новой Земли, имѣетъ право на наше вниманіе, и если бы даже мы знали напередъ, что не найдемъ тамъ ни одной новой породы, то и тогда еще не слѣдовало бы заключать, что посѣщеніе сей страны не приведетъ насъ къ весьма важнымъ результатамъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, да и намъ самимъ

не безъизвѣстно, что Новая Земля была уже въ продолженіе шестнадцати лѣтъ предметомъ многочисленныхъ экспедицій, снаряженныхъ туда нашимъ Морскимъ Министромъ. Но всѣ эти экспедиціи имѣли цѣль чисто-географическую, никогда не были сопровождаемы Натуралистомъ, никогда Академія не была призываема принимать въ нихъ участіе, и всѣ наши познанія о Природѣ сего острова въ началѣ нынѣшняго года ограничивались, сверхъ росписи употребительныхъ между туземцами именъ разнымъ птицамъ, собранныхъ тому уже за полвѣка Лепехинымъ, и даже еще не подведенныхъ подъ систематическія названія, только коллекціею растеній, привезенныхъ одною изъ послѣднихъ экспедицій и еще не доведенныхъ до свѣдѣнія публики.

На основаніи сихъ-то доводовъ, Г. Беръ въ Мартѣ нынѣшняго года сдѣлалъ Академіи свое предложеніе. Питая съ самой юности непреодолимое влеченіе къ Сѣверу, нашъ ученый Сочленъ немедленно по возвращеніи своемъ въ Россію, искалъ съ нетерпѣніемъ личнаго знакомства съ Русскими моряками и путешественниками, посѣщавшими разные пункты Арктическаго Пояса, коего болѣе половины, простираясь на три части Свѣта, подвластна Россійскому Скипетру. Уже извѣстно изъ прежнихъ нашихъ Отчетовъ, съ какимъ тщаніемъ Г. Беръ умѣлъ воспользоваться драгоцѣнными свѣдѣніями, собранными изъ устъ сихъ неустрашимыхъ путешественниковъ Сѣвера, и мы еще сегодня въ статьѣ о трудахъ Академіи, упомянули о превосходныхъ разсужденіяхъ Г-на Бера о Новой Землѣ. Г. Циволка, Офицеръ Корпуса Штурмановъ, сообщившій ему много показаній объ этой странѣ, увѣдомилъ его, что въ нынѣшнемъ году готовится экспедиція для окончанія съемки Сѣверовосточнаго берега острова, единственнаго, который еще не опредѣленъ астрономическими наблюденіями. Г. Беръ немедленно возымѣлъ мысль

воспользоваться этою экспедиціею для осуществленія давнишняго своего желанія, и узнавъ въ послѣдствіи, что она отложена, подалъ Академіи идею снарядить экспедицію на свой собственный счетъ единственно въ пользу Наукъ Естественныхъ. Академія съ удовольствіемъ одобрила этотъ проектъ, который былъ принятъ съ неменьшею готовностію и просвѣщеннымъ Начальникомъ Морскаго Штаба Княземъ А. С. Меншиковымъ. Испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, Его Свѣтлость предоставилъ въ распоряженіе Академіи не только Офицера выше поименованнаго, но и небольшое военное судно, стоявшее въ Архангельскомъ портѣ, съ потребнымъ экипажемъ. Г. Беръ, въ сопровожденіи одного ученика нашей Зоологической лабораторіи и Гг. Леманна, Геогноста, и Редера, рисовальщика, оставилъ С. Петербургъ около половины Іюня.

Увѣренные въ томъ, что большая часть нашихъ слушателей съ участіемъ читали историческое повѣствованіе о семъ путешествіи, мы не станемъ здѣсь повторять его въ подробности и даже воздерживаемся отъ сообщенія извлеченія изъ ученыхъ результатовъ экспедиціи, изложенныхъ нашимъ ученымъ путешественникомъ въ предварительномъ отчетѣ, гдѣ онъ мастерскою кистью начерталъ картину геогностическаго образованія, растительности, климата и Фавны посѣщеннаго имъ края. Подобное извлеченіе, при удивительномъ изобиліи любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ, заключающихся въ семъ отчетѣ, было бы на всякій случай весьма неудовлетворительно, а потому мы предпочитаемъ для окончанія этой статьи, замѣтить вообще, что наша экспедиція, благодаря Провидѣнію, принадлежитъ къ числу самыхъ успѣшныхъ, которыя были когда-либо предприняты въ томъ краѣ. Путешественники провели шесть недѣль на берегахъ Новой Земли и видѣли свои усилія увѣнчанныя желае-

мымъ успѣхомъ, ибо вотъ что Г. Беръ говоритъ единственно о матеріальной добычѣ своего путешествія: «Многимъ покажется изумительнымъ, что мы, въ странѣ, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ столько сходства съ Шпицбергеномъ, нашли около 90 различныхъ породъ явнобрачныхъ и около половины того же числа тайнобрачныхъ растеній, между тѣмъ какъ въ Шпицбергенѣ, который былъ столько разъ посѣщаемъ Натуралистами, не извѣстно даже и 30 породъ перваго изъ сихъ классовъ. Мы имѣемъ даже причину полагать, что истощили до нѣкоторой степени число явнобрачныхъ растеній, чего конечно не можемъ сказать о тайнобрачныхъ. Что касается до Зоологіи, то мы льстимъ себя убѣжденіемъ, что разрѣшили задачу довольно важную. Рыбная и звѣриная ловля, промыселъ значительнаго числа нашихъ соотечественниковъ, представляетъ множество животныхъ, до сихъ поръ знакомыхъ единственно подъ названіями простонародными, но коихъ ученыя имена оставались неизвѣстными, такъ что, къ стыду Наукъ Естественныхъ, ни одно сочиненіе по части Зоологіи не упоминаетъ о нихъ хотя съ нѣкоторою подробностію, и многія изъ нашихъ Русскихъ Руководствъ даже упоминаютъ о разныхъ породахъ тюленей, водящихся въ Гренландіи и Шпицбергенѣ, вовсе не подозрѣвая, что ихъ ловятъ цѣлыми тысячами на Бѣломъ морѣ, которое въ столь многихъ отношеніяхъ несравненно для насъ занимательнѣе. Сверхъ того мы надѣемся сообщить довольно полную Фавну Новой Земли, относительно къ высшимъ разрядамъ, какъ изъ собственныхъ нашихъ наблюденій, такъ и изъ свѣденій, собранныхъ на самомъ мѣстѣ. Хотя море конечно заключаетъ въ себѣ еще несмѣтное число животныхъ низшихъ разрядовъ, которыхъ мы не имѣли случая видѣть, но любопытно будетъ узнать, что наши изысканія на Новой Землѣ

и берегахъ его доставили намъ болѣе 70 видовъ безпозвоночныхъ животныхъ, тогда какъ Скоресби упоминаетъ ихъ не болѣе 37 для Шпицбергена. «Вообще — присовокупляетъ Г. Беръ — если всѣ матеріалы экспедиціи будутъ обработаны, то Фавна и Флора Новой Земли сдѣлаются болѣе извѣстными, нежели какой-либо другой страны, подъ такою Сѣверною Широтою, исключая развѣ Западную Гренландію, которая пользуясь благопріятнѣйшимъ климатомъ, естественно должна быть богаче произведеніями и притомъ была посѣщаема нѣсколько лѣтъ сряду отличными Натуралистами, и гдѣ обитающіе въ довольномъ числѣ Европейцы представляютъ болѣе средствъ къ изслѣдованію. Сложеніе горнокаменныхъ породъ составляло предметъ изслѣдованій Г-на Лемана вездѣ, гдѣ мы ни выходили на берегъ. Конечный результатъ состоитъ въ томъ, что глинистый и тальковый сланецъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, образуетъ главное основаніе горъ, перерѣзанныхъ тамъ и сямъ посторонними слоями другихъ породъ, принадлежащихъ къ той же формаціи. На Югъ отъ Костина Шара видѣнъ авгитовый порфиръ, лежащій на ортоцератитовой извести, точно такъ, какъ то замѣчено и въ Норвегіи Гг. Бухомъ и Гаусманномъ. Наконецъ Г. Циволка измѣрилъ высоту значительнѣйшихъ горъ въ окрестностяхъ Маточкина Шара и дѣлалъ наблюденія по части метеорологіи и магнетизма, а Г. Редеръ снялъ нѣсколько видовъ и срисовалъ разные предметы Естественной Исторіи.»

Въ 1835 году мы увѣдомляли о любопытномъ путешествіи, предпринятомъ Г. Шегреномъ для точнѣйшаго изученія народовъ Кавказа, ихъ нравовъ и обычаевъ, преданій и вѣрованій, и преимущественно для основательнаго изслѣдованія строенія грамматическихъ формъ и особенностей ихъ нарѣчій. Сіи послѣднія уже неоднократно привлекали вниманіе Европейскихъ Уче-

ныхъ съ тѣхъ поръ, какъ Гильденштедтъ собралъ первый Словарь свой. Въ новѣйшее время они сдѣлались предметомъ ревностныхъ изысканій Клапрота, и по тѣсному сродству, которое по видимому существовало между сими языками и тѣми, коихъ изученіемъ занимался Г. Шегренъ въ прежнія свои путешествія, онѣ должны были возбудить въ высокой степени его любопытство и породить въ немъ желаніе познакомиться съ ними на самомъ мѣстѣ. — Въ послѣднемъ нашемъ Отчетѣ мы обязались сообщить объ этой экспедиціи болѣе подробностей, коль скоро она будетъ окончена. Она еще недовершена; но за всѣмъ тѣмъ мы не можемъ не упомянуть сегодня, что, судя по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, она обѣщаетъ весьма удовлетворительные результаты. Кромѣ Грузинскаго и Черкесскаго нарѣчій, нашъ ученый Сочленъ въ особенности занимался изученіемъ Осетинскаго языка — важнѣйшаго изъ всѣхъ Кавказскихъ по его рѣшительному сродству съ главными Европейскими языками и съ большимъ числомъ Азіатскихъ. — Онъ не ограничился богатѣйшимъ и образованнѣйшимъ нарѣчіемъ сего языка, Тагаурскимъ; но воспользовался также многочисленными, отчасти печатными и отчасти рукописными матеріалами, доставленными ему достойнымъ Экзархомъ Грузіи, для того, чтобы освоиться съ Южнымъ Осетинскимъ нарѣчіемъ. И наконецъ, желая ознакомиться также съ Западнымъ Дигорскимъ нарѣчіемъ, а въ то же время наблюдать домашній бытъ Осетинцевъ въ отдаленнѣйшей части ихъ земли и повѣрить также свѣдѣнія, которыми мы обязаны покойному Клапроту, онъ предпринялъ трудное странствіе въ Дигорію, коего цѣль однакожь, за недостаткомъ толмачей, не вполнѣ была достигнута. Это-то обстоятельство побудило Г-на Шегрена испросить въ Іюнѣ сего года продолженіе срока своего путешествія. Онъ узналъ въ Дигоріи,

что большая часть Осетинскаго народонаселенія въ Моздокѣ состоитъ изъ переселившихся Дигорцевъ, и какъ этотъ городъ былъ долгое время пребываніемъ Миссіонеровъ, которые даже издали тамъ Осетинскій Катехизисъ, то Г. Шегренъ могъ обѣщать себѣ не только найти тамъ случай къ изученію Дигорскаго нарѣчія, но еще къ отысканію какихъ-либо древнихъ письменныхъ документовъ, которыя могли бы послужить къ поясненію Исторіи Осетинцевъ и другихъ смежныхъ поколѣній. Сверхъ того онъ надѣялся найти тамъ средства къ усовершенствованію себя еще въ Черкесскомъ языкѣ, а можетъ быть даже и къ составленію Грамматики онаго, которая, кромѣ важности ея въ ученомъ отношеніи, была бы не безъ пользы и въ политическихъ нашихъ сношеніяхъ съ Кавказскими горцами. Испрашиваемая отсрочка была дана Г. Шегрену, и мы полагаемъ увидѣть его снова среди насъ въ будущемъ Генварѣ мѣсяцѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ экспедиціи, предпринятой въ прошедшемъ году Г. Профессоромъ Нордманномъ изъ Одессы въ страны на Восточномъ берегу Чернаго моря. Экспедиція сія занимательна для насъ во-первыхъ по уваженію, которое она внушаетъ намъ къ дарованіямъ и мужеству путешественника, и во-вторыхъ потому, что Академія содѣйствовала ему денежнымъ вспоможеніемъ, и слѣдственно часть ученой жатвы, собранной въ это путешествіе, обратится къ обогащенію нашихъ Музеумовъ. Въ этомъ-то последнемъ отношеніи мы и сочли справедливымъ упомянуть о немъ въ этомъ мѣстѣ. И такъ, не останавливаясь на исторической части экспедиціи и опасностяхъ, съ которыми путешественникъ долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ враждебный духъ природныхъ жителей и пагубное вліяніе климата противополагаютъ препятствія всякому ученому розысканію, мы скажемъ

просто, что жатва, собранная Г. Нордманномъ, состоитъ изъ 20 образцевъ сосцекормящихъ, 232 птицъ, 89 земноводныхъ, 492 рыбъ, 40 черепокожныхъ, 3600 насѣкомыхъ, 500 раковинъ, почти изъ 950 породъ растеній въ 13,260 образчикахъ, включая 30 видовъ тайнобрачныхъ, и изъ 155 породъ живыхъ растеній и сѣмянъ. Предметы сіи собраны въ окрестностяхъ Геленчика, Бамбора, Сухумъ-Кале и Дранде въ Абхазіи, вдоль берега отъ Редутъ-Кале до самой Турецкой границы, близъ рѣчки Челока въ Области Гуріель и на плоской возвышенности Сомли между Гуріеломъ и Ахалцыхомъ, въ окрестностяхъ Трапезунта и Ризи, въ долинахъ Имеретіи, у подошвы Дечгумскихъ горъ въ Мингреліи и въ самыхъ предѣлахъ этой Области. Въ числѣ рыбъ, привезенныхъ Г. Нордманномъ, заключаются, съ немногими только изъятіями, всѣ породы, водящіяся по словамъ Палласа въ Черномъ морѣ и сосѣдственныхъ рѣкахъ, и сверхъ того множество видовъ, которые можно почесть новыми въ Фавнѣ тамошняго края. Г. Нордманнъ, конечно, не замедлитъ ближе ознакомить публику съ послѣдствіями своихъ розысканій, и Академія, благопріятствовавъ этой экспедиціи, можетъ поздравить себя не только съ тѣмъ, что обогатила свои Музеумы большимъ числомъ иноземныхъ породъ, но и съ тѣмъ, что содѣйствовала успѣхамъ Науки.

Присужденіе Демидовскихъ премій по конкурсу 1836 года, происходило 17 Апрѣля, въ день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Наслѣдника Престола, и было провозглашено въ публичномъ засѣданіи 2 Мая сего года. Полныя преміи въ 5,000 рублей были присуждены Г. Вице-Адміралу Крузенштерну за его Атласъ и Гидрографическія Записки Южнаго моря; Г. Аргеландеру, бывшему тогда Профессоромъ Астрономіи при Гельсингфорскомъ Универси-

тетѣ, за его каталогъ 562 неподвижныхъ звѣздъ, имѣющихъ собственное движеніе и за важные результаты, выведенные имъ изъ этого труда, и Г. Полковнику Ушакову, Автору Исторіи войнъ въ Персіи и Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Сверхъ того восемь другихъ сочиненій получили поощрительныя премін, въ 2,500 рублей каждая. Г. Крузенштернъ предоставилъ въ распоряженіе Академіи премію, ему присужденную, съ просьбою, чтобы она выдала ее при одномъ изъ послѣдующихъ конкурсовъ.

Въ 1829 году Академія назначила премію за разрѣшеніе слѣдующей задачи по части Ботаники: произвести новыя, основанныя на наблюденіяхъ и опытахъ, изслѣдованія о возрастаніи ствола двудольныхъ растеній, какъ въ цѣлости, такъ и въ отношеніи къ разнымъ частямъ, принадлежащимъ къ образованію ствола: при чемъ должны быть повторены и подвергнуты точному разсмотрѣнію опыты и наблюденія Дюгамеля и Обера дю Пети-Туара, и въ особенности предположенія, сдѣланныя Мирбелемъ и Дютроше.

Академія въ то же время вызывала состязателей сообщить ей образчики ствола и тѣхъ частей растеній, надъ которыми будутъ дѣланы опыты, если они будутъ способны къ сохраненію. Срокомъ конкурса опредѣленъ былъ 1833 годъ. Но какъ на эту задачу не было получено отвѣта, достойнаго вниманія, и въ то же время новыя догадки Г-на Вивіани въ Генуѣ на счетъ стихійныхъ орудій растеній и ихъ назначенія, возбудили важныя сомнѣнія касательно основныхъ началъ прежней растительной Физіологіи: то Академія, желая видѣть сей важный вопросъ разсмотрѣннымъ съ новой стороны, отсрочила конкурсъ къ 1 Августа 1837 года.

На этотъ разъ Академія получила два Разсужденія, одно на Французскомъ языкѣ съ эпиграфомъ изъ Бон-

нета: Quel est le sujet d'histoire naturelle qui ne nous offre pas des abimes? Le sage choisit entre ceux qu'il juge les moins profonds, il les côtoie avec une modeste et respectueuse réserve; другое на Нѣмецкомъ съ девизомъ: Opinionum commenta delet dies, naturae judicia confirmat. Разсмотрѣніе сихъ диссертацій было поручено Г. Академику Бонгарду и Членамъ-Корреспондентамъ Академіи, Г. Статскому Совѣтнику Фишеру и Г. Доктору Мейеру. Мы ограничимся приведеніемъ здѣсь въ немногихъ словахъ приговора, произнесеннаго Академіею, на основаніи подробныхъ и весьма отчетливыхъ разборовъ ея Коммиссаровъ.

«Первое изъ сихъ двухъ Разсужденій есть безспорно трудъ весьма тщательный и достойный вниманія Ботаниковъ; но оно не рѣшаетъ вопроса, предложеннаго Академіею, потому что Авторъ представляетъ болѣе разсужденія, нежели факты, критическій разборъ трудовъ своихъ предшественниковъ, а не собственныя наблюденія, и въ этомъ видѣ оно конечно не могло быть сопровождаемо препаратами, которыхъ требовала Академія, какъ бы въ подтвержденіе доводовъ.

«Авторъ втораго Разсужденія также не вполнѣ разрѣшилъ предложенный вопросъ. Онъ ограничился путемъ наблюденія, съ умысломъ устранивъ всѣ опыты. Критика, которой онъ подвергаетъ труды Французскихъ Ботаниковъ, не удовлетворительна; не подтверждая и не опровергая гипотезъ сихъ Ученыхъ, онъ вовсе умалчиваетъ о трудахъ Г. Вивіани. Наконецъ и это сочиненіе представлено безъ препаратовъ, какъ и первое. Однако съ другой стороны Авторъ даетъ намъ отчетъ о многихъ Фитотомическихъ изысканіяхъ, имъ самимъ сдѣланныхъ и весьма любопытныхъ, по нашему мнѣнію, особенно въ отношеніи къ растеніямъ, коихъ внутреннее строеніе образуетъ какъ бы пере-

ходъ отъ однодольныхъ къ двудольнымъ. Сравнительныя наблюденія растеній травяныхъ и деревянистыхъ, подходящихъ подъ одинакія естественныя семейства, безъ сомнѣнія много содѣйствуютъ къ объясненію способа образованія ствола. Сверхъ того Авторъ приложилъ къ своему труду 65 анатомическіе рисунка, превосходно выполненные и не оставляющіе ничего желать въ отношеніи къ точности, сколько о томъ могли судить Коммиссары, повѣривъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ это Разсужденіе, хотя и не вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ нашей програмиы, но содержитъ въ себѣ много новыхъ идей и поучительныхъ изысканій, которыя, сдѣлавшись извѣстными, могутъ указать другимъ Ботаникамъ стезю къ полному разрѣшенію труднаго вопроса Физіологіи растеній, составляющаго предметъ нашей Ботанической задачи 1829 года.

«Третій ученый, Г. Профессоръ Мейенъ въ Берлинѣ, прислалъ намъ свое сочиненіе, изданное на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Новая система Физіологіи растеній, Берлинъ 1837», съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ Академію обратить свое вниманіе на главу, разсуждающую о предложенномъ вопросѣ и представляющую, по мнѣнію Автора, довольно удовлетворительное его разрѣшеніе. Г. Мейенъ присовокупляетъ впрочемъ, что онъ отнюдь не намѣренъ войти въ состязаніе, потому что обстоятельства не позволили ему сообразоваться съ обыкновеніями, употребительными при допущеніи къ Академическимъ конкурсамъ. Отложивъ это въ сторону, Академія, по тщательномъ разсмотрѣніи сочиненія Г-на Мейена, нашла однако же, что предложенная задача не разсмотрѣна въ немъ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ она признаетъ превосходство этого сочиненія передъ многими другими и благодаритъ Берлинскаго ученаго Ботаника за сообщеніе поучи-

шельныхъ образчиковъ разныхъ породъ деревъ, приложенныхъ имъ къ его книгѣ.»

Послѣ всего сказаннаго нами, Академія должна была отмѣнить свою задачу. Но чтобы публично засвидѣтельствовать участіе, возбужденное въ ней изысканіями, содержащимися въ Разсужденіи подъ № 2, она присудила Автору второстепенную награду во 100 Голландскихъ червонныхъ и сверхъ того принимаетъ на себя, если пожелаетъ Авторъ, издать трудъ его на свой счетъ, предоставивъ въ его расноряженіе 50 экземпляровъ (*).

(*) По распечатаніи записки, принадлежавшей къ увѣнчанному сочиненію, оказалось, что Авторъ онаго есть Докторъ *Унгеръ*, Профессоръ Зоологіи и Ботаники въ Грецѣ, въ Австріи.

2.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Засѣданіе 29 Ноября.

Читано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 18 Ноября, объ осмотрѣ, по распоряженію мѣстныхъ Начальствъ, архивовъ Присутственныхъ Мѣстъ въ Кавказской Области и Енисейской Губерніи, и о неотысканіи тамъ древнихъ рукописей.

Читано утвержденное Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія опредѣленіе, отъ 25 Ноября: «Состоящаго не у дѣлъ Коллежскаго Ассессора Онацевича занимать при Коммиссіи, по ея усмотрѣнію, приготовленіемъ къ печатанію актовъ, относящихся до дѣлъ Западной Руси и Ливонскаго Ордена, на языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Польскомъ и Французскомъ, съ порученіемъ отыскивать для включенія въ это собраніе подобные акты въ С. Петербургскихъ Библіотекахъ.»

Чиновникъ Коммиссіи Матвѣевъ, при донесеніи отъ 7 Ноября, представилъ списки старинныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Астраханскаго Губернскаго Правленія подъ № 23, 24 и 36. Положено: передать списки актовъ, для разсмотрѣнія Главному Редактору Бередникову.

Старшій Учитель Костромской Гимназіи Ѳедотовъ, при письмѣ отъ 29 Октября, представилъ Коммиссіи принадлежащій ему рукописный Хронографъ. Положено: поручить разсмотрѣніе онаго Члену Устрялову, а Г. Ѳедотову изъявить благодарность отъ имени Коммиссіи.

Коллежскій Ассессоръ Князь Енгалычевъ пожертвовалъ въ пользу Коммиссіи двѣ рукописи, подъ заглавіемъ: а) О рожденіи Петра Великаго, и b) Алфавитъ (родъ Словаря). Положено: первую рукопись передать для разсмотрѣнія Члену Коновскому, а вторую, какъ относящуюся къ занятіямъ Императорской Россійской Академіи, препроводить въ оную; Князя же Енгалычева благодарить за доставленіе сихъ рукописей.

Засѣданіе 13 Декабря.

Читаны: а) отношеніе Г. Статсъ-Секретаря Танѣева къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 8 Декабря, съ возвращеніемъ всеподданнѣйшей докладной записки Государю Императору о дѣйствіяхъ Археографической Коммиссіи, и b) означенная докладная записка.

Корреспондентъ Коммиссіи, Коллежскій Ассессоръ П. Строевъ, письмомъ отъ 27 Ноября, доноситъ Г. Предсѣдателю, что въ Государственномъ Старыхъ дѣлъ Архивѣ просмотрѣно имъ болѣе десяти тысячь столбцевъ и тетрадей, съ которыхъ списки онъ дѣятельно приготовляетъ для Коммиссіи.

Г. Предсѣдатель объявилъ, что онъ отнесся къ Г. Библіотекарю Его Императорскаго Величества, Управляющему Эрмитажною Библіотекою Седжеру, о допущеніи Правителя дѣлъ Коммиссіи Коркунова къ

осмотру историческихъ рукописей, хранящихся въ означенной Библіотекѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ читано отношеніе Г. Управляющаго Эрмитажною Библіотекою къ Г. Предсѣдателю, отъ 30 Ноября, о распоряженіи, сдѣланномъ имъ по сему предмету. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Читано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 28 Ноября, съ препровожденіемъ отрывка Разрядной книги, отысканной въ Обоянскомъ Городническомъ Правленіи. Положено: хранить въ Коммиссіи, впредь до особаго распоряженія

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніяхъ отъ 28 и 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія присланные изъ Верхотурскаго Уѣзднаго и Иркутскаго Губернскаго Архивовъ, старинные столбцы и девять счетныхъ и другихъ тетрадей, относящихся къ управленію Сибирскаго края. Положено: столбцы передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову, а счетныя и другія тетради Члену Краевскому.

Г. Статсъ-Секретарь Балугіянскій, при отношеніи отъ 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Предсѣдателю составленный Директоромъ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, примѣрный расчетъ, во что обойдется печатаніе «Юридическихъ актовъ» и «Указателя къ четыремъ томамъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею.» Г. Предсѣдатель присемъ объявилъ, что онъ уже отнесся къ Г. Статсъ-Секретарю Балугіянскому, о сдѣланіи по сему предмету нужныхъ распоряженій.

Читано отношеніе Г. Управляющаго Азіатскимъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

къ Г. Председателю, отъ 30 Ноября, съ препровожденіемъ списка съ донесенія Драгомана Статскаго Советника Ярцова, которому поручено было разсмотрѣть переводы съ Татарскаго и Турецкаго языковъ Ханскаго ярлыка XVI, и Турецкаго Судебнаго дѣла XVII вѣка, при чемъ приложены и самыя копіи съ означенныхъ переводовъ. Положено: донесеніе Г. Ярцова, вмѣстѣ съ переводами, препроводить въ Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, для напечатанія по ея усмотрѣнію.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніи отъ 30 Ноября, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, старинные столбцы, хранившіеся въ архивахъ Тульскаго Губернскаго и Каширскаго Городническаго Правленій. По донесенію Г. Исправляющаго должность Тульскаго Гражданскаго Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ изъясняетъ, что въ архивахъ прочихъ городовъ Тульской Губерніи не отыскано никакихъ примѣчательныхъ рукописей. Положено: означенные акты передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову.

Читано отношеніе Г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 3 Декабря, о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ исходатайствованію у Любекскаго Правительства дозволенія допустить Корреспондентовъ Коммиссіи Коллежскихъ Секретарей Невѣрова и Строева въ Любекскій Архивъ для осмотра хранящихся тамъ историческихъ актовъ, относящихся къ Россіи. Г. Председатель объявилъ, что онъ уже далъ знать о семъ находящимся за границею Гг. Невѣрову и Строеву, и просилъ ихъ войти между собою въ предварительное по сему предмету соглашеніе.

Читано отношеніе Г. Помощника Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа къ Г. Председателю,

отъ 20 Ноября, о томъ, что къ осмотру архивовъ Молчанскаго монастыря, Софроніевой и Глинской пустынь и Путивльскаго Уѣзднаго Суда онъ полагалъ бы назначить Штатнаго Смотрителя Училищъ Тетерина. Положено: испросить по сему предмету разрѣшеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Членъ Устряловъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Разсмотрѣвъ двадцать актовъ, доставленныхъ въ Коммиссію изъ архива Полтавскаго Уѣзднаго Суда и Переяславской Городовой Ратуши, имѣю честь донести, что изъ числа ихъ три акта на Польскомъ языкѣ суть грамоты Короля Владислава, отъ 7 Марта 1633 и 12 Марта 1637 года, о подтвержденіи таможенныхъ и цѣховыхъ правъ, данныхъ городу Переяславлю прежними Королями; въ прочихъ же семнадцати актахъ заключаются одиннадцать манифестовъ и грамотъ Петра Великаго къ Малороссійскому народу во время Шведской войны, большею частію печатные, объ измѣнѣ Мазепы, объ избраніи въ Гетманы Скоропадскаго и о земскихъ повинностяхъ, одинъ Указъ Императора къ Кексгольмскому Коменданту о посылкѣ солдатъ для работъ при Олонецкихъ марціальныхъ водахъ; три грамоты Императрицы Анны къ Малороссійскому народу о избраніи впредь до повелѣнія Гетмана и о уменьшеніи разныхъ сборовъ, и два Указа Императрицы Елисаветы о назначеніи Гетманомъ Графа Разумовскаго. Три первыя грамоты, по мнѣнію моему, могутъ войти въ «Собраніе актовъ о Западной Россіи» если только, по сличеніи съ другими подобными, не окажутся онѣ одного содержанія; остальныя за тѣмъ отчасти напечатаны въ «Полномъ Собраніи Законовъ», отчасти не имѣютъ исторической важности. Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Устрялова, напечатать три первыя грамоты въ «Собраніи Актовъ Западной Россіи».

Главный Редакторъ и Членъ Коммиссіи Бередниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Въ 11 статьѣ Высочайше утвержденныхъ Правилъ для руководства Археографической Коммиссіи сказано: «приготовлять къ изданію Русскія Лѣтописи по спискамъ наиболѣе вѣрнымъ, съ присовокупленіемъ къ каждому варіантовъ изъ однородныхъ или побочныхъ списковъ». Приступивъ къ приготовленію текста «Отдѣльнаго Временника Нестора», я принялъ за основаніе Лаврентіевскій списокъ, какъ наиболѣе древній, который долженъ быть объясненъ множествомъ варіантовъ, заключающихся въ другихъ спискахъ Лѣтописей и Лѣтописныхъ Сборниковъ. Между тѣмъ честь имѣю предложить на разрѣшеніе Коммиссіи слѣдующій вопросъ: Извѣстно, что въ самомъ исправномъ спискѣ, принятомъ въ основаніе текста какой-либо Лѣтописи, могутъ встрѣтиться погрѣшности, пропуски и цѣлыя мѣста, испорченныя переписчиками; въ такомъ случаѣ настоящаго чтенія должно уже отыскивать въ побочныхъ спискахъ. Приведу примѣръ. Въ Лаврентіевскомъ спискѣ сказано, что народы, принадлежащіе къ колѣну Іафетову, населяющему Полночныя и Западныя страны, *присѣдятъ къ полуночью и сѣдятся съ племенемъ Хамовымъ*. Здѣсь слово *къ полуночью* явная описка, потому что страны, входящія въ удѣлъ Хамовъ, лежатъ отъ Іафетова колѣна къ Югу. Въ Ипатіевскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ вмѣсто *къ полуночью* стоитъ *къ полуденью*. Чтеніе вѣрное! — Какой же способъ употребить при изданіи Русскихъ Лѣтописей? Принявъ за основаніе текста какой-либо исправный списокъ, должно ли передавать его безъ малѣйшей отмѣны, со всѣми его описками и погрѣшностями, какъ бы онѣ ни были явны, или испорченныя слова и выраженія основнаго списка замѣнять соотвѣтственными имъ изъ побочныхъ, если они окажутся болѣе правильными? Въ

первомъ случаѣ главный списокъ передастся съ дипломатическою точностью, а всѣ разнословія, заключающіяся въ побочныхъ спискахъ, покажутся въ подстрочныхъ выноскахъ; во второмъ случаѣ, на оборотъ, соотвѣтственныя искаженнымъ въ главномъ спискѣ слова и выраженія внесутся въ текстъ изъ побочныхъ списковъ, а погрѣшности главнаго означатся въ варіантахъ. — Если издатель «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», при множествѣ списковъ, станетъ рабски придерживаться одного изъ нихъ, т. е. излагать текстъ какой-либо Лѣтописи только по одному списку: то такое изданіе будетъ ли по преимуществу правильно? Такъ ли ученые Нѣмцы издавали Гомера, Виргилія, Цицерона, Тацита? Такъ ли новѣйшіе Германскіе Археологи печатаютъ свои Monumenta historica?... Будетъ ли такое изданіе даже удобно для чтенія? Предположимъ, что всѣ разнословія главнаго и побочныхъ списковъ отчетливо покажутся въ подстрочныхъ выноскахъ: но не затруднится ли на каждой строкѣ читатель отыскиваніемъ истиннаго чтенія во множествѣ варіантовъ? Всѣ эти неудобства, по моему мнѣнію, устранятся, если при изданіи Русскихъ Лѣтописей будетъ принятъ способъ, которымъ руководствовались знаменитѣйшіе изъ Европейскихъ коментаторовъ, и который Гг. Тимковскій и Строевъ употребили при изданіи Лаврентіевскаго Нестора и Софійскаго Временника: т. е. печатать текстъ каждаго основнаго списка, гдѣ онъ окажется правильнымъ, безъ малѣйшей отмѣны отъ подлинника, но испорченныя мѣста исправлять по однороднымъ или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ ихъ въ варіантахъ. Изложивъ мнѣніе мое, честь имѣю испрашивать разрѣшенія Коммиссіи: какой изъ сихъ способовъ долженъ быть употребленъ при изданіи «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей?» — Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Бе-

редникова, мѣста явно испорченныя въ каждомъ основномъ спискѣ какой-либо Лѣтописи, исправлять по однороднымъ или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ ошибокъ подлинника точными его словами въ варіантахъ, т. е настоящее чтеніе помѣщать въ текстѣ.

IV.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) *Письма о Богослуженіи Восточной Каѳолической Церкви.* С. Петербургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи 1838. 448 стр. in-8°.

Съ тѣхъ поръ, какъ Промысломъ Божіимъ и заботливостію Русскихъ Самодержцевъ Отечество наше взошло на чреду знаменитѣйшихъ Державъ и какъ сознаніе внутренняго достоинства обратило насъ къ внимательному изслѣдованію собственныхъ нашихъ сокровищъ, не проходитъ и года, чтобы мы не разработывали ихъ болѣе и болѣе. Богатства, таившіяся въ нѣдрахъ нашей земли; живописныя свойства нашей обильной, благозвучной рѣчи; блестящія картины нашей Исторіи — возбуждаютъ общее всѣхъ вниманіе. То же должно было послѣдовать и съ высшею, духовною стороною жизни нашей — съ Вѣрою, которую мы наслѣдовали отъ предковъ. Правительство неусыпно печется о семъ великомъ предметѣ. Между тѣмъ пріятно видѣть и частныя усилія, съ особеннымъ успѣхомъ обращенныя къ той же цѣли. Къ числу ихъ мы

обязаны отнести книгу, нами разсматриваемую, которой предметъ не можетъ не быть близокъ къ сердцу и каждаго истиннаго Христіанина, а тѣмъ болѣе члена той Церкви, коей мы, Русскіе, одолжены и свѣтомъ Евангельскаго ученія и самою твердостію нашей Государственной силы.

Кто изъ насъ могъ быть равнодушнымъ зрителемъ священнодѣйствія въ храмѣ Божіемъ? кто не приближался съ благоговѣйнымъ трепетомъ къ престолу, на коемъ совершается страшная тайна нашего спасенія? не внималъ съ умиленіемъ стройному хору, славящему Царя Царей? Но кому также не случалось упрекать себя и въ развлеченіи во время церковной службы? Кромѣ врожденной человѣку слабости, причиною тому бываетъ не рѣдко и самое незнаніе настоящаго значенія Богослужебныхъ обрядовъ. Вотъ поводъ къ сочиненію тѣхъ Писемъ, за которыя не льзя не благодарить Автора отъ искренняго сердца. Въ какомъ духѣ Христіанской любви и кротости и съ какою скромностію они написаны, о томъ Читатели могутъ получить понятіе изъ самаго вступленія, служащаго сей книгѣ предисловіемъ. Припомнивъ другу своему, къ которому обращены письма, совокупное съ нимъ посѣщеніе нѣкоторыхъ священныхъ мѣстъ, Авторъ говоритъ: «Не смотря на торжественность служенія, на согласіе хоровъ, я замѣчалъ въ тебѣ усталость преждевременную, и она была болѣе нравственная, нежели физическая. Наружное величіе обрядовъ, безъ ихъ внутренняго, глубокаго смысла, не могло занимать тебя; чтеніе же маловнятное и совершенно тебѣ неизвѣстное, хотя и прерывалось иногда гармоническимъ пѣніемъ, но невольно продолжало для тебя всенощную, ибо ты не зналъ ея настоящаго хода; а незнакомый путь во мракѣ кажется намъ всегда безконечнымъ. Между тѣмъ я также замѣтилъ, что всякій

разъ, когда до твоего слуха доходила знакомая молитва, ты съ благоговѣніемъ ей предавался, и это мнѣ подало благую мысль объяснить тебѣ, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, тѣ мѣста краснорѣчиваго и трогательнаго служенія нашей Православной Церкви, съ которыми ты менѣе моего имѣлъ случай познакомиться. Не ожидай однако же многаго отъ собственной моей неопытности въ дѣлѣ, требующемъ духовныхъ познаній. Безполезно даже и предостерегать тебя, ибо ты довольно знаешь, сколько поверхностны мои свѣдѣнія; но сіе самое даетъ мнѣ смѣлость говорить съ тобою откровенно о предметѣ близкомъ моему сердцу. Быть можетъ, если бы ты подозрѣвалъ во мнѣ болѣе духовнаго знанія, ты избѣжалъ бы меня, какъ скучнаго учителя; но ты не станешь уклоняться друга, во всемъ тебѣ равнаго, котораго уста говорятъ отъ избытка сердца.»

Сочиненіе раздѣлено на четыре главныя части или книги, слѣдующаго содержанія: I, О Литургіи и Всенощной; II, О Великомъ Постѣ и Пасхѣ; III, О седьми Таинствахъ, и IV, О праздникахъ и погребеніи. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ въ особенности.

I. *О Литургіи и Всенощной.* Учрежденіе Литургіи ведетъ свое начало отъ первыхъ временъ Христіанства; ея обряды сохранились свято и донынѣ, имѣя видъ символическій. Удивительно ли, что человѣкъ, не углублявшійся никогда мыслію въ сокровенное значеніе ихъ, колеблется при совершеніи оныхъ между суетнымъ любопытствомъ и недоумѣніемъ? Авторъ предвидѣлъ это тягостное состояніе души, и признавая тому источникомъ недостатокъ сравненія нынѣшней Литургіи съ первоначальнымъ ея установленіемъ и упущеніе изъ виду цѣпи постепеннаго образованія ея подробностей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, онъ зна-

комитъ Читателей съ порядкомъ Богослуженія первыхъ временъ Христіанскихъ, указываетъ въ немъ то же раздѣленіе на Проскомидію, Литургію оглашенныхъ и Литургію вѣрныхъ, которое донынѣ сохранилось; изъясняетъ наконецъ древнее учрежденіе просфоръ и разныхъ обрядовъ, также сокращенія Литургіи Апостола Іакова (перваго Іерусалимскаго Епископа) Святыми Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ — изъ снисхожденія къ немощи человѣческой, тогда какъ она и донынѣ поется вся сполна въ день памяти Апост. Іакова въ Іерусалимѣ.

Вниманіе Читателя обращается въ особенности къ Архіерейскому служенію. Онъ слѣдуетъ мыслію за Святителемъ ко вратамъ алтаря и потомъ къ возвышенному мѣсту среди церкви и народа, присутствуетъ при облаченіи его въ священныя одежды, узнаетъ значеніе существенныхъ частей облаченія и постигаетъ мало по малу молитвы и обряды, болѣе открытые вниманію всякаго предстоящаго. Поясненія, Авторомъ при семъ случаѣ употребляемыя и направленныя къ назидательной цѣли, возбуждаютъ невольно чувства благочестія и смиренія. Можно ли читать равнодушно мысли его при заключеніи Литургіи оглашенныхъ! «Ты скажешь» — говоритъ онъ — «за чѣмъ теперь обрядъ сей почти тщетный, когда уже нѣтъ разряда оглашенныхъ, готовящихся къ Св. Крещенію, потому что всѣ окрещены съ младенчества, а разрядъ кающихся и отлученныхъ отъ Таинствъ большею частію не примѣтенъ въ церкви? Подумай однако же, сколько есть между нами такихъ, которые только оглашены Вѣрою Христовою, но не вѣруютъ, призваны ко спасенію и не идутъ; тщетно старается Церковь умягчить ихъ сердце молитвою, пронзить его словомъ Божіимъ, — они имѣютъ уши, чтобы не слышать, и очи, чтобы не видѣть, и стремятся къ погибели какъ бы на нѣкій пиръ, имъ уго-

тованный рукою вѣчной смерти, отклоняя отъ себя ту духовную трапезу, какую предлагаетъ имъ Искупитель, въ пріобщеніи собственнаго тѣла и крови, взывающій: пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіися и обремѣненніи и Азъ упокою вы. И что говорю я о другихъ? Взглянемъ на самихъ себя: не мы ли первые оглашенные?— Что скажешь? мы исповѣдуемъ Христа! такъ, но не устами ли только? дѣла же наши лучше ли языческихъ? а по словамъ Писанія: вѣра безъ дѣлъ мертва. Нѣтъ, другъ мой, съ трепетомъ преклоняю я голову при возглашеніи Діакона: «оглашенніи главы ваша Господеви приклоните!» послѣ котораго они должны изгоняться изъ храма; молюсь въ сію минуту столько же за самого себя, сколько и за нихъ, чтобы не быть изгнаннымъ страшными Ангелами изъ Царствія Небеснаго, подобно какъ изъ церкви изгоняются Діакономъ оглашенные, и когда потомъ онъ призываетъ уже однихъ только вѣрныхъ къ молитвѣ, знаешь ли, что я не всегда дерзаю молиться?»

Изложивъ и изъяснивъ обряды Литургіи, Авторъ приступаетъ къ описанію Всенощной въ трехъ главныхъ ея частяхъ: вечерни, утренни и перваго часа, и указываетъ въ постепенномъ развитіи ея хода трогательное представленіе важнѣйшихъ событій духовной судьбы человѣчества. Отверзаются царскія врата, какъ бы Царствія Небеснаго; свѣтъ и ѳиміамъ проникаютъ во всѣ части храма и великолѣпный Псаломъ «Благослови душе моя Господа», изображаетъ дивную картину мірозданія. Вскорѣ закрытіе царскихъ вратъ даетъ чувствовать изгнаніе человѣка изъ рая сладости, сердце стѣсняется печалію, но мало по малу пѣніе Псалмовъ оживляетъ въ немъ надежду; къ воззваніямъ «изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему», хоръ начинаетъ прибавлять другіе стихи новозавѣтные, изображающіе празднество дня, какъ бы

въ радостномъ ожиданіи Искупленія. Вечерня приближается къ концу среди громкихъ благословеній имени Господня. Начинается утреня. Все утихло, и вдругъ раздается Ангельскій привѣтъ Виѳлеемскимъ пастырямъ, возвѣщающій Рождество Спасителя.

Изъяснивъ дальнѣйшій ходъ всенощнаго служенія, Авторъ оканчиваетъ первую часть своего сочиненія описаніемъ Литургіи преждеосвященныхъ, которая исключительно совершается во дни Великаго поста и отличается отъ обѣдни Святыхъ Василія и Златоуста. Она состоитъ собственно изъ вечерни, предшествуемой часами, и нѣкоторой части обыкновенной Литургіи, кромѣ важнѣйшаго, то есть освященія даровъ; называется же преждеосвященною потому, что предлагаемые въ ней дары освящаются прежде на Воскресной Литургіи.

II. *О Великомъ Постѣ и Пасхѣ.* Человѣкъ, увлекаемый вихремъ свѣта, или углубленный въ однѣ мірскія обязанности, не всегда понимаетъ, или, лучше сказать, не всегда думаетъ объ утѣшеніяхъ, предлагаемыхъ ему торжественнымъ временемъ Великаго Поста. Къ нему-то можно обратить слова Автора: «Не думай, чтобы я привелъ тебя къ нѣкоей безводной пустынѣ, на отдаленномъ краю коей съ нетерпѣніемъ будешь ты ожидать появленія Свѣтлаго Праздника. Нѣтъ, и сію мнимую для тебя пустыню оживили благодатными водами Святые Отцы Церкви; и ее обратили они въ землю воздѣланную, усѣянную цвѣтами Іисуса Христа, ибо вертоградарями были Дамаскинъ и Косма, и Студиты и Андрей Критскій, свѣтильники своего вѣка и послѣдующихъ, возсіявшіе изъ глубины уединенныхъ келлій.»

Каждому Христіанину должны быть извѣстны и цѣль учрежденія Великаго Поста, и обязанности, онымъ возлагаемыя; но едва ли каждый знаетъ, сколько могутъ содѣйствовать исполненію ихъ самые обря-

ды, на это время Церковію установленные. Въ этомъ можетъ убѣдить изъясненіе сихъ обрядовъ, которое Авторомъ написано съ сердечнымъ краснорѣчіемъ: «По истинѣ» — говоритъ онъ — «благая Церковь, заботясь о спасеніи дѣтей своихъ, семью недѣлями Великаго поста и тремя имъ предшествующими, какъ будто написала (если только позволено такъ выразиться) Поэму всего человѣчества, рѣзко обозначивъ три его грани: паденіе, Искупленіе и Послѣдній Судъ! все же пространство сей трогательной Поэмы наполнила она то горькимъ плачемъ покаянія, то псалонными восторгами, то Пророческимъ вдохновеніемъ о грядущемъ спасеніи, то самымъ изображеніемъ страданій Искупителя, уже не только въ Пѣсняхъ духовныхъ, но и въ обрядахъ для большаго впечатлѣнія. Весь наружный человѣкъ долженъ содѣйствовать внутреннему въ дѣлѣ своего спасенія: и ухо его должно слышать и око видѣть, и молиться уста, и руки подыматься къ небу и припадать колѣна, и смиряться къ землѣ гордое чело, и наконецъ поститься алчная утроба, влекущая долу высокіе помыслы духа.»

По сему Авторъ говоритъ напередъ о трехъ недѣляхъ, предшествующихъ Великому Посту, въ коихъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ и чтеніе страшнаго Евангелія о Послѣднемъ Судѣ, приводя насъ въ сокрушеніе, должны служить пріуготовленіемъ къ Четыредесятницѣ, и выписываетъ лучшіе отрывки изъ Духовныхъ Пѣсней, сему времени присвоенныхъ. Не льзя безъ сердечнаго удовольствія читать прекрасное и назидательное изъясненіе жалобной Пѣсни плѣнниковъ Вавилонскихъ, которую Церковь возглашаетъ трогательнымъ напѣвомъ въ каждый изъ трехъ Воскресныхъ дней, предшествующихъ Великому Посту. «Сія Пѣснь (*На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона и*

пр.) сильная и поразительная, какъ воспоминаніе, представляется еще болѣе возвышенною, какъ иносказаніе: Вавилонъ, *смѣшеніе*, есть образъ смѣшаннаго множества страстей и грѣховъ, которые господствуютъ въ мірѣ, берутъ въ плѣнъ невнимательную душу и порабощаютъ ее; Іерусалимъ, *городъ мира*, значитъ состояніе души, собравшейся изъ разсѣянія и обратившейся къ Богу, миръ непорочной или покаяніемъ очищенной совѣсти. Ахъ, другъ мой, не забудемъ сего Іерусалима, постараемся не забывать его! Мысль о сокрушеніи младенцевъ Вавилонскихъ о камень, которая была бы слишкомъ жестока въ буквальномъ значеніи, есть напротивъ самая чистая въ иносказаніи. Это значитъ: блаженъ, кто имѣетъ довольно твердости сокрушать о камень Вѣры едва раждающіяся дурныя мысли и желанія, прежде нежели онѣ вырастутъ въ злые дѣла и навыки.» — Въ какое сокрушеніе и смиреніе приводитъ сердце, но вмѣстѣ какую отраду доставляетъ душѣ тотъ превосходный Канонъ покаянія, который такъ прекрасно изложенъ Авторомъ — Канонъ Св. Андрея Критскаго, гдѣ примѣняются къ духовной жизни Христіанина всѣ важнѣйшія событія Ветхаго и Новаго Завѣта и представляется душѣ поучительная жизнь Праотцевъ, Патріарховъ, Судей, Царей и Пророковъ! Переходя къ объясненію обрядовъ самаго Поста, въ шести недѣляхъ онаго Церковію употребляемыхъ, и посвященныхъ большею частію воспоминаніямъ духовныхъ подвиговъ на поприщѣ Вѣры, Авторъ приступаетъ къ описанію Богослуженія Великой Седмицы. «Каждый день Страстной Седмицы» — говоритъ онъ — «есть какъ бы шагъ въ вѣчность, ибо ея днями постепенно обозначены послѣдніе дни земной жизни Христовой и съ ними идутъ они роковой стопою, — какой страшный отголосокъ событій! Сколь же внимательны мы должны быть къ симъ искупительнымъ

днямъ, ибо и мы призваны итти въ путь земной и небесный вмѣстѣ за Христомъ.»

Три первые дни, сходные между собою Богослуженіемъ, наполняются попремѣнно молитвами и чтеніями изъ Ветхаго Завѣта и Евангелій, но три послѣдующіе носятъ на себѣ разительный отпечатокъ молитвъ и обрядовъ, исключительно присвоенныхъ каждому изъ нихъ, сообразно съ важностію воспоминаній, особенно же Великій Пятокъ, который изображеніемъ Страстей Господнихъ является, какъ нѣкій возвышенный Крестъ, пріосѣняющій субботній гробъ Христовъ.

«Таинственнымъ ожиданіемъ наполнена вся чрезвычайная утреня Великой Субботы, достойная быть преддверіемъ Пасхи. Христосъ во гробѣ посреди церкви, вокругъ, въ черныхъ ризахъ, стоятъ Священнослужители, но отверзты врата алтаря, какъ бы во срѣтеніе Божественному мертвецу, и пѣніе погребальное безпрестанно прерывается воскресными гимнами и возженныя въ рукахъ народа свѣчи проливаютъ свѣтъ по всему храму, какъ зарю того невещественнаго свѣта, который возсіяетъ заутра изъ гроба.»

Приближается наконецъ радостная, давно желанная ночь Свѣтлаго Воскресенія. Кто выразитъ и торжественность совершаемой тогда службы и впечатлѣніе, производимое ею на умъ, а еще болѣе на сердце Христіанина, восхищаемаго горѣ зрѣлищемъ небеснымъ? Прочтите слова Автора: «У Западныхъ заключенныхъ вратъ останавливается приготовительное шествіе. Между тѣмъ пустѣетъ храмъ, за клиромъ слѣдуетъ народъ; дѣти Адама стремятся къ новому Адаму, чтобы при радостной вѣсти о его возстаніи, узкими вратами войти въ его новую жизнь, и здѣсь, какъ первое лепетаніе младенца, раздается въ устахъ возрожденнаго человѣчества: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гро-

бѣхъ животъ даровавъ. — Съ чѣмъ можно сравнить сію возвышенную утреню? Нѣкое духовное восхищеніе владѣетъ всѣми; каждый въ порывѣ священной радости хотѣлъ бы выразить свои чувства — и вмѣсто рѣчей текутъ изъ устъ Пѣсни; каждый готовъ былъ бы взыграть предъ Господомъ, какъ Давидъ предъ знаменательнымъ Ковчегомъ, ибо люди Божіи видятъ нынѣ исполненіе древнихъ образовъ во Христѣ. Когда узникамъ, долго томившимся во мракѣ темницы, вдругъ отверзаются двери и является освободитель — до изступленія доходитъ восторгъ ихъ: сбрасывая цѣпи, они бросаются къ ногамъ своего благодѣтеля, или въ объятія другъ другу, и скачутъ и плачутъ, и смѣются и поютъ, и прощаются взаимно и молятся, и опять плачутъ и опять поютъ; — такъ и на утрени Пасхи.»

III. *О седми Таинствахъ.* — По словамъ Писанія: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь»: эти столпы суть Таинства Христіанской Вѣры, недоступныя уму, но тѣсно соединенныя съ жизнію человѣческою, сопровождающія и подкрѣпляющія насъ отъ колыбели и до гроба; въ этой книгѣ они описываются и изъясняются подробно. Читатели увидятъ, въ чемъ состояли въ древности обряды Крещенія и Мvропомазанія, совершаемые нынѣ совокупно надъ младенцами и какъ достигли они нашего времени въ нынѣшней ихъ полнотѣ; узнаютъ, что мvро употребляется для того, чтобы Епископъ, освятившій оное, могъ заочно освящать имъ крещаемыхъ, и чтобы видимо изобразить невидимое помазаніе Св. Духа, наконецъ получатъ понятіе о важности званія воспріемниковъ. Не менѣе поучительны изъясненія Автора о Таинствахъ причащенія и покаянія, которыя необходимо долженъ пройти каждый Христіанинъ, чтобы соединиться со Христомъ и быть истиннымъ чадомъ Его Святой Церкви; послѣ чего переходя къ прочимъ

Таинствамъ — браку, елеосвященію и Священству, онъ объясняетъ весь образъ ихъ совершенія. Это отдѣленіе заключается замѣчаніями о Иночествѣ, которое — говоритъ Авторъ — «не будучи въ числѣ Таинствъ, служитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнымъ дополненіемъ оныхъ, ибо принято, какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ іерархіи и образуетъ духовное обрученіе со Христомъ, и даже по возвышенности своихъ обѣтовъ называется у Св. Отцевъ вторымъ крещеніемъ.»

Тѣсная связь, соединяющая Таинства съ жизнію человѣческою во всѣхъ важнѣйшихъ ея эпохахъ, прекрасно изображена Авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Отъ лона матери уже воспринимаетъ насъ Церковь, и еще прежде, нежели младенческіе годы наши ввѣрены опытнымъ пестунамъ, приближаются два Таинства къ самой колыбели, одно возраждающее, другое утверждающее — крещеніе и мνропомазаніе. Они, съ любовію пріявъ младенца, возвѣщаютъ, что иные родители, иные пестуны, не по плоти, а по духу нужны новорожденному не только въ міръ, но и во Христа; а третіе Божественное Таинство — Причащеніе, тогда же сообщаетъ ему Христа, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ, научая вмѣстѣ и какою духовною пищею долженъ питаться во всю жизнь свою сей новый гражданинъ Небеснаго Царствія.

«Но младенецъ растетъ, вмѣстѣ съ годами развиваются страсти не отъ дурной его природы, противъ поврежденія коей въ Адамѣ даровано достаточное врачество Христомъ, но отъ дурнаго направленія свободной воли; оно извлекаетъ новыя отрасли изъ корня первороднаго грѣха, вмѣсто того, чтобы окончательно умерщвлять его развитіемъ жизни благодатной. Тогда Церковь призываетъ опять человѣка на путь добродѣтели, четвертымъ спасительнымъ Таинствомъ покаянія, которое подобно крещенію, омывае-

му отъ грѣха Адамова, очищаетъ предъ Богомъ отъ грѣховъ, содѣянныхъ въ жизни, если только мы искренно ихъ сознаемъ и оплачемъ.

«Какъ благословеніе, далъ Богъ человѣку способность размножать родъ свой, но съ паденіемъ Адама грѣхъ и его проклятіе упали и на сію способность и сдѣлали разсадникъ рода человѣческаго разсадникомъ первороднаго грѣха; по сему въ Христіанствѣ необходимо было дать новое благословеніе для рожденія подобныхъ себѣ во славу Творца, и Церковь благословляетъ юношу и дѣву на супружескій союзъ ихъ пятымъ Таинствомъ брака.

«Наконецъ, когда какъ перезрѣвшій плодъ, или рано увядшій цвѣтокъ, готовится человѣкъ оставить землю своего странствія и страшная вѣчность ему предстоитъ, заботливая Церковь не отпускаетъ его въ путь безъ духовнаго подкрѣпленія, и шестое Таинство елеосвященія, совершаемое надъ болящимъ, изцѣляетъ тѣло или располагаетъ душу къ ея отшествію.

«Но чтобы въ сонмѣ людей были мужи, могущіе преподавать сіи спасительныя таинства, Церковь избираетъ достойнѣйшихъ изъ среды ихъ и рукоположеніемъ, не прерывающимся отъ временъ Апостольскихъ, сообщаетъ имъ седьмое Таинство Священства, чрезъ которое и они въ свою чреду получаютъ силу сообщать благодать Святаго Духа.

«Таковы сіи седмь столповъ дома премудрости, сіи седмь вѣтвей знаменательнаго подсвѣчника, пророчески поставленнаго Моисеемъ въ Скиніи и Соломономъ во Храмѣ; они свѣтятъ міру и предстоятъ Церкви, какъ седмь высшихъ Духовъ, всегда блистающихъ на Небесахъ у Престола Славы.»

Четвертая и послѣдняя книга имѣетъ предметомъ описаніе праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Восточной Церкви, изъясненіе ихъ значенія и воспоминаній, коимъ

они въ особенности посвящены. Въ ней излагается также порядокъ Богослуженія, присвоенный особымъ торжественнымъ церковнымъ дѣйствіямъ, какъ-то: освященію Храма и освященію мура, изъ коихъ послѣднее совершается у насъ въ Россіи одинъ только разъ въ нѣсколько лѣтъ рукою Архіерейскою въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ. Наконецъ говорится о послѣднемъ милосердномъ дѣйствіи, которое надъ нами совершаетъ нѣжная мать наша Церковь, когда мы сами уже повержены, бездыханные предъ лицемъ ея и не въ силахъ болѣе радѣть о нищей душѣ своей — о дѣйствіи погребальномъ и о сопряженныхъ съ нимъ обрядахъ.

Желательно, чтобы всякій сынъ Восточной Церкви прочелъ со всѣмъ вниманіемъ это отличное твореніе. Тогда бы всякъ во время Божественной службы смотрѣлъ на всѣ обряды не безотчетно: взоръ его открывалъ бы во всякомъ дѣйствіи и движеніи, во всякой одеждѣ Священнослужителя, во всякой церковной утвари таинственное изображеніе какого-нибудь духовнаго предмета или событія изъ Исторіи Церкви; тогда бы всякое слово служителя Алтаря, всякое пѣніе возбуждало въ немъ чувство благоговѣйное, приводило его къ сознанію своего ничтожества и располагало духъ его къ усердной молитвѣ.

Высокій предметъ сочиненія, глубокое чувство, съ коимъ оно написано, краснорѣчивый слогъ (коего здѣсь приведены образцы) составляютъ качества, способныя возбудить не только вниманіе Православнаго Христіанина, но даже любопытство иновѣрныхъ читателей. Духовная пища есть необходимая потребность души; счастливъ, кто ее ищетъ и находитъ въ назидательномъ чтеніи; счастливѣе тотъ, кто способствуетъ своимъ трудомъ и талантомъ къ открытію источника сердечнаго утѣшенія, къ пробужденію и оживленію въ другихъ усыпленнаго чувства благочестія.

2) *Федонъ, или о безсмертіи души, Моисея Мендельзона. Переводъ съ Нѣмецкаго Василья Мызникова.* С. Петербургъ, 1837.

Мендельзонъ — явленіе замѣчательное въ Исторіи Литературы прошедшаго вѣка. Онъ родился въ бѣдности и въ Еврейскомъ законѣ: но внутреннее влеченіе сдѣлало его Христіанскимъ Философомъ. Нашедши пріютъ въ Берлинѣ, при одномъ значительномъ торговомъ домѣ, онъ получилъ здѣсь возможность заняться языками, Математикой и Философіей (особливо Маймонидовой), и образовать свой вкусъ. Наиболѣе имѣлъ на него вліянія Лессингъ, подъ руководствомъ котораго онъ выучился Греческому языку и читалъ творенія Платона. Психологія, Эстетика и Мораль — по духу ли времени или по врожденной склонности — преимущественно занимали Мендельзона. Въ умозрѣніи онъ былъ Эклектикъ. Онъ жилъ въ такое время, когда скептицизмъ и матеріализмъ, съ своими гибельными слѣдствіями для нравственности и Религіи, изъ Англіи и Франціи стали проникать въ Германію. Вѣра въ безсмертіе души должна была поколебаться изъ первыхъ, и Сократъ Іудейскій, какъ помнится кто-то назвалъ Мендельзона, вмѣстѣ съ другими благомыслящими умами, спѣшилъ противостать вліянію разрушительныхъ идей.

Не будемъ распространяться ни о разговорной формѣ изложенія, ни о мысли — вложить свои доводы въ уста Сократа, готовящагося къ смерти: то и другое, вмѣстѣ съ характерами и именами разговаривающихъ лицъ, заимствовано у Платона. Благоразумно ли подобное заимствованіе, сообразно ли оно съ характеромъ нашего мышленія и образованія, выигрываетъ ли отъ него изложеніе со стороны ясности или занимательности, — это такіе вопросы, которые за-

влекли бы насъ слишкомъ далеко. Посмотримъ лучше, какъ Авторъ разсуждаетъ о своемъ предметѣ.

«Мудрецъ не можетъ страшиться смерти.» Вотъ мысль, къ подтвержденію которой клонятся всѣ изслѣдованія объ участи души по смерти. Они изложены въ трехъ отдѣльныхъ разговорахъ.

Разговоръ первый. Что такое смерть? Измѣненіе, человѣческой природѣ свойственное; переходъ ея изъ одного состоянія въ другое, противоположное. Но въ Природѣ все измѣняется постепенно; между двумя состояніями предмета, какъ бы они ни казались противоположными, всегда есть состоянія переходныя: превращеній мгновенныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Очевидно, что и въ Природѣ человѣческой между состояніями жизни и смерти должны быть состоянія переходныя. Въ тѣлесной части ея такъ и бываетъ. Разрушеніе здѣсь пріуготовляется издалека, совершается постепенно и оканчивается не уничтоженіемъ составныхъ частей тѣла, а только переходомъ ихъ въ другія образованія, въ новые виды бытія. Что же въ эпоху смерти совершается съ другою частію человѣческой природы — съ душею? Обращается ли она мгновенно въ ничто? Мы уже видѣли, что это невозможно, что это противоестественно. «Между бытіемъ и ничтожествомъ зіяетъ неизмѣримая бездна, которую Природа не можетъ перешагнуть.» Мгновенное уничтоженіе — такое чудо, которое могло бы совершить одно Всемогущество Божіе. «Но восхощетъ ли Богъ, Творецъ и Отецъ Вселенныя, являть чудеса всемогущества въ уничтоженіи?» Такая мысль была бы богохульствомъ!

И такъ не могутъ ли силы души исчезать мало по малу вмѣстѣ съ разстройствомъ и разрушеніемъ тѣла? Положимъ. Чѣмъ же окончится это постепенное исчезновеніе? Ничтожествомъ? Это опять невозможно: мы уже видѣли, что отъ бытія къ ничтожеству

нѣтъ перехода. А съ бытіемъ предмета всегда уже неразлучно свойственное ему дѣйствіе и страданіе: слѣдовательно душа всегда останется существомъ чувствующимъ, мыслящимъ и т. д. Но можетъ ли духъ нашъ безъ чувственныхъ впечатлѣній получать понятія? — Въ отвѣтъ на это возраженіе, Сократъ указываетъ на утробнаго младенца. «Если бы младенецъ могъ разсуждать въ утробѣ матерней, то можно ли бы его увѣрить, что и онъ будетъ наслаждаться нѣкогда свободнымъ воздухомъ и восхищаться солнечнымъ свѣтомъ, и не вздумалъ ли бы онъ выводить также заключеній своихъ о невозможности этого изъ условій его настоящей утробной жизни?»

Доселѣ Авторъ смотрѣлъ на душу, какъ на существо отличное отъ тѣла и простое. Во *второмъ* разговорѣ онъ обращается къ основной мысли матеріалистовъ: не есть ли душа только *свойство* или *дѣйствіе* тѣлеснаго состава, которое разумѣется исчезнетъ само собою вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла? «Предположимъ» — говоритъ онъ — «что душа есть *свойство* организма, подобно тому, какъ гармонія есть свойство извѣстнаго соединенія звуковъ, симметрія извѣстнаго расположенія величины. Но что такое гармонія, соразмѣрность, порядокъ и т. п.? Это свойства относительныя, которыя оказываются въ сложныхъ предметахъ только по отношенію къ представительной и мыслящей силѣ. Изъ струнъ арфы раждаются только отдѣльные звуки въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстномъ сочетаніи. Душа, получая впечатлѣнія отъ звуковъ отдѣльныхъ, быстро сближаетъ ихъ и сравниваетъ, и въ ней возникаетъ ощущеніе гармоніи. Ясно, что независимо отъ мыслящей силы не льзя представить ни гармоніи, ни соразмѣрности. Какъ же послѣ этого самую мыслящую силу, т. е. душу, производить, подобно гармоніи, изъ извѣстнаго соединенія

тѣлесныхъ органовъ? Сравненія и сличенія — дѣйствія мыслящей силы: слѣдовательно, представлять душу свойствомъ тѣлеснаго состава, значитъ производить ее изъ ея собственныхъ дѣйствій! Предположимъ еще, что душа есть сосредоточенное *дѣйствіе* тѣлесныхъ органовъ, подобное дѣйствію сложной машины. Отъ какихъ же основныхъ, частныхъ силъ будетъ происходить эта сложная сила: отъ мыслящихъ или не мыслящихъ? Правда, иногда оказываются въ цѣломъ дѣйствія такого свойства, какого не замѣчалось въ дѣйствіяхъ частей; но это бываетъ, какъ мы уже видѣли, только относительно къ представительной и мыслящей силѣ: слѣдовательно эту самую силу, причину подобныхъ обобщеній и превращеній, не льзя уже производить изъ силъ разнородныхъ и отъ нея отличныхъ. И такъ, чтобъ мыслящая наша душа могла быть дѣйствіемъ частей тѣлеснаго состава, самыя эти части должны быть способны къ дѣйствіямъ разумнымъ, и даже части самыхъ частей обладать свойствами разума. Но въ такомъ случаѣ въ насъ будетъ уже не одно, а множество существъ свойства разумнаго; а это опять не сообразно съ свойствами нашего мыслящаго лица (я). Въ самыхъ разнородныхъ его дѣйствіяхъ ощутительно единство и тожество дѣятеля, безъ чего въ самомъ дѣлѣ мы не могли бы ни сохранять воспоминаній, ни разсуждать, ни сравнивать, ни сознавать своей личности. Очевидно, что наша разумная жизнь развивается изъ одного начала простаго и потому не протяженнаго. А это начало — чтожь оно, если не душа?»

Въ *третьемъ* разговорѣ, мудрецъ обращается къ идеѣ Божества и изъ Его свойства выводитъ заключенія какъ вообще о назначеніи всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ и въ частности о будущемъ состояніи душъ человѣческихъ. Коренное отличіе существъ раз-

умныхъ отъ животныхъ, повинующихся инстикту, состоитъ въ стремленіи къ совершенству. Стремленіе это безконечно, потому что и цѣль его вполнѣ никогда не достижима, и силы души не истощимы и неразрушимы. Слѣдовательно души «какъ существа простыя, безсмертны; какъ начала самостоятельныя, онѣ обладаютъ самосовершенствованіемъ и должны имѣть безконечныя послѣдствія: какъ существа разумныя, должны стремиться къ безпрерывному возрастанію и преуспѣянію въ совершенствѣ и пр.» (стр. 112). «И могла ли Всевысочайшая Премудрость сотворить для того Вселенную, дабы духи, которыми она населила ее, созерцали ея чудеса, блаженствовали и вдругъ лишились на вѣки и способностей созерцанія и блаженства ихъ? Совмѣстно ли было Всевысочайшей Премудрости содѣлать одну тѣнь блаженства, которая то появляется, то исчезаетъ, конечной цѣлію чудесъ своихъ?» (тамъ же). Здѣсь Философъ одушевляется, и его спокойный діалогъ переходитъ въ краснорѣчивый монологъ. Изъ малаго предназначенія человѣка къ совершенству онъ выводитъ новыя и сильныя доказательства безсмертія. Онъ живо изображаетъ ужасное противорѣчіе между стремленіемъ къ совершенству и безнадежностію на жизнь будущую. При мысли о неизбѣжномъ уничтоженіи въ часъ смерти — всѣ нравственныя узы между людьми должны распасться, всѣ возвышенныя чувства исчезнуть, всѣ благороднѣйшія и высшія стремленія оцѣпенѣть. Наслажденіе жизнію, одною настоящею жизнію, должно сдѣлаться цѣлію всѣхъ человѣческихъ усилій, самосохраненіе — закономъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Послѣ этого заботливость о благѣ общемъ была бы странностію, самопожертвованіе — противоестественнымъ безуміемъ! Безспорно, послѣ вѣры въ Бога идея безсмертія самая животворная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая неисчерпае-

мая для размышленія. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣчныхъ истинъ, которыя никогда не старѣются, никогда не становятся пошлыми, которыя подъ перомъ человѣка мыслящаго и съ талантомъ являются всякій разъ въ блескѣ новой жизни. При всемъ убѣжденіи въ истинѣ столько драгоцѣнной, пріятно время отъ времени обновлять въ мысли основанія своего убѣжденія и отселѣ почерпать для него новую силу и ясность. По сему-то какъ ни много писали о безсмертіи души, а всегда найдется довольно людей, которые всякій новый опытъ объ этомъ предметѣ Писателя замѣчательнаго прочтутъ съ новымъ вниманіемъ и, конечно, съ новою пользою. Правда, опытъ Мендельзона уже болѣе полустолѣтія пересталъ быть новостью, но не для насъ: на Русскомъ онъ появляется впервые. И вообще произведенія этого пріятнаго и благомыслящаго Философа такъ мало у насъ извѣстны, что мы должны быть благодарны Г. Переводчику не только за подарокъ полезной книги, но и за знакомство съ замѣчательнымъ Писателемъ; благодарны тѣмъ болѣе, что переводъ достоинъ подлинника.

3) *Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Соч. А. Терещенко. Часть I, II и III.* С. П. Б. 1837.

Недостатокъ Біографій, которыя могли бы познакомить насъ съ мужами, споспѣшествовавшими славѣ и величію нашего Отечества, подалъ Г. Терещенкѣ мысль—составить «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ въ началѣ своего сочиненія упрекъ, будто «мы, пресытясь Отечественною славою, не уважаемъ виновниковъ ея, и какъ бы дремлемъ въ безпечности.» Не холодности и не безпечности нашей должно приписывать подобный недостатокъ въ

сочиненіяхъ, требующихъ огромнаго труда, тогда какъ Россія начала жизнь Европейски образованнаго Государства недальше, какъ въ прошломъ вѣкѣ, и по естественному ходу дѣлъ не могла еще раскрыть всѣ свои богатства вдругъ. Мы еще изслѣдываемъ источники нашей Исторіи: анализъ и употребленіе ихъ должны быть послѣ.

Какъ бы то ни было, Г. Терещенко взялся за трудъ полезный и вызвалъ на сцену характеры, которые составляютъ славу имени Русскаго.

«Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи» раздѣленъ на три части: въ первой обозрѣваются дѣянія Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ; во второй, собственно Канцлеровъ; а въ третьей Вице-Канцлеровъ.

Часть I. *Сановники, управлявшіе иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ.*

Первымъ дипломатомъ является у насъ при Димитріи Донскомъ, Коломенскаго Села Священникъ Дмитрій Митяй, съ сильнымъ умомъ и ненасытнымъ честолюбіемъ, отправившійся въ Царьградъ за Митрополичьимъ клобукомъ и нашедшій себѣ на пути могилу. За нимъ слѣдуютъ:

Грекъ Юрій Траханіотъ, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III.

Иванъ Михайловичь Висковатовъ, при Іоаннѣ IV.

Романъ Васильевичь Олферьевъ.

Андрей и Василій Щелкаловы, при Іоаннѣ IV и Борисѣ Годуновѣ; первый обнаруживаетъ характеръ государственнаго человѣка въ борьбѣ съ домогательствомъ Англичанъ на исключительное право торговли въ Россіи; послѣдній въ содѣйствіи видамъ Годунова.

Сутуновъ и Аѳанасій Власьевъ, прежде любимецъ Бориса, послѣ покорный слуга Димитрія Самозванца, но съ чувствомъ Русскаго, негодующій при видѣ Марины, будущей Русской Царицы, падавшей предъ симъ къ ногамъ Сигизмунда.

Василій Телепневъ, при Василіи Шуйскомъ, въ сотоварищесшвѣ съ Ѳеодоромъ Андроѳовымъ и Петромъ Алексѣевичемъ Третьяковымъ, который скрѣпилъ грамоту о избраніи на Престолъ перваго Вѣнценосца изъ дома Романовыхъ.

Иванъ Тарасьевичь Граматинъ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, пострадавшій за смѣлые отвѣты на обвиненіе его въ чародѣйствѣ.

Евфимій Григорьевичь Телепневъ, Максимъ Матюшкинъ, Ѳедоръ Лихачевъ, Иванъ Кириловичь Грязевъ, Михаилъ Даниловъ, Григорій Львовъ, Степанъ Кудрявцевъ, Назаръ Ивановичь Чистой и Алмазъ Ивановъ.

Краткими чертами обозначены жизнь и дѣянія большей части этихъ Сановниковъ; но не льзя требовать отъ Автора сверхъ силъ его и способовъ. Можемъ только жалѣть, — если время истребило памятникъ былаго.

Аѳанасій Лаврентьевичь *Ордынъ-Нащокинъ* является съ новымъ титломъ *Оберегателя Царственныя большія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ.* Родъ его Авторъ выводитъ изъ Италіи, а Рейтенфельсъ, писавшій отчетливѣе всѣхъ иностранцевъ о Россіи, говоритъ: Naszokin ex antiquissima in Curlandia nostra von Saken familia oriundus (De reb. Mosc. p. 155). Происходя самъ изъ Курляндіи, Рейтенфельсъ могъ очень хорошо знать роды своихъ соотчичей; названія *Нащокинъ* и *Сакенъ* имѣютъ нѣкоторое сходство; мѣстопребыванія предковъ его во Псковѣ, имѣвшемъ торговыя сношенія съ Ливоніею и Ганзою, также скорѣе ведетъ къ той мысли, что они переселились туда изъ

Курляндіи, нежели изъ Италіи. Впрочемъ, это — замѣчаніе, не болѣе. Дипломатическая извѣстность Нащокина начинается со времени отправленія его на Шведскій рубежъ въ 1642 году, для принятія по Столбовскому договору земель, захваченныхъ Шведами. Съ этой поры Авторъ слѣдуетъ за нашимъ дипломатомъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и съ подробностію изображаетъ наши сношенія при Алексіи Михаиловичѣ съ иностранными Державами. Принимая участіе во всѣхъ переговорахъ, Нащокинъ показалъ себя, по сознанію иностранцевъ, однимъ изъ умнѣйшихъ Министровъ Европы. Съ умомъ геніальнымъ, онъ перехитрялъ Шведовъ въ переговорахъ, умѣлъ выиграть время обѣщаніемъ, и вмѣсто дипломатическаго отвѣта, двинуть грозную дружину въ битву. Его усердію и искусству мы обязаны славнымъ Андруссовскимъ миромъ.

Въ дипломатическій вѣнокъ Нащокина вплетается и лавръ, пожатый мечемъ въ браняхъ на поляхъ Ливонскихъ, и пальмовая вѣтвь государственнаго человѣка, впервые обратившаго взоръ на торговлю съ Индіею и Китаемъ. По его распоряженіямъ устроена первая корабельная верфь (прежде въ Нижнемъ Новѣгородѣ, а послѣ въ Дѣдновѣ), и выстроенъ первый корабль — прапращуръ Россійскаго побѣдоноснаго флота. Высокія доблести Нащокина были достойно оцѣнены Царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ, пожаловавшимъ ему новыя титла и богатыя волости *за службу и радѣніе*. Казалось, ему оставалось только наслаждаться: осыпанный милостями Царя, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, богатый сладостными воспоминаніями о своихъ заслугахъ Отечеству, чего могъ онъ желать? Того, чего желаютъ не многіе. Нащокинъ бросилъ пышность свѣта, политическое свое величіе сокрылъ въ тихой монастырской кельѣ подъ убогою рясою Инока, и всѣ громкія названія замѣнилъ простымъ именемъ отшель-

ника Антонія. Но сродняясь съ отечествомъ небеснымъ, онъ не забылъ земнаго: по зову Царя Θеодора Алексіевича, онъ еще разъ явился въ одеждѣ гражданина для переговоровъ съ Послами Короля Польскаго, и, по окончаніи ихъ, посольскій кафтанъ замѣнилъ иноческою рясою, и поспѣшилъ въ свою обитель, чтобы почить отъ земныхъ трудовъ. Біографія довольно полная и написанная съ чувствомъ участія въ дѣлахъ дипломата, жившаго для славы нашего Отечества.

Достойнымъ преемникомъ Нащокина и его титла былъ *Ближній Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Судьба дала ему насладиться величіемъ, всеобщимъ уваженіемъ, и наконецъ отяготѣла надъ нимъ. Отличавшись въ самой нѣжной юности необыкновенными дарованіями, онъ, имѣя только 17 лѣтъ отъ роду, былъ Стряпчимъ при Царевичѣ Алексіи Михаиловичѣ, а на 28 году уже со славою явился на поприщѣ дипломатіи, принималъ большое участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Державѣ Всероссійской, и попеременно дѣйствовалъ то въ переговорахъ, то съ мечемъ въ рукахъ на полѣ брани, вездѣ съ успѣхимъ, со славою. Особенно сильно бьется за Матвѣева сердце, когда онъ, еще юный, спасая пушки, по снятіи осады Львова, съ горстію людей, гибнувшихъ отъ голода и стужи, самъ впрягается подъ пушки, для ободренія унывшихъ своихъ ратныхъ товарищей, и когда, послѣ несчастной битвы подъ Конотопомъ, бросается въ толпу мятежниковъ, для спасенія схваченнаго ими ихъ же Воеводы Князя Трубецкаго. Будучи Стрѣлецкимъ головою и управляя разными Приказами, Матвѣевъ является во всемъ блескѣ добродѣтельнаго мужа. Ничего не можетъ быть возвышеннѣе благородной борьбы его съ признательностію народа, принесшаго камни съ гробовъ отцевъ и дѣдовъ своихъ для построенія его дома. Ничего подобнаго мы не находимъ нигдѣ. Въ сношеніяхъ съ

Послами Шведскими, Польскими, Цесарскими и Бранденбургскимъ, Матвѣевъ обнаружилъ сильный и гибкій умъ. Веденные имъ переговоры Авторъ описалъ подробно; но въ изложеніи обстоятельствъ Цесарскаго Посольства нѣсколько уклонился отъ истины, а именно: 1) пріѣздъ Боттонія и Терлингера въ Москву онъ полагаетъ въ 1674 году, вмѣсто 1675 года; 2) на страницѣ 90 сказано: «отъѣздъ Пословъ желали ускорить, тѣмъ болѣе, когда неожиданно пріѣхалъ другой Чрезвычайный Посолъ Іоах. Скультетъ, прибытіе котораго Русскіе хотѣли скрыть.» Лизекъ, Секретарь Посольства, говоритъ, что Пословъ Цесарскихъ хотѣли поскорѣе выпроводить, чтобы очистить домъ, не для Шультета, а для Посла Голландскаго, бывшаго еще въ дорогѣ, о которомъ Г. Терещенко не упомянулъ; Бранденбургскій же Посолъ Шультетъ прибылъ въ Москву прежде Цесарскихъ Пословъ, и долженъ былъ выѣхать въ тотъ день, когда имъ дана была первая аудіенція, но отъѣздъ его отсроченъ по просьбѣ Боттонія и Терлингера. Пріѣздъ Голландскаго Посла, котораго Авторъ смѣшалъ съ Бранденбургскимъ, Русскіе не скрывали, а только распустили слухъ, будто предметъ его Посольства составляютъ дѣла собственно торговыя, для того, чтобы Послы Цесарскіе не замедлили отъѣздомъ, подъ предлогомъ необходимыхъ съ нимъ совѣщаній; 3) на страницѣ 91 сказано: «Матвѣевъ настоялъ, чтобы впредь во всѣхъ Цесарскихъ грамотахъ, Царь нашъ называемъ былъ не *Пресвѣтлѣйшимъ*, а *Царскимъ Величествомъ*.» Матвѣевъ объ этомъ настаивалъ, но настоять не успѣлъ, а только Послы обязались ходатайствовать у Императора Леопольда, о чемъ и сдѣланъ актъ, напечатанный въ І-мъ томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи (ст. 610) подъ заглавіемъ: *Запись, учиненная въ Москвѣ между Россійскимъ и Цесарскимъ Дворами. О врученіи*

Посламъ грамотъ изъ рукъ самихъ Государей; о титулованіи Россійскаго Государя Величество, и объ исходатайствованіи на все сіе имъ Посламъ отъ Цесаря рѣшительнаго положенія.

Рядъ полезныхъ дѣйствій Матвѣева заключается сношеніями съ Китаемъ. По смерти Царя Алексія Михаиловича, враги успѣли заточить Матвѣева въ Пустоозерскъ. Шесть лѣтъ провелъ добродѣтельный страдалецъ въ изгнаніи, напоминая о себѣ стенаніями растерзанной души. Возвращенный изъ заточенія, Матвѣевъ не засталъ уже въ живыхъ Царя Ѳеодора Алексіевича, а враги приготовили ему смерть въ Стрѣлецкомъ бунтѣ.

Ближній Бояринъ и Начальникъ Государственнаго Приказа Посольской печати, Василій Семеновичь Волынскій не наслѣдовалъ ни одного изъ высокихъ достоинствъ своихъ предшественниковъ. Жизнь его осмотрѣна бѣгло; впрочемъ не много потери, что не полна Біографія Сановника, который *управленіе политическихъ дѣлъ остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣ играть* (I, 127).

Въ *Ближнемъ Бояринѣ, Царственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегателѣ, Князѣ Василіи Васильевичѣ Голицынѣ* опять является человѣкъ съ большими талантами. Въ войнѣ Украинской (при возмущеніяхъ Дорошенки) слава озарила юное чело Голицына, и поданная имъ Царю Ѳеодору Алексіевичу мысль объ уничтоженіи мѣстничества поставила его въ ряду немногихъ мужей съ благороднымъ самоотверженіемъ. Подробное изображеніе уничтоженія разрядовъ принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ сочиненія Г-на Терещенки. Жизнь Голицына помрачается съ той поры, когда онъ, сдѣлавшись временщикомъ во время вліянія Царевны Софіи на политическія дѣла, устремилъ къ Престолу свои честолюбивые планы. Корыстолюбіе въ сношеніяхъ со Шве-

ціею кладетъ новое пятно на его память. Въ надеждѣ на военные успѣхи, Голицынъ опять является на полѣ брани, но ко вреду Россіи и къ собственной погибели: въ двухъ походахъ противъ Татаръ, губитъ у Перекопи многочисленную рать, а отъ Царевны Софіи получаетъ милостивое слово, *за славныя, никогда не слыханныя во всемъ свѣтѣ побѣды;* наконецъ, съ удаленіемъ Царевны, *сраженъ политическою смертію,* и судьба указала ему для долговременнаго страданія пустынную Пинегу. Въ описаніи жизни Голицына, исполненной сильныхъ и живыхъ ощущеній, Авторъ удачно воспользовался источниками, особенно сказаніями иностранцевъ, много писавшихъ объ этой эпохѣ.

Посольской Канцеляріи Начальный Президентъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ началъ свои заслуги совѣтомъ Петру укрыться въ Троицкомъ монастырѣ, во время перваго Стрѣлецкаго мятежа. Это рѣшило судьбу нашего Отечества Пріобщенный послѣ Петромъ къ исполинскому плану преобразованія Россіи, Головинъ вполнѣ оправдалъ выборъ, заслужилъ имя *друга* Петрова, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ величайшаго изъ Вѣнценосцевъ подъ именемъ Бомбардирнаго Капитана Михайлова, и возложилъ на него орденъ Св. Андрея, за побѣду надъ Шведами. Выписки изъ дружескихъ писемъ Петра имѣютъ чрезвычайную занимательность.

Въ немногихъ строкахъ объ успѣхахъ Карла XII подъ Нарвою есть какая-то недомолвка. Авторъ говоритъ: «Государь *отозвалъ* Головина изъ лагеря (онъ хотѣлъ сказать: Государь отправился изъ лагеря вмѣстѣ съ Головинымъ) . . . . и главное начальство надъ войсками поручилъ Герцогу де-Кроа. . . Карлъ XII, *не давъ новому предводителю войскъ нашихъ перемѣнить положеніе ихъ*, началъ сраженіе; оно кончилось весьма несчастливо.» — И такъ насъ разгромили отъ того, что де-Кроа не распорядился по своему, что

Головинъ худо расположилъ войска? Совсѣмъ нѣтъ; до сихъ поръ мы знаемъ совершенно другія причины этого несчастнаго происшествія. Если Авторъ образовалъ себѣ новый взглядъ, то ему слѣдовало выразиться яснѣе.

Часть II. *Канцлеры.*

Въ Канцлерское достоинство первый возведенъ *Графъ Гавріилъ Ивановичь Головкинъ*, послѣ Полтавской побѣды. Въ его біографіи описаны любопытныя событія, но во многихъ изъ нихъ прямо къ Головкину относится одна только строка. Отъ этого характеръ его обрисованъ слабо и остается въ тѣни.

Князь *Алексѣй Михайловичь Черкасскій*, имѣвшій большую нужду въ *мѣшечкѣ смѣлости*, но рожденный подъ вліяніемъ какой-то счастливой звѣзды, всегда былъ въ чести не по заслугамъ. Авторъ называетъ его честнымъ, скромнымъ и несмѣлымъ, а кажется, еще слѣдовало бы присмотрѣться въ немъ къ осторожному честолюбцу, дѣйствующему только въ такомъ случаѣ, когда за успѣхъ ручаются вѣрныя средства, и къ слабому угоднику временщика. Онъ является таковымъ, когда предаетъ лютости Бирона Дворянъ, объявившихъ ему свое желаніе сдѣлать Правительницею Анну Леопольдовну.

Жизнь *Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина* показываетъ въ немъ человѣка съ умомъ великимъ, но пожираемаго честолюбіемъ необыкновеннымъ. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Елисаветы онъ до того увлекся своими планами, что думалъ располагать Престоломъ. Заточенный въ свою деревню Горетово, онъ билъ тамъ медали для увѣковѣченія своей памяти. Тутъ есть высокій характеръ честолюбца, но не весь Бестужевъ. Участіе его въ дѣлахъ Бирона

означено двумя, тремя легкими чертами; а это характеристическая эпоха въ жизни Бестужева, который *могъ говорить о Биронѣ одно хорошее*, и умѣлъ оправдаться послѣ его паденія.

Графъ Михаилъ Илларіоновичь Воронцовъ, добрый и осторожный человѣкъ, могъ быть изображенъ, какъ государственный мужъ, въ большемъ свѣтѣ, если бы Авторъ обратился къ обстоятельствамъ договоровъ, заключенныхъ имъ съ иностранными Державами.

На біографіи *Никиты Ивановича Панина* отдыхаетъ читатель. Здѣсь Авторъ принимаетъ всѣ достоинства біографа, съ какими мы видѣли его въ жизнеописаніяхъ Нащокина, Матвѣева и другихъ. Особенно мы благодарны ему за слѣдующія строки: «Гр. Панинъ умеръ на 65 году своего возраста. Въ минуту, въ которую оставилъ онъ свѣтъ, Наслѣдникъ Престола (Павелъ Петровичь) упалъ предъ нимъ на колѣна, и цѣловалъ его руку, обливалъ ее слезами.» Подобныя черты не должны быть забываемы. По нимъ Исторія судитъ о сердечныхъ достоинствахъ Вѣнценосцевъ.

Въ *Графѣ Иванѣ Андреевичѣ Остерманѣ*, *Князѣ Александрѣ Андреевичѣ Безбородко* и *Графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ* изображены государственные мужи, способствовавшіе славѣ и благоденствію Россіи.

Въ біографіи *Графа Ѳеодора Васильевича Растопчина* мы думали прочитать подробно о пожарѣ Москвы въ 1812 г. Разность мнѣній объ этомъ предметѣ доказываетъ, что вопросъ еще не рѣшенъ. Молва съ нѣкотораго времени говоритъ, что Растопчинъ зажегъ пламенникъ пожара для истребленія враговъ отечества; а Растопчинъ въ *Правдѣ о пожарѣ Москвы* не признаетъ сего. Авторъ удовольствовался этимъ, и не разсмотрѣвъ событія великаго, съ которымъ неразлучно перейдетъ къ потомству имя Растопчина. Впрочемъ Г. Терещенко оказалъ величайшую услугу Исторіи,

напечатавъ два письма Растопчина къ Багратіону, гдѣ пламенный патріотъ открываетъ всю свою душу другу-воину, котораго называли въ то время *богомъ рати*. Въ послѣднемъ изъ нихъ вотъ что сказано: «Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ притти въ Москву. Когда бы случилось, что вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться; а народъ здѣшній, изъ любви къ Отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ. И если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была Столица. О семъ недурно и ему дать знать, чтобъ онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ уголь и золу.» По этимъ строкамъ нужно оцѣнить нашего Растопчина. Онъ не беретъ на себя распоряжаться чужимъ достояніемъ, а только выражаетъ состояніе духа народа, который, по его словамъ, умретъ подъ стѣнами Москвы, и если не отстоитъ города, то обратитъ его въ пепелъ. Но умирать у стѣнъ Москвы, по глубоко обдуманному плану, оказалось не нужнымъ: ее отдали Наполеону безъ бою, какъ покойнику даютъ могилу, не требуя отъ него ничего; значитъ — не было нужды и обращать Москву въ пепелище. Кто же сжегъ ее? Обратимся къ обстоятельствамъ событія.

Нужно ли было Наполеону щадить нашу Столицу? Безъ сомнѣнія. Пріунывшимъ своимъ полчищамъ онъ обѣщалъ золотыя горы въ Москвѣ; и, привыкши предписывать договоры въ побѣжденныхъ столицахъ, никакъ немогъ предполагать, что, сдѣлавшись обладателемъ Русской Столицы, попалъ только въ западню. Располагаясь ли зимовать въ нашей Бѣлокаменной, (что весьма вѣроятно, если бы Русскіе согласились на миръ),

ожидая ли перемѣны обстоятельствъ, или желая занять вниманіе Парижанъ, онъ выписывалъ изъ Парижа труппу лучшихъ актеровъ. Изъ всего этого очевидно, что ему нужно было беречь Москву. Въ подтвержденіе припомнимъ, что приказаніе подорвать Кремль дано не прежде, какъ поѣздка Лористона въ Русскій лагерь объяснила, что въ Москвѣ будетъ и холодно и голодно (дурной успѣхъ этой дикой операціи показываетъ, что она сдѣлана въ торопяхъ). Однакожъ, можно ли вѣрить, чтобы сто тридцать тысячь разноплеменныхъ полчищъ свято хранили повелѣнія своего предводителя? Кто не знаетъ небрежности, съ какою распоряжаются побѣдители, особенно Французы, всегда любившіе расположиться à son aise, гдѣ только можно. Солдаты ходили ночью по домамъ со свѣчными огарками, и раскладывали огни по срединѣ дворовъ, чтобы грѣться. Само собою разумѣется, что тутъ не было большой осторожности: а дневной приказъ, давшій право каждому полку, расположенному на биваkахъ близъ города, посылать извѣстное число солдатъ для разграбленія домовъ *уже сожженныхъ*, былъ, такъ сказать, приглашеніемъ умножить число ихъ. Каждый понималъ, что чѣмъ больше будетъ сожженныхъ домовъ, тѣмъ больше добычи (Правд. о пож. Моск. стр. 24). И такъ неоспоримо, что Москва пожаромъ своимъ обязана отчасти Французамъ.

Жгли ль ее Русскіе? Безъ сомнѣнія. Слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, многіе зажигали свои домы (Растопчинъ видѣлся со многими изъ этихъ благородныхъ самоотверженцевъ, во время пребыванія его въ лагерѣ Кутузова): когда Французскіе Генералы и Офицеры выбрали себѣ экипажи въ каретныхъ лавкахъ, составлявшихъ цѣлую улицу, то хозяева, по общему согласію, зажгли всѣ лавки вдругъ; племянникъ одного купца, оставававшійся для присмотра за домомъ, ввелъ

17 Французовъ въ погребъ съ виномъ, и когда незваные гости подгуляли, онъ заперъ погребъ и зажегъ домъ. По возвращеніи Полиціи въ Москву, онъ объявилъ объ этомъ и указалъ тѣла.

Желалъ ли Растопчинъ поубавить блеску въ Наполеоновой звѣздѣ, закоптивъ ее Русскимъ дымомъ? Ни малѣйшаго сомнѣнія. Но онъ не Москву жегъ, а по закону войны истреблялъ то, что могло быть полезно непріятелю. Онъ хотѣлъ, чтобъ Наполеону не достались «милліоны и магазейны хлѣба»; милліоны были вывезены, оставалось уничтожить магазины съ хлѣбомъ и другіе запасы — много ли, мало ли ихъ было. Опровергая 21 бюллетень, Растопчинъ самъ говоритъ о пороховомъ магазинѣ, что «онъ сожженъ не по такой неосторожности, по какой сожженъ слишкомъ рано мостъ въ Лейпцигѣ» (Прав. стр. 55). Это нѣсколько темно, однакожъ для Русскаго понятно. — Домомъ своимъ Растопчинъ распорядился какъ патріотъ: онъ запылалъ въ 3 часу утра, а самъ Растопчинъ оставилъ Москву не прежде, какъ авангардъ Французовъ вступилъ въ городъ, т. е. не ранѣе 5 часовъ по полудни. — Замокъ свой въ Вороновѣ онъ также зажегъ своею рукою, и объявилъ о томъ Французамъ въ подписи, прибитой къ церковнымъ дверямъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся Москва вошла въ планъ его истребленія, потому что, какъ говоритъ онъ весьма основательно, невозможно было предполагать, чтобы пожаръ могъ распространиться по всѣмъ частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра (уже на третій день пожара), огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, пустыхъ мѣстъ и булеваровъ» (Правд. стр. 10).

И такъ, по самому безпристрастному соображенію, въ пожарѣ Москвы участвовали всѣ: Французы, жители и Растопчинъ. И вотъ почему послѣдній могъ

безъ зазрѣнія совѣсти говорить, что не онъ сжегъ Москву. Долгъ справедливости требуетъ не отнимать у него славы патріота и благоразумнаго начальника; но несправедливо и приписывать ему одному то, въ чемъ участвовали и другіе.

Въ біографіи *Графа Николая Петровича Румянцева*, онъ изображенъ такимъ, какимъ мы привыкли его понимать: доблестный государственный мужъ и покровитель Наукъ. Отечественная Исторія никогда не забудетъ въ немъ своего Мецената. Исчисленіе изданныхъ имъ книгъ показываетъ и обширность его предпріятій, и важность пожертвованій; а указаніе сочиненій, которыя онъ хотѣлъ издать, есть драгоцѣнный списокъ нашего историческаго сокровища. Эти страницы могутъ служить указателемъ источниковъ для желающихъ изучать Отечественную Исторію, и за нихъ многіе будутъ благодарны Г-ну Терещенкѣ.

Біографія *Князя Виктора Павловича Кочубея* слишкомъ кратка.

Часть III. *Вице-Канцлеры.*

Званіе Вице-Канцлера первый получилъ *Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ*. Дивныя судьбы совершились надъ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Изъ сидѣльца Панскаго ряду въ Москвѣ, Шафировъ скоро прошелъ нѣсколько неважныхъ должностей, и явился достойнымъ сотрудникомъ великаго Преобразователя Россіи. Назначенный главою Посольства къ Визирю Балтаджи, окружившему Русское войско при Прутѣ, онъ умѣлъ дать силу своимъ переговорамъ, когда Визирь могъ отвѣчать громомъ четырехъ сотъ пушекъ, и Русскіе выступили изъ шанцевъ, гдѣ за нѣсколько часовъ Петръ Великій писалъ Сенату: «Извѣщаю вамъ, что

я.... въ четырекратъ сильнѣйшею Турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помощи ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ Турецкій плѣнъ.» Оставленный заложникомъ, Шафировъ, въ борьбѣ съ Карломъ XII, въ продолженіе двухъ томительныхъ лѣтъ то пользовался благосклонностію Дивана, то страдалъ въ Семибашенномъ замкѣ. Наконецъ, побѣдивъ всѣ препятствія, заключилъ миръ. Но счастіе не долго улыбалось Шафирову. Фортуна повернула свое роковое колесо, и онъ очутился на эшафотѣ; только милость Петра перемѣнила смерть на заточеніе. Въ царствованіе Екатерины I, онъ съ торжествомъ былъ призванъ на политическое поприще: препоясался золотою шпагою Петра Великаго, изъ рукъ самой Императрицы получилъ бокалъ Венгерскаго вина, и отъ Великихъ Княженъ принималъ поздравленіе и желаніе новаго счастія. Какія разительныя крайности!

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ прошелъ также чудный путь. Студентъ, сынъ Бокумскаго Пастора, бѣжавшій послѣ дуэли въ Амстердамъ, мѣшалъ своимъ шумомъ заниматься Петру Великому. Петръ захотѣлъ видѣть его, и узнавъ, полюбилъ въ немъ рѣшительный характеръ и тонкій умъ. Остерманъ былъ приглашенъ въ нашу службу, и скоро раскрылъ свои великія способности. При пяти Правительствахъ, онъ былъ всѣмъ нуженъ. Когда Остерманъ не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, грозившихъ опасностію, то умѣлъ страдать желтухою, подагрою, хирагрою, коликою; когдажь проходила опасность, здоровье возвращалось къ нему мгновенно. Во всю свою жизнь, онъ сдѣлалъ только одну политическую ошибку — удаливъ отъ Престола родъ Петра Великаго, въ лицѣ Елисаветы. Промыслъ призвалъ ее на Отеческій Пре-

столъ, и Остерманъ палъ жертвою своей неблагодарности къ благодѣтелю-Монарху; но въ самомъ паденіи сохранилъ свой стоическій характеръ.

Жизнеописанія *Графа Михаила Гавриловича Головкина, Князя Александра Михайловича Голицына, Графа Никиты Петровича Панина, Степана Алексѣевича Колычева* и *Князя Александра Борисовича Куракина* очень кратки и бѣдны обстоятельствами, по которымъ можно бы оцѣнить ихъ характеры и ихъ дипломатическое значеніе.

Въ біографіи *Графа Карла Васильевича Нессельроде* пространно изложены наши договоры съ 1813 г., когда Александръ Благословенный начиналъ великое дѣло освобожденія Европы, по 1829 годъ, наполнившій Европу славою нашихъ побѣдъ надъ Оттоманскою Портою.

Теперь обратимся къ цѣлому. Г. Терещенко, предпринявъ написать «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», избралъ для себя поприще новое. Мы не имѣли біографій нашихъ дипломатовъ; знали ихъ дѣйствія въ общей связи событій, мало были знакомы съ частною ихъ жизнію, и если хотѣли представить себѣ полную картину ихъ дѣйствій, должны были перелистывать историческія книги, собирая въ нихъ черту по чертѣ. Авторъ взялъ на себя этотъ тяжкій трудъ; воспользовавшись Отечественными источниками для нашей Исторіи и сказаніями иностранцевъ — книгами очень рѣдкими и не для всѣхъ доступными, онъ открылъ много новаго, любопытнаго; а добросовѣстно указавъ источники, которыми пользовался, оказалъ тѣмъ важную услугу для будущихъ Біографовъ.

Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина мы можемъ изучать событія, всматриваться въ характеры, только до 1611 года. Обстоятельнаго изложенія происшествій дальнѣйшихъ мы не имѣемъ. Посему,

желающій знать нашу Исторію съ 1611 года долженъ рыться въ частныхъ и неполныхъ сказаніяхъ и актахъ объ отдѣльныхъ эпохахъ и лицахъ. Г. Терещенко отчасти старался пополнить этотъ недостатокъ.

Въ частности, Біографіи Г. Терещенки написаны не съ одинакимъ успѣхомъ. Есть характеры недорисованные, эпохи не вполнѣ обозрѣнныя.

Мы жалѣемъ, что Авторъ мало заботился о правильности слога, и что дозволилъ себѣ употреблять какое-то особенное правописаніе. Выбрасывая, безъ всякой нужды, двойныя буквы, Авторъ нашу *Россію* сократилъ въ *Росію*; *Русскій* въ *Рускій*; вообще же онъ не терпитъ прописныхъ буквъ, такъ что оставляетъ ихъ только въ началѣ собственныхъ именъ лицъ и городовъ; напротивъ того всѣ существительныя имена народовъ, морей, рѣкъ и пр. начинаетъ малыми буквами. Нѣтъ сомнѣнія, что можно и всѣ безъ изъятія слова начинать сими буквами; это всего короче и легче; но прописныя придуманы также не безъ причины. Служа къ отличенію предметовъ, требующихъ всегда особаго вниманія, они даже способствуютъ и къ пріискиванію на страницахъ того, что уже было читано.

И. Т. Боричевскій.

9.

ЖУРНАЛИСТИКА.

О ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ РОССІИ НА 1838 ГОДЪ.

Сообразно съ требованіями современнаго просвѣщенія и вкуса, нѣкоторыя изъ прежнихъ періодическихъ изданій съ нынѣшнимъ годомъ явились въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Одни изъ нихъ перемѣнили наружную форму, другія пополнились и обновились въ содержаніи. Новыхъ изданій въ семъ году появилось въ Россіи два на Русскомъ языкѣ, и одно на Нѣмецкомъ.

I. *Перемѣнили наружную форму и обновились въ содержаніи.* а) Сѣверная Пчела, выходя по прежнему листами, ежедневно, кромѣ Воскресныхъ и Праздничныхъ дней, явилась въ форматѣ извѣстной Нѣмецкой газеты: Preussische Staats-Zeitung. б) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ, вмѣсто небольшихъ книжекъ, выходитъ большими, въ форматѣ Библіотеки для Чтенія, и каждая книжка заключаетъ въ себѣ до 20 и болѣе печатныхъ листовъ. Онъ дѣлится теперь на пять слѣдующихъ разрядовъ: 1) Изящную Словесность Русскую — Стихотворенія и Прозу; 2) Словесность иностранную; 3) Критику; 4) Науки и Искусства; 5) Политику. Какъ Сѣверная Пчела, такъ и Сынъ Отечества съ Сѣвернымъ Архивомъ, издаются нынѣ иждиве-

ніемъ извѣстнаго книгопродавца Смирдина. c) Дѣтскій Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, книжками въ 150 — 200 страницъ, и украшается виньетками, нотами и рисунками; въ содержаніи же его статей замѣтно также улучшеніе. d) Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду превратились изъ листа въ большую четвертку. Вмѣсто прежнихъ 10 страницъ, каждый нумеръ состоитъ изъ 20, напечатанныхъ некрупнымъ четкимъ шрифтомъ; приданъ большій объемъ статьямъ по части Критики и Русской Біографіи, введено отдѣленіе иностранной библіографіи и увеличилось число статей о Театрѣ и Искусствахъ вообще.

II. *Обновились въ содержаніи безъ перемѣны формата.* a) Художественная газета украсилась большимъ числомъ гравюръ и пополнилась тѣми отраслями Художествъ, которыя являлись изрѣдка въ прежнемъ изданіи; вмѣсто 24 печатныхъ листовъ обѣщано въ продолженіе года 48; вмѣсто 5 или 6 очерковъ—100 рисунковъ, отлично гравированныхъ во Франціи и Германіи. Къ сей газетѣ присоединяются еще Прибавленія, объемомъ въ листъ, которыя, не отдѣляясь отъ состава газеты, содержатъ въ себѣ пояснительные тексты къ гравюрамъ. Эта Художественная галлерея должна заключать въ себѣ болѣе ста описаній, почерпнутыхъ изъ лучшихъ книгъ сего рода и пополненныхъ изъ всевозможныхъ источниковъ по части Исторіи Изящныхъ Искусствъ. Въ составъ Прибавленій войдутъ: 1) по Архитектурѣ — гравированныя изображенія и описаніе важнѣйшихъ произведеній Зодчества, ихъ Исторія, размѣры; 2) по Скульптурѣ — гравированыя изображенія и описанія статуй, барельефовъ и вообще памятниковъ какъ древняго, такъ и новаго Ваянія, съ Исторіею его; 3) по Живописи — гравированныя изображенія сей отрасли по всѣмъ школамъ, съ краткимъ

изложеніемъ Исторіи каждой школы; 4) по Музыкѣ — краткія извѣстія о появленіи въ музыкальномъ Европейскомъ мірѣ важнѣйшихъ произведеній, преимущественно Русскихъ; 5) декоративная и музыкально-театральная части, и 6) Біографія знаменитыхъ и вообще всякаго рода Художниковъ. b) Въ составъ журнала: Другъ Здравія прежде входили по всѣмъ Медицинскимъ Наукамъ статьи Отечественныхъ Врачей и предметы изъ современныхъ Медицинскихъ Отечественныхъ и иностранныхъ изданій, и сверхъ того Медико-статистическія свѣдѣнія; но съ наступившимъ годомъ Издатель ограничиваетъ журналъ свой тѣми только статьями, которыя относятся до Врачебныхъ Наукъ, а Медико-статистическія свѣдѣнія будутъ издаваемы въ видѣ прибавленій въ большемъ объемѣ и систематическомъ порядкѣ. Въ нихъ будетъ сообщаемо: 1) о распоряженіяхъ по Медицинскому Управленію, 2) о распоряженіяхъ Медицинскаго Правительства, 3) о Медицинской Герольдіи, 4) о Медицинскихъ Заведеніяхъ для образованія Врачей въ Россіи, 5) о Лечебныхъ и Фармацевтическихъ Заведеніяхъ, 6) о Медицинскихъ Обществахъ, 7) о книгахъ, выходящихъ въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ, и 8) разныя извѣстія по медицинской части.

III. *Новыя изданія.*

a) Россійское Общество Любителей Садоводства издаетъ съ нынѣшняго года Журналъ Садоводства. Онъ состоитъ изъ пяти отдѣленій. Первое заключаетъ въ себѣ Фитологію и статьи, относящіяся къ Органографіи, Физіологіи, Методологіи, Фитографіи и Географіи растеній; второе — Теорію и Практику Садоводства; третіе — Прикладныя Науки: свѣдѣнія изъ Зоологіи, Минералогіи, Геогнозіи, Химіи и Технологіи, касающіяся Садоводства; четвертое — смѣсь, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ, наблюденіяхъ, опытахъ,

извѣстія коммерческія и статистическія, библіографическія, критическія и другія; пятое — лѣтописи Общества. Годичное изданіе журнала будетъ въ шести книжкахъ, изъ коихъ каждая составитъ 8 печатныхъ листовъ, съ двумя литографированными изображеніями растеній, орудій, садовыхъ строеній и проч., и будетъ выходить чрезъ два мѣсяца. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 20 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 25 р. асс.

б) Издатель Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній Г. Башуцкій вмѣстѣ съ нимъ издаетъ еще особые Листки Ремеслъ, промысловъ и фабрикъ. Въ теченіе года выйдутъ 52 листа in-4°, по временамъ будутъ прилагаемы чертежи. Цѣна съ доставкою 20 руб. асс.

в) Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета и Директоръ Земледѣльческой Школы, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Михаилъ Павловъ, для распространенія вѣрныхъ и сообразныхъ съ современнымъ состояніемъ Науки свѣдѣній, предпринялъ изданіе, подъ названіемъ: Русскій Земледѣлецъ или Журналъ современнаго Сельскаго Хозяйства. Въ составъ его, согласно съ предположенною цѣлію, входятъ слѣдующіе предметы: 1) Агрономія — современныя свѣдѣнія, основанныя на опытахъ и наблюденіяхъ извѣстнѣйшихъ Агрономовъ по всѣмъ отраслямъ Хозяйства; 2) агрономическіе вопросы или изслѣдованіе и рѣшеніе спорныхъ пунктовъ по части Агрономіи; 3) Сельская Технологія — свѣдѣнія по технологической части при настоящемъ развитіи сельской промышлености; 4) вспомогательныя свѣдѣнія изъ Естественныхъ Наукъ — физическія, химическія, фитологическія, зоологическія и метеорологическія, имѣющія ближайшее отношеніе къ Сельскому Хозяйству, Технологіи и вообще къ сельскому быту;

5) Библіографія и Критика; 6) агрономическая переписка, и 7) смѣсь—краткія замѣчанія и извѣстія о новыхъ открытіяхъ, улучшеніяхъ и о всѣхъ современныхъ событіяхъ въ агрономическомъ мірѣ. Годовое изданіе сего журнала будетъ состоять изъ 12 книжекъ, по одной въ мѣсяцъ, каждая въ шесть печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 22 рубли, а съ пересылкою въ другіе города 25 асс.

г) Въ Дерптѣ предположено къ изданію Ординарнымъ Профессоромъ Ульманомъ повременное сочиненіе подъ заглавіемъ: Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.

Не льзя вообще не порадоваться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ. Было время, когда литературная дѣятельность сосредоточивалась въ однѣхъ Столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, но съ благодѣтельнымъ учрежденіемъ Университетовъ, Академій и другихъ Учебныхъ Заведеній плоды успѣховъ въ Наукахъ, Словесности и гражданскомъ образованіи являются вдругъ въ разныхъ концахъ Россіи. Не говоримъ уже о книгахъ: одни журналы и газеты, сообразно съ потребностями многочисленныхъ классовъ народа, издаются, кромѣ Русскаго, на языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Польскомъ и Латышскомъ. Всякій любитель чтенія можетъ почерпать изъ нихъ свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ замѣчательныхъ событіяхъ внутри и внѣ Отечества, о ходѣ Наукъ, Искусствъ и Литературы. Въ настоящее время періодическихъ изданій въ различныхъ областяхъ Имперіи и на разныхъ языкахъ болѣе ста. Они выходятъ въ свѣтъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Дерптѣ, Ярославлѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Архангельскѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Житомірѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Гроднѣ, Екатеринославлѣ, Калугѣ, Костромѣ, Минскѣ, Митавѣ, Новѣгородѣ, Нижнемъ-Новѣгородѣ, Орлѣ, Петрозаводскѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Псковѣ,

Ригѣ, Ревелѣ, Рязани, Симбирскѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Либавѣ, Перновѣ, Кронштадтѣ.

Журналы и газеты, выходящіе въ Россіи въ 1838 году.

на русскомъ языкѣ.

Въ С. Петербургѣ.

1) Сенатскія Вѣдомости съ Прибавленіями.
2) Сенатскія Объявленія.
3) Сенатскія Объявленія о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ.
4) С. Петербургскія Академическія Вѣдомости съ Прибавленіями.
5) Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.
6) Христіанское Чтеніе.
7) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
8) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
9) Горный Журналъ.
10) Журналъ Мануфактуръ и Торговли.
11) Военный Журналъ.
12) Инженерныя Записки.
13) Военно-Медицинскій Журналъ.
14) Журналъ Путей Сообщенія.
15) Коммерческая Газета.
16) Земледѣльческая Газета.
17) Современникъ.
18) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ.
19) Библіотека для Чтенія.
20) Сѣверная Пчела съ Музыкальными Прибавленіями.

21) Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду.
22) Художественная Газета съ Прибавленіями.
23) Дѣтскій Журналъ.
24) Другъ Здравія, съ Медико-статистическими Прибавленіями.
25) Лѣсной Журналъ.
26) Журналъ Общеполезныхъ свѣдѣній, съ Прибавленіями.

Въ Москвѣ.

27) Сенатскія Объявленія.
28) Сводъ разрѣшеній и запрещеній на имѣнія.
29) Московскія Вѣдомости.
30) Московскій Наблюдатель.
31) Терапевтическій Журналъ.
32) Земледѣльческій Журналъ.
33) Русскій земледѣлецъ или Журналъ современнаго Сельскаго Хозяйства.
34) Журналъ Садоводства.
35) Журналъ для Овцеводовъ.

Въ Кіевѣ.

36) Воскресное Чтеніе.
37) Кіевскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Казани.

38) Ученыя Записки Казанскаго Университета.
39) Казанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Ярославлѣ.

40) Ярославскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Одессѣ.

41) Одесскій Вѣстникъ.
42) Листки, издаваемыя Обществомъ Сельскаго Хозяйства.

Въ Вильнѣ.

43) Литовскій Вѣстникъ.
44) Виленскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Архангельскѣ.

45) Архангельскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Витебскѣ.

46) Витебскія Губернскія Вѣдомости.

Во Владимірѣ.

47) Владимірскія Губернскія Вѣдомости

Въ Вологдѣ.

48) Вологодскія Губернскія Вѣдомости

Въ Житомірѣ.

49) Волынскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Вяткѣ.

50) Вятскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Воронежѣ.

51) Воронежскія Губернскія Вѣдомости

Въ Гроднѣ.

52) Гродненскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Екатеринославлѣ.

53) Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости

Въ Калугѣ.

54) Калужскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Костромѣ.

55) Костромскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Минскѣ.

56) Минскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Нижнемъ-городѣ.

57) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Новгородѣ.

58) Новгородскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Петрозаводскѣ.

59) Олонецкія Губернскія Вѣдомости.

Въ Оренбургѣ.

60) Оренбургскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Орлѣ.

61) Орловскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Каменцѣ-Подольскомъ.

62) Подольскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Псковѣ.

63) Псковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Рязани.

64) Рязанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Симбирскѣ.

65) Симбирскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Смоленскѣ.

66) Смоленскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Тулѣ.

67) Тульскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Харьковѣ.

68) Харьковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Тифлисѣ.

69) Закавказскій Вѣстникъ.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ.

Въ С. Петербургѣ.

70) Journal politique et littéraire de St.-Pétersbourg.

71) Bulletin scientifique, publié par l'Academie des Sciences de St.-Pétersbourg.

72) Journal des voies de communication.

73) Revue étrangère.
74) St. Petersburg Price-courant.

Въ Москвѣ.

75) Bulletin scientifique de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou.

Въ Одессѣ.

76) Journal d'Odessa.
77) Bulletin de la Société d'économie rurale.

НА НѢМЕЦКОМЪ.

Въ С. Петербургѣ.

78) St. Petersburgischer Zeitung.
79) St. Petersburgische Handels-Zeitung.
80) Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung.
81) Verzeichniss der vorzüglichsten in St. Petersburg eingeführten Waaren.

Въ Дерптѣ.

82) Evangelische Blätter.
83) Dorptsche Zeitung.
84) Jahrbücher der Landwirthschaft.
85) Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.

Въ Ригѣ.

86) Rigaische Zeitung.
87) Der Zuschauer.
88) Provincial-Blatt für Kur-Liv-und Ehst-land mit litterärischen Begleiter.
89) Rigaische Stadt-Blätter.
90) Rigaische Anzeigen.

Въ Митавѣ.

91) Mitauische Zeitung.

92) Allgemeines Kürländisches Amts und Intelligenz-Blatt.

Въ Либавѣ.

93) Libausches Wochen-Blatt.

Въ Перновѣ.

94) Pernausches Wochen-Blatt.

Въ Ревелѣ.

95) Revalsche wöchentliche Nachrichten.

Въ Кронштадтѣ.

96) Liste der importirten Waaren.
97) Schiff-Liste.

НА ПОЛЬСКОМЪ.

Въ С. Петербургѣ.

98) Tygodnik Petersburski.

Въ Вильнѣ.

Kuryer Litewski (то же, что и на Русскомъ).

НА ЛАТЫШСКОМЪ.

Въ Ригѣ.

99) Sinnar par notikkumeom ceksch Deeva Walstibas.
100) Tas Latweeschu ļauschu draugs.
101) Widsemmes Latweeschu Awises.

Въ Митавѣ.

102) Latweeschu awises.

3.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изслѣдованія о Пальмирѣ. — Мѣстоположеніе знаменитой столицы Зиновіи не было извѣстно Европейцамъ до 1691 года, когда путешественники, услышавъ отъ Арабовъ о величественныхъ развалинахъ въ пустынѣ, захотѣли ихъ видѣть и удовлетворить свое любопытство. Разсказы ихъ о Пальмирѣ болѣе полувѣка были почитаемы за басню, пока наконецъ Англичане Робертъ Вардъ и Кавалеръ Деркинсъ, обозрѣвъ развалины, издали свое путешествіе съ планомъ и описаніемъ великихъ памятниковъ, которые они видѣли: «должно признаться» — говоритъ одинъ знаменитый путешественникъ послѣдняго столѣтія — «древность ничего не оставила подобнаго ни въ Греціи, ни въ Италіи, чтобы могло равняться съ остатками Пальмиры.»

На Востокъ отъ Анти-Ливана, въ Дамасскомъ Пашалыкѣ, переѣхавъ отъ города Стомзы дикія степи и узкій проходъ между двумя цѣпями горъ, — тамъ, на краю равнины внезапно представляются взорамъ развалины Пальмиры, брошенные подобно острову среди песчанаго Океана. Зрѣніе теряется между безчисленнымъ множествомъ рядовъ колоннъ, изъ коихъ нѣкоторыя въ 70 футовъ вышины; по срединѣ развалинъ находятся остатки удивительнаго храма; издали глазъ только замѣчаетъ лѣсъ колоннъ, разбитыя гробницы, обломки капителей и другихъ украшеній, которыя разбросаны по землѣ: храмъ этотъ былъ посвященъ солн-

цу, божеству Пальмиры, и весьма замѣчательно, что входъ въ храмъ былъ съ западной, а не съ восточной стороны. Часть его фасада и перистиля еще твердо стоятъ, а весь храмъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ колоннъ, составляющимъ между собою обширное пространство; каждая сторона храма имѣла въ длину 680 футовъ. Памятники, оставшіеся въ Пальмирѣ, относятся къ разнымъ эпохамъ; но большая часть ихъ носитъ на себѣ печать трехъ вѣковъ, предшествовавшихъ нашей эрѣ; и хотя ни одного изъ нихъ не льзя отнести ко временамъ болѣе отдаленнымъ, но всѣ согласны въ томъ, что Пальмира носитъ на себѣ печать глубокой древности. Въ окрестностяхъ ея еще и теперь встрѣчаются обломки циклопическихъ построеній, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ Балбекѣ, которыя народное преданіе приписываетъ волшебникамъ и духамъ. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, требовалась сила свыше человѣческой, чтобы потрясти эти огромныя массы.

Не дѣлая никакого заключенія, намъ кажется вѣроятнымъ, *что Пальмира, по своему названію*, есть древняя *Тадмура*, построенная и укрѣпленная Соломономъ. Историкъ Іосифъ говоритъ: «Царь сей окружилъ этотъ городъ стѣною, для надежнаго обладанія имъ, и назвалъ его *Тадмура*, что значитъ *мѣсто пальмъ.*»

Тадмура, предпочитаемая всѣми своими сосѣдями, по причинѣ здоровой воды и важности въ торговомъ отношеніи, много терпѣла отъ безчисленныхъ войнъ съ идолопоклонниками и Іудеями; во время похода Навуходоносора на Іерусалимъ, она была имъ взята и разрушена; въ послѣдствіи она опять возобновилась, возвеличилась въ могуществѣ и великолѣпіи съ паденіемъ великихъ столицъ Востока, Ненивіи и Вавилона, и въ свой чередъ сдѣлалась столицею. Послѣ сего она скрывается съ поприща Исторіи въ продолженіи мно-

гихъ вѣковъ; наконецъ въ эпоху долгой борьбы между Римлянами и Пареами, она является подъ новымъ именемъ *Пальмиры*, подобно рѣкамъ пустынь, которыя исчезая въ пескахъ, потомъ опять появляются съ новымъ величіемъ, подъ другимъ именемъ. Пальмира умѣла долго сохранять свою независимость и неутралитетъ между двумя могущественными Монархіями, и достигла своего высшаго развитія въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., около того времени, когда Императоръ Валентиніанъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Сапоромъ, Персидскимъ Царемъ. Въ это время ея могущества, вокругъ нее является и быстро растетъ геройскій народъ, которому, спустя три вѣка позже, религіозный фанатизмъ долженъ былъ уступить половину Земнаго Шара. Безчисленныя племена Арабовъ, кочевавшіе въ сосѣднихъ пустыняхъ Пальмиры, повиновались ея знаменитому Полководцу Оденату, который по примѣру другихъ вождей и Государей Азіи, послѣ побѣды Персовъ надъ Римлянами, послалъ побѣдителю льстивое письмо и дорогіе подарки. Но свирѣпый Сапоръ приказалъ бросить ихъ въ Евфратъ, сказавъ: «кто сей Оденатъ, осмѣлившійся писать къ своему повелителю? Если онъ хочетъ избѣжать гнѣва, то пускай явится съ связанными руками и повергнется предъ моимъ престоломъ: если же онъ не рѣшается, то я истреблю его, вмѣстѣ съ его племенемъ и со всѣмъ народомъ.» Оденатъ одушевляетъ мужество своихъ Арабовъ, возбуждаетъ къ мщенію жителей Пальмиры и устремляется на встрѣчу Сапору: разбиваетъ его, заводитъ и уничтожаетъ его во многихъ встрѣчахъ; отбиваетъ у него сокровища, его женъ и принуждаетъ удалиться по другую сторону Евфрата. Такимъ образомъ Оденатъ чрезъ свое мужество дѣлается супругомъ знаменитой Зиновіи, Царицы Пальмиры, и получаетъ отъ Императора Галліена титулъ *Августа* и верховнаго

повелителя Востока. Оденатъ былъ умерщвленъ во время пиршества; послѣ него Зиновія царствовала одна.

Зиновія, знаменитая и по уму и красотѣ, говорятъ, происходила изъ рода Птоломеева; она была знакома съ Литературами Греческою и Римскою, и избрала себѣ въ совѣтники и наставники Философа Лонгина, творца о *Высокомъ*. Страстно любя Искусства, охоту и войну, она то украшала зданіями свою столицу, то сопровождала своего супруга на охотѣ, или преслѣдовала Полководцевъ Сапора и ихъ войска. Послѣ смерти Одената, она наказала его убійцъ и приняла титулъ Царицы Востока, удержавъ также названіе *Августы*, не взирая на сопротивленіе Сената и Императора. Вскорѣ она освободилась отъ Римскаго попечительства, разбила ихъ легіоны, покорила Египетъ и хотѣла сдѣлать Пальмиру столицею вселенной. По прошествіи пяти лѣтъ знаменитаго царствованія, въ продолженіе коихъ трудно опредѣлить, была ли она обязана славѣ онаго своему счастію или своимъ талантамъ, Зиновія увидѣла конецъ своего благоденствія. Авреліанъ, неустрашимый воинъ, наслѣдовалъ Имперію и лично выступилъ противъ нея. Зиновія ждала его и дала битву у стѣнъ Антіохіи. Искусные стрѣлки и сильная конница, закованная въ желѣзо, составляли большую часть ея силъ. Первые ряды Римской арміи были разбиты; но когда ея стрѣлки истратили свои стрѣлы и Авреліанъ, увидѣвъ, что непріятельская конница опрометчиво бросилась преслѣдовать, двинулъ своихъ ветерановъ, закаленныхъ въ продолжительныхъ войнахъ на берегахъ Дуная съ дикими народами, Сирійская пѣхота обратилась въ бѣгство; конница, истощенная, не могла далѣе выдерживать стремленія легіоновъ; пораженіе и убійство было ужасное. Зиновія собрала другую армію, и въ другой разъ была разбита въ окрестностяхъ Эмера; потомъ удалившись

въ свою столицу, она заперлась, и понуждаемая Римлянами сдаться, отвѣчала, что оставитъ свое Государство только вмѣстѣ съ жизнію. Авреліанъ осадилъ Пальмиру, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе, и его безпокойство, выраженное въ письмахъ Сенату, свидѣтельствуетъ всю важность и трудность предпріятія.

Но Зиновія сдѣлала неизгладимую ошибку тѣмъ, что чуждалась своего народа, который былъ бы для нее крѣпчайшимъ оплотомъ противъ Римлянъ: ея страсть къ Искусствамъ и просвѣщенію Грековъ, — страсть, составившая ея славу, также была и причиною ея гибели. Иноземцы, Греки пользовались полнымъ ея довѣріемъ и были предметомъ обиднаго предпочтенія туземному народу и сосѣднимъ племенамъ: и когда заключась въ стѣнахъ, тѣснимая Римскими легіонами и голодомъ, она вспомнила о храбрыхъ Арабахъ, то уже было поздо,— они не отвѣчали на ея воззваніе. Должно было уступить силѣ и бѣжать; но прежде, нежели отдала свою столицу Римлянамъ, Зиновія покинула Пальмиру и поспѣшно бѣжала чрезъ степи: ей измѣнили; Авреліанъ ее преслѣдовалъ, и его конница нагнала ее на берегахъ Евфрата. Когда Зиновія была представлена предъ Авреліана, онъ спросилъ ее: кто внушилъ тебѣ дерзость сопротивляться Римскимъ Императорамъ?—«Я не видѣла Императоровъ»—гордо отвѣчала Зиновія— «ни въ Галліенѣ, ни въ подобныхъ ему; но ты умѣешь побѣждать и я признаю тебя достойнымъ сего титла.» Впрочемъ увѣряютъ, будто бы ея твердость нѣсколько позже поколебалась, и напуганная новыми вопросами, она назвала Философа Лонгина главнымъ виновникомъ ея сопротивленія; Авреліанъ приказалъ его казнить; Лонгинъ умеръ, какъ мудрецъ, утѣшая своихъ друзей и жалуясь на Царицу, которая предала ихъ въ руки палачей.

Въ Римѣ Зиновія была лучшимъ украшеніемъ Авре-

ліанова тріумфа: обремененная драгоцѣнными украшеніями, на шеѣ съ золотою цѣпью, поддерживаемою рабами, она предшествовала колесницѣ побѣдителя. Галлъ Ветрикъ также находился въ тріумфальномъ шествіи; но тотъ и другая, послѣ тріумфа, имѣли не ту участь, какую прежде Римъ предназначалъ плѣннымъ повелителямъ, лишеннымъ Престола. Ветрикъ получилъ Дворецъ, въ которомъ далъ праздникъ Императору, а Зиновія кончила свою жизнь въ очаровательной виллѣ близъ Тибура. Это обстоятельство наиболѣе показываетъ смягченіе древнихъ нравовъ; безъ сомнѣнія, эта счастливая перемѣна была плодомъ высшаго просвѣщенія и болѣе происходила отъ чувства образованнаго, нежели отъ ослабленія народнаго характера. Презрѣніе и жестокость къ побѣжденнымъ Государямъ составляли двѣ характеристическія черты духа древняго Рима, и онѣ не могли изгладиться, не обнаруживъ новаго признака разрушенія. И точно, Римская Монархія тогда уже клонилась къ паденію, и два вѣка спустя послѣ тріумфа Авреліана, Пальмира была отомщена: она, едва переживъ свое завоеваніе, употребила усиліе низвергнуть иго, но возмущеніе было знакомъ ея разрушенія. Съ тѣхъ поръ Исторія болѣе ни слова не упоминаетъ о Пальмирѣ: Алепъ и Дамаскъ возвысились на ея развалинахъ, собравъ къ себѣ часть ея сокровищъ. Теперь единственныя жилища, встрѣчаемыя среди развалинъ Пальмиры, состоятъ изъ какихъ-нибудь тридцати хижинъ, въ которыхъ живутъ бѣдные Арабы, питаясь обработываніемъ полей и молокомъ своихъ стадъ. Черты ихъ лица и нѣкоторые другіе особенные признаки, заставляютъ думать, что они происходятъ отъ древнихъ обитателей Пальмиры; но не между ими должно искать какого-либо свѣдѣнія объ этомъ знаменитомъ городѣ, котораго Исторія, какъ и многихъ другихъ столицъ

древняго міра, извѣстна только на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ владычествовали.

Траяновъ валъ въ южной Руси. — Въ Галиціи и на Руси существуютъ и понынѣ слѣды древней насыпи, именуемой простымъ народомъ *Траяновымъ валомъ*, о которомъ, основываясь на свидѣтельствѣ очевидцевъ, упоминаютъ древніе и новѣйшіе Польскіе Историки. Бандтке въ Исторіи Королевства Польскаго (Т. I, стр. 11) говоритъ, что этотъ валъ тянется отъ Бѣлой Церкви слишкомъ на 10 миль до Днѣпра, мѣстами прерываясь и сравниваясь съ землею. Марчинскій, въ Описаніи Подоліи (Т. I, стр. 186), также свидѣтельствуетъ, что эта насыпь простирается чрезъ села: Кременное, Звѣрховецъ, и волости Сатанова, и что слѣды оной видны въ Уѣздахъ: Ушицкомъ, между Михайловкою и Вороблевкою, въ Каменецкомъ, на поляхъ д. Еленовки, Калиня, Безпословцевъ, между Паневцами и Кульчовцами; оттуда тянется чрезъ лѣсъ Борщиловицкій, Карапчеевскій; потомъ, миновавъ лѣса волости Городецкой отъ Яромилки, является въ окрестностяхъ г. Кременнаго, и отдѣляетъ его отъ с. Лысоводы. Далѣе проходитъ волость Верховцы и чрезъ самую деревню къ городку Сатанову въ Галиціи, гдѣ слѣды вала являются подъ городкомъ Магеровымъ. Индѣ Траяновъ валъ совершенно незначителенъ; но есть мѣста, гдѣ высота его доходитъ до 4 и 5 футовъ; въ нѣкоторыхъ даже, на прим. въ Кременномъ, на немъ есть уступы въ видѣ фортификаціонныхъ. Марчинскій полагаетъ, что этотъ валъ былъ насыпанъ для означенія границъ Дакіи, завоеванной Траяномъ около 105 года; но границы Дакіи никогда не простирались такъ далеко, а завоеванія Траяна конечно были на Сѣверѣ еще далѣе. Въ сихъ мѣстахъ находятъ древнія Римскія монеты, но это

еще не можетъ служить историческимъ доказательствомъ. Древняя карта Авраама Ортеллія, изображающая теченіе р. Дуная, показываетъ и Трояновъ валъ, который тянется отъ Греческаго моря до Адріанополя, а потомъ къ границамъ Польши; въ этой чертѣ находятся прорывы, которымъ даны наименованія *Траяновыхъ воротъ* (porta Trajani). Географъ Герардъ Меркаторъ, въ своемъ Атласѣ, изданномъ Гондіусомъ, описывая Валахію, упоминаетъ о существованіи на мѣстѣ, называемомъ Сѣверинъ, *Траянова моста*, основаннаго на 50 чудесныхъ каменныхъ столбахъ. Плиній Младшій, въ похвальномъ Словѣ Траяну говоритъ, что нѣтъ возможности исчислить всѣ мосты, дороги, плотины и *земляныя насыпи*, которыя онъ дѣлалъ для удобства и защиты жителей и для облегченія переходовъ войскамъ. Все это только историческіе намеки; но для чего проведенъ этотъ валъ и точно ли по повелѣнію Траяна, остается неизвѣстнымъ, не взирая на прилежное изслѣдованіе нѣкоторыхъ Отечественныхъ любителей древности. Въ одномъ только не льзя сомнѣваться, что этотъ валъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ землѣ Славянской.

Аѳинскій Университетъ. — Въ теченіе зимняго полугодичнаго академическаго курса $\frac{1837}{1838}$ г., преподаваніе предметовъ въ Аѳинскомъ Университетѣ расположено было слѣдующимъ порядкомъ: по Богословскому Факультету: Догматика по Ѳеофану Прокоповичу, Догматическая Исторія, Церковная Исторія и изъясненіе Псалмовъ. По Юридическому: Французское Гражданское Право, 4 часа въ недѣлю, Гражданское Дѣлопроизводство, 4 часа; Коммерческое Право, 2 часа; Уголовное Право и Дѣлопроизводство, 2 часа; Право Государственное, 3 часа; Политическая Экономія, 2 часа; сверхъ того учреждена вновь каѳедра Римскаго Права

съ назначеніемъ для преподаванія опаго одного Экстраординарнаго Профессора. По Медицинскому Факультету: Патологія и Терапія—9 часовъ, по части Анатоміи и Хирургіи—15 часовъ, а Повивальнаго Искусства 4 часа. Впрочемъ по этому Факультету, за неимѣніемъ достаточнаго числа слушателей, еще не всѣ курсы могли быть открыты. По Философическому Факультету: для преподаванія Философіи, или Теоріи человѣческаго духа и Ѳѳики—3 часа, для Греческой Археологіи—4 часа, для всеобщихъ началъ Естественной Исторіи 4 часа, для Греческой Литературы 4 часа, для Геометріи, Тригонометріи, Алгебры и т. д. 3 часа. Для изъясненія Книгъ Цицерона *de natura deorum* и для Исторіи Римской Литературы—6 часовъ, при чемъ назначенъ особый Профессоръ для Хорографіи Аттики, изъясненія Гораціева *de arte poetica* и Овидіевыхъ *Metamorphoseos*; для Физики 3 часа и для Логики 2 часа въ недѣлю.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ УКАЗАТЕЛЮ

вышедшихъ въ Россіи въ 1837 году книгъ.

I. *Азбуки.*

986) Букварь или начальное ученіе, хотящимъ учитися книгъ письмени Славенскими. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 52 стр.

987) Русская Азбука для малолѣтныхъ дѣтей, съ присовокупленіемъ молитвъ, нравоучительныхъ басенъ и Ариѳметики. Изданіе второе, Иліи Ступина. Москва, въ тип. И. Смирнова, 1837, въ 12 д. л. 48 стр.

988) Драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ или Россійская Азбука, со всѣми нужнѣйшими понятіями для дѣтей обоего пола. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ 12 д. л. 95 стр.

989) Новѣйшая полная Русская Азбука, содержащая въ себѣ начальныя правила чтенія, нужнѣйшія молитвы, Сvмволъ вѣры, десять Заповѣдей, краткую Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, начертаніе Арабскихъ и Римскихъ цифръ, нѣкоторыя нужнѣйшія для дѣтей понятія и правила нравоученія, съ присовокупленіемъ басенъ и стихотвореній, дѣтскому возрасту приличныхъ, съ картинками. Изданіе второе. М. въ тип. Кирилова, 1837, въ 8 д. л. 119 стр.

990) Азбука съ краткимъ Катихизисомъ. Москва, въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. (стр. не показ.)

II. *Грамматики.*

991) Грамматика Латинская въ пользу юношества въ Духовн. Учил. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 12 д. л. IV и 239 стр.

992) Краткая Грамматика древняго Греческаго языка. М. въ Сунод. тип. 1837, въ 8 д. л. IV и 92 стр.

993) Греческая Грамматика. М. въ Сунодальной тип. 1837.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

994) Chrestomathia Latina. М. въ Сун. тип. 1837, въ 12 д. л. Ч. I, стр. IV и 183, Ч. II, стр. IV и 204.

995) Учебная книга древняго Греческаго языка, соч. Каченовскаго. М. въ Сун. тип. 1837, въ 12 д. л. стр. VIII и 337.

996) Грамматическій разборъ затруднительныхъ Греческихъ словъ изъ Четвероевангелія, составленный въ пользу любителей Греческаго языка. М. въ Университетской тип. 1837, въ 12 д. л. 93 стр.

997) Греко-Россійскій Словарь къ Новому Завѣту, въ пользу юношества. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 168 стр.

998) О первоначальномъ переводѣ Св Писанія на Славянскій языкъ. Сочиненіе Экстраординарнаго Профессора Кіевской Духовной Академіи Ореста Новицкаго. Кіевъ, въ тип. Университета Св. Владиміра, 1837, въ 4 д. л. 81 стр.

IV. *Богословіе.*

999) Литургія нотная Придворнаго простаго пѣнія. М. въ Сун. тип. 1837, въ 4 д. л. 20 стр.

1000) Служба съ Акаѳистомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстію о всечестномъ и безсмертномъ Успеніи ея. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 62 стр.

1001) Служба Преподобному Нилу Столбенскому. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 26 стр.

1002) Служба Преподобному Сергію Игумену Радонежскому Чудотворцу. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 38 стр.

1003) Служба съ Акаѳистомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстію о всечестномъ и безсмертномъ Успеніи ея. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 122 стр.

1004) Акаѳистъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 39 стр.

1005) Акаѳисты съ Каноны и прочая душеполезная моленія. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 377 стр.

1006) Акаѳисты съ Каноны и прочія душеполезная моленія. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 365 стр.

1007) Акаѳистъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 108 стр.

1008) Молитвы, чтомыя при Богослуженіи Литургіи. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 24 д. л. 64 стр.

1009) Книга Житій Святыхъ, въ 12 частяхъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XXIV—277, II—250, II—341, 443, 285, 223, 343, 260, 365, 405, 404, 298.

1010) Евангеліе. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 180 стр.

1011) Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ Божественнаго Писанія. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 21 стр.

1012) Псалтырь слѣдованная. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ листъ, 475 л.

1013) Псалтирь безъ киновари. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 4 д. л.

1014) Псалтирь съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 178 стр.

1015) Псалтирь. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 302 стр.

1016) Псалтирь учебный съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837.

1017) Мѣсяцословъ, М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 158 стр.

1018) Служебникъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 251 стр.

1019) Часословъ съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 166 стр.

1020) Часословъ безъ киновари. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 166 стр.

1021) Минея Четьи. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д л.

1022) Минея мѣсячная въ 12 книгахъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ листъ.

1023) Молитвословъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 580 стр.

1024) Каноникъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 214 стр

1025) Каноникъ съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л.

1026) Требникъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 210 стр.

1027) Чинъ о пріимѣ Иновѣрцевъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 4 д. л. 96 стр.

1028) Сокращенный нотный обиходъ, М. въ Сунодальной тип. 1837.

1029) Октоихъ въ двухъ частяхъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ листъ.

1030) Ручный мѣсяцесловъ. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 158 стр.

1031) Святцы, въ 12 д. л. М. въ Сунодальной тип. 1837. 121 стр.

1032) Святцы, съ киноварью. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 16 д. л. 30 стр.

1033) Богородичная Молитва, въ листъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837.

1034) Алфавитъ духовный. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 12 д. л. IX и 145 стр.

1035) Поминательная молитва о здравіи и спасеніи, о памяти и оставленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ. На Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. С. П. Б. въ Сунодальной тип. 1837, въ бол. 8 д. л. 2 стр.

1036) Сборникъ, т. е. нѣкоторыхъ моленій на всякъ день потребныхъ собраніе. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 102 стр.

1037) Сборникъ, т. е. нѣкоторыхъ моленій на всякъ день потребныхъ собраніе. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 202 стр.

1038) Патерикъ Печерскій или Отечникъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ листъ, 248 стр.

1039) Проповѣди Епископа Кефалонитянина, Иліи Миніатія, переведенныя съ Греческаго на Русскій языкъ. М. въ Синодальной тип. 2 части II — 146, II — 8 въ листъ церковн. печати, въ 8 д. л. гражданск. печати, 1837, VI—402, IV—244 стр.

1040) Православное Исповѣданіе Вѣры Петра Могилы. М въ Синод. тип. 1837, въ 8 д. л. 233 стр.

1041) Нравственныя сочиненія Святаго Отца нашего Василія Великаго. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XXVI—552 стр.

1042) Сочиненія Ефрема Сирина, въ четырехъ частяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. IV—167, XXXII—154, XLVI—184, II—124 стр.

1043) Сокращенный Катихизисъ для Священно-и Церковно-служителей, какъ для всегдашняго ихъ знанія, такъ особливо для изученія при вступленіи ихъ въ церковныя должности, съ прибавленіемъ мѣстъ изъ Слова Божія, правилъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, и изъ Духовнаго Регламента, особливо до Священства принадлежащихъ. М. въ Синод. тип. 1837, въ 8 д. л. 84 стр.

1044) Сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго, въ 15 Томахъ. М. въ Синодальной тип. 1837, IV—192, IV—192, IV—258, IV—234, IV—164, IV—316, IV—332, IV—324, IV—166, IV—232, IV—205, IV—196, IV—136, IV—182, XIV—286 стр.

1045) Изъ сочиненій Тихона Воронежскаго, наставленіе всей паствѣ, размышленіе и переводы, описаніе его жизни. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 68—104 стр.

1046) Письма келейныя Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. XII—307 стр.

1047) Наставленіе о собственныхъ каждаго Христіанина должностяхъ. Соч. Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, въ 4 д. л. 616 стр.

1048) Златое сочиненіе Самуила Раввина. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. VIII—96 стр.

1049) О покаяніи Святаго Отца нашего Амвросія Медіоланскаго, двѣ книги. М. въ Синодальной тип 1837, въ 8 д. л. III—154 стр.

1050) Краткое Нравоученіе Преосвященнаго Митрополита Платона. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 8 стр.

1051) Святаго Аѳанасія, Архіепископа Александрійскаго, Слово о воплощеніи Бога Слова и о тѣлесномъ Его къ намъ пришествіи. Перев. съ Греческаго въ Саратовской Семинаріи. М въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 135 стр.

1052) Толкованія на Воскресныя Евангелія на Греческомъ языкѣ, въ двухъ частяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. XIV—272, II—376.

1053) Краткое Поученіе, како подобаетъ стояти въ церкви Божіей во время службы. Собранное изъ книгъ Учителей Церковныхъ, въ 24 д. л. 58 стр.

1054) Два Поучительныя Слова именитаго Проповѣдника Іерузалема: 1) о томъ, что Христіане обязаны преимущественно пещись въ сей жизни о вѣчности; 2) въ день Вознесенія Господня о небѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ Нѣмецкаго перевены Епископомъ Аарономъ. М. въ тип. Хавскаго, 1837, въ 8 д. л. 112 стр.

1055) Бесѣда двое. Г. В. Сковороды. Издано по распоряженію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскаго Попечительнаго Комитета. М. въ тип Рѣшетникова, 1837, въ 8 д. л. 50 стр.

1056) Рѣчь, говоренная, Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ, Государю Императору предъ вступленіемъ въ Успенскій Соборъ, Октября 27 дня, 1837 года. М. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 1 стр.

1057) Рѣчь, говоренная Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича въ Успенскій Соборъ, Іюля 24 дня 1837 года. М. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 3 стр.

1058) Рѣчь, говоренная Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, предъ вступленіемъ Его же Императорскаго Высочества въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, Августа 2 дня 1837 года, въ 8 д. л. 2 стр.

1059) Рѣчь, говоренная Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ предъ вступленіемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Успенскій Соборъ, Августа 4 дня 1837 года. М. въ Сунодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 2 стр.

1060) Слово на освященіе Храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины въ градской больницѣ, Іюля 22 дня 1833 года, говоренное Сунодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ. С. П. Б. въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 16 стр.

1061) Слово въ Недѣлю Ваіи, въ Чудовѣ Монастырѣ, Марта 22 дня 1825 года, говоренное Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ. С. П. Б. въ тип. Министерства Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1062) Слово при вступленіи на паству Кіевскую, произнесенное въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, 27 Іюня 1837 года, Синодальнымъ Членомъ Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1063) Бесѣды на 5, 6 и 7 гл. Евангелиста Матѳея. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 208 стр.

1064) Слово при вступленіи на Кіевскую паству, произнесенное Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 16 стр.

1065) Бесѣда, говоренная Сунодальнымъ Членомъ

Филаретомъ, Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ. С. П. Б. въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1066) Поучительныя Слова и Рѣчи, говоренныя Кирилломъ, Архіепископомъ Подольскимъ и Брцлавскимъ къ Подольской паствѣ. Изданіе второе. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 330 стр.

1067) Поучительныя Слова и Рѣчи къ Вятской паствѣ, говоренныя Кирилломъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ. Изданіе четвертое, дополненное. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 412 стр.

1068) Слово въ день Сошествія Святаго Духа, говоренное Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлгородскимъ въ Знаменской Архіерейскаго дома церкви, 1834. С. П. Б. въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1069) Поученіе, произнесенное Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлгородскимъ, по случаю обозрѣнія Епархіи въ городѣ Рыльскѣ. С. П. Б. въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1070) Собраніе Словъ на дни торжественные, говоренныхъ Кіевской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 247 стр.

1071) Собраніе словъ, Бесѣдъ и Рѣчей на разные дни и случаи, произнесенныхъ Кіевской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Томъ II. К. въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 256 стр.

1072) Начальныя упражненія въ проповѣданіи Слова Божія подъ руководствомъ Наставниковъ, посвящаемыя Кіевскаго Николаевскаго первокласнаго монастыря Архимандритомъ Авксентіемъ. С. П. Б. въ тип. Снѣгирева и К°, 1837, въ 8 д. л. 53 стр.

1073) Слово въ день Архистратига Михаила и Тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрныхъ Государей и Великихъ Князей Михаила Николаевича и Михаила Павловича и праздникъ всѣхъ Россійскихъ Орденовъ, говоренное въ 1836 году въ С. Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, Кіевскаго Николаевскаго первокласнаго монастыря Архимандритомъ Авксентіемъ. С. П. Б. въ тип. Снѣгирева и К°. 1837, въ 8 д. л. 23 стр.

1074) Слово, произнесенное въ Москвѣ въ Приходской Церкви Положенія Ризы Господней, Ноября 9 1835 года, при погребеніи Коммерціи Совѣтника и разныхъ орденовъ Кавалера Михаила Ивановича Титова, Архимандритомъ Донскаго монастыря Ѳеофаномъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1075) Рѣчь, говоренная воспитанникамъ Коммерческаго Училища, окончившимъ курсъ ученія, при открытомъ воспитаніи, Законоучителемъ Магистромъ Богословія, Соборнымъ Іеромонахомъ Платономъ, Декабря 19 дня, 1836 года. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 10 стр.

1076) Поучительныя слова и рѣчи Протоіерея Василія Бажанова. Изданіе второе. С. П. Б. въ Военной тип 1837, въ 8 д л. 275 стр.

1077) Слово, говоренное въ Церкви Патріотическаго Института по случаю выпуска тамошнихъ Благородныхъ Воспитанницъ, Старшимъ Законоучителемъ при семъ Заведеніи, Казанскаго Собора Протоіереемъ. Императорской Россійской Академіи Дѣйствительнымъ Членомъ и Кавалеромъ Петромъ Мысловскимъ, Февраля 2 дня 1837 года. С. П. Б. въ тип. Военныхъ поселеній, 1837, въ 4 д. л. 17 стр.

1078) Поучительныя слова, говоренныя въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, Ко-

стромскаго Успенскаго Собора Протоіереемъ и Кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ, бывшемъ въ Смоленскомъ Кадетскомъ Корпусѣ съ 1813 по 1 Іюля 1824 года Законоучителемъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ Рѣчей. М. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 308 стр.

1079) Шестнадцать краткихъ Рѣчей о главнѣйшихъ истинахъ Священнаго Писанія. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1080) Послѣдняя Проповѣдь Пастора Адама Христіана Павла Кольрейфа, говоренная въ Великую Пятницу 1836 года, присовокупленіемъ краткаго извѣстія о его жизни. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. въ тип. Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 28 стр.

1081) Сокращенныя правила монашескаго житія. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 41 стр.

1082) Разсужденіе, въ которомъ излагается ученіе Отцевъ Церкви первыхъ трехъ вѣковъ Христіанства о Божествѣ Сына Божія, сочиненное Студентомъ Московской Духовной Академіи Аѳонасіемъ Ефимовскимъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 90 стр.

1083) Историческое разсужденіе о постахъ Православной Восточной Каѳолической Церкви. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 72 стр.

1084) Разговоръ Христіанина съ невѣрующимъ о воплощеніи Сына Божія Іисуса Христа и оправданіи человѣковъ чрезъ Вѣру въ Него. Сочиненіе Архимандрита Паисія. М. въ тип. Н. Степанова, 1837, въ 12 д. л. 78 стр.

1085) Письма о Богослуженіи Восточной Каѳолической Церкви. С. П. Б. въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 448 стр.

1086) Дни Богослуженія Православной Грекороссійской Церкви. С. П. Б. въ тип. Внѣшней Торговли 1837, въ 8 д. л. 380 стр.

1087) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ Г. В. Сковороды. Изданъ по распоряженію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ. М. въ тип. Рѣшетникова, въ 8 д. л. 94 стр.

1088) Краткое объясненіе Церковнаго Устава. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 23 стр.

1089) Пространный Катихизисъ Митрополита Филарета. М. Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 158 стр.

1090) Начатки Христіанскаго чтенія. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 75 стр.

1091) Желаніе. Взято изъ книги: Сокровище духовное. Сочиненіе Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.

1092) Поучительный разговоръ о суетномъ упованіи. Изданіе третіе, исправленное. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 30 стр.

1093) Урокъ нерадящимъ о своемъ спасеніи. Изданіе первое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 27 стр.

1094) Пища для ума и сердца или собраніе Христіанскихъ размышленій, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ иностраннаго. С. П. Б. въ тип. Конторы журнала общеполезныхъ свѣдѣній, 1837, въ 8 д. л. 517 стр.

1095) Три разговора Священника съ прихожанами о истинномъ пути ко спасенію. Изданіе третіе. С П. Б. въ тип. Иберсена, 1837, въ 16 д. л. 42 стр.

1096) Увѣщаніе уповающимъ на свою правду. Изданіе третіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.

1097) Училище благочестія или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житія Святыхъ.

Ч. I, II, III, IV, V и VI. Изданіе пятое. С. П. Б въ тип. Глазунова, 1837, въ 8 д. л. 438 стр.

1098) Умирающій разбойникъ и умирающій Спаситель С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 20 стр.

1099) Билеты или маленькая Елена, образецъ для дѣтей. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 31 стр.

1100) Арабъ слуга или дѣйствіе благодати. Истинное происшествіе. Третіе изданіе. С. П. Б. 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1101) Іосифъ вѣрный рабъ и добрый Христіанинъ. Истинная повѣсть. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 23 стр.

1102) Машенька, или благодать Божія видна въ каждой вещи. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1103) Путешественникъ и вдова. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1104) Бѣдная и больная Аннушка. Истинная повѣсть. Первое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1105) Утѣшеніе въ смерти кровныхъ и милыхъ сердцу. Разговоръ между братомъ и сестрою. Переводъ съ Англійскаго. С. П. Б. въ тип. Воробьева, въ 8 д. л. 48 стр.

1106) Разговоры между двумя женщинами Петровою и Семеновою. Первое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 22 стр.

1107) Жизнь Ивана Гармсена, бѣднаго сироты въ Голландіи. Истинная повѣсть. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.

1108) Счастливый семейный кругъ. Истинное происшествіе. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1109) Жизнь Вильгельма Келли. Назидательная повѣсть. Изданіе пятое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 33 стр.

1110) Повѣсть о Новозеландской дѣвушкѣ Елисаветѣ. Изданіе второе. С. П Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.

1111) Все къ лучшему. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 24 стр.

1112) Польза отъ пьянства и правила, какъ оной достигать можно. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 19 стр.

1113) Нѣчто для безграмотныхъ. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 23 стр.

1114) Христіанское увѣщаніе помѣщицы къ своимъ поселянамъ. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 4 стр.

1115) Lettres sur les offices divins de l'Eglise d'Orient, 1-ère livraison. С. П. Б. въ тип. Конторы журнала общеполезныхъ свѣдѣній, 1837, въ 8 д. л. 77 стр.

V. *Исторія.*

а) Священная.

1116) Священная Исторія для дѣтей, выбранная изъ Новаго и Ветхаго Завѣта Анною Зонтагъ. Ч. I и II, въ 8 д. л. 818 стр.

1117) Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, составленная Иваномъ Гурьяновымъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837, въ 12 д. л. 72 стр.

1118) Начертаніе Церковной Исторіи Преосвященнаго Иннокентія. М. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л.

1119) Сто двадцать четыре Священныхъ Исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, собранныя А. И. съ присовокупленіемъ къ каждой Исторіи краткихъ поученій и размышленій, съ картинами, въ 2 частяхъ въ одной книгѣ, иждивеніемъ братьевъ Кузнецовыхъ. Изданіе третіе, исправленное. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. Въ 1 Ч. 208 стр. во 2 Ч. 182 стр.

1120) Краткая Церковная Исторія съ краткимъ Катихизисомъ, Митрополита Филарета, церковными и гражданскими литерами напечатанная. М. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 12 д. л. 73 стр.

1121) Житіе Преподобнаго Василія Новаго, списанное Григоріемъ, ученикомъ его. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 58 стр.

1122) Житіе Святаго Григорія, Архіепископа Омеритскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевочерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 32 стр.

1123) Житіе Святаго Іоанна Милостиваго, Патріарха Александрійскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1124) Житіе Св. Нифонта, Епископа Константинограда Кипрскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1125) Житіе Св. Павлина Милостиваго, Епископа Ноланскаго. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 6 стр.

1126) Житія и чудотвореніа Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, и сотрудника ихъ Инока Германа. М. въ Сvнодальной тип. въ 4 д. л. 104 стр.

1127) Житіе Преподобнаго Отца нашего Исаіи, Епископа Ростовскаго, страданіе Святыхъ мученикъ Ѳеодора и Іоанна, повѣсть о смерти Блаженнаго Константина Митрополита Кіевскаго и убіеніе Блажен-

наго Игоря, Князя Черниговскаго и Кіевскаго. С.П.Б. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 24 стр. церк. печ.

1128) Житіе Преподобнаго Отца нашего Нифонта, Епископа Новгородскаго и Преподобныя Матери нашея Евфросиніи дѣвицы, Игуменіи Обители Святаго Спаса въ Полоцкѣ. С. П. Б. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 25 стр.

1129) Убіеніе Святаго Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія Московскаго и всея Россіи Чудотворца. С. П. Б. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 40 стр. церков. печати.

1130) Житія иже во Святыхъ Отецъ нашихъ Петра, Алексія и Іоны, Митрополитовъ Кіевскихъ и всея Россіи Чудотворцевъ. С. П. Б. въ Сvнодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 30 стр.

1131) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митрополита Платона, церковными литерами. М. въ Сvнодальной тип. 1837. 38 стр.

1132) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митрополита Филарета, граждан. печати. М. въ Сvнодальной тип. 1837.

1133) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б. въ тип. Глазунова, Смирдина и К°, 1837, въ 8 д. л. 110 стр.

1134) Жизнеописаніе Амаліи Гаель. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1135) Catalogus Alphabetico-Chronologicus S. S. Ecclesiae Patrum, scriptorum Ecclesiasticorum, Antistitum tum Orientalis, tum Occidentalis nec non Imperatorum Romanorum Haereticorum etc. et Christianismi incunabulis usque ad seculum decimum quartum. Accedit Chronotaxis Conciliorum, ab Ecclesia Orthodoxa rece-

ptorum. In usum tyronum litteraturae Ecclesiasticae, edidit Archimandrita Athanasius, Riasanensis Seminarii Rector. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 21 стр.

b) Всеобщая.

1136) Руководство къ первоначальному познанію Всемірной Исторіи. Сочиненіе Фольгера. Переводъ съ Нѣмецкаго. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 358 стр.

1137) Философская Исторія Іудеевъ, со времени упадка племени Маккавеевъ до нашихъ временъ. Сочиненіе Капефига, удостоенное преміи Французскаго Института. Перевелъ съ Французскаго Константинъ Пуговинъ. Ч. I и II. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней торговли, 1837, въ 8 д. л. 296 стр.

1138) Историческое описаніе Глинской Богородицкой Пустыни, состоящей въ Курской Епархіи и Губерніи, въ Путильскомъ Уѣздѣ, составленное Николаемъ Самойловымъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ соревнователемъ, ч. I. С. П. Б. въ тип. Снѣгирева, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1139) Историческія извѣстія о Костромскомъ второклассномъ Богоявленскомъ монастырѣ съ XV по XIX вѣкъ. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 54 стр.

1140) Описаніе Костромскаго Успенскаго собора, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію въ 1835 году Каѳедральнымъ. Составленное въ 1829 году Протоіереемъ онаго собора и Кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ, а нынѣ вновь исправленное. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 93 стр.

1141) Историческое и топографическое описаніе мужескаго общежительнаго монастыря Святаго Чудотворца Николая, что на Пѣсношѣ, съ присовокупленіемъ Устава его и чиноположенія. Составлено изъ записокъ покойнаго К. Ѳ. Калайдовича, иждивеніемъ благотворителей въ пользу монастыря, съ приложеніемъ вида и плана монастыря съ дачею. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 149 стр.

1142) Описаніе града Божія Іерусалима и Святыхъ въ немъ и близъ его находящихся, въ которыхъ совершались различныя событія для рода человѣческаго спасительныя. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 38 стр.

VI. *Путешествія.*

1143) Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ. Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. III Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 148 стр.

1144) *Προσκυνητάριον ἢ περιγραφὴ τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλὴμ καὶ πάσης Παλαιστίνης, συντιθεῖσα μὲν τὸ πρῶτον παρὰ τοῦ πανοσιωλογιωτάτου ἁγίου καμαράση του παναγίου καὶ ζωοδυχου τάθου Κυρίου Χρυσάνθου τοῦ ἐκ προύσεις, ἤδη δὲ πάλιν δεύτερον, ἐπιμελῶς θεωρηθεῖσα καὶ πολλαῖς προσθήκαις ἐπαυζυνθεῖσα ἐκδίδοται ἐις φῶς, ἐπιστασία μὲν τοῦ πανιεζωτάτου Ἱεροθέου Ἀρχιεπισκόπου Θαβωρίου δαπάνη δὲ φιλοτίμω τοῦ εντιμοεὐλαβεστάτου Κυρίου Γεωργίου χαττῆ κῶστα Ἐπιτρόπου τοῦ παναγίου Γάφου,* съ просовокупленіемъ портрета Аѳонасія Патріарха Іерусалимскаго, также видовъ и плановъ разныхъ священныхъ мѣстъ и

зданій Іерусалима. М. въ Университетской тип. въ 4 д. л. 156 стр.

VII. *Смѣсь.*

1145) Обозрѣніе предметовъ, назначенныхъ для открытія Студентовъ С. Петербургской Духовной Академіи по случаю окончанія двѣнадцатаго учебнаго курса. С. П. Б. въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 16 стр.

1146) Программа публичнаго испытанія Студентовъ Кіевской Духовной Академіи по случаю окончанія VIII учебнаго курса. Кіевъ, въ тип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ д. л. 5 стр.

1147) Объявленіе о книгахъ духовнонравственнаго содержанія, продающихся въ книжной лавкѣ К. Мейера С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837 (стр. не показ.).

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

ГЕНВАРЬ 1838.

I. *Азбуки.*

1) Теорія Русскаго языка, составленная Григоріемъ Мясоѣдовымъ. Часть I, о буквахъ, соединеніи ихъ въ слово, чтеніи и письмѣ, или букварь. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 64 стр. in-8°.

2) Объясненіе двухъ способовъ обучать чтенію посредствомъ машины, М. въ тип. Смирнова, 1837. 12 стр. in-16°.

II. *Грамматики.*

3) Россійская Грамматика, съ присовокупленіемъ Піитическихъ Правилъ, изданная для обученія юношества, Яковомъ Пожарскимъ. С П. Б. въ тип. И. Глазунова и К°, 1837. 69 стр. in-8°.

4) Nouvelle grammaire française, sur un plan très-méthodique, avec de nombreux exercices d'orthographe, de syntaxe et de ponctuation, tirés de nos meilleurs auteurs et distribués dans l'ordre des règles; par M.

Noël, Inspecteur-général de l'Université, Chev. de la légion d'honneur, et M. Chapsal, professeur de grammaire général. Ouvrage mis au rang des livres classiques, adopté pour les Ecoles Militaires, et dont l'usage est autorisé pour la Maison Royale de Saint-Denis. Grammaire. М. въ тип. Институтa Лазаревыхъ. 1838. 250 стр. in.12°.

5) Grammaire francaise préparatoire en quarante exercises accompagnée de tout ce qui peut faciliter aux commençans la conjugaison de toutes les espèces de verbes, en les employant toujours au temps convenable; suivi du vocabulaire de tous les verbes usuels avec la traduction du présent de leur infinitif en Russe, en Allemand et en Anglais, et du Dictionnaire des homonymes traduits en Russe dans leurs différentes acceptions par Ch. de St. Hilaire, auteur de la Grammaire en 36 leçons à l'usage des Russes; du Canevas Méthodique et Chronologique de littérature Ancienne et moderne, dedié à la jeunesse Russe, et de la Rhétorique des jeunes personnes dédiée à S. A. J. Madame la Grande Duchesse Alexandra Nicolaéwna. 2 édition, soigneusement corrigée à St. Petersbourg. Chez Fd. Bellizard et C. libraires-éditeurs. 1838. 99, 56, 48 стр. in-8°.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

6) The English translator, being a selection of pieces for translating from English into French or Russ. By T. Coard. М. въ тип. Семена, 1837. 94 стр. in-8°.

IV. *Книги для дѣтскаго чтенія.*

7) Первая пища для рождающагося ума добрыхъ дѣтей. Première nourriture pour l'esprit naissant de bons enfants. Erste Nahrung für den keimenden Ver-

stand guter Kinder. М. въ тип. Селивановскаго, 1838. 155 стр. in-16°.

8) Моей малюткѣ, книга въ пользу воспитанія дѣтей, сочиненіе Александра Греня. Издала Софія Грень. Изданіе второе, исправленное. С. П. Б. въ тип. Газенбергера, 1837. X, 156 стр. 12°.

9) Древняя Исторія для юношества. Сочиненіе Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. С. П. Б. въ тип. И. Росс. Акад. 1838. 136 стр. in-8 min.

10) Парижскій повѣса, или пути Провидѣнія неисповѣдимы, повѣсть въ двѣнадцати главахъ, съ 10 картинками. Переводъ съ Французскаго. М. въ тип. Степанова, 1838. 242 и II стр. in-16°.

11) Le petit Théatre enfantin. Etrénnes à la Jeunesse. St. Petersbourg. Impr. de C. Wienhöber, 1837. 58 стр. in-8°.

V. *Словесность.*

a) Собранія сочиненій:

12) Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. Вторая книга. С. П. Б., 1838. въ тип. Неймана и К°, 107 стр. in-8.

13) Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Изданіе второе. М. въ тип. Семена, 1838. 229 стр. in-4°.

b) Стихотворенія лирическаго рода:

14) Новѣйшій пѣсенникъ, или собраніе Русскихъ пѣсенъ и романсовъ. С. П. Б. въ тип. К. Вингебера, 1838. 115, V стр. in-12.

15) Das Weltgericht, Oratorium von August Apel, in Musik gesetzt von Friedrich Schneider. St. Petersbourg. 1838, въ тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канц. 23 стр. in-8°.

c) Стихотворенія повѣствовательнаго рода:

16) Басни Ивана Хемницера, въ трехъ книгахъ, съ портретомъ Автора и картинами. Изданіе А. Кузнецова. М. въ тип. Смирнова, 1838. XV и 228 стр. in-24°.

17) Повѣсти въ стихахъ М. Павлова. С. П. Б. въ тип. Имп. Академіи Наукъ, 1838. 94 стр. in-12°.

18) Фантастическое зеркало, въ шуточно-сатирическихъ стихахъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1838. 24 стр. in-12°.

d) Драматическія сочиненія:

19) Новый Нѣмецкій Театръ. Часть первая. 1) Ложь и Правда, 2) Невѣста изъ Столицы. С. П. Б. 1838. 222 стр. in-8.

20) Воскресенье въ Марьиной рощѣ; интермедія въ 1 дѣйствіи, съ принадлежащими къ ней хорами и танцами. М. въ тип. Степанова, 1838. 32 стр. in-8°.

21) Маскерадъ въ лѣтнемъ клубѣ, или ни то, ни сё, для разъѣзда каретъ, не водевиль и не балетъ, съ куплетами и танцами, съ Французскаго Дм. Ленскимъ. М. въ тип, Степанова, 1838. 56 стр. in-8°.

22) Два Эдмонда, водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго И. А. Аничковымъ. М. въ тип. Кирилова, 1837. 74 стр. in-8°.

23) Невѣста подъ замкомъ, Комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Н. Соколова. М. въ тип. Степанова, 1838 100 стр. in-12°.

24) Карлъ смѣлый. Большая Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотта съ сохраненіемъ всей музыки извѣстной Оперы: Вильгельмъ-Телль изъ Россини, Р. Зотова. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова. и К° 1837. 76 стр. in-8°.

25) Миранда или кораблекрушеніе. Балетъ въ трехъ картинахъ. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова и К°, 1838 18 стр. in-8°.

26) Miranda ou le Naufrage. Ballet en trois tableaux. S. Pétersbourg, въ тип. И. Глазунова, 1838. 16 стр. in-8°.

e) Разныя сочиненія:

27) Пятидесятилѣтіе Заслуженнаго Профессора, Академика, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера, Петра Андреевича Загорскаго. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Акад. 1838. 55 стр. in-8°.

28) Живописное Обозрѣніе. Томъ III, листъ 21—24 съ 161 по 192 стр. in-4°.

29) Almanach des Rigaischen Stadt-Theaters. Herausgegeben von Leopold Salzmann. 1837, въ тип. Геккера. 64 стр. in-16.

30) Sébilé, récueil inédit de Nouvelles, contes, scènes diverses, tableaux de moeurs etc. etc. par une Societé de littérateurs. Ouvrage publié au profit d'une nombreuse famille d'orphelins en bas-age. 1-re Partie. St. Pétersbourg. 1838. 211 стр. in-8°.

f) Повѣсти и Романы:

31) Сердце и думка. Приключеніе. Соч. А. Вельтмана, въ четырехъ частяхъ. М. въ тип. Степанова, 1838. 192, 174. 177 и 173 стр. in-12°.

32) Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, или каковъ женихъ? романъ сочиненія Поль де Кока. Пер. съ Фран. М. въ тип. Евреинова, 1838. 270 стр. in-12°.

33) Таинственный житель близь Покровскаго Собора, или вотъ каковъ Коллежскій Регистраторъ! быль изъ временъ Императрицы Екатерины II, разсказанная моимъ дѣдушкой. Соч. И. Г-ва. М. въ тип. Кирилова, 1838. VIII и 31 стр. in-12°.

34) Повѣсти и Путешествія въ Маймай-Ченъ. А. П. Степанова. Автора романа: Постоялый дворъ. Часть I и II. С. П. Б. въ тип. Воейкова и К°, 1838. 224 и 171 стр. in-12°.

35) Стенька Разинъ. Историческій романъ, сочиненія Михаила Зарницына. Часть первая и вторая. С. П. Б, въ тип. И. Глазунова и К° 1837. 224, 180 стр. in-8

36) Дядя Симонъ, торговецъ по ярманкамъ, или умъ хорошо, а два лучше того. Переводъ съ четвертаго изданія книги, соч. Жюсье, увѣнчанной публичною наградою въ Парижѣ, назначенною за лучшую книгу для чтенія городскихъ и сельскихъ жителей. С. П. Б. въ тип. Имп. Росс. Акад. 1838. 319 стр. in-12°.

37) Сынъ актрисы, романъ въ трехъ частяхъ. С. П. Б. въ тип. Вингебера, 1838, 193, 198 и 206 стр. in-12°.

38) Повѣсть и разсказъ. Сочиненіе Николая Андреева. М. въ тип. Евреинова, 1838. 354 стр. in-12°.

39) Сказки Русскія, разсказываемыя Иваномъ Ваненко. М. въ тип. Степанова, 1838. 265 стр. in-12°.

40) Библіотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Глазуновымъ и К°. Томъ XII и XIII. Герцогиня Шатору. Сочиненіе Софіи Ге. Переводъ съ Французскаго. Томъ первый и второй. М. въ тип. Степанова, 1838, 260 и 228 стр. in-12°.

41) Симонъ. Сочиненіе Жоржъ-Занда, пер. съ Французскаго, А. В. Нинжанкъ-Вофосолифъ. С. П. Б. въ тип. К. Вингебера, 1837. 344 стр. in-8°.

42) Турлуру, романъ Поль де Кока въ 4-хъ частяхъ. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°, 1838. 201, 228, 234, 233 стр. in-12°.

43) Lydia. Dediée à ma soeur Giana. 1832, (1-r cahier des Oeuvres du Comte Jules Strutyński). Вильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 131 стр. in-12°.

44) Les destins. Inspirations spiritualistes servant de suite à Lydia, 1837. (Juin) II-me cahier des oeuvres poétiques du Comte Jules de Hayd Berlitz Strutyński. Вильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 104 стр. in-12°.

VI. *Теорія и Исторія Изящныхъ Искусствъ.*

45) Précis historique et raisonné sur l'origine, les progrés, la décadence et la renaissance de l'Architecture, par Léon Vendramini, Architecte, Chevalier de l'ordre de St. Grégoire le Grand, membre de plusieurs Academies d'Italie. Saint-Pétersbourg. Imprimeric de A. Pluchart, 1837. 48 стр. in-4°.

VII. *Богословіе.*

46) Juhhataminne köstrile ja koolmeistrile, Jummala-orjuse körda, ristmist nink kooljide matmist kirrikooppe taja lubbaga tallitada. Дерптъ, 1838, въ тип. Шюнманна. 8 стр. in-8°.

47) Kurze Uebersicht des Confirmations-Unterrichts, für die Confirmanden seiner Gemeinde; verfasst vom Prediger der St. Michaeliskirche zu Moskwa. M. въ тип. Института Лазаревыхъ, 1837. 37 стр. in-12°.

48) Indication des fêtes d'obligation, des jours de jeûne et des autres articles concernant le Service Divin à l'usage des Catholiques de St. Pétersbourg de la Paroisse de Ste-Catherine V. et M. pour l'année 1838 St. Pétersbourg. Imprimeric de A. Pluchart. 1837. 46 стр. in-12°.

X. *Исторія.*

а) Отечественная:

49) Анекдоты Россійскихъ Императоровъ, Императрицъ, великихъ мужей и замѣчательныхъ лицъ, просла-

вившихся во времена могущества и славы Россійской Имперіи, въ 4 частяхъ, съ портретами. Часть первая. М. въ тип. Смирнова, 1838. VIII и 82 стр. in-8°.

50) Полные и вновь избранные анекдоты о Балакиревѣ, знаменитомъ шутѣ и любимцѣ Петра Великаго, въ двухъ частяхъ. М. въ тип. Кирилова, 1837. 63 и 48 стр. in-12°.

51) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Выпускъ II. М. въ Университетской тип. 1838. 142 стр. in-8°.

52) Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году, съ оффиціяльныхъ документовъ и другихъ достовѣрныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генералъ-Штабовъ сочиненная, Его Императорскаго Величества Флигель-Адъютантомъ, Полковникомъ Д. Бутурлинымъ; съ Французскаго же на Россійскій языкъ переведена Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской части Генералъ-Маіоромъ А. Хатовымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П.-Б. въ Военной тип. 1837. XV, 415, 9 стр. in-8°.

b) Другихъ Государствъ:

53) Краткій очеркъ Европейскихъ Государствъ и Азіятской Россіи, составленный для преподаванія въ въ предуготовительномъ классѣ Школы Земледѣлія и Горнозаводскихъ Наукъ Графини Строгоновой Алексѣемъ Волынкинымъ. С. П. Б. въ тип. К. Крайя. 1837. 38 стр. in-8°.

54) Всеобщая Историческая Библіотека, иждивеніемъ Профессора Погодина. Книжка I. Исторія Пруссіи, сочиненіе Пелица, Профессора Исторіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Ш. Часть I. М. въ тип. Степанова, 1838, 164 стр, in-8°.

55) Historya wojny trzydziestoletniej przez Fryderika Schillera w języku niemieckim oryginalnie napisana. Tom drugi. Вильно, въ тип. Марциновскаго, 1838. 374 стр. in-12°.

IX. *Путешествія.*

56) Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Fr. Goebel, Professor der Chemie und Pharmacie zu Dorpat, Kaiserlich Russischem Collegienrathe, Correspondenten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg und Mitgliede gelehrter Gesellschaften des In- und Auslandes, in Begleitung der Herren Dr. C. Claus und A. Bergmann. Zweiter Theil. Mit sechs lithographirten Tafeln. Дерптъ. 1838. VIII и 372 стр. in-4°.

X. *Математика.*

57) Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, или Статика и Гидростатика, сочиненіе Орд. Пр. Н. Брашмана. М. въ Университетской тип. 1837. VI, 494 и XVI стр. in-8°.

58) Leichtfasslicher Unterricht im Rechnen, für Schulen und zur Selbstbelehrung, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Рига. 1838. XII и 380 стр. in-8°

59) Antworten zu den im leichtfasslichen Unterricht im Rechnen enthaltenen Aufgaben, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Рига. 1838. 57 стр. in-8°.

XI. *Военныя Науки.*

60) Правила для обученія пѣхоты драться штыкомъ, для употребленія застрѣльщиковъ при одиначномъ боѣ

во время войны, составленныя Учителемъ фехтованія на всѣхъ холодныхъ оружіяхъ, Капитаномъ Ренгау и изданныя съ разрѣшенія Высшаго Начальства. С. П. Б. въ тип. Крайя, 1837. 130 стр. in-8°.

XII. *Естественныя Науки.*

61) Аналитическая Химія Генриха Розе, переведенная съ Нѣмецкаго съ третьяго изданія и частію передѣланная въ таблицы, Корпуса Горныхъ Инженеровъ Капитаномъ Еврейновымъ. С. П. Б. въ тип. Имп. Ак. Наукъ, 1837. VI, 292 стр. in-8°.

62) Zweiter Beitrag zur Geognosie und Paläontologie Dorpats und seiner nächsten Umgebungen, von Dr. Stephan Kutorga, Professor P. O. an der Kaiserlichen Universität zu St. Petersburg, Mitglied der Kaiserlich Russischen Mineralogischen Gesellschaft ebendaselbst, und der Kaiserlichen Naturforschenden Gesellschaft zu Moscow. Mit X Steindrucktafeln. Herausgegeben von der Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg, въ тип. Н. Греча, 1837. 51 стр. in-8°.

63) Рисунки Санктпетербургской Флоры. Съ краткимъ описаніемъ ея растеній, заключающимъ въ себѣ свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цвѣтенія, продолженія жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ и употребленіи въ общежитіи. Издаваемые К. Левинымъ, книжка шестая. С. П. Б. въ тип. И. Глазунова и К° 1837. 18 стр. рисунковъ, съ 126 по 150 in-8°.

XIII. *Сельское Хозяйство и Технологія.*

64) Мысли объ усовершенствованіи Сельскаго Хозяйства и улучшеніи быта поселянъ-хлѣбопашцевъ. С.

П. Б. въ тип. И. Глазунова и К°, 1837. 233 стр. in-8°.

65) Свѣчной фабрикантъ или собраніе различныхъ способовъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ Химиковъ, по руководству коихъ всякой можетъ приготовлять необыкновенно чистое, бѣлое и прозрачное сало и дѣлать изъ него для домашняго употребленія свѣчи, какъ съ простыми, такъ и съ пустыми свѣтильнями, совершенно подобныя восковымъ, безъ запаха и безъ дыма, распространяющія яркій свѣтъ и способныя къ продолжительному горѣнію. М. въ тип. Кирилова, 1838. 14 стр. in-8°.

66) Практическое руководство къ варенію мыла для домашняго употребленія, или собраніе способовъ, помощію которыхъ всякой можетъ приготовлять какъ для собственнаго домашняго употребленія, такъ и для продажи разнаго рода бѣлое, туалетное и благовонное мыло въ простыхъ и немногосложныхъ снарядахъ, кои можно имѣть во всякомъ домѣ, гдѣ только моютъ бѣлье. Филиппа Колбе. Переводъ съ третьяго улучшеннаго изданія. М. въ тип. Кирилова, 1838. IV и 29 стр. in-8°.

XIV. *Медицина.*

67) О способахъ отвращать смертность младенцевъ на 1-мъ году ихъ жизни въ быту крестьянскомъ. Сочиненіе Штабъ-Лекаря Нечаева. Казань, въ Университетской тип. 1837. (8) 38 стр. in-8°.

XV. *Смѣсь.*

68) Zwanzigste Jahres-Rechenschaft des Frauen-Vereins zu Riga. Am 15-ten Januar. 1838. Рига, въ тип. Геккера. 7 стр. in-4°.

69) Probeblätter der neuesten und geschmackvollsten Lettern, Titelschriften, Verzierungen, Vignetten etc. aus der Buchdruckerei unter der Firma von Lindfors Erben in Dorpat. 1838. 14 стр. in-4°.

70) Ankundigung einer unter dem Titel Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands herauszugebenden Zeitschrift. Дерптъ, въ тип. Шюнмана. 8 стр. in 8°.

71) Nouveautés en musique qui se vendent chez Paul Lehnhold au magasin de musique et d'instrumens, A l'Illinka, maison Butschkoff ci-devant Plotnikoff. Новости музыкальныя, продающіяся у Павла Ленгольда въ Москвѣ, на Ильинкѣ, въ домѣ Бычковой, прежде бывшій Плотниковой. М. въ тип. Степанова, 1838. 65 стр. in-12°.

72) Новый и полнѣйшій гадательный оракулъ, или чудесное таинство предсказаній, колдовства и чародѣйства, заключающее въ себѣ все, что изобрѣли досслѣ умы человѣческіе для открытія прошедшаго, объясненія настоящаго и предсказанія будущаго; служащія вѣрною отрадою въ скукѣ людямъ всякаго возраста и пола, невиннымъ увеселеніемъ дѣвицъ и юношей, забавнымъ упражненіемъ дамъ и старушекъ; словомъ, пріятнѣйшимъ препровожденіемъ празднаго времени; съ показаніемъ всѣхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ способовъ гаданій. Составлено изъ разныхъ астрономическихъ, Философическихъ, астрологическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ, И. Данилевскимъ. Раздѣленная на 13 книгъ, въ трехъ частяхъ. М. въ тип. Степанова, 1838. 301, 207 и 107 стр. in-8°.

73) Ворожея, или новый способъ гадать на картахъ. М. въ Университетской тип. 1838. 46 стр. in-12°.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Московскаго Университета.

Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 12 Іюня 1829 года, за № 4028, возложилъ на Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета обязанность, разсылать во всѣ Учебныя Заведенія Россійской Имперіи *Пространный Катихизисъ* и *Начатки Христіанскаго ученія съ краткимъ Катихизисомъ*, изданные Правительствующимъ Сvнодомъ; книги эти Правленіе выписываетъ изъ Конторы Московской Сvнодальной Типографіи за наличныя деньги; почему и проситъ Учебныя Заведенія, при отношеніяхъ своихъ о выпискѣ означенныхъ книгъ, доставлять и слѣдующія за нихъ по расчету деньги: за Пространный Катихизисъ по 48½ к., а за Начатки Христіанскаго ученія съ краткимъ Катихизисомъ по 26½ к. на ассигнаціи за каждый экземпляръ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

№ III. Мартъ.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Февраль мѣсяцъ.)

9. (1 Февраля) *О назначеніи при Таганрогской Гимназіи Письмоводителя.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: при Таганрогской Гимназіи имѣть, сверхъ положеннаго по Штату 8 Декабря 1828 года Канцелярскаго Служителя, другаго въ званіи Письмоводителя, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ изъ 3,000 р., отпускаемыхъ Гимназіи отъ города.

10. (15 Февраля) *Объ опредѣленіи при Гимназіяхъ особыхъ Надзирателей за вольноприходящими учениками.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе впредь при Гимназіяхъ, гдѣ позволятъ экономическія суммы, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, особыхъ, по примѣру нѣкоторыхъ Учебныхъ Заведеній въ Западныхъ Губерніяхъ, Надзирателей за вольноприходящими учениками, съ назначеніемъ жалованья смотря по экономическимъ средствамъ Заведеній, числу учениковъ и другимъ обстоятельствамъ, и съ предоставленіемъ имъ правъ, какими пользуются Комнатные Надзиратели при Пансіонахъ Гимназій.

11. (22 Февраля) *Объ опредѣленіи при 2-й Кіевской и Волынской Губернской Гимназіяхъ добавочныхъ Надзирателей.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: опредѣлить при 2-й Кіевской и Волынской Губернской Гимназіяхъ, сверхъ положеннаго по Штату числа, еще по одному Надзирателю за учащимися, съ производствомъ имъ жалованья, на равнѣ съ Штатными Надзирателями, изъ тѣхъ источниковъ, на счетъ коихъ содержатся сказанныя Гимназіи, и съ присвоеніемъ имъ одинаковыхъ правъ, съ тѣмъ, чтобъ жалованье,

какое причтется Сверхштатному Надзирателю Волынской Гимназіи въ текущемъ году, выдано было изъ экономическихъ суммъ сего Заведенія.

Определенія и награжденія.

Высочайшимъ Указомъ 12 Февраля, Г. Министру Народнаго Просвѣщенія Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Совѣта, учрежденнаго при Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ и С. Петербургскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины.

Определены:

По Учебнымъ Округамъ.

По Дерптскому: Ландратъ фонъ *Ренненкампфъ* и Ландратъ Баронъ *Брюйнингъ* — Почетными Попечителями Гимназій: первый Рижской, а последній Дерптской, на текущее трехлѣтіе (15 Февраля).

Награжденъ:

Высочайшая Грамота,

данная въ С. Петербургѣ 2 Февраля 1838.

Статскому Совѣтнику Члену Императорской Россійской Академіи *Крылову*.

Отличные успѣхи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ Отечественной Словесности и благородное, истинно Русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращало на себя Наше постоянное вниманіе, въ ознаменованіе коего

жалуемъ васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, Повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
2 Февраля 1838.

a) *Орденомъ.*

Св. Станислава 4-й степени: Секретарь Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія 9 класса *Каратыгинъ* (11 Февраля).

b) *Чиномъ.*

Главный Тайша Иркутскаго Округа Аларскихъ Бурятъ *Батаровъ*—Чиномъ Коллежскаго Регистратора за устройство на свой счетъ при Главной Конторѣ Аларскихъ Бурятъ въ 5-мъ Хонхондорскомъ родѣ втораго Приходскаго Училища (8 Февраля).

c) *Подаркомъ.*

Почетный Смотритель Училищъ Тимскаго Уѣзда *Чернышевъ* брилліантовымъ перстнемъ за пожертвованіе дома въ пользу тамошняго Уѣзднаго Училища (8 Февр.).

d) *Медалями.*

Почетный Гражданинъ Верховажскій 1-й гильдіи купецъ Алексѣй *Рудаковъ*, Ставропольскій 1-й гильдіи

купеческій сынъ Василій *Тарасовъ*, 3-й гильдіи купцы: Дмитровскій Иванъ *Ждановъ*, С. Петербургскій Михаилъ *Башмаковъ*, Архангельскій Лазарь *Фешиновъ*, Нижнеудинскій Моисей *Прейсманъ*, и Семеновскаго Вольнопахотнаго села Бора волостной голова крестьянинъ Иванъ *Трусовъ* — первые пять золотыми, а послѣдніе два серебряными медалями на Аннинской лентѣ съ надписью за полезное, для ношенія на шеѣ (8 Февр.).

Удостоено Высочайшаго принятія поднесенное Архитекторомъ *Вендрамини* сочиненіе: Précis historique et raisonné sur l'origine, les progrés, la décadence et la renaissance de l'Architecture (6 Февраля).

2. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Февраль мѣсяцъ).

7. (3 Февраля) *Объ опредѣленіи Врача при Могилевской Гимназіи.*

Въ слѣдствіе представленія Г. Помощника Попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго 12 Мая 1836 года Положенія Комитета Гг. Министровъ, разрѣшилъ опредѣлить при Могилевской Гимназіи, Уѣздномъ и Приходскомъ Училищахъ особаго Врача, безъ жалованья, но съ правами дѣйствительной Государственной службы.

8. (16 Февраля) *О введеніи преподаванія Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Валуйскомъ Уѣздномъ Училищѣ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ, чтобы въ Валуйскомъ Уѣздномъ Училищѣ введено было преподаваніе Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, безмездно, по изъявленному согласію Учителями онаго Училища.

9. (9 Февраля) *Объ опредѣленіи и увольненіи отъ службы Помощниковъ Прозекторовъ Казан-*

скаго Университета, и о порученіи исправленія сихъ должностей, въ случаѣ надобности Студентамъ 4 *и* 5 *курсовъ Врачебнаго Отдѣленія.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, изъявилъ согласіе на опредѣленіе и увольненіе отъ службы Помощниковъ Прозекторовъ при Казанскомъ Университетѣ, Попечителемъ по представленію Совѣта, а также и порученія исправленія сихъ должностей въ случаѣ надобности Студентамъ 4 и 5 курсовъ Врачебнаго Отдѣленія, съ производствомъ имъ за сіе платы отъ 100 до 500 рублей, изъ положенной по Штату Университета суммы на жалованье Помощникамъ Прозекторовъ, но безъ присвоенія имъ правъ дѣйствительной Государственной службы.

10. (16 Февраля) *Объ опредѣленіи Врача при Пружанскомъ Уѣздномъ Училищѣ.*

По представленію Г. Помощника Попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, разрѣшилъ имѣть при Пружанскомъ Уѣздномъ для Дворянъ Училищѣ особаго Врача на томъ же основаніи, какъ выше сказано о Врачѣ Могилевской Гимназіи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И УВОЛЬНЕНІЯ.

Опредѣлены:

По Канцеляріи Г. Министра.

Коллежскій Секретарь *Оберть* — Помощникомъ Секретаря (27 Февраля).

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Коллежскій Регистраторъ *Толвинскій* — Младшимъ Помощникомъ Столоначальника (15 Февраля).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: Заслуженный Профессоръ *Грефе* — Профессоромъ Греческой Словесности и Древностей на пять лѣтъ (3 Февраля).

По Казанскому: Академикъ Императорской Академіи Наукъ, Профессоръ Дерптскаго Университета Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Струве* утвержденъ Почетнымъ Членомъ (24 Февраля).

По Главному Педагогическому Институту.

Ординарный Профессоръ *Ободовскій* опредѣленъ Секретаремъ Конференціи на три года (23 Февраля).

По Румянцевскому Музеуму.

Коллежскій Ассессоръ *Онацевичь* — Помощникомъ Библіотекаря (24 Февроля).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Коллежскій Совѣтникъ *Зиновьевъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Порховскаго

Уѣзднаго Училища (23 Февраля); Штабсъ-Капитанъ Баронъ *Корфъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Новоржевскаго Уѣзднаго Училища (того же числа); Титулярный Совѣтникъ *Соболевъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Угличскаго Уѣзднаго Училища (16 Февраля); Медико-Хирургъ Ораніенбаумскаго Военно-Сухопутнаго Госпиталя *Щегловъ* — Врачемъ при тамошнемъ Уѣздномъ Училищѣ (5 Февраля).

По Харьковскому: Кандидатъ Харьковскаго Университета *Фирсовъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Острогожскаго Уѣзднаго Училища (5 Февраля); Губернскій Секретарь *Алферовъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Купянскаго Уѣзднаго Училища (5 Февраля); Отставной Подполковникъ *Купенковъ* — Исправляющимъ должность Директора Училищъ Кавказской Области (того же числа); Инспекторъ Новочеркасской Гимназіи Надворный Совѣтникъ *Золотаревъ* — Исправляющимъ должность Директора Училищъ Войска Донскаго (9 Февраля).

По Одесскому: Титулярный Совѣтникъ *Дымчевичъ* — Инспекторомъ Казенныхъ Училищъ (24 Февраля).

По Бѣлорусскому: Акушеръ Могилевской Врачебной Управы Надворный Совѣтникъ *Бѣневскій* — Врачемъ тамошней Гимназіи, Уѣзднаго и Приходскаго Училищъ (3 Февраля); Пружанскій Уѣздный Лекарь *Попейко* — Врачемъ при тамошнемъ Уѣздномъ для Дворянъ Училищѣ (16 Февраля).

Уволены:

По Румянцевскому Музеуму.

Титулярный Совѣтникъ *Терещенко* — отъ должности Помощника Библіотекаря и Смотрителя за домами Румянцевскаго Музеума, по прошенію (9 Февраля).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Коллежскій Ассессоръ *Бухаревъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Порховскаго Уѣзда, по прошенію (23 Февраля); Подполковникъ *Елагинъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Новоржевскаго Уѣзднаго Училища, по прошенію (23 Февраля).

По Харьковскому: Надворный Совѣтникъ *Селиванов* — отъ должности Директора Новочеркасской Гимназіи (9 Февраля).

По Казанскому: Коллежскій Ассессоръ *Базилевскій* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Уфимскаго Уѣзднаго Училища (9 Февраля).

Изъявлена благодарность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Библіотекарю Чешскаго Музея въ Прагѣ, Г- *Ганкѣ* за попеченіе о дальнѣйшемъ образованіи находящагося въ Прагѣ Студента Главнаго Педагогическаго Института Иванишева (23 Февраля); Почетному Попечителю Тамбовской Гимназіи *Карачинскому* — за пожертвованіе въ пользу тамошней Гимназіи ас. 1000 р. (5 Февраля).

II.

НАУКИ.

1.

О ДРЕВНѢЙШЕМЪ СУЩЕСТВОВАНІИ РУССКИХЪ ВЪ РОССІИ И ВИЗАНТІИ,

подъ названіями Готѳовъ, Варяговъ, Федератовъ и Руссовъ, до основанія Россійскаго Государства.

Чѣмъ внимательнѣе разсматриваемъ мы слѣды, оставшіеся со времени первоначальнаго существованія народовъ, отъ колыбели образованія ихъ, тѣмъ яснѣе открываются взору нашему начала новѣйшихъ Государствъ. Такимъ образомъ уже со времевъ достославнаго царствованія Елисаветы и Екатерины II, даже со времени Петра Великаго, Ученые ревностно стремились къ изысканію слѣдовъ Русскаго народа и Владѣтелей ихъ, и мы узнали, что великій народъ Русскій, не имѣя еще надъ собою общаго Властителя, находился въ сношеніяхъ съ различными народами Среднихъ вѣковъ;

мы отыскали его подъ разными названіями даже тамъ, гдѣ вовсе не предполагали бытія его. Этому мы не должны удивляться, потому что каждый народъ, и въ разныя времена, или называлъ самъ себя, смотря по степени своего могущества, или получалъ названіе свое отъ другихъ народовъ. Такъ и Нѣмцы первоначально встрѣчаются подъ названіемъ Кельтовъ, *вмѣстѣ съ Галлами*, потомъ подъ названіемъ Германцевъ. Въ послѣдствіи опять исчезаетъ это названіе, и народъ, при Маріи, принимаетъ два наименованія—Кимвровъ и Тевтоновъ, тѣхъ самыхъ, которые опустошали Римскія земли въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія. При Цезарѣ, который послѣ побѣжденія Галловъ проникъ за Рейнъ, опять появляется названіе *Германцевъ*, а изъ названія *Германія*, скоро послѣ того, какъ Германцы впоргнулись въ Восточную Галлію, произошли *Germania magna* и *Germania Cisrhenana*.

При позднѣйшихъ Императорахъ, *Аллеманы* и *Франки*, поселившіеся около Рейна, содѣлались грозными врагами для Римлянъ. Съ появленіемъ ихъ исчезло общее наименованіе *Германіи*, и Галлы называли всю землю *Allemannia* (Allemagne); до тѣхъ поръ, пока Франки не овладѣли почти всею Германіею, которая потомъ названа была Восточною Франконіею. Послѣ раздѣленія, при туземныхъ Нѣмецкихъ Короляхъ и Императорахъ, явилось опять названіе *Тевтоновъ* или *Нѣмцевъ*, между тѣмъ какъ у Византійцевъ назывался этотъ народъ Франками, а у Русскихъ—Нѣмцами. Столько названій имѣетъ одна и та же нація, въ разныя

времена и у разныхъ народовъ! И такъ удивительно ли, если и съ Русскими происходило то же самое; не есть ли обязанность Историка доискиваться слѣдовъ народа и тамъ, гдѣ онъ скрывается подъ чужимъ названіемъ.

Въ первой моей статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ, столь важномъ въ отношеніи къ основательному просвѣщенію (1), старался я показать, что Отечество наше получило названіе свое отъ тѣхъ Руссовъ, которые, состоявъ въ сношеніи съ обитателями Западной Швеціи и области, называемой *Рослагенъ*, пришли сюда съ Рюрикомъ и братьями его изъ Южной Ютландіи. Я старался доказать, что они принадлежали къ Готѳскому поколѣнію, которое, при *Одинѣ*, оставивъ Южную Россію, образовало новыя Государства, бывшія страшными для всѣхъ приморскихъ Державъ. Уже Несторъ называетъ этихъ Царей и народъ ихъ Варязями или Варягами, и мы можемъ безъ сомнѣнія подъ обоими этими названіями, какъ и переводомъ ихъ, *Foederati*, разумѣть древнихъ Русскихъ у Византійцевъ.

Если же мы намѣрены изслѣдовать, когда первоначально встрѣчается это названіе, то обратимся прежде всего къ Птоломею, древнему Географу Александрійскому. Птоломей (2), описывая такъ называемую *magna insula Scandiae*, т. е. нынѣшнюю Швецію, которая почиталась островомъ, говоритъ: «На Западной части

(1) Журн. Министр. Нар. Просв. Февр. 1836.
(2) Ptol. Geogr. II, 4.

«этого острова живутъ *Chaedini*, на Восточной «*Phavonen* и *Phiraesi*, на Южной *Gutae* и *Dan*-«*ciones.*» И такъ *Phiraesi* встрѣчаются на Восточныхъ берегахъ Швеціи, точно тамъ, гдѣ нѣсколько позже жили Варяги въ Рослагенѣ, съ которыми соединился Рюрикъ при первомъ своемъ вторженіи въ Россію, въ 852 году. Странно, что никто не обращалъ вниманія на такое появленіе Варяговъ еще при Птоломеѣ. И не уже ли столь малое различіе въ имени было тому причиною? Чтобы объяснить это, замѣчу, что у Грековъ для выраженія w не было никакой другой буквы кромѣ *ου* или *φ*, а что касается до буквы *ι* въ первомъ слогѣ, то таковая въ словѣ *Phiraesi* измѣнилась въ *a*, такъ же, какъ и Птоломеево имя *Virinum* въ нынѣшнее *Varin*. Букву же *з*, въ послѣднемъ слогѣ, находимъ мы уже у Нестора, который пишетъ *Варяги* и *Варязи*. И такъ слѣды Варяговъ открываемъ мы уже во времена Птоломея, который жилъ въ Египтѣ въ 170 г. послѣ Р. Х. и никогда не выходилъ изъ своей родины. Откуда же онъ собралъ такое объ нихъ свѣдѣніе? Не знали ли они можетъ быть тогда уже того торговаго пути въ Византію и даже въ Египетъ, который въ послѣдствіи времени сдѣлался столь извѣстнымъ, и о которомъ Несторъ увѣряетъ, что онъ былъ открытъ и во времена Апостоловъ (*)?

Названіе *Warāsi* распространено въ послѣдствіи на всѣ прочіе Скандинаво-Готѳскіе народы, которые участвовали въ выгодной торговлѣ съ

(*) Лѣтопись Нестора, Предисловіе.

Византіею. Никто изъ Латинскихъ Географовъ не знаетъ этихъ *Waräsi*, неоспоримо потому, что первоначально они имѣли торговыя сношенія съ Византіею и съ Востокомъ, а не съ Римомъ.

Готѳы, которые вмѣстѣ съ Русскими, принадлежали къ одному и тому же племени, уже давно были извѣстны вторженіями своими въ земли Восточной Римской Имперіи.

Всѣ Нѣмецкіе народы уже вскорѣ послѣ Рождества Христова находились въ движеніи, чтобы отыскать для себя жилища въ Римской Имперіи и воспользоваться Римскимъ образованіемъ; и какъ ***Маркоманны***, ***Аллеманы*** и ***Франки*** потрясали Западную Римскую Имперію, такими же разрушителями явились и Готѳы на Востокѣ (*). Уже ***Каракалла*** сражался съ ними на Дунаѣ (215); но по смерти его перешли они черезъ Дунай и при Восточно-Римскомъ Императорѣ Максиминѣ Ѳракійцѣ (Maximinus Thrax) наводнили Ѳракію (первоначальное ихъ жилище во времена Дарія Истаспа). Максиминъ былъ самъ Готѳъ,

(*) Но къ этимъ Готѳскимъ народамъ принадлежали также обитатели Скандинавіи, которые, неизвѣстно въ какое время, но конечно до Аттилы, удалились съ береговъ Дуная въ Скандинавію, подъ предводительствомъ *Одина*. Этотъ народъ, со временъ Тацита, является тамъ подъ разными названіями, между коими, кажется, важнѣйшее для насъ названіе: *Phiräsi*, народа, обитавшаго въ Восточной части Швеціи, древней *Scanzia major*. Птоломей говоритъ: «большой островъ «*Scandia* называется также *ἰδέως Σκάνδεια*, а Западную «часть его населяютъ Chaedeini, Восточную *Phavonen* и «*Phiraesi*.» Что эти Phiräsi суть Варяги, это показалъ я уже выше.

изъ Ѳракіи (Jorn. Get. XV), и этому-то обстоятельству обязаны мы тѣмъ, что Готѳы въ то время не были силою вытѣснены за Дунай. Послѣ убіенія Максимина, взбунтовались Готѳы (при Царѣ ихъ *Ostrogotha*), коихъ большое число находилось въ Римскомъ войскѣ. При Филиппѣ Аравитянинѣ (Philippus Arabs), царствовавшемъ въ 248 году, Готѳы являются у Римлянъ подъ названіемъ *φοίδερατοί* (1) (Foederati, союзники), которое, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (2), имѣетъ то же значеніе, что и слово Варяги, Waränger, Warangoi: слѣдственно и очень вѣроятно, что *Максиминъ принялъ ихъ сначала какъ союзниковъ или Wäringer.* Подобно Западно-Римскимъ Императорамъ, Восточные начали также содержать при Дворѣ своемъ чужестранныхъ наемниковъ, которымъ, какъ Преторіанской стражѣ, гораздо охотнѣе поручали храненіе жизни (3), нежели туземцамъ. Это

---

(1) Jornandes R. Get. Cap. XVI, говоритъ: Philippo regnante Gothi, ut assolet distracta sibi stipendia sua ferentes aegre, de amicis facti sunt inimici. Nam quamvis remoti sub regibus viverent suis, Respublicae tamen Romanae *foederati* erant, et annua munera perspiciebant.

(2) Англо-Саксонское *Wäre* значитъ: *pactum* (договоръ, союзъ, Vertrag, Bund), у Аллемановъ *Wara*, у Ульфила *Wairthi*, *Gawairthi.* См. Эверсовы практическія предуготовительныя статьи, pg. 81 (Kritische Vorarbeiten) съ принадлежащими къ нимъ замѣчаніями. У Византійцевъ называются они *Βάραγγοι*, Warangi. Что за связь между этимъ именемъ и вышеупомянутыми Phiräsen, Waräsen? — рѣшить я не намѣренъ.

(3) Тѣ, которые хотѣли вступить въ тѣлохранители Хазарскіе или Варяжскіе, должны были, въ залогъ вѣрности, заплатить 7 ф. золота или 504 solidos, за что они получали только 12 solidos золота (Const. Porphyr. de Cer. p. 400). Стриттеръ

были наемники, пришедшіе изъ Сѣверныхъ странъ; они служили вмѣсто малодушныхъ Римлянъ, которые часто увѣчили себя, чтобы только не носить оружія (1). Защитники въ Византіи содѣлались скоро притѣснителями народа, приходя въ провинціи, предавались грабежу, какъ природной склонности своей (2). Таковые Palatini получали самое большое жалованье, хотя менѣе всѣхъ чѣмъ-либо занимались, такъ что воины, служащіе въ пограничной стражѣ (Ripenses), получали жалованье, составляющее только ¹ жалованья первыхъ. Топоръ служилъ имъ оружіемъ, у Грековъ однакожъ неупотребительнымъ: отъ чего и получили названіе Pelekyphoren (сѣкироносцы) (3); это самое оружіе могло бы служить новымъ доказательствомъ, что они принадлежали къ Германо-Скандинавскому племени, если бы то же

(Hist. Byz. III. pg. 168 и Mem. pop. III. p. 576) принимаетъ это за мѣсячное жалованье; но Кругъ (Münzk. Russl. p. 53, 178) доказываетъ вѣроятнѣе, что здѣсь подразумѣвалось 4-хъ мѣсячное жалованье, какимъ образомъ и Византійцы оное платили, такъ же какъ и въ Россіи по нынѣ выплачивается жалованье «по третямъ.» Византійцы, которые хотѣли служить, должны были имѣть 3—5 ф. золота, Кругъ l. c. pg. 179.

(1) Одинъ Римскій всадникъ, который по этой причинѣ изувѣчилъ сыновей своихъ, уже при Августѣ выставленъ былъ на продажу въ рабы, а тѣ, которые уклонялись отъ военной службы (и которыхъ называли *murci*), были при Валентиніанѣ казнены. И Константинъ Великій установилъ для таковыхъ строгіе законы.

(2) Ammian. Marc. XXII, 4. Ferox in suos miles et rapax.

(3) Cantacuzenus l. I. Hist. cap. 41. *οἵτε τοὺς πελέκεις ἔχοντες Βάραγγοι.* Nicetas in Alex. Is. F. num. 5. *ὅδε τοὺς πελεκυφόρους ἐκκλησιάσας.*

не оказывалось и изъ многихъ другихъ ясныхъ доказательствъ (1). Кому не извѣстно это оружіе Сѣвера, съ которымъ изображался *Thor*, и которое было въ употребленіи до исхода средняго вѣка въ Германіи? И Русскіе употребляли таковое же оружіе, вмѣстѣ съ Франконскими мечами, ибо уже *Ibn Foszlan* (2) говоритъ о Русскихъ: «Каждый имѣетъ при себѣ топоръ, ножъ (кинжалъ), «и мечь. Мечи ихъ широкіе, волнообразно-полосатые и Франконской работы. На одной сторонѣ «оныхъ, отъ самаго конца до эфеса, изображены «деревья, фигуры и тому подобное.» Кто не вспомнитъ при томъ о нашихъ древнихъ Нѣмецкихъ мечахъ и оружіяхъ разнаго рода, о бокалахъ, рогахъ для питья, могильныхъ урнахъ, и т. д. такимъ же образомъ украшенныхъ разными фигурами? Въ Византіи тѣлохранители (Trabanten) Царя носили также копья: потому и назывались Doryphoren (копьеносцы) (3). *Ибнъ Фосцланъ*, которому мы обязаны сообщеніемъ древнѣйшихъ Арабскихъ извѣстій о Русскихъ, хотя и не упоминаетъ объ этомъ оружіи каждаго Русскаго (4),

---

(1) По Du Cange (въ его Glossar. Graec. s. v. *Βάραγγοι* и въ Glossar. med. Lat. s. v. Vargi)— Varangi были Anglo-Dani. Это совершенно согласуется съ моими изслѣдованіями, потому что Княжескій родъ Русскихъ Варяговъ произвожу я изъ Южной Ютландіи, бывшаго мѣстопребыванія Англовъ. См. Журн. Мин. Нар. Просв. Февр. 1836.

(2) Frähn Ibn Foszlan p. 5.

(3) Nicetas in Manuele lib. VI. num. 5.

(4) Это неоспоримо происходитъ отъ того, что Ибнъ Фосцланъ ознакомился только съ тѣми Русскими, которые производили торговлю по Волгѣ, и въ лагерѣ коихъ онъ бывалъ.

однакожъ изъ Русскихъ Лѣтописей доказывается, что оное можно принять за знакъ отличія, употребляемаго по крайней мѣрѣ Князьями и тѣлохранителями ихъ: ибо Святославъ, будучи еще отрокомъ, убилъ въ сраженіи копьемъ своимъ коня одного Древлянина (1); а Святополкъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ убить брата его копьями (2). Слѣдственно оно служило почетнымъ оружіемъ у Варяговъ, которое они удержали, находясь и при Византійскомъ Дворѣ. Уже при *Максентіи* встрѣчаемъ мы Руриція (Ruricius), который, какъ Praefectus praetorio, предводительствовалъ тѣлохранителями, состоявшими по большой части изъ иностранцевъ, и который, храбро сражаясь, палъ въ битвѣ при Веронѣ, въ 312 году. Ruricius есть совершенно Скандинавское имя Рюрикъ. Константинъ поразилъ потомъ въ 322 году пришедшихъ изъ-за Дуная Сарматовъ (Anon. auct. hist. Constantin., у Валезія) или Готѳовъ (Zosimus I, 25), переселялъ многихъ изъ нихъ въ города Дакіи и Нижней Мизіи и ввелъ Сарматскія игры, которыя праздновались при окончаніи каждаго года. Пославъ за Дунай сына своего Константина, въ 332 г. побѣдилъ онъ еще разъ Готѳовъ; 40,000 изъ послѣднихъ принялъ къ себѣ въ службу, жаловалъ имъ почетныя мѣста и чины; одному изъ Царей ихъ, Атанариху, велѣлъ воздвигнуть памятникъ (De Beau, vol. I, p. 547), и по словамъ Никифора (Stritter II, 956) сдѣлалъ одного

---

(1) Несторъ подъ 946 годомъ.

(2) Несторъ подъ 1015 г.

Русскаго Князя своимъ Стольникомъ (Truchsess, dapifer). Въ честь Варягамъ, по словамъ Константина Порфиророднаго, ежегодно въ девятый день послѣ Рождества, праздновали при Дворѣ «*Готөскій праздникъ*», и въ этотъ день являлись люди въ Готөскомъ одѣяніи. Они носили шубы, вывернутыя шерстью вверхъ; во время обѣда ударяли прутьями по своимъ щитамъ и кричали: Tul! Tul! Они пѣли также «*Готөскую пѣснь*» за здравіе и долгоденствіе Царя, ихъ благодѣтеля. Однакожъ слова этой пѣсни не Готөскія, но отчасти взяты изъ Священнаго Писанія (Еврейскаго), отчасти составлены изъ Латинскаго, но изуродованы варварскимъ образомъ (1). Рейске судилъ справедливо (въ замѣчаніяхъ на сіе мѣсто), что это празднество было то самое, которое, подъ именемъ «*Сарматскаго*» введено было уже (283) Царемъ *Кариномъ* (2). Таковое названіе, по словамъ Рейске, дано было потому, что «въ это время представлялись Сарматы или «Готөы, Варанги или Франки, или Греки и Римляне въ Скиөскомъ, Варангскомъ, Готөскомъ

---

(1) Const. Porph. de Caerim. aul. Byz. доставилъ ихъ, по описанію праздника I No 224 и 225, въ сокращенномъ Словарѣ, который однакожъ содержитъ почти всѣ слова такъ называемаго *Γοθικόν*. Начало его: Gauzas, bonas, vidikias, hagia gaudentes, elkibonides enkerlys, agia, bona, hora—что объясняется въ Словарѣ: *Χαίρεσθε, καλαί, γειτονεῖαι, χαίρεσθε, προσκαλούμενοι ἀγωνιζόμενοι, νάνα (σῶσον δὴ σῶσον) καλὴ ὥρα.*

Означенныя здѣсь *γειτονεῖαι*, сосѣдства, суть вѣроятно товарищества воиновъ, составляющія у Русскихъ дружину свиту Князей.

(2) Flav. Vopiscus in vita Carini Cap. 19.

«или Франконскомъ одѣяніи. Игры эти существовали не только во времена нашего Константина»—далѣе говоритъ Рейске—«не только во «времена Карина, Вописка и Юстиніана, но и въ «народѣ въ послѣднее время Константинополя.» — Кодинъ, описывая увеселенія, обыкновенныя во время Рождественскихъ праздниковъ, говоритъ (Offic. p. 90 n. 12): «во время обѣда Варанги подходятъ «къ Царю и желаютъ ему долгоденствія, выражаясь на отечественномъ языкѣ (Англовъ) (*), причемъ ударяютъ топорами, причиняя такимъ «образомъ большой шумъ.» — Дальнѣйшее описаніе очень согласно съ описаніемъ Императора Константина, или, еще болѣе, одного древнѣйшаго Писателя тѣхъ временъ, когда *Готѳы* составляли придворную стражу. Ибо около времена Юстиніана исчезаетъ это имя, мѣсто коего заступаютъ въ придворныхъ войскахъ (Hetärie, родъ дружины или придворной стражи) Варанги или Франки, Сарацины, Фарганы, Хазары и т. д. Слѣдственно это были Готѳы или Греки въ Готѳскомъ одѣяніи, которые должны были возбуждать смѣхъ или ужасъ, поздравляя Государя, и за это получать подарки. Рейске продолжаетъ, что существующій у Нѣмцевъ обычай о Рождествѣ, когда обыкновенно является слу-

(*) Мѣстопребываніе Англовъ было сперва въ Средней Германіи при Эльбѣ, потомъ въ Южной Ютландіи, въ Провинціи Angeln, до перехода ихъ съ Саксонцами въ Англію: слѣдственно и это служитъ доказательствомъ происхожденія Варяговъ изъ Южной Ютландіи, гдѣ и нынѣ Провинція Angeln имѣетъ свое названіе отъ нихъ.

га Рупрехтъ, закутанный въ шубу (для принесенія дѣтямъ подарковъ или наказанія), имѣетъ связь съ играми Готескими (1); но таковое предположеніе кажется мнѣ довольно неосновательнымъ. Снорро говоритъ о Верингерахъ: «*они образуютъ стра*«*жу около Царя*» (2). Начальникъ ихъ, какъ говоритъ Кедринъ, былъ Parakoimomenos (Cubicularius, Cämmerer) Казначей Царя (3), облеченный въ достоинство, которое, какъ и достоинство Стольника (dapifer или Seneschal) было высочайшее и важнѣйшее въ Государствѣ. Потому мы и не должны удивляться, что Русскій Князь, принадлежавшій безъ сомнѣнія къ этому корпусу Верингеровъ или Федератовъ, занималъ мѣсто и достоинство Стольника, какъ сказано выше (4). Это первый случай, въ который упоминается въ Византіи о Руссахъ, хотя въ то же самое время въ сраженіи при Веронѣ, въ 311 году, встрѣчается имя Рурицін (Ruricius), бывшаго полководцемъ Максентія и напоминающаго о Сѣверномъ происхожденіи его (5). Въ 323 году, когда

(1) Сравни подробное описаніе въ Reiskes adnott. къ Const. Porph. изданное въ Боннѣ 1830 г. во 2-й части этого изданія pg. 355 — 559.

(2) Vaeringiar hielldo vorth, oc vocto yfis Kongi. Шлецерова Nordische Geschichte pg. 546.

(3) Stritter II, 231, 246.

(4) Nicephorus Gregoras I, pg. 146. — Stritter IV, 2, pg. 956.

(5) Nazarii Panegyricus Constantino Aug. l. XXV: Aderat quidam *Ruricius* (Veronae scilicet) experientissimus belli et tyrannicorum ducum columen. Clausi impetum faciunt et poenas eruptionis temerariae pependerunt. Idemque *Ruricius* magna suorum clade rejectus in moenia, spe jam lassa, sed adhuc mente vesana, cum se

Готѳы вновь вторгнулись въ Нижнюю Мизію, Константинъ Великій поразилъ ихъ и преслѣдовалъ въ самыхъ владѣніяхъ Царя Луцинія. Послѣдній, раздраженный симъ поступкомъ, пошелъ противъ него войною и въ это время Константинъ принялъ въ службу множество Готѳовъ. Іорнандъ говоритъ потомъ: «Когда Кон«стантинъ основалъ соперницу Рима, названную «по его имени, Готѳы помогали ему; они заклю«чили союзъ съ Императоромъ и предложили «ему 40 тысячь своихъ единоземцевъ противъ «разныхъ народовъ, коихъ служба и число означены «по сей день.» Это опять тѣ же Foederati (*), т. е. Waeringer. Не задолго до Константина Великаго сдѣлали они нападеніе на Римскія владѣнія на 2000 корабляхъ и съ 320,000 воиновъ, проникли до Халкидона, Александріи, Троады, Крита и Родоса, ограбили Македонію и Ѳессалію, и потомъ многіе изъ нихъ вступили въ службу Императора Клавдія. Въ это же время, въ 325 году, случилось, что Епископъ Авдій, не соглашаясь со мнѣніемъ Никейскаго Собора въ отношеніи празднованія Пасхи, перешелъ къ Готѳамъ и распространялъ между ими Христіанскую Вѣру,

Verona proripuisset, novos eodem egit exercitus et praecipit ante jam die, bellum non detractavit, pugnae audacior quam salutis, sed eum exercitus magis, quam merito fefellerunt. Nam furorem mors domuit, quam non poterat nec considerati ratio, nec victi formido sanare. Это точно та же дикая храбрость, не слабыхъ Римлянъ тогдашняго времени, но иностранцевъ, продававшихъ себя Римлянамъ, особенно Готѳовъ. Captivi назывались также *alienigenae*, Cap. XXXI.

(*) Jornandes de reb. Get. Cap. 21.

послѣ чего Епископъ ихъ Улфила переложилъ Священное Писаніе на Готѳскій языкъ. Множество изъ Готѳовъ были переведены Константиномъ Великимъ въ Мизію. И такъ замѣчательно, что Абуль-Фараджъ (Hist. Dyn. p. 135) говоритъ: «*Россы приняли Христіанскую Вѣру уже въ IV вѣкѣ при Константинѣ Великомъ.*» Во всякомъ случаѣ относится это къ тѣмъ Руссамъ, которые поселились въ Константинополѣ или въ Мизіи. Но Готѳы, оставшіеся за Дунаемъ, и, по большой части, бывшіе еще идолопоклонниками, распространили владѣнія свои до Балтійскаго моря; то есть Царь ихъ, Эрманарихъ, по словамъ Іорнанда, покорилъ въ 550 году почти всю нынѣшнюю Европейскую Россію. Іорнандъ говоритъ: «Гебериху наслѣдовалъ Эрманарихъ, «благороднѣйшій изъ своего рода (aus dem Amalischen Geschlechte). Онъ покорилъ разные воинственные Сѣверные народы и далъ имъ свои законы: очень справедливо можно сравнить его «съ Александромъ Великимъ.» Чужіе народы, которые покорены имъ, Іорнандъ называетъ: *Scythae* (вѣроятно нынѣшняя Чудь), *Thuidi in Aunxis* (?) (1) *Vasinabroncae* (?) (2) *Merens*

---

(1) Thuidi in Aunxis, по моему мнѣнію (пока предложится что нибудь достовѣрнѣйшее), суть Чудь въ Унганіи (Ungaunien, Лифляндіи), принадлежащіе къ тѣмъ, которые были первые, призвавшіе въ послѣдствіи времени Русскихъ.

(2) Vasinabroncae показаны вѣроятно ошибкою и имя это должно раздѣлить такъ, что произойдутъ Vas (Весь, которые потомъ принадлежатъ также къ первоначальному Государству Рюрика) и Jnabroncae (?). Іорнандъ заимствовалъ эти названія изъ потерянныхъ сочиненій *Аблавія*; но они, кажется,

(Меря), *Mordensimnis* (вѣроятно Мордва), *Caris* вѣроятно Куры, которыхъ Несторъ называетъ Корсь), *Rocae* (?) (1), *Tadzans* (?), *Athual* (?) (2), *Navego* (?), *Bubegentae* (вѣроятно народъ, жившій около Буга, который Несторъ называетъ Бужане), *Coldae* (?); (3) потомъ онъ покорилъ Геруловъ (Heruli), жившихъ при Азовскомъ морѣ, и наконецъ Венедовъ (Veneti), при Балтійскомъ. О послѣднихъ говоритъ Іорнандъ: «послѣ пораженія Геруловъ, Эрманарихъ «пошелъ войною противъ Венедовъ (Venetes). «Послѣдніе хотя и не умѣли дѣйствовать ору-«жіемъ, но будучи сильны многочисленностію «своею, старались сначала сопротивляться; *но «многочисленностію на войнѣ ничего сдѣлать «не можно, особливо если выступятъ столь же «большія толпы вооруженныхъ*. Эти Венеды

искажены какъ бы то ни было, переписчиками ли Іорнанда, или самимъ *Іорнандомъ* или *Аблавіемъ*! И въ *Моисеѣ Хоренскомъ* встрѣчается множество такихъ искаженныхъ именъ народовъ внутренней Россіи.

(1) Rocae могутъ быть приняты здѣсь за тѣхъ же Руссовъ, о которыхъ,— по словамъ Торфея — уже до Рюрика упоминается въ Новѣгородѣ: «Jwaris, ut celebre apud Danos est, ita nobis quoque, filiae prius Auduvis cum Rudbare *Rossiae rege* connubio memorabile.»

(2) Athual: подъ этимъ именемъ, можетъ быть, должно разумѣть народъ, живущій подлѣ Атела (Athel) или Волги.

(3) Что за народъ *Coldae* у Іорнанда, объяснить я не рѣшаюсь. Можетъ быть тотъ самый, о которомъ упоминается въ Ярославовой Русской Правдѣ § 11. (Kolbjagen) и который пользовался одними правами съ Варягами («Если рабъ скроется «у Варяга или Колбяга, тогда возьми своего раба и 3 гривны «за несправедливость»); можетъ быть также живущіе вокругъ Ревеля, называемаго Русскими *Колывань*.

«(Veneti), происшедшіе отъ одного поколѣнія, «образуютъ три поколѣнія: Veneti, Antes и Slavi. «Также»—продолжаетъ Іорнандъ—«благоразуміемъ «и храбростію покорилъ онъ народъ Aestri (вѣро-«ятно Aestii, Эсты), живущій въ большомъ раз-«стояніи отъ Германскаго Океана, и такимъ «образомъ силою своею господствовалъ надъ «всѣми народами Скиѳіи и Германіи» (1). Одноплеменные съ Русскими Готѳы, уже до нашествія Гунновъ, основываютъ здѣсь Германское Государство, на такомъ же пространствѣ, какъ и Русское въ XI столѣтіи, отчасти еще обширнѣе; Государство это находилось въ ближайшемъ и дружественномъ сношеніи съ Византійскимъ Государствомъ.

Когда Гунны въ концѣ IV столѣтія вторгнулись въ земли Готѳовъ, лежащихъ къ Сѣверу отъ Дуная и Понта Эвксинскаго, и въ 376 году побѣдили Готѳскаго Царя Эрманариха: то послѣдній самъ умертвилъ себя, а все Готѳское Государство, простиравшееся отъ Дуная до Балтійскаго моря, разрушилось; Южные народы были отчасти вытѣснены Гуннами, а отчасти покорены ими; но Сѣверные, вѣроятно, образовали собственныя правленія (2).

(1) Jornandes de reb. Get. 25. Этому времени приписывается соединеніе Норманнскихъ Готѳовъ съ Славянами.

(2) Кіевъ, Chunigard, былъ тогда вѣроятно главный городъ Гунновъ, откуда однакожъ Готѳы не были вытѣснены. Адамъ Бременскій называетъ *Ostrograd Russiae* и присовокупляетъ потомъ: Chunigard eo dicitur, quod ibi sedes Hunnorum prius fuerit.

Извѣстно, что подъ предводительствомъ Фритигерна почти милліонъ Готѳовъ приняты были въ Римскомъ Государствѣ Валенсомъ, который снабдилъ ихъ, какъ Федератовъ, съѣстными припасами (1). . . .

. . . Императорскій Полководецъ Лупицинъ, который долженъ былъ снабдить ихъ съѣстными припасами, худымъ распоряженіемъ своимъ произвелъ мятежъ между Готѳами; Императоръ Валенсъ, поспѣшно вышедши противъ нихъ, лишился самъ жизни. Только Ѳеодосій I удачно удалилъ ихъ отъ Константинополя, и съ тѣхъ поръ, въ качествѣ мирныхъ Федератовъ, постоянно служили они лучшею защитою противъ Гунновъ.

Послѣ пораженія Аттилы (451), Авары (2), а потомъ Хазары, овладѣли Южною Россіею, а послѣдніе сдѣлали и Кіевлянъ данниками (3); однакожь

---

(1) Jornandes de reb. Get. c. 28; таковымъ Федератамъ платили хорошее жалованье; это видно изъ того, что при Львѣ Мудромъ 700 Русскихъ получали одинъ центенарій. Const. Porphyr. de Cerimon. Aul. Byz. Vol. II, p. 376, 378: изъ чего Кругъ (Münzkünde pg. 47—34) выводитъ, что 4-хъ мѣсячное жалованье каждаго составляло 10 золотыхъ солидовъ.

(2) Славяне, пришедшіе вѣроятно изъ Южной Россіи въ Кіевъ и Новгородъ, не покорялись Аварамъ, но объявили (по словамъ Менандера Протектора, Stritter Mem. Pop. II. p. 46, 4), что никому не будутъ платить дани, пока еще есть у нихъ мечи.

(3) Несторъ 862 г. — Дань состояла въ мечахъ, съ каждой трубы по одному (Введеніе). Таковые мечи имѣли видъ Франконскихъ, о двухъ лезвеяхъ. Кругъ (Münzkünde pg. 8e) полагаетъ, что «мечь давали въ знакъ отказа въ платежѣ дани.» Таковое заключеніе кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ Monachi Sangall. Gestes Caroli M. II, Cap. 18, нахожу я, что и Reges Normannorum pro sempiterna subjectione gladios suos Carolo dirigerunt et pro devotione aurum et argentum.

Готѳы Тетракситы, жившіе по Южнымъ берегамъ Крыма, долгое время оставались независимыми (1), между тѣмъ; какъ Славяне, заступившіе мѣсто Сарматовъ, отъ Дуная до Балтійскаго моря были самостоятельными. Впрочемъ они не образуютъ собою *одно* Государство, но являются какъ отдѣльно управляемые народы. Въ это время пришло съ береговъ Волги новое поколѣніе — Болгары или Волохи, которые, въ 487 году, проникнули въ Византію, чрезъ Дунайскія владѣнія Славянъ. Ѳеодорикъ Великій, Царь Готѳовъ, побѣдилъ ихъ во Ѳракіи и отчасти вытѣснилъ Славянъ изъ владѣній ихъ въ Польшу (Восточную Германію),— а по Несторову предисловію, «также «и Бѣлые Угры и Авары, во время Ираклія «(610 — 641), вытѣснили Славянъ съ береговъ «Дуная въ Новгородъ, Кіевъ и Полоцкъ.»

Весьма для насъ любопытно, что по книгѣ съ семью печатями, т. е. Географіи Анонима Равенны, въ промежуткѣ этого времени (2) встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Южной и Сѣверной Россіи также и Датскій или Норманскій народъ. Въ Сѣверной Россіи находимъ мы землю Роксолановъ подлѣ самаго Океана, также землю Сарматовъ (Славянъ) и

(1) Procop. de B. Goth. IV, 4.

(2) *Anonymus Ravennas*, коего географическое изданіе, по недостатку хорошихъ рукописей, конечно никогда не можетъ быть совершенно правильнымъ, — писалъ, я думаю, какъ и Montfaucon полагалъ, — въ V или уже позже всего въ VI столѣтіи послѣ Р. Х., что исторически поясняется изъ географическихъ его показаній. Жаль, что почти всѣ имена, которыя онъ приводитъ, ужасно искажены.

Свариковъ (Suearikes, Швецію (1); но за ними, на Океанѣ, островъ Scanza. Эта земля простиралась за Вислу. Посему, кажется, Роксоланы жили тогда въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Новогородской и С. Петербургской: для чего и говорится, что *Rerefrenen* и *Sirdefenen* (Финны) обитали къ Сѣверу отъ нихъ (2); потомъ слѣдуютъ Шведскія завоеванія по берегахъ *Лифляндіи* и Курляндіи, а за ними Сарматы или Славяне въ нынѣшней Пруссіи и Помераніи. Къ Югу отъ Роксолановъ, Анонимъ Равенскій полагаетъ *Scytho-Rogen* (вѣроятно слѣдуетъ читать *Scythorosi*, *Скиѳо-Руссы*) (3), *Gethen* и другіе неизвѣстные народы, и даже при Азовскомъ морѣ (Palus Maeotis) находимъ мы, по словамъ его, землю *Dardaniae*, коимъ именемъ уже въ первое время Средняго вѣка называли Датчанъ (Dani), чтобы возобновить древнее названіе одного народа, встрѣчающагося у Гомера. Это служитъ доказательствомъ, что, не смотря на выходъ Готѳовъ послѣ вторженія Гунновъ, «Готѳы и Норманны все еще «оставались въ Южной Россіи (4)» *Patria maxima*

(1) Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum. Perquam patriam inter caetera transeunt flumina, quae dicunturr, flucius maximus, qui dicetur Vistula, qui nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius qui diritur Lutta (?). Cujus patriae post tergae intra Oceanum supra scripta insula Scanza invenitur. An. Rav. IV, 4.

(2) An. Rav. IV, 12.

(3) Буква з въ древнемъ Славянскомъ нарѣчіи легко переходитъ въ g; въ Codicibus promiscue встрѣчаемъ Warägi, Waräsi.

(4) Item ad frontem Rhoxolanorum regionis sunt patria, id est *Scythorogorum*, item patria Campi—Campanidon nec non *Getho—Githorum*,

quae dicitur Dardaniae (1) есть безъ сомнѣнія земля, называемая въ Сѣверной Сагѣ Magna Sueonica, по которой протекалъ Донъ, и которая была родиною Одина и колюбелью Сѣверныхъ Царей.

Болѣе къ Западу, у Южнаго берега Понта Эвксинскаго, у того же Автора является названіе *Malorossa*, напоминающее о Малороссіи, хотя въ этомъ мѣстѣ Равеннскій Анонимъ, кажется, показываетъ одинъ городъ этого названія (2). Хазары, господствовавшіе въ VII столѣтіи около Волги,

Sygdabon, Fanaguron, Paludis Maeotidon. Quae Maeotida regio *Velsini* hoc loco nominata est. Nec non juxta regionem Maeotida est patria maxima, quae dicitur *Dardania*. Anon. Rav. IV. 5.

(1) Anon. Rav.

(2) Anonymus Ravennas IV. Europa p. 772, edit. Hugo Grotius. «Cujus Bosforaniae patriae plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est Ermonassa, Etebroton, Suppatos, Fritiores, Dina, Ichigin, Ermogan, Teaginem, Machara, Tatirito, Aumon, *Malarossa*, Machare, *Chimerion*, *Boristenida*, Olbiapolis. Doii, Chersona.»—*Malarossa*, по этому показанію, находится не далеко отъ Cimmerium (подлѣ Керчи) и Херсона, и это былъ тотъ самый городъ, который Арабскіе Писатели въ X и XI столѣтіи означали подъ именемъ Russija, въ 27 миляхъ отъ Matercha или Tamutarcha. Мѣста, сюда относящіяся, собраны Френомъ въ его Ibn-Foszlan стр. 80 — 83. Изъ того слѣдуетъ (стр. 81), что этотъ городъ лежитъ къ Востоку отъ Судака, не далеко въ началѣ Азовскаго моря, (которое Edrisy называетъ Великою рѣкою). Также на картѣ Г. фонъ Гаммера, рисованной по образцу семи Италіянскихъ картъ XIV и XVI столѣтій (въ Вѣнскихъ лѣтописяхъ, Марта 1884), находится не далеко отъ устья Днѣпра *Jsola Russa*, на Западной сторонѣ Крыма *Varango limena* (гавань Варяговъ, морской заливъ Segaltschuk), по Весконтовой картѣ 1813; потомъ: *Rossatar* а на Восточномъ берегу *Soldaja* (Sudak), при которомъ лежалъ древній городъ Russija. Въ выпискахъ изъ Aly-ben-Said Magreby Dshagrafia, находящихся въ Музеѣ С. П. Б. Акад. называется этотъ городъ *главнымъ городомъ Русскихъ*. Френъ pg. 81.

въ 679 году пошли далѣе на Западъ, покорили Угровъ въ Южной Россіи и Крымъ, съ исключеніемъ Южнаго его берега, также и Болгаръ, а Полянъ въ Кіевѣ сдѣлали данниками. Дань состояла въ мечахъ о двухъ лезвеяхъ. Потому-то у Нестора, во времена коего сами Хазары покорены были Кіевлянами, говорятъ тогдашніе покорители: «дань эта не хороша, ибо эти народы сдѣлаютъ «данниками какъ насъ, такъ и другіе народы (*).»

Свѣдѣнія Несторовы и Византійцевъ въ это время весьма несогласны съ Сѣверными Сагами; ибо первые разсматриваютъ Новгородъ и Кіевъ, какъ владѣнія Славянъ, а Сѣверныя Саги называютъ Новгородъ все еще Gardariki, производя начало этого Государства изъ Скандинавіи, а Кіевъ приводятъ въ тѣсное сношеніе съ Скандинавіею. Одно только предположеніе, что прежнія Скандинавскія владѣнія были заняты Славянами, вытѣсненными съ Дуная, и сдѣлались Республиками, которыя и въ послѣдствіи, какъ Новгородъ и Полоцкъ, находились подъ защитою Варяжскихъ Князей, — одно только это предположеніе даетъ возможность, нѣкоторымъ образомъ, согласить такія разногласныя показанія Славянскихъ, Византійскихъ и Скандинавскихъ Писателей.

По *Heimskringla*, уже Одиновъ сынъ *Sigurlami* основалъ *Holmgrad* или *Gardariki*, т. е. Новгородъ, между тѣмъ какъ братъ его *Skiold* сдѣлался родоначальникомъ Скіольдингскихъ Королей въ

(*) Несторово Предисловіе къ его Лѣтописи.

Даніи, а *Ingue* начальствуетъ надъ *Инглингерами* въ Швеціи. *Iwar Widfathmi* (625) истребилъ родъ Инглингеровъ въ Швеціи и завоевалъ *Auztur Riki* (нашу Эстляндію) (*). Онъ произошелъ (по матери) отъ Скандинавскихъ Королей въ Гардарикѣ. Въ Даніи убилъ онъ зятя своего Рюрика (Rörik), названіе коего встрѣчаемъ мы также въ Скандинавской Исторіи. Вдова Рюрика убѣжала къ Королю Гардарикскому, который на ней женился, а сынъ ея *Herald I Hildetan* возвратился въ Данію и Швецію. Но когда онъ въ старости своей ослѣпъ, то Швецію получилъ во владѣніе братъ его *Sigurd Ring*, сынъ Гардарикскаго Короля Ранверса (Ranvers); неблагодарный Сигурдъ хотѣлъ совсѣмъ изгнать Геральда, и въ этой войнѣ помогали послѣднему *Ostrogard* (Новгородъ) и *Känugard* (Кіевъ); а Сигурду—Куроны и Эсты. Въ сраженіи, происходившемъ въ Бравалльской степи (695) палъ старикъ Гаральдъ, а Сигурдъ сдѣлался Королемъ Даніи и Швеціи.

По смерти сильнаго морскаго витязя *Рагнара Лодброка*, который побѣждалъ въ 50 сраженіяхъ, рушилось могущество Даніи, и въ *Reidgothland* или Южной Ютландіи образовано было особенное Государство Геріольдомъ I, предкомъ нашего Русскаго Рюрика, какъ я, кажется, показалъ уже прежде. Но *Гормъ*, сынъ Геріольда I, въ 770 году предпринялъ экспедицію въ Россію и дошелъ до Біарміи и Герупта (Новагорода?).

(*) Heimskringla pg. 52. Peringskiold.

И такъ принимая все это въ соображеніе, какъ и вторженіе Гунновъ въ земли, занятыя по большей части Славянами и Хазарами, мы не можемъ сомнѣваться въ продолжительномъ существованіи Норманновъ или Датчанъ, Шведовъ и Русскихъ (1); съ другой стороны извѣстно также продолжительное тѣсное сообщеніе перешедшихъ за Дунай Готѳовъ съ Восточнымъ Римскимъ, а потомъ и съ Западнымъ Римскимъ Государствомъ, которое отчасти было ими разорено. Посему не должно удивляться, что не за долго до основанія Россійскаго Государства Рюрикомъ, продолжались чрезъ Россію воинственные походы въ Византію, предпринимаемые прежде Готѳами.

Вторженіе Русскихъ въ Византійское Государство.

О первомъ ихъ вторженіи въ Византійское Государство или борьбѣ Русскихъ съ Византійцами, упоминаетъ Ѳеофанъ въ 774 году, когда они, какъ полагаетъ Стриттеръ (2),

---

(1) Какъ по историческимъ свѣдѣніямъ Римлянъ, Грековъ и Византійцевъ, такъ и по Сѣвернымъ Сагамъ.

(2) Stritter Mem. Pop. ad Dan. изъ Theophanes p. 376, *εἰς τὰ Ῥουσια χελανδία ἀπεχινησε.* — *Я не могу быть того же мнѣнія, т. е.* будто бы здѣсь должно подразумѣвать «*красные корабли*;» ибо что такое были эти *красные корабли?* Членъ стоящій предъ словомъ *ῥουσια* уже доказываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о извѣстныхъ корабляхъ. Притомъ Византійцы никогда не означали непріятельскихъ кораблей по цвѣту ихъ, и какія бы это были особыя примѣты? Первая гласная буква въ именахъ

выступили на 2000 небольшихъ лодкахъ (Chelandiis), противъ Византіи и побѣждены Императоромъ Константиномъ Копронимомъ. Здѣсь, кажется, соединились они съ Болгарами, противъ которыхъ, и въ это время, Императоръ воевалъ (по смерть свою, 776) по большей части счастливо. Замѣчательно, что въ это же время возникаютъ споры между Карломъ Великимъ и Норманнами въ Ютландіи (1), когда Саксонскій Герцогъ Витекиндъ (въ 777 г.) убѣжалъ къ Южно-Ютландскому Королю Зигфриду; а въ 782 г. войны Карла Великаго противъ Норманновъ происходятъ уже на Южныхъ берегахъ Франціи (2). Особенно же должно замѣтить, что *Исторія, кромѣ Русскихъ, не знаетъ никакого другаго народа по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, который бы былъ столь же силенъ.* И если упомянутые корабли были не Русскіе, то кому же они принадлежали?

Мы ничего не знаемъ о послѣдствіи этой экспедиціи Русскихъ противъ Византійцевъ; но вѣроятно, что Русскіе отступили вверхъ по Днѣпру, когда явился флотъ Византійскій.

Русскихъ, вѣроятно уже въ древнѣйшія времена, перемѣнена изъ *и* въ *о*; это видно изъ того, что Византійскіе *Ρῶς*, уже у древнихъ Русскихъ Лѣтописцевъ назывались Русь. Но какъ прилагательныя, произведенныя отъ названій народовъ, часто оканчиваются не только на *κος*, но и на *ος*: то здѣсь и не нужно даже предполагать перемѣны при чтеніи.

(1) Ernhardi Annales Laurenses ad ann. 777.

(2) Sangell Mon. Geste, Caroli II, 14. Pertz. Mon. Germ. II, pg. 758.

Послѣ этого происшествія не упоминается о Русскихъ въ Византійскомъ Государствѣ, до самаго 839 года, когда — по Бертиніанскимъ лѣтописямъ — Русское Посольство возратилось изъ Константинополя чрезъ Германію въ Швецію къ своимъ единоплеменникамъ (1). И такъ, если бы мы (по обыкновенію) не признавали сихъ сношеній Русскихъ съ Византійцами до основанія Россійскаго Государства: то не могли бы объяснить причины этого Посольства, которое описывается Нѣмецкими Лѣтописцами такъ, что не можно сомнѣваться въ истинѣ. Взглянемъ на отношенія Византійцевъ въ это время: мы найдемъ, что въ самомъ 838 году упоминается о войнѣ Ѳеофила съ появляющимися Печенѣгами и о построеніи города Саркела. Сверхъ того опасное положеніе *Византійскаго Херсона* требовало особеннаго Правителя (Le Beau XIV, pg. 520—522). Довольно причинъ, почему Русскіе возвратились сухимъ путемъ, и именно черезъ Германію, а не черезъ Россію.

Несторъ говоритъ (2) (при 852 г.), что начало наименованія *Россіи* относится ко времени восшествія на престолъ Михаила (Императора Византійскаго): «яко при семъ Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ.» Симъ мѣстомъ можно опровергать

---

(1) Annal. Bertin. ad ann. 839 и здѣсь въ названіи Русскихъ встрѣчаемъ только в «*Rhos.*»

(2) Ипат. Лѣт., Соф. Врем. и Schlözer, Nestor. II, pg. 145. Несторъ Тимковскаго, Москва 1824. стр. 11.

другое показаніе Нестора, что Россія приняла во владѣнія свои Русскихъ не прежде какъ при появленіи Рюрика; хотя впрочемъ земля сія и прежде уже могла получить названіе свое отъ Русскихъ. Какимъ образомъ должно объяснить это мѣсто, я уже показалъ въ первой моей статьѣ, помѣщенной въ этомъ журналѣ. Изъ Римбертовой жизни Св. Ансгарія, Апостола Скандинавіи, усматриваемъ мы, что первое нападеніе Южно-Ютландскаго флота, который сперва угрожалъ городу *Биркѣ* въ Швеціи, послѣдовало въ самомъ 852 году, въ предѣлахъ Славянскихъ, и что въ то время Скандинавы разорили тамъ одинъ городъ (какой? — не сказано).

Взявъ же теперь Славянъ въ томъ же смыслѣ, какъ и у Нестора, видимъ, что это суть Новогородскіе Славяне, въ область коихъ вторгнулись тогда Скандинавы; но можетъ быть, что это были и Полоцкіе Славяне, и что по обыкновенному торговому пути, по Двинѣ и Днѣпру, одна часть Скандинавовъ пошла далѣе въ Византію, гдѣ царствовалъ Михаилъ III и гдѣ одинъ Лѣтописецъ (можетъ быть уже Фотій) описалъ такое появленіе Русскихъ. Этотъ Писатель говоритъ однакожь, что въ первый разъ встрѣтилось тогда названіе *Русской земли*, а не *Русскаго народа*.

Въ этомъ же году Ансгарій покупалъ уже Славянскихъ отроковъ для преподаванія имъ Христіанства и чтобы посредствомъ ихъ распространять оное по всей Россіи.

Эти Норманны (ибо Nortmanni есть собственное названіе сихъ счастливыхъ и храбрыхъ Южныхъ Ютландцевъ) собирали дань во всѣхъ Государствахъ, куда ни приходили, какъ въ Сѣверной Германіи, такъ и Голландіи, въ Англіи и Франціи; съ этого времени являются они и у Нестора (859), какъ собиратели дани отъ *Чуди*, *Славянъ*, *Мери*, *Веси* и *Кривичей*. Слѣдственно земли этихъ народовъ составляли то самое, что Несторъ (въ 852 г.) называетъ *Русскою землею*. Но это было еще не *Русское Государство* или Великое Княжество, которое *тогда только* основалось, когда Рюрикъ, княжившій до тѣхъ поръ въ Ютландіи, Западной Германіи и Голландіи, послѣ преднамѣреваемаго изгнанія Варяговъ въ 862 году, переплылъ черезъ море съ своими братьями Синеусомъ и Труворомъ, и поселился въ Ладогѣ, потомъ въ самомъ Новѣгородѣ, гдѣ и возобновилъ правленіе древнихъ Скандинавовъ.

Такимъ образомъ видимъ мы, что до настоящаго основанія (*) Россійскаго Государства въ Новѣгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, было оно съ Византійскимъ Государствомъ отчасти въ дружественномъ торговомъ, а отчасти и въ враждебномъ отношеніи, и что еще одноплеменные Готѳы находились на Южныхъ берегахъ Россіи у Чернаго и

(*) Уже Кругъ (Münzkünde Russl. pg. 38) справедливо замѣтилъ, что показаніе Несторово «въ 859 году пришли Русскіе изъ за моря и сдѣлали данниками Чудь, Славянъ» не доказываетъ, чтобы прежде этого не существовали таковыя же вторженія Русскихъ.

Азовскаго морей, хотя Хазары и Авары овладѣли всею Южною Россіею (1), за исключеніемъ Южнаго берега Крыма, который все еще удерживали за собою Византійцы и свободные Готѳы (2).

Славянскіе народы, которые въ концѣ VIII столѣтія перешли отъ Саалы за Новгородъ или древній Скандинавскій Gardarike, кажется, въ VII и VIII столѣтіяхъ, также въ первой половинѣ IX столѣтія, удерживали верхъ надъ Скандинавскими и Готѳскими правителями; это встрѣчается даже и въ самомъ Новѣгородѣ, гдѣ Несторъ *настоящихъ Славянъ* называетъ жителями, которые, не имѣя Государя, какъ прочіе Славяне, управлялись аристократически. Еще далѣе къ Сѣверу, и въ нынѣшнихъ Русскихъ Остъ-Зейскихъ провинціяхъ, были тогда Чудскія земли, прилегавшія къ Южнымъ границамъ прежнихъ Скандинаво-Шведскихъ владѣній, которыя распространялись не только по Финляндіи и Бирманіи, но и по берегамъ Чудскихъ земель.

Отъ чего произошла такая перемѣна въ Восточныхъ странахъ? Развѣ Славяне сдѣлались столь воинственны, что могли возстать противъ своихъ прежнихъ повелителей? Или, мо-

(1) Въ концѣ VIII и въ началѣ IX столѣтій Авары, стѣсненные Карломъ Великимъ со стороны Западной до Тейсы, удерживали еще владѣнія свои до Буга на Востокѣ. По ту сторону отъ нихъ начиналась земля Хазаръ, которая распространялась къ Сѣверу отъ Оки, прилежала къ Финскимъ народамъ и заключала въ себѣ также Кіевъ.

(2) Это были Gothi Tetraxitae, въ той части Крыма, которая имѣла названіе Doros; а владѣнія Византійцевъ простирались отъ Херсона, вдоль берега, до Воспора.

жетъ быть, внѣшнія обстоятельства были причиною, что власть Скандинавовъ надъ Славянскими народами на Востокѣ ослабѣвала. Я полагаю послѣднее; а слабое вліяніе Скандинавовъ на весь Востокъ, слѣдственно и на Византію, съ самаго начала до большей половины IX столѣтія, приписываю тому, что Скандинавы, по смерти Карла Великаго, наиболѣе направляли силы свои противъ Франціи и Англіи, пока Рюрикъ не обратилъ ихъ на Востокъ.

Главнѣйшіе результаты этого изслѣдованія могутъ быть слѣдующіе:

После Рождества Христова:

150—170. *Phiraesi*, *Waraesi*, какъ особое племя, жившее въ Восточной Швеціи, уже со времени Птоломея были извѣстны Грекамъ, даже и въ Египтѣ.

215. Устье Дуная служитъ границею Готѳской земли. *Каракалла* сражается съ Готѳами.

234. Готѳы, подъ названіемъ Feoderati, *Φοιδεϱατοι* (или Waräsi), принимаются въ Римскую военную службу, Максиминомъ Ѳракійцемъ, который самъ былъ Готѳъ. Одѣяніе и оружіе у нихъ Скандинавскія.

248. При *Филиппѣ Аравитянинѣ* возмущаются Foederati или Waräsi, потому что перестали выплачивать имъ жалованье.

283. Императоръ *Каринъ*, въ честь имъ, вводитъ при Византійскомъ Дворѣ Готѳское или Сарматское празднество. Они поздравляютъ

Императора въ нескладныхъ пѣсняхъ, отчасти и на своемъ природномъ языкѣ.

311. *Рюрикъ* предводительствуетъ армiею *Максентiя*, состоящею *изъ чужихъ войскъ*, которая была разбита при Веронѣ. Другой *Русскiй* Князь Parakoimomenos находится при Восточно-Римскомъ Дворѣ.

325. Готѳы Южной Россiи, выступивъ на 2000 корабляхъ и съ 320,000 войска, грабятъ Восточно-Римскую Имперiю, Малую Азiю и всѣ острова до Родоса. Авдiй Епископъ переходитъ къ Готѳамъ и распространяетъ между ими Христiанство. По словамъ *Абульфараджа*, Россы (Rhos) принимаютъ Христiанскую Вѣру уже при Константинѣ Великомъ.

350. *Эрманарихъ*, Царь Готѳовъ Придунайскихъ завоевалъ всю Сѣверную Россiю до Балтiйскаго моря и Пруссiю. Къ покореннымъ народамъ принадлежатъ *Rocae* (вѣроятно Русскiе въ Новѣгородѣ), Куры, Чудь, Анты, Славяне: послѣднiе при Балтiйскомъ морѣ въ Пруссiи.

370. *Ulphilas*, *Wulfila*, Епископъ Готѳскiй, еще болѣе распространяетъ между ими Христiанство, изобрѣтаетъ Готѳское письмо и переводитъ для нихъ Библiю.

376. Эрманарихъ побѣжденъ вторгнувшимися Гуннами и великое Государство Готѳское разрушается. Кiевъ, кажется, какъ Chunigard (Hunnorum civitas), дѣлается главнымъ горо-

домъ Гунновъ. Болѣе милліона Западныхъ Готѳовъ переходятъ за Дунай, и опять, какъ Варяги *иля* foederati, вступаютъ въ сношеніе съ Византійскимъ Императоромъ Валенсомъ; для нихъ назначаютъ жилища въ Ѳракіи; они получаютъ жалованье и съѣстные припасы. Западные Готѳы остаются подъ управленіемъ Гунновъ по ту сторону Дуная. Только *Gothi Tetraxitae*, въ Крыму, остаются свободными.

379. Готѳы въ Ѳракіи, при Валенсѣ, не получаютъ своего жалованья. Они возмущаются, будучи предводительствуемы Фритигерномъ, и Валенсъ лишается жизни въ сраженіи съ ними.

379 — 395. *Ѳеодосій* усмиряетъ ихъ и они образуютъ опять пограничную стражу противъ Гунновъ, по ту сторону Дуная.

451. Послѣ паденія Аттилы дѣлаются самостоятельными: *Славяне*, на Западѣ отъ Балтійскаго моря до Дуная, *Болгары*, на Востокѣ отъ Днѣпра за Долгу, Финскія племена: *Угры* и *Эсты* на Сѣверѣ; а власть Готѳовъ и Варяговъ распространяется только по берегамъ Балтійскаго моря. Готѳы перваго поколѣнія остаются только въ Крыму, какъ друзья Византійцевъ, которымъ принадлежитъ Южный берегъ.

487. *Болгары* или *Волохи* проникаютъ чрезъ Славянскія владѣнія на Дунаѣ, побѣждаются (484) во Ѳракіи Ѳеодорикомъ Великимъ,

Царемъ Готѳовъ, и многихъ Славянъ вытѣсняютъ изъ ихъ жилищъ въ Польшу.

610 — 641. *Бѣлые Угры* и *Авары*, при Ираклiи (по словамъ Нестора, въ предисловiи), занимаютъ Славянскiя земли при Дунаѣ. Съ этого времени Славяне еще болѣе распространяются по Сѣверу: Славяне въ Новгородѣ, Поляне въ Кiевѣ, Кривичи въ Полоцкѣ, Смоленскѣ и Сѣверу.

500 — 600. Въ это время (по словамъ Anon. Raven.) находятся еще въ Сѣверной Россiи и при Балтiйскомъ морѣ *Роксоланы*, *Suarices* (Suearik i, завоеванiя Шведовъ въ Лифляндiи) и Сарматы (или Славяне). Во внутренней Россiи *Scythorogi* (Scythorussi), а на Югѣ, при Азовскомъ морѣ, *Dardanei* (Датчане), гдѣ прежде была *Magna Suionia* — Одинова родина, на Южномъ берегу Крыма находился городъ *Malorossa*, который Арабы называли *Russija*. Впрочемъ можетъ быть и ошибкою названъ этотъ городъ вмѣсто извѣстной части Россiи.

Хазары, господствуя около Волги въ началѣ VII столѣтiя, проникаютъ далѣе на Западъ, покоряютъ Венгровъ и Крымъ, за исключенiемъ Южнаго берега; Болгары дѣлаютъ и Полянъ въ Кiевѣ данниками. Только *Gothi Tetraxitae*, въ Крыму, и Римскiе города, лежащiе у самаго берега, остаются независимыми.

695. *Harald Hildetan's* возвращается изъ *Gardarike* (Новагорода), побѣждаетъ приморскихъ

владѣтелей, и вынуждаетъ ихъ промышлять морскимъ разбойничествомъ. Въ это время *Sigurd Ring* соединяется съ Куронами и Эстами, а *Harald* съ Новымгородомъ и Хунигардомъ (Кіевомъ).

770. *Gorm*, изъ Южной Ютландіи, родоначальникъ Рюрикова поколѣнія, предпринимаетъ экспедицію въ Біармію и Герутъ (Новгородъ?).

774. Русскіе (по словамъ Өеофана), соединясь съ Болгарами, на 2000 корабляхъ, дѣлаютъ вторженіе въ Византійское Государство. Константинъ Копронимъ побѣждаетъ ихъ.

782. Скандинавы уже и съ моря нападаютъ на Южную Францію.

839. *Русское* посольство, которое вело переговоры въ Византіи, по причинѣ возгорѣвшейся войны между Византійцами и Печенѣгами, возвращается не по извѣстному пути, т. е. по Днѣпру и Двинѣ, но черезъ Германію, и говоритъ о себѣ, что оно *ex gente Sueonum*.

852. Норманны, изъ Южной Ютландіи, подъ предводительствомъ Рюрика, предпринимаютъ экспедицію противъ города *Birca*, лежащаго въ Швеціи на Рослагенскомъ берегу, а оттуда въ *fines Slavorum* (въ Россію), и съ этого времени названіе «Россія» дѣлается извѣстнымъ у Византійцевъ, къ которымъ приходятъ и Русскіе (1). Ансгарій въ Скандинавіи покупаетъ Славянскихъ

(1) Несторъ, изд. Тимковскаго. Моск. 1824. стр. 11.

отроковъ и обучаетъ ихъ для распространенія Христіанства.

859. *Славяне* (Новгородъ), *Чудь*, *Меря*, *Кривичи* и *Весь* платятъ дань Варягамъ.

862. Варяги изгнаны; но по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, Варяго-Руссы вновь призываются, подъ предводительствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора, и изъ Русской земли образуется *Россійское Государство* (1).

Когда примемъ въ соображеніе всѣ подобныя сношенія, происходившія черезъ Россію, между Скандинавскими Варяго-Руссами и Византійцами, и сверхъ того силу, которую обнаруживалъ этотъ народъ въ другихъ гораздо сильнѣйшихъ и болѣе стѣсненныхъ Государствахъ, нежели тогдашняя земля Славянъ; то прояснится для насъ все, что доселѣ казалось намъ дивнымъ въ отношеніи основанія Рюрикомъ Государства, нынѣ столь могущественнаго, и мы найдемъ начало происхожденія столь сильнаго племени.

Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета

Фр. Крузе.

---

(1) О послѣднемъ говорится подробнѣе въ первой моей статьѣ: *О происхожденіи Рюрика*, помѣщенной въ этомъ же Журналѣ (Т. IX, стр. 45).

2.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I. Разныя мнѣнія о Русскомъ языкѣ.

1.— *О происхожденіи, составѣ и свойствахъ* Русскаго языка господствуютъ разныя, столько же несправедливыя мнѣнія, какъ и о происхожденіи самой Руси.

Отложась отъ стариннаго Русскаго мнѣнія, что *Русскій народъ*, не только по старобытнымъ насельникамъ нашего Отечества, но и по водворившимся у нихъ въ исходѣ IX вѣка Руссамъ, есть народъ *Словенскій или Славянскій*, многіе стали-было (во слѣдъ Татищеву) производить Руссовъ отъ племени Чудскаго; потомъ возобладало Байеровское производство Руссовъ отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ, а нѣкоторые (за Чеботаревымъ и Эверсомъ) ведутъ къ намъ Руссовъ съ Черноморія и даже видятъ въ нихъ народъ племени Турецкаго. — Что сіи и другія *новыя* мнѣнія о происхожденіи Руси хуже стараго; что никто изъ Русскихъ Писателей отъ Нестора до Ломоносова не признавалъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ своими прародителями; что именемъ *Варяговъ* (Норман-

новъ) у Нестора означаются не одни Скандинавскіе Нѣмцы, но и жившіе на Балтійскомъ Поморіи за Одеромъ Словены (1), и что Несторовы *Варяги-Русь* были Словены изъ сего края (2), это я старался показать въ моемъ сочиненіи *Откуда идетъ Русская земля*, 1837.

Что касается до *языка Русскаго*, то нѣкоторые Писатели, не смотря на то, что онъ, и по *древнѣйшей основѣ* своей, и по главнѣйшимъ стихіямъ, при вліяніи коихъ совершалось его образованіе въ нынѣшніе виды, принадлежитъ къ кругу *языковъ Словенскихъ*, стали сближать его съ языками иноплеменными, и тѣ слова, кои принадлежатъ ему издревле и составляютъ его родовое наслѣдіе и достояніе *обще-Словенское*, называютъ заимствованіемъ Русскаго языка отъ Чуди,

---

(1) Ломоносовское мнѣніе о *разноплеменности Варяговъ* опять возобновляется Шафарикомъ въ его *Славянскихъ Древностяхъ*, и Погодинымъ во второмъ изданіи его *Русской Исторіи* (1837), вмѣсто прежняго ограниченнаго усвоенія сего имени однимъ Скандинавскимъ.

(2) Что такъ думали у насъ въ старину — въ дополненіе къ сказанному мною прежде въ *Примѣчаніи* 53, стр. 128 и 129, въ книгѣ *Откуд. ид. Р. З.* — я указалъ еще на универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный подъ Бѣлою Церковью, *року* 1648, *Мая* 18 (*): въ заключеніи онаго «Гетманъ славнаго войска Запорожскаго и всего по обоихъ сторонахъ Днѣстра сущей Украины Малороссійскаго» поощряетъ *рыцарскую отвагу* Козаковъ, указываетъ на *древнихъ предковъ нашихъ*, воевавшихъ Римъ, *валечныхъ Руссовъ, зъ Руссіи отъ Поморея Балтійскаго албо Нѣмецкаго собранныхъ*.

(*) Въ *Исторіи Руссовъ или Малой Россіи* Преосв. Георгія Конисскаго подъ симъ любопытнымъ Универсаломъ выставлено Мая 28, а не 18, какъ въ моемъ отдѣльномъ спискѣ.

Татаръ, Грековъ, особенно же отъ Скандинавовъ. Такъ Г. Сенковскій называетъ Русскій языкъ смѣсью Словенскаго, Скандинавскаго и Чудскаго, думаетъ, что даже Запорожскіе Казаки говорили по Скандинавски (3)! Такъ Г. Сабининъ утверждаетъ, будто «основаніе всего нашего древняго быта перешло къ намъ изъ Скандинавіи»; будто «имена чиновъ, жилищъ, домашнихъ вещей, животныхъ, самыя укоризненныя слова заимствованы нашими предками изъ языка Скандинавскаго.» (См. любопытную статью Протоіерея Стефана Сабинина: *О происхожденіи слова Бояринъ*, въ Октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1837 годъ). Но Редакція сего Журнала, по справедливости, не согласилась на такое мнѣніе, замѣтивъ, что сходство двухъ языковъ ведетъ только къ заключенію объ ихъ однородствѣ, и что если признать Скандинавскій языкъ родоначальнымъ для Русскаго, то и Латинскій и Греческій будутъ не что иное, какъ Скандинавскіе выходцы!

2.— Конечно, весьма важно для Русскаго языка опредѣлить отношеніе его къ *иноплеменнымъ* языкамъ и показать, что онъ отъ нихъ заимствовалъ, важно даже и по разнорѣчію, съ какимъ иногда одно и то же слово одинъ называетъ заим-

(3) Въ Библ. для Чтенія за 1834 годъ. — Можетъ быть, въ Запорожьѣ и говорили по Скандинавски, по Татарски и проч., такъ же какъ и теперь въ Россіи говорятъ по Нѣмецки, Французски, и многими другими языками; но собственнымъ языкомъ Запорожья былъ *Южнорусскій* или *Малороссійскій языкъ*, такъ же какъ *Православная Вѣра* была исключительною у Запорожцевъ, какого бы племени и исповѣданія ни были приставшіе къ нимъ выходцы.

ствованіемъ нашимъ отъ Чуди, другой отъ Скандинавовъ, третій отъ Татаръ. Но не менѣе важно опредѣлить и то: какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ Русскій въ общемъ кругу *соплеменныхъ* ему народовъ и языковъ *Словенскихъ?* какое отношеніе имѣетъ Русскій языкъ къ *Церковно-Словенскому* въ особенности?

Рѣшеніе сихъ двухъ вопросовъ особенно важно, какъ по взаимной ихъ связи, такъ и потому, что отъ рѣшенія того и другаго зависитъ взглядъ на коренныя свойства и развитіе Русскаго языка; оно необходимо и потому еще, что объ этомъ предметѣ также существуютъ уже разнорѣчія.

3. — Относительно мѣста, занимаемаго Русскимъ языкомъ въ обще-Словенскомъ кругу, господствуетъ мнѣніе, будто Русскій языкъ принадлежитъ къ *одному* разряду съ языками Словеновъ Задунайскихъ, наравнѣ съ Сербскимъ, Болгарскимъ, Хорватскимъ и Хорутанскимъ; а Сѣверозападные Словены и ихъ языки составляютъ собою *другой* языкъ.

Два разряда сіи установилъ знаменитый *Добровскій* (4), признавши въ каждомъ по *пяти* нарѣчій, именно: *въ* первомъ (Антскомъ)—*Русское*, *Славянское древнее* (т. е. Церковно-Словенское), *Иллирійское* или *Сербское*, *Хорватское* (Кроатское) и *Виндское* (Хорутанское); во второмъ (собственно *Словенскомъ*) — *Словацкое*, *Чешское* или *Богемское*, *Сырбсков* или *Вендское*, въ

(4) См. его Грамматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію. Ч. I. Перев. Погодинымъ. С. П. Б. 1833 г.

Верхней Лузаціи, *Сырбское* въ Нижней Лузаціи и *Польское*. Такое раздѣленіе Добровскій основалъ на предложенныхъ имъ *десяти отличительныхъ примѣтахъ*.

Нашъ Филологъ *Востоковъ*, въ своемъ извѣстномъ *Разсужденіи* о *Славянскомъ языкѣ* (5) не призналъ удовлетворительными этихъ отличительныхъ примѣтъ Добровскаго (за исключеніемъ 4-й и 5-й), и сказалъ, что Русскій языкъ составляетъ *средину* между этими двумя разрядами, но собственно *принадлежитъ къ первому*, *по неупотребленію въ немъ двухъ вставокъ*, составляющихъ (по его мнѣнію) главнѣйшую особенность *втораго* разряда. Такимъ образомъ, Русскій языкъ Востоковымъ оставленъ въ первомъ разрядѣ болѣе по *отрицательной* примѣтѣ, болѣе по непринадлежности его ко второму разряду, — хотя въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть (какъ и есть) весьма отличенъ и отъ перваго разряда, и составлять особый отдѣлъ.

И въ послѣднее время дѣйствительно нѣкоторые Ученые стали Русскихъ Словенъ и языкъ Русскій отдѣлять отъ Югозападнаго разряда въ особый, *Восточный* разрядъ. Такимъ образомъ *Палацкій* въ Богеміи (6), а у насъ *Надеждинъ* въ отношеніи къ языкамъ (7), и *Устряловъ* въ от-

(5) См. Труды Общ. Люб. Рос. Сл. Ч. XVIII. 1820.

(6) Въ Исторіи Богеміи. Его мнѣніе было приписано у насъ Шафарику по ошибочному *изустному* извѣстію, въ коемъ перемѣшаны были имена сихъ двухъ Чешскихъ изыскателей Словесности.

(7) Въ статьѣ Европеизмъ и народность, 1836, Телеск. No 1.

ношеніи къ народамъ (8), принимаютъ *три разряда* Словенъ: 1) *Восточный* или Русскій, 2) *Югозападный* или Южный и 3) *Сѣверозападный* или Западный.

Но раздѣленіе Добровскаго поддерживаетъ съ своей стороны глубоко-изыскательный *Шафарикъ:* въ своемъ новомъ сочиненіи *Славянскія Древности*, онъ принимаетъ тѣ же *два разряда* Словенъ, подраздѣляя каждый на *три отдѣла* (9).

I. Разрядъ *Юговосточный:* 1-й отдѣлъ *Русскій*, 2-й отдѣлъ *Болгарскій*, 3-й отдѣлъ *Иллирійскій*.

II. Разрядъ *Западный:* 1-й отдѣлъ *Лешскій* или *Польскій*, 2-й отдѣлъ *Чехо-Словенскій*, 3-й отдѣлъ *Полабскій*.

4. — По таковымъ авторитетамъ и по недавности вышепоказаннаго отступленія отъ нихъ, Русскій языкъ обыкновенно сближаютъ съ Югозападными языками и притомъ разсматриваютъ его *наравнѣ* съ ними, какъ *одинъ языкъ*, обращая вниманіе болѣе на письменное его образованіе, чѣмъ на разнообразіе его въ живой рѣчи многочисленнаго Русскаго народа. Разсматриваемый въ семъ послѣднемъ отношеніи, Русскій языкъ представляется *различенъ* въ своихъ *главныхъ видахъ* болѣе, чѣмъ Словенскіе *языки* Сѣверозападнаго разряда различны другъ отъ друга. — Что на такъ называемое *Малороссійское нарѣчіе* должно смотрѣть какъ на *языкъ особый*, отличный отъ Велико-

---

(8) Въ Русской Исторіи. Ч. I. 1836.

(9) См. его *Slowanské Starožitnosti*, *Sw.* IV. 1837, стр. 485.

русскаго, это я утверждалъ еще за десять лѣтъ; принимая же во вниманіе, что именемъ *Русскаго языка* объемлются нѣсколько особыхъ отраслей Словенскихъ, соотвѣтственныхъ языкамъ *обоихъ Западно-Словенскихъ* разрядовъ, я предложилъ въ 1836 году вкратцѣ (10) новое распредѣленіе, гдѣ *Восточные* или *Русскіе* Словены приняты за одну, а всѣ *Западные* Словены за другую половину *обще-Словенскаго* круга, который, по моему мнѣнію, можетъ быть раздѣленъ такъ:

I-я Половина: СЛОВЕНЫ ВОСТОЧНЫЕ или РУССКІЕ.

1. Словены *Сѣверовосточные* или *Руссы Сѣверные*.

2. Словены *Юговосточные* или *Руссы Южные*.

II-я Половины: СЛОВЕНЫ ЗАПАДНЫЕ.

3. Словены *Сѣверозападные* или Вендскіе.

4. Словены *Югозападные* или Задунайскіе.

Сообразно сему, и въ кругу языковъ Словенскихъ я принимаю 2 половины и 4 разряда (11).

I. *Въ Восточно-Словенской* или *Русской половинѣ*:

1-й *Разрядъ Сѣвернорусскій* или *Сѣверовосточный*, къ коему принадлежитъ:

1) *Языкъ Великорусскій*, съ нарѣчіями:

а) *Верхне-Русскимъ* или *Новогородскимъ* (по Гречу *Олонецкимъ*).

---

(10) Въ первомъ изданіи Малорос. Пѣсень, 1827, и въ Русскомъ Зрителѣ No 21 и 22 (1830).

(11) См. примѣчаніе 1-е въ книгѣ Опыт. ид. Руская земля.

б) *Нижнерусскимъ* или *Суздальскимъ*.

в) *Среднерусскимъ* (по Надеждину *Рязанскимъ*).

г) *Московскимъ*, образцовымъ, высшимъ по степени, но младшимъ по времени образованія.

2) *Языкъ Литовскорусскій или Бѣлорусскій*.

2-й *Разрядъ Южнорусскій* или Юговосточный, куда принадлежитъ:

3) *Языкъ Южнорусскій*, въ коемъ можно различать:

1) Нарѣчіе *Малороссійское* или Украинское.

2) Нарѣчіе *Червонорусское* или Галицкое.

II. Въ *Западно-Словенской* половинѣ:

3-й Разрядъ *Югозападный* (1-й разрядъ Добровскаго, за исключеніемъ *Русскаго*).

4-й Разрядъ *Сѣверозападный* (2-й разрядъ Добровскаго).

5.—Три главные вида Русскаго языка: *Велико-Русскій*, *Южно-Русскій* и *Бѣло-Русскій*, принимаетъ какъ за *три особые языка* (а не нарѣчія) и Г. Надеждинъ, въ статьѣ *Великая Россія* (12): однако и сей Ученый все еще полагаетъ, будто отъ Церковно-Словенскаго языка еще не рознился Южнорусскій и въ то время, когда Новогородскіе переписчики Церковныхъ книгъ оговаривались за внесеніе въ нихъ «пословицъ Новогородскихъ» (13), будто и Великорусскій языкъ уже отъ *вліянія*

---

(12) См. Энциклопедическій Лексик. IX. 1837.

(13) Сколько мнѣ извѣстно, такая оговорка была сдѣлана въ Евангеліи, писанномъ 1506 года.

Сѣвера сдѣлался полногласнымъ и отдѣлился отъ Церковно-Словенскаго языка, имѣвъ прежде одинаковыя съ нимъ свойства. Эта мнимая одинаковость увеличена Г. *Давыдовымъ* (14), который утверждаетъ, а) что языкъ Церковно-Словенскій есть *древній Русскій*, б) что «Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ *измѣнилось отъ сліянія съ реченіями Финновъ*, которыя изобилуютъ гласными; и в) что напротивъ нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ Сербскому и Болгарскому.»

Такимъ-то или подобнымъ образомъ языкъ Церковно-Словенскій почитаютъ *родоначальнымъ* для Русскаго, и уже *изъ него развившимся* и *отъ него отдалившимся* представляютъ языкъ Русскій.

Вотъ господствующее понятіе объ отношеніи сихъ двухъ языковъ. Въ слѣдствіе того и *полногласіе*, принимаемое за отличіе Русскаго языка, признаютъ въ немъ явленіемъ уже позднѣйшимъ, коему будто бы предшествовали и въ немъ (принадлежащія Церковно-Словенскому языку) *сокращенность словъ* и *господство согласныхъ*. Отъ такихъ понятій происходитъ хотя и господствующій, но *превратный* взглядъ на самое развитіе и коренныя свойства языка Русскаго: то, что принадлежало ему издревле (напримѣръ *полногласіе*) и

---

(14) См. его лекцію о составныхъ началахъ и направленіи Древней Отечественной Словесности, напечат. въ Уч. Зап. Моск. Унив. 1834.

сохранилось въ немъ какъ *исконное* и можетъ быть нѣкогда обще-Словенское свойство, считаютъ явленіемъ позднѣйшимъ; то, что относится первоначально къ образованію только *письменнаго* Русскаго языка и къ позднѣйшему усвоенію отъ языка Церковно-Словенскаго, распространяютъ на всю *народную* Русскую рѣчь и придаютъ ей, какъ родовое, исконное достояніе оной.

Не признавая такимъ образомъ нѣкоторыхъ господствующихъ понятій о Русскомъ языкѣ за справедливыя, и различаясь отъ нихъ моимъ понятіемъ объ отношеніяхъ Русскаго языка къ другимъ, о времени и разнообразіи его развитія и многосложности его состава, предлагаю благосклонному вниманію Читателей мое *критико-историческое изслѣдованіе* о сихъ предметахъ, близкихъ не только для *Русскихъ*, но и для всѣхъ *Славянъ* или *Словенъ*, которые такъ любятъ свое слово и такъ дорожатъ имъ, въ самомъ имени коихъ *слава* и *слово* такъ сродны между собою.

II. Сравнительное разсмотрѣніе Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго.

1.— *Примѣта первая.* Добровскій своему первому разряду усвояетъ частицу *раз —*, *разумъ*, а второму *роз —*, *розумъ*. Разница по сей примѣтѣ зависитъ вообще отъ того, что Югозападные Словенскіе языки, особенно Сербскій, любятъ болѣе звукъ *а;* Сѣверозападные же, особенно Польскій, часто замѣняютъ оный звукомъ *о;* потому, напримѣръ, слѣдующія слова, въ первомъ разрядѣ—

градъ, *прахъ*, *гладъ*, *гласъ*, *длань*, *златый*, *младый*, *храбрый*, въ Польскомъ языкѣ употребляются съ буквою *о* — *гродъ*, *прохъ*, *глодъ*, *глосъ*, *длонь*, *злотый*, *млодый*, *хробрый*. Что касается до Словенъ Русскихъ, то хотя у большей ихъ части господствующимъ звукомъ еще болѣе оказывается *о*, однако у нѣкоторыхъ господствуетъ преимущественно звукъ *а*, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать слѣдующее различеніе.

Въ языкѣ *Южнорусскомъ* болѣе чѣмъ въ другихъ *основнымъ* звукомъ оказывается *о*, *необращаемое въ а* (однако несохранившее вполнѣ своей твердости и часто измѣняющееся, по чистому Малороссійскому нарѣчію, въ острое *и*, подобно другимъ гласнымъ звукамъ). Такимъ образомъ въ Южнорусскомъ языкѣ вмѣсто *раз*, *постоянно* употребляется частица *роз* (15), удерживаемая и

---

(15) Въ немногихъ только случаяхъ слогъ *роз* произносится Малороссіянами *риз*, какъ бы для отличенія отъ слога *рôз*, постоянно произносимаго *риз* — (ибо *ô* въ Южнорусскомъ языкѣ постоянно выговаривается какъ *и*): такимъ образомъ, по Южнорусски говорится — *рóзно*, *Роздвó* (Рождество) и *рúзно*, *риздвó*, и въ этомъ второмъ случаѣ должно писать *рôзно*, *Рôздво* — по предложенному отъ меня въ 1827 году правописанію для языка Южнорусскаго. По оному, буква *о* и другія *гласныя* всегда *удерживаются* на письмѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по господствующему въ Южной Руси произношенію, они выговариваются какъ *и*, отмѣчаются только надстрочнымъ знакомъ ^ (*паеркомъ*). Объ основаніяхъ такого правописанія, въ коемъ соблюденіе грамматической правильности языка по возможности соглашено съ произношеніемъ не всегда постояннымъ и въ разныхъ мѣстахъ рознымъ, я объяснился уже въ предисловіяхъ къ двумъ сборникамъ моимъ Украинскихъ Пѣсенъ (1827 и 1834). Выгода онаго для уразумѣнія языка очевидна: слова *крій*, *кине*, *нисъ*; *нижъ*, *нижу*, *мижъ*, *замижъ*, *мабите*, *лигу*, *окрипъ*, *бездилье*, такъ написанныя (только по выговору

въ словѣ *розумъ* (и производныхъ отсюда). И такъ здѣсь болѣе сходства съ Сѣверозападнымъ

безъ удержанія коренныхъ гласныхъ), не ясны въ значеніи и образованіи своемъ, и не соотвѣтствуютъ тѣмъ случаямъ, когда и въ Малороссійскомъ народѣ коренныя гласныя въ тѣхъ же словахъ не произносятся, какъ *и*. По моему слова сіи писать должно такъ: *край* (т. е. всякрай), *кóнь*, *нóсъ* и *нéсъ* (отъ *несу*), *нóжъ* и *нéжъ* (нежели) и *нѣжу*, *мéжъ* (между) и *за-мужъ*, *ма-буть*, *лѣчу* (врачую) и *личу* (считаю), *окрѣпъ* (укрѣпленіе), *окрѣпъ* (3-е лице глагола *крѣпну*) и *окрóпъ* (кипятокъ, отъ гл. *кроплю*),— *бездѣлье* и *бездóлье* (невзгоды, безсчастье). Мое правописаніе принято уже нѣкоторыми, въ томъ числѣ и Издателемъ *Украин. и Червонорусскихъ Пѣсенъ*, С. П. Б. 1836. —Изъ Галицкихъ Руссовъ— *Іосифъ Левицкій*, издавшій 1834 г. во Львовѣ Грамматику Малороссійскаго языка, также удерживаетъ коренной звукъ *о*, а измѣненіе онаго въ *и* означаетъ *надстрочнымъ двоеточіемъ* (хотя въ 1831 и онъ сталъ-было употреблять для сего *паеркъ*), на примѣръ — *кöнь*, *до нöвъ*, *вöтця*, *Львöвъ*, *дö Львова*. Но у Русскихъ надстрочное двоеточіе давно уже употребляется надъ *е*, для показанія, что сей звукъ *обращается произношеніемъ* въ *іо*: что имѣетъ мѣсто и въ Юлялорусскомъ языкѣ, и принято въ мое правописаніе, на пр. *ёго*, *сёго*, *всёго*, *синёго* (вмѣсто *іого*, *сіого*, *всіого*, *синіого*); такимъ образомъ надстрочное двоеточіе не льзя употреблять вмѣсто паерка въ Малороссійскомъ правописаніи, безъ противорѣчія правописанію Великорусскому, — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ новыхъ Поэтовъ Русскихъ употребляютъ въ стихахъ надстрочное двоеточіе и въ такихъ словахъ, гдѣ ё выговаривается какъ *о*, на пр. *пошёлъ*, *нашёлъ* (чтобъ не писать *пошолъ*, *нашолъ*): при томъ Малороссіяне выговариваютъ *е*, какъ *іо*, въ такихъ иногда словахъ, въ которыхъ того не дѣлаютъ Великороссіяне, и на оборотъ. Кромѣ того есть случаи въ Малороссійскомъ языкѣ, когда оба сіи надстрочные знаки имѣютъ мѣсто при обращеніи въ *и* и *іо* гласной буквы въ томъ же словѣ, напр. *на синéмъ* (синимъ) и *на синёму* (синіому), *слёзы* (сліозы) и *слéзъ* (слизъ), *слёзами* (сліозами) и *слéзми* (слизми). — Надстрочное двоеточіе пригодилось бы и для буквы *ѣ*, еслибъ понадобилось или захотѣлось кому означать тѣ случаи, когда сія буква выговаривается по Великорусски какъ іо, *ё* (напр. въ словахъ *звѣзды*, *гнѣзда*, *сѣдла*, *расцвѣлъ*, *пріобрѣлъ*). Что касается до буквы *ѣ*, то

разрядомъ. Южнорусскій языкъ приближается къ сему разряду и обращеніемъ звука *о* и другихъ гласныхъ въ *и* (о чемъ скажемъ еще особо), но по необращенію звука *о* въ *а*, онъ отличаетъ отъ сего разряда: ибо здѣсь напр. Чехи иногда вмѣсто *о* употребляютъ *а*, какъ въ Югозападномъ разрядѣ, а у Словаковъ и частица *раз* употребительна.

Великороссіяне *Верхнерусскаго* и *Нижнерусскаго* нарѣчій (распространившихся въ народѣ по всему Сѣверу и Востоку Россіи) удержали во всей твердости звукъ *о*, *необращаемый въ а*; потому и у нихъ употребительнѣе частица *роз*; и хотя они большею частію говорятъ *разумъ*, но слова

она произносится какъ *и* не только *Малороссіянами* — *постоянно*, но и въ *Новогородскомъ* нарѣчіи (*хлибъ*, *лисъ*, а не хлѣбъ, лѣсъ), что составляетъ его отличіе отъ прочихъ Великорусскихъ нарѣчій и языка Бѣлорусскаго (по коему Малороссіяне и Новогородцы сходятся съ нѣкоторыми Задунайскими Словенами напр. Словенцами). На письмѣ Малороссіяне всегда употребляли букву *ѣ* для изображенія остраго *и* въ извѣстныхъ случаяхъ, а тѣ, кои не соблюдаютъ правописанія, изображаютъ острый звукъ *и* буквою *ѣ* даже въ такихъ случаяхъ, когда того не слѣдуетъ, и это въ Южной Руси ведется *издревле*, напр: въ дарственной грамотѣ Льва Даниловича Спасскому монастырю, 1292, читаемъ: «за *нашѣ* предъкы — црькви *святыѣ* — бояре *нашѣ* — по нас *боудоучиѣ* — дѣти *нашѣ* — вѣкы *вѣчныѣ* — десятины *медовыѣ* — отъ вышe*писанноѣ*.» Потому *ѣ* встрѣчается и въ такихъ словахъ, въ которыхъ стали писать *и*, принявъ Малороссійское произношеніе, напр. *Черниговъ*, *Пинскъ*, вм. *Чернѣговъ*, *Пѣнскъ*; въ наклоненіи повелительномъ — *хвалите*, *идите* вмѣсто *хвалѣте*, *идѣте*, какъ писалось въ старину; какъ и теперь должно писать по Малороссійски; — или въ такихъ словахъ, кои стали писать съ буквою *е*, слѣдуя Великорусскому выговору, напр. *Воронежъ* вм. *Воронѣжъ* (и даже *лекаре*, *мелкій* вмѣсто *лѣкаре*, *мѣлкій*!).

производныя отсюда произносятъ съ звукомъ *о* (*розу*мѣю, *розу*мный). Но по *Московскому*, какъ образцовому, но позднѣйшему нарѣчію Великорусскаго языка, и нарѣчію *Среднерусскому*, звукъ *о* часто измѣняется въ *мягкое а* (составляющее средину между *а* и *о*): потому въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ, какъ и въ *письменномъ* Великорусскомъ языкѣ (образовавшемся подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго) употребляется *раз*—, *разумъ*; однако есть много случаевъ, когда и разговорно и письменно употребляются и *раз* и *роз*, и такимъ образомъ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ; напримѣръ: *раз*ыскàніе, *рòз*ыскъ, *рàз*ница, *рàз*ный, *рòз*ница, *рòз*ный, пò*розь*, в*рòзь*, *рòз*нить, *рòз*вальни, и проч.

Но языкъ *Бѣлорусскій* или *Литовско-Русскій* замѣчательно отличается частымъ употребленіемъ вмѣсто *о* твердаго *а*. Это составляетъ его особенность безъ сомнѣнія издревле, ибо онъ и не могъ занять ее и не утратилъ ее отъ окружающихъ его языковъ (*Польскаго*, *Южнорусскаго* и нарѣчія *Верхнерусскаго*). Такимъ образомъ здѣсь употребляется частица *раз*, какъ въ разрядѣ Югозападномъ; и хотя Литовскіе Руссы говорятъ *розумъ*, (по вліянію Южнорусскаго и Польскаго), но производныя отсюда произносятся съ звукомъ *а*.

И такъ, въ Сѣвернорусскомъ разрядѣ, преимущественно только Бѣлорусскій языкъ выдерживаетъ сію примѣту одинаково съ Югозападнымъ разрядомъ; но Великорусскій языкъ соотвѣтствуетъ болѣе разряду Сѣверозападному, имѣя въ Верхне-

и Нижне-Русскомъ нарѣчіяхъ *твердое о, необращаемое въ а,* — какъ въ Польскомъ языкѣ (16), — и совмѣщая оба звука въ нарѣчіяхъ Среднерусскомъ и Московскомъ, какъ то бываетъ въ Чехо-Словацкомъ отдѣлѣ Сѣверозападнаго разряда. Употребленіе *мягкаго а* вмѣсто *о* въ народѣ Великорусскомъ, собственно ограничивалось только *Среднерусскимъ* нарѣчіемъ (отъ Бѣлоруссіи до Волги); потомъ оно утвердилось въ нарѣчіи Московскомъ (подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго языка) и уже вмѣстѣ съ симъ нарѣчіемъ изъ Москвы распространилось по Россіи въ высшихъ сословіяхъ и содѣлалось образцевымъ, *чистымъ* Русскимъ выговоромъ—*рѣчью высокою,* или съ-высокà, какъ называютъ его Великороссіяне, говорящіе на *о* (17).

2.— *Примѣта вторая.* Добровскій своему первому разряду усвояетъ *из: издати;* а второму *вы: выдати.*

Южнорусскій языкъ употребляетъ, сходно съ Сѣверозападнымъ разрядомъ, частицу *вы.* Частица *из,* или *зъ,* имѣетъ въ немъ иное значеніе и соотвѣтствуетъ собственно предлогу *со, съ:* такъ вмѣсто *сътѣмъ* Малороссіяне говорятъ (18) *зъѣвъ,*

---

(16) Съ *Польскимъ* языкомъ сіи *два Великорусскія* нарѣчія имѣютъ и другія *общія* примѣты, чуждыя Бѣлорусскому, Южнорусскому и всѣмъ другимъ Западно-Словенскимъ языкамъ; таково, на примѣръ, твердое произношеніе звука *г* (какъ Латинское *g*).

(17) Изъ всего сказаннаго видно, какъ несправедливо замѣчаніе Добровскаго, будто Русскіе подражая Чехамъ и Полякамъ, вмѣсто *раз* произносятъ иногда *роз* (Грам. Ч. I, стр. 486); оно могло бы относиться только къ Бѣлоруссамъ, и то не вполнѣ.

(18) Буква *ѣ* Южными Руссами, Новогородцами и Тверичами, произносится какъ острое *и,* что составляетъ отличіе ихъ отъ прочихъ Русскихъ и Западныхъ Словенъ, кромѣ Болгарскихъ.

изъпъвъ; вмѣсто *снова—изновъ, знову*, и по Бѣлорусски также *знову*; и таковымъ употребленіемъ сего предлога съ буквою *з* Южнорусскій языкъ сходится также съ Сѣверозападными.

По Великорусски хотя говорятъ *издать* и *выдать* книгу: слѣдственно здѣсь совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ; но и здѣсь народнѣе и собственнѣе частица *вы*, вмѣсто коей употребляется теперь *из*, кажется по вліянію уже Церковно-Словенскаго языка (которому постоянно принадлежитъ сіе употребленіе); напримѣръ: *вы*боръ, *вы*брать, *вы*ходъ, *вы*гнать—это формы въ Русскомъ языкѣ чисто-народныя; но *из*брать, *ис*ходъ, *из*гнать — это формы болѣе книжныя, принятыя (изъ коихъ первая *изборъ* и не перешла въ новый Русскій языкъ). Съ усвоеніемъ таковыхъ книжныхъ формъ, приставка той либо другой частицы даетъ уже словамъ разницу въ тонѣ или въ оттѣнкѣ ихъ значенія, а иногда и весьма измѣняетъ оное, напримѣръ: *вы*бѣжать, *из*бѣжать, *вы*ѣденный, *изъ*ѣденный, *вы*рвать, *изо*рвать.

Для показанія древности употребленія частицы *вы*, вмѣсто *из*, можно привести изъ Пѣсни Игорю слово *выторже*, вмѣсто *исторгъ*.

По употребленія частицы *вы* вмѣсто *из* (слитно съ другими словами), подобно Полякамъ, Чехамъ, Русскій языкъ собственно принадлежитъ ко второму разряду, и только Великорусскій отчасти подходитъ къ первому, и то формами оттуда же занятыми (отъ Церковно-Словенскаго).

3.— *Примѣта третья*. По *вставкѣ* звука *л* (послѣ губныхъ), опускаемаго въ языкахъ Сѣверо-

западнаго разряда, языкъ Южнорусскій сходится съ Югозападными, а не съ Сѣверозападными языками, ибо онъ не только удерживаетъ *л* (напримѣръ: *земля*), но даже иногда прибавляетъ передъ нимъ *е* (напримѣръ: *корабель*, *журавель*).

Но въ Великорусскомъ языкѣ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ: и удержаніе звука *л*, какъ въ первомъ разрядѣ (напр. *земля*, *корабль*, *журавль*); и опущеніе онаго, какъ во второмъ разрядѣ (на примѣръ *корабль*, *журавль*, или *корабъ*, *журавъ*), даже съ большимъ сокращеніемъ (напр. вмѣсто *земля* — *земь*: на *земь*, на *земи*). Послѣднія формы суть чисто-*народныя* въ Великорусскомъ языкѣ, любящемъ такое *сокращеніе* или *заостреніе въ концѣ словъ* посредствомъ обращенія гласныхъ въ ъ.

Такимъ образомъ и сею примѣтою Русскій языкъ не вполнѣ сопрягается съ языками Югозападными, и въ Сѣверномъ своемъ разрядѣ переходитъ къ разряду Сѣверозападному; да если бы и вполнѣ она была выдержана, то она столь *частная* и *мелкая*, что не можетъ быть достаточною связью, при другихъ болѣе важныхъ несходствахъ.

4.— *Примѣта четвертая.* — По *невставкѣ* звука *д* передъ *л*, языкъ Русскій дѣйствительно отличается отъ Сѣверозападныхъ, подобно языкамъ Югозападнымъ. — Сія-то примѣта признана и Г. Востоковымъ, который присоединилъ къ ней еще другую *невставку*, а именно — звука *ж послѣ р, при стеченіи оной съ тонкими гласными*, каковая дѣйствительно чужда Русскому языку и языкамъ Югозападнымъ. Но, кромѣ того что сія

примѣта только *отрицательная* (какъ замѣчено выше), она и потому недостаточна, что вставка *ж послѣ р* (rz) не есть *общая* примѣта Сѣверо-Западнаго разряда, а только особенность *Польскаго* языка, распространившаяся и на Чешскій, но чуждая языку Словацкому, такъ же какъ и Русскому.

Говоря объ этихъ вставкахъ, замѣчу, что звукъ *д иногда* вставляется у Русскихъ *передъ р*, и мнѣ кажется въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *р* опущена гласная, существующая въ полногласныхъ формахъ того же слова. Такъ напримѣръ, въ словахъ Кирилла Туровскаго (изданныхъ Калайдовичемъ) (19) читаемъ: *раздрушитель*, *раздрушити*, *раздрѣшитель*, *издрикути*, *неиздреченный*,—(здѣсь предлоги *раз*, *изъ* предполагаютъ полногласные — *разо*, *изо*). Такъ и теперь нѣкоторые Великороссіяне говорятъ *ндравъ* (вмѣсто *нравъ* — *норовъ*), *ндравится*; нѣкоторые Малороссіяне говорятъ *вздрѣвъ*, *уздрѣвъ*, т. е. узрѣлъ (гдѣ также послѣ *з* опущено *о*, какъ показываютъ слова *взоръ*, *зоркій* и др.). Иногда вмѣсто *д* вставляется ближайшій къ нему звукъ *т*, напримѣръ — вмѣсто *срамъ* (въ Южнорус. *сόромъ*) говорятъ обыкновенно *страмъ*. Сею изрѣдка употребительною вставкою Русскій языкъ сближается съ Югозападнымъ разрядомъ, ибо и тамъ она иногда встрѣчается, напримѣръ въ древнихъ Глаголитскихъ рукописяхъ—*раздрѣшу*, *раздрушены*; у Сербовъ, вмѣсто *жребя* (жеребя), говорится *ждребе*.

---

(19) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. М. 1821.

5.—*Примѣту пятую* у Добровскаго составляютъ слова *пещ*, *мощ*, по Югозападной формѣ, *печ*, *моч*—по Русски; а по формѣ Сѣверозападной — *пец*, *моц*.

Можно привести и много другихъ, симъ соотвѣтственныхъ случаевъ, гдѣ употребляемая Русскими *ч* замѣняется въ Сѣверозападномъ разрядѣ звукомъ *ц*, а въ Югозападномъ—*щ* (шт). Но чѣмъ постояннѣе было бы такое распредѣленіе сихъ трехъ звуковъ, тѣмъ больше Русскій языкъ въ семъ отношеніи сближался бы съ разрядомъ Сѣверозападнымъ: ибо звуки *ч* и *ц* суть ближайшіе между собою и потому такъ часто замѣняемые другъ другомъ. Такъ у Русскихъ въ весьма многихъ словахъ, вмѣсто *ц*, издревле употребляется *ч*, особенно по нарѣчію Новогородскому (напр. *отечь*, *чарь*). На оборотъ — вмѣсто *ч*, въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи издревле употреблялось *ц*. Изъ Великорусскихъ нарѣчій этимъ наиболѣе отличается нарѣчіе Средперусское (въ которомъ говорятъ, напримѣръ — *цего*, *цему*, *целавѣкъ*, *цудо*). Но особенно пристрастенъ къ звуку *ц* языкъ Бѣлорусскій, въ которомъ и *ч* и *т* (20) обращаются

(20) Два звука сіи (Ч и Т) оказываются взаимно соотвѣтственными: а) по общему ихъ обращенію въ *ц*, и на оборотъ по обращенію въ нихъ звука *ц* (на прим. *цвѣтъ* — *твѣтъ*); б) по замѣняемости одного другимъ при звукѣ *ш* въ составѣ сложнаго звука *щ*; в) по обращенію другъ въ друга, на прим. *крутъ* (*крутизна*) и *кручь* (въ Южнорусскомъ *круча*); *вѣтъ* (*завѣтъ*, *привѣтъ* и проч.) — рѣчь, *вѣтій* или *витія* и *вѣчь*, или *вече*; *батько* или *батька* (также *батя*) и *бачька*, по Бѣлорусски *бацька*; — и въ именахъ по отчеству, вмѣсто нами употребляемаго окончанія *че* или *чъ* (въ старину и *цъ*, сходно съ Польскимъ и Чешскимъ), у Сербовъ *ть* (ћ), а у Болгаръ *шть* (щ);

въ *ц* — еще болѣе, чѣмъ въ языкѣ Польскомъ (на-примѣръ: *цаго*, *цаму*, *цалавѣкъ*, *цяперъ*—теперь, и проч.). Древность такого обоюднаго употребле-нія *ч* и *ц* въ разныхъ краяхъ Россіи подтвер-ждается множествомъ примѣровъ; изъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ между прочимъ видно, что и въ именахъ по отчеству вмѣсто *чъ* упо-треблялось *цъ* даже Новогородцами.

Если сіи два звука разсматривать и какъ составные *ч* изъ *тш*, *ц* изъ *тс*, то они предста-вляются сложенными однообразно: оба начинаются звукомъ *т* и переходятъ въ шипящій звукъ *тс*. Но въ сложномъ звукѣ *щ* представляется обрат-ный порядокъ составныхъ звуковъ: онъ начинается шипящимъ звукомъ (*ш* или *с*) и потомъ перехо-дитъ у большей части Задунайскихъ Словенъ въ *т*, у Сѣверозападныхъ Словенъ въ *ч*; сходно съ сими послѣдними и у Русскихъ *щ* принимается какъ звукъ составленный изъ *шч* или *сч* (21), какъ и пишутъ теперь многіе въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. *счастье*, *лосчить*, *мужчина*, вм. щастье, лощинъ, мущина). И такъ у насъ и въ Сѣверо-западномъ разрядѣ звукъ *щ* болѣе сложенъ отъ пришеченія новой шипящей къ *ч*, сложенному изъ *тш*. Но у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ *щ*

г) наконецъ сюда принадлежатъ весьма многіе случаи, гдѣ звукъ *т* неопредѣленнаго наклоненія обращается въ *ч* въ настоящемъ изъявительнаго (*летѣть*, *лечу*; *лётъ*) и иногда и въ именахъ (*портить*, *порчу*, *порча*).

(21) По измѣняемости *ч* въ *ц* въ Среднерусскомъ нарѣчіи и *щ*, тамъ выговаривается часто *сц* вмѣсто *сч*, на прим. *сцепка*, вмѣсто *щепка*.

представляетъ только перестановку сихъ двухъ составныхъ звуковъ и произносится какъ *шт*: потому у нихъ такъ часто писали прежде и теперь пишутъ *шт* вмѣсто *щ*: что дѣлали и у насъ въ старину изъ подражанія правописанію Болгарскому, особливо *Іоаннъ*, составитель извѣстнаго сборника Святославовскаго (1073). Такимъ образомъ, ограничиваясь *тѣми случаями*, когда употребляемый Русскими *г* замѣняется у Сѣверозападныхъ Словенъ звукомъ *ц*, а у большей части Югозападныхъ, особенно у Болгаръ, звукомъ *шт* (щ), можно бы сказать, что по *составу сихъ* 3 звуковъ языкъ Русскій находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ разрядами Сѣверозападными и въ обратномъ съ Югозападными.

Но сіе, Добровскимъ указанное распредѣленіе, хотя и простирается на многіе случаи, однакожь не есть общее, и есть другіе случаи, когда Задунайское *щ*, т. е. *шт*, соотвѣтствуетъ нашему *щ*, т. е. *сч*, когда сіи звуки и у Русскихъ замѣняются другъ другомъ. Объ этомъ подробнѣе скажу послѣ; а здѣсь замѣчу только вообще, что такое обоюдное употребленіе оныхъ звуковъ бываетъ только въ Сѣвернорусскомъ разрядѣ, который въ этомъ отношеніи можно сравнить съ разрядомъ Югозападнымъ, гдѣ говорятъ и *шт* (у Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ), и *шч* (у Хорутанъ или Словенцовъ); но Южнорусскій языкъ постоянно выдерживаетъ твердое произношеніе *сч* или *шч* (сходно съ разрядомъ Сѣверозападнымъ) и не смѣшиваетъ съ нимъ звука *шт*.

6.— *Примѣта шестая* у Добровскаго, для перваго разряда — *звѣзда* и *цвѣтъ*, для втораго — *гвѣзда*, *квѣтъ*.

По слову *звѣзда* Русскій языкъ сходенъ съ Югозападнымъ разрядомъ: ибо ни Сѣверные, ни Южные Руссы не говорятъ *гвѣзда*. Что касается до втораго слова, то въ *Сѣвернорусскомъ* разрядѣ, сходно съ Югозападнымъ оно употребляется съ звукомъ *ц*, который въ Великорусскомъ простонародьи иногда обращается въ *т*, и такимъ образомъ, вмѣсто *цвѣтъ*, многіе Великороссіяне (въ томъ числѣ и Новогородцы) часто говорятъ *твѣтъ*. Но въ языкѣ *Южнорусскомъ* употребительнѣе Сѣверозападная форма, съ звукомъ *к*: *квѣтъ*, *квѣтка*, *квѣточка*; но въ глагольныхъ формахъ сего слова и здѣсь предпочтительнѣе употребляется звукъ *ц*: *цвѣсти* (22): слѣдственно здѣсь совмѣщаются разности обоихъ Западныхъ разрядовъ. Впрочемъ и въ Великорусскомъ просторѣчіи говорятъ *квѣтъ*.

7.— *Примѣту седьмую* у Добровскаго составляетъ *тъ* (*той*) въ первомъ разрядѣ, *тенъ* во второмъ. Въ Великорусскомъ языкѣ *тотъ*, въ Южнорусскомъ языкѣ и Верхнерусскомъ нарѣчіи Великорусскаго, *той*: слѣдственно по сей примѣтѣ Русскій языкъ сходенъ къ Югозападнымъ разрядомъ.

---

(22) Слово *цвѣсти* въ Южнорусскомъ языкѣ значитъ еще плесневѣть, (*цвѣль* — плесень); да и по Великорусски говорится *вода цвѣтетъ*: употребленіе сего слова въ такомъ смыслѣ и на другихъ языкахъ согласно съ значеніемъ самаго предмета въ природѣ. — Замѣчу также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Бѣлой Россіи, вмѣсто *цвѣты* (flores), говорятъ *краски*.

8.— *Примѣта осьмая.* — Добровскій своему первому разряду усвояетъ слово *пепелъ*, а второму *попелъ*. Великороссіяне употребляютъ первую форму сего слова, (впрочемъ въ разговорѣ обыкновенномъ и въ просторѣчьи употребительнѣе *зола́*); но языкамъ Южнорусскому и Бѣлорусскому, наравнѣ съ Сѣверозападными, принадлежитъ вторая. Соображая обѣ формы, я полагаю, что первая есть уже измѣненіе второй, и что сія послѣдняя сообвѣтственнѣе свойствамъ Русскаго языка вообще. Ибо 1) частица *по* въ словѣ *попелъ* есть собственная и показываетъ образованіе онаго изъ глагола (23) *палить*, *палю* (откуда *пальба́*, *запа́лъ*, *опа́лъ*, *опала́*); и по всей вѣроятности первоначально оно было *по́палъ*, къ чему подходитъ Бѣлорусское произношеніе (такъ часто употребляющее звукъ *я* вмѣсто *е* безъ ударенія) *по́пялъ*; 2) измѣненіе частицы *по* въ *пе* бываетъ и въ другихъ словахъ, на прим: трава *полынь* (коея имя можетъ быть происходитъ отъ глагола *лынять*, *лынути*; *полынути*, въ Южнорусскомъ *злынути*, полетѣть, взлетѣть, въ Польскомъ *пі́олунь*, по Словенски *пелынь*, по Чешски *пелунь*; 3) это измѣненіе подходитъ подъ общій законъ измѣненія *о* въ *е*, въ каковыхъ случаяхъ Русскій языкъ болѣе Западнословенскихъ удерживаетъ свой основный звукъ *о*. Такъ напримѣръ въ слѣдующихъ

(23) Другой видъ сего глагола — въ Южнорусскомъ языкѣ *пала́ти*, *пала́ю*, въ Великорусскомъ — *пола́ть* и *пыла́ть* (въ Словенскомъ сокращенно *плати*): откуда *по̀ломя* или *по̀лымя*, сокращенныя въ *пламя*, *пламень*; *пылъ* (въ Южнорусскомъ слово *пылъ* употр. вмѣсто *пыль*).

словахъ Восточнословенскія или коренныя Русскія формы будутъ: *озеро, боберъ* или *бобръ, молоко, волоку, рота* (или *ротба*, утпная присяга), *одва* (нынѣ только въ просторѣчьи, а прежде и письменно, напр. у Нестора по Лавр. сп.), *одинъ;* но по Западной формѣ разныхъ Словенскихъ языковъ, отчасти усвоенной уже и Русскому, слова сіи произносятся— *езеро, бебръ, млеко, влеку, рета, едва, единъ* и *еденъ*, и проч.

9.— *Примѣта девятая.* Добровскій своему первому разряду усвояетъ слово *птица*, а второму *птакъ.* Въ Русскомъ языкѣ существуютъ оба измѣненія сего слова и притомъ въ видѣ болѣе первообразномъ. *Птица, птичка* употребляются и въ Великорусскомъ и въ Южнорусскомъ языкѣ; но и тому и другому свойственны также *птаха, пташка*, какъ слова совершенно народныя и даже болѣе употребительныя, чѣмъ *птица* (24) (такъ и въ Великорусской народныхъ пѣсняхъ употребляется обыкновенно *пташка, пташечка*). Въ Кіевѣ (напримѣръ въ Кіевской Лѣтописи и у Берынды), слово птаха употреблялось и въ мужескомъ родѣ, *птахъ, пташокъ:* отсюда, я думаю, произошло *птакъ*, напр. въ Польскомъ языкѣ: ибо тамъ же оно употребляется уменьшительно не *птачекъ* (какъ бы слѣдовало отъ *птакъ*, по измѣняемости к въ ч), но *пташекъ* (отъ *птахъ*, по измѣняемости *х* въ *ш*); другія отсюда производныя формы также имѣютъ тамъ звукъ *ш*, а не *ч*, и слѣдственно

(24) Слова *птица* и *птаха* въ Великорусскомъ простонародьи часто произносятся съ перемѣною *п* на *м* — *мтица, мтаха*; а нѣкоторыя Иллирійцы совсѣмъ опуская *п*, говорятъ *тица*.

форма *птакъ* тамъ не коренная, но позднѣйшаго измѣненія.

Въ письменныхъ Русскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка (напр. въ спискахъ Устава Владимірова, въ Двинской грамотѣ Новогор. Кн. Андрея) вмѣсто *птица* употреблялось слово *потка*, которое по нынѣ сохранилось въ нарѣчіяхъ Верхнерусскомъ и Нижнерусскомъ, гдѣ (вмѣсто пташка, пташечка) говорятъ также *потка*, *поточка*, а въ Бѣлорусскомъ языкѣ *птушка*, *птушечка*.

Русскій языкъ весьма гибокъ и разнообразенъ въ производныхъ и особенно уменьшительныхъ словахъ (напр. *дѣва* въ Великорусскомъ, дѣвушка, дѣвка, дѣвочка, дѣвица и дѣвица; въ Южнорусскомъ дѣвонька, дѣвчя, дѣвчина и дѣвчина, дѣвчинка, и т. д.); между прочимъ весьма употребительна перемѣна окончаній *а* и *ка* на *ица*. Такимъ образомъ, кромѣ уменьшительной формы *поточка*, естественно происходятъ еще слѣдующія: 1) *потушка*, отъ коей чрезъ опущеніе звука о (или обращеніе въ ъ) произошла, мнѣ кажется, Бѣлорусская форма *птушка*; 2) *потица*, отъ коей чрезъ такое же сокращеніе, я думаю, произошло употребительное (25) слово *птица* (по правилу стариннаго право-

---

(25) Такъ не рѣдко формы болѣе первообразныя получаютъ меньшій кругъ употребленія, чѣмъ ихъ видоизмѣненія и даже разрозняются въ значеніи: можно привести много соотвѣтственныхъ примѣровъ. Такъ слово *ласточка*, по Словенски *ластовица* — въ Южнорусскомъ *ластовка*; *улица*, въ Нижнерусскомъ нарѣчіи — *улка*; *звница* — въ Верхнерусскомъ — *звнька* (и то въ ограниченномъ смыслѣ), *вѣверица* (у Нестора) — въ Польскомъ *wiewiórka*; *пуговица* или *пугвица* — по Словенски *пугва* (см. у Берынды); Великороссіяно говорятъ *курица*, Малороссіяне — *курка*, тѣ и другія — *утка*; но *утица* употреби-

писанія должно бы писать *пьтица*) точно такъ, какъ слово *ложка* у Нестора по Лавр. сп. на стр. 89. находимъ *лъжица* и *лжица* (вмѣсто *ложица*); какъ слово *золовка* въ Осташковѣ произносятъ *золвица*, а по Малороссійски *зовиця* (26); 3) въ Кіевѣ употреблялись еще уменьшительныя «*пȍтя*, *пȍтятко*» коими (какъ словами обыкновенными) Берында въ своемъ Лексиконѣ изъясняетъ слово «*птенецъ*» или *птенецъ* (вмѣсто *потенецъ*), принадлежащее къ сему же ряду уменьшительныхъ.

И такъ двѣ Русскія формы *птаха* и *потка* оказываются первообразными для прочихъ формъ сего слова; древность ихъ подтверждается и ихъ близостью къ Санскритскимъ формамъ сего же слова: *pataga*, отъ коей Русское слово *птаха* рознится опущеніемъ первой гласной, и *pataka*, отъ коей Русское слово *потка* отмѣняется обращеніемъ *a* въ *o* и опущеніемъ второй гласной, возобновляющейся опять въ уменьшительной или вообще въ *производной* формѣ, напр. *поточка*.

тельно только у первыхъ; въ Бѣлорусскомъ языкѣ и нарѣчіи Верхнерусскомъ употребляется слово *малецъ*, но въ образованномъ нарѣчіи удержались только уменьшительныя — *малечикъ* и проч. Такимъ образомъ разныя формы того же слова представляются *разсѣянными* по разнымъ языкамъ и нарѣчіямъ: но почему та, а не другая форма присвоена разными языками и нарѣчіями — на это очень часто не льзя дать объясненія. Для примѣра отмѣны въ значеніи разныхъ формъ можно привести *мȉтица* и *матка*, — *вода*, *водица*, *вȍдонька* (въ Малоросс.) и *вȍдка*, *вȍдочка*.

(26) *Л* передъ *в* въ Малороссійскомъ языкѣ обыкновенно опускается; такъ, вмѣсто *молва*, *молвити*, говорятъ — *мова*, *мовити* (сходно съ Польскимъ, у Чеховъ *млува*, *млувити*).

При этомъ случаѣ, въ оправданіе сказаннаго не лишнимъ почитаю замѣтить, что замѣна любимаго Санскритскимъ языкомъ звука *а* звукомъ *о* въ языкѣ особенно Русскомъ, и опущеніе гласныхъ звуковъ языками Словенскими (особенно Западными), встрѣчается часто.

Такъ напримѣръ нашимъ словамъ: *Богъ*, *звонъ*, *огонь*, *носъ*, *ноготь*, *новый*, *доля* — въ Санскритскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *baga*, *svana*, *agni*, *nasa*, *naka*, *nava*, *dala*; *сто* (*сотый*, *сотня*) въ Санскритскомъ *sata*. Иногда вмѣсто Санскритскаго *а* въ Словенскихъ языкахъ употребляется звукъ *е* (напр. небеса Nabasa, *печь* patsch, есмь asmi, дверь dvar), а иногда звукъ *у* — (pata путь, saka сукъ). Видоизмѣненіе Русскаго слова *который*, по чистому Великорусскому выговору *каторый*, соотвѣтственнаго Санскритскому *katara*, представляетъ почти всѣ указанные случаи: въ Малороссійскомъ оно сокращается опущеніемъ *второй* гласной *котрый*; въ Сѣверозападномъ разрядѣ опущеніемъ *первой* гласной съ измѣненіемъ второй, по Польски въ у (który), по Чешски *е* (ktery).

10.— *Примѣта десятая:* въ первомъ разрядѣ *десница*, во второмъ *правица*.

Употребленіе слова *десница* у насъ относится собственно къ языку письменному и притомъ Церковно-Славенскому; но въ народномъ употребленіи обыкновеннѣе *правая рука* и *правма*, слѣдственно ближе къ Сѣверозападной формѣ. Впрочемъ имя рѣки *Десны* показываетъ, что и Югозападная форма можетъ быть нѣкогда была

въ народномъ употребленіи у Южнорусскихъ Словенъ.

11.— Изъ сего подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго оказывается:

а) Что примѣты сіи противорѣчатъ сдѣланному Добровскимъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими или Югозападными языками Словенскими.

б) Что языкъ Русскій, и по симъ примѣтамъ разсматриваемый, представляется *сложнымъ* изъ разныхъ видовъ, въ совокупности коихъ находятся всѣ главнѣйшія примѣты, принадлежащія языкамъ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, хотя и не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними.

в) Что въ Великорусскомъ языкѣ хотя и господствуютъ вообще примѣты Югозападныя; но иногда сіе зависитъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковно-Славенскаго языка, а притомъ и нѣкоторыя Сѣверозападныя примѣты существуютъ въ немъ, какъ формы ему собственныя, народныя.

г) Напротивъ того въ языкѣ Южнорусскомъ господствуютъ примѣты Сѣверозападнаго разряда, съ коимъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ близкое и притомъ древнее сродство.

д) Что Русскія формы нѣкоторыхъ словъ оказываются болѣе первообразными (27) и древними, чѣмъ Западно-Словенскія.

---

(27) Даже и въ такихъ словахъ, какъ на примѣръ встрѣчаемое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ слово *подпьга* или по Глаголитскому написанію *потъпьга*, и въ Остромировой рукописи *потьбьга*, « uxor dimissa », по переводу Копитара, который принимается за него въ трехъ мѣстахъ своей книги *Glagolita Clozianus*, 1836, пріискалъ (« forte fortuna ») даже и

е) Такимъ образомъ *языкъ Русскій* не только не долженъ быть разсматриваемъ *наравнѣ* съ языками Югозападнаго разряда и не принадлежитъ къ нему по примѣтамъ Добровскаго, не только можетъ быть принимаемъ за *особый разрядъ*, наравнѣ съ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, но представляетъ собою цѣлую (Восточную) *половину* всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтственна обоимъ Западнымъ разрядамъ въ ихъ совокупности, и можетъ быть также раздѣлена на два разряда, *Сѣверный* и *Южный*.

12) Наконецъ, изъ сего сравнительнаго разсмотрѣнія можемъ вывести еще слѣдующее заключеніе: принимаемые нами *четыре разряда* въ двухъ половинахъ однороднаго Словенскаго круга языковъ имѣютъ между собою соотвѣтствіе или расположеніе *крестовое*: *Сѣверный* разрядъ одной половины соотвѣтствуетъ *Южному* разряду другой. Это соотвѣтствіе простирается и на другія свойства языка въ каждомъ разрядѣ: въ Восточной половинѣ наибольшимъ *единствомъ* языка запечатлѣнъ Южный разрядъ, а Сѣверно-русскій представляетъ большое *разнообразіе* въ своихъ нарѣчіяхъ; на оборотъ, въ Западной половинѣ

фамилію ученаго Доктора Медицины Штирійскаго уроженца — *Подпежникъ*, но никакъ не можетъ вывести этимологію сего слова «obscurissimae originis». Для этого нужно знать, что въ простонародномъ Русскомъ языкѣ есть глаголъ, отъ коего *пдеа* происходитъ такъ же, какъ *ндеа* отъ своего глагола, и который принадлежитъ къ числу тѣхъ словъ, кои у насъ не печатаются. Однако Спринштеръ, въ составленномъ имъ *Русскомъ Лексиконѣ* (коего собственноручный экземпляръ принадлежитъ моей библіотекѣ), включилъ и сей глаголъ съ Латинскимъ изъясненіемъ.

болѣе единства между языками Сѣвернаго разряда, и Южные образовались болѣе особенными другъ отъ друга. Въ Восточной половинѣ *полногласіе* и отъ него происходящая *протяженность* словъ свойственны Южнорусскому языку едва ли не болѣе, чѣмъ Великорусскому, и между тѣмъ, какъ этотъ любитъ *сокращать* концы словъ, обращеніемъ гласной въ ь, Южнорусскій языкъ любитъ окончанія *гласныя*.

Въ Западной половинѣ, на оборотъ: *сократительность* словъ (чрезъ опущеніе гласныхъ изъ-среди коренныхъ согласныхъ) любима въ Южномъ разрядѣ еще болѣе, чѣмъ въ Сѣверномъ и доходитъ тамъ до *безгласія*. Съ такою разницею въ полногласіи соединена разница въ самомъ произношеніи: Южный Русинъ едва ли не болѣе всѣхъ Словенъ говоритъ на распѣвъ, между тѣмъ какъ рѣчь нынѣшняго Болгарина почти скороговорка. По всѣмъ этимъ отношеніямъ Южнорусскій языкъ оказывается наиболѣе далекимъ отъ разряда Югозападнаго, и примыкая непосредственно къ языкамъ Сѣверозападнымъ, онъ отдѣляетъ собою разрядъ Югозападныхъ языковъ отъ Сѣвернорусскаго. Такъ и по самому мѣстопребыванію Южнорусскимъ краемъ Задунайскіе Словены отдѣлены отъ Сѣвернорусскихъ: ихъ новое сближеніе по языку послѣдовало уже въ близкіе къ намъ вѣка, принятіемъ Церковно-Словенскаго языка въ Россіи и на оборотъ вліяніемъ Русскаго языка на Церковно-Словенскій и Сербскій, такимъ же образомъ, какъ новое сближеніе Южнорусскаго языка съ Сѣверозападнымъ разрядомъ послѣдовало отъ его вліянія на

языкъ Польскій и отъ распространенія Польскаго языка въ Южной и Литовской Руси. Но выше указанное *крестовое* соотвѣтствіе между четырмя разрядами основывается не на однихъ только сихъ новыхъ сближеніяхъ: оно имѣетъ связь съ древнѣйшими историческими отношеніями самихъ Словенъ Сѣвернорусскихъ съ Задунайскими, Южнорусскихъ съ Сѣверозападными.

(Продолженіе впредь.)

Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра

Михаилъ Максимовичъ.

3.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И РАСПРОСТРАНЕНІЕ НѢМЕЦКАГО ДВОРА ВЪ НОВѢГОРОДѢ (1).

Хотя на древнѣйшемъ дошедшемъ до насъ постановленіи Нѣмецкаго двора въ Новѣгородѣ не означено года, равно какъ и на слѣдующихъ за нимъ, однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что оно старѣе первой извѣстной намъ привилегіи (жалованной грамоты), данной Нѣмцамъ Княземъ Ярославомъ, и вѣроятно было написано въ слѣдствіе другихъ древнѣйшихъ договоровъ, о которыхъ упоминается въ Ярославовомъ документѣ. Не смотря на то, оно было написано не ранѣе 1225 года, вѣроятно даже въ слѣдующихъ за нимъ годахъ, или даже въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ, хотя самый дворъ гораздо древнѣе, и потому въ началѣ постановленія говорится, что оно заключаетъ въ себѣ обычныя права (die Rechtsgewohnheiten), какъ они установлены были, съ самаго начала, на Нѣмецкомъ дворѣ въ Новѣгородѣ, по согласію умнѣйшихъ людей изъ всѣхъ Нѣмец-

---

(1) Заимствуемъ эту статью изъ превосходнаго сочиненія Сарторіуса, изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лаппенбергомъ, подъ заглавіемъ: *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse.* Пер.

кихъ городовъ, для купцевъ, посѣщавшихъ Новгородъ водою и сухимъ путемъ. Кромѣ того, въ этой Скрѣ (2) два раза ссылаются на древнія обыкновенія: слѣдовательно, самый дворъ существовалъ ранѣе, нежели это древнѣйшее постановленіе было написано; однакожь начало двора можно отнести не далѣе, какъ къ концу XII столѣтія. Постановленіе это, въ сущности, слѣдующаго содержанія:

Пріѣзжавшіе водою купцы (изъ Готланда по Невѣ) имѣли преимущество передъ тѣми, которые приходили на Новогородскій дворъ сухимъ путемъ, вѣроятно потому, что имъ обязаны были пріобрѣтеніемъ и постройкою двора. Между ими зимніе купцы, проводившіе въ Новѣгородѣ всю зиму и не имѣвшіе возможности оставлять его по произволу, чему препятствовалъ тамошній климатъ, пользовались преимуществомъ передъ лѣтними купцами, которые приходили только на лѣтнее время и могли оставить городъ, когда имъ хотѣлось.

Кажется, что морскіе купцы (Wasserfahrer) ходили сюда на лѣтнее и на зимнее время, болѣе соединенно, компаніями, или, по выраженію позднѣйшаго времени, въ такъ называемыхъ адмираль-

(2) Въ Hansiches Urkundenbuch (стр. 17) Сарторіусъ говоритъ, что слово *скра* значитъ по Исландски libellus, tabula, но что нигдѣ не встрѣчается, во времена союза Нижненѣмецкихъ купцевъ и городовъ, въ смыслѣ постановленія, заключающаго въ себѣ обычныя права союзныхъ купцевъ; оно не встрѣчается также и въ собраніяхъ постановленій Нѣмецкихъ союзныхъ купцевъ въ Сканіи, Даніи, Швеціи или Норвегіи. Въ одной отпискѣ Риги къ Любеку, конца XIII столѣтія, скра названа *liber juris* (См. H. U. B. стр. 190). *Пер.*

ствахъ (Admiralschaften), какъ то было въ обычаѣ при тогдашнихъ сношеніяхъ. Пришедши въ Неву, они выбирали себѣ Ольдермановъ, или старшинъ для двора и для церкви Св. Петра, не обращая вниманія на то, изъ какихъ городовъ были избираемые. Дворовый Ольдерманъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ извѣстій, былъ верховнымъ судьею и правителемъ всего двора: онъ заботился о соблюденіи порядка и о защитѣ Нѣмцевъ передъ Русскими. Ольдерману Св. Петра, патрона Двора и церкви, поручена была хозяйственная часть: онъ собиралъ, по опредѣленію Двороваго Ольдермана, пошлины и штрафныя деньги; на его рукахъ были общественныя расходы, касса, экономія, храненіе бумагъ и драгоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ двору. Тотчасъ по пріѣздѣ, Дворовый Ольдерманъ выбиралъ себѣ четырехъ помощниковъ, людей, которыхъ онъ почиталъ къ тому наиболѣе способными: никто не смѣлъ отказываться отъ этой обязанности, равно какъ и отъ того, чтобы сопровождать Ольдермана, по его назначенію для переговоровъ съ Русскими: въ обоихъ случаяхъ ослушникъ подвергался штрафу.

Ольдерману лѣтнихъ и зимнихъ купцевъ, приходившихъ водою, дозволялось выбирать, для себя и для своей компаніи, изъ числа многихъ домовъ и квартиръ, находившихся во дворѣ, тотъ, который наиболѣе нравился ему. Въ случаѣ необходимости (при недостаткѣ мѣста) онъ могъ помѣщать на своей квартирѣ столько человѣкъ, сколько ему было угодно. Въ большой комнатѣ, принадлежавшей зимнимъ купцамъ, Ольдерманъ ихъ имѣлъ

право выбирать себѣ, съ своимъ обществомъ, мѣсто по произволу. Вообще при недостаткѣ мѣста, морскіе купцы должны были уступать сухопутнымъ, если только то было возможно за исключеніемъ большой комнаты; всѣ прочія были общія для всѣхъ купцевъ. Такъ называемая дѣтская комната (kindere stoue) служила столовою для учениковъ (3), если только не препятствовало тому большое число съѣхавшихся купцевъ.

Если Ольдерманъ морскихъ купцевъ, пріѣхавъ во дворъ, находилъ тамъ Ольдермана сухопутныхъ купцевъ, то послѣдній долженъ былъ уступить ему съ своимъ Ольдерманствомъ, и по древнему обычаю, очистить домъ и перевести сухопутныхъ купцевъ въ другую квартиру; въ случаѣ же необходимости (при недостаткѣ мѣста) морскіе купцы должны были принять сухопутныхъ самъ-третей (selbdritte).

Никто, кромѣ лѣтнихъ или зимнихъ купцевъ, приходившихъ водою, не смѣлъ привозить въ Новгородъ Священника на общій счетъ двора или церкви Св. Петра; въ противномъ случаѣ за всѣ издержки отвѣчалъ виновный. Но прежній Священникъ долженъ былъ уступить свою должность вновь пріѣхавшему (точно такъ же, какъ то соблюдалось и въ отношеніи къ Ольдерманамъ): всѣ находившіеся во дворѣ должны были его дер-

(3) Сарторіусъ замѣчаетъ (H. U. B. стр. 28), что подъ дѣтьми разумѣются здѣсь не одни мальчики, находившіеся во дворѣ для изученія Русскаго языка, но можетъ быть также и мальчики-прислужники. *Пер.*

жаться. Только Священникъ зимнихъ купцевъ получалъ на содержаніе свое, во время пребыванія во дворѣ, пятьдесятъ марокъ кунами изъ казны Св. Петра; во время же путешествія, они должны были содержать его на свой счетъ. Что же касается до лѣтнихъ купцевъ, то они обязаны были содержать своего Священника на свой счетъ и во время путешествія, и во время пребыванія его во дворѣ. Однакожъ, и тѣмъ и другимъ купцамъ дозволялось оказывать Священнику, кромѣ того, и всякаго другаго рода угожденія.

Хозяинъ, который, отправляясь водою въ Новгородъ, бралъ съ собою сидѣльца или прислужника, не имѣлъ права оставлять его, не привезя обратно туда, откуда онъ былъ взятъ, если только не было на то законныхъ причинъ. Болѣзнь не принадлежала къ числу такихъ причинъ. Взятый же прислужникъ обязанъ былъ во всемъ помогать своему хозяину, и не могъ оставить своей службы безъ добровольнаго его согласія. Если прислужникъ, въ дорогѣ или во дворѣ, возставалъ противъ своего хозяина, отъ чего могли произойти безпорядокъ и всякаго рода вредъ, и его уличали въ томъ или другомъ, то виновный обязанъ былъ платить десять марокъ серебромъ штрафа, а участникъ его двѣ марки. Уличенъ же онъ могъ быть показаніями двухъ хозяевъ или двухъ сидѣльцевъ, а на кораблѣ показаніемъ корабельщика; но онъ имѣлъ возможность освободиться отъ этой улики присягою двѣнадцати человѣкъ въ его невинности, и троихъ въ невинности его участниковъ.

Всѣ важныя дѣла подлежали суду двороваго Ольдермана. Каждое товарищество, или артель, имѣло своего собственнаго старшину, не исключая даже и мальчиковъ, о которыхъ въ постановленіи сказано, что если бы они, поссорившись въ обѣденное время, побранились только, то могли еще, передъ старшиною своего товарищества, помириться между собою безъ всякихъ другихъ послѣдствій; но если ссора ихъ кончалась дракою и они ранили другъ друга, то дѣло подлежало суду Двороваго Ольдермана. Онъ же разбиралъ ссоры, возникавшія между двумя хозяевами, или между хозяиномъ и прислужникомъ. Если морскіе или сухопутные купцы ссорились между собою въ дорогѣ и потомъ въ дорогѣ же мирились, то дѣло тѣмъ и кончилось; но если они доѣзжали до самаго двора съ своею ссорою, то должно было подвергнуть ее разбирательству Ольдермана, который рѣшалъ, могли ли они быть допущены во дворъ, или нѣтъ: безъ его позволенія, они не смѣли туда явиться.

Если Дворовый Ольдерманъ и его Ратманы назначали общее собраніе всѣмъ, находившимся во дворѣ хозяевамъ и сидѣльцамъ, то каждый изъ нихъ обязанъ былъ явиться въ назначенное время; въ противномъ случаѣ взыскивался болѣе или менѣе значительный штрафъ. Если же оказывалось, что отсутствующій съ умысломъ не являлся по приглашенію, то штрафъ увеличивался, и съ виновнаго взыскивалось пять фунтовъ меда.

Для охраненія двора и церкви отъ кражи и нападеній, особенно со стороны Русскихъ, употре-

бляемы были всевозможныя старанія. Съ этою цѣлью учреждены были особые сторожа, которые обязаны были караулить дворъ до тѣхъ поръ, пока хотя три хозяина находились еще въ постелѣ; особенно же они должны были смотрѣть за собаками, державшимися для безопасности двора. Во все время своего караула, сторожъ отвѣчалъ за вредъ, который онѣ могли причинить. Если другой сторожъ спускалъ съ цѣпи собакъ, и онѣ причиняли какой-либо вредъ, то отвѣтственность была на томъ, кто спустилъ ихъ. Если же онѣ сами перерывали цѣпи, то сторожъ считался невиноватымъ. Кто пропускалъ свою очередь караулить дворъ, днемъ ли, или ночью, тотъ платилъ штрафа марку кунами. Въ церкви должны были находиться ночные сторожа; кто пропускалъ свой караулъ, тотъ платилъ марку серебромъ штрафа. Хозяева также подвергались отвѣтственности, если они были причиною, что прислужники ихъ не исправляли дневнаго или ночнаго караула во дворѣ или въ церкви; морскіе и сухопутные купцы имѣли, въ этомъ отношеніи, одинаковыя обязанности. Никто не смѣлъ заключать торга съ Русскимъ въ церкви (4), былъ ли то житель Новогородскихъ владѣній, или другихъ Княжествъ; въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, съ виновнаго взыскивалась марка серебромъ штрафа. Для содержанія двороваго зданія и для покрытія общественныхъ издержекъ, зимніе купцы,

---

(4) Нѣмецкая церковь служила главнымъ складочнымъ мѣстомъ для привозимыхъ во дворъ товаровъ. *Пер.*

приходившіе въ Неву на корабляхъ, платили, въ видѣ подати, въ казну Св. Петра по одному фердингу (5) или по четверти марки съ товара цѣною во сто марокъ, и столько же каждый хозяинъ за наемъ квартиры.

Кто приходилъ въ Неву, какъ лѣтній купецъ, тотъ платилъ ту же сумму; только за наемъ квартиры взыскивалось съ хозяина менѣе, а именно одна марка кунами (6). Лѣтній купецъ, остававшійся на зимнее время, обязанъ былъ заплатить пошлину зимнихъ купцевъ, не смотря на то, продавалъ ли онъ свой товаръ, или нѣтъ. То же самое соблюдалось и въ отношеніи къ зимнимъ купцамъ, остававшимся на лѣтнее время: они должны были

(5) Сарторіусъ говоритъ (H. U. B. стр. 25, что Verdingh, Verdinc, Verdhinc, по Англійски farthing, по Латыни ferto, означаетъ четверть марки, прибавляя, что это слово, кажется, означаетъ также четверть и какой-нибудь другой монеты. Въ другомъ мѣстѣ онъ принимаетъ verdingh за $\frac{1}{4}$ шиллинга; но Лаппенбергъ (H. U. B. стр. 277) находитъ это совершенно несправедливымъ: по мнѣнію его, подъ словомъ verdingh всегда должно разумѣть четверть марки. Мнѣніе Лаппенберга подкрѣпляется Дюканжемъ (Gloss. Med. et Inf. Latin. T. II, стр. 454), который говоритъ, что Саксонское слово Ferthing (Farding, Ferdinget, Ferta) означаетъ quarta pars marcae. *Пер.*

(6) Но въ подлинникѣ не совсѣмъ то, что говоритъ здѣсь Сарторіусъ. Вотъ слова самой Скры: «We somervarth comet in dhe nu, dhe sal scheten sante Petere van c marc enen haluen verdhinc, van hushvre dhe mesterman j marc cunen, т. е. лѣтній купецъ, приходившій въ Неву, платилъ въ казну Св. Петра половину фердинга (т. е. половину четверти или $\frac{1}{8}$ марки) съ товара, цѣною во сто марокъ и т. д.» Если пошлина лѣтнихъ купцевъ и плата хозяина за квартиру были тѣ же, что и у зимнихъ купцевъ, то Verdingh равняется двумъ маркамъ кунами, а въ маркѣ серебромъ заключается четыре марки кунами. *Пер.*

заплатить Королевскую пошлину (7); что же они дѣлали съ этою пошлиною, на что ее употребляли, — не совсѣмъ извѣстно. Можетъ быть съ нею было то же, что и съ пошлиною, собиравщеюся въ Нѣмецкихъ городахъ: сначала она платилась Владѣтелю страны; но въ послѣдствіи, сдѣлавшись собственностію общины, поступала въ ея казну. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что различныя общественныя потребности двора удовлетворялись изъ этого источника.

Сухопутные купцы, зимніе и лѣтніе, платили половину Королевской пошлины, марку кунами, за наемъ квартиры, и кромѣ того по шкурѣ (Balch) за каждую лошадь, всякій разъ, какъ они пріѣзжали или уѣзжали. Королевская пошлина платилась ими только однажды, лѣтомъ или зимою. Если Нѣмецъ пріѣзжалъ въ Новгородъ изъ Новогородскихъ владѣній, то онъ подчиненъ былъ, какъ пріѣзжая, такъ и отъѣзжая, Нѣмецкимъ правамъ, и обязанъ былъ вносить въ казну Св. Петра половинную пошлину, но освобождался отъ Королевской пошлины.

Кто пользовался общею посудою и утварью двора, тотъ вносилъ небольшую сумму за употребленіе ея; то же самое соблюдалось и при

(7) Coninges schot. Подъ Королевскою податью Сарторіусъ разумѣетъ (H. U. B. стр. 25—26) ту подать или дань, которая платилась Новогородскому Князю Нѣмецкими лавками. Нѣмецкіе города обыкновенно платили Королевскую подать Владѣтельнымъ особамъ. Однакожъ, какъ въ послѣдствіи мы увидимъ, эта Королевская подать не вся шла Новогородскому Князю, но употреблялась также и на другіе предметы. *Пер.*

употребленіи дровъ для варенія и печенія чего-нибудь, принадлежавшихъ церкви Св. Петра, и при употребленіи ея котла для топленія воска.

Если кто уѣзжалъ, не окончивъ счетовъ своихъ съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣла, то за долгъ его никто другой не отвѣчалъ, но за должникомъ посылали въ догоню приставовъ или доводчиковъ (Gerichtsbothen).

Ежегодный остатокъ отъ дворовыхъ доходовъ, по древнему обычаю и по общему опредѣленію Нѣмцевъ всѣхъ городовъ (на Готландѣ), отсылался на Готландъ, гдѣ хранили его въ казнѣ Св. Петра, въ церкви Св. Маріи, отъ которой (казны) было четыре ключа, хранившіеся въ четырехъ городахъ: одинъ у Ольдермана Готландскаго, другой у Любскаго, третій у Зестскаго (Soest), а четвертый у Дортмандскаго. Безъ сомнѣнія, это были Ольдерманы купцевъ изъ важнѣйшихъ городовъ, которые (купцы) находились тогда на Готландѣ и образовали тамъ между собою торговую компанію, потому что купцы и другихъ городовъ также имѣли своихъ Ольдермановъ. Подъ Ольдерманомъ Готландскихъ купцевъ, очевидно, разумѣется здѣсь Ольдерманъ Визбійскихъ Нѣмцевъ.

Содержаніе этого древнѣйшаго постановленія Новогородскаго двора гораздо проще, нежели позднѣйшихъ. Общество Нѣмцевъ, торговавшихъ въ Новѣгородѣ, для исполненія своего Статута, издавна соблюдало эти добровольныя установленія (Beliebungen) и наконецъ нашло нужнымъ изложить ихъ письменно. Морскіе купцы, какъ прежде сюда пришедшіе и основавшіе здѣсь складочныя мѣста

для товаровъ, пользовались многими преимуществами. Вѣроятно, вся эта торговля получила свое начало отъ большаго торговаго общества Нѣмцевъ на Готландѣ. Но пріѣзжавшіе въ Новгородъ купцы дѣйствовали совершенно самостоятельно: никакой городъ не предписывалъ имъ распоряженій ихъ. Они избирали себѣ Старшинъ изъ среды своей, и притомъ тѣхъ людей, которые были наиболѣе способны къ этой обязанности, и нисколько не стѣснялись происхожденіемъ ихъ изъ того или другаго города. Скра весьма коротка: сущность ея — исполнять постановленіе двора, охранять церковь и дворъ, содержать все заведеніе посредствомъ небольшихъ взносовъ. Остатокъ отъ дворовыхъ доходовъ, по древнему обычаю, клали на сохраненіе въ Нѣмецкую церковь Св. Маріи въ Визби (8).

Однакожъ, въ послѣдствіи времени, это совершенно простое постановленіе подверглось многимъ измѣненіямъ. Любекъ, болѣе и болѣе возвышаясь въ числѣ и могуществѣ надъ прочими городами, употреблялъ всѣ старанія, чтобы доставить себѣ большее вліяніе какъ на Новогородскій дворъ,

---

(8) Если слова «по древнему обычаю» относятся какъ къ тому, что остатокъ отвозился на Готландъ, такъ и къ тому, что онъ клался въ казну Св. Петра въ церкви Св. Маріи, — то этотъ древній обычай не можетъ простираться далѣе 1225 года, потому что только въ это время церковь Св. Маріи была окончена и освящена Епископомъ Линкьепингскимъ. Я полагаю, что древній обычай, о которомъ здѣсь говорится, относится къ перевозу остатка доходовъ на островъ Готландъ; остатокъ этотъ могли начать собирать въ казну Св. Петра въ церкви Св. Маріи только съ 1225 года. Сот.

такъ и на другія торговыя мѣста, чтобы давать имъ предписанія, и даже пріобрѣсти себѣ то вліяніе, которое почти исключительно имѣли на Новогородскій дворъ Нѣмецкіе купцы съ острова Готланда и Нѣмцы изъ Визби. Несомнѣнныя тому доказательства представляетъ намъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ концу XIII вѣка. Въ этихъ усиліяхъ и стараніяхъ своихъ, Любекъ поддерживаемъ былъ многими Восточно-Вендскими городами, ему сосѣдственными, преимущественно же Ростокомъ и Висмаромъ, которые, принявъ Любское Право, желали, чтобы аппеляціи на Новогородскій дворъ производились въ одномъ только Любекѣ, что соблюдалось у нихъ въ отношеніи всѣхъ тяжбъ. Этимъ самымъ, Ростокъ и Висмаръ хотѣли доставить Любеку господство надъ торговыми мѣстами.

Мы имѣемъ документы, доказывающіе согласіе Саксонскихъ, Вендскихъ, Прусскихъ и Вестфальскихъ городовъ на то, чтобы аппеляціи на Новогородскій дворъ производились въ одномъ только Любекѣ; но эти же самые документы, достовѣрность коихъ не подвержена сомнѣнію, говорятъ *вообще* о томъ, что было только отчасти. Многіе и весьма значительные города не послѣдовали желанію и приглашенію Любека. Присоединившіеся къ нему города были: Кельнъ, Дортмундъ, Падерборнъ, Минденъ, Лемго, Липпе, Герфордъ, Гёкстеръ (Höxtor), Магдебургъ, Галле, Брауншвейгъ, Гозларъ, Гильдесгеймъ, Ганноверъ, Люнебургъ, Ростокъ, Стральзундъ, Висмаръ, Грейфсвальдъ, Киль, Штаде, Рига, Данцигъ и Эльбингенъ. О

прочихъ городахъ ничего неизвѣстно; по крайней мѣрѣ въ спискѣ городовъ, присоединившихся къ Любеку, не встрѣчается другихъ, кромѣ здѣсь исчисленныхъ.

Визби дѣйствовалъ подобно Любеку, и также старался привлечь города на свою сторону. До насъ дошелъ циркуляръ этого города, въ которомъ онъ убѣждаетъ другія города радѣть о древнихъ своихъ привиллегіяхъ, о независимости и правахъ, имъ принадлежавшихъ. Эта мѣра произвела свое дѣйствіе на многіе и весьма важные приморскіе города, тѣмъ болѣе, что къ ней присоединялась также и зависть, съ которою смотрѣли на различныя права, несправедливо присвоенныя Любекомъ, и на его преобладаніе надъ другими городами. Гамбургъ, Минстеръ, Зостъ и Оснабрикъ были письменно приглашены Ростокомъ и Висмаромъ присоединиться къ Любеку; но они не послѣдовали этому приглашенію, какъ видно изъ приведеннаго выше списка, гдѣ нѣтъ именъ ихъ, равно какъ и многихъ другихъ важныхъ приморскихъ городовъ, какъ то Бремена, Ревеля, Дерпта, Пернова, Кенигсберга, Торна, Кульма, Браунсберга, равно какъ и многихъ малыхъ Вендскихъ приморскихъ городовъ, какъ то Деммана, Анклана, Штеттина, Нейстергарда, и многихъ другихъ неприморскихъ городовъ, которые однакожь, такъ же какъ и тѣ, могли быть приглашены Любекомъ. Такимъ образомъ, Любекъ не могъ совершенно отнять у Готландскихъ или Визбійскихъ Нѣмцевъ господство надъ Новогородскимъ дворомъ; однакожь ему удалось раздѣлить съ ними

это господство, не смотря на то, что близость острова къ Новугороду все же доставляла Визби нѣкоторое, неотъемлемое у него преимущество. Вліяніе Любека, чрезъ безпримѣрное возвышеніе этого города, и въ особенности позднѣе, при упадкѣ Готланда, росло все болѣе и болѣе, хотя въ большей части XIV столѣтія, какъ видно изъ многихъ документовъ, Любекъ не смѣлъ еще поступать самовластно въ дѣлахъ Новогородскаго двора. Это раздѣленное господство оставалось еще въ такомъ видѣ и въ XV столѣтіи, до тѣхъ поръ, пока Лифляндцы не приняли въ немъ участія, и даже еще позднѣе, пока Союзъ Великой Нѣмецкой Ганзы, на сеймахъ своихъ, не принялъ въ свои руки надзора надъ всѣми складочными для товаровъ мѣстами (9).

---

(9) См. въ H. U. B. документы 1294—5 г., LXXXI—LXXXII d., XC. Въ послѣднемъ документѣ (XC, на которомъ года не означено (Vidimus относится къ 1298 году), Рига объясняетъ Любеку, что имя его вычеркнуто въ Новогородской Скрѣ безъ ея вѣдома, въ чемъ она и извиняется. Не было ли это дѣломъ Визби или общества Нѣмцевъ на Готландѣ? Если бы можно было отнести этотъ документъ къ болѣе раннему времени, то обстоятельство, въ немъ упоминаемое, могло бы быть принято за первый поводъ къ ссорѣ. Слѣдующія страницы и рецессы, находящіеся въ концѣ, ясно покажутъ, что господство оставалось раздѣленнымъ между Любекомъ и Визби. Но мы приведемъ здѣсь напередъ извлеченіе изъ позднѣйшей Скры (хотя безъ года, но безъ сомнѣнія XV вѣка), хранящейся въ Кельнскомъ архивѣ, подъ заглавіемъ: Statuta Novogardica s. a., и показывающей, что даже въ это позднее время господство все еще оставалось раздѣленнымъ между обоими городами. Въ ней говорится, подъ слѣдующими статьями:

Van Ordelen.

It is to welende, dat men alle Rechte, de in desseme bone Staen, na dessen boke richten Schall. Were dat over also, dat en ny Recht

Но прежде еще, когда Любекъ только что захотѣлъ утвердить свое исключительное могущество, что не совсѣмъ удалось еще, выдано было имъ, вѣроятно около конца XIII столѣтія, постановленіе для Новогородскаго двора, или Скра, въ которой распоряженія древней Скры были буквально удержаны до самаго конца, гдѣ говорилось о храненіи ежегодно остающихся у двора денегъ въ церкви Св. Маріи въ Визби. Тутъ съ величайшею тщательностію избѣгли всего, что могло только

---

upslande, dat in dessen boke nicht geschreuen en were, dat Scholden die Oldermann und Wisesten dar untweren, by willen unde by vulborde beider Partheien, of sie jummer mogen: weret over also, dat dat recht off ordel jenich Man beschelden wolde, de schall leggen under Sunte Petere dre marc sulveres; so schall die Olderman und sine Wisesten dat Recht, bi welende unde vulborde der Partheien an beiden siden beschriven an den Raet und Statt to Lubeke unde an den Raet unde an de Statt to Gothlande; de scholen dartho then de Jene, de dar shuldig sin over to wesende, de scholen dat untweren mit Rechte. Unde wo lange dit Recht an Richters dwanck steit, so bliuet en jewelick Man unuersumet in alle sine Rechte; und wo sie den des Richters over een dregen, dat scholen sie beschriuen jan den Hoff tho Nogarden, dat Schall men den yort vor ein Recht in dit bocke schriuen. Wert dan de Man, die dat ordel beschulden heuet, nedderveIich des Rechten, so heuet de Sunte Petere verboret de dre mark sulueres. Wert he ock an siner saken Recht, so schal men eme weder geuen sine drey mark.

Van Sunte Peters Gelde.

So wat gelde dat Sunte Peter ouerlopet bouen die Cost de men inne houe verdoen moet, dat schall men voren eines Jaies tho Gotthlandt, dat ander Jar tho Lubeke, und so wat mallich untfeit, dat schall men beschriuen, unnde malic in siner Statt unde doen dar Rekenschap aff.

Если же въ отпискѣ (См. H. U. B. CII) Любека къ Ригѣ (безъ года), которая должна быть отнесена къ началу или къ половинѣ XIV вѣка, говорится, что Рига должна прислать въ Новгородъ (такъ какъ тамъ находился остатокъ отъ годо-

показать хотя малѣйшій видъ участія Готланда или Визби во вліяніи на Новородскій Дворъ, между тѣмъ какъ о господствѣ Любека говорилось безъ всякихъ околичностей, и между прочимъ, что Любекъ будетъ милостиво (gnädiglich) рѣшать споры, которые могли бы возникнуть о правахъ во дворѣ и о распоряженіяхъ, коимъ должно было повиноваться, и своею мудростію (Weisheit) станетъ помогать сомнѣвающимся. Это второе постановленіе Новогородскаго двора, самовластно

выхъ доходовъ) ключь отъ казны, для удовлетворенія изъ нея необходимыхъ по двору издержекъ, то это должно быть принимаемо, какъ исключеніе изъ общаго правила, происшедшее отъ небезопасности водяныхъ сообщеній при тогдашнихъ безпокойныхъ обстоятельствахъ. Можетъ быть Любскій ключь хранился въ Ригѣ и потому, что городъ этотъ былъ ближе къ Новогородскому двору, и слѣдовательно удобнѣе было отсылать туда ключь какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Если же отнести эту отписку къ 1361 году, то вмѣстѣ съ тѣмъ окажется, что денежный остатокъ отъ дворовыхъ доходовъ не могъ быть отсылаемъ въ Визби, потому что въ это время островъ Готландъ находился уже подъ Датскимъ владычествомъ. — Изъ другой отписки Двора къ Любеку (H. U. B. CV), безъ года же, но вѣроятно второй половины XIV столѣтія, видно желаніе Рижанъ, чтобы Ольдерманы двора и церкви Св. Петра были избираемы также и изъ ихъ среды. Но бывшіе въ то время Ольдерманы объявили, что никто не запомнитъ, чтобы былъ когда-нибудь въ прежнія времена подобный случай. Не смотря на это, Лифляндцы не прекращали своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что они принимали столь дѣятельное участіе въ Русской торговлѣ, и что въ самой Лифляндіи торговыя сношенія съ Русскими были весьма значительны. Изъ актовъ и рецессовъ послѣднихъ десятилѣтій этого періода видно, что отъ времени до времени Лифляндцамъ дѣлались нѣкоторые уступки по ихъ требованіямъ. Приведенныя же мѣста изъ Скры, относящейся къ XV вѣку, показываютъ, что господство, раздѣленное между Любекомъ и Готландомъ, сохранялось даже до этого времени. Сос.

Любекомъ данное, почти втрое пространнѣе древнѣйшаго. Большая его часть состоитъ изъ Любскаго Права въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ то время. Но само собою разумѣется, что города, принявшіе Любское Право, посылали свои апелляціи на Новогородскій дворъ въ Любекъ, и это самое утвердило вліяніе его надъ дворомъ. По той же самой причинѣ Любекъ не переставалъ домогаться, чтобы въ Норвежскомъ городѣ Бергенѣ никто не могъ быть избираемъ въ Ольдерманы или въ его Ратманы, не будучи изъ такого города, который состоялъ бы на Любскомъ Правѣ.

Безполезно приводить здѣсь тѣ положенія Скры, въ которой заключается Любское Право. О другой же, хотя и наименьшей ея части, необходимо упомянуть здѣсь потому, что основаніемъ ей, какъ ясно видно изъ нѣкоторыхъ ея положеній, служили добровольныя установленія (Beliebungen) въ томъ видѣ, какъ они въ теченіе времени, со дня написанія древнѣйшей Скры, опредѣляемы были во Дворѣ всѣмъ купечествомъ. Кромѣ того, должно упомянуть здѣсь также о нѣкоторыхъ положеніяхъ Любскаго Права, подвергнувшихся въ этомъ постановленіи измѣненію. Считаемъ не нужнымъ говорить о томъ, что денежныя пени Любскаго Права и Скры различаются между собою только по значительности своей, и что въ Скрѣ имена Любека, Совѣта, Суда вездѣ замѣнены именами Св. Петра, Ольдермановъ и Ратмановъ. Въ ней сказано также, что никто изъ Нѣмецкихъ купцевъ не долженъ брать отъ

Русскихъ товаръ въ кредитъ; въ противномъ случаѣ положено было взыскивать съ ослушника по десяти со ста съ цѣнности взятаго товара. Если же кто вступалъ въ товарищество или компанію съ Русскимъ, или товаръ послѣдняго везъ въ другіе города, т. е. служилъ Русскому коммиссіонеромъ, то за такой поступокъ подвергался штрафу въ 50 марокъ. Послѣднее запрещеніе касалось не однихъ только Русскихъ, но и Валенскихъ (Walen) и Фландрскихъ купцевъ, и простиралось также на Англійскіе товары.

Когда образовалась гильдія (т. е. общество на прим. зимнихъ и лѣтнихъ купцевъ) и варила себѣ медъ, то каждый, принадлежавшій къ этой гильдіи, обязанъ былъ участвовать въ издержкахъ медоваренія во все время своего пребыванія во дворѣ, пока вода, медъ и хмѣль перемѣшивались, и никто не могъ оставлять двора, не заплативъ приходившейся на его долю суммы.

Штрафныя деньги, простиравшіеся до 10 марокъ серебромъ и болѣе, по опредѣленію Ведде (Wedde), отдавались челобитчику, который долженъ былъ, изъ полученной имъ суммы, внести двѣ марки въ казну Св. Петра, и дать полмарки Ольдерману и столько же его Ратманамъ. Если же не было челобитчика, то вся сумма поступала въ казну Св. Петра, за исключеніемъ марки серебромъ для Ольдермана и его Ратмановъ. Если же штрафныхъ денегъ было только три марки серебромъ, или менѣе, то одну половину ихъ получалъ челобитчикъ, а двѣ трети другой половины вно-

сились въ казну Св. Петра, третья же треть дѣлилась по поламъ: одна половина ея шла Ольдерману, а другая Ратманамъ. Если же не было челобитчика, то двѣ части взысканія отдавались въ казну Св. Петра, а третья дѣлилась по поламъ: одну половину получалъ Ольдерманъ, а другую его Ратманы.

Если отвѣтчикъ, находившійся подъ судомъ, оставлялъ его самовластно, не смотря на то, что Ольдерманъ приказывалъ ему судиться съ тѣмъ, кто на него жаловался; то обязанъ былъ заплатить штрафу полторы марки серебромъ. Изъ этой суммы половина шла челобитчику, двѣ трети другой половины въ казну Св. Петра, а третья треть дѣлилась по поламъ, и одна часть ея получалась Ольдерманомъ, а другая его Ратманами. Если кто оказывался виновнымъ или дозволялъ себѣ ударить кого въ греметѣ или греметенѣ (10) (мѣстѣ,

(10) Въ подлинникѣ сказано: *an der gremeten*. Сарторіусъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе при этомъ словѣ (H. U. B. стр. 206 — 297): «Неизвѣстно, что значитъ это слово. Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о мѣстахъ, находившихся подъ общественнымъ покровительствомъ.» Сарторіусъ относился съ просьбою объяснить это слово къ тремъ ученымъ друзьямъ своимъ: Гримму, Добровскому и Шлецеру. По мнѣнію перваго, слово это происходитъ отъ Русскаго слова — *громада*, означающаго кучу, толпу (Haufen), сборище, собраніе (Versammlung), или отъ Богемскаго hromada, означающаго кучу дровъ (Holzhaufen). Во многихъ изъ нашихъ Губерній громадами называются доселѣ мірскія сходки крестьянъ. Мнѣніе Добровскаго имѣетъ менѣе правдоподобія: онъ производитъ слово gremeten отъ Русскаго *грамота* (*γράμμα*), и полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о какой-нибудь Канцеляріи, или Конторѣ (Schreibstube). Наконецъ Шлецеръ производитъ это слово отъ Русскаго глагола *греметь*, разумѣя подъ gremeten мѣсто, куда колоколомъ или

находившемся подъ общественнымъ покровительствомъ), или на церковномъ дворѣ, или въ церкви, или въ большой комнатѣ, служившей обыкновенно столовою, тотъ долженъ былъ заплатить, кромѣ узаконеннаго штрафа, три марки серебромъ за нарушеніе двороваго спокойствія (Marktfriedens). Одна половина этихъ денегъ шла челобитчику; изъ другой же двѣ трети вносились въ казну Св. Петра, а третья треть дѣлилась по поламъ: одну половину получалъ Ольдерманъ, другую его Ратманы.

Если кто объявлялъ, что онъ можетъ представить за себя поруку, то долженъ былъ назвать по имени того, кто ручался за него, и въ теченіе 14 ночей доставить его во дворъ, если только порука находился въ Новогородскихъ владѣніяхъ;

металлическою доскою, въ которую ударяли, созывались купцы для выслушанія какого-нибудь извѣстія. «Рѣшеніе» — говоритъ Сарторіусъ, который даже при незнаніи языка, видѣлъ натяжку этихъ объясненій—«предоставляется знатокамъ Славянскихъ языковъ. Но не льзя ли прочесть это слово какъ нибудь иначе? Въ Любской рукописи можно прочесть это слово чрезъ *greineten*, хотя я держуеь прежняго чтенія (gremeten), какъ оно *ясно* видно изъ Копенгагенской рукописи. *Я* не сталъ бы и говорить объ этомъ, если бы въ позднѣйшей Скрѣ, хранящейся въ Кельнѣ, слово gremetcn не было замѣнено словомъ gridniza, о которомъ мы будемъ говорить ниже. *Greineten* не есть ли искаженное слово *gridnisse?* Вотъ самыя слова изъ Кельнской Скры s. a., но безъ сомнѣнія XV вѣка: «So welk man brochaſtich wert, edder den anderer Schloege in der *gridenize*, edder oppe deme kerkhoue, oſte in der kerken, edder in dem groten Stopen, dar sie jnne plegen to elende, и т. д.» Правдоподобнѣе всего, кажется, что gremeten и gridniza означаютъ одно и то же, если только вмѣсто gremeten не должно читать greineten, gridenize, съ большею правильностію. *Пер.*

если же онъ былъ внѣ ихъ, т. е. начиная отъ Новогородскихъ границъ и до Риги, и даже во всей Эстляндіи, то сроку для явки давалось шесть недѣль; если же онъ находился за моремъ, т. е. въ Нѣмецкихъ странахъ, къ Западу отсюда, то ждали его годъ и одинъ день.

Если кто имѣлъ у себя чужой товаръ, торговалъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кому принадлежалъ этотъ товаръ, или былъ только его коммиссіонеромъ для отвозки товара далѣе въ другіе города, то обязанъ былъ не растрачивать его, не проигрывать, и наконецъ не употреблять въ уплату денежныхъ штрафовъ за свои преступленія и вины.

Если кто приходилъ на большихъ корабляхъ въ Неву и бралъ товары для увозки, но не могъ уйти, потому ли что тѣ, которые отправили съ нимъ товары (die Befrachter), не могли еще передать ихъ ему, или потому, что грузъ былъ не полонъ: въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право брать товары для перевоза, чьи ему было угодно, какъ въ Новгородъ, такъ и изъ Новагорода.

Ольдерманы и Ратманы обязаны были осматривать всѣ привозимые во дворъ товары прежде, нежели они пускались въ продажу; въ противномъ случаѣ платилось (кѣмъ?) 10 марокъ серебромъ штрафа.

Къ числу постановленій, заимствованныхъ изъ Любскаго Права, должно отнести также и слѣдующія, подвергнувши однакожъ нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ. Если кто ранилъ кого острымъ оружіемъ, не лишивъ его жизни, то

подвергался отсѣченію руки, если только, впрочемъ, виновный не уладилъ дѣла иначе, съ согласія челобитчика, Ольдермана и Ратмановъ. Если же виновный убѣжалъ со двора, то все тамъ находящееся имущество его, раздѣлялось на три части, изъ коихъ двѣ поступали къ его законнымъ наслѣдникамъ, а третья отдавалась челобитчику, который обязанъ былъ внести изъ нее (если, впрочемъ, столько на лице было), двѣ марки серебромъ въ казну Св. Петра и одну отдать Ольдерману съ его Ратманами.

Если призванный на судъ не являлся, то въ первые два раза неявки взыскивались съ него штрафныя деньги; но въ третій разъ Ольдерманъ и его Ратманы должны были притти къ его клѣти или квартирѣ (11), въ которой онъ имѣлъ свои товары и тутъ же чинить судъ и расправу: что слѣдовало челобитчику на законномъ основаніи, то и отдавалось ему.

Если чья лошадь, бѣгая по двору, причиняла вредъ кому-нибудь, то владѣлецъ ея могъ отступиться отъ нея, безъ всякой отвѣтственности за причиненный вредъ, и въ такомъ случаѣ лошадь доставалась въ казну Св. Петра и челобитчику; если же владѣлецъ лошади объявлялъ ее своею, то

(11) Сарторіусъ, какъ мы увидимъ ниже, переводитъ слово clet клѣть — Waarenhaus, т. е. кладовою, комнатою, гдѣ хранились товары; но это не совсѣмъ вѣрно, ибо подъ клѣтью разумѣлась у насъ, въ древности, всякая жилая комната. Въ такомъ смыслѣ употреблено это слово, какъ помнится мнѣ, въ поученіи Луки Жидяты. Въ томъ же смыслѣ, какъ мы увидимъ ниже, встрѣчается оно въ Нѣмецкихъ Скрахъ. *Пер.*

обязанъ былъ заплатить штрафныя деньги за причиненный ею вредъ.

Въ случаяхъ разодранія платья, или битья до крови, или только до синевы, также въ случаѣ ругательствъ; принималось свидѣтельство всякаго человѣка, господина или слуги, лишь бы онъ пользовался добрымъ именемъ.

Когда во дворѣ происходила распря между двумя добрыми людьми (güten Leuten) и приходили на ту распрю два хозяина, въ такомъ случаѣ они могли ссорящимся приказать помириться; если же ссорящіеся не слушали ихъ, то подвергались штрафу въ 10 марокъ серебромъ, которыя раздѣлялись, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, между казною Св. Петра, Ольдерманомъ и его Ратманами.

Постановленіе это должно было, ежегодно одинъ разъ, читаться, съ начала до конца, всѣмъ лѣтнимъ и зимнимъ купцамъ.

Вѣроятно, не только эти предписанія, но даже и заключавшія въ себѣ Любское Право, были мало по малу приняты въ Новогородскомъ дворѣ; они не противорѣчили постановленіямъ, бывшимъ дотолѣ тамъ въ дѣйствіи; но разнообразіе совершавшихся въ то время торговыхъ дѣлъ и запутанность возникавшихъ случаевъ требовали опредѣленнаго руководства, и такъ какъ апелляціи на рѣшенія двора должны были впредь итти равно въ Любекъ, какъ и на Готландъ, или въ Визби, то не льзя было обойтись безъ этого извлеченія изъ Любскаго Права.

Однакожъ, въ слѣдующей, третьей Скрѣ опредѣленно не упоминается объ этихъ Любскихъ предписаніяхъ. Она состоитъ большею частію изъ рѣшеній или опредѣленій, которыя мало по малу, начиная съ 1315 года и до первыхъ годовъ второй половины XIV вѣка, постановляемы были Ольдерманами, его Совѣтниками и общимъ Собраніемъ Нѣмецкихъ купцевъ въ Новѣгородѣ. Такъ какъ прежнія установленія требовали нѣкоторыхъ измѣненій, то въ этой Скрѣ они и встрѣчаются перемѣшанными съ новыми.

Это собраніе постановленій соединено было въ одно цѣлое и исправлено выборными или депутатами, присланными въ 1370 году въ Дерптъ — Іоанномъ Степенгаттеде изъ Любека, и Даніиломъ Фонъ-деръ-Гейде съ Готланда (изъ Визби). Въ слѣдствіе войны, продолжавшейся уже два года между Лифляндцами и Русскими, дворъ Новогородскій былъ оставленъ, церковь заперта; купечество, опасаясь пострадать при столь опасныхъ обстоятельствахъ, выѣхало изъ города, взявъ съ собою всѣ драгоцѣнности и ризы Св. Петра, книги, привилегіи и древнія Скры двора, и вручивъ ихъ двумъ депутатамъ, присланнымъ въ Дерптъ отъ Любека и Готланда, какъ высшимъ властямъ надъ складочными для товаровъ мѣстами. Депутаты, принявъ древнія Скры, нашли, что нѣкоторые листы ихъ были вырѣзаны, другіе исписаны, третіе заключали въ себѣ вещи, вовсе сюда непринадлежавшія. Это дурное состояніе постановленій, долженствовавшихъ служить для всѣхъ руководствомъ, заставило депутатовъ

возобновить книгу древней Скры, и приказать, чтобы въ нее внесено было только то, что дѣйствителвно и законно признано, принято, и что должно въ ней остаться. Дабы въ послѣдствіи никто не осмѣливался вырѣзывать или исписывать листовъ Скры, депутаты постановили, чтобы виновный, по приговору всего купечества, отвѣчалъ за свое преступленіе жизнію, или имуществомъ. Кажется, что въ слѣдующемъ 1371 году, по исправленіи и улучшеніи собранія постановленій, Новогородскій дворъ былъ возстановленъ Любскимъ и Готландскимъ депутатами, и нѣтъ сомнѣнія, что до насъ дошло именно это исправленное собраніе, со всѣми рѣшеніями или опредѣленіями купечества, начиная съ 1315 и непрерываясь до 1355 года.

Наконецъ, мы имѣемъ еще нѣкоторыя предписанія, данныя двору въ 1338 году, и вѣроятно депутатами — отъ Любека Маркварттомъ фонъ Косфельде, и отъ Готланда Аннемеромъ фонъ Эссеномъ, которые присланы были въ Дерптъ для рѣшенія возникшихъ споровъ вмѣстѣ съ Русскими депутатами, отправленными туда на тотъ же конецъ. При этомъ случаѣ, депутаты Любскій и Готландскій обнародовали многія предписанія, долженствовавшія служить руководствомъ для двора. Хотя предписанія и распоряженія этихъ депутатовъ, въ сущности, не измѣнили собранія древнихъ добровольныхъ установленій двора, однакожъ всѣ старыя постановленія были пояснены и исправлены сообразно съ обстоятельствами времени. Новаго было только то, что не смотря на

древнюю привилегію Общества, давать себѣ свои собственныя постановленія,—право, которое оно почитало еще въ полной силѣ, возникло другое законодательство, законодательство Любека и Готланда, коихъ депутаты самовластно давали предписанія двору, и все дѣлалось зависимо отъ Любека и Готланда, даже утвержденіе опредѣленій Общества и назначеніе его старшинъ.

Для точнаго понятія о состояніи двора и его торговли, необходимо сообщить здѣсь перечень главнѣйшихъ статей изъ возобновленной Скры и изъ предписаній, данныхъ въ 1335 году Любскимъ и Готландскимъ депутатами, что помогаетъ намъ представить себѣ по возможности вѣрную картину всѣхъ обстоятельствъ того времени.

Получать изъ Россіи хорошій и неподдѣланный воскъ было главнымъ стараніемъ дворовыхъ старшинъ, хотя поддѣлка воска возбуждала столько ссоръ при дальнѣйшемъ сбытѣ его на рынкахъ Западной Европы; что наконецъ старшины и все купечество Новогородскаго двора, въ различные годы (1315, 1332, 1333), принуждены были запрещать, подъ весьма большимъ штрафомъ, скупаніе поддѣланнаго воска. Имъ стоило большихъ трудовъ и издержекъ, употребленныхъ на подарки Новогородскимъ Князьямъ и ихъ окружавшимъ, чтобы достигнуть наконецъ до того, чтобы Русскіе купцы перестали класть фальшивыя клейма на поддѣланный воскъ, какъ будто бы онъ былъ хорошей доброты. Въ 1332 году, по приказанію Любека и Готланда, штрафъ былъ возобновленъ; поддѣланный воскъ должно было раста-

плавать; кто же осмѣливался вывозить его тайно, тотъ подвергался пени въ 50 марокъ серебромъ, почти самой большей изъ существовавшихъ пеней, и кромѣ того виновному навсегда воспрещалось посѣщеніе двора. Кто же покупалъ поддѣланный воскъ внѣ того пространства, на которомъ дѣйствовало Право Св. Петра, и привозилъ въ Новгородъ, тотъ не смѣлъ вносить купленный имъ воскъ въ церковь Св. Петра, не заплативъ штрафныхъ денегъ и не получивъ на то позволенія отъ Двороваго Ольдермана и отъ общества Нѣмцевъ. При ввозѣ большаго и малаго количества воска платился одинъ и тотъ же штрафъ. Въ 1333 году постановлено было, чтобы одни только Ольдерманы Св. Петра имѣли право клеймить печатью Св. Петра воскъ, признанный браковщиками за хорошій. По этому самому, въ продолженіе всего года, и лѣтомъ и зимою, во дворѣ находились браковщики или осмотрщики воска (Wachsfinder).

Какъ жалобы на поддѣлку воска, при дальнѣйшемъ сбытѣ его на Западѣ, побудили къ принятію этихъ строгихъ мѣръ, такъ точно и жалобы Русскихъ на поддѣлку суконъ, привозимыхъ Нѣмцами съ Запада на Востокъ (Европы), были поводомъ къ подобнымъ же распоряженіямъ. Въ 1327 году постановлено было купечествомъ въ Новѣгородѣ не ввозить сюда суконъ, изготовленныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было ни мѣстнаго надзора надъ производствомъ ихъ, ни особеннаго предписанія объ ихъ изготовленіи. Право ввоза распространялось только на Диксмундскія, Иперискія и Лангемаркскія сукна, но нисколько на тѣ,

которыя были подъ нихъ поддѣланы, имѣли такую же ворсу и были такъ же сложены. Ввозившій такія запрещенныя сукна подвергался строгому наказанію: онъ терялъ все привезенное имъ сукно, и сверхъ того платилъ еще 10 марокъ серебромъ штрафа въ казну Св. Петра. То же самое запрещеніе распространялось и на сукна, употреблявшіяся на одежду духовныхъ особъ (Capellanen), приготовленныя не въ Ахенѣ, или не въ Кельнѣ, и на поддѣльные платки, служившіе для завертыванія сукна, находившагося въ кускахъ. Браковщики суконъ, точно такъ же, какъ и браковщики воска, находились во дворѣ въ продолженіе цѣлаго года.

Въ 1318 году, запрещено было въ Новѣгородѣ покупать или брать въ кредитъ товары, съ условіемъ заплатить должную сумму въ другомъ мѣстѣ, наприм. въ Дерптѣ: должно было платить тамъ, гдѣ купленъ товаръ. Въ 1333 году постановлено было, чтобы Нѣмцы не вѣсили на Королевскихъ (т. е. Княжескихъ) вѣсахъ ни мѣди, ни олова, ни свинца, продаваемыхъ ими Русскимъ: въ противномъ случаѣ, съ виновнаго взыскивалась марка серебромъ штрафа.

Всѣ эти постановленія ни сколько не измѣняли древнихъ распоряженій двора, потому что они касались только торговли и имѣли цѣлью своею предупредить жалобы на поддѣльные товары, какъ со стороны Русскихъ, такъ и со стороны Западныхъ народовъ, особенно на большомъ Фландрскомъ рынкѣ, и отклонить ссоры, возникавшія въ торговыхъ сношеніяхъ между Нѣмцами и Рус-

сками. Будучи сами собой понятны, постановленія эти не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій (12).

Предписанія, данныя въ 1338 году обоими депутатами Любека и Готланда, составляютъ дополненіе къ древнимъ постановленіямъ двора. Хотя онѣ начинаются словами «на такихъ основаніяхъ долженъ быть дворъ Новогородскій», однакожъ мало измѣняютъ древнія постановленія его: нѣкоторыя ихъ статьи изложены съ большею опредѣленностію; другія болѣе развиты. Большая часть этихъ предписаній касается торговли съ Русскими въ Новѣгородѣ и въ самомъ дворѣ.

Старое постановленіе объ обязанности хозяина доставить взятаго имъ въ Новѣгородѣ сидѣльца или прислужника туда, откуда онъ былъ вывезенъ, было возобновлено, и съ виновныхъ взыскивалось пять марокъ серебромъ штрафа. Сидѣлецъ, или прислужникъ, остававшійся во дворѣ безъ воли своего хозяина, подвергался тому же штрафу, и обязанъ былъ тотчасъ оставить дворъ. Хозяиномъ почитался всякій пріѣзжавшій во дворъ на свой собственный счетъ. Никто, по продажѣ привезенныхъ имъ товаровъ, не могъ оставаться во дворѣ для продолженія торговли; однакожъ продажа эта не ограничивалась извѣстнымъ временемъ. Если кто спѣшилъ сбыть свои товары, то всякій хозяинъ, или сидѣлецъ, находившійся

(12) Скра, заключающая въ себѣ опредѣленія 1315 и позднѣйшихъ годовъ, здѣсь не кончается; но предписанія 1338 года помѣщены здѣсь для последовательности времени, чтобы раннѣйшія постановленія не перемѣшать съ позднѣйшими. См. документъ CXXV въ H. U. B. Cot.

во дворѣ, могъ покупать ихъ. При продажѣ послѣдняго товара, каждый обязанъ былъ расчитаться со всѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣла, и тогда уже выѣхать изо двора, который оставляемъ былъ зимними купцами до послѣдняго сухаго пути и до перваго мореходства, а лѣтними до послѣдняго мореходства и до перваго сухаго пути. Каждый купецъ могъ пробыть во дворѣ до тѣхъ поръ, пока не находилъ себѣ покупщика, и если ему нужно было уѣхать изъ Новагорода, то онъ имѣлъ право оставить при товарѣ своемъ прикащика или сидѣльца, до тѣхъ поръ, пока товаръ не продастся, послѣ чего и сидѣлецъ долженъ былъ выѣхать: въ противномъ случаѣ съ него взыскивалось штрафа пять марокъ серебромъ. Мелочная торговля, кажется, была предоставлена Русскимъ. Нѣмцы могли продавать холстъ только цѣлыми кусками, или штуками, и во дворѣ запрещено было рѣзать какія бы то ни было ткани на исподнее платье, плащи, и т. п., и потомъ продавать по мелочамъ. Сначала, маклеры не были терпимы во дворѣ, но въ послѣдствіи, при перемѣнѣ торговли, постановленіе это не исполнялось, и въ слѣдующемъ столѣтіи выдано было въ Новѣгородѣ особое, до насъ дошедшее положеніе о маклерахъ. Возобновлено было также запрещеніе торговать съ Русскими въ кредитъ, и вступать съ ними, равно какъ и съ Валлонскими, Фландрскими и Англійскими купцами, въ компанію для веденія на общій счетъ торговли и мореходства. Никто также не имѣлъ права привозить товаровъ во дворъ, въ лѣтній или зимній пріѣздъ, болѣе, нежели на 1000

марокъ. Весь излишекъ поступалъ въ пользу Св. Петра.

Для дворовыхъ распоряженій были выданы, въ то же время, нѣкоторыя новыя или распространенныя старыя предписанія.

Древнія преимущества, которыми пользовались лѣтніе и зимніе купцы, пріѣзжавшіе водою, остались за ними: они сохраняли привилегію выбирать себѣ клѣти (cleten, по Сарторіусу Waarenhäuser, кладовыя) и мѣста для стоянія или сидѣнія (seten). Та же привилегія распространялась и на прислужниковъ ихъ, которые могли стоять и варить въ кухнѣ, гдѣ имъ было угодно. Питейная комната (13), гдѣ хозяева пили и ѣли, не должна была служить жильемъ или спальнею (Schlafkammer), или быть чѣмъ-нибудь загромožденною; запрещено было также сидѣльцамъ или прислужникамъ держать въ ней напитки, или что-либо другое, чѣмъ хозяева могли быть обезпокоены. Когда общество вставало изъ-за стола и уходило спать, то никто уже, ни хозяинъ, ни сидѣлецъ, не могъ снова садиться за столъ и начинать пить: въ противномъ случаѣ, съ виновнаго взыскивалась марка серебромъ штрафа. Люди, имѣвшіе надзоръ за огнемъ, обязаны были смотрѣть и за тѣмъ, чтобы никто снова не садился за столъ пить, и напоминать о запре-

(13) Въ подлинникѣ сказано Potklet. Сарторіусъ переводитъ это словомъ: питейная комната, Trinkstube, производя Potklet отъ Нѣмецкаго слова *Pott*, что значитъ горшокъ, кружка (Topf, Krug) и отъ Славянскаго *клѣть* (H. U. B. стр. 272) (*). *Пер.*

(*) Намъ кажется, что *подклѣтью* всего приличнѣе могли называть погребъ. *Ред.*

щеніи тому, кто это дѣлалъ; если же они не исполняли этой обязанности, то подвергались одинаковому штрафу съ ослушниками. Заблудившіеся купцы, приходившіе во дворъ на лѣто или на зиму, пользовались правами сухопутныхъ купцевъ во всемъ, касавшемся до домовъ, или жилья, и до пошлинъ. Сухопутные купцы, приходившіе во дворъ изъ Россіи, находились, въ отношеніи къ пошлинамъ, на однихъ правахъ съ сухопутными купцами, приходившими изъ Германіи, и были освобождены отъ Королевской пошлины. Каждый купецъ обязанъ былъ вести во дворѣ торговлю свою, будь это съ Княземъ (Новогородскимъ) или съ кѣмъ другимъ, такъ, чтобы дворъ и казна Св. Петра ни сколько отъ того не терпѣли. Если Русскому запрещено было посѣщать дворъ, то онъ могъ только по прошествіи цѣлаго года просить снова позволеніе посѣщать его: что одно лишь купечество острова Готланда имѣло право разрѣшить ему: обстоятельство, показывающее, что купечество это было тогда еще въ прежней своей силѣ и въ прежнемъ уваженіи.

Многія измѣненія произошли въ постановленіяхъ, касавшихся до Священниковъ. Зимніе и лѣтніе купцы могли, если только хотѣли, выдать своему Священнику, изъ Королевской пошлины, четыре марки серебромъ; если же кто имѣлъ желаніе дать ему больше, тотъ платилъ изъ своего кармана. Въ случаѣ, если между зимнимъ и лѣтнимъ, или лѣтнимъ и зимнимъ пріѣздами, во дворѣ находился Священникъ, купцы могли давать ему на содержаніе еженедѣльно по полуфердингу, изъ Королевской

пошлины, но не болѣе; менѣе же этого также дозволено не было. Кому Священникъ писалъ письмо по торговымъ дѣламъ, тотъ обязанъ былъ дать ему три марки куньими мордками (Marderköpfe) (14).

Скры, къ коимъ, какъ извѣстно, прилагаемы были печати (хотя ни одна въ такомъ видѣ не дошла до насъ), хранились въ церкви Св. Петра и не могли быть выносимы изъ нея; однакожь дозволено было переписывать ихъ по Русски и по Нѣмецки. Замѣчательнѣе всего, что предписаніе это, противъ древнѣйшаго обычая, дано было не купцами, а Любскимъ и Готландскимъ депутатами, которые положили пять марокъ серебромъ штрафа въ случаѣ, если кто-нибудь, недовольный этимъ предписаніемъ, сталъ бы тайно или явно протестовать противъ него. Однакожь, обвиненный могъ самъ-третей оправдаться присягою (15).

---

(14) Но въ подлинникѣ о куньихъ мордкахъ и помину нѣтъ: тамъ сказано просто *dre marc hovede*. Слово hovede, *говеде*, встрѣчается и въ нашихъ древнихъ памятникахъ (сколько помнится мнѣ, въ Русской Правдѣ). Въ древнѣйшей Скрѣ (H. U. B. стр. 27) сказано, что за употребленіе котла, принадлежавшаго церкви Св. Петра, платилось двѣ марки говеде. Очевидно, что hovede есть *монета*, а не *говядина*, какъ утверждали нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей. Но какая монета, опредѣлить трудно. Однакожь, изъ этого не слѣдовало Сарторіусу превратить hovede въ куньи мордки, о которыхъ мы имѣемъ нынѣ надлежащее понятіе, благодаря изслѣдованіямъ Г. Каченовскаго. *Пер.*

(15) См. въ H. U. B. документъ CXLIII. Выраженіе Сарторіуса: «doch kann der, welcher dessen beschuldigt wird, durch Eid, selb dritte, sich rechtfertigen» кажется должно понимать такъ: обвиненный въ протестѣ или неудовольствіи на это предписаніе, могъ оправдаться, если онъ и еще двое свидѣтелей присягали въ томъ, что это неправда. *Пер.*

Определенія Ольдермана, его Совѣтниковъ и всего купечества, воспослѣдовавшія три года спустя, въ 1341 году, имѣли предметомъ своимъ отклонить подлогъ со стороны Русскихъ при вѣшеніи воска; послѣ многихъ стараній, наконецъ, достигнуто было до того, чтобы вѣшеніе производилось безъ подлога, по употребительному въ Германіи способу, котораго каждый обязанъ былъ держаться: въ противномъ случаѣ, съ виновнаго взыскивался штрафъ. Въ 1342 году былъ заключенъ договоръ между Новогородскими властями и старшинами Нѣмецкаго двора въ Новѣгородѣ, и депутатами городовъ: Готланда (т. е. Визби), Любека, Риги, Минстера и Дортмунда; въ слѣдствіе этого договора никакой поддѣланный воскъ не могъ быть покупаемъ Нѣмцами у Новогородцевъ прежде дня Петра и Павла; равно и Новогородцы не должны были покупать такого воска у своихъ сосѣдей и привозить его въ Новгородъ. Кромѣ того положено было не давать подарковъ вѣсившему воскъ (16).

Въ томъ же году постановлено было, чтобы никто не смѣлъ давать Русскому со двора сукно или образчики его, или другой товаръ, для раз-

---

(16) Въ подлинникѣ употреблено слово *посулъ* (possul), а не подарокъ. Сарторіусъ (H. U. B. стр. 286), слѣдуя Кругу, принимаетъ Русское слово посулы (possùly) за подарки (Geschenke). Мнѣ не помнится, чтобы въ древнихъ нашихъ памятникахъ оба эти слова значили одно и то же. Между *сулите* и *дарите* разница большая. Если мы примемъ слово possul въ настоящемъ его значеніи, то смыслъ постановленія будетъ такой: никто не долженъ былъ дѣлать посуловъ вѣсившему воскъ съ тѣмъ, чтобы онъ, т. е. вѣсившій, неправильно вѣсилъ. *Пер.*

смотрѣнія на дому, потому что отъ того возникало много злоупотребленій и вреда.

Въ томъ же году (17) состоялись многія опредѣленія, касавшіяся отвращенія различныхъ подлоговъ и обмановъ, слишкомъ далеко распространившихся въ торговлѣ мѣхами. Въ слѣдствіе этихъ опредѣленій, Sceuenissen и Troyenissen (18) должны были обыкновенно покупаться только тысячами, или полутысячами, или четвертями тысячь; однакожь послѣднія, т. е. Troyenissen, могли быть покупаемы и отдѣльно въ числѣ прочихъ мѣховъ. Это постановленіе распространялось не только на Новгородъ, но и на всѣ мѣста, гдѣ Русскіе

(17) Не въ томъ же году, а въ слѣдующемъ, т. е. 1348. См. Н. И. В. стр. 287. *Пер.*

(18) Слова эти часто встрѣчаются въ Западныхъ документахъ. Первое находится также въ тарифѣ 1252 г., выданномъ Маргаритою, Графинею Фландрскою, и сыномъ ея Гвидо, для Имперскихъ и другихъ иностранныхъ купцевъ; Сарторіусъ замѣчаетъ слѣдующее: «что слово это (Scevenesses, Schevenisse, Schevesse) означаетъ мѣхъ, мягкую рухлядь, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Эти Scevenesse, какъ и бѣличій мѣхъ (то, что у Французовъ называется *petit-gris*), продаваемы были тысячами, но были менѣе цѣнимы. Я полагаю, что Scevenisse происходитъ отъ Schaven, Scheven, скрести, скоблить, оскребки (schaben, Schabsel). Извѣстно, что съ мѣховъ соскабливали или счищали волосъ, на прим. съ заячьихъ мѣховъ, и въ особенности съ бобровыхъ, и потомъ продавали отдѣльно и волосъ и шкуру; de pellibus tonsis или clippine упоминается въ документахъ: можетъ это одно-значащія слова съ scevenisse, или подъ scevenisse не разумѣется ли подобный счищенный съ мѣха волосъ, пучками связанный (H. U. B. стр. 58—59)?» — Чтожъ касается до Troyenissen, то Сарторій принимаетъ его за испорченное или равно-значащее слово съ Doyenisse, подъ коимъ разумѣютъ дурной, самый низкій сортъ мѣховъ. См. H. U. B. стр. 280. *Пер.*

продавали мѣха, на Ригу, на Дерптъ, на Ревель, Псковъ (Pleskowe) и Полоцкъ (? Ploskowe), на всѣ города, гдѣ только было Нѣмецкое Право. Слѣдовательно уже и тогда Нѣмцы должны были имѣть свои коммиссіонерскія лавки (Nebenniederlagen) въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ.

Что же касается до Священника, то положено было, чтобы при отправленіи его въ Новгородъ и при отъѣздѣ его оттуда, давалось ему не менѣе полукуска серебра (en half Stucke).

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ опредѣленія (1346 г.) старшинъ и всего купечества Нѣмецкаго двора, которыя частію утверждали древніе обычаи, частію же измѣняли ихъ сообразно съ потребностями времени. Многія, уже давно введенныя измѣненія, вѣроятно, только теперь были изложены письменно.

Съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе городскихъ властей на дворъ стало болѣе и болѣе возрастать, самое избраніе Двороваго Ольдермана подверглось измѣненію, вопреки древнему и даже самому древнѣйшему обычаю. Первоначально Дворовый Ольдерманъ, равно какъ и Ольдерманъ церкви Св. Петра, былъ избираемъ купцами, приходившими въ Россію водою, во время самаго ихъ пути; теперь же, и безъ сомнѣнія даже ранѣе, право избранія перешло на депутатовъ Любека и Готланда, находившихся во дворѣ. Подъ штрафомъ 10 марокъ серебромъ приказано было, чтобы всѣ купцы повиновались рѣшеніямъ какъ этихъ депутатовъ, такъ и браковщиковъ сукна и воска. Штрафъ за уклоненіе отъ выбора былъ увеличенъ. Ольдерманы

церкви Св. Петра обязаны были взыскивать штрафъ съ отказывающихся отъ принятія на себя должности, въ которую ихъ избрали, при третьемъ отказѣ 50 марокъ серебромъ, и сверхъ того виновный лишался права посѣщать дворъ. Въ выборѣ Ольдермановъ, Любчане и Готландцы чередовались. Какъ скоро Дворовый Ольдерманъ вступалъ въ свою должность, то Ольдерманы церкви Св. Петра (ихъ было въ это время двое) передавали ему ключи, и всѣ должностные во дворѣ люди прекращали свои занятія до тѣхъ поръ, пока новый Ольдерманъ не утверждалъ ихъ въ ихъ званіяхъ, или не назначалъ на ихъ мѣсто другихъ. Дворовый Ольдерманъ имѣлъ право присуждать къ смерти и къ отсѣченію руки, — право, которое было такъ трудно получить Нѣмцамъ въ другихъ странахъ, и которое здѣсь не встрѣтило никакихъ затрудненій. Ольдерманъ самъ не сопровождалъ приговоренныхъ на мѣсто казни, но назначалъ для того двухъ выборныхъ.

Если Ольдерманъ Св. Петра оставлялъ дворъ и тамъ оставался еще Дворовый Ольдерманъ, то не нужно было депутатамъ Любека и Готланда пріѣзжать въ Новгородъ для выбора новаго Ольдермана на мѣсто уѣхавшаго: въ этомъ случаѣ, избраніе могло быть произведено самимъ Дворовымъ Ольдерманомъ. Если же во дворѣ не было Двороваго Ольдермана, то депутаты Любека и Готланда должны были избирать Ольдермановъ Св. Петра между Любчанами и Готландцами; если же и депутатовъ не было во дворѣ, то до ихъ пріѣзда изъ Любека и Готланда избирались купечествомъ, на

время, способнѣйшіе для того люди. Такимъ же образомъ совершалось избраніе засѣдателей или *умнѣйшихъ людей* (Weisesten). Священники назначались по очереди, одинъ годъ Любекомъ, а другой Готландомъ. Теперь понятно, какимъ образомъ древнія привилегіи и права купеческаго общества въ Новѣгородѣ перешли въ руки Любека и Готланда, равно какъ и то, что Любекъ, наконецъ, долженъ былъ оставить свои требованія и притязанія на исключительное господство, которое раздѣлилось между имъ и Готландомъ, хотя имя Любека всегда стояло впереди: что легко можетъ быть объяснено могуществомъ и силою этого города во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Если кого выбирали въ Ольдерманы Св. Петра, и онъ отъ того оставлялъ дворъ, не представивъ другихъ достаточныхъ причинъ, то съ него взыскивалось десять марокъ штрафу, и сверхъ того онъ обязанъ былъ исправлять свою должность до тѣхъ поръ, пока не уѣзжалъ изъ двора. Кто изъ Ольдермановъ былъ наиболѣе одаренъ даромъ слова, тотъ обязанъ былъ говорить, когда случалось защищать купца или изустно излагать какое-нибудь дѣло; если же во дворѣ находился кто-нибудь болѣе къ тому способный, то Ольдерманы Св. Петра имѣли право призывать его и употреблять въ дѣло его способности; если же онъ уклонялся отъ того, то при третьемъ отказѣ взыскивалось съ него 50 марокъ серебромъ, и отнималось право посѣщать дворъ. Если случалось, что оба Ольдермана Св. Петра имѣли свои лавки внѣ двора: то послѣдній выбранный Ольдерманъ

обязанъ былъ переѣхать во дворъ, но отъ платы за квартиру освобождался. Поссорившіеся купцы не могли оставить Новагорода, не помирившись, если только Ольдерманъ двора, или Св. Петра, могъ допустить ихъ до этого по существовавшимъ дворовымъ постановленіямъ; присутствовавшій при этой ссорѣ и необъявившій объ ней Ольдерману, подвергался штрафу въ 10 марокъ серебромъ. Запрещено было подъ самымъ большимъ штрафомъ испрашивать себѣ привилегіи (можетъ быть отъ Русскихъ властей), которыя могли доставить личную выгоду получавшему ихъ и ущербъ всему Нѣмецкому купечеству въ Новѣгородѣ. Съ виновнаго взыскивалось 50 марокъ серебромъ штрафу и сверхъ того лишали его права посѣщать дворъ.

Относительно распоряженій, касавшихся до самаго двора, его безопасности, вывозки товаровъ оттуда, покупки и продажи ихъ тамъ, встрѣчаются многія опредѣленія, многія нововведенія, которыхъ прежде не было, и которыя даютъ намъ болѣе точныя понятія о дворѣ.

Кто первый приходилъ къ берегу Волхова, въ Новѣгородѣ, съ лихтерами (lodien), тотъ имѣлъ право остановиться во дворѣ или внѣ двора, смотря по желанію своему. Сначала всѣ обязаны были останавливаться во дворѣ; но въ послѣдствіи времени, когда число пріѣзжавшихъ торговцевъ значительно увеличилось, необходимо было дозволить останавливаться внѣ двора, хотя конечно многія выгоды соединены были съ житьемъ во дворѣ, напр. безопасность торга, меньшая потеря

времени, и т. п. Не должно было нагружать лихтеровъ, прежде нежели они приставали къ берегу; лихтеры отправлялись вверхъ по рѣкѣ (upscepen) въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приходили: каждый долженъ былъ соблюдать свою очередь. За отправленіе лихтеровъ вверхъ по рѣкѣ дозволялось рабочимъ людямъ давать небольшую плату, но не болѣе 15 кунъ. То же преимущество выбора себѣ жилища во дворѣ, или внѣ его, имѣли первые купцы, пріѣзжавшіе въ саняхъ. Въ трехъ клѣтяхъ (Waarenhäuser) могли остановиться только 24 хозяина, а въ переводчиковой клѣти (tolkes klet) только шестеро; впрочемъ Ольдерманы Св. Петра могли дозволить остановиться и большему числу. Тѣ, которые имѣли въ клѣтяхъ сукна, должны были спать на Rapaten (19); которые же имѣли деньги, тѣ спали внизу. При каждомъ хозяинѣ могли спать только двое прислужниковъ; если же онъ имѣлъ болѣе, то для прочихъ долженъ былъ пріискать квартиру въ другомъ мѣстѣ. Никто не могъ имѣть въ клѣтяхъ болѣе одной груды (20) кусковъ сукна

---

(19) «Славянское ли это слово?» спрашиваетъ Сарторіусъ; «не должно ли разумѣть подъ нимъ нашего Rabatten (т. е. пониженія цѣны, rabais)? или не слѣдуетъ ли читать его иначе (H. U. B. стр. 270)?» Кажется такъ: если вмѣсто Rapaten мы прочтемъ Palaten, то смыслъ Скры будетъ ясенъ: «Тѣ, которые имѣли у себя сукна, спали въ клѣти на *палатяхъ*, а которые имѣли деньги, тѣ спали внизу.» Слово палати слишкомъ извѣстно и не требуетъ объясненій. *Пер.*

(20) Въ подлинникѣ сказано: Piler, то же, что по Французски и по Англійски Pile, куча, груда чего-нибудь. Сарторіусъ замѣчаетъ, что вѣроятно подъ этимъ выраженіемъ разумѣется извѣстное, небольшое число штукъ сукна (H. U. B. стр. 270). *Пер.*

и 60 штукъ (21) мѣха для показа покупателямъ; главное же мѣсто складки товаровъ находилось въ церкви. Въ гридницѣ (22) можно было имѣть только по одному свертку или куску каждаго холста, и тѣ вечеромъ должно было опять относить въ церковь; впрочемъ Ольдерманы могли разрѣшить и большее число штукъ холста. Мѣха можно было держать здѣсь одну только ночь (однѣ сутки?): ихъ можно было выбивать внутри двора только въ гридницѣ. Для стороженія (или по тогдашнему выраженію, для спанья) въ церкви наряжались караульные по очереди, которая начиналась съ верхней клѣти, и притомъ такъ, что сначала сторожили спавшіе внизу, а потомъ тѣ, которые спали вверху на палатяхъ (up de Rapaten) и т. д. Этотъ порядокъ соблюдался, какъ внутри, такъ и внѣ двора. Въ обѣденное время одинъ долженъ былъ извѣщать другаго о наступленіи его очереди. Вводившій въ церковь ночныхъ сторожей обязанъ былъ не отходить отъ ея входа, до тѣхъ поръ пока ее запирали. Онъ не смѣлъ впустить кого-либо въ церковь безъ позволенія Ольдермановъ (23); равно, никто

(21) Въ подлинникѣ употреблено слово tymmer. *Пер.*

(22) Gridenissen, Сарторіусъ переводитъ Wachtstube, караульня, и говоритъ: «Слѣдуя Добровскому, гридница есть уменьшительное отъ gridna, дворецъ, большой домъ; но по мнѣнію Круга, гридница по Русски значитъ караульня: такъ доказываетъ онъ въ одномъ не напечатанномъ сочиненіи своемъ о словѣ *Grid*, и о происходящихъ отъ него словахъ (H. U. B. стр. 278).» *Пер.*

(23) Однакожъ по временамъ это случалось. Одинъ Ломбардскій купецъ, проникнувшій въ церковь, былъ вытолканъ изъ нея; вѣроятно, ему удалось проникнуть туда при покровительствѣ Лифляндскаго Мейстера Госцевина фонъ Гереке (1347—1361). См. въ H. U. B. документъ CLXI. *Сот.*

не долженъ былъ позволять, чтобы заперли его тамъ.

Никто не долженъ былъ оставаться въ караульнѣ и въ больничной комнатѣ (24) болѣе трехъ дней. Такъ какъ весь дворъ былъ раздѣленъ на нѣсколько хозяйствъ или артелей (вѣроятно въ каждомъ домѣ было по четыре такихъ артели), то для порядка на каждую теплую комнату (25) избирался ея хозяевами управитель или десятскій (Vogt), который самъ выбиралъ себѣ въ помощники одного хозяина и одного сидѣльца, а они выбирали уже надсмотрщиковъ за огнемъ (за печками и свѣчами), за питейною и другими комнатами. Управитель *чинилъ* судъ свой по Субботамъ, и могъ присуждать къ штрафу до 15 кунъ. Кто оказывалъ ему или другимъ должностнымъ людямъ двора неуваженіе, тотъ платилъ штрафа одну марку. Запрещено было умышленно повреждать, исписывать, искалывать, изрѣзывать, или

---

(24) Seyk stouen, Krankenstube, больничная комната, больница. «Странно, замѣчаетъ Сарторіусъ (H. U. B стр. 272), что въ больницѣ должно было оставаться не болѣе трехъ дней! Или можетъ быть принимались сюда только больные незначительными болѣзнями. Или не разумѣются ли здѣсь тѣ, которые приходили навѣщать своихъ больныхъ друзей?» Послѣднее весьма вѣроятно. *Пер.*

(25) Такія теплыя или топимыя комнаты (Dornsen), замѣчаетъ Сарторіусъ, были во всѣхъ складочныхъ для товаровъ мѣстахъ на Сѣверѣ. Каждая артель Нѣмецкихъ купцевъ имѣла одну большую, общую для всѣхъ, топленную комнату. Избиравшійся, по древней привилегіи, артелью управитель или десятскій (Vogt), предсѣдательствовалъ въ ней и смотрѣлъ за порядкомъ артели, было ли это внутри или внѣ двора. См. H. U. B. стр. 272. *Пер.*

поджигать, столы, доски, столбы, брусья, и т. д. Два прислужника обязаны были топить клѣти, а имѣть при себѣ копелъ съ водою; если же они засыпали, или отходили отъ огня прежде, нежели дрова совершенно сгорѣли, то подвергались штрафу, какъ и хлѣбники въ подобномъ случаѣ. Если случался пожаръ, такъ, что видно было пламя, во дворѣ или внѣ его, то взыскивалось (съ кого?) десять марокъ штрафу. Разбившій посуду во дворовой пивоварнѣ, платилъ за то, сколько слѣдовало. Если кто пользовался пивоварней, т. е. варилъ въ ней пиво, то долженъ былъ, по окончаніи пивоваренія, вычистить ее и вымыть посуду, имъ употребленную.

Варившій пиво обязанъ былъ вынести его изъ пивоварни на другой день послѣ того, какъ оно было закупорено. Никто не смѣлъ впускать Русскаго въ питейную комнату или въ питейный домъ (potklet) (*).

Кто имѣлъ намѣреніе печь, или варить, или просто топить печку, тотъ долженъ былъ наколоть себѣ дровъ днемъ, чтобы потомъ, колкою или пиленіемъ ихъ, не безпокоить другихъ купцевъ. Никто не долженъ былъ взлѣзать на заборъ двора, или бросать черезъ него что-нибудь на церковь, или пускать бѣгать около него свою скотину (Thier, dir): за вредъ, который могъ быть ею причиненъ, отвѣчалъ ея владѣлецъ. Подъ штрафомъ марки запрещено было бить собаку, принадлежавшую церкви Св. Петра, или бросать въ

(*) См. выше примѣчаніе 13.

нее чѣмъ-нибудь, чтобы она начинала лаять (26). Когда, по данному знаку, дворъ запирался, каждый долженъ былъ разставаться съ Русскимъ, который приходилъ къ нему; если же онъ удерживалъ его у себя, когда собаки были уже спущены, то подвергался небольшому штрафу и отвѣчалъ Русскому за вредъ, который могли причинить ему собаки.

Высокая игра всякаго рода, въ которой можно было проиграть болѣе половины ферединга, была запрещена подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебромъ; кто же игралъ въ Русскомъ дворѣ, гдѣ не было Нѣмцевъ, тотъ платилъ въ пять разъ болѣе, и лишался права посѣщать дворъ.

Кто убивалъ кого-нибудь до смерти, и притомъ съ умысломъ, тотъ подвергался отсѣченію руки; кто замахивался на кого ножемъ, или билъ кого до синевы, или до крови, тотъ платилъ 10 марокъ штрафа; кто же въ торопяхъ ударялъ другаго по щекѣ, или безъ причины произносилъ противъ кого-нибудь ругательныя рѣчи, съ того взыскивалось только пять марокъ штрафа. Висѣлица была наказаніемъ вора, сколько бы онъ не укралъ, мало ли, или много: его судили публично, въ общемъ собраніи купцевъ (27). Об-

(26) Какъ важны были собаки для двора, можно заключить изъ позднѣйшихъ извѣстій, въ которыхъ разсказывается, что одинъ пріѣхавшій во дворъ купецъ былъ освобожденъ отъ пошлинъ, потому что онъ привезъ съ собою большую собаку и подарилъ ее двору. См. H. U. B. стр. 278. *Пер.*

(27) Многія изъ этихъ судныхъ положеній заимствованы изъ Любскаго Права, и встрѣчаются въ выше приведенной Скрѣ, данной однимъ Любекомъ. Кажется, что эта Любская Скра имѣла въ Новогородскомъ дворѣ не безусловное дѣйствіе, потому что

виненный въ покражѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь преступленія, или проступкѣ, касающемся до всего купечества, не долженъ былъ оставлять Новагорода, не оправдавшись по законамъ двора.

Многія изъ древнихъ постановленій, касавшихся торговли, были возобновлены, частію только въ исправленномъ видѣ, частію съ дополненіями.

Въ отношеніи къ мелочной торговлѣ (вѣроятно, чтобы не совершенно отнять ее у Русскихъ) постановлено было, чтобы мальчики или ученики (die Jungen) продавали, въ одинъ разъ, не болѣе одной пары перчатокъ или рукавицъ, одного фунта голубой пряжи, до половины Rep (28) полотна и толстаго сукна, сѣру въ Русскихъ маленькихъ фунтахъ (29), Нѣмецкія иглы тысячами, Любскія сотнями, четки, дубленыя кожи, пергаментъ также въ небольшомъ количествѣ. Но эта

заключающіяся въ ней опредѣленія были здѣсь позднѣе приняты въ общемъ собраніи купечества, хотя многое изъ Любскаго Права ввелось само собою во Дворѣ, по причинамъ уже извѣстнымъ. *Соч.*

(28) *Rep*, *Reep* значитъ собственно веревка: первоначально величина товара всякаго рода измѣрялась веревкою извѣстной длины. Въ послѣдствіи подъ Rep разумѣлась мѣра, длиною превосходившая нынѣшній Нѣмецкій аршинъ (Elle). См. H. U. B. стр. 271. *Пер.*

(29) Въ подлинникѣ сказано *griwenicken*. Сарторіусъ говоритъ, что это уменьшительное отъ гривна, фунтъ, и значитъ маленькій фунтъ. Но не должно ли разумѣть здѣсь монету гривенку; тогда смыслъ Скры будетъ таковъ: сѣру дозволялось продавать мальчикамъ, въ одинъ разъ, только на гривенки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что тутъ же сказано, что они могли продавать дубленыя кожи только на куны (zwevel bi griwenicken...... rotlasch bi kunen, H. U. B. стр. 271). *Пер.*

мелочная торговля, кажется, дозволена была однимъ только мальчикамъ.

Дворъ не переставалъ заботиться о предупрежденіи обмановъ, которые случались при продажѣ и покупкѣ воска, мѣховъ и сукна.

Если одинъ купецъ отдавалъ другому сукно, то никто третій не долженъ былъ браться осматривать это сукно тутъ же, или у себя на дому. Неосмотрѣнное сукно не должно было быть вносимо въ церковь.

Кто покупалъ болѣе четверти тысячи мелкой рухляди, тотъ долженъ былъ сначала пересмотрѣть ее въ своей квартирѣ: запрещено было дѣлать это въ комнатѣ Священника, гдѣ можно было только вѣсить серебро, принесенное для выжиги, для растопки, или наконецъ просто для пробы. По приказанію городовъ (Любека и Визби) никто не долженъ былъ покупать поддѣльныхъ мѣховъ, ни въ Новѣгородѣ, ни во Псковѣ (Pleskowe), ни въ Полоцкѣ (Plotzkow), ни въ Лифляндіи, ни въ какихъ другихъ мѣстахъ, куда Русскіе имѣли обыкновеніе ѣздить. Къ числу запрещенныхъ мѣховъ принадлежали не только тѣ, которые были поддѣланы подъ другіе, но также и выщипанный или срѣзанный съ мѣха волосъ (Haarwerk), который поддѣлывался Русскими продавцами и брался съ другихъ, дурныхъ мѣховъ шкуры, и сшитыя или связанныя вмѣстѣ doyenisse, подложенныя между хорошими сортами мѣха (30). Не поддѣланный

(30) Не знаю, такъ ли я понялъ запутанную фразу Сарторіуса: « Zu diesen verbotenen Pelzwerken gehören nicht nur die einer andern Art nachgemacht sind, sondern auch ausgezogenes Haarwerk,

мѣхъ звѣря, пойманнаго осенью, можно было купить дешевле (31). Ольдерманы Св. Петра обязаны были приводить къ присягѣ всѣхъ торговавшихъ мѣхами, дабы они исполняли эти предписанія Любека и Визби; если же Ольдерманы не дѣлали этого, то подвергались штрафу. Если кому удавалось тайно, или посредствомъ какой-нибудь хитрости уходить со двора съ поддѣльными мѣхами, и начальство двора узнавало это, то оно имѣло право требовать виновнаго къ суду, находился ли онъ въ Новогородскихъ владѣніяхъ, или внѣ ихъ.

Купленный воскъ должно было вносить въ церковь не прежде, какъ по осмотрѣ его установленными для того браковщиками. Вносившій же неосмотрѣнный воскъ въ церковь платилъ 10 марокъ штрафу; тому же наказанію подвергались и вывозившіе его (неосмотрѣннымъ) изъ Новагорода.

По вечерамъ клѣти должны были запираться вверху и внизу; чью лавку (loes) находили отпер-

---

welches von den Russen gemacht aus anderem Pelzwerk gezogen ist, genähte und mit eingebundene unter andere gute Arten untergeschobene *doyenisse.*» Послѣднее слово уже объяснено выше въ прим. 16. Въ примѣчаніи къ Скрѣ, изъ которой заимствовано это запрещеніе, Сарторіусъ говоритъ (H. U. B. стр. 279), что Haarwerk есть волосъ, выщипанный или вырѣзанный съ мѣха, на прим. съ бобровой шкуры. Чтобы избѣгнуть обмана, т. е. чтобы не купить хорошаго волоса, перемѣшаннаго съ дурнымъ, Нѣмецкіе купцы должны были покупать у Русскихъ мѣхъ въ шкурахъ, а не выщипанный съ нихъ волосъ. *Пер.*

(31) Вѣроятно потому, замѣчаетъ Сарторіусъ (H. U. B. стр. 280), что мѣхъ звѣря, пойманнаго зимою, гораздо пушнѣе и прочнѣе. *Пер.*

тою, тотъ отвѣчалъ за все украденное изъ клѣти.

Никто не долженъ былъ ходить на покупку какого-нибудь товара только съ своимъ братомъ, или съ тѣмъ, съ кѣмъ онъ вмѣстѣ торговалъ, или съ своимъ сидѣльцемъ (прислужникомъ), вѣроятно потому, что въ случаѣ ссоры, которая могла возникнуть при покупкѣ, покупавшій былъ бы безъ свидѣтелей. Если покупка эта не состоялась, то сопровождавшіе покупателя не могли ранѣе истеченія трехъ дней купить сами тотъ товаръ, который они съ нимъ вмѣстѣ торговали, если только они не получали на то его согласія.

Кто получалъ отъ Русскаго товаръ, тотъ долженъ былъ заставить его пересчитать тутъ же, въ его глазахъ, все число товара сполна, и платить не прежде, какъ получивъ отъ Русскаго весь купленный товаръ сполна. Русскій отвѣчалъ за товаръ, до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ ввезенъ во дворъ. Нѣмецкій же купецъ, напротивъ, не обязанъ былъ отвѣчать Русскому за проданный ему товаръ, какъ скоро вывозили его со двора. Нѣмцамъ запрещено было приносить въ домы Русскихъ серебро или какой-нибудь товаръ и тамъ имъ отдавать его.

Никто не долженъ былъ ѣздить съ товарищами по запрещеннымъ дорогамъ чрезъ Пруссію, Курляндію, или Швецію, или на островъ Эзель и Курляндію, но чрезъ Ригу, Ревель и Перновъ.

Кому было за 20 лѣтъ, тотъ не могъ уже быть принятъ въ число учащихся Русскому языку ни въ Новѣгородѣ, ни въ его владѣніяхъ.

Всѣ прочія статьи были повтореніемъ старыхъ предписаній; нѣкоторыя только были исправлены и дополнены. Такимъ образомъ, къ запрещенію торговать вмѣстѣ съ иностранцемъ (за что виновный наказывался высшею денежною пенею и лишался права посѣщать дворъ), присоединено было и другое — привозить въ Россію иностранцевъ, и въ особенности Ломбардскихъ купцевъ. Поводомъ къ сему послѣднему запрещенію, вѣроятно, послужило то, что одинъ Ломбардскій купецъ проникъ въ это время въ Нѣмецкій дворъ, при помощи Лифляндскаго Мейстера Госцевина фонъ Гереке (32).

Постановленіе о томъ, чтобы никто не привозилъ въ одинъ разъ товаровъ, болѣе нежели на 1000 марокъ, будутъ ли эти товары принадлежать ему одному, или въ числѣ ихъ будутъ находиться принадлежащіе тѣмъ, съ кѣмъ онъ вмѣстѣ торгуетъ, или наконецъ даже товары, отданные ему на коммиссію, было снова повторено: весь излишекъ брали въ казну Св. Петра и сверхъ того ослушника лишали права посѣщать дворъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не получалъ этого права по милости Св. Петра. Никто не могъ оставаться во дворѣ болѣе года и одного дня, и выписывать себѣ новыхъ товаровъ, не продавъ прежде привезенные, и не отправивъ изъ Новагорода вырученную за нихъ сумму, или вымѣненныя на нихъ товары. Пошлина оставалась все та же: съ товару на 100 марокъ брали

(32) См. въ H. U. B. документъ CLXI.

одинъ фердингъ, или четверть марки; съ товару на 50 марокъ — половину фердинга, а если товару было менѣе, нежели на 50 марокъ, то съ марки бралось по одной куны. За стояніе на Нѣмецкомъ дворѣ, болѣе или менѣе короткое время, платилось каждымъ останавливавшимся по одному фердингу; если кто стоялъ на Готландскомъ дворѣ (33) шесть недѣль, то платилъ одинъ Solthing (34); если же долѣе, то также одинъ фердингъ.

Въ 1354 году, сообразно съ правами церкви, двора и Св. Петра, издавна существовавшими, возобновлены были Дворовымъ Ольдерманомъ, его Совѣтниками, или умнѣйшими людьми (die Weisesten), и всѣмъ Нѣмецкимъ купечествомъ въ Новѣгородѣ,

(33) Сарторіусъ полагаетъ, что первая попытка непосредственной торговли Нѣмцевъ съ Русскими въ самой Россіи, совершена была подъ покровительствомъ Готландцевъ, которые были съ Русскими въ дружественныхъ отношеніяхъ. Сначала Готландцы первенствовали въ этой торговлѣ, но вскорѣ потомъ Нѣмцы одержали надъ ними верхъ, и около конца XIII столѣтія совершенно прекратилась общая торговля этихъ обоихъ народовъ въ Россіи: хотя между ними не было ничего враждебнаго, однакожь каждый имѣлъ свой особый дворъ и свою особую церковь (Urk. Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, стр. 109). Вѣроятно Готландскій дворъ былъ вовсе не значителенъ, потому что объ немъ упоминается не болѣе двухъ, трехъ разъ въ документахъ, въ которыхъ безпрестанно говорится о Нѣмецкомъ дворѣ. *Пер.*

(34) Сарторіусъ, принимая Vierding за ¼ шиллинга, считаетъ Soltingh за еще меньшую монету; но Лаппенбергъ находитъ это неосновательнымъ, и Solthingh принимаетъ за Византійскій solidus, слово превращенное въ Англіи въ Solhingh (Hüllman's Staedtewesen, T. I, стр. 407), а въ Россіи въ *Solotnik* или *Slotnik*. Кажется, прибавляетъ Лаппенбергъ, что подъ названіемъ Solthing нигдѣ въ этихъ странахъ не разумѣлась серебряная монета. См. H. U. B. стр. 277. *Пер.*

какъ сказано тамъ—большимъ и малымъ, слѣдующія древнія постановленія, касательно двора.

Подъ штрафомъ въ 10 марокъ серебромъ запрещено было двумъ братьямъ имѣть деньги свои обще между собою (in Gemeinschaft), спать вмѣстѣ въ церкви, или вмѣстѣ быть тамъ караульными. Подъ тѣмъ же штрафомъ запрещено было хозяину отправлять двухъ сидѣльцевъ, или прислужниковъ, спать (т. е. караулить) въ церковь. Если караулившіе въ церкви, засыпали, оставивъ горящую свѣчку, и проходившіе мимо видѣли это, то виновные платили также 10 марокъ серебромъ штрафа. Если же караульные забывали затворять окна въ церкви, то за каждое не затворенное окно платили по маркѣ серебромъ штрафу; тому же штрафу подвергались они, если не запирали дверей запоромъ (Baum).

Кто стоялъ караульнымъ у церкви, тотъ долженъ былъ съ большимъ вниманіемъ исполнять свою обязанность, чтобы не попасть подъ штрафъ. Если онъ допускалъ Русскаго взойти на первый камень, т. е. на первую ступеньку церковнаго крыльца, то платилъ марку штрафа; если же Русскій входилъ въ самую церковь, то караульный платилъ 10 марокъ штрафа. Тому же штрафу подвергался и тотъ, кто, запирая церковь, оставлялъ хотя одинъ замокъ не запертымъ, или кто уносилъ со двора ключи отъ церкви; кто же во дворѣ носилъ ихъ неосторожно, такъ, что Русскій могъ ихъ видѣть, тотъ платилъ марку штрафа. Ключи всегда должны были быть отда-

ваемы Ольдерману или его помощнику; если же во дворѣ не было Ольдермана, то Священнику.

Кто приносилъ въ церковь товаръ и повреждалъ имъ двери, или клалъ его на желѣзный полъ (передъ дверью или у входа); кто приходилъ въ церковь со свѣчей безъ фонаря, и принесенный имъ товаръ не прибиралъ и не клалъ на мѣсто; кто выпускалъ изъ рукъ веревку, которою товары поднимались или втаскивались къ верху, такъ, что тюки падали на полъ съ большимъ стукомъ, и стукъ этотъ былъ слышанъ; кто клалъ товаръ на лѣстницу, откуда ходили въ Морневегову (35) комнату, или въ новое строеніе, — тотъ платилъ штрафа одну марку.

Тотъ же штрафъ взыскивался и съ того, кто вѣшалъ пряжу или холстъ или протягивалъ веревку тамъ, гдѣ обыкновенно стояли тюки и другія вещи, или оставлялъ солому тамъ, гдѣ бѣлилъ пряжу или холстъ, или оставлялъ ночью что-нибудь отворенным (напр. ящикъ, сундукъ, лавку, и т. п.), или протягивалъ болѣе одной веревки (?); куплен-

---

(35) Фамилія Морневеговъ была одна изъ знаменитѣйшихъ въ Любекѣ. Бертрамъ Морневегъ, умершій въ 1282 году, составилъ себѣ большое состояніе въ Новѣгородѣ; пріобрѣтеннымъ тамъ богатствомъ, онъ оказалъ многія услуги церкви и отечеству своему (Westphalen Mon. ined. T. III, стр. 656) и основалъ въ Любекѣ большое богоугодное заведеніе, донынѣ существующее. Можетъ быть и въ Новѣгородѣ, построилъ онъ зданіе, отдѣлалъ или устроилъ квартиры, которые были названы по его имени; можетъ быть также, что онъ оставилъ свое имя только той комнатѣ, въ которой жилъ. — Подъ новымъ зданіемъ, очевидно, разумѣется пристройка, которая была необходима во дворѣ при увеличившемся числѣ пріѣзжавшихъ купцевъ. См. H. U. B. стр. 266—267. *Пер.*

ный воскъ клалъ не къ стѣнѣ; находившіеся въ церкви заколоченные ящики или закупоренныя бочки приводилъ въ безпорядокъ. Кто же осмѣливался говорить противъ этихъ постановленій, или противиться имъ, съ того взыскивалась также марка штрафа.

Сверхъ того, подъ тѣмъ же штрафомъ приказано было класть клейма или мѣтки на мѣдь и на свинецъ, и ставить ихъ къ стѣнѣ. Бочки (bereuene), холстъ, и все, что занимало много мѣста и производило тѣсноту, должно было относить подъ своды. Мѣшки съ паклею, лежавшіе на бочкахъ, должны были быть относимы на свое мѣсто тѣми, кто ихъ бралъ оттуда.

Марку штрафа платилъ также и тотъ, кто велъ себя непристойно во время обѣдни; кто по Субботамъ не ставилъ въ порядокъ у стѣны своихъ бочекъ, или выносилъ ихъ изъ-подъ сводовъ; кто не въ одинъ и тотъ же день давалъ мѣтить или клеймить всѣ свои бочки и ящики; кто вѣсилъ серебро и не возвращалъ на мѣсто вѣсовъ, или не выносилъ вонъ принесенной для того утвари.

Къ олтарю должно было оказывать всевозможное уваженіе, не ставить на него ни кувшиновъ, ни другихъ вещей; если же кто обливалъ его, тотъ платилъ штрафъ, равно какъ и тотъ, кто вынося изъ церкви сало или воскъ, маралъ ими по неосторожности бочки, принадлежавшія двору или церкви Св. Петра; если оставлялъ внѣ церкви, когда ее уже запирали, вѣсы и гири, безъ особаго на то позволенія, или другія утвари, при вѣшеніи

употреблявшіяся: за послѣднее взыскивался только одинъ фердингъ. Попортившій утварь, принадлежавшую церкви Св. Петра, платилъ марку штрафу.

Если Священникъ говорилъ находившимся въ церкви, чтобы они не выходили изъ нее (36), то хозяинъ, вышедшій изъ церкви вопреки словамъ Священника, платилъ штрафа марку, сидѣлецъ только фердингъ, а повара и низшіе прислужники (rekelude, kothfeger) избавлялись отъ всякаго штрафа. Тотъ, кто просыпалъ объявленное заранѣе общее собраніе, платилъ марку серебромъ.

Если кто, въ отсутствіи Дворового Ольдермана, оказывалъ неуваженіе или неповиновеніе къ Ольдерманамъ Св. Петра, или къ ихъ умнѣйшимъ людямъ (Ратманамъ, Совѣтникамъ), тотъ платилъ 10 марокъ штрафу.

Если бы случилось, что купечество оставило дворъ, то при шести хозяевахъ и девяти сидѣльцахъ церковь могла оставаться еще отпертою: при чемъ, подъ штрафомъ въ 10 марокъ, запрещалось выдавать сидѣльца за хозяина съ тою цѣлью, чтобы не запирали церкви. Если бы все купечество оставило дворъ, то на церковные ключи должно было положить печать, и одинъ отдать Архіепископу Новогородскому (deme Bischofe van Nougarden), а другой—Игумену Юрьева монастыря (deme Abate van Sunte Juriane).

(36) Можетъ быть для того, замѣчаетъ Сарторіусъ, чтобы они дослушали Богослуженіе, или чтобы послѣ него совѣтоваться о какихъ-нибудь дѣлахъ, выслушать новыя опредѣленія, и т. п. Повара и низшіе прислужники освобождались отъ штрафа, вѣроятно потому, что ихъ занятія не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. См. H. U. B. стр. 268. *Пер.*

Остальныя статьи, постановленныя въ предъидущихъ и въ послѣдующихъ годахъ, касаются до не многихъ отдѣльныхъ пунктовъ.

Въ 1343 году возобновлено было постановленіе о томъ, чтобы Священнику, на проѣздъ въ Россію и изъ Россіи, давать половину куска серебра, а въ 1348 году дозволено было Священникамъ, по пріѣздѣ въ Новгородъ, выбирать то, или другое хозяйство, смотря по тому, гдѣ должны были лучше принять его. То хозяйство, въ которомъ останавливался Священникъ, получало еженедѣльно изъ казны Св. Петра по одному фердингу на его содержаніе.

Въ томъ же 1348 году запрещено было привозить въ Россію сукна, на которыхъ не было свинцовыхъ печатей: виновный лишался привезеннаго имъ сукна и сверхъ того платилъ еще десять Новогородскихъ марокъ штрафа (marken nougardesch). Въ 1354 году запрещено было покупать во Фландріи и потомъ привозить въ Россію тѣ сорты суконъ, которые запрещалось продавать въ суконныхъ рядахъ (Tuchhalle) въ Брюгге, въ особенности же Оберлейгскія, Девентерскія, и поддѣланныя подъ Коминскія и Вервьерскія, и вообще всѣ сукна, которые съ умысломъ заказывались для подрыва торговли обыкновенно привозимыми въ Россію суннами, потому что поддѣлки эти были причиною большихъ жалобъ, возникавшихъ со стороны Русскихъ (37).

(37) Сюда относится также отписка Дворовыхъ Ольдерменовъ въ Дерптъ, безъ года, но вѣроятно второй половины XIV столѣтія: въ ней пишутъ они, что найдены ими въ продажѣ

Въ 1352 году запрещено было покупать въ Брюгге и привозить въ Россію рѣзанныя для мелочной продажи сукна, за исключеніемъ Англійскихъ, потому что со стороны Русскихъ возникали многія жалобы и непріятности относительно непомѣрной короткости этихъ отрѣзанныхъ суконъ и разноцвѣтности одного и того же куска. Ввозимыя алыя сукна, которыя могли быть съ каймами и безъ каймъ, должны были имѣть свой настоящій цвѣтъ, ничѣмъ не испорченный и не линялый.

Въ 1351 году постановлено было, чтобы вино и напитки продаваемы были только цѣлыми бочками (не соблюдавшій того платилъ 50 марокъ штрафа и лишался права посѣщать дворъ): потому ли, что мелочная продажа предоставлена была Русскимъ, или потому, можетъ быть, что при сбытѣ вина въ небольшомъ количествѣ должно было болѣе бояться подлоговъ и обмановъ. Пиво-продавцы не должны были стоять на Готландскомъ дворѣ, пока былъ открытъ Нѣмецкій дворъ, потому что Русскіе много жаловались также и на пивопродавцевъ, надъ которыми вѣроятно не было на Готландскомъ дворѣ надлежащаго надзора.

Наконецъ въ 1355 году постановлено было общимъ купечествомъ, чтобы тому, кого избирали

многія сукна, поддѣланныя въ Поперингенѣ на манеръ Валансьенскихъ, возбудившія многія жалобы со стороны Русскихъ, возстававшихъ противъ поддѣльныхъ товаровъ. Старшины не стали отвѣчать за владѣльцевъ этихъ суконъ: каждый долженъ былъ самъ понести убытокъ, отъ нихъ происшедшій; за убытокъ же, который могъ произойти отъ того всему купечеству, отвѣчали привезшіе эти товары, которые впредь запрещено было привозить къ Русскимъ. См. H. U. B. документъ CVI. *Сог.*

въ Ольдерманы Св. Петра, передъ тѣмъ, какъ вручались ему ключи, прочитываема была *книга* (buc, т. е. это собраніе предписаній, и вѣроятно также древнѣйшія постановленія, какъ они встрѣчаются въ прежнихъ Скрахъ), дабы онъ зналъ, какъ ему дѣйствовать въ его новой должности. Ольдерманы Св. Петра обязаны были также хранить съ величайшею тщательностію всѣ привилегіи и грамоты, которыя были даны и присланы купечеству. Если онѣ были потеряны, или безъ согласія всего купечества увезены изъ двора, то виновный въ томъ лишался права посѣщать его, и платилъ 50 марокъ серебромъ штрафа.

Послѣ всѣхъ этихъ постановленій и предписаній, очевидно, что мы не имѣемъ недостатка въ большомъ числѣ документовъ и актовъ, показывающихъ самое раннее основаніе и постепенное распространеніе Нѣмецкаго двора въ Новѣгородѣ; извѣстія, въ нихъ находящіяся, большею частію гораздо полнѣе, нежели тѣ, которыя сообщаются намъ депутатами того же ранняго времени о другихъ странахъ, гдѣ были Нѣмецкія складочныя мѣста для товаровъ. Эти же документы весьма ясно показываютъ, какого рода отношенія были между Нѣмецкимъ дворомъ и Новогородскимъ Княземъ и Новогородскими властями, какимъ образомъ велась торговля между Нѣмцами и Новогородцами, и какъ Нѣмцы посредничали въ этой торговлѣ между Россіею и Западною Европою. Но не смотря на это богатство матеріаловъ, намъ еще многаго не достаетъ для представленія совершенно полной и вѣрной картины двора. Не имѣя плана его, мы

не можемъ составить себѣ яснаго понятія о немъ. Мы слышали многое о различныхъ клѣтяхъ, лавкахъ, лавочкахъ во дворѣ, о Нѣмецкой церкви, служившей не для одного только Богослуженія, но также главнымъ и безопаснымъ мѣстомъ складки товаровъ; мы видѣли, что Священникъ, кромѣ своего званія, исправлялъ также обязанность Секретаря. Нѣмцы жили во дворѣ различными артелями, или хозяйствами, имѣли собственныхъ, ими самими избираемыхъ управителей, и общее хозяйство. Первоначально дворъ вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Новгородъ Нѣмцевъ; но въ послѣдствіи, по недостатку мѣста и по большому числу пріѣзжавшихъ купцевъ, часть ихъ жила внѣ двора, оставаясь однакожъ, подобно прочимъ купцамъ, подчиненною Ольдерманамъ, или Старшинамъ двора и Св. Петра. Дворъ былъ средоточіемъ торговыхъ сношеній между Нѣмцами и Русскими; его посѣщали не всегда одинаково, и кромѣ времени неприязни съ Русскими, которые принуждали вовсе оставлять его, не всегда одинаковая дѣятельность замѣтна была во дворѣ. Купцы безпрестанно приходили и уходили, лѣтомъ и зимою, сухимъ путемъ и моремъ. Ихъ собственное начальство имѣло неограниченную власть — право жизни и смерти. Новогородцы же удерживали самымъ строжайшимъ образомъ право рѣшать на своемъ Іоанновомъ дворѣ ссоры, возникавшія между Новогородцами и гостями, однакожъ въ присутствіи нѣсколькихъ иностранныхъ купцевъ. Труднѣе всего было для Нѣмцевъ защитить себя отъ Русскихъ и отъ ихъ нападеній. Хотя дворъ обнесенъ былъ дере-

вяннымъ заборомъ и частоколомъ, но могли ли они на долго доставить безопасную защиту противъ сильнаго вторженія? Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, Нѣмцы бывали разбиваемы и оставляли послѣ того дворъ. Стереженіе двора и церкви, и выпускавшіяся на ночь собаки, конечно, могли предохранить отъ нападенія нѣсколькихъ человѣкъ, но нисколько не были дѣйствительны противъ раздраженныхъ жителей большаго города. По этому самому, большая часть постановленій двора предписывала избѣгать, при продажѣ и при покупкѣ, всякаго рода ссоръ съ Русскими. Въ столь раздражительной республикѣ, каковъ былъ Новгородъ, который такъ часто спорилъ съ самыми Князьями своими, не льзя было предвидѣть, какъ далеко могли простираться эти частныя ссоры; превратившись въ общее дѣло, они влекли за собою возстаніе противъ Нѣмцевъ, не имѣвшихъ никакой возможности противостать Новогородцамъ. Вообще, Нѣмцы не имѣли въ Новѣгородѣ той большой силы, которую они умѣли утвердить за собою въ Норвежскомъ городѣ Бергенѣ, или въ нѣкоторыхъ другихъ Шведскихъ городахъ, чрезъ доставленіе тамъ своимъ соотечественникамъ права гражданства.

При всемъ томъ, взаимныя нужды обѣихъ сторонъ всегда снова сводили Нѣмцевъ съ Русскими, а ослабленіе послѣднихъ отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ ига Монголовъ, возрастаніе силы Шведовъ въ Финляндіи и въ ея сосѣдствѣ, и совершенное образованіе власти Ордена въ Лифляндіи, было причиною, что активная торговля и

активное мореходство, если говорить языкомъ новаго времени, перешли въ руки Нѣмцевъ, которые въ то же время умѣли доставить себѣ привилегіи въ столь многихъ другихъ Западныхъ Государствахъ, и основать тамъ складочныя для товаровъ мѣста.

Образъ торгованія Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ былъ тотъ же, что и введенный ими въ другихъ странахъ. Каждый, принадлежавшій къ союзу Нѣмецкихъ купцевъ и городовъ, торговалъ на свой собственный счетъ: онъ одинъ отвѣчалъ за убытокъ и пользовался прибылью. Купцы пріѣзжали сюда сами, или присылали своихъ прикащиковъ; продавали привезенный ими товаръ, покупали туземный, или обмѣнивали его на свой. Дабы богатые купцы не могли совершенно стѣснить бѣдныхъ, постановлено было, чтобы никто не смѣлъ вести торговыхъ дѣлъ на сумму, превышающую 1000 марокъ. Запрещено было также оставаться во дворѣ болѣе года и одного дня: должно было оставить его, продавъ свой товаръ и закупивъ туземный. Осмотрщики должны были предохранять покупателей отъ всякихъ обмановъ; однакожь, какъ видно изъ часто повторенныхъ предписаній, едва ли они приносили большую пользу. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что главное складочное мѣсто для товаровъ въ Новѣгородѣ, имѣло въ то же время свои коммиссіонныя депо и дворы въ другихъ частяхъ Россіи, какъ напр. въ Старой Ладогѣ (Altladoga), гдѣ Нѣмцы имѣли свою церковь и луга, имъ принадлежавшіе, далѣе въ Псковѣ, въ Полоцкѣ (Plotzkow или Ploscow); но объ этихъ послѣднихъ

дворахъ мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ извѣстій, которыя относились бы къ этому раннему времени: знаемъ только постановленіе, въ слѣдствіе котораго Нѣмцы могли тамъ руководствоваться Нѣмецкимъ Правомъ. Псковъ часто посѣщали изъ Лифляндіи; въ Смоленскѣ очень рано была уже Латинская церковь. Хотя вообще принято за достовѣрное, что всѣ эти коммиссіонныя мѣста для складки товаровъ были подчинены Новогородскому двору, однакожь ни одна Скра не говоритъ объ этомъ. Торговыя дѣла обоихъ народовъ не ограничивались однимъ Новогородскимъ дворомъ. Русскіе съ давнихъ поръ приходили на островъ Готландъ, а потомъ стали посѣщать Лифляндію, гдѣ они непосредственно торговали съ Нѣмцами, туда пріѣзжавшими, и съ Лифляндскими городами; равнымъ образомъ, очевидно, что и Нѣмцы ходили во внутреннія части Россіи и вели тамъ торговыя дѣла. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Нѣмцы имѣли свои складочныя мѣста для товаровъ, торговыя сношенія производились только по извѣстнымъ дорогамъ, именно чрезъ главные города Лифляндіи водою и сухимъ путемъ, или непосредственно по Невѣ, но не сухимъ путемъ черезъ Швецію, Курляндію и Пруссію (38).

(38) Можетъ быть Пруссы имѣли здѣсь свои собственныя торговыя заведенія. Въ Русскихъ письменныхъ памятникахъ часто упоминается о Прусской улицѣ въ Новѣгородѣ, которая была выжжена и разграблена; но дальнѣйшихъ о ней извѣстій я не нашелъ въ доступныхъ для меня источникахъ. Сот.

Неослабнымъ старанiемъ Нѣмцевъ было, сколько ихъ силы позволяли, устранять иностранцевъ, именно Англiйскихъ, Фландрскихъ, Валонскихъ и Ломбардскихъ купцевъ отъ торговли съ Новымъ-городомъ, въ высшей степени для нихъ важной: всякое общее съ ними торгованiе и мореходство были строжайшимъ образомъ запрещены. Дошедшiе до насъ документы не упоминаютъ ни о Датчанахъ, ни о Норманнахъ; Шведы, равно какъ и жители Готланда, пользовались, можетъ быть, Готландскимъ дворомъ, находившимся въ Новѣгородѣ. Вѣроятно, Нѣмцамъ удалось захватить въ свои руки исключительное торговое господство въ Новѣгородѣ, существовавшее не на имени только, но на самомъ дѣлѣ, какъ посредствомъ благопрiятной торговли и безопасно защищенныхъ мѣстъ для складки товаровъ, которыя они умѣли завести въ другихъ Западныхъ Государствахъ, такъ и посредствомъ продолжительныхъ войнъ между Шведами и Русскими.

Главнѣйшее преимущество здѣшней торговли состояло, какъ то видно изъ позднѣйшихъ извѣстiй, въ освобожденiи отъ платы пошлинъ. Неизвѣстно, давалось ли что-нибудь изъ Королевской пошлины Новогородскому Князю или самому Новугороду. Едва упоминается даже о древней самой незначительной пошлинѣ съ кораблей, приходившихъ Невою, платимой у Волхова на мѣстѣ, называемомъ *Gästefeld;* и о другой, взыскивавшейся на пути въ Смоленскъ, и состоявшей изъ куска сукна или полотна для Смоленской Княгини, и изъ пары рукавицъ для тамошняго Старосты

или Старѣйшины. Другихъ пошлинъ не было, исключая самой маловажной платы, дававшейся перевощикамъ товаровъ въ Смоленскѣ.

Сколько это было выгодно для Нѣмцевъ въ то время, столько же нынѣ не выгодно для нашей любознательности, потому что чрезъ это самое мы совершенно лишены таможенныхъ росписей (Zollrollen) для торговли съ Россіею, между тѣмъ, какъ имѣемъ подобные документы для тогдашней торговли съ другими Государствами, хотя, должно признаться, весьма недостаточные и ни сколько не могущіе сравниться съ нынѣ существующими тарифами. Отъ этого недостатка мы можемъ представить здѣсь только самое не полное исчисленіе привозившихся въ Новгородъ и вывозившихся оттуда товаровъ, названія коихъ только случайно встрѣчаются въ различныхъ документахъ.

Нѣмцы вывозили изъ Новагорода различнаго рода мѣха, шкуры, кожи, волосъ и щетину, воскъ, жиръ (Fettwerk), сало: это, кажется, были главные предметы ихъ вывоза. Кажется, что Нѣмцы покупали здѣсь отчасти золото и серебро, можетъ быть также и медь. Нѣтъ сомнѣнія, что это были не всѣ предметы вывоза, но по скудости извѣстій, мы должны ограничиться этимъ исчисленіемъ. Правдоподобно также, что по временамъ вывозился отсюда и хлѣбъ. Что же касается до Восточныхъ товаровъ, то мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вывоза ихъ Нѣмцами изъ Россіи; впрочемъ это понятно: Ломбардскіе купцы, разсѣянные по всей Западной Европѣ, и съ XIV столѣтія появляющіеся даже въ Нидерландахъ и

въ Англіи, могли гораздо сходнѣе удовлетворять требованія на эти товары, находившіеся въ изобиліи въ Брюгге, главномъ рынкѣ Западной Европы. Если же нѣкоторые Восточные товары возились черезъ Россію, то конечно они были весьма незначительны, и хотя о томъ не упоминается въ извѣстіяхъ, до насъ дошедшихъ, однакожь не льзя отрицать, чтобы въ болѣе раннее время не было подобнаго привоза товаровъ и чтобы сами Русскіе не вывозили постоянно многихъ Восточныхъ товаровъ изъ Азіи и изъ Константинополя.

По тѣмъ же самымъ причинамъ не льзя дать полнаго понятія о товарахъ, ввозимыхъ Нѣмцами въ Россію. Солодъ, мука, хлѣбъ, копченыя мяса, сельди, больше же всего сукна изъ другихъ Западныхъ странъ, особенно изъ Нидерландъ и Англіи, а толстыя изъ Германіи, холстъ, пряжа, также крашеная, серебро и серебряныя деньги, мѣдь, олово, свинецъ, и вѣроятно многіе металлическіе товары, вино и пиво, можетъ быть также и медъ (простой или очищенный сотовый), дубленыя кожи, Buntwerk (?) (хотя грубыя, толстыя ткани вывозились и изъ самой Россіи), многіе мелочные товары, какъ-то: сѣра, иголки, четки, пергаментъ, перчатки,— вотъ всѣ ввозные товары, о которыхъ упоминается въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ.

Съ Нѣм. Сергій Строевъ.

Берлинъ,
11 Февраля 1838 года.

3.

IЕЗДЕДЖЕРДЪ III,

ПОСЛѢДНІЙ ГОСУДАРЬ ПЕРСІИ, ДО ПОКОРЕНІЯ ЕЯ АРАВИТЯНАМИ.

Никогда, отъ самаго начала своего, Иранская Монархія не была въ такомъ стѣсненномъ и затруднительномъ положеніи, какъ при восшествіи на Престолъ Іездеджерда III. Потрясенная разными бѣдствіями въ несчастное царствованіе слабаго и порочнаго Кубада 2 Шируйе, малолѣтнаго Ардишра III, неблагоразумнаго Кюразъ-Караина, Шехріара и дочерей Хосревъ-Первиза, Туранъ-Духты и Азерми-Духты, — она для возстановленія своего ожидала Государя мудраго, храбраго и дѣятельнаго, и получила — Іездеджерда, добродушнаго, правда, но ума довольно ограниченнаго, безъ всякихъ способностей и воинскихъ талантовъ. Шахъ этотъ былъ сынъ Шехріара и внукъ Хосревъ-Первиза и вступилъ на Престолъ 16 (20) Іюня 632 года, по смерти дяди своего Ферруxъ-Зада, который, послѣ сорокодневнаго царствованія, отравленъ былъ Сановниками Государства. Разнаго рода внутренніе безпорядки и несогласія продолжали волновать и столицу и области; войска становились день отъ дня наглѣе, а границы подверга-

лись безпрестанно нападеніямъ народа, еще мало извѣстнаго, но уже обѣщавшаго много великаго.

Мохаммедъ скончался, и Арабы, предводимые Абубекромъ, первымъ изъ Халифовъ, выступили за предѣлы полуострова и наводнили собою смежныя съ нимъ страны. Въ одно и то же время громили они Персію и Грецію, покоряли Сирію, опустошали Иранъ и грабили Гиру и Энбаръ. Всеобщая опасность соединила тогда всѣ партіи, образовавшіеся въ Персіи въ пользу и противъ Іездеджерда, и потомокъ Хосрева противопоставилъ Арабамъ знаменитаго своего Полководца Рустема, которому онъ обязанъ былъ Престоломъ.

Среди сихъ-то воинскихъ приготовленій, Іездеджердъ, преклоняемый къ тому Мубедами, задумалъ преобразовать народную Религію. Онъ измѣнилъ нѣкоторыя религіозныя постановленія, перемѣнивъ національный календарь, составленный Джемшидомъ; онъ далъ даже другія имена двѣнадцати мѣсяцамъ года, замѣнивъ имена Ангеловъ названіями болѣе сходными съ физическими свойствами каждаго мѣсяца. Онъ утвердилъ сей новый календарь съ 20 Іюня 632 года, т. е. со дня своего восшествія на тронъ, и съ того же числа приказалъ вести новое лѣтосчисленіе. Эта эра называется Іездеджердовою. Впрочемъ всѣ сіи нововведенія, непріятныя для Персовъ, соблюдаемы были только въ царствованіе Шаха-Преобразователя, и немедленно послѣ смерти его уничтожены, и народъ возстановилъ старинный календарь со всѣми религіозными учрежденіями,

Зердушта (Зороастра) и изъ всѣхъ Іездеджердовыхъ учрежденій сохранилъ одну только его эру.

Рустемъ, который, какъ мы видѣли выше, принялъ на себя начальство надъ арміею, высланною противъ Арабовъ, остановился на границѣ и, казалось, пренебрегалъ сраженіемъ съ такими людьми, которыхъ онъ считалъ шайкою разбойниковъ. Скоро однакожъ увидѣлъ онъ, что берега Евфрата покрылись довольно многочисленными войсками Мохаммеданскими, подъ предводительствомъ четырехъ Полководцевъ: Абу-Обейды-Ибнъ-Месуда, Мотанны, Амру и Салита. Еще прежде сего, въ царствованіе Туранъ-Духты, вторгались Арабы въ предѣлы Персіи; но всѣ ихъ покушенія и подвиги ограничились нѣсколькими наѣздами на Персидскія земли, смежныя съ степями, или нападеніями на Мондара, Царя Гирскаго и данника Саманидовъ. Теперь же вошли они въ самый Иранъ, отбили Гормуза-Джаду, поставленнаго охранять эту границу и, при Косъ-Эннатефѣ, перешли чрезъ Евфратъ. Рустемъ послалъ къ Абу-Обейдѣ одного изъ своихъ Офицеровъ, Фируза или Пейруза, съ слѣдующимъ письмомъ: «Весь свѣтъ знаетъ о моемъ Государѣ, Шахѣ Иранскомъ, Владыкѣ всего Востока, знаменитомъ потомкѣ Ферейдуна, Ардишра, Нуширевана и другихъ великихъ Государей, которыхъ величіе и могущество заставляли всю вселенную трепетать отъ страха. А вы кого имѣете своимъ властителемъ? Что у него за предки, что за титла, что за права и наслѣдственныя владѣнія? Ты же самъ не что иное, какъ нищій вождь нищихъ воиновъ. Да и

кому не извѣстно, что отцы ваши всегда жили въ пустыняхъ и питались только верблюжьимъ молокомъ? Зачѣмъ же было вамъ оставлять ваши старинныя жилища и старинныя обыкновенія? Чего надѣетесь вы отъ столь безразсудныхъ предпріятій? Чего ищете вы въ Иранѣ? Чего требуете отъ Шаха, къ которому вы должны бы питать самое глубокое уваженіе и съ покорностью ему повиноваться?»

Вотъ что Аравитянинъ отвѣчалъ Рустему: «Ничего не требую я ни отъ Ирана, ни отъ его Государя. Мое пришествіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы возвѣстить вамъ о явленіи въ мірѣ человѣка, обѣщаннаго людямъ самимъ Богомъ скоро послѣ сотворенія міра; пророка, открывшаго намъ священныя таинства, вѣчныя истины и все, что только относится до рая или ада и до счастливой или несчастной участи человѣковъ: и такъ на меня возложена обязанность предложить вашему Шаху и народу эту святую Религію. Таково милостивое приглашеніе, дѣлаемое вамъ мною, Намѣстникомъ славнаго Мохаммеда, Корифея всѣхъ пророковъ, друга Божія и заступника въ великій день суда. Это приглашеніе споспѣшествуетъ временному и вѣчному блаженству всего Иранскаго народа. Если народъ и Шахъ примутъ святую книгу Корана и признаютъ верховную власть нашего великаго Халифа, то будутъ имѣть въ насъ искреннихъ друзей и союзъ нашъ пребудетъ навсегда братскимъ. Если же это предложеніе будетъ, по неблагоразумію, отвергнуто, то мечь нашъ, подкрѣпляемый Небомъ,

ниспровергнетъ тронъ Шаха, разрушитъ домъ его, опустошитъ его владѣнія, истребитъ его подданныхъ и въ цѣломъ Иранѣ не видно будетъ ничего, кромѣ труповъ и развалинъ.»

Абу-Обейда вручилъ этотъ отвѣтъ не Иранскому посланцу, а одному изъ своихъ Офицеровъ — Шабу-Мугайру, который, полунагой и полуодѣтый, достигъ до лагеря Рустемова и введенъ будучи въ его ставку, вскричалъ грубымъ тономъ: «миръ вамъ, если вы расположены принять Исламизмъ, и если нѣтъ, то нѣтъ вамъ мира». Рустемъ отвѣчалъ ему такимъ же грубымъ тономъ, выслалъ его вонъ и началъ приготовлять свое войско къ сраженію. Первая битва, чрезвычайно кровопролитная, произошла при Забѣ. Превосходство въ числѣ людей и оружія было на сторонѣ Персовъ. Аравитяне почти нагіе и безъ оборонительныхъ орудій, не могли ни противостоять стрѣламъ своихъ противниковъ, ни умерщвлять такихъ воиновъ, которые были покрыты съ ногъ до головы желѣзомъ. Однакожъ ихъ храбрость и энтузіазмъ замѣняли имъ все, и сраженіе кончилось бы, можетъ быть, и въ ихъ пользу, если бы Персы не выпустили противъ нихъ слоновъ. Это вспомогательное войско рѣшило участь сражающихся. Аравитяне не могли устоять противъ натиска неизвѣстныхъ имъ животныхъ; ужасъ распространился въ рядахъ ихъ: Абу-Обейда раздавленъ былъ подъ ногами одного слона; пораженные Аравитяне, поспѣшно переправились чрезъ Евфратъ и скрылись въ пусты-

нияхъ. Они называютъ эту битву *слоновымъ сраженіемъ.* Но Рустемъ не долго пользовался симъ торжествомъ. Халифъ Омаръ I, ободренный своими успѣхами въ Сиріи и Месопотаміи и узнавъ, что Османъ-Ибнъ-Эль-Ассъ проникнулъ въ Арменію и Азербайджанъ, возобновилъ покушенія свои на Иранъ и выслалъ противъ Іездеджерда знаменитаго и искуснаго Саада Ибнъ-Абу-Ваккеса. Царь Иранскій, извѣстившись о такомъ новомъ вооруженіи, собралъ большія войска для отраженія нападенія и поручилъ ихъ начальство опять Рустему, побѣдившему уже однажды Арабовъ. Этотъ славный полководецъ не терялъ ни одной минуты: онъ немедленно выступилъ въ походъ, не давши непріятелю времени войти въ предѣлы Иранскаго Государства, перешелъ Евфратъ и сошелся съ Мусульманскими войсками близъ Кадсійе (Кадесія). Сраженіе было гибельно какъ для Рустема, такъ и для всего Ирана. Послѣ трехдневнаго боя, Рустемъ, видя, что армія его гибнетъ и отъ непріятельскаго меча и отъ великаго недостатка въ водѣ, потребовалъ перемирія на нѣсколько часовъ и предложилъ Абу-Ваккесу окончить дѣло поединкомъ. Гордость и храбрость послѣдняго не позволила ему отказаться отъ подобнаго предложенія. Полководцы дрались на сабляхъ и Аравитянинъ побѣдилъ Перса (*), умертвилъ всѣхъ

(*) Нѣкоторые Историки, менѣе достойные вѣроятія, не упоминаютъ вовсе о поединкѣ Рустема съ Абу-Ваккесомъ и увѣряютъ, что Рустемъ, по обратномъ переходѣ своемъ за Евфратъ, убитъ былъ однимъ Арабскимъ Шейхомъ, именемъ Галаль-ибнъ-Алькама.

желавшихъ отмстить смерть Рустемову и овладѣлъ всѣмъ Иранскимъ лагеремъ. Тамъ, между прочими драгоцѣннѣйшими вещами, найдено было большое знамя, палладіумъ всего Царства, *Дирефшъ-Кавеяни*, бывшее въ теченіе двадцати вѣковъ, т. е. со временъ знаменитаго Ферейдуна, предметомъ уваженія всего Ирана. Потеря этого священнаго знамени, покрытаго тигровой кожей, блестѣвшаго золотомъ и драгоцѣнными камнями, довершила ужасъ и уныніе Двора и народа. Битва при Кадсійе произошла въ 636 году. Слѣдствія ея были не что иное, какъ длинная цѣпь успѣховъ Аравитянъ, которые перешли Евфратъ безъ всякаго затрудненія, разбили опять Персовъ при Бухайраджанѣ, взяли Нагарширъ и остановились подъ стѣнами Мадаина, столицы Царей Иранскихъ. Они не осмѣливались сначала перейти чрезъ рѣку, въ виду Персидскихъ войскъ, расположенныхъ на противномъ берегу, и простоявъ 28 дней подъ Мадаиномъ, потомъ уже рѣшились наконецъ перейти чрезъ рѣку. Феррухъ-Задъ (1), братъ несчастнаго Рустема, тщетно противился имъ: онъ претерпѣлъ самое жестокое пораженіе. Боязнь заставила Іездеджерда, довольно задолго предъ симъ, удалиться въ Гельванъ, недалеко отъ дефилей, извѣстныхъ у древнихъ подъ именемъ Zagrus. Между тѣмъ Абу-Ваккесъ, продолжая свои успѣхи, осадилъ Мадаинъ, овладѣлъ имъ приступомъ и наводнилъ столицу Ирана кровію ея обитателей, въ 637 году (2). Въ превосходнѣйшемъ дворцѣ,

---

(1) По другимъ Историкамъ, *Хордадъ*.

(2) Или въ 636 году, по словамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ.

Эйвадъ-Кесра, нашелъ онъ несмѣтныя богатства съ шапкою (*), поясомъ и кинжаломъ несчастнаго Шаха, украшенными драгоцѣнными камнями. По приближеніи побѣдителя къ Гельвану, Іездеджердъ укрылся въ Седжестанѣ; Гельванъ испыталъ ту же участь, что и Мадаинъ, а это и было причиною покоренія, или лучше сказать, опустошенія всего Иракъ-Ареби или Вавилоніи.

Омаръ I, ревнуя, какъ можно предполагать, славѣ своего полководца, или можетъ быть, боясь его честолюбія, повелѣлъ Абу-Ваккесу не проникать далѣе въ Иранъ. Онъ изъявилъ ему опасеніе на счетъ доброй нравственности Аравитянъ, которыхъ, какъ онъ говорилъ, не должно допускать до роскоши, развращенія и изнѣженности Персовъ. Тогда Абу-Ваккесъ воздвигнулъ городъ Кафе (Куфа) и расположилъ въ немъ свое войско, чтобы держать въ повиновеніи весь Иракъ-Ареби, на который и наложилъ годичную дань.

Чрезъ три года послѣ того (640), другіе военачальники покорили остальную часть Персіи, раздираемой еще больше, нежели прежде, внутренними безпокойствами. Не взирая однакожъ на свой побѣгъ, Шахъ Іездеджердъ не упускалъ ничего изъ виду для склоненія умовъ въ свою пользу и для подкрѣпленія въ народѣ храбрости. Но всѣ эти усилія были совершенно напрасны: повсюду обнаруживались только страхъ, подлость, измѣна.

(*) Несправедливо переводятъ слово *таджъ* «короною». Слово Латинское corona слишкомъ далеко своимъ значеніемъ отъ Персидскаго.

Гормузанъ, Правитель Хузистана, стоя подъ Эхвазомъ и начальствуя большимъ войскомъ, не рѣшился даже вступить въ битву съ грознымъ Номаномъ Ибнъ-Мокримомъ, сдался ему, и пріѣхавъ ко Двору Омара, принялъ Мусульманскую Религію. Фердоуси говоритъ, что онъ торжественно призналъ эту Религію Божественною, ради великихъ чудесъ, произведенныхъ ею въ Азіи и Африкѣ. — Фирузанъ, другой полководецъ Иранскій, не былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ. Онъ проигралъ сраженіе подъ Негавендомъ (641) противъ того же самого Номанъ-Ибнъ-Мокрина. Послѣ четырехъ дней жестокой битвы, Иранское войско, числомъ въ 160,000 человѣкъ, послѣдняя надежда Монархіи, было разбито и разсѣяно. Два полководца запечатлѣли смертію своею этотъ знаменитый день, называемый Арабами *Фетхъ-эль-Футухъ* (*побѣда побѣдъ*), прославившій Гадику-Ибнъ-Іемама и нанесшій послѣдній ударъ Иранской Монархіи. Это сраженіе повлекло за собою паденіе Негавенда, Гемедана, Динура, Истехра, Замре и проч. Гидика-Ибнъ-Іемамъ покорилъ сначала весь Фарисъ, потомъ Иракъ-Аджемъ, потомъ Хузистанъ, а наконецъ весь Луристанъ. Съ другой стороны Ахнефъ-Ибнъ-Кайсъ завоевалъ съ такою же быстротою Гиланъ, Дейлемъ, Мазендеранъ и Таберистанъ (642).

Мохаммеданскіе лагери вмѣщали въ себѣ несмѣтную добычу и множество плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ были три дочери внука Хосревова *Шахъ-Бану*, *Джевгеръ-Бану* и *Шехеръ-Бану*. Сихъ послѣднихъ отвезли въ Аравію со всѣми

почестями, приличными ихъ происхожденію. Омаръ отдалъ ихъ потомъ въ замужство, одну за сына своего Абдиллаха, другую за Мохаммеда, сына Абубекра I-го, а третью за Гусейна, сына Аліева и внука Лжепророка.

Между тѣмъ Іездеджердъ, котораго оставили мы въ Седжестанѣ, изгнанный изъ этой области Асемомъ-Ибнъ-Амру (изъ фамиліи Тамимовъ) удалялся въ Хорасанъ, послѣднее убѣжище, которое ему оставалось, изъ коего и послалъ нарочныхъ ко всѣмъ Турецкимъ Государямъ Траксоксіаны, Согдіаны и Бактріаны и даже къ Китайцамъ, прося у нихъ помощи противъ Арабовъ. Но всѣ эти мѣры были безполезны. Ахнефъ-Ибнъ-Кайсъ проникнулъ въ Хорасанъ и разбилъ Іездеджерда въ 643 году. Побѣжденный Шахъ, съ своими, не менѣе его боязливыми любимцами и Министрами, Ордуи, Гормузъ-Харрадомъ, Шехрзаномъ, и Михръ-Нушемъ бѣжалъ, за Джейхунъ (Oxus) и укрылся въ Ферганѣ, откуда безплодно просилъ помощи у Хакана Туранскаго и нѣкоторыхъ Гиндусскихъ владѣльцевъ. Между тѣмъ Ахнефъ не только не продолжалъ своего пути впередъ, но и побоялся остановиться въ покоренной имъ части Хорасана, или даже оставить необходимые гарнизоны въ такой отдаленной отъ главныхъ силъ Аравійскихъ странѣ. Разграбивъ и опустошивъ Хорасанъ, онъ наложилъ на него ежегодную дань и отошелъ къ границамъ Сиріи. Такимъ образомъ весь уже Иранъ подвергнулся владычеству Аравитянъ, какъ вдругъ убійство Омара потрясло Халифатъ и произвело сильнѣйшія волненія въ этой новорожденной Мо-

нархіи. Такія благопріятныя обстоятельства воскресили надежду въ сердцѣ Іездеджерда III. Онъ покинулъ свое убѣжище и возвратясь въ Хорасанъ принятъ былъ тамъ съ восторгомъ Правителемъ Мерва, Магуи-Сури, который былъ нѣкогда его покорнѣйшимъ рабомъ. Почти вся Хорасанская область объявила Шаха своимъ законнымъ и верховнымъ Владыкою, и онъ употребилъ все, что только отъ него зависѣло для усиленія своей партіи и склоненія другихъ областей — свергнуть съ себя иго Арабскихъ пришельцевъ. Но отъ страха ли, отъ предразсудка ли это произошло, только онъ нашелъ въ Персахъ (кромѣ Персовъ Хорасанскихъ) не участіе, а презрительное равнодушіе. Нѣкоторые Писатели полагаютъ, что причиною тому было общее мнѣніе; что отъ личнаго несчастія Шахова происходили всѣ общественныя бѣдствія Ирана.

Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Іездеджердъ снова пріѣхалъ въ Хорасанъ и въ эти шесть лѣтъ не произошло ничего важнаго; его утѣшали только пустыя надежды, основанныя на волненіяхъ Халифата, по вступленіи на Престолъ Османа I. Однажды какъ-то изгнанный Шахъ поссорился съ Магуи-Сури, и сей, частію отъ негодованія, а частію, можетъ быть, и изъ честолюбивыхъ видовъ, задумалъ предать его въ руки его враговъ. Онъ заключилъ союзъ съ Бижень-Тальханомъ (*), Владѣтелемъ Семеркандскимъ и

(*) Ахмедъ-Ибнъ-Атемъ Куфи называетъ его, какъ мы увидимъ и ниже, *Танджтахомъ*, а Абуль-Фараджъ — *Тархановъ*.

Вассаломъ Хакана Туранскаго, надавалъ ему самыхъ льстивыхъ обѣщаній и вооружился противъ Іездеджерда. Пятьдесятъ тысячь человѣкъ выступили немедленно на Мервъ, подъ командою Берсама. Шахъ принялъ оборонительныя мѣры и вышелъ изъ города съ единственнымъ сыномъ своимъ Фирузомъ (*), для подкрѣпленія своихъ войскъ. Измѣнникъ Магуи-Сури притворился, что держитъ его сторону, но среди сраженія покинулъ его, и Іездеджердъ, услышавъ, что сынъ его и знатнѣйшіе его вельможи въ рукахъ непріятеля, рѣшился искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ.

Бѣжавъ почти безъ отдыха цѣлый день, онъ увидѣлъ мельницу, стоявшую на рѣкѣ Абъ-Зерхъ и вошелъ въ нее. Здѣсь мы приведемъ отрывокъ изъ малоизвѣстной въ ученомъ свѣтѣ Исторіи Атема Куфи (*Шарихи-Атемъ Куфи*), переведенный нами прямо съ Персидскаго: «Увидѣвъ «хозяина этой мельницы, Іездеджердъ сказалъ: я «человѣкъ несчастный и имѣю непріятелей, ко«торыхъ очень боюсь. Дай мнѣ убѣжище у себя «на одну только эту ночь и сбереги меня подъ «своимъ покровительствомъ, а завтра я тебѣ «дамъ столько богатства, что ты сдѣлаешься «свободнымъ. Мельникъ сказалъ ему: ступай въ «въ эту мельницу и останься тамъ. Іездеджердъ,

(*) Этотъ Фирузъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, ѣздилъ къ Китайскому Императору Тангъ-Тангъ-Цунгу съ просьбою о помощи отцу его, но безплодно. Это свидѣтельство подтверждается и показаніями Китайскихъ Историковъ, которые упоминаютъ объ Иранскомъ Принцѣ Фирузѣ, пріѣзжавшемъ въ Китай съ просьбою о помощи.

«пришедши туда, отъ разныхъ мыслей и отъ «усталости прилегъ и заснулъ. Мельниковы ра«ботники, увидѣвъ, что онъ спитъ безпечно, убили «его и взяли все, что было у него изъ украшеній «и драгоцѣнностей, также шапку и одежду его; «потомъ схватили за ноги, потащили и бросили «въ воду. На другой день Танджтахъ приказалъ «искать по всѣмъ мѣстамъ Іездеджерда. Случайно «посланцы его пришли къ мельницѣ и спро«сили мельника, не видѣлъ ли онъ Іездеджерда-«Шехріара. Мельникъ отвѣчалъ, что онъ ничего «объ немъ не знаетъ. Между тѣмъ Мервянцы, съ «которыми былъ и самъ Танджтахъ, замѣтили «одного работника, который одѣтъ былъ въ Цар«ское платье и надушенъ Царскими духами. Они «схватили его, допросили и скоро отыскали и «другихъ его сообщниковъ, которые сначала за«пирались, но наконецъ вынуждены были пыткою «признаться. Тогда Танджтахъ послалъ отыскать «тѣло Іездеджерда, которое было найдено и при«несено къ нему. Лишь только Туркменскій Госу«дарь увидѣлъ мертваго Шаха, то горько запла«калъ; потомъ приказалъ, намастивши тѣло его «благоуханіями, положить въ гробъ и отвезти въ «Персію, чтобы похоронить тамъ, какъ прилично «потомку Кейянидовъ, а мельника и его работни«ковъ приказалъ предать смерти.»

Такъ разсказываетъ это происшествіе Ахмедъ-Атемъ, и съ нимъ соглашается Абуль-Фараджъ; но другіе историки, какъ напр. Мирхондъ въ своей *Раузетъ-Эссефа*, разсказываютъ иначе, а именно: «Увидѣвши мельника, котораго звали

«*Хосревъ-Задъ*, Іездеджердъ объявилъ ему, что «онъ принадлежитъ къ свитѣ несчастнаго Шаха, «и что, избавившись отъ непріятельскаго меча, «онъ проситъ у него покровительства и полагает«ся на его человѣколюбіе. Мельникъ почелъ себѣ «обязанностію утѣшить и успокоить его и дать «ему нѣсколько пищи. Въ слѣдующій день всѣ окрест«ности покрылись воинами Магуи-Сури, который «притворствуя, что сожалѣетъ о бѣдственной «участи Шаха, приказалъ искать его по всѣмъ «мѣстамъ. Одинъ изъ воиновъ обратился къ «мельнику и спросилъ его: не знаетъ ли онъ чего «о Шахѣ? Мельникъ отвѣчалъ, что онъ ничего «объ немъ не знаетъ, но что у него есть одинъ «гость, котораго однакожь не покажетъ ему «ни подъ какимъ видомъ. Воинъ приказалъ ит«ти ему за собою и привелъ его предъ Магуи«Сури, который распросилъ мельника подробно «о его гостѣ и узналъ въ семъ послѣднемъ Шаха. «Тогда приказалъ онъ ему умертвить его въ стро«жайшей тайнѣ и принести къ нему потомъ пер«стень, одежду и все, что найдетъ на особѣ «Монарха. Хусревъ-Задъ, обольщенный богатыми «обѣщаніями, исполнилъ приказаніе Магуи-Сури. «Собственною рукою убилъ онъ несчастнаго Іез«деджерда III, бросилъ тѣло его въ рѣку и при«несъ измѣннику, Правителю Мерва, печальные «останки своей жертвы.»

Многіе Историки считаютъ Исторію бѣгства Іездеджердова и убійства его мельникомъ сказкою, и утверждаютъ, что онъ погибъ въ битвѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ Сановниковъ. Какъ бы

то ни было, но Iездеджердъ лишился жизни и съ нимъ прекратилась блистательная династiя Сассанiйская, произведшая столько великихъ и славныхъ Государей, каковы были: Ардиширъ I, Нуширванъ и Шахпуръ.

По смерти Iездеджерда, Магуи-Сури обнаружилъ вполнѣ свои честолюбивые виды и замыслы. Предавъ смерти убiйцу несчастнаго Шаха, онъ разослалъ по Ирану извѣстiе о кончинѣ сего послѣдняго, а вмѣстѣ съ нимъ и его мнимое духовное завѣщанiе. Онъ утверждалъ, что, за шесть мѣсяцевъ до того времени, Iездеджердъ III, безпрестанно безпокоясь о своей участи, передалъ ему, на случай своей внезапной смерти, всѣ права на тронъ, требуя даже, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ младшею дочерью его, пребывавшею въ Мервѣ. Трое изъ самыхъ близкихъ къ покойному людей подтвердили эти распоряженiя и для большаго удостовѣренiя показывали вмѣстѣ съ Магуи-Сури перстень и одежду Iездеджердовы. Убѣжденные золотомъ Волхвы и Астрологи также подкрѣпляли его притязанiя и объявили, что все возвѣщаетъ въ немъ счастливаго освободителя Ирана; послѣ чего Магуи-Сури принялъ титулъ Шаха и вошелъ въ Мервъ при громкихъ и единодушныхъ привѣтствiяхъ и восклицанiяхъ воиновъ и народа. Все шло хорошо; но вѣрно онъ имѣлъ неблагоразумiе поссориться съ вождемъ войскъ Трансоксiанскихъ, который немедленно оставилъ Хорасанъ и увелъ съ собою въ плѣнъ молодаго Принца Фируза, а съ нимъ и многихъ другихъ знатныхъ особъ. Магуи-Сури сдѣлалъ еще другое безразсудство, именно:

не исполнилъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ Владѣльцу Семеркандскому, который за это не только не захотѣлъ признать его Шахомъ, но и вооружилъ противъ него Хакана, своего Властителя. Похититель короны, въ упоеніи своего счастія, не обращалъ почти никакого вниманія на Арабовъ, которые продолжали воевать между собою, и направилъ оружіе противъ Биженъ-Тальхана (Танджтаха), своего прежняго союзника. Онъ собралъ всѣ силы, съ 80,000 человѣкъ перешелъ Оксусъ и пошелъ прямо на Семеркандъ. Однакожъ Биженъ-Тальханъ былъ болѣе бдителенъ: онъ съ 120,000 исправныхъ солдатъ встрѣтилъ его подъ Ридъ-Феридомъ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ. Побѣдитель насытилъ свое мщеніе самымъ варварскимъ образомъ. Онъ подвергнулъ своего плѣнника жесточайшей казни, именно: приказалъ отрубить ему руки, ноги и голову, а туловище бросить въ огонь. Послѣ того, предавшись совершенно своей ярости, онъ сдѣлалъ нападеніе на Хорасанъ, овладѣлъ Мервомъ, перерѣзалъ дѣтей и родственниковъ Магуи-Сури, опустошилъ сей городъ со всѣми другими, окрестъ его лежащими, и снова перешелъ за Оксусъ, обремененный безчисленною добычею (*).

Таковы-то были происшествія, бывшія причиною быстраго и полнаго паденія Хосревовъ,

(*) Слѣдуя Греческимъ Историкамъ, мы можемъ сказать, что одинъ Принцъ Сассанійскій укрылся около этого времени въ Константинополѣ, гдѣ потомки его и приняли Христіанскую религію: одинъ изъ нихъ, Ѳеофовъ, отличный Полководецъ, преданъ былъ смерти въ 835 году, по повелѣнію Императора Ѳеофила.

разрушенія династіи Сассанійской и раздробленія древнѣйшей Монархіи міра, столь долгое время бывшей грозою Державъ Римской и Туранской. Еслибъ послѣдніе Шахи этой династіи имѣли хотя половину тѣхъ прекрасныхъ качествъ и талантовъ, коими отличались великіе ихъ предшественники, то огромная Иранская Имперія не пала бы такъ скоро и такъ покорно подъ ударами Мусульманскихъ завоевателей, потрясаемая со всѣхъ сторонъ слабостью начальственныхъ лицъ, жадностью Судей и Губернаторовъ, распрями знатныхъ Сановниковъ, неповиновеніемъ войска, поврежденіемъ во всѣхъ частяхъ Государства съ самаго почти начала царствованія Хосревъ-Первиса. Этотъ ужасный и грозный колоссъ принужденъ былъ необходимо пасть при первомъ натискѣ Аравитянъ. За всѣмъ тѣмъ однакожъ Халифы не могли довершить порабощеніе Иранскихъ областей прежде истеченія полувѣка послѣ смерти Іездеджерда III. Уже въ царствованіе Валида I, то есть въ царствованіе, представляющее собою лучшее время Монархіи Халифовъ, знаменитый Котейба-Ибнъ-Муслимъ заставилъ не только обитателей всего протяженія Персіи, но даже и всего Нижняго Турана или Трансоксіаны чтить законъ Мусульманскій.

Персія оставалась подъ владычествомъ Арабовъ не болѣе двухъ вѣковъ. Безпрестанныя смятенія въ Халифатѣ, особливо послѣ паденія Оммайядовъ Дамаскскихъ, были причиною постепеннаго отдѣленія ея провинцій, такъ что наконецъ обширное это Государство раздѣлилось на нѣсколько владѣ-

ній, вольныхъ и независимыхъ, которые безпрестанно ссорились и боролись между собою.

Многіе изъ отдѣлившихся и объявившихъ себя независимыми отъ Правителей областей, были Арабы или Туранцы, другіе были Персы, а нѣкоторые признаны были даже истинными потомками Сассана. Самыя замѣчательныя изъ сихъ новыхъ династій, признанныхъ Сассанійскими, были Фазлуйе, въ Фарисѣ; Бавендъ, въ Мазендеранѣ; Дабевійе, въ Гиланѣ; Себанъ, въ Таберистанѣ; Саманъ, въ Семеркандѣ; Хаканъ, въ Ширванѣ; и Себуктегинъ, въ Забелистанѣ. Но изъ всѣхъ этихъ поколѣній, поколѣніе Буйе (Буиды), происходившее отъ Беграмъ-Гюра, было болѣе всѣхъ сильно и блистательно. Оно нанесло жестокіе удары Монархіи Халифовъ, основалось въ Багдадѣ и владычествовало почти надъ всѣмъ Ираномъ. Величіе Буидовъ однакожъ не долго продолжалось: оно пало подъ оружіемъ знаменитыхъ Сельджуковъ, родомъ Скиѳовъ, а тѣ въ свою очередь ниспровергнуты были своими Вассалами Энуштегинами, или иначе, Харесмъ-Шахами.

Чрезъ шесть вѣковъ, всѣ эти Державы исчезли при Чингисъ-Ханѣ и его дѣтяхъ, а почти чрезъ полтора вѣка послѣ того, эта первая Татаро-Монгольская Монархія разрушена была Тимурханомъ и его наслѣдниками. На развалинахъ Монархіи Тимурхановой образовались постепенно Монархіи Чубановъ, Музафферовъ, Бейрамовъ, Байендеровъ и Гайдеровъ, иначе называемыхъ Эль-Сефеви или Софіями, которые, покоривъ всю Персію менѣе, нежели чрезъ два вѣка, послѣ того подверг-

лись той же участи, какъ и ихъ предшественники.

Эти Сефіи или Софіи, родомъ Аравитяне и потомки Али, были сначала побѣждены Эфганами, или Агванами, и потомъ истреблены знаменитымъ похитителемъ Тахмасъ-Кули-Ханомъ, смерть коего, происшедшая въ 1747 году, подвергла Иранъ всѣмъ ужасамъ анархіи.

Ѳ. Менцовъ.

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

1.

О ПОСѢЩЕНІИ

ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ Понедѣльникъ, 14 минувшаго Марта, Императорская Академія Наукъ была осчастливлена Высочайшимъ посѣщеніемъ Государя Императора. Его Императорское Величество изволилъ осматривать зданіе Университета и оттуда, въ сопровожденіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и Г. Вице-Президента Академіи, благоволилъ пройти пѣшкомъ черезъ улицу въ зданіе Музеума. Тамъ ожидали Августѣйшаго Монарха: Непремѣнный Секретарь Статскій Совѣтникъ *Фусъ* и Гг. Директоры Музеумовъ Дй-

ствительный Статскій Совѣтникъ *Френъ*, Коллежскій Совѣтникъ *Брандтъ* и Статскій Совѣтникъ *Бонгардъ*, равно какъ и Академикъ Коллежскій Совѣтникъ *фонъ Беръ*. Государь Императоръ съ замѣтнымъ удовольствіемъ изволилъ обозрѣвать залы Азіатскаго и Этнографическаго Музеумовъ, а оттуда перешелъ чрезъ Минералогическій Кабинетъ въ Зоологическій Музеумъ, который въ послѣднія шесть лѣтъ какъ бы вновь созданъ. Здѣсь Его Императорское Величество, по видимому, такъ же съ удовольствіемъ изволилъ замѣтить превосходное состояніе предметовъ, богатство и разнообразіе формъ, равно какъ и образцевое ихъ распредѣленіе. Ботаническій Музеумъ былъ равномѣрно удостоенъ Высочайшаго посѣщенія и заслужилъ своимъ устройствомъ Всемилостивѣйшее одобреніе. Изъявивъ Гг. Директорамъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ Высочайшее Свое благоволеніе, Государь Императоръ изволилъ отправиться въ старое зданіе Музеума, для обозрѣнія также вновь приведеннаго въ порядокъ Кабинета Петра Великаго. Видно было, что Его Императорское Величество съ особеннымъ удовольствіемъ изволилъ быть въ этомъ Кабинетѣ, гдѣ все напоминало Августѣйшему Монарху о Его великомъ Прародителѣ. Многочисленные памятники дѣяній Петра I, какъ Государя, Военачальника, Законодателя, находятся въ другихъ собраніяхъ; да и самая столица наша, тоже Имъ созданная, на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о Его величіи. Но здѣсь хранятся плоды Его досуговъ, произведенія Его любви къ Искусствамъ, предметы занятій, за которыми отдыхалъ Онъ отъ царственныхъ трудовъ Своихъ, — здѣсь сберегаются Его астрономическіе, математическіе и физическіе приборы, Его столярные и токарные инструменты, Его письменная конторка, Имъ самимъ сдѣланныя модели судовъ и другія вещи,

собственною Его рукою выкованныя желѣзныя полосы и т. д., и это собраніе, безъ сомнѣнія, всего приличнѣе могло быть помѣщено въ храмѣ Наукъ, котораго основаніе можетъ считаться послѣднимъ дѣйствіемъ Его благодатнаго и богатаго послѣдствіями правленія. Августѣйшій Потомокъ Петра Великаго съ величайшимъ вниманіемъ изволилъ разсматривать всѣ представляемые Ему предметы и оставилъ Академію, повторивъ изъявленіе Высочайшаго Своего удовольствія и преисполнивъ благоговѣйной признательности сердца всѣхъ, имѣвшихъ счастіе сопровождать Его Императорское Величество.

Обозрѣвъ Академію, въ третьемъ часу по полудни, Государь Императоръ удостоилъ Своего Высочайшаго посѣщенія отдѣланное вновь для помѣщенія Университета и Главнаго Педагогическаго Института зданіе, что прежде былъ домъ 12 Коллегій.

По внимательномъ осмотрѣ дома во всѣхъ частяхъ, Его Императорское Величество соизволилъ изъявить въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ Свое Высочайшее благоволеніе за удобное и сообразное съ цѣлію устройство обширнаго зданія, примѣчательнаго по своему настоящему назначенію, и еще болѣе примѣчательнаго, какъ памятникъ временъ Петра Великаго.

2.

ВЫПИСКА
изъ протоколовъ засѣданій
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Засѣданіе 12 *Генваря* 1838.

Г. Экстраординарный Академикъ Шегренъ, возвратившійся изъ путешествія своего на Кавказъ, въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи. Г. Академикъ Брандтъ читалъ Разсужденіе:

Beiträge zur Anatomie der Hocko's (Crax).

Гг. Академики: Парротъ, Купферъ и Ленцъ, занимавшіеся по приглашенію Конференціи изслѣдованіемъ вопроса, полезно ли будетъ преслѣдовать еще далѣе произведенныя Г. Шергинымъ въ Якутскѣ вырыванія и какую пользу можно извлечь для Науки отъ таковаго розысканія, представили свой рапортъ. Они полагаютъ, что какъ продолженіе вырыванія, уже доведеннаго до глубины 380 фут., было бы сопряжено съ немаловажными издержками, по причинѣ необходимости укрѣпить бока колодца бревнами, и даже могло бы подвергнуть опасности жизнь работниковъ въ случаѣ встрѣчи Артезіанскаго ключа, то всего лучше ограничиться достигнутою глубиною и заняться точнѣйшимъ изслѣдованіемъ средней годовой и мѣсячной тем-

пературы въ разныхъ слояхъ земли отъ одного до 180 футовъ глубины. Указавъ для сего особый способъ, они предлагаютъ послать Г. Шергину 30 термометровъ особаго устройства съ подробною инструкціею. По мнѣнію Г. Бера весьма важно было бы произвести при семъ случаѣ также тщательныя наблюденія, до какой глубины оттаиваетъ земля лѣтомъ въ окрестностяхъ Якутска. Конференція, одобривъ сей рапортъ вмѣстѣ съ дополненіемъ Г. Бера, препоручила своему Секретарю снестись предварительно съ Г. Шергинымъ, согласенъ ли онъ принять на себя этотъ трудъ на пользу Науки. — Г. Академикъ Френъ представилъ 10 Восточныхъ монетъ, пріобрѣтенныхъ имъ для Азіатскаго Музея и въ томъ числѣ свинцовый жетонъ древней весьма рѣдкой монеты, доставленный ему Г. Барономъ Сильвестромъ де Саси. — Г. Академикъ Брандтъ показалъ два списка Зоологическихъ предметовъ, присланныхъ ему Г. Гогенакеромъ изъ Грузіи и торговцемъ натуральными предметами Г. Брандтомъ изъ Гамбурга. — Гг. Академики Гессъ и Купферъ подали свои рапорты о приращеніяхъ въ прошедшемъ году и о нынѣшнемъ состояніи химической Лабораторіи и Минералогическаго Музея. — Непремѣнный Секретарь вручилъ Конференціи отъ имени Г. Профессора Нордмана изъ Одессы двѣ записки, подъ заглавіями:

1) Ueber eine neue Fischgattung aus der Familie der Gobioiden,

2) Ueber die Entdeckung neuer Flusskrebsarten, im Südlichen Russland;

а отъ имени Г. Бореніуса, Учителя Математики при Императорскомъ Александровскомъ Университетѣ въ Финляндіи, рукописное Разсужденіе подъ заглавіемъ:

Determinatio superficiei, omnes generis dati lineas dato sub angulo intersecantis.

Положено было трудъ Г. Нордмана помѣстить въ Bulletin scientifique, а сочиненіе Г. Бореніуса дать на разсмотрѣніе Г. Академику Коллинсу. — При трехъ сообщеніяхъ отъ Г. Шергина въ Якутскѣ и отъ Начальствъ Симферопольской и Бѣлостокской Гимназій получены дневники метеорологическихъ наблюденій за нѣсколько мѣсяцевъ протекшаго 1837 года.

Засѣданіе 19 Генваря.

Г. Академикъ Ленцъ представилъ отъ своего имени и отъ Г. Дерптскаго Профессора Якоби для ученаго журнала Академіи двѣ записки:

1) Ueber einige Versuche im Gebiete des Galvanismus, von E. Lenz.

2) Записку на Нѣмецкомъ языкѣ, Г. Якоби, относительно скорости электрическаго теченія.

Г. Академикъ Парротъ читалъ записку сына своего, Профессора въ Дерптѣ, о путешествіи, совершенномъ имъ въ 1837 году къ Сѣверному мысу (Nordcap). Опредѣлено напечатать ее въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. — Членъ-Корреспондентъ Академіи, Г. Профессоръ Нордманнъ, прислалъ изъ Одессы двѣ записки: 1) Ueber das Vorkommen das Auerochsen im Caucasus и 2) Ueber eine für die Fauna von Russland neue Tauben-species: Columba risoria L. — Положено помѣстить ихъ въ Bulletin scientifique. — Г. Адъюнктъ Броссе поднесъ отъ имени Царевича Теймураза экземпляръ Грузинской Библіи, напечатанной въ Москвѣ въ 1743 году попеченіемъ предковъ Его Свѣтлости, книгу весьма драгоцѣнную и сдѣлавшуюся чрезвычайно рѣдкою въ Европѣ. Опредѣлено изъявить благодарность Академіи за сей подарокъ. — Членъ-Корреспондентъ, Директоръ Императорскаго Ботаническаго Сада,

Г. Фишеръ письменно извѣстилъ Непремѣннаго Секретаря о посылаемомъ имъ для Академіи тюленѣ изъ Каспійскаго моря; Конференція опредѣлила поблагодарить Г. Фишера за это приношеніе, тѣмъ болѣе любопытное, что до сихъ поръ не было видано въ Петербургѣ тюленя изъ тамошнихъ водъ. — Получены метеорологическія наблюденія отъ Учителя Орловской Гимназіи Г. Азбукина, Инспектора Благороднаго Училища въ Ковнѣ Г. Петровскаго и Префекта Забяльской Гимназіи Г. Куссевича.

Засѣданіе 26 Генваря.

Г. Академикъ Коллинсъ, исправляя въ этотъ день, за болѣзнію Непремѣннаго Секретаря, его должность, увѣдомилъ Конференцію о кончинѣ Дѣйствительнаго Члена ея, Г. Ординарнаго Академика и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Келера, воспослѣдовавшей 22 числа сего мѣсяца, послѣ кратковременной болѣзни на 75 году его возраста. — Г. Академикъ Беръ читалъ:

> Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung und die gänzliche Vertilgung der von Steller beobachteten nordischen Seekuh (Rytina Ill.).

и по прочтеніи сей диссертаціи сдѣлалъ слѣдующее предложеніе. Какъ уже не подлежитъ сомнѣнію, что порода морской коровы, которую описываетъ Стеллеръ и которая во время открытія Берингова острова была довольно обыкновенна на тамошнихъ берегахъ, уже съ полвѣка совершенно истребилась, то весьма желательно, чтобы Академія употребила всѣ средства для пріобрѣтенія останковъ сего достопримѣчательнаго животнаго, которыя еще могутъ встрѣтиться коегдѣ, потому что по всей вѣроятности въ скоромъ времени даже и сіи слѣды могутъ исчезнуть. Для этого

Г. Беръ проситъ, чтобы Академія, чрезъ посредство Россійско-Американской Компаніи, предложила преміи за отысканіе подобныхъ костей, опредѣливъ примѣрно 500 руб. за первый, 300 за второй, а 200 за каждый послѣдующій остовъ морской коровы, который будетъ ей доставленъ въ нѣкоторой полнотѣ. Конференція, нашедъ сіе предложеніе одобрительнымъ, поручила своему Секретарю снестись на этотъ счетъ съ главнымъ Правленіемъ Россійско-Американской Компаніи. — Читаны два рескрипта на имя Непремѣннаго Секретаря, отъ Его Величества Короля Прусскаго и Его Высочества Наслѣднаго Принца Прусскаго въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ за полученные ими 3-й томъ Разсужденій постороннихъ Ученыхъ, 2-й томъ Bulletin scientifique и Собраніе актовъ публичнаго засѣданія 30 Декабря 1836 года. — Читано сообщеніе отъ 13 Генваря, которымъ Г. Архангельскій Военный Губернаторъ, Вице-Адмиралъ Сулима, препровождаетъ по желанію Г. Бера вѣдомость о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній въ разныхъ уѣздахъ Архангельской Губерніи. — Г. Академикъ Гессъ представилъ отъ имени Г. Норденскіольда записку, подъ заглавіемъ:

Projet d'extraire l'or du sable aurifère de l'Oural,

и указавъ вкратцѣ, въ особомъ рапортѣ, въ чемъ именно состоятъ оба способа, предлагаемые Г. Норденскіольдомъ для извлеченія золота изъ песковъ Урала, заключаетъ, что не иначе, какъ по произведеніи опытовъ въ большомъ видѣ, можно удостовѣриться въ томъ, до какой степени остроумныя идеи Автора сбыточны на самомъ дѣлѣ. — Г. Академикъ Беръ представилъ дополнительную записку о нѣкоторыхъ вопросахъ, которые еще можно предложить Г. Шергину, а именно: до какой глубины почва оттаиваетъ въ окрестностяхъ

Якутска подъ конецъ лѣта, въ странахъ лѣсистыхъ, въ мѣстахъ открытыхъ, болотныхъ, луговыхъ и песчаныхъ? Какова бываетъ температура почвы подъ исходъ Іюля въ сихъ разныхъ мѣстахъ на глубинѣ полутора фута? и замерзаютъ ли маленькія рѣчки въ окрестностяхъ Якутска до того, что въ нихъ вовсе исчезаетъ вода?

Засѣданіе 9 Февраля.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи предложеніемъ отъ 27 Генваря, препоручаетъ Конференціи разсмотрѣть донесеніе Профессора Одесскаго Университета, Г-на Нордманна о путешествіи, совершенномъ имъ въ областяхъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Исполненіе сего возложено на Гг. Брандта и Бера. Другимъ предложеніемъ отъ того же дня Г. Министръ доводитъ до свѣдѣнія Академіи, что покойный Армянскій Архимандритъ Петръ отказалъ въ своей духовной 1000 рублей на изданіе какого-либо полезнаго сочиненія на Армянскомъ языкѣ и что душеприкащики изъявили желаніе употребить сію сумму на напечатаніе какой-нибудь учебной книги на Армянскомъ языкѣ, которую можно было бы раздать безденежно ученикамъ Агабабовской Армянской Школы. На этотъ конецъ Г. Поповъ, Учитель этой Школы, составилъ краткую Армянскую Грамматику, которую Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа представилъ Г. Министру съ просьбою, чтобы Его Высокопревосходительство приказалъ изслѣдовать, заслуживаетъ ли она быть введенною въ употребленіе. Конференція избрала для сего Коммиссаромъ Г-на Броссе. — Г. Академикъ Струве представилъ Разсужденіе:

Beobachtungen des Halley'schen Cometen bei seiner Erscheinung im Jahre 1835 auf der Dorpater Sternwarte angestellt.

Онъ же прочелъ послѣднее свое донесеніе объ экспедиціи, снаряженной Академіею въ 1836 году для опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей. Въ семъ донесеніи, отдавая величайшую похвалу умѣнію, ревности и достоинству, оказаннымъ путешественниками въ этой экспедиціи, а равно и отличному успѣху, съ какимъ они въ столь короткое время достигли цѣли важнаго препорученія, на нихъ возложеннаго, онъ проситъ Академію оффиціально засвидѣтельствовать имъ свое удовольствіе и въ то же время дозволить Г-ну Фусу Младшему провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Дерптѣ, обычномъ мѣстопребываніи его сопутниковъ, для того, чтобы вмѣстѣ съ ними довершить выкладки своихъ наблюденій и приготовить къ изданію описаніе экспедиціи. По засвидѣтельствованію путешественниковъ и Механикъ Мазингъ добросовѣстно выполнилъ свои обязанности и содѣйствовалъ успѣхамъ предпріятія. Конференція согласилась съ мнѣніемъ Г-на Струве и опредѣлила напечатать рапортъ его въ Bulletin scientifique. — Тотъ же Академикъ читалъ обозрѣніе трудовъ, подъятыхъ Г-мъ Ѳедоровымъ, нынѣ занимающимъ каѳедру Астрономіи при Кіевскомъ Университетѣ, во время астрономическаго его путешествія по Сибири съ 1832 по 1837 годъ и представилъ весьма выгодное донесеніе о вышедшей недавно въ свѣтъ Селенографіи Гг. Бера и Медлера, трудѣ, служащемъ поясненіемъ карты луны, изданной тѣми же Авторами. Оба сіи донесенія положено было помѣстить въ Bulletin scientifique.—Г. Академикъ Брандтъ донесъ, что одинъ изъ его Корреспондентовъ въ Симбирскѣ прислалъ ему по его просьбѣ десять образцевъ выхухоли въ винномъ спиртѣ для анатомическихъ изслѣдованій. — Онъ же представилъ два списка зоологическихъ предметовъ, доставленныхъ ему по его желанію Г-мъ Геблеромъ изъ Барнаула и Г-мъ Дюпономъ

изъ Парижа. — Г. Академикъ Гессъ прочелъ Записку подъ заглавіемъ:

Sur la composition de la cire d'abeilles,

а Г. Академикъ Беръ четвертую статью физическаго описанія странъ, посѣщенныхъ имъ въ прошломъ году, подъ заглавіемъ:

Vie animale à Novaïa-Zemlia,

и Разсужденіе:

Ueber das Skelet der Nawaga, welches in einem grossen Theile seiner Länge hohle, Luftsäcke aufnehmende Raume enthält.

Г. Экстраординарный Академикъ Шегренъ представилъ отъ имени Г-на Іосселіана, Кандидата Богословія и Преподавателя Философіи и Физики въ Тифлисской Семинаріи, Грузинскую рукопись, заключающую въ себѣ философскія системы Платоническаго Философа Прокла Діадоха, переведенныя на Грузинскій языкъ въ половинѣ X вѣка знаменитымъ Философомъ Іоанномъ Петридзи. — Г. Адъюнктъ Броссе представилъ и прочелъ Записку, имѣющую заглавіе:

Archéographie géorgienne.

Конференція приказала напечатать ее въ Bulletin. — Отъ Г-на Шегрена въ Якутскѣ, отъ Начальствъ Екатеринославской и Свислочской Гимназій и Смотрителя Училищъ въ Волоколамскѣ получены метеорологическія наблюденія, а отъ Директора Училищъ Орловской Губерніи свѣдѣнія о землетрясеніи въ городѣ Мценскѣ и метеорологическій дневникъ за 1837 годъ. — Секретарь увѣдомилъ Академію о выбытіи одного изъ старѣйшихъ ея Почетныхъ Членовъ, Графа Сергія Петровича Румянцева, скончавшагося въ Москвѣ 24 минувшаго Генваря.

Засѣданіе 23 Февраля.

Сообщеніемъ отъ 23 Февраля Г. Вице-Президентъ извѣщаетъ Академію, что Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Цесаревичу Наслѣднику благоугодно было прислать для Зоологическаго Музея чучелы одной морской выдры и двухъ любопытныхъ разностей соболя. — Г. Академикъ Френъ читалъ Записку:

Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi,

и представилъ отъ имени Г-на Профессора Дорна Разсужденіе:

Beitrag zu der Geschichte des afghanischen Stammes der Jussufsey.

Обѣ статьи будутъ помѣщены въ журналѣ Академіи. — Онъ же предъявилъ 50 монетъ, пріобрѣтенныхъ имъ для Азіатскаго Музея. — Г. Академикъ Гессъ прочелъ три Записки:

1. Sur la détermination de l'hydrogène dans l'analyse des substances organiques.
2. Sur la composition de la Vésuvienne.
3. Sur la nature de la flamme.

Опредѣлено напечатать ихъ въ Bulletin scientifique. — Г. Академикъ Беръ читалъ Записку:

Ziwolka's Messung einiger Berge von Nowaja Zemlia, mitgetheilt von v. Baer.

Онъ же донесъ Академіи, что Кемскій промышленикъ Норкинъ, вызвавшійся въ 1835 году поставить для Музея Гренландскаго моржа или тюленя, привезъ сюда двѣ другія породы тюленя: морскаго зайца (phoca bar-

bata) и нерпу (phoca hispida), обоихъ замороженныхъ и годныхъ для анатомическихъ изслѣдованій. — Г. Экстраординарный Академикъ Шегренъ вручилъ отъ имени Г-на Стевена въ Симферополѣ нѣсколько рукописныхъ свѣдѣній относительно Исторіи, Географіи, Этнографіи и Статистики Кавказа. — Г. Адъюнктъ Броссе возвратилъ Армянскую рукопись подъ заглавіемъ: *Портикъ преподаванія*, о которой Г. Министръ желалъ знать мнѣніе Академіи. По отзыву Г-на Броссе сіе сочиненіе написано хорошо и исправно и можетъ принести пользу учащимся; но какъ сумма 1000 рублей, назначенная для его напечатанія недостаточна, то онъ совѣтуетъ опустить нѣкоторыя части онаго. — Секретарь прочелъ письмо Г-на Адмирала Грейга, въ которомъ онъ сообщаетъ ему о нѣкоторыхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и о примѣчательномъ явленіи, замѣченномъ имъ 13 Февраля въ осьмомъ часу по полудни въ юговосточномъ направленіи и имѣвшемъ довольно сходства съ Сѣвернымъ сіяніемъ. — Г. Заслуженый Профессоръ Моргенштернъ прислалъ Записку:

Noch einige Bemerkungen über Griwnen.

Поступили дневники метеорологическихъ замѣчаній изъ городовъ Гродно, Орла, Житомира, Ново-Черкасска и Волчанска. — Непремѣнный Секретарь увѣдомилъ Академію о кончинѣ Почетнаго ея Члена Г-на Сильвестра де Саси, воспослѣдовавшей въ Парижѣ 21 Февраля новаго стиля, 80 лѣтъ отъ роду.

3.

ВЫПИСКА
изъ протоколовъ засѣданій
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Засѣданіе 3 Генваря.

Г. Статсъ-Секретарь Танѣевъ, при отношеніи отъ 29 Декабря 1837 года, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія всеподданнѣйшую докладную его записку Государю Императору, удостоенную Высочайшаго утвержденія, о дозволеніи Корреспонденту Коммиссіи Профессору Александровскаго Университета Соловьеву, предпринять въ теченіе трехъ лѣтъ три археографическія поѣздки на Скандинавскій Полуостровъ, на счетъ суммъ Коммиссіи, и о пожалованіи ему, за принесенные ей въ даръ сто семьдесятъ восемь столбцевъ, пріобрѣтенныхъ въ Швеціи, подарка въ тысячу двѣсти рублей. Причемъ Г. Предсѣдатель объявилъ, что о сей Высочайшей волѣ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія сообщено Гг. Министрамъ Императорскаго Двора и Статсъ-Секретарю Великаго Княжества Финляндскаго, и объявлено Профессору Соловьеву.

Читано опредѣленіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, 30 Декабря 1837 года состоявшееся: «На основаніи 2-й и 6-й статей Высочайше утвержденныхъ 18 Февраля 1837 года Правилъ, Про-

тоіерей церкви Собственнаго Его Величества Дворца Іоанна Григоровича опредѣлить Членомъ Археографической Коммиссіи, и на первый случай, поручить ему, при содѣйствіи Коллежскаго Ассессора Онацевича, заняться приготовленіемъ къ печати всѣхъ древнихъ актовъ, относящихся до Западной Россіи.»

Читаны два отношенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 14 и 23 Декабря, объ осмотрѣ, по распоряженію мѣстныхъ Начальствъ, архивовъ Присутственныхъ Мѣстъ Кавказской Области, Земли Черноморскаго Войска и Херсонской Губерніи, въ которыхъ, по донесеніямъ означенныхъ Начальствъ, не оказалось никакихъ старинныхъ актовъ. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніи отъ 14 Декабря 1837 года, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія реестръ хранящихся въ Нижегородскомъ Губернскомъ Правленіи старинныхъ актовъ; причемъ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомляетъ, что въ Архивѣ Балахнинскаго Городоваго Магистрата находится Уставная грамота Царя Алексія Михаиловича о мытахъ и пошлинахъ, 1654 года. Положено: просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія сообщить Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что Коммиссія разсмотрѣвъ реестръ грамотъ, хранящихся въ Нижегородскомъ Губернскомъ Правленіи, находитъ, что всѣ онѣ относятся къ новѣйшему времени, т. е. началу XVIII столѣтія, и потому къ занятіямъ ея не принадлежатъ; Уставная же грамота Царя Алексія Михаиловича о мытахъ и пошлинахъ уже напечатана въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

Читано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 23

Декабря, съ препровожденіемъ отысканныхъ въ Иркутскомъ Губернскомъ архивѣ старинныхъ столбцевъ. Положено: передать для разсмотрѣнія Члену Краевскому.

Корреспондентъ Коммиссіи Ляликовъ, при донесеніи отъ 11 Декабря, представилъ копію съ отчинной грамоты Царя Михаила Θеодоровича Θедору Ляпунову. Положено: передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову.

Г. Россійскій Генеральный Консулъ въ Гамбургѣ Бахерахтъ, при письмѣ къ Г. Предсѣдателю, отъ $\frac{\text{28 Ноября}}{\text{10 Декабря}}$, прислалъ списки двухъ «инструкцій» на Нѣмецкомъ языкѣ, данныхъ въ 1603 году Ганзейскими городами Посланнику ихъ въ Москвѣ, относительно возобновленія въ Новѣгородѣ Ганзейской Конторы. Положено: объявить благодарность Г. Бахерахту за доставленіе означенныхъ инструкцій и хранить ихъ въ Коммиссіи, впредь до распоряженія о печатаніи историческихъ актовъ, относящихся къ Россіи, на иностранныхъ языкахъ.

Г. Помощникъ Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, при отношеніи отъ 30 Декабря, препроводилъ къ Г. Предсѣдателю подлинную грамоту (въ столбцѣ) Царя Петра Алексіевича, объ освобожденіи Путивльскаго Духова монастыря отъ суда и вѣдѣнія Воеводъ, 1697 года, и рисунокъ Путивльской Преображенской церкви. Положено: грамоту, какъ относящуюся къ новѣйшему времени и не заключающую въ себѣ ничего особенно примѣчательнаго, по множеству подобныхъ грамотъ, имѣющихся въ виду Коммиссіи, возвратить Г. Помощнику Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, рисунокъ же хранить при дѣлахъ впредь до полученія обѣщаннаго описанія изображенной на немъ церкви.

Засѣданіе 17 Генваря.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ при отношеніи отъ 6 Генваря, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, при описи, старинные столбцы, найденные въ архивѣ Верхотурскихъ Присутственныхъ Мѣстъ. Положено: передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову.

Читано представленіе Библіотекаря I-го Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ Бередникова въ Коммиссію, отъ 12 Генваря, съ препровожденіемъ, при реестрѣ, двадцати девяти принадлежащихъ Академіи Лѣтописей и другихъ историческихъ манускриптовъ, изъ которыхъ два содержатъ въ себѣ по два тома. Положено: увѣдомить Конференцію Академіи Наукъ о полученіи означенныхъ рукописей и хранить ихъ въ Коммиссіи, впредь до особаго распоряженія.

Чиновникъ Коммиссіи Матвѣевъ, при донесеніи отъ 17 Декабря, доставилъ списанные имъ (съ столбцевъ) въ Астраханскомъ Губернскомъ архивѣ, пятьдесятъ четыре акта на Русскомъ, семь на Татарскомъ и одинъ на Персидскомъ языкахъ съ переводами ихъ на Русскій. Положено: передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову.

Читано донесеніе Соревнователя Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Тихомирова въ Коммиссію, отъ 22 Декабря, съ препровожденіемъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе о генеалогіи Князей Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ»: причемъ Тихомировъ изъясняетъ, что онъ намѣренъ осмотрѣть Архивъ Рязанской Духовной Консисторіи и доставить въ Коммиссію реестры и списки хранящихся тамъ рукописей. Положено: увѣдомить Г. Тихомирова, что

Коммиссія приметъ съ благодарностію обѣщанныя имъ реестры рукописей, хранящихся въ Рязанской Духовной Консисторіи. Что же касается до снятія съ нихъ списковъ, то Коммиссія находитъ излишнимъ обременять этимъ Г. Тихомирова, такъ какъ она сама можетъ распорядиться къ истребованію изъ означенной Консисторіи тѣхъ изъ подлинныхъ рукописей, которыя, судя по заглавіямъ реестровъ, окажутся особенно примѣчательными.

Главный Редакторъ и Членъ Коммиссіи Бередниковъ читалъ слѣдующія два донесенія.

Первое: «Изъ доставленныхъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, хранившихся въ Верхотурскомъ Уѣздномъ Архивѣ Царскихъ грамотъ (въ столбцахъ). Верхотурскимъ Воеводамъ, слѣдующія заслуживаютъ быть напечатанными:

1) Воеводѣ Князю Ивану Вяземскому, объ отводѣ во владѣніе Верхотурскимъ торговымъ людямъ Ильѣ Терентьеву и Василью Лошкину земляныхъ угодьевъ по рѣкѣ Косвѣ, 1599 Ноябр. 29.

2) Ему же, о дозволеніи Верхотурскимъ торговымъ людямъ Ильѣ Терентьеву и Василью Лошкину жить въ Верхотурьѣ, не вывозя до водворенія тамъ, женъ и дѣтей своихъ изъ Россіи, 1599 Дек. 5.

3) Воеводѣ Неудачѣ Плещееву, о неупотребленіи ярыжныхъ, находящихся въ наймахъ у служивыхъ людей, пашенныхъ крестьянъ и ямскихъ охотниковъ, на казенныя подѣлки, и проч. 1605 Февр. 17.

4) Воеводѣ Өедору Бояшеву, о бытіи при немъ въ товарищахъ подьячему съ приписью Второму Шестакову, 1631 Ноябр. 7.

5) Ему же, о посылкѣ изъ Верхотурскаго уѣзда ста человѣкъ пашенныхъ крестьянъ на житье въ Томскій уѣздъ, и о принятіи мѣръ противъ побѣговъ крестьянъ изъ Сибири въ Русскіе города, 1632 Окт. 31.

6) Воеводѣ Максиму Стрѣшневу, о пріискѣ мѣдной руды въ Верхотурскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Тягилѣ, 1645 Дек. 4.

7) Ему же, о возобновленіи постройкою въ Верхотурьѣ Покровскаго дѣвичьяго монастыря, 1646 Февр. 14.

8) Ему же, о невѣданіи Сибирскимъ Воеводамъ въ проѣздахъ и пошлинахъ торговыхъ и промышленыхъ людей, мимо таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ, и о печатаніи указною печатью мягкой рухляди, собираемой въ казну съ Сибирскихъ инородцевъ (безъ конца), 1646.

9) Воеводѣ Льву Измайлову, о наказаніи кнутомъ Невьянскаго прикащика Ларіона Одинцева, за недачу подводъ Царскимъ сокольникамъ и помытчикамъ, отправленнымъ въ Сибирь за соколами, 1653 Март. 20.

10) Ему же, о продажѣ на Верхотурьѣ Сибирскаго ревеня, собраннаго для отсылки въ Москву, 1653 Августа 12.

11) Воеводѣ Ивану Комынину, о поверстаніи по Верхотурью въ Дѣти Боярскіе подьячаго Ѳедора Каменскаго, 1659 Іюн. 14.

12) Воеводѣ Ѳедору Хрущеву, о неверстаніи въ окладъ иноземцевъ, 1673 Мая 23.

13) Воеводѣ Родіону Павлову, о наблюденіи, чтобы Русскіе торговые люди съ мягкими товарами, мимо Верхотурскую заставу, чрезъ Катайскій острогъ, не проѣзжали, 1680 Сент. 18.

14) Ему же, о привозѣ изъ Сибири въ Москву копытчатаго ревеня, 1680 Окт. 4.

15) Ему же, объ осмотрѣ у проѣзжихъ людей мягкой рухляди и другихъ запрещенныхъ товаровъ, 1681 Февр. 16.

16) Воеводѣ Иларіону Лопухину, о покупкѣ у Китайскихъ пословъ шелка и всякихъ узорочныхъ товаровъ, 1681 Іюн. 27.

17) Воеводѣ Дмитрію Протасьеву съ товарищи, о пріискахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ магнита и желѣзной руды, 1697 Іюн. 15.

18) Ему же, о ссыльныхъ бѣглыхъ людяхъ, 1697 Ноябр. 6.

19) Ему же, о притѣсненіяхъ Сибирскихъ городовыхъ и уѣздныхъ людей митрополичьими десятинниками, 1698».

Второе: «Изъ доставленныхъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, найденныхъ въ Тульскомъ Губернскомъ и Коширскомъ Городническомъ Правленіяхъ грамотъ, слѣдующія могутъ быть напечатаны:

1) Царская грамота Коширскому Воеводѣ Князю Петру Волконскому, о сборѣ стрѣлецкаго хлѣба, 1624 Окт. 18.

2) Ему же, о сборѣ ямскихъ денегъ, 1624 Окт.

3) Воеводѣ Михаилу Павлову, о мѣрахъ предосторожности противъ нашествія Крымскихъ Татаръ, 1651 Март. 5.

4) Ему же, о высылкѣ на службу Коширскихъ помѣщиковъ въ новый Польскій городъ Яблоновъ, 1651 Март. 26.

5) Воеводѣ Максиму Бесѣдного, о высылкѣ на службу Коширскихъ отчинниковъ и помѣщиковъ, по случаю нашествія на Украйну Крымскихъ Татаръ, предводимыхъ измѣнникомъ Иваномъ Выговскимъ, 1659 Іюл. 11.

6) Воеводѣ Князю Якову Шаховскому, о высылкѣ на службу нѣтчиковъ, 1664 Сент.

7) Воеводѣ Ивану Офросимову, о пересушкѣ пороха и изготовленіи подъ пушки лафетовъ, 1672 Сент. 2.

8) Ему же, о сборѣ стрѣлецкаго хлѣба, 1673 Авг. 27.

9) Дѣдиловскому Воеводѣ Ильѣ Макашеву, о высылкѣ на службу отчинниковъ и помѣщиковъ въ Бѣлгородъ, по случаю нашествія Крымскихъ Татаръ, 1692 Іюн. 17.»

Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Бередникова, означенныя грамоты напечатать въ приготовляемыхъ Коммиссіею изданіяхъ.

Главный Редакторъ и Членъ Коммиссіи Бередниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Присланную Г. Корреспондентомъ Коммиссіи Ляликовымъ (въ спискѣ) отчинную грамоту Ѳедору Ляпунову, объ обращеніи изъ помѣстья его въ отчину въ Мещерскомъ уѣздѣ ста четвертей земли, 1629 Марта 20, я нахожу излишнимъ печатать, потому что нѣсколько подобныхъ грамотъ помѣщено въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» (Т. II. № 159, Т. III. № 172 и проч.).

Правитель дѣлъ Коркуновъ читалъ слѣдующее донесеніе Г. Предсѣдателю: «Въ засѣданіи Коммиссіи 15 Ноября, по выслушаніи донесенія моего объ «оглавленіи» хранящейся въ Королевской Парижской Библіотекѣ Русской Лѣтописи, положено возобновить о семъ разсужденіе въ то время, когда доставится изъ Академической Библіотеки подлинная Воскресенская Лѣтопись. Нынѣ, по полученіи ея въ Коммиссію, долгомъ считаю донести Вашему Сіятельству, что, какъ Академическій списокъ, такъ и печатное изданіе его 1793 — 1794 г., оканчивается тридцать первою главою, слѣдовательно недостаетъ остальныхъ тридцати девяти главъ (отъ тридцать второй до семидесятой), показанныхъ въ оглавленіяхъ Академическаго и Парижскаго списковъ. Издатели Академическаго списка, какъ видно, напечатали одну первую половину Воскресенской Лѣтописи; вторая же по всей вѣроятности, сохранилась въ Парижѣ. Однакожъ одна рукопись, поступившая въ Археографическую Коммиссію изъ Синодальной Библіотеки (по моему Каталогу № 147), начинается именно тѣми четырьмя статьями 31 главы, которыхъ недостаетъ въ Академическомъ спискѣ: а) о взятіи

Орѣшка; b) Посланіе Новогородскаго Архіепископа Василія къ Владыцѣ Тверскому Ѳеодору; c) рукописаніе Магнуша Короля Свейскаго, и d) о преставленіи Великаго Князя Семена Ивановича. За тѣмъ въ Синодальной рукописи идутъ главы отъ тридцать второй до семидесятой включительно и содержатъ въ себѣ тѣ самыя статьи, которыя показаны въ оглавленіяхъ Воскресенскаго и Парижскаго списковъ; начало же 32-й главы совершенно сходно съ выпискою Парижскаго Лѣтописца, доставленною въ Коммиссію Г. Корреспондентомъ С. Строевымъ.» Положено принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе 31 Генваря.

Читана удостоенная Высочайшаго утвержденія 20 Генваря 1838 года всеподданнѣйшая докладная записка Министра Народнаго Просвѣщенія, объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Коммиссіи.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при двухъ отношеніяхъ отъ 14 и 27 Генваря, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія старинные столбцы и бумаги, хранившіеся въ Бѣжецкомъ Магистратѣ и Новоторжской Градской Думѣ, и четыре жалованныя грамоты Польскихъ Королей, отысканныя въ Оршинскомъ Магистратѣ, съ изъясненіемъ, что въ архивѣ Бѣжецкаго Уѣзднаго Суда число столбцевъ простирается до тысячи трехъ сотъ семидесяти девяти. Положено: столбцы Бѣжецкаго Магистрата и Новоторжской Градской Думы передать для разсмотрѣнія Члену Бередникову, а грамоты Оршинскаго Магистрата Члену О. Протоіерею Іоанну Григоровичу; что же касается до столбцевъ, хранящихся въ архивѣ Бѣжецкаго Уѣзднаго Суда, то просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, не угодно ли будетъ Его Высокопревосходительству поручить осмотръ ихъ Штатному Смотри-

щелю Бѣжецкаго Уѣзднаго Училища, Чиновнику 9 класса Довягину, и о допущеніи его въ означенный архивъ войти въ сношеніе съ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Читано донесеніе Г. Статскаго Совѣтника Стурдзы въ Коммиссію, отъ 12 Генваря, о томъ, что принадлежащая ему рукопись, подъ заглавіемъ: «Современныя сказанія о Петрѣ Великомъ и о Князѣ Димитріи Кантемирѣ Великаго Ворника Іоны Никульче», по желанію Коммиссіи, передана имъ, на время, Хотинскому Почетному Смотрителю Училищъ Хиждеу. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Корреспондентъ Коммиссіи Коллежскій Ассессоръ Строевъ, при письмѣ къ Г. Предсѣдателю отъ 7 Генваря, доставилъ въ особомъ переплетѣ восемдесятъ девять грамотъ и другихъ актовъ, списанныхъ имъ въ Московскихъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Государственномъ Старыхъ Дѣлъ архивахъ; кромѣ многихъ примѣчательныхъ актовъ, въ семъ собраніи находится весьма любопытное дѣло о ссылкѣ Романовыхъ 1601 и 1602 г. и правая грамота, дополняющая біографію извѣстнаго Троицкаго келаря Авраамія Палицына. Положено: означенныя грамоты имѣть въ виду, для напечатанія ихъ въ свое время въ приготовляемыхъ Коммиссіею изданіяхъ.

Корреспондентъ Коммиссіи Коллежскій Секретарь Невѣровъ, въ письмѣ къ Г. Предсѣдателю отъ 23 Генваря изъ Берлина, изъявляетъ готовность, въ случаѣ возвращенія его въ Россію прежде Корреспондента С. Строева, осмотрѣть Любекскій Архивъ. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Членъ Бередниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: «По случаю собранія изъ разныхъ Библіотекъ Лѣтописей и другихъ историческихъ манускриптовъ, честь имѣю представить Коммиссіи: не угодно ли будетъ

поручить кому-либо изъ Гг. Членовъ или Чиновниковъ составить имъ Библіологическій Каталогъ, въ которомъ должны быть означены: a) заглавія рукописей; b) перечни статей, въ нихъ содержащихся; c) почерки (уставный, полууставный, переходящій въ скоропись и скорописный); d) рисунки и приписки; e) отмѣтки объ особыхъ признакахъ, если рукописи ихъ имѣютъ; f) форматъ и число листовъ; g) писчій матеріалъ и h) время написанія? Предлагаемый мною къ составленію Каталогъ будетъ служить дополненіемъ къ извѣстнымъ *Описаніямъ Славяно-Русскихъ рукописей Графа Толстаго* (нынѣ Императорской Публичной Библіотеки) и *Румянцевскаго Музеума*, приготовляемому къ изданію Г. Востоковымъ. Разсѣянные доселѣ въ разныхъ книгохранилищахъ Русскія Лѣтописи и другіе рѣдкіе манускрипты, нынѣ почти всѣ сосредоточились въ Коммиссіи. Не должно ли этимъ воспользоваться для составленія подобнаго Каталога, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ сихъ рукописей не были еще никѣмъ описаны и даже вовсе неизвѣстны Библіографамъ?» Положено: составленіе Библіологическаго Каталога рукописей, находящихся въ вѣдѣніи Коммиссіи, возложить на Правителя дѣлъ Коркунова.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

объ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ и УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

1.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА

ПРОФЕССОРА ЯКОБИ ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ,

отъ 9 Генваря (н. с.) 1838, на имя Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

Г. Профессоръ Якоби доноситъ Его Высокопревосходительству объ успѣхахъ Воспитанниковъ Педагогическаго Института: Соколова, Тихомандрицкаго и Спасскаго.

Спасскій преимущественно и съ большимъ стараніемъ занимался Физикою. Около Святой недѣли минувшаго года, онъ, по совѣту Профессора Неймана, отправился на полгода въ Берлинъ, чтобы ознакомиться съ тамошними вспомогательными средствами, богатыми во многихъ отношеніяхъ. Въ Берлинѣ онъ посѣщалъ лекціи: Опытной Физики у Профессора Дове, Геогнозіи у отличнаго Минералога Розе, Экспериментальной части Теоріи Свѣта у извѣстнаго Ученаго Зебека, руководства для наблюденій физиче-

скихъ и астрономическихъ у Сибирскаго путешественника Эрманна. Наконецъ Профессоръ Якоби совѣтовалъ ему обратить особое вниманіе на технологическія лекціи знаменитаго Химика Магнуса, для примѣненія ихъ къ нынѣшнимъ потребностямъ Россіи. Спасскій прерванъ былъ въ своей дѣятельности трудкою болѣзнію, понудившею его, по совѣту Медиковъ, отправиться въ Эгеръ. По излеченіи своемъ онъ съ пользою посетилъ Вѣну, и послѣ краткаго пребыванія въ этой столицѣ, возвратился къ зимѣ въ Кенигсбергъ. Нынѣ онъ слушаетъ лекціи у Профессоровъ Нейманна и Беселя, преимущественно о Математической Теоріи Свѣта, о Геодезіи и о градусныхъ измѣреніяхъ. Домашнія занятія его состоятъ въ редакціи сихъ лекцій. Здоровье его совершенно поправилось.

Гг. Тихомандритскій и Соколовъ въ прошедшую зиму слушали до конца весьма трудныя лекціи Профессора Якоби о теоріи чиселъ; въ этой глубокомысленной отрасли Математики особенно отличался Тихомандритскій; Соколовъ болѣе клонится къ высшимъ частямъ интегральныхъ исчисленій и аналитической Механикѣ. Впрочемъ оба въ изученіи всѣхъ отраслей Математики оказываютъ большую ревность и старательность. Лѣтомъ они путешествовали по Германіи, знакомясь вездѣ со всѣми учебными вспомогательными средствами и новыми методами ученія. Время, потерянное ими въ дорогѣ, достаточно вознаграждено ихъ прилежаніемъ и удвоенною старательностію. Въ эту зиму они преимущественно слушаютъ Геодезію у Г. Бесселя, Теорію Свѣта у Г. Нейманна, и варіаціонныя исчисленія и аналитическую Механику у Профессора Якоби. Частныя занятія ихъ состоятъ въ редакціи сихъ лекцій и чтеніи классическихъ твореній о Механикѣ и Математикѣ.

2.

ЗАПИСКА

О ПУТЕШЕСТВІИ КАНДИДАТА ДРАШУСОВА.

(Изъ втораго донесенія его въ Совѣтъ Московскаго Университета и изъ писемъ къ Пр. Перевощикову).

Для отдохновенія отъ занятій, Г. Драшусовъ сдѣлалъ небольшое путешествіе на пароходѣ въ Офенъ и Пестъ; но изъ этого путешествія старался онъ извлечь возможную пользу, посѣтивъ въ Офенѣ Обсерваторію, которая построена на горѣ Блоксбергѣ, возвышающейся до 600 футовъ надъ уровнемъ Дуная, омывающаго ея основаніе. Обсерваторія, небольшое каменное зданіе, стоитъ уединенно отъ всякаго жилища, на самой вершинѣ горы; изъ нея открывается очаровательный видъ на оба города и обширнѣйшій горизонтъ. Въ главной залѣ, менѣе залы Московской Обсерваторіи, находятся: полуденная семифутовая труба, полуденный кругъ, дающій по ноніусу 2″, геліометръ Утцшнейдера, кометоискатель и прекрасный осьмифутовый рефракторъ Фраунгофера съ часами для параллактическаго движенія; но при немъ нѣтъ микрометра, и кровля надъ нимъ неподвижна: слѣдовательно этотъ снарядъ остается безъ употребленія. Подлѣ залы, въ двухъ башенкахъ съ подвижными кровлями, помѣщены экваторіалъ и повторительный кругъ незабвеннаго *Рейхенбаха*. Обсерваторіею управляетъ

Астрономъ *Мейеръ*, состоящій въ одномъ изъ монашескихъ Орденовъ; наблюденія его печатаются въ *Лѣтописяхъ Вѣнской Обсерваторіи*.

Отъ занятій Г. Драшусова Физикою должно ожидать также самаго удовлетворительнаго результата; изъ его отчета и писемъ видно, что онъ совершенно воспользовался превосходными лекціями Г. *Эттингсгаузена*, обративъ надлежащее вниманіе на труднѣйшіе физическіе предметы, каковы суть: свѣтъ и электромагнитизмъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ сообщилъ подробное описаніе и прекрасный рисунокъ *вращательнаго снаряда*, изобрѣтеннаго *Эттингсгаузеномъ*, и о которомъ было упоминаемо въ *первой запискѣ*. Въ последнее время Г. Эттингсгаузенъ сдѣлалъ въ своемъ снарядѣ значительныя улучшенія и теперь онъ можетъ производить всѣ явленія, для которыхъ потребно большое количество электричества; и именно: движеніе маятника *Деви*, обращеніе колеса *Барлова*, вращеніе магнита *Фарадея*, химическія разложенія и проч. Изъ этого видно, что пріобрѣтеніе этого снаряда для Московскаго Университета можетъ считаться необходимостію; цѣна его не выше 300 рублей ассигнаціями, и получить его можно отъ Вѣнскаго Художника, котораго адресъ: Johann Ekling, in der Stadt N° 809.

Сообщая свѣдѣнія объ ученой Литературѣ въ Вѣнѣ, Г. Драшусовъ упоминаетъ о новыхъ сочиненіяхъ Г. Литрова, который, занимаясь по обязанности, изданіемъ *Лѣтописей Обсерваторіи и Календаря*, находитъ еще время для составленія полезныхъ учебныхъ книгъ. Такъ въ 1833 году онъ издалъ *изложеніе способовъ составлять географическія, морскія и небесныя карты*; здѣсь помѣщены изслѣдованія Лагранжа и новѣйшія Гауса, разсѣянныя по отдѣльнымъ запискамъ; въ 1836 году *Курсъ Высшей Математики*, читанный имъ въ Вѣнскомъ Университетѣ; въ концѣ прошлаго года—*Введеніе*

въ Математику: это есть компендій въ 380 страничекъ in-32, содержащій въ себѣ Ариѳметику, Алгебру, Геометрію, обѣ Тригонометріи, Аналитику и приложеніе Вычисленія Безконечно-малыхъ. Кромѣ этого, Г. Литровъ давно уже собираетъ матеріалы для Исторіи Математики, которые онъ хочетъ обратить въ Математическій Словарь; для этого весьма полезнаго и почти необходимаго труда приготовлено уже множество статей и біографіи почти всѣхъ Геометровъ.

Исполняя въ точности инструкцію, данную Начальствомъ, Г. Драшусовъ оставилъ Вѣну въ концѣ прошедшаго Октября мѣсяца, заслуживъ своими дарованіями и прилежаніемъ лестное вниманіе почтеннаго и ученаго *Литрова*. Изъ Вѣны отправился Г. Драшусовъ въ Минхенъ, гдѣ встрѣтилъ благосклонный пріемъ отъ двухъ извѣстныхъ Ученыхъ, Академика *Штейнгеля* и Астронома *Лемона*, изъ которыхъ первый завѣдываетъ Физическимъ Кабинетомъ Минхенской Академіи, а второй Обсерваторіею. Оба они пригласили Г. Драшусова участвовать въ своихъ трудахъ, и подъ руководствомъ Г. *Штейнгеля*, онъ занимался уже магнитными наблюденіями по плану Гаусса; также упражнялся въ составленіи небесныхъ картъ посредствомъ *Астрографа*, изобрѣтеннаго въ новѣйшее время Г. Штейнгелемъ: помощію этого снаряда, еще неизвѣстнаго въ Россіи, можно срисовывать положеніе звѣздъ до 9-й и 10-й величины такъ же удобно, какъ снимаются виды чрезъ камеру-люциду. Тотъ же остроумный Ученый устроилъ магнитно-электрическій телеграфъ, въ которомъ главныя части суть: двѣ стрѣлки мультипликатора, которыя одними концами ударяютъ по двумъ колокольчикамъ различнаго тона, другими же пишутъ по бумагѣ, приводимой въ движеніе часовою машиною. — Астрономъ *Лемонъ* имѣетъ на управляемой имъ Обсерваторіи 16-футовый рефракторъ Фра-

уенгофера, которымъ Г. Драшусовъ будетъ пользоваться во все свое пребываніе въ Минхенѣ. Здѣсь также открыты для него обширныя и знаменитыя мастерскія Утцшнейдера и Эртеля. Въ послѣдней изъ нихъ онъ видѣлъ *универсальный снарядъ*, приготовляемый съ особеннымъ стараніемъ для Московской Обсерваторіи: онъ состоитъ изъ двухъ круговъ, горизонтальнаго въ 14 дюймовъ и вертикальнаго въ 10 дюймовъ въ діаметрахъ, и дающихъ по ноніусу 4″; сверхъ того два другіе круга въ 6 дюймовъ въ діаметрѣ, раздѣленные отъ минуты до минуты, будутъ служить для легчайшаго установленія снаряда. Главная труба имѣетъ предметное стекло въ 21 линію и 18 дюймовъ въ фокусномъ разстояніи; ось зрѣнія, какъ и въ другихъ снарядахъ того же рода, преломляется посредствомъ зеркала. Снарядъ будетъ готовъ нынѣшнею зимою и по первой навигаціи доставится въ Москву.

V.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ НОВУЮ ЗЕМЛЮ И ЛАПЛАНДІЮ.

Физическій очеркъ посѣщенныхъ странъ.

(Изъ донесенія, читаннаго Г. Академикомъ Беромъ, въ засѣданіе Академіи Наукъ 3 Ноября 1837 года).

I. *Берега Бѣлаго моря и Лапландіи.*

Какъ почти все то, что собрано въ эту экспедицію, еще находится въ Архангельскѣ, то я могу теперь представить Академіи только общій физическій очеркъ посѣщеннаго края. Особенная физіогномія Новой Земли всего яснѣе окажется изъ сличенія ея съ прочими странами.

Изъ втораго моего донесенія о общемъ ходѣ экспедиціи, извѣстно Академіи, что мы еще при самомъ устьѣ Двины были удержаны нѣсколько дней противными вѣтрами. Мы воспользовались этимъ временемъ

для экскурсій по берегу и собрали Pisum maritimum, Elymus arenarius, Triglochin maritimum и тому подобныя береговыя растенія на островѣ Мудьюкъ, который, какъ и всѣ многочисленныя острова въ устьѣ Двины, происшедши отъ намывной земли, подлежитъ безпрерывному видоизмѣненію. Подверженные Сѣвернымъ вѣтрамъ, острова сіи лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега производятъ деревья. Совсѣмъ инаго рода прозябаемость на высокихъ берегахъ матерой земли къ Востоку, гдѣ мы на защищаемыхъ къ Сѣверу, обращенныхъ на Югозападъ междугорныхъ покатостяхъ, встрѣтили необыкновенно роскошную и высокую по тамошней Широтѣ растительность. Aconitum septentrionale уже достигъ роста человѣческаго, хотя мы находились въ самой срединѣ весны, ибо такъ называемая у насъ черемуха (Prunus radus) стояла въ полномъ цвѣтѣ. Но и разныя другія растенія, малорослыя у насъ и въ болѣе теплыхъ странахъ Европы, какъ то Orobus vernus, Lathyrus pratensis и тому подобныя, выросли въ этой глуши до полтретья футa. Leontodon ceratophorum, Hedysarum neglectum Ledeb., Clematis sibirica (*) напомнили намъ Сѣверовосточную флору, которую обыкновенно называютъ Сибирскою только потому, что растительный міръ Сибири сдѣлался прежде извѣстнымъ, нежели прозябаемость Сѣверовосточной части Европейской Россіи. — Здѣсь-то мы въ первый разъ были обезпокоены мукою Сѣвера — комарами, нестерпимыми не только по ихъ несмѣтному множеству, но и по невѣроятной навязчивости, съ какою они, безпрестанно высовывая впередъ свой хоботокъ, отыскиваютъ обнаженныя части тѣла. Вода не доставила намъ почти никакой добычи, потому что

(*) Если не почесть сіи два послѣднія растенія за одни только разности Hedysarum obscurum и Clematis alpina.

она отъ большаго прилива Двины такъ прѣсна, что въ ней водятся перловицы (Unio), морскихъ же животныхъ и травъ вовсе недостаетъ.

Подобную растительность встрѣтили мы и на Зимнихъ горахъ, по Восточному берегу Бѣлаго моря подъ 65° 20′ Сѣв. Широты, гдѣ должны были пробыть болѣе недѣли. Направленныя къ Югозападу пологости сихъ горъ, богато усѣянныя деревьями и кустарниками, красовались роскошно распущенными пеоніями (Paeonia intermedia, Meyer) (*), вышиною болѣе четырехъ футовъ, аконитами (aconitum), коихъ листья имѣли иногда свыше 18 дюймовъ въ поперечникѣ, а между ими нестрѣлись Rosa spinosissima, Hedysarum neglectum, и синяя брань (Polemonium caeruleum), припоминая намъ сады наши, въ которыхъ разводятъ для красы тѣ же самыя или сходныя съ ними породы. А въ довершеніе нашей разлуки съ климатомъ болѣе благословеннымъ, мы еще нашли здѣсь Parnassius Mnemosyne. Но это подобіе Южной растительной природы являли одни только покатости; лѣсистыя вершины, хотя и возвышавшіяся отъ 150 до 200 фут. надъ зеркаломъ моря, уже достаточно показывали сѣверную физіогномію въ болотной почвѣ лѣса, гдѣ густымъ слоемъ роскошествуетъ Sphagnum, переплетенный морошкою (Rubus chamaemorus), Linnaea borealis и Cornus svecica, а въ мѣстахъ менѣе мшистыхъ, гдѣ стеклась вода, еще стоялъ въ полномъ цвѣтѣ курослѣпъ болотный (Caltha palustris), который въ С. Петербургѣ цвѣлъ шестью недѣлями раньше. — Море и здѣсь было еще очень скудно, не представляя почти ничего живаго, кромѣ мел-

(*) Я называю ихъ такъ потому, что плоды имѣютъ пушистую оболочку; впрочемъ растеніе сіе совершенно сходствуетъ съ Paeonia anomala. Мы узнали, что эта Paeonia очень обыкновенна и на Западномъ берегу Бѣлаго моря: Озерецковскій встрѣчалъ ее на Восточномъ еще подъ 66° 40′.

кихъ гаммаръ (Gammarus), съѣдной ракушки (Mytilus edulis) и маленькой кубарки (Turbo). Также изъ небольшой рѣчки мы не поймали ничего, кромѣ самыхъ молодыхъ лососей. Изъ морскихъ травъ попадались лишь мелкія породы, какъ-то: Fucus vesiculosus (вѣроятно отличный отъ Балтійскаго), serratus и Ceranoides, да и тѣ только порознь на маленькихъ насыпяхъ. Изъ породъ болѣе крупныхъ и разнообразныхъ, каковыя найдены нами въ Солсѣ на Южномъ берегу Бѣлаго моря, здѣсь давно уже ничего не было прикинуто водою, и малость, которую мы нашли, была совершенно искажена, вѣроятно отъ того, что мысъ, образуемый зимними горами, удерживаетъ примоины съ Сѣвера, а все, открываемое отъ Западныхъ острововъ, теченіемъ отлива увлекается преимущественно къ Сѣверовостоку.

Мы должны были оставаться довольно долгое время у зимнихъ горъ, чтобы впечатлѣть въ себя живую картину сей страны. Но тѣмъ сильнѣе были мы поражены, когда наконецъ послѣ краткаго переѣзда, приставъ къ Южному берегу Лапландіи близъ Пялицы (подъ 66° 10′ широты), увидѣли себя какъ бы нѣкоторымъ очарованіемъ перенесенными въ другой міръ. Выброшенныя въ большомъ количествѣ морскія травы, между которыми находилось много черепковъ далеко распространенныхъ на Сѣверѣ формъ трубороrа (Buccinum), багрянки (Murex), киприны (Cyprina), циклады (Cyclas) вмѣстѣ съ черепками крупнаго морскаго рака, встрѣтили насъ при самомъ выходѣ на берегъ, — но оказались данью отдаленной страны, ибо кромѣ одной только морской звѣзды мы нашли очень мало живыхъ, которыя заслуживали бы вниманіе. Отъ берега возвышалась отъ 80 до 120 футовъ зеленая, къ Югу обращенная отлогость, гдѣ еще въ первые дни Іюля въ каждой впадинѣ видны были остатки снѣга, вмѣ-

сто лѣса росли только кусты ивы и попалось намъ много новыхъ растеній: двѣ породы Phac (узляка), три Pedicularis (мытниковыхъ), Viola biflora, Bartsia alpina, одна Gentiana (горчанка), чуждые до того посѣщеннымъ берегамъ Бѣлаго моря; а если и встрѣчались нѣкоторыя изъ прежнихъ растеній, то гораздо въ меньшемъ видѣ. Но не прежде, какъ когда мы взобрались на самую вершину отлогости, вполнѣ явился нашимъ взорамъ новый міръ. Цѣлое море лишаевъ, хотя и малочисленныхъ въ отношеніи къ породамъ, но несмѣтныхъ по числу недѣлимыхъ, распростерлось передъ нами, необъятное взору, и какъ бы угрожало вскорѣ вытѣснить мѣстами показывавшіяся растенія высшаго образованія. Даже можжевельникъ, который почитается у насъ знакомъ тощей почвы, имѣлъ здѣсь болѣзненный изъ-желта зеленый видъ. Нѣсколько разбросанныхъ зеленыхъ кустовъ оказались, по ближайшемъ осмотрѣ, уродливыми березами, коихъ ширина иногда втрое превышала вышину.

Для подобныхъ поросшихъ лишаемъ пустынь на языкахъ Южныхъ народовъ нѣтъ особаго названія. Финскія племена означаютъ ихъ словомъ «тунтуръ» или «тундра». Но тундрами, какъ извѣстно, называютъ не одни только мѣста, покрытыя лишаемъ, но и вообще безлѣсныя равнины, поросшія въ здѣшнемъ краѣ не травою, а тайнобрачными растеніями, или лишаемъ или мхами, а преимущественно sphagnum (турфяникъ) и polytrichum. Такимъ образомъ можно различать сухія и мокрыя тундры. Но сухая тундра отъ времени до времени пересѣкается на подобіе жилъ полосами мокрой тундры, ибо вездѣ, гдѣ отъ стока снѣжной воды почва напитана влагою, зыбкая топь, въ которой часто увязаешь по колѣно, и гдѣ почти ничего не произрастаетъ, кромѣ малаго количества осоки и морошки (Rubus chamaemorus), смѣняется сухою почвою лишаевъ. И такъ

Лапландію можно по справедливости назвать страною лишаевъ и мховъ. Тамъ, гдѣ почва высыхаетъ въ продолженіе лѣта, родятся лишаи, а гдѣ она остается влажною, мхи, и на оборотъ слой лишаевъ какъ будто еще болѣе обезвлаживаетъ почву, образуя родъ сухаго турфа, а слой мховъ какъ бы служитъ къ тому, чтобы долѣе сохранить въ ней влагу. Лишаистая почва, по словамъ Валенберга, лѣтомъ до того разгорячается, что почти не льзя ходить по ней. Мнѣ явно казалось, будто лишаи и мхи состоятъ здѣсь въ безпрерывной, побѣдоносной борьбѣ съ прочею растительностію, подобно двумъ народамъ, которые поселились въ одной и той же странѣ, но изъ которыхъ одинъ имѣетъ болѣе средствъ къ своему существованію, между тѣмъ какъ другой скудно влачитъ жизнь свою и приближается къ своему истребленію. Но я еще болѣе убѣдился въ этомъ по ближайшемъ осмотрѣ лѣса, который по видимому ограничивалъ поле зрѣнія. Онъ вблизи не только оказался состоящимъ изъ немногихъ деревьевъ, довольно рѣдко разбросанныхъ на изсохшей почвѣ, на которой уже начинали разростаться лишаи, но передніе ряды его уже давно вымерли, и бѣлые, причудливо изогнутые сучковатые стволы ихъ являлись подобно муміямъ давняго времени. За тѣмъ слѣдовали деревья, менѣе сутуловатыя и отчасти еще зеленѣвшія, пока дерево не приняло мало по малу естественную свою прямизну и на почвѣ стала рѣдѣться трава, кое гдѣ испещренная лютикомъ (Ranunculus) и купальницею (Trollius). По минованіи этого сѣтующаго лѣсочка я увидѣлъ почву, уступообразно возвышающуюся, но эта терраса была подернута густымъ слоемъ зыбкаго мха, ибо еще съ большаго возвышенія снѣжная вода стекала почти по всей ширинѣ террасы, которая только по бокамъ была не много возвышеннѣе и покрыта группами болѣе здоровыхъ деревъ, нежели

прежде встрѣчавшіяся. Такимъ образомъ слѣдовали еще нѣсколько террасъ одна за другою. Я все полагалъ, что взошедъ на ближній уступъ, встрѣчу сухую луговую почву, а вмѣсто того все находилъ только новыя мшистыя равнины, поросшія морошкою (Rubus chamaemorus) и голубицею (Vaccinium uliginosum); немного возвышавшіяся надъ прочею плоскостію мѣста были усажены лѣсочками, въ которыхъ деревья исподоволь становились болѣе рослыми и крѣпкими.

Присовокупивъ къ этому образующійся вблизи небольшихъ рѣчекъ или другихъ водянистыхъ мѣстъ густой, часто непроницаемый ивнякъ, мы получимъ общую картину всего прибрежнаго края Россійской Лапландіи, который отчасти мы посѣтили, отчасти непрерывно слѣдили съ судна. Но конечно страна не вездѣ была совершенно одинакова и тундра у *Трехъ острововъ* (на восточномъ берегу, подъ 67° Широты), въ которой мы проникли на двѣ мили до деревни Поноя, нѣсколько различествуетъ отъ той, которую мы видѣли близъ Пялицы и Сосновца, менѣе рѣзко раздѣляясь, особенно на берегу, на мшистую и лишаистую тундру, но тѣмъ болѣе изобилуя дернообразно раскинутыми коврами, сотканными изъ Diapensia lapponica, Arbustus alpina, Azalea procumbens, Empetrum nigrum и верескомъ. Скалы, менѣе покрытыя здѣсь землею и органическими останками, часто выступали изъ-подъ этого покрова. Я считаю эту тундру, въ которой вовсе недоставало деревъ и гдѣ самый ивнякъ былъ рѣже и мельче, не столько развившеюся, какъ лежащія далѣе на Югъ и Западъ. — Только близъ Сосновца у береговъ видны деревья.

Дальнѣйшее исчисленіе мелочныхъ мѣстныхъ разностей только изгладило бы начертанную здѣсь картину посѣщеннаго нами прибрежнаго края, не придавъ

ей болѣе вѣрности. Вообще страна сія, не возвышаясь далеко надъ моремъ, принадлежитъ, со всѣми ея мелочными видоизмѣненіями, къ тому разряду Лапландскихъ мѣстностей, который Валенбергъ называетъ подъ-Альпійскимъ. Такой же точно характеръ имѣетъ и весь Сѣверный берегъ Бѣлаго моря при Колѣ, большую часть котораго мы видѣли мимоѣздомъ на возвратномъ плаваніи. Непосредственная близость моря придаетъ такой же характеръ даже берегу Норвежской Лапландіи. Но только здѣсь онъ скоро оттѣняется, принимая физіогномію Альпійскихъ или лѣсистыхъ странъ. Особенное же отличіе Россійскаго полуострова, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, состоитъ въ томъ, что свойство прибрежной полосы продолжается далеко въ глубину страны безъ значительныхъ измѣненій. Только развѣ глубоко внутри находится лѣсистая страна, откуда жители береговъ привозятъ свой строевой лѣсъ. Высокихъ горныхъ кряжей, каковые попадаются въ Скандинавской Лапландіи, нѣтъ въ Русской, и самыя большія рѣки *Понои* и *Варсуга* обѣ истекаютъ изъ одного возвышеннаго болота во внутренности страны. Лишь на западной границѣ встрѣчаются послѣднія слабыя отлогости Скандинавскихъ горъ. Хребты же, которыми на иныхъ картахъ украшена Восточная половина Россійской Лапландіи, кажется, заимствованы изъ одного только воображенія. На посѣщенныхъ нами пунктахъ не было видно ни малѣйшихъ слѣдовъ хлѣбопашества, хотя имъ, какъ говорятъ, занимаются далѣе на Западъ около Кандалакскаго залива и въ Норвегіи съ довольнымъ успѣхомъ еще подъ 71° Широты. Вмѣсто полей мы видѣли близъ Пялицы небольшія отгороженыя луговыя пространства, гдѣ собираютъ нѣсколько сѣна для малаго числа содержимыхъ жителями коровъ.

Сколько въ этихъ Широтахъ мѣстность оказываетъ вліянія на прозябаемость, этому мы видѣли разительные примѣры на высокомъ склонѣ морскаго берега близъ *Трехъ Островов* и на берегахъ рѣки Поноя. Мѣста сіи послужили намъ къ большему познанію Новой Земли, составляя поучительныя среднія звенья между сею страною Сѣвера и Сѣверными берегами Бѣлаго моря. Глубоко врѣзанный берегъ Трехъ Островъ, 10 (22) Іюля представлялъ намъ въ своихъ бухтахъ еще значительныя массы снѣга, между которыми живо зеленѣлись и пестрѣли цвѣтами выдающіеся мысы, подверженные лучамъ солнца. Водящаяся здѣсь въ большомъ множествѣ чемерица блѣдноцвѣтная (Veratrum album) съ многолиственнымъ стеблемъ, уже выросла на 1¼ фута и была близка къ цвѣтенію, а желтоголовъ Европейскій (Trollius europaeus) былъ почти въ полномъ цвѣтѣ. Даже плоская земля не много пониже поверхности была разогрѣта до 5° Реомюра, а отдѣльныя выдавшіяся части берега и еще болѣе, въ различныхъ степеняхъ. Обратясь отъ сихъ выдавшихся мѣстъ къ сосѣдственнымъ снѣжнымъ массамъ, мы въ малыхъ разстояніяхъ замѣтили пониженіе температуры до 0° и въ той же мѣрѣ запозданіе прозябаемости, такъ, что въ двухъ саженяхъ отъ снѣга чемерица блѣдноцвѣтная (veratrum album) выказывалась изъ земли не выше одного дюйма. По возвращеніи нашемъ, 8 (20) Сентября, мы застали не только весь снѣгъ растаявшимъ, но и выше сказанную покатость почти равномѣрно зеленѣющею. Только въ вогнутыхъ углахъ мы нашли еще бѣлую чемерицу (veratrum album) и желтоголовъ (Trollius europaeus) цвѣтущимъ или уже отцвѣтающимъ; однако разность въ прозябеніи очень уменьшилась съ того времени, какъ почва приняла болѣе равномѣрную температуру, и требовалось нѣкотораго вниманія, чтобы замѣтить ее. — Гораздо значительнѣе и долго-

временнѣе оказалась сія разность на высокихъ берегахъ Поноя, тамъ, гдѣ они имѣютъ разное направленіе къ полуденному солнцу. Рѣка Поной протекаетъ по ущелію, которымъ флецовый хребетъ образующій Восточную сторону Лапландіи, расщеленъ до уровня моря. Тамъ, гдѣ скаты сей долины, доходящіе до высоты 200 футовъ, направлены къ Югозападу и Сѣверовостоку, какъ близъ романтически расположенной деревни Поной, вся форма прозябенія на обѣихъ сторонахъ весьма различна. На склонѣ, направленномъ къ Сѣверовостоку, мы нашли еще очень обширныя массы снѣга, который въ иной годъ, говорятъ, не вовсе таетъ, а на ранѣе очищенныхъ мѣстахъ едва нѣсколько низкихъ кустарниковъ, напротивъ же того много камнеломковыхъ растеній (saxifrageae), viola biflora, Menziesia coerulea, Cerastium alpinum, Lycopodium alpinum, однимъ словомъ Флору, занимавшую средину между Альпійскою и подъ-Альпійскою. Съ противной стороны видны были не только роскошные и многоразличные кусты, но и стройныя березы, которыя не попадаются на всей тамошней тундрѣ, и сверхъ того большое разнообразіе хорошо развитыхъ растеній, изъ коихъ многія были въ полномъ цвѣтѣ. Сію покатость можно было бы почесть Лифляндскою, если бы березы были въ совершенномъ своемъ ростѣ. Но здѣсь и термометръ показывалъ 17° Реом. надъ поверхностью земли и самая почва въ верхнемъ ея слоѣ была разогрѣта свыше 10°. На другой сторонѣ рѣки, далеко отъ снѣжныхъ массъ и уже на подошвѣ долины, я нашелъ только 5°, да и эта температура вѣроятно возвысилась въ слѣдствіе теплаго, весьма обильнаго дождя, выпавшаго за 10 часовъ передъ тѣмъ. Сія разность обѣихъ сторонъ исчезаетъ тамъ, гдѣ рѣка перемѣняетъ свое направленіе.

Къ сожалѣнію, я въ посѣщенныхъ нами частяхъ Лапландіи не видѣлъ ни одного источника, который

не имѣлъ бы значительныхъ притоковъ или отъ поверхности земли или отъ снѣжныхъ массъ, и по недостатку средствъ проникнуть далѣе нѣсколькихъ футовъ глубины не могъ производить изслѣдованій надъ среднею температурою почвы, для сличенія съ наблюденіями, собранными Валенбергомъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что Россiйская Лапландія можетъ по большей части почесться флецовою страною. Состояніе утесистаго черепа, образующаго ея основу, Г. Леманнъ, геогностъ экспедиціи, описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣсколько верстъ на Югъ отъ деревни Пялицы впервые показывается утесъ, но въ тѣсномъ объемѣ. Возвышаясь лишь нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря, онъ покрытъ железистымъ глинистымъ пескомъ и такъ расщеленъ, что трудно пріискать пунктъ, съ котораго можно было бы точно опредѣлить его протяженіе и склоненіе.

«Слои были незначительной толщины. Просвѣчивающій красноватый альбитъ образовалъ главную его составную часть, съ малою только примѣсью кварца и роговой обманки. Другіе пласты, между ими пролегавшіе, состояли изъ кристаллизованной роговой обманки съ небольшою примѣсью зернистаго кварца и кристалловъ полеваго шпата. Не рѣдко прожилки чрезвычайно крупнозернистаго гранита, толщиною отъ 2—3 фут., но часто и тоньше, выступали между сими слоями сіенита. Эта же самая горнокаменная порода образуетъ также берега и русло рѣчки, протекающей посреди деревни и ниспадающей въ море съ огромныхъ утесовъ. — Весь островъ Сосновецъ есть утесъ, покрытый тонкою оболочкою мховъ и лишаевъ. Это тотъ же самый сіенитъ, который мы наблюдали близъ Пялицы; но иногда слои его принимаютъ также и черную слюду, какъ существенную, и зеленый лучи-

стый камень, какъ побочную примѣсь, уподобляясь гнейсу. Они стоятъ почти вертикально и пересѣкаются не гранитомъ, а большими жилами кварца, по большей части довольно толстыми. — *Три Острова* составлены изъ огромныхъ массъ сѣроватаго, въ разныхъ направленіяхъ расщеленнаго кварцоваго утеса. Горная сія порода имѣетъ вездѣ правильное расположеніе пластовъ. Направляясь на W S W къ прелестной деревнѣ Поной, скоро видишь кварцовые слои измѣняющіеся на хлоритовый известковый шиферъ; далѣе сія послѣдняя горнокаменная порода выступаетъ изъ тундръ въ большихъ массахъ, толстыми слоями съ волокнистымъ изломомъ. Потомъ слѣдуетъ сѣрая вака, происшедшая изъ обѣихъ горнокаменныхъ породъ. Высокіе склоны Понойской долины состоятъ изъ мелкозернистаго гранита.»

До самаго устья рѣки Поной утесъ только на немногихъ пунктахъ берега выказывается изъ-подъ земли. Но въ этомъ мѣстѣ берегъ утесистъ, равно какъ и весь Восточный берегъ и большая часть Сѣвернаго берега Лапландіи. Отсюда-то начинается также болѣе обильное прозябеніе морскихъ травъ, которыя мы, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ породъ, доселѣ находили только коегдѣ прибитыми къ берегу. Но у Трехъ Островов мы увидѣли ихъ растущихъ въ чрезвычайномъ изобиліи. Я различилъ 13 породъ, и въ числѣ ихъ Fucus digitatus въ колоссальныхъ образцахъ 12, а Fucus sacharinus почти 18 футовъ длины. Какъ разность прилива и отлива составляетъ здѣсь почти пять саженъ, то этотъ пунктъ весьма благопріятенъ для собиранія морскихъ травъ. Въ семъ лѣсу морскихъ растеній живутъ также многочисленныя низшія морскія животныя различнаго вида, которыхъ было такъ мало на прежде посѣщенныхъ пунктахъ. Но, къ сожалѣнію, вѣтеръ, дотолѣ насъ задерживавшій, сдѣлался слишкомъ рано благопріятнымъ

для дальнѣйшаго плаванія, и чтобы не потерять времени для изслѣдованій на Новой Землѣ, мы должны были пожертвовать всѣмъ прочимъ.

Вообще Академiк извѣстно, что наше пребываніе на Бѣломъ морѣ было только принужденное. Но и въ случаѣ, если бы Фауна и Нереида Бѣлаго моря были особенною задачею нашей экспедиціи, то затруднились бы по доселѣ вышедшимъ сочиненіямъ выбрать благопріятные пункты для собиранія растеній. Извѣстно, что утесистые берега обильнѣе песчаныхъ, но первыми рѣдко можно пользоваться, потому что мореходцы избѣгаютъ ихъ, если нѣтъ по близости хорошихъ якорныхъ мѣстъ. Для того я очень радъ, что могу указать будущимъ розыскателямъ на *Три Острова*, какъ особенно благопріятный пунктъ для изслѣдованій этого рода. Утесистые оплоты и хорошее якорное мѣсто дѣлаютъ сію гавань весьма безопасною, и по открытому ея положенію на Югъ и Сѣверъ можно тутъ входить и выходить почти съ каждымъ вѣтромъ. Сильный отливъ не только обнажаетъ морскія травы, но и нѣкоторыя скалы, на которыхъ всегда остаются морскія животныя. — Другою благопріятною для Естествоиспытателей страною долженъ быть утесистый и богатый бухтами заливъ Кандалакскій. Но входъ въ него и выходъ затруднителенъ. Также знаменитый по своему монастырю, утесистый Соловецкій островъ, судя по собраннымъ о немъ извѣстіямъ, долженъ быть благопріятнымъ пунктомъ. Напротивъ же того утѣсистая часть Западнаго берега, по видимому, не имѣетъ хорошаго якорнаго мѣста, и суда обыкновенно пристаютъ здѣсь въ устьяхъ рѣкъ.

Бѣлое море было бы достойно и самостоятельнаго изслѣдованія. Почти отовсюду заключенное сушею, оно однако не имѣетъ свойства моря, окруженнаго землею, каковы Балтійское и Средиземное, ибо приливъ

и отливъ довольно значительны, и замѣтны далеко въ рѣку Двину, а въ тѣснинѣ между Бѣлымъ моремъ и Океаномъ такъ высоки и быстротечны, какъ рѣдко въ другихъ мѣстахъ, очевидно потому, что чрезъ это здѣсь приходитъ и опять стекаетъ вся вода, потребная для уравненія всей поверхности. Количество содержащейся въ водѣ соли, судя по вкусу, такое же, какъ и въ Ледовитомъ морѣ. Для точнѣйшаго химическаго изслѣдованія мы взяли съ собою флягу этой воды. Но во всякомъ случаѣ она соленѣе воды Балтики и изъ нея добывается поваренная соль въ большихъ количествахъ и съ значительною выгодою. Отъ того-то Бѣлое море, не взирая на Сѣверное его положеніе, гораздо обильнѣе морскими животными, нежели Балтійское, хотя въ этомъ отношеніи далеко отстоитъ, по видимому, отъ Средиземнаго.

Я возвращаюсь къ Лапландіи, чтобы поговорить еще о тамошнемъ мірѣ животныхъ. Самая тундра, кажется, обитаема только немногими звѣрями. Даже слѣдовъ пеструшекъ (Lemmus) мы нашли гораздо менѣе, чѣмъ послѣ на Новой Землѣ (*). Въ бѣлыхъ лисицахъ нѣтъ недостатка; мѣха ихъ вмѣстѣ съ бобровыми и выдровыми составляютъ статью отпуска. Число морскихъ птицъ возрастаетъ тамъ, гдѣ берегъ становится утесистымъ, особенно замѣтна тамъ кайра свистунъ (Uria grylle), но конечно не льзя ожидать на Южномъ и Восточномъ берегу Лапландіи такого числа и разнообразія, какъ на берегахъ и островахъ Норвегіи. На тундрѣ мы видѣли только весьма мало птицъ, водящихся на сухомъ пути. Уже лѣса на Югъ и Сѣверъ отъ Архангельска являютъ такое разительное уменьшеніе числа пѣвчихъ птицъ, что даже въ

(*) Я полагаю, что пеструшки должны быть многочисленнѣе на Сѣверномъ берегу.

прекрасныя весеннія утра кажутся страннику какъ бы безгласными, и окликъ кукушки, слышный еще за 66° Широты, дѣлается тѣмъ разительнѣе. Но, не смотря на рѣдкость пѣвчихъ птицъ, число куриныхъ въ Архангельскихъ лѣсахъ и болотахъ еще такъ значительно, что изъ этой отдаленной области получается большая часть огромнаго потребленія столицъ. Въ Лапландіи, по видимому, и эти птицы очень вывелись, кромѣ развѣ мало уважаемыхъ бѣлыхъ куропатокъ. По оффиціальнымъ донесеніямъ, покупатели дичи въ Архангельской Губерніи платятъ ежегодно около 20,000 рублей. Изъ этой суммы. на Кольскій Уѣздъ приходится менѣе 100 рублей. Причиною такой разницы не льзя полагать большое разстояніе, потому что тою же дорогою, которою идутъ 100 рублей, могли бы еще легче итти 1000, и Мезенскій Уѣздъ, самый отдаленный къ Востоку, ежегодно достаетъ отъ продажи дичи до 6000 рублей. Но конечно малая населенность Лапландіи дѣйствуетъ на уменьшеніе звѣринаго промысла.

Изъ земноводныхъ мы не видѣли ничего, кромѣ живородной ящерицы, Lacerta vivipara, Jacq. (crocea Wolf), которую довольно часто ловили уже у *Зимнихъ горъ*, а напротивъ того *прыткая ящерица* (Lacerta agilis) намъ вовсе не попадалась. Первая изъ сихъ породъ, которую Жакенъ (Jacquin) впервые нашелъ на Австрійскихъ Альпахъ, видно такъ же распространилась, какъ и множество растеній, которыя на Югѣ попадаются на отдѣльныхъ горныхъ высотахъ, а въ высшихъ Широтахъ водятся на равнинахъ (*). Змѣи извѣстны на всемъ Западномъ берегу Бѣлаго моря,

(*) Я только теперь усматриваю, что Криницкій въ Литвѣ часто находилъ этотъ родъ ящерицы (Bulletin de la Societé Imperiale des Naturalistes de Moscou. Ann. 1837. No III, p. 5). Въ Пруссіи, напротивъ того, она попадается гораздо рѣже, нежели ящерица прыткая.

но попадаются ли они также въ Россійской Лапландіи, объ этомъ я не могъ узнать ничего положительнаго. Даже лягушекъ мы во время нашего посѣщенія нигдѣ не видали (*). Прѣсноводныхъ моллюсковъ, по крайней мѣрѣ въ это время года, когда рѣки и озера были еще очень холодны, мало было замѣтно. Но ловля насѣкомыхъ оказалась обильнѣе, и Г. Леманъ, въ особенности занимавшійся ею, полагаетъ до точнѣйшаго сличенія, что нашелъ здѣсь нѣсколько видовъ, до того времени не встрѣченныхъ въ Шведской Лапландіи.

Равнымъ образомъ и населенность въ Россійской Лапландіи весьма незначительна. Русскіе, за исключеніемъ почтовой дороги въ Колу, живутъ только по морскому берегу въ становищахъ, далеко отстоящихъ одно отъ другаго, а по Сѣверному берегу моря только въ городкѣ Колѣ, по Южному же въ нѣсколькихъ селеніяхъ, всего многолюднѣе около Кандалакскаго залива. Внутренность страны скудно обитаема скитающимися по тундрѣ Лопарями, но и они лѣтомъ собираются у береговъ для рыбнаго промысла; вообще здѣсь не суша, а море даетъ пропитаніе народонаселенію, а особенно Русскому. Суша только питаетъ оленя, который конечно составляетъ обыкновенную мясную пищу Русскихъ жителей и удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ Лопарей, пока они не познакомились съ Европейскимъ бытомъ. Русскій напротивъ того живетъ въ Лапландіи не бѣднѣе, а можетъ быть даже и роскошнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Имперіи, исключая развѣ то, что онъ употребляетъ болѣе овсяный и ячменный, нежели ржаной хлѣбъ, и деревня Поной, которая три четверти года погружается въ снѣга въ утесистомъ оврагѣ, безъ всякаго слѣда полей, луговъ

(*) Уже о Шведской Лапландіи, которая имѣетъ страны болѣе благопріятныя, чѣмъ Россійская, Линней говоритъ, что въ ней вовсе недостаетъ лягушекъ.

или лѣсу, казалась, за исключеніемъ нѣсколькихъ хижинъ Лопарей, заведенныхъ по видимому болѣе для жительства скота, чѣмъ человѣка, лучше построенною нежели большая часть деревень на большой дорогѣ между Стрѣльною и Нарвою. Роскошь и промышленость главныхъ городовъ даетъ Русскимъ возможность проживать въ Лапландіи, вымѣнивая произведенія моря на хлѣбъ посредствомъ Архангельскаго порта и Шунгской ярмонки. — Около исхода зимы, когда приходятъ въ движеніе льды Бѣлаго моря, множество тюленей собирается на Южномъ берегу Лапландіи, а особенно Гренландскій тюлень (Phoca groenlandica) приходитъ огромными стадами изъ Ледовитаго моря, и промышленики отыскиваютъ и убиваютъ его на пловучихъ льдинахъ на такъ называемой весновальной ловлѣ, которая по своимъ опасностямъ можетъ равняться только съ ловлею птицъ на Шетландскихъ и Оркадскихъ островахъ. Весною Сѣверный лосось (Salmo nobilis, Pall.) густыми стаями заходитъ въ рѣки, а лѣтомъ Сѣверный берегъ Лапландіи доставляетъ столько трески и палтусины, что ловлею ихъ занимаются не только жители Лапландіи; но и часть прочихъ обитателей Бѣлаго моря, если они не предпочитаютъ плыть къ еще обильнѣйшимъ рыбою берегамъ Норвегіи, для ловли тѣхъ же самыхъ рыбъ, а еще чаще для вымѣниванія ихъ на хлѣбъ. Всѣ эти отрасли промышлености соединены съ большими опасностями, а потому естественно, что Русскій въ Лапландіи, почти ежедневно отваживая жизнь свою для своего прокормленія, дѣлаетъ также болѣе притязаній на настоящее, нежели земледѣлецъ во внутренности Государства. Этимъ самымъ объясняется, какъ мы со всѣми нашими сопутниками, послѣ утомительнаго перехода по тундрѣ, на которой совсѣмъ перемокли отъ сильнаго проливнаго дождя, прибывъ въ Понойское ущеліе, въ жилище крестьянина,

вовсе не имѣвшаго пашенъ, не только могли возстановить свои силы, но даже встрѣтили роскошное угощеніе. Вымывшись въ удобной банѣ, мы въ веселой просторной, не только опрятной, но даже красиво убранной избѣ нашли болѣе постельнаго бѣлья и удобствъ, нежели намъ нужно было. Не было недостатка ни въ чаѣ, и притомъ самаго отборнаго сорта, ни во всѣхъ къ нему принадлежностяхъ, какъ то сахарѣ и ромѣ, ни въ красивомъ самоварѣ и потребной фарфоровой посудѣ, ни на другое утро въ фаянсѣ для сытнаго завтрака, состоявшаго изъ многихъ блюдъ. Нашъ хозяинъ правда слылъ однимъ изъ богатѣйшихъ жителей того мѣста, но и прочіе обитатели, которыхъ мы видѣли собравшимися на другое утро, отнюдь не показывали вида скудости.

2.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О состояніи нѣкоторыхъ Германскихъ Университетовъ. — Въ теченіе шестимѣсячнаго Академическаго курса въ 1837—38 годахъ, въ *Берлинскомъ Университетѣ* читали публичныя лекціи 143 Преподавателя, въ томъ числѣ: по Богословскому Факультету 5 Ординарныхъ, 4 Экстраординарныхъ Профессора и 3 Лектора (Privat-Docenten); по Юридическому Факультету: 7 Ординарныхъ, 1 Экстраординарный Профессора и 6 Лекторовъ; по Медицинскому Факультету: 15 Ординарныхъ, 10 Экстраординарныхъ Профессоровъ и 15 Лекторовъ; по Философическому Факультету: 24 Ординарныхъ, 27 Экстраординарныхъ и 25 Лекторовъ и Академиковъ. Сверхъ того читалъ Юридическія лекціи извѣстный Кенигсбергскій Профессоръ Докторъ Дирксенъ. — Число Студентовъ простиралось въ этомъ шестимѣсячномъ курсѣ до 1670, а именно: по Богословскому 430 (въ томъ числѣ 109 иностранцевъ), по Юридическому 496 (въ томъ числѣ 109 иностранцевъ), по Философическому 363 (въ томъ числѣ 105 иностранцевъ), по Медицинскому 381 (въ томъ числѣ 122 иностранца). Сверхъ того было до 430 частныхъ слушателей, Хирурговъ, Фармацевтовъ и Воспитанниковъ другихъ Заведеній, всего 2,100 челов.

Лейпцигскій Университетъ. Въ Лейпцигскомъ Университетѣ считается по Богословскому Факультету

6 Ординарныхъ, 9 Экстраординарныхъ Профессоровъ и Кандидатовъ; по Юридическому 6 Ординарныхъ, 4 Экстраординарныхъ Профессоровъ и 11 Лекторовъ; по Медицинскому 9 Ординарныхъ, 8 Экстраординарныхъ Профессоровъ и 12 Лекторовъ; по Философическому: 13 Ординарныхъ, 8 Экстраординарныхъ Профессоровъ и 14 Лекторовъ.

Въ *Іенскомъ* Университетѣ было въ прошломъ 1837 году 413 слушателей, а именно: 175 по части Богословія, 114 по части Правовѣдѣнія, 71 Медиковъ и 52 по Философскому Факультету.

Въ *Боннскомъ* 689 Студентовъ; изъ нихъ 184 по части Богословія, 204 по Юридическому, 111 по Философскому, а прочіе по Медицинскому Факультетамъ.

Въ *Бреславльскомъ* 721 Студентъ, а именно: по части Богословія 349, по части Правовѣдѣнія 118, по Медицинскому Факультету 128, по Философскому 126; сверхъ того посѣщало публичныя лекціи 107 человѣкъ вольныхъ слушателей.

Новый способъ отопленія. — Нѣкто Г. Комбервиль изобрѣлъ новый, весьма дешевый способъ отопленія. Это бронзовый аппаратъ, въ видѣ урны на двухъ ножкахъ: вышина его въ 8 футовъ діаметра; въ средину вставляютъ трубку съ клапаномъ вверху для опредѣленія жара. Когда сжигаемое вещество, положенное въ урну зажжено, то бываетъ ровная теплота, продолжающаяся отъ 24 до 30 часовъ; издержки же для того, чтобы какъ слѣдуетъ нагрѣть большую комнату, около 20 су. Опыты оправдали это изобрѣтеніе вездѣ, гдѣ только былъ введенъ сей аппаратъ, въ Обществѣ Садоводства, въ Архитектурномъ заведеніи и во многихъ другихъ публичныхъ заведеніяхъ въ Лондонѣ. Важность изобрѣтенія заключается въ составѣ сжигаемаго вещества, которое полагаютъ состоитъ

изъ угля, извести для уничтоженія угольной кислоты, и еще изъ одного вещества, которое до сихъ поръ было тайною. Съ этимъ аппаратомъ нечего бояться ни дурнаго запаха, ни дыма, ни пожара. Изобрѣтатель хлопочетъ о полученіи привилегіи въ Англіи и другихъ сосѣднихъ странахъ, и его способъ скоро будетъ извѣстенъ.

ПРОВЕДЕНІЕ КАНАЛА ЧРЕЗЪ ПАНАМСКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ. — Достойно замѣчанія, что въ одно и то же время стараются сократить путь въ Индію на обоихъ Полушаріяхъ; предпріимчивый духъ человѣка силится уменьшить разстояніе, оставивъ Мысъ Горнъ, подобно тому, какъ хотятъ оставить въ скоромъ времени Мысъ Доброй Надежды. Проведеніе канала чрезъ Панамскій перешеекъ теперь уже не одно только предположеніе, котораго исполненіе могли бы задержать другія нужды. Начало уже сдѣлано, и еслибъ не холера, опустошившая тамошнюю страну, работы были бы скоро кончены; впрочемъ увѣряютъ, что онѣ будутъ приведены къ концу въ будущемъ году. Вотъ путь канала, предначертанный въ проектѣ: отъ устья рѣки Св. Іоанна Никарагва, въ Антильское море, восходятъ до озера того же имени; разстояніе простирается на 130 миль. Оттуда чрезъ сіе озеро, проѣзжаютъ къ городу Никарагва, совершая 97 миль. Отъ сего города до Порьетто, въ Парагвайскомъ заливѣ (Тихаго Океана) проѣзжаютъ 16 миль. И того, длина всего канала будетъ простираться на 243 мили.

ПРОФЕССОРЪ СМИРНОВЪ. — Демидовскій Лицей 27 минувшаго Генваря лишился заслужившаго общее уваженіе по своимъ достоинствамъ и познаніямъ Профессора Василія Саввича Смирнова. Онъ умеръ въ цвѣтущей порѣ жизни, 27 лѣтъ.

Смирновъ родился 25 Генваря 1811 года; воспитывался въ Московскомъ Университетѣ; въ 1829 году получилъ званіе Кандидата Физико-Математическихъ Наукъ и служилъ потомъ въ Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. По конкурсу, объявленному Совѣтомъ Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища (что нынѣ Лицей) на каѳедру Физики, Химіи и Технологіи, Смирновъ представилъ свои сочиненія, по одобреніи коихъ 25 Генваря 1833 года утвержденъ былъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Профессоромъ этихъ Наукъ при Лицеѣ.

Изъ сочиненій его замѣчательна «Рѣчь о положительномъ знаніи», сказанная имъ 15 Генваря 1836 года, въ торжественномъ собраніи Лицея. Много переводныхъ и собственныхъ его статей помѣщено въ разныхъ журналахъ. Можно было ожидать отъ него многаго, и дарованія его ручались за исполненіе прекрасныхъ надеждъ. Въ началѣ Декабря онъ занемогъ простудою, которая быстро перешла въ нервическую горячку, и смерть похитила его среди полезныхъ трудовъ и предпріятій.

Выраженіе скорби во время болѣзни покойнаго и по кончинѣ его было всеобщее. Студенты Лицея наперерывъ старались доказать, какъ имъ дорога память его и сколько они питали къ нему благодарности. Профессоръ Русской Словесности и Древняго Краснорѣчія въ Лицеѣ, Г. Зиновьевъ, и Протоіерей Лицейской церкви, Профессоръ Философіи и Законоучитель Троицкій, произнесли трогательныя Слова при его погребеніи. Краткая, но поучительная жизнь покойнаго, служила обильнымъ предметомъ ихъ надгробныхъ бесѣдъ къ юношеству, пораженному внезапнымъ лишеніемъ любимаго Наставника.

КОНЕЦЪ СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія Правительства.

1. Высочайшія Повелѣнія съ 1-го Декабря 1837 года по 1-е Марта 1838 года.

1838.

2. Министерскія распоряженія съ 1-го Декабря 1837 года по 1-е Марта 1838 года.

1838.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность и Науки.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія о Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ въ Россіи.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Новости и Смѣсь.

1. Путешествія.

2. Библіографія.

Новыя книги, изданныя въ Россіи.

3. Журналистика.

4. Разныя извѣстія.

При сей Части приложена *Карта успѣховъ народнаго обученія въ Россіи.*

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

ФЕВРАЛЬ 1838.

I. *Азбуки.*

74) Elementarz Polsko-francusko-niemiecki dla dzieci, piąte wydanie. Wilna. Josef Zawadzki własnym nakładem. 1838. 70 стр. in-12°.

II. *Грамматики.*

75) Grammaire française préparatoire en quarante exercices, accompagnée de tout ce qui peut faciliter aux commençans la conjugaison de toutes les espèces de verbes, en les employant toujours au temps convenable; suivi du vocabulaire de tous les verbes usuels avec la traduction du présent de leur infinitif en Russe, en Allemand et en Anglais, par Ch. de St. Hilaire, auteur de la Grammaire en 36 leçons à l'usage des Russes; du Canevas Méthodique et Chronologique de littérature ancienne et moderne, dedié à la jeunesse Russe, et de la Rhétorique des jeunes personnes dédiée à S. A. J. Madame la Grande Duchesse Alexandra Nicolaewna, 2 édition,

soigneusement corrigée à St. Petersbourg. Chez Fd. Bellizard et C. libraires-éditeurs. 1838. 99 стр. in-8°.

76) Abrégé de la Grammaire francaise, ou Extrait de la nouvelle Grammaire francaise, ouvrage mis au rang des livres classiques, et adopté pour les Colléges et les Ecoles Militaires, pour remplacer les Elémens de la Grammaire de Lhomond par M. Noel et M. Chapsal, dix-septième édition. Moscou. Chez A. Semen. 1837. 99 стр. in-12°.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

77) Книга для чтенія на Французскомъ языкѣ Ф. Гедике, съ краткимъ Словаремъ Французско-Россійско-Польскимъ. Wypisy francuskie przez F. Gedike z dodatkiem Słownika Francusko-Rossyjsko-Polskiego. Wilno, Nakł. i druk. J. Zawadskiego, 1838. 123 стр. in-12°.

78) Италіянско-Россійскій Словарь, составленный Павлою Криворотовою. Часть первая, А. — L. М. въ Унив. тип. 1838. 483 стр. in-16°.

IV. *Словесность.*

а) Собранія сочиненій:

79) Сочиненія Александра Пушкина. Томъ третій. С. П. Б. въ тип. Эксп. Заготовл. Госуд. бумагъ MDCCCXXXVIII, 242 стр. in-8° maj.

80) Anakreontyki i Komedija Nikodemek przez Hrabiego Marcina Krasickiego napisane. Wilno w dr. Manesa Romma. 1837. 112 стр. in-12°.

81) Rozmaitosci, fraszki, czyli co się komu podoba, przez Hrabiego Marcina Krasickiego napisane. Wilno, w Druk. Manesa Romma. 1837. IV, 154 стр. in-12°.

82) Satyry, Powieści Satyryczne i Nadgrobki przez Hrabiego Marcina Krasickiego napisane. Wilno, w Dr. Manesa Romma. 1837. 110 стр. in-12°.

b) Стихотворенія лирическаго рода:

83) Dumy Filozoficzne i Rozmaite przez Marcina Hrabiego Krasickiego. Wilno, w Dr. Manesa Romma. 1837. 69 стр. in-12°.

84) Lieder aus dem Trauerspiele Egmont, gedichtet von Göthe, komponirt von Beethoven, und Duett und Finale aus der komischen Oper: Der Schöne von Paris, gedichtet von Wohlbrück, komponirt von Dorn. Riga, въ тип. Геккера. 1838. 14 стр. in-8°.

85) Nicolo Paganini und Ole Bull. Zwei Gedichte von C. v. Holtei. Riga, въ тип. Геккера, 1838. 6 стр. in-8° min.

c) Стихотворенія повѣствовательнаго рода:

86) Душенька. Древняя Повѣсть въ вольныхъ стихахъ, съ портретомъ Автора. Изданіе второе. М. въ тип. Смирнова, 1837. 222 стр, in-32°.

87) Елена, Поэма Е. Бернета. С. П. Б. въ тип. А. Смирдина, 1838. 120 стр. in-8°.

88) Гуардъ и Вердюронъ. С. П. Б. 1838. 52 стр. in-8°.

d) Драматическія сочиненія:

89) Катерина. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ съ куплетами, переводъ съ Французскаго П. И. Степанова, представлена въ первый разъ на большомъ Императорскомъ Московскомъ Театрѣ 15 Генваря 1837 года, въ бенефисъ Г-жи Сабуровой. М. въ тип. Кирилова, 1838. 164 стр. in-12°.

90) Чертовъ Колпачекъ, или что на умѣ, то и на языкѣ. Фантастическая сказка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, заимствованная изъ Италіянскаго разсказа, переводъ съ Французскаго А***. С. П. Б. въ тип. А. Воейкова и К°. 1838. 88 стр. in-16°.

е) Повѣсти и Романы:

91) Были и Повѣсти Ушакова. Часть первая. М. въ тип. В. Кирилова, 1838. 98 стр. in-12°.

92) Саксонецъ. Повѣсть изъ походныхъ записокъ 1812 года. Переводъ съ Франц. С. Р......а. Москва, въ тип. Кирилова, 1838. 167 стр. in-12°.

93) Странный балъ. Повѣсть изъ разсказовъ на станціи, и восемь стихотвореній. Сочин. В. Олина. С. П. Б. въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1838. 108 стр. in-12°.

94) Звѣзда любви (l'Asile de l'amour). Подарокъ прелестному полу. М. въ тип. Эрнста, 1837. 57, 11 стр. in-12°.

95) Крамольники, историческій романъ изъ временъ Петра Великаго. Въ 4-хъ частяхъ. Москва, въ тип. Н. Смирнова. VI. 81, 120, 144, 160 стр. in-12°.

96) Повѣсти и разсказы, сочиненіе Платона Смирновскаго. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала Общеп. Свѣд. 1838. 143 стр. in-8°.

97) Приключеніе съ молодымъ купчикомъ въ Марьиной рощѣ. Повѣсть. М. въ тип. В. Кирилова, 1838. 44 стр. in-8°.

98) Три Повѣсти Нирконскаго. С. П. Б. въ тип. Гуттенберга, 1838. 288 стр. in-12°.

99) Русскія Сказки. Москва, въ тип. А. Евреинова, 1838. 396 стр. in-12°.

100) Amerykanka w Polsce, Romans, Część druga. St. Petersburg, w Drukarni K. Kraya. 1837. 265 стр, in-12°.

f) Разныя сочиненія;

101) Живописное Обозрѣніе. Томъ III, листы 25 по 28, съ 193 по 224 стр. in-4°.

102) Wizerunki i Rostrząsania Naukowe. Poczet nowy. Tomik dwódziesty piérwszy. Wilno. J. Zawadzki własnym nakładem. 1838. 146 стр. in-12°.

V. *Теорія Изящныхъ Искусствъ и Критика.*

103) Собраніе плановъ и фасадъ, сельскихъ и садовыхъ украшеній. Тетрадь 12. — Collection de Plans pour l'embellissement des jardins et campagnes. Cahier 12. Moscou 1838, 6 pag. in-4°.

104) Réfutation de la Physiologie du Mariage de Balsac. Vilna. Imprimerie de Marcinowski, 1838. 64 стр. in-12°.

VI. *Филологія.*

105) De Viris illustribus Urbis Romae a Romulo ad Augustum, Auctore Lhomond, cum notis et dictionario. Mosquae. Typis Universitatis. 1837. 162 стр. in-8°.

106) M. T. Cycerona Rosprawa o Stylu, pod tytułem Orator, z przyłączeniem mowy za Prawem Maniliusza, z łacinskiego na polski język przez Klemenza Zukowskiego przełożona. Wilno, drukiem J. Zawadzkiego. 1838. 129 стр. in-8°.

VII. *Философія.*

107) Опытъ Философіи Природы. Сочиненіе Кедрова. С. П. Б. въ тип. Департ. Внѣшней Торг. 1838. III и 176 стр. in-8°.

VIII. *Богословіе.*

108) Catholisches Unterrichtungsbuch zum Gebrauch der Jugend. Wilna, въ тип. Завадскаго, 1838. 18 стр. in-12°.

109) Lutterusse Katekismus. Manen omma gantu Onsa Lutterusse küssimisse, mes neilt peap, küsse taina, kea armo-lawwale lathwa minna. Tarto ja Warro-ma rahwa tullus. Tarten, въ тип. Шюнмана. 1837. 48 стр. in-8°.

IX. *Исторія.*

а) Отечественная:

110) Московскій Симоновъ Монастырь (изъ Живописнаго Обозрѣнія). Москва, въ тип. А. Семена, 1838. 22 стр. in-8°.

111) Русскія преданія, одна книжка, изданная М. Н. Макаровымъ. М. въ тип. Лазаревыхъ, 1838. VI и 102 стр. in-8°.

112) Darstellung des Feldzüges in Frankreich im Jahre 1814 von Michailowsky-Danilewsky, Kaiserlich Russischem Generallieutenant, ins Deutsche übertragen von Carl von Kotzebue. Mit drei und zwanzig Karten und Plänen. Zweiter Band. Riga und Leipzig. Verlag von Edmund Götschel. 1838. 222 стр. in-8°.

b) Всеобщая и частная разныхъ Государствъ:

113) Учебная книга Всеобщей Исторіи для юношества. Сочиненіе Заслуженнаго Профессора И. Кайданова. Древняя Исторія, отъ сотворенія Міра и происхожденія первыхъ Государствъ до переселенія народовъ и паденія Западной Римской Имперіи. Изданіе второе, исправленное. С. П. Б. въ тип. К. Крайя, 1838. XVI и 330 стр. in-8°.

114) Краткій курсъ Всеобщей Исторіи. Сочиненіе Шамбо. Переведенъ съ Французскаго, съ нѣкоторыми дополненіями и примѣчаніями къ подлиннику. Часть I. Исторія Древняя и Среднихъ вѣковъ. С. П. Б. въ тип. Морскаго Кадет. Корп. 1838. IV и 170 стр. in-8°.

115) Краткая Исторія Франціи до Французской Революціи. Сочиненіе Мишеле, Профессора Историческихъ Наукъ. Перевелъ съ Французскаго Константинъ Пуговинъ. С. П. Б. въ тип. Департ. Внѣш. Торговли, 1838. V и 329 стр. in-8°.

X. *Географія, Статистика и Путешествія.*

116) Всеобщая Географія, Заслуженнаго Профессора Зябловскаго. Часть первая. С. П. Б. въ тип. Мин. Вн. Дѣлъ, 1837. II, 132 и 22 стр. in-8°.

117) Географія Россійской Имперіи Заслуженнаго Профессора Зябловскаго. С. П. Б. въ тип. Мин. Вн. Дѣлъ, 1837. IV и 167 стр. in-8°.

118) Галерея видовъ города Пскова и его окрестностей, снятыхъ съ натуры. Часть I, издаваемая Псковскимъ Губернскимъ Землемѣромъ Ивановымъ, 1837. Псковская литографія.

119) Verzeichniss der Städte, Kirchen, Güter, Flüsse und Seen in Lievland, die im Lettischen und Ehstnischen

von der deutschen Benennung abweichen. Dorpat. 1837. 8 стр. in-4° min.

120) Путешествіе вокругъ Свѣта, составленное изъ путешествій и открытій Магеллана, Тасмана, Дампира, Байрона, Валлиса, Картере, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Блейга, Ванкувера, Дантркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Головина, Портера, Коцебу, Фрейсине, Беллингсгаузена, Галля, Дюперре, Польдинга, Бичи, Дюмонъ-Дюрвиля, Липке, Диллона, Лапласа, Мореля и проч. Издано подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, Капитана Французскаго Королевскаго флота. Съ картами и многочисленнымъ собраніемъ изображеній, гравированныхъ на мѣди, съ рисунковъ извѣстнаго Сенсона, рисовальщика, совершившаго путешествіе съ Дюмонъ-Дюрвилемъ *на Астролябіи*. Двадцать третья и двадцать четвертая тетради IV Части. Изданіе Плюшара. С. П. Б. 1837. Съ 225 по 302 стр. in-8° maj.

XI. *Математика.*

121) Записки начальныхъ основаній Алгебры, составленныя Р. П. Щиглевымъ, Адъюнктъ-Профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея. С. П. Б. въ тип. К. Вингебера, 1838. 196 стр. in-8°.

122) Уроки Чертежной Геометріи, преподаваемые вольноприходящимъ, въ Воскресной Чертежной Школѣ, учрежденной при С. Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ. С. П. Б. въ тип. К. Крайя, 1838. 21 стр. in-12°.

XII. *Военныя Науки.*

123) Военная Библіотека, съ Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской арміи. Книга шестая. С. П. Б. 1838. Съ 390 по 544 стр. in-8° maj.

XIII. *Естественныя Науки.*

124) Nouveaux Mémoires de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou, dediés à S. M. L'Empereur Nicolas I. Tome V, avec 16 planches, formant le Tome XI de la Collection. Moscou, de l'Imprimerie d'Aug. Semen, 1837. 433 стр. in-4°.

125) Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou, année 1838, N° I. Moscou, de l'Imprimerie d'Aug. Semen, 1838. 105 стр. in-8°.

126) Catalogue des plantes du jardin de Mr. de Kwitka situé a Osnowa, aux environs de Kharcow. Charcoviæ, Typis Universitatis 1837. 37 стр. in-8°.

XIV. *Сельское Хозяйство и Технологія.*

127) Лексиконъ Городскаго и Сельскаго Хозяйства, содержащій въ себѣ собраніе по азбучному порядку общихъ и частныхъ свѣдѣній, открытій и улучшеній во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, какъ-то: въ земледѣліи, огородничествѣ, садоводствѣ, лѣсоводствѣ, скотоводствѣ, птицеводствѣ, пчеловодствѣ, шелководствѣ, звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ; въ поваренномъ, дестиллаторскомъ и кондитерскомъ искусствахъ; въ винодѣліи, винокуреніи, медовареніи, пивовареніи, уксусодѣланіи, сахаровареніи, мыловареніи, въ леченіи обыкновеннѣйшихъ болѣзней домашними лекарствами; въ разныхъ ремеслахъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту, въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ строеній, въ экономическихъ пособіяхъ замѣнять фабричные или иностранные дорого стоющіе предметы, и во всемъ, что входитъ въ кругъ хозяйственныхъ занятій и можетъ способствовать къ пріумноженію достатка; съ присовокупленіемъ, гдѣ нужно, изъясненій изъ Есте-

ственной Исторіи, Физики и Химіи, и поясненій рисунками. Составленный Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Двигубскимъ, Томъ осьмый, Р—С. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1838. 428 стр. in-8°.

128) Новооткрытый способъ превращать въ короткое время простыми домашними средствами, почти безъ малѣйшей потери топильнаго матеріала, картофель въ самую чистую патоку, замѣняющую въ домашней экономіи сахаръ, изобрѣтеніе Химика Бруларда де Морле, получившаго привиллегію на выдѣлываніе патоки. Изданіе второе. М. въ тип. В. Кирилова, 1838. 7 стр. in-8°.

129) Новооткрытый, многократно испробованный и физическими опытами доказанный способъ, осушать безъ малѣйшихъ издержекъ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всякое сырое дерево, такъ что его можно потомъ употреблять въ дѣло и на немъ въ продолженіе работы и послѣ не дѣлается никакихъ трещинъ и щелей. Изданіе второе. М. въ тип. Кирилова, 1838. 1 листъ.

XV. *Медицина.*

130) Кровообращеніе, разсматриваемое въ человѣческомъ зародышѣ и сравнительно въ зародышахъ первыхъ четырехъ классовъ или животныхъ позвоночныхъ. Сочиненіе М. Сентъ-Анжа, переводъ съ Французскаго, съ гравированною картиною. М. въ Университетской тип. 1838. 16 стр. in-4°.

131) Гомеопатическій экзаменъ больныхъ. Руководство, составленное преимущественно для тѣхъ, кои начинаютъ заниматься Гомеопатіею и для больныхъ, живущихъ въ отдаленіи отъ своего Врача. Переводъ съ

Нѣмецкаго. М. въ тип. Н. Степанова, 1838. IV, 96 и 11 стр. in-8°.

132) De cranii neonatorum fracturis, partu naturali effectis. Dissertatio inauguralis quam consensu et auctoritate Amplissimi medicorum Ordinis in Universitate Caesarea literarum Dorpatensi ad gradum Doctoris Medicinae rite adipiscendum scripsit atque publice defendet auctor Fridericus Siegel Saxo. Dorpati Livonorum, въ тип. Шюнманна. MDCCCXXXVIII. 36 стр. in-8°.

133) Новооткрытая тайна къ пріобрѣтенію превосходной памяти, такъ, что все слышанное и читанное можно помнить чрезъ самое долгое время, и послѣ того пересказывать почти отъ слова до слова. Изданіе второе. М. въ тип. В. Кирилова, 1838. 8 стр. in-8°.

XVI. *Смѣсь.*

134) Третья таблица, продолженіе двухъ первыхъ, представляющая, правила игоръ въ простыя шашки, съ присовокупленіемъ двухъ рецензій, помѣщенныхъ въ Библіотекѣ для Чтенія и Телескопѣ, на двѣ предыдущія таблицы. Сочиненіе Любителя Цифръ. М. въ Университетской тип. 1838. 24 стр. in-8°.

135) Извѣщеніе о Школѣ Земледѣлія и Горнозаводскихъ Наукъ и о Школѣ Практическаго Земледѣлія съ разными при оной ремеслами. С. П. Б. въ тип. К. Крайя, 1838. 23 стр. in-8°.

136) Программа Библіотеки коммерческихъ знаній о продуктахъ, издѣліяхъ и по коммерческо-статистической части. Съ приложеніемъ статей для примѣра. С. П. Б. 1837. V, 10 и 8: IV, 12, 12 и 4 стр. in-4°.

137) Четвертое прибавленіе къ Каталогу музыкальнымъ сочиненіямъ, продающимся въ музыкальномъ магазинѣ Карла Карлова Шильдбаха, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ собственномъ домѣ, подъ № 30.

Quatrième supplément au catalogue de pièces de Musique, qui se vendent au magasin de musique et d'instrumens de Charles Schildbach à Moscou. M. въ тип. Лазаревыхъ, 1838. 68 стр. in-8°.

138) Dritter Bericht der Kurländischen Sections-Comität der Evangelischen Bibelgesellschaft in Russland. Mitau. 1837, въ тип. Стефенгагена 16 стр. in-8° min.

139) Troisième Rapport de L'Hospice de la Madelaine. St. Pétersbourg de l'Imprimerie de M. Iversen, 1838. 18 стр. in-12°.

XVII. *Еврейскія книги.*

140) Пирке Дераби Эліезеръ, т. е. Главы славнаго Раби Элизера. Вильно, въ тип. Манеса Ромма, 1838. 94 стр. in-4°.

141) Ефесъ Дамимъ, т. е. Не надобно Крови, или Защищеніе Израилей отъ обвиненія, будто бы они употребляютъ Христіанскую кровь на праздникъ Пасхи. Вильно, въ тип. Манеса Ромма, 1837.

142) Obrona Jzraelitow przez Rabi Manase ben Jsrael czyli odpowiedz tegoż dana uczonemu i dostojnemu Anglikowi na kilka jego Zapytań względem niektórych Zarzutow Jzraelitom czynionych oraz Rosprawa o czynionym ludowi Starozakonnemu Zarzucie potrzeby krwi Chrzesciańskiej do jakiegoś obrządku Religijnego, czyteż do innego jeszcze użytku przez J. Tugendholda. 152 стр. in-8° min.

мыхъ тамошними Правительствами къ ихъ улучшенію. Тутъ же и донесенія пребывающихъ за границею Русскихъ воспитанниковъ объ успѣхѣ ихъ занятій при иностранныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ.

V. *Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.*

Историческія свѣдѣнія о ходѣ просвѣщенія и гражданскаго образованія въ разныхъ странахъ. Біографіи людей, на семъ поприщѣ знаменитыхъ.

VI. *Новости и Смѣсь.*

1) Путешествія; 2) извѣстія о новыхъ достопримѣчательныхъ книгахъ какъ иностранныхъ, такъ и выходящихъ въ Россіи; 3) извѣстія о ходѣ современной Журналистики; 4) извѣстія о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и разныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ ученой и учебной части.

Къ книжкамъ Журнала будутъ отъ времени до времени прилагаемы картинки, карты и проч.

Три книжки составятъ одну часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Оффиціальные акты, труды Профессоровъ всѣхъ Россійскихъ Университетовъ, всѣ лучшіе иностранные журналы, свѣдѣнія доставляемыя иностранными Корреспондентами Министерства, наконецъ Архивы и Библіотеки, находящіяся въ вѣдомствѣ его, суть источники матеріаловъ для сего Журнала. Редакція принимаетъ и отъ постороннихъ лицъ статьи, если оныя по предначертанному плану могутъ входить въ его составъ.

Подписная цѣна годовому изданію въ С. Петербургѣ 30 рублей; во всѣхъ прочихъ городахъ Имперіи 35 рублей.

Имена подписавшихся будутъ припечатываемы въ послѣдней книжкѣ года.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ у Коммиссіонеровъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, С. Петербургскихъ книгопродавцевъ братьевъ Глазуновыхъ и Смирдина, въ Москвѣ у Коммиссіонера тамошняго Университета книгопродавца Ширяева, а для жителей прочихъ городовъ Имперіи въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

При сей книжкѣ приложена *Карта успѣховъ народнаго обученія Россіи.*

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
НА 1838 ГОДЪ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія выходитъ ежемѣсячно, состоя изъ шести Отдѣленій:

I. *Дѣйствія Правительства.*

Всѣ вновь выходящія по Министерству Указы и Постановленія; важнѣйшія временныя мѣры и распоряженія; извѣстія объ опредѣленіи, перемѣщеніи, увольненіи и награжденіи разныхъ лицъ. Сіе Отдѣленіе подраздѣляется на 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія. Въ первой половинѣ года помѣстится обозрѣніе дѣйствій Правительства за истекшій годъ.

II. *Словесность, Науки и Художества.*

Оригинальныя и переводныя статьи по части Религіи, Философіи, Правовѣдѣнія, Нравоученія, Педагогики, Исторіи, Литературы, отечественнаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; взгляды на Исторію разныхъ Наукъ и на нынѣшнее состояніе оныхъ.

III. *Извѣстія о Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ въ Россіи.*

Извѣстія о трудахъ Академій, Университетовъ и Ученыхъ Обществъ, ихъ засѣданіяхъ, публичныхъ Актахъ и лекціяхъ, о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній и о частныхъ пожертвованіяхъ въ ихъ пользу.

IV. *Извѣстія объ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.*

Извѣстія о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній въ разныхъ странахъ и о мѣрахъ, употребляе-

мыхъ тамошними Правительствами къ ихъ улучшенію. Тутъ же и донесенія пребывающихъ за границею Русскихъ воспитанниковъ объ успѣхѣ ихъ занятій при иностранныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ.

V. *Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.*

Историческія свѣдѣнія о ходѣ просвѣщенія и гражданскаго образованія въ разныхъ странахъ. Біографіи людей, на семъ поприщѣ знаменитыхъ.

VI. *Новости и Смѣсь.*

1) Путешествія; 2) извѣстія о новыхъ достопримѣчательныхъ книгахъ какъ иностранныхъ, такъ и выходящихъ въ Россіи; 3) извѣстія о ходѣ современной Журналистики; 4) извѣстія о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и разныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ ученой и учебной части.

Къ книжкамъ Журнала будутъ отъ времени до времени прилагаемы картинки, карты и проч.

Три книжки составятъ одну часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Оффиціальные акты, труды Профессоровъ всѣхъ Россійскихъ Университетовъ, всѣ лучшіе иностранные журналы, свѣдѣнія доставляемыя иностранными Корреспондентами Министерства, наконецъ Архивы и Библіотеки, находящіяся въ вѣдомствѣ его, суть источники матеріаловъ для сего Журнала. Редакція принимаетъ и отъ посторонних лицъ статьи, если оныя по предначертанному плану могутъ входить въ его составъ.

Подписная цѣна годовому изданію въ С. Петербургѣ 30 рублей; во всѣхъ прочихъ городахъ Имперіи 35 рублей.

Имена подписавшихся будутъ припечатываемы въ послѣдней книжкѣ года.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ у Коммиссіонеровъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, С. Петербургскихъ книгопродавцевъ братьевъ Глазуновыхъ и Смирдина, въ Москвѣ у Коммиссіонера тамошняго Университета книгопродавца Ширяева, а для жителей прочихъ городовъ Имперіи въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Дѣйствія Правительства.*

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
НА 1838 ГОДЪ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія выходитъ ежемѣсячно, состоя изъ шести Отдѣленій:

I. *Дѣйствія Правительства.*

Всѣ вновь выходящія по Министерству Указы и Постановленія; важнѣйшія временныя мѣры и распоряженія; извѣстія объ опредѣленіи, перемѣщеніи, увольненіи и награжденіи разныхъ лицъ. Сіе Отдѣленіе подраздѣляется на 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія. Въ первой половинѣ года помѣстится обозрѣніе дѣйствій Правительства за истекшій годъ.

II. *Словесность, Науки и Художества.*

Оригинальныя и переводныя статьи по части Религіи, Философіи, Правовѣдѣнія, Нравоученія, Педагогики, Исторіи, Литературы, отечественнаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; взгляды на Исторію разныхъ Наукъ и на нынѣшнее состояніе оныхъ.

III. *Извѣстія о Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ въ Россіи.*

Извѣстія о трудахъ Академій, Университетовъ и Ученыхъ Обществъ, ихъ засѣданіяхъ, публичныхъ Актахъ и лекціяхъ, о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній и о частныхъ пожертвованіяхъ въ ихъ пользу.

IV. *Извѣстія объ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.*

Извѣстія о состояніи Ученыхъ и Учебныхъ Заведеній въ разныхъ странахъ и о мѣрахъ, употребляе-

мыхъ тамошними Правительствами къ ихъ улучшенію. Тутъ же и донесенія пребывающихъ за границею Русскихъ воспитанниковъ объ успѣхѣ ихъ занятій при иностранныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ.

V. *Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.*

Историческія свѣдѣнія о ходѣ просвѣщенія и гражданскаго образованія въ разныхъ странахъ. Біографіи людей, на семъ поприщѣ знаменитыхъ.

VI. *Новости и Смѣсь.*

1) Путешествія; 2) извѣстія о новыхъ достопримѣчательныхъ книгахъ какъ иностранныхъ, такъ и выходящихъ въ Россіи; 3) извѣстія о ходѣ современной Журналистики; 4) извѣстія о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и разныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ ученой и учебной части.

Къ книжкамъ Журнала будутъ отъ времени до времени прилагаемы картинки, карты и проч.

Три книжки составятъ одну часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Оффиціальные акты, труды Профессоровъ всѣхъ Россійскихъ Университетовъ, всѣ лучшіе иностранные журналы, свѣдѣнія доставляемыя иностранными Корреспондентами Министерства, наконецъ Архивы и Библіотеки, находящіяся въ вѣдомствѣ его, суть источники матеріаловъ для сего Журнала. Редакція принимаетъ и отъ постороннихъ лицъ статьи, если оныя по предначертанному плану могутъ входить въ его составъ.

Подписная цѣна годовому изданію въ С. Петербургѣ 30 рублей; во всѣхъ прочихъ городахъ Имперіи 35 рублей.

Имена подписавшихся будутъ припечатываемы въ послѣдней книжкѣ года.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ у Коммиссіонеровъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, С. Петербургскихъ книгопродавцевъ братьевъ Глазуновыхъ и Смирдина, въ Москвѣ у Коммиссіонера тамошняго Университета книгопродавца Ширяева, а для жителей прочихъ городовъ Имперіи въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Дѣйствія Правительства.*

II. *Науки.*

III. *Извѣстія о Ученыхъ Заведеніяхъ въ Россіи.*

IV. *Извѣстія о иностр. Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.*

V. *Новости и Смѣсь.*

